

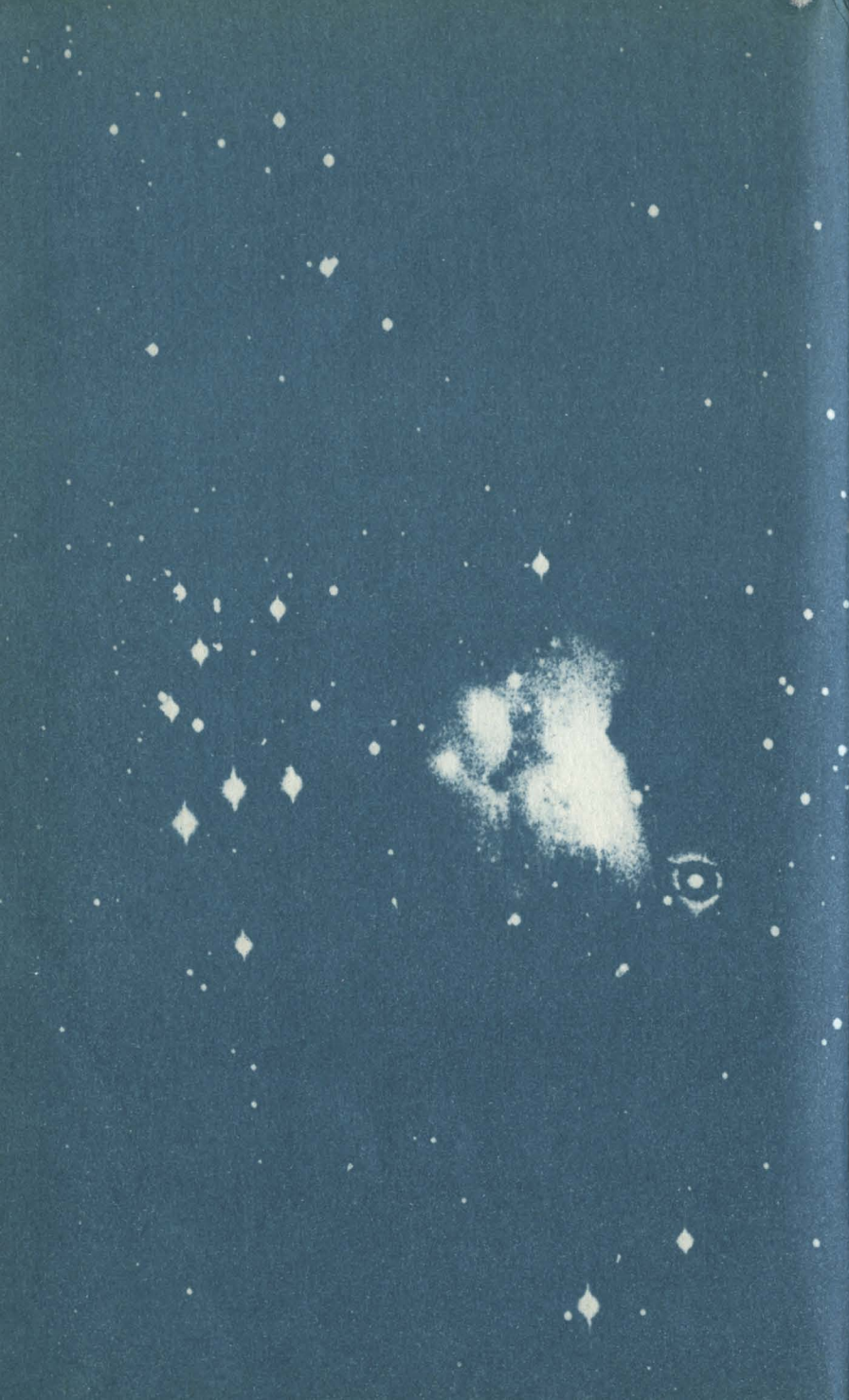
Ярость

ГЕНРИ

КАТТЕР

Ярость

ГЕНРИ

КАТТЕР

Ярость

Мир тьмы

Рассказы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

1992

Каттнер Г.

К 29 Ярость: романы, рассказы, — пер. с англ. —
СПб: Северо-Запад, 1992. — 735 с.
ISBN 5—8352—0011—0

Генри Каттнер (1915–1958) — известный американский писатель-фантаст, одно из самых ярких имен 40—50-х годов — начала «золотого века» научно-фантастической литературы США. За время своей недолгой (около двадцати лет) писательской карьеры Каттнер зарекомендовал себя как мастер различных направлений НФ. Его произведения оказали заметное влияние на последующее развитие этого жанра в Америке.

Предлагаемая книга знакомит читателя с самыми различными сторонами творчества писателя

ISBN 5—8352—0011—0

© М. Гилинский, перевод, 1992
© А. Ческоданов, перевод, 1992
© «Северо-Запад», оформление
и подготовка текста, 1992

РОМАН

МИР ТЬМЫ

ОГОНЬ В НОЧИ

Тонкая струйка дыма поднималась в темнеющее небо на севере. И вновь испытал я непонятный страх, непреодолимое желание куда-нибудь скрыться. Почему ощущения эти так долго преследуют меня? В чем причина? Ведь это был обычный дым костра, разведенного на болоте милях в пятидесяти от Чикаго, где мрачные суеверия давно уступили место конструкциям из стали и железобетона.

Да, я знал, что вижу обычный дым костра, и одновременно *я знал, что это не так*. Что-то подсказывало мне, откуда появился этот дым и кто стоял рядом с огнем, глядя в мою сторону сквозь редкие деревья.

Я отвернулся от окна. Окинул взглядом стены, свидетельствующие о причудах моего дяди-коллекционера... Опиумные трубки, искусно отделанные серебром, золотые шахматные фигурки из Индии, шпага...

В глубине моей души шевельнулись воспоминания, и, не помня себя от страха, я кинулся к стене, сорвал с нее шпагу и до боли в пальцах сжал эфес. И вновь, сам не знаю зачем, повернулся я к окну, глядя на далекую струйку дыма. Шпага не придавала мне уверенности, скорее наоборот... *ведь это была не та шпага*.

— Спокойно, Эд, — услышал я позади себя голос дядюшки. — Что стряслось? Ты — словно бешеный.

— Не та шпага, — словно со стороны услышал я собственный беспомощный голос. Затем туман в моей голове рассеялся, и я заморгал, не понимая, что со

мной происходит. Голос мой тем временем продолжал говорить. — Не та шпага. Другая находится в Камбодже. Она — один из трех талисманов Повелителя Огня и Повелителя Воды. Три великих талисмана существуют на свете: плод *куи*, который собирают в период ливней и который всегда остается свежим, цветы раттана, никогда не увядающие, и шпага Ян, дух-хранитель.

Дядюшка прищурился, выпустив из трубки очередное облако дыма, и покачал головой.

— Ты изменился, Эд, — мягко сказал он. — Сильно изменился. Наверное, это война виновата. И к тому же ты долго болел. Раньше у тебя были другие интересы. Напрасно ты все время пропадаешь в библиотеках. Я надеялся, что хоть в отпуске ты немного отвлечешься. Отдых...

— Мне не нужен отдых! — яростно вскричал я. — Полтора года отдыхал я на Суматре, в маленькой вонючей деревушке, затерянной в джунглях. Ничего не делал, только ждал, ждал, ждал...

* * *

Я видел эту деревушку перед своими глазами, чувствовал смрадный запах. Я лежал в небольшой хижине, объявленной табу, и тело мое трясла лихорадка.

Мысленно перенесся я на восемнадцать месяцев назад и вспомнил тот последний час, в течение которого меня можно было считать обычным человеком. Вторая мировая война заканчивалась, я летел над джунглями Суматры. Может быть и нельзя говорить о солдате, как об обычном человеке, — ведь войну никак не назовешь нормальным явлением, — но по крайней мере я был уверен в себе, знал свое место в жизни и не страдал провалами в памяти, которые мешали мне вспомнить нечто от меня ускользающее.

Итак, пролетая над Суматрой, я внезапно потерял сознание. До сих пор не знаю почему — ведь я был абсолютно здоров. Слепота и непонимание пришли ко мне неизвестно откуда, и очнулся я только после удара самолета о землю. Отделался я на удивление легко: ни одного перелома, лишь синяки да царапины.

Дружелюбные батаки вытащили меня из-под обломков, выходили, когда я, страдая от приступов безумной ярости, лежал в лихорадке. Эти простые люди спасли мне жизнь своими грубыми и достаточно эффективными методами лечения, но я часто думал, что тем самым они оказали мне плохую услугу. А их шаман с самого начала отнесся ко мне с недоверием.

Он что-то знал. Потя от нервного напряжения, которое в ту минуту казалось мне странным, шаман произносил заклинания, потрясая причудливыми амулетами, перебирал завязанную узлами веревку, шептал над горстью риса. Я помню уродливо разрисованную маску, нависающую надо мной в полутьме, странные движения властных рук...

— Вернись, о Душа, где бы ты ни таилась: в лесах ли, в горах ли, а может, у реки. Смотри, вызываю тебя я, *тоэмба брас*, яйцом священной птицы *моэ-лиджа*, одиннадцатью целебными листьями...

Да, поначалу жители деревушки относились ко мне с жалостью и сочувствием. Шаман первый заподозрил что-то неладное, и его настороженность постепенно передалась всем батакам. Я почти физически ощущал, как меняется их отношение ко мне. Они боялись. Нет, не меня... но тогда чего же?

Когда выяснилось, что за мной должен прилететь вертолет, шаман сам завел разговор на эту тему. Кое-что он открыл мне, но, видимо, побоялся сказать все, что знал.

— Ты должен скрыться, сын мой. Всю свою жизнь ты должен скрываться. Тебя ищет, — тут он употребил слово, которого я не понял, — ... из Другого Мира, Страны Духов. Оно охотится за тобой. Помни: все, связанное с волшебством, для тебя — табу. А если тебя найдут, спастись тебе удастся только с помощью волшебства. На нашу помощь не рассчитывай — у нас слишком мало сил.

Он был рад, что я улетаю. Все они были рады.

И с тех пор душа моя не знала покоя. Я стал совсем другим человеком. Последствия лихорадки? Возможно. Как бы то ни было, во мне произошли разительные перемены. Я видел странные сны, меня мучили туманные воспоминания, и к тому же все время преследовала мысль о том, что я должен сде-

лать (и не делаю) нечто очень важное, жизненно необходимое — дело, которое я где-то когда-то бросил на полпути.

* * *

Внезапно я понял, что продолжаю разговаривать с дядюшкой и рассказываю ему все без утайки.

— У меня возникло такое ощущение, — говорил я, — что с глаз моих упала пелена тумана, и я стал видеть мир не так, как раньше. То, что казалось мне невероятным, стало привычным. Ты ведь знаешь, я много путешествовал. Но беспокойство мое не прошло. Амулет в лавке старьевщика, узел на веревке, опал «кошачий глаз» не дают мне забыть... И еще два существа... Мне все время снятся два существа, а однажды... — Я умолк.

— Ага... — пробормотал дядюшка, явно меня подбадривая.

— Это произошло в Новом Орлеане. Однажды ночью я проснулся и понял, что в комнате кто-то есть. Совсем рядом со мной. Под подушкой у меня лежал пистолет... особый пистолет. Когда я выхватил его, существо, похожее на собаку, выпрыгнуло в окно. — На мгновение я задумался и нехотя добавил: — Пистолет был заряжен серебряными пулями.

Дядюшка довольно долго молчал, и я догадался, о чем он думает.

— Кем было другое существо? — спросил он.

— Не знаю. Оно всегда одето в плащ с капюшон, но мне кажется, это — глубокий старик. А кроме этих двух существ...

— Ага... — вновь пробормотал дядюшка.

— Я слышу голос. Нежный, маяющий голос. И вижу огонь. А в огне — лицо, черты которого мне никак не удастся разглядеть.

Дядюшка покачал головой. В комнате стало совсем темно, струйка дыма за окном затерялась в ночи. Но костер все еще мерцал среди деревьев... или он был лишь в моем воображении?

Я кивнул в сторону окна.

— Этот огонь хорошо мне знаком, — сказал я.

— Что в нем необычного? Туристы всегда разжигают костры.

— Нет. Это — Костер Нужды.

— Что за глупости!

— Не глупости. Ритуал. Такой же, как праздник костров*, но зажигают его только во времена великих бедствий. Это очень старый обычай.

Дядюшка отложил трубку в сторону и пристально на меня посмотрел.

— Скажи, Эд, сам-то ты понимаешь, что с тобой происходит?

— В психиатрии мое состояние называется манией преследования, — медленно произнес я. — Я... верю в то, во что никогда не верил. Мне кажется, кто-то пытается найти... нет... нашел меня и зовет за собой. Кто он? Не знаю. Что он хочет? Тоже не знаю. Но совсем недавно я понял еще кое-что... — И с этими словами я вновь взял в руки шпагу. — У меня бывают минуты, — продолжал я, — когда мозг мой... блуждает, и тогда что-то руководит мною как бы со стороны. В эти минуты я чувствую непреодолимое желание взять в руки шпагу — но не просто шпагу, а ту, единственную, которую я никогда не видел, но сразу узнаю. — Я усмехнулся. — И если я чуть вытащу эту шпагу из ножен, то задую Костер Нужды, словно свечу. А если я вытащу ее целиком, погибнет весь мир!

Дядюшка вновь покачал головой и после непродолжительного молчания спросил:

— Что говорят врачи?

— Я знаю, что они скажут, если я к ним обращусь, — угрюмо ответил я. — Сумасшествие. Если б я был уверен в том, что я сумасшедший, мне было бы легче на душе. Кстати, ты слышал, что вчера погибла одна из наших собак?

— Да, конечно. Старик Герцог. Видимо, его загрыз пес с соседней фермы.

— Или волк. Тот самый волк, который вчера ночью проник в мою спальню, остановился перед моей кроватью, вытянувшись во весь рост, словно человек, и отрезал прядь моих волос.

* Шотландский исторический праздник костров, которые разжигают 1-го мая по старому стилю.

Там, за окном, огонь на мгновение вспыхнул и вновь пропал в ночи. Костер Нужды.

Дядюшка встал с кресла — я почти не видел его лица в наступившей темноте — и положил руку мне на плечо.

— Я думаю, ты болен, Эд.

— Ты думаешь, я сошел с ума. Что ж, возможно. И у меня есть предчувствие, что очень скоро я узнаю, прав ты или нет.

Я положил шпагу себе на колени, дядюшка вновь уселся в кресло. Долгое время мы сидели и молчали, глядя в окно.

Костер Нужды на севере продолжал гореть, не угасая. И хотя я не видел пламени, оно бушевало у меня в крови... опасно, страшно.

ЗОВ ВЕДЬМЫ В АЛОМ

Я не мог уснуть. Нечем было дышать — жаркая духота летнего вечера накрыла меня, как одеялом. В конце концов я не выдержал и отправился в гостиную в поисках сигареты. Из открытой двери до меня донесся голос дядюшки:

— Все в порядке, Эд?

— Да. Никак не могу уснуть. Может, почитаю на ночь.

Я взял первую попавшуюся книгу, уселся в удобное кресло и зажег настольную лампу. Стояла мертвая тишина. Не слышно было даже плеска волн на пляже у озера.

Мне чего-то не хватало...

Рука снайпера в трудную минуту невольно ищет приклад несуществующего ружья. Мне тоже хотелось держать в руке... нет, не ружье, и даже не шпагу, а другое оружие, которым я пользовался раньше. На мгновение взгляд мой задержался на кочерге, стоявшей у камина, и я совсем было решил, что наконец-то понял, чего хочу, но ощущение это прошло так же быстро, как появилось.

Книга оказалась популярным романом. Я быстро перелистывал страницы, почти не читая. Пламя про-

должало бушевать у меня в крови, повелевая пульсом. Тело мое дрожало от непонятого возбуждения.

Поморщившись, я встал с кресла и поставил роман обратно на полку, пробегая глазами по корешкам. Повинуясь безотчетному чувству, я вытащил том, которым не пользовался уже много лет: молитвенник.

Он открылся в моих руках, и в глаза мне бросилась фраза:

«И упала с глаз людских пелена, и увидели они чудовище».

Я поставил молитвенник на место и вновь сел в кресло. Свет настольной лампы раздражал меня, и я ее выключил. В ту же секунду яркая луна озарила гостиную, и странное чувство ожидания *чего-то* вернулось ко мне с удвоенной силой. Мне показалось, в мозгу моем рухнул какой-то барьер.

Вложенная в ножны шпага лежала на подоконнике. Я посмотрел на небо в легких облачках, среди которых сверкала золотистым светом луна. Далеко-далеко виднелось слабое сияние — Костер Нужды все еще горел на болоте.

И он звал.

Золотистый квадрат окна притягивал с гипнотической силой. Я откинулся на спинку кресла, полузакрыв глаза; чувство опасности холодом сковало мой мозг. Много раз слышал я этот зов и до сих пор находил в себе силы сопротивляться ему.

Сейчас я не был уверен в себе так, как раньше.

Может, мои враги осмелели, срезав прядь волос с моей головы? Суеверие. Мне очень хотелось быть логичным, и тем не менее в глубине души я был убежден, что колдовство, связанное с прядью волос, — не пустая болтовня. После Суматры я перестал быть скептиком. И вопреки совету шамана, занялся изучением магии.

Я прочитал множество книг, в которых говорилось о волшебниках, оборотнях и демонах. И необычайно быстро все запомнил. У меня сложилось впечатление, что я повторил курс, который когда-то слышал, освежил в памяти сведения давным-давно мне известные. И в каждой книге — прямо или косвенно —

упоминалось то, что сильно меня тревожило: темная сила.

Силу эту называли в фольклоре по-разному, как известными — Дьявол, Вельзевул, Люцифер, — так и малоизвестными именами: Кутчи — в Австралии, Тунья — у эскимосов, Абонсам — в Африке, Штратели — в Швейцарии.

Я не стал заниматься изучением Дьявола — впрочем, у меня не было в этом необходимости. Почти каждый день снился мне один и тот же сон, и я твердо знал, что наваян он той самой темной силой, которая олицетворяет собой зло. Во сне я стоял перед золотистым квадратом света, очень испуганный и одновременно стремящийся к какому-то совершенству, которого я желал добиться любой ценой. И тогда внутри квадрата что-то начинало двигаться. Я знал, что следует исполнить определенный ритуал, прежде чем начнется церемония моего посвящения, но мне никак не удавалось избавиться от паралича, который, казалось, сковывал все мои члены.

Квадрат этот ничем не отличался от залитого лунным светом квадрата окна, перед которым я сидел. И тем не менее он был другим, — ведь я не испытывал чувства страха, глядя в него. А те звуки, которые я сейчас слышал, были мягкими, успокаивающими, похожими на женский убаюкивающий голос.

* * *

Золотистый квадрат на мгновение потерял свои очертания, затуманился; щупальца света робко потянулись в мою сторону. Тихое пение очаровывало, обезоруживало, лишало сил.

Золотистые щупальца сновали взад-вперед, словно недоумевая. Они коснулись лампы, стола, ковра на стене, отпрыгнули. Затем... дотронулись до меня. И в ту же секунду ринулись вперед, окружили меня со всех сторон, сжали в своих объятиях, окутывая золотистым покрывалом сна. Я даже не успел испугаться. Пение слышалось совсем рядом. Я поддался его очарованию.

Сатир Марсий жестоко поплатился, поддавшись

очарованию родных ему фригийских мелодий*. Я узнал это пение. Вернее... заклинание!

В золотистом свете исчезающего окна появилась тень — с янтарными глазами и лохматой гривой — тень волка.

Волк помедлил, посмотрел через плечо. И в поле моего зрения тут же появилось существо, закутанное в плащ с капюшоном. Ни фигуры, ни лица рассмотреть мне не удалось, но существо было совсем маленьким, похожим на ребенка.

Волк и существо в плаще с капюшоном висели в золотом тумане, глядя на меня и чего-то ожидая. Пение слышалось все громче, и я начал различать слова, которых не было ни в одном земном языке, но которые я тем не менее знал.

— Ганелон! Я взываю к тебе, Ганелон! Кровью твоей заклинаю — услышь меня!

Ганелон. Да, это мое имя, оно мне привычно.

И все же... кто зовет меня?

— Я звала тебя много раз, но путь был закрыт. Сейчас через пропасть переброшен мост. Я жду тебя, Ганелон!

Вздых.

Волк оглянулся, оскалил клыки. Существо в плаще наклонилось надо мной, пронзило взглядом из темноты капюшона. Ледяное дыхание коснулось моего лица.

— Он позабыл, Медея, — произнес высокий, совсем как у ребенка, нежный голос.

И вновь раздался вздох.

— Неужели он позабыл меня? Ганелон, Ганелон! Неужели ты позабыл руки Медеи, губы Медеи?

Я висел — убаюканный, полусонный — в колыбели золотого тумана.

— Он позабыл, — сказала существо в плаще с капюшоном.

— И все равно я жду его. Ганелон! Костер Нужды

* Марсий, научившись играть на флейте, вызвал Аполлона на состязание. Музы, как посредницы в споре, решили его в пользу бога. Тогда Аполлон повесил Марсия на сосне и содрал с него кожу. В Римской Империи статуи Марсия стояли как памятники свободы.

горит. Врата в Мир Тьмы открыты. Огнем и землей, светом и тьмой заклиная тебя, Ганелон!

— Он позабыл.

— Несите его. Теперь у нас достаточно сил.

Золотой туман сгустился. Волк с горящими глазами и существо в плаще с капюшоном подплыли ко мне. Я почувствовал, как меня подняли и понесли — против моей воли.

Окно широко распахнулось. Я увидел на подоконнике шпагу в ножнах и быстро схватил ее, но мне не удалось задержаться. Неумолимый золотой отлив уносил меня вдаль, а рядом со мной скользили две тени.

— К огню. Несите его к огню.

— Он позабыл, Медея.

— К огню, Эдейрн. К огню.

Искривленные ветви деревьев проплывали мимо меня. Далеко впереди показался свет. Постепенно он становился все ближе, сиял все сильнее. Костер Нужды.

Отлив нес меня с сумасшедшей скоростью. Прямо в огонь...

— *Не в Кэр Ллур!*

Что заставило меня сказать эти слова, появившиеся, казалось, из глубины моей памяти? Волк вздрогнул и посмотрел на меня своими янтарными горящими глазами; существо в плаще с капюшоном, плывя в золотом потоке, придвинулось ко мне почти вплотную. Я почувствовал поток ледяного воздуха.

— Кэр Ллур, — прошептала закутанная в плащ Эдейрн нежным детским голосом. — Он помнит Кэр Ллур... помнит ли он Ллура?

— Он вспомнит! Он навечно связан с Ллуrom невидимыми узами. И в Кэр Ллуре, во дворце Ллура — он вспомнит!

Костер Нужды вздымался в небо, подобно башне, в нескольких шагах от меня. Что было сил я начал сопротивляться отливу, влекущему меня прямо в огонь.

Я выхватил шпагу из ножен, стал рубить золотые щупальца, никак не желавшие меня отпускать.

Старинная сталь рубила клубящийся туман, и постепенно он стал отступать, распался на части. Пе-

ние утихло... на какое-то мгновение наступила мертвая тишина.

Затем...

— Матолч! — отчаянно прошептал голос невидимой Медеи. — Милорд Матолч!

Волк присел на задние лапы, оскалил клыки. Я замахнулся шпагой, чтобы навсегда заткнуть его рычащую глотку. Он легко избежал удара и прыгнул.

* * *

Волк схватил шпагу за клинок зубами и вырвал ее из моей руки.

Туман сомкнулся, золотистые щупальца вновь баюкали меня в своих объятиях.

— Кэр Ллур, — шептали они.

Костер Нужды алым фонтаном бил в небо.

И в пламени появилась... женщина!

Волосы, темные, как ночь, струились по ее плечам, ниспадали до колен. Из-под ровных дуг бровей она бросила на меня вопросительный взгляд, и во взгляде этом чувствовалась неукротимая воля. Эта женщина была идеалом красоты... красоты зла.

Лилит. Медея, колхидская ведьма!

И...

— Врата закрываются, — произнес детский голос Эдейрн.

Волк, все еще державший в зубах мою шпагу, тревожно прижал уши. Но женщина, окутанная пламенем, не произнесла ни слова.

Она распахнула мне свои объятия.

Золотой туман подтолкнул меня в ее руки. Волк и существо в плаще с капюшоном встали по бокам. Пение постепенно перешло в рев, который, казалось, сотрясал весь мир.

— Тяжко, ох, как тяжело! — простонала Медея. — Помоги мне, Эдейрн! Помоги, милорд Матолч!

Костер погас. Вокруг нас простиралось не залитое лунным светом болото с редкими деревьями, а серая пустота, не имеющая очертаний; пустота, уходящая в бесконечность. Даже звезд не было видно.

Голос Эдейрн дрожал от страха.

— Медея! У меня не осталось... сил. Слишком долго задержалась я на Земле.

— Открой Врата! — вскричала Медея. — Приоткрой их хоть чуть-чуть, или мы навсегда останемся в потустороннем мире!

Волк присел на задние лапы, зарычал, и я почти физически ощутил, как из его тела вырвался огромный поток энергии. Да, этот волк мог быть кем угодно, только не зверем.

Золотой туман вокруг нас постепенно растворялся в сером «ничто».

— Ганелон! — взмолилась Медея. — Ганелон! Помоги мне!

Что-то сломалось во мне, и в образовавшееся пространство хлынула бесформенная тьма. Я чувствовал, как смертоносная тень зла распространяется по моему телу, захлестывает все мое существо.

— Он обладает силой, — пробормотала Эдейрн. — И он неразрывно связан с Ллуром... Пусть вызовет Ллура.

— Нет. Нет. Я не смею. Ллур? — В голосе Медеи звучал страх, но она смотрела на меня с надеждой во взоре.

Волк, лежащий у моих ног, рычал. Тело его напряглось, как будто он пытался открыть Врата, используя лишь грубую физическую силу.

Я окончательно погрузился в черное море тьмы. Мысль моя заметалась в ужасе бесконечности, не встречая преград, и...

Наткнулась на... что-то!

Ллур... Ллур.

— Врата открываются, — сказала Эдейрн.

Серое ничто исчезло. Золотой туман поредел и тоже исчез. Вокруг меня возвышались высокие белые колонны, заканчивающиеся куполом. Мы стояли на небольшом помосте, украшенном странными узорами.

Тень зла, захлестнувшая все мое существо, исчезла.

Необъяснимый ужас, отвращение к самому себе переполнили меня, и я упал на колени, закрыв рукой глаза.

Я вызвал... Ллура!

ДВА МИРА

Я проснулся с болью в каждом мускуле и некоторое время лежал неподвижно, глядя на низкий потолок. Внезапно я вспомнил все, что со мной произошло. Я повернул голову, обнаружив, что лежу на мягком диване, застланном шелковой простыней, с горой подушек. Комната, в которой я очутился, была меблирована очень просто. Полупрозрачное окно в нише не давало разглядеть, что происходит снаружи.

Рядом со мной на трехногом табурете сидело крохотное существо — рост его не превышал четырех футов — в плаще с капюшоном. Эдейрн.

Даже сейчас я не видел ее лица — оно оставалось в тени. Я чувствовал лишь леденящий взгляд ее пронизательных глаз, от которого становилось не по себе. Плащ был уродливого бурого цвета и висел на Эдейрн мешком.

И вновь я услышал ее нежный детский голос.

— Не мучает ли тебя жажда, милорд Ганелон? Не голоден ли ты?

Я откинул шелковое покрывало и сел. На мне были надеты тонкая мягкая туника и брюки из того же материала. Насколько я мог судить, Эдейрн не шелохнулась, но внезапно портьеры, закрывавшие одну из стен, распахнулись, и в комнату бесшумно вошел мужчина, державший в руках накрытый салфеткой поднос.

Он был высок и мускулист; шлем с плюмажем, как у этрусков, красиво обрамлял его мужественное загорелое лицо. Его вид почему-то подействовал на меня успокаивающе, но когда я встретился с ним взглядом, спокойствию моему пришел конец. В его глазах — двух голубых озерах — потонул страх. Древний страх, до боли мне знакомый; страх, который мог сломить волю этого человека в любую минуту.

Он молча поставил поднос на диван и молча удалился.

Эдейрн кивнула.

— Ешь и пей. Тебе надо быть сильным, милорд Ганелон.

На подносе я увидел несколько мясных блюд, хлеб странной формы и бокал с бесцветной жидкостью — как выяснилось, не с водой. Сделав глоток, я поставил бокал на место и посмотрел на Эдейрн.

— Значит, я все-таки не сумасшедший, — сказал я.

— Нет. Душа твоя блуждала, ты был в ссылке, но теперь вернулся домой.

— В Кэр Ллур? — спросил я, сам не знаю почему. Бесформенный плащ зашевелился.

— Нет. Разве ты не помнишь?

— Я ничего не помню. Кто ты? Что со мной происходит?

— Ты — Ганелон.

— Меня зовут Эдвард Бонд.

— И все же ты вспомнил себя... там, у Костра Нужды. Пройдет время, и ты все поймешь. Конечно, существует опасность... Кто я? Эдейрн, слуга Шабаша.

— И ты...

— Женщина. — Она рассмеялась своим нежным детским голосом. — Очень *старая* женщина, самая старая на Шабаше, который когда-то насчитывал тринадцать магистров, а сейчас... Медея, милорд Матолч, — я вспомнил волка, — Гаст Райми — самый могущественный из нас и слишком старый, чтобы пользоваться своим могуществом, и ты, милорд Ганелон, который называет себя Эдвардом Бондом. Итого, пятеро. Говорят, когда-то Шабаш насчитывал сотни магистров, но даже я не помню, когда это было. Гаст Райми может вспомнить... если захочет.

Я закрыл лицо руками.

— Боже великий, я ничего не понимаю! Твои слова для меня пустой звук! Я даже не знаю, где нахожусь!

— Успокойся. — Я почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу. — Пойми только одно: ты потерял память.

— Это ложь.

— Это правда, милорд Ганелон. Твои истинные воспоминания стерли, заменили на искусственные. Не существует тех событий, которые, как ты считаешь,

происходили с тобой на Земле. Вернее, они происходили, но не с тобой.

— На Земле? Разве я не на Земле?

— Ты в другом мире, — ответила она. — Здесь твоя родина. Повстанцы, наши враги, отправили тебя в изгнание, повлияли на твой мозг.

— Это невозможно.

— Пойдем. — Эдейрн встала и подошла к окну. Она к чему-то притронулась, и стекло стало прозрачным. Передо мной расстился пейзаж, которого я никогда раньше не видел.

Или видел?

* * *

Красное солнце озаряло кровавым светом густой лес, на который я смотрел с большой высоты. Деталей мне разглядеть не удалось, но деревья были странной формы и словно куда-то двигались. По направлению к далеким холмам текла река. Над лесом возвышалось несколько белых башен. Того, что я увидел, оказалось достаточно. Огромное красное солнце не могло освещать планету под названием Земля.

— Значит, я не на Земле?

— Все не так просто, — ответила Эдейрн. — Мало кто в Море Тьмы знает эту тайну. Я знаю, и на твоё несчастье она стала известна нашим врагам. Существуют во Вселенной вероятностные миры, дивергентные в потоке времени, но практически идентичные — до поры до времени, конечно.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Миры сосуществуют в пространстве и времени, но разделены другим измерением. Один мир — две вероятности. И ты мог бы жить в этом мире, если бы в незапамятные времена не произошло *нечто*. Мир Тьмы и планета Земля были едины в пространстве — времени только до тех пор, пока где-то, когда-то не было принято исключительно важное решение. Даже я не знаю, в чем оно заключалось, знаю только, что с тех самых пор временной поток разделился и, соответственно, вместо одного мира появились два.

— Вначале эти миры были идентичны, но не забывай, что на одном из них не было принято того

самого ключевого решения. Каждый из миров идет своим путем развития, но пока еще они расположены совсем близко друг к другу во временном потоке. И именно поэтому человек на Земле может иметь двойника в Мире Тьмы.

— Двойника?

— Того, кем он мог бы быть, если б в его мире *тоже* было принято ключевое решение. Да, Ганелон и Эдвард Бонд — двойники. Теперь понимаешь?

Я отошел от окна и вновь сел на диван.

— Миры сосуществуют, — нахмурившись, сказал я. — Это мне понятно. Но почему ты придаешь такое большое значение тому, что у меня есть... двойник?

— Ты родился в Мире Тьмы. Твой двойник, Эдвард Бонд, родился на Земле. У нас есть враги — лесные жители, повстанцы, которые обладают достаточными знаниями, чтобы перекинуть мост между двумя потоками времени. Мы освоили этот метод значительно позже, хотя когда-то он был хорошо известен магистрам Шабаша. Повстанцы отправили тебя — Ганелона — на Землю, чтобы Эдвард Бонд смог появиться в Мире Тьмы. Они...

— Но зачем? — перебил я Эдейрн. — Для чего им это понадобилось?

Капюшон повернулся в мою сторону, и вновь я почувствовал на себе ледяющий взгляд невидимых мною глаз.

— Для чего им это понадобилось? — как эхо повторил нежный детский голос. — Попробуй сам ответить на этот вопрос, Ганелон. Посмотрим, удастся ли тебе вспомнить?

И я стал вспоминать. Я закрыл глаза, попытался расслабиться, чтобы воспоминания Ганелона — если они действительно существовали, — выплыли из подсознания, из глубин моего мозга. Я все еще не мог воспринять то, что услышал, но если Эдейрн говорила правду, многое становилось мне понятным, в том числе странный случай в самолете, когда я потерял сознание, пролетая над джунглями Суматры. Именно в тот момент, подумал я, Эдвард Бонд покинул Землю, а его место занял Ганелон. — Два беспомощных человека, не понимающие, что с ними произошло.

Нет, невозможно!

— Я ничего не помню, — резко сказал я. — Этого не может быть! Я *знаю*, кто я такой! Я *знаю* все, что произошло со мной, с Эдвардом Бондом! Тебе не удастся меня обмануть! Моя жизнь — реальна, и я никогда не поверю, что она не более, чем иллюзия!

— Ганелон, Ганелон, — проворковала Эдейрн, и я почувствовал, что она улыбается. — Подумай о восставших племенах. Напряги свою мысль. Вспомни, что они с тобой сделали. Лесные жители, Ганелон — непослушные маленькие человечки в зеленых одеждах. Ненавистные человечки, которые осмеливаются угрожать нам. Конечно же, ты помнишь их, Ганелон!

Может быть, она меня загипнотизировала... впрочем, эта мысль пришла мне в голову значительно позже. Но в тот момент в моем мозгу вспыхнула яркая картина. Я увидел толпу людей в зеленых одеждах, идущую по лесу, и неожиданно понял, что ненавижу их лютой ненавистью. На какое-то мгновение я стал Ганелоном, могущественным повелителем, которому сопротивлялись смерды, недостойные завязывать шнурки его ботинок.

— Да, ты их ненавидел, — пробормотала Эдейрн, и вдруг я заметил, что сижу в непривычной для себя позе. Плечи мои были горделиво расправлены, грудь выпячена вперед, губы извивались в презрительной усмешке. Для меня так и осталось загадкой, прочитала ли Эдейрн мои мысли или поняла, что со мной происходит, по выражению моего лица.

— Ты покарал многих из них, ведь это были твое право и твоя обязанность. Но они заманили тебя в ловушку, Ганелон. А затем нашли дверь, которая поворачивается на осях времени, и вышвырнули тебя в другой мир. По другую сторону этой двери находился человек, который не питал к ним ненависти... Эдвард Бонд.

* * *

Эдейрн слегка повысила голос, и мне показалось, что она насмехается надо мной.

— Фальшивые воспоминания, Ганелон, да, фальшивые. Став Эдвардом Бондом, ты получил в наследство его прошлое. Но он пришел в наш мир таким,

каким был, ничего не зная о Ганелоне, и причинил нам немало хлопот. Да, друг мой, мы никак не могли понять, почему Ганелон неожиданно перестал появляться на Шабаше и начал организовывать повстанцев на борьбу против своих союзников. — Она мягко рассмеялась. — Нам пришлось разбудить Гаста Райми. Под его руководством мы научились открывать Врата между мирами. Мы искали тебя и нашли, а затем вернули в тот мир, который принадлежит тебе по праву. Согласен ли ты властвовать им, милорд Ганелон?

Я ошеломленно покачал головой.

— Этого не может быть. Я — Эдвард Бонд.

— Мы можем вернуть тебе память. Мне кажется, кое-что ты уже вспомнил. Пройдет время... А пока что ты — магистр Шабаша, а Эдвард Бонд вернулся на Землю. — Она рассмеялась. — Уж он-то наверняка помнит все, что не успел здесь завершить. Но пути назад нет, и ему не придется больше совать нос в дела, которые его не касаются... Как нам не хватало тебя, Ганелон! Как нам тебя не хватало!

— Чем я могу помочь? Я — Эдвард Бонд.

— Ганелон сможет многое... когда вспомнит. Для Шабаша настали тяжелые времена. Когда-то нас было тринадцать. Когда-то в Мире Тьмы был не один Шабаш, и мы собирались вместе в Священный День Отдохновенья. Когда-то под началом великого Ллура мы правили всем миром. Но Ллур постепенно погружается в глубокий сон. Он совсем забыл своих прихожан. Мир Тьмы возвращается в первобытное состояние. И сейчас лишь наш Шабаш — разомкнутый круг — ютится близ Кэр Ллура, в котором Всемогущий спит за Золотым Окном.

На мгновение Эдейрн умолкла, потом задумчиво сказала:

— Иногда мне кажется, что Ллур не спит, а удаляется от нас шаг за шагом в какой-то далекий мир, потеряв всякий интерес к нам — созданиям, которых он сотворил. Но он возвращается! — Она рассмеялась. — Да, он возвращается каждый раз, когда жертвоприношение совершается перед Золотым Окном. И пока он возвращается, наша власть над Миром Тьмы безгранична!.. Но день ото дня лесные мя-

тежники становятся все сильнее, Ганелон. Ты исчез в тот момент, когда пытался сокрушить их с нашей помощью. Мы не можем обойтись без тебя, Ганелон. Ты — магистр Шабаша, возможно, самый могущественный из всех нас. Вместе с Матолчем ты...

— Минутку, — перебил я Эдейрн. — Ты совсем меня запутала. Матолч? Это тот волк, которого я видел?

— Да.

— Ты говоришь о нем, как о человеке.

— Он — человек... не всегда, правда. Матолч может изменять свой облик.

— Оборотень? Невероятно! Оборотни бывают только в сказках.

— А откуда появились сказки? — спросила Эдейрн. — В незапамятные времена много путей вело из Мира Тьмы на Землю. Память об этих днях сохранилась в сказках, легендах, мифах. Но в основе любого фольклора лежит реальность.

— Чепуха! — убежденно сказал я. — Темные суеверия. Неужели ты хочешь убедить меня, что на свете существуют оборотни, вампиры и прочая нечисть?

— Гаст Райми может рассказать тебе о них больше, чем я. Но мы не станем будить его ради такого пустяка. Возможно, мне удастся... Что ж, слушай. Тело состоит из клеток, которые в большей или меньшей степени приспосабливаются к окружающим условиям. Если увеличить эту приспособляемость и ускорить метаболизм, можно изменить свой облик.

Я внимательно слушал детский нежный голос, звучащий из-под капюшона, и постепенно начал кое-что понимать. На Земле, когда я проходил в колледже курс биологии, мне доводилось видеть под микроскопом бурное развитие клеток, например, в раковых опухолях. Читал я и о случаях, когда люди зарастали мехом, похожим на волчий. Если б удалось заставить клетки приспособляться к окружающей среде *мгновенно*, в биологии можно было бы добиться любых, самых неожиданных результатов.

Но кости? Костная ткань у волка была намного плотнее, чем у человека. Как может хрупкий человеческий костяк превратиться в волчий? Удивительно!

— Отчасти такое превращение — иллюзия, —

сказала Эдейрн. — В Матолче куда меньше звериного, чем тебе кажется. И тем не менее он — оборотень и способен изменять свой облик.

— Но как? Откуда у него такая сила?

Впервые за наш разговор Эдейрн помедлила с ответом.

— Он... мутант. В Мире Тьмы много мутантов. Есть они и среди магистров.

— Ты тоже мутант? — спросил я.

— Да.

— И тоже... оборотень?

— Нет. — Складки плаща с капюшоном зашевелились. — Я не могу изменить свой облик, милорд Ганелон. Разве ты не помнишь, в чем заключается моя... моя сила?

— Нет.

— Она пригодится тебе, когда повстанцы нападут на нас, — медленно сказала Эдейрн. — Возможно, большое количество мутаций в Мире Тьмы — основная причина разделения одного мира на два. На Земле нет мутантов, по крайней мере таких, как у нас. Матолч не исключение, а правило.

— Скажи, я тоже мутант? — мягко спросил я.

* * *

Эдейрн покачала головой.

— Нет. Мутант не может быть неразрывно связан с Ллуром. Так, как связан с ним ты. Один из магистров Шабаша должен иметь доступ в Кэр Ллур.

У меня перехватило дыхание. Холодные щупальца страха сдавили мой мозг. Нет, не страха. Каждый раз, когда я слышал имя Ллура, меня охватывал смертельный ужас.

— Кто такой Ллур? — спросил я, едва ворочая языком.

Наступила мертвая тишина.

— Кажется, здесь говорят о Ллуре? — услышал я глубокий сильный голос за своей спиной. — Не советую тебе открывать ему *эту* тайну, Эдейрн!

— А если возникнет такая необходимость? — спросила она.

Я обернулся и увидел поджарую мускулистую фи-

гуру мужчины, вышедшего из-за черных портьер. Он был одет, как и я, в тунику и брюки, его рыжая борода дерзко выпирала вперед, а улыбка напоминала оскал. Двигался он с кошачьей грацией, желтые его глаза иронически поблескивали.

— Помолись, чтобы такой необходимости не возникло, — ответил он Эдейрн. — Итак, милорд Ганелон? Неужто ты и меня забыл?

— Он забыл тебя, Матолч, — сказала Эдейрн. — Ему незнаком твой облик!

Матолч — волк! Оборотень!

Он ухмыльнулся.

— Сегодня ночью — Шабаш. Милорд Ганелон должен к нему подготовиться. Думаю, без неприятностей не обойдется. Впрочем, это дело Медеи, а она просила меня узнать, бодрствует ли Ганелон. Благо он проснулся, мы можем отправиться к ней не мешкая.

— Пойдешь с Матолчем? — спросила Эдейрн.

— Почему бы нет?

Рыжебородый вновь ухмыльнулся.

— Ах! Ты не врешь, что потерял память, Ганелон! В старые добрые времена ты никогда бы не взял меня в провожатые!

— В старые добрые времена ты тоже был не настолько глуп, чтобы вонзить кинжал в его спину, — сказала Эдейрн. — Если б Ганелон вызвал Ллура, тебе бы крупно не повезло!

— Уж и пошутить нельзя, — небрежно заявил Матолч. — Мой противник должен быть силен, иначе мне неинтересно с ним драться. Так что я подожду, пока к тебе вернется память, милорд Ганелон. А тем временем всем нам туго приходится, и я нужен тебе не меньше, чем ты мне. Итак, ты готов?

— Иди с ним, — сказала Эдейрн. — Пусть его таякает, лишь бы не кусался. Опасности нет, хоть мы и не в Кэр Ллуре.

Мне показалось, что в словах ее скрыта угроза. Матолч пожал плечами и раздвинул портьеры, пропуская меня вперед.

— Мало кто осмелится угрожать волку, — бросил он через плечо.

— Я осмелюсь, — прозвучал нежный детский голос из-под бурого капюшона.

И я вспомнил, что Эдейрн тоже была мутантом, хоть и не умела изменять свой облик, как рыжебородый оборотень, шагающий рядом со мной по коридору.

Кем была Эдейрн?

МАТОЛЧ И МЕДЕЯ

Я пока еще не осознал, насколько удивительны были события, со мной происходящие. Мой мозг был парализован, — совсем как у солдата, который внезапно попал в яркий луч прожектора. Самые обыденные мысли лезли мне в голову, как будто думая о повседневном, я старался позабыть тот невероятный факт, что очутился не на Земле.

Но странная вещь! Я шел по залам со сводчатыми потолками, и они казались мне знакомыми, такими же знакомыми, как сумрачный пейзаж, виденный мною из окна комнаты.

— Эдейрн — Медея — Шабаш.

Слова на незнакомом языке, который я выучил, а потом забыл.

Подпрыгивающая быстрая походка Матолча, размах его широких плеч, улыбка-оскал... когда-то я знал этого человека.

Он бросил на меня косой взгляд, остановился перед тяжелой красной портьерой и, чуть поколебавшись, откинул ее в сторону, приглашая войти.

Я сделал шаг, замер на месте и вопросительно посмотрел на него.

Он кивнул, как будто остался очень мною доволен. Желтые глаза загорелись.

— Значит, у тебя не всю память отшибло? Ты прав, Медея живет не здесь. И все же зайдем на минутку. Нам надо поговорить.

Я молча поднимался за ним по винтовой лестнице и внезапно подумал, что мы разговариваем не на английском языке. Но я понимал Матолча так же хорошо, как Эдейрн и Медею.

Ганелон?

Мы поднялись на башню и очутились в небольшой комнате с застекленными стенами. В дымном воздухе стоял резкий запах благовоний. Из жаровни, стоявшей на треножнике, шел чад. Матолч указал мне на диван у окна и сел рядом, приняв небрежную позу.

— Меня интересует, что ты помнишь, — сказал он.

Я покачал головой.

— Почти ничего. Знаю только... что никому не могу доверять.

— Значит, искусственные воспоминания еще сильны. Гаст Райми сказал, что со временем память к тебе вернется. Фальшивая запись на коре твоего мозга исчезнет, и ты станешь прежним.

«Как на иконе, — подумал я. — Один сюжет на другом».

Ганелон... нет, я все еще был Эдвардом Бондом.

— Любопытно, — медленно сказал Матолч, глядя мне в глаза. — Ты долгое время провел в изгнании. Хотел бы я знать, изменилось ли твое нутро? Ты всегда ненавидел меня, Ганелон. Сейчас ты тоже меня ненавидишь?

— Нет, — сказал я. — Впрочем, не знаю. Но я тебе не верю.

— На то есть причины. Помнишь ты или нет, но мы были врагами, хоть и подчинялись законам Шабаша. Останемся ли мы врагами и впредь?

— От чего это зависит? Я предпочитаю ни с кем не ссориться... особенно здесь.

— Ах! Что я слышу? В старые добрые времена Ганелон поступал, как ему заблагорассудится, и плевать хотел на врагов! Если ты так сильно изменился, всем нам грозит опасность.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Пойми, я потерял память и живу, как во сне.

Матолч вскочил с дивана и, явно волнуясь, начал мерить комнату шагами.

— Это хорошо. Если б ты остался прежним Ганелоном, мы вцепились бы друг другу в глотки. Поверь, я знаю, о чем говорю. Но если изгнание изменило тебя, мы... можем стать друзьями. Друзьями быть лучше. Медее это не понравится, Эдейрн тоже не придет

в восторг, а Гаст Райми... — Он пожал плечами. — Гаст Райми стар... очень стар. В Мире Тьмы тебе нет равных, Ганелон. Вернее не будет... если ты пойдешь к Ллуру. — Он умолк и вопросительно на меня посмотрел. — Раньше ты понял бы, что я имею в виду. В душе твоей жил страх, но ты жаждал власти. Однажды ты уже посетил Кэр Ллур и посвятил себя Ллуру. Между вами установилась связь, пока еще непрочная. Но ты можешь ее укрепить... если захочешь.

— Кто такой Ллур? — спросил я.

— Молись, чтобы тебе никогда не удалось вспомнить этого имени, — сказал Матолч. — Остерегайся Медеи, когда она заговорит с тобой о Ллуре. Друг я тебе или враг, но ради моего собственного благополучия, ради благополучия Мира Тьмы, даже ради благополучия повстанцев, предупреждаю тебя: не ходи в Кэр Ллур. Не слушай просьб Медеи, не верь ее обещаниям. По крайней мере, подожди, пока к тебе не вернется память.

— Кто такой Ллур? — спросил я.

* * *

Матолч резко отвернулся и встал ко мне спиной.

— Спроси Гаста Райми. Я не знаю и не хочу знать. Ллур... это зло... он вечно алчет. И алчность его может удовлетворить лишь... лишь... — Он умолк, глубоко вздохнул, затем негромко произнес: — Одно меня смущает. Как вызвать Ллура, ты тоже забыл?

Я не ответил. Мозг мой вновь погрузился в черное море тьмы, мысль заметалась в бесконечности.

Ллур... Ллур?

Матолч бросил в дымящуюся жаровню щепотку какого-то порошка.

— Ты можешь вызвать Ллура? — вкрадчиво спросил он. — Отвечай, Ганелон! Я жду!

Жаровня чадила все сильнее. Тьма в моей голове раскололась, открывая дверь в привычный для меня мир. Смрадный, смертельно опасный запах был хорошо мне знаком.

Не отрывая взгляда от Матолча, я встал, сделал два шага вперед, и ногой, обутой в сандалию, ударил

по жаровне. Угли рассыпались по каменному полу. Матолч вздрогнул от неожиданности и изумленно на меня уставился.

Я схватил его за тунику и затряс с такой силой, что у него застучали зубы. Жаркая ненависть нахлынула на меня волной, забурлила в моей крови.

Как посмел он играть со мной в эти глупые игры? Незнакомец, которым я стал, говорил:

— Оставь свои заклинания для рабов и проституток! От меня ты узнаешь лишь то, что я сочту нужным тебе сказать. Жги свои зловонные травы, где хочешь, только не в моем присутствии!

Челюсти, обрамленные рыжей бородой, сжались. Лицо Матолча неуловимо менялось: плоть текла, как вода, еле видимая в облаках дыма, поднимавшихся от разбросанных по полу углей. Желтые клыки блестели в сером тумане.

Оборотень издал горлом звук... волчье рычанье! Звериная морда угрожающе наклонилась ко мне.

Туман рассеялся. Иллюзия... иллюзия?... исчезла. Матолч — самый обычный человек — расслабился и осторожно высвободился из моего захвата.

— Ты... напугал меня, милорд Ганелон, — спокойно сказал он. — Впрочем, я получил ответ на свой вопрос. Мои зловонные травы, — Матолч кивнул в сторону опрокинутой жаровни, — помогли освежить тебе память.

Я резко отвернулся.

— Подожди, — услышал я его голос. — Давеча я забрал у тебя одну вещь и сейчас предпочитаю ее вернуть.

Я остановился. Матолч подошел ко мне, протягивая шпагу без ножен. Я молча взял оружие из его рук и направился к закрытому портьерами входу.

— Мы еще не стали врагами, Ганелон, — тихо сказал он мне вслед. — И если ты действительно мудр, то не забудешь моего предупреждения. Не ходи в Кэр Ллур.

Я вышел. Сжимая эфес шпаги, я торопливо спускался по винтовой лестнице. Ноги сами несли меня. Незнакомец знал, что делал. Запись на иконе. Старый сюжет проявлялся как бы под действием создателя.

Старый сюжет под названием «потерянная память».

Замок — откуда я знал, что нахожусь в замке? — напоминал лабиринт. Дважды проходил я мимо молчаливых солдат, стоявших на страже. В их глазах читал я столь знакомый мне страх, усиливающийся при моем приближении. Затем я очутился в холле с янтарным потолком, раздвинул золотистые портьеры, вошел в сводчатый зал, стены которого были обиты бледным шелком. Журчал фонтан, легкий ветерок холодил мое пылающее лицо. Впереди возвышалась арка, увитая цветами.

За аркой лежал огороженный сад, расцветенный великолепием экзотических растений и причудливых деревьев.

На фоне черной земли цветы сверкали, как драгоценные камни. Рубины, аметисты, изумруды — прозрачные, серебряные, молочно-белые — расстилались невиданным по красоте ковром. Деревья...

Искривленные и могучие, как дубы. Развесистые кроны, покрытые облаком зелени.

Зеленый занавес угрожающе зашевелился. Деревья ожили. Толстые сучья медленно потянулись ко мне...

* * *

...Замерли. Вернулись на место и вновь стали неподвижны. Они... узнали меня.

Красное солнце, выделяясь на темно-синем вечернем небе, освещало этот злоеющий сад.

Деревья зашевелились.

Их охватило беспокойство. Ветвь изогнулась, как змея, встряхнула листьями, ударила воздух, отступила...

В том месте, где она только что была, показалась фигура бегущего человека. Он кидался из стороны в сторону, уворачиваясь от страшных ударов, которые обрушивал на него лес-страж.

Человек был одет в коричневые брюки и зеленый камзол, перехваченный широким поясом, на котором висело оружие, напоминавшее пистолет. На суровом бесстрашном лице незнакомца, горевшем от возбуждения, застыло победное выражение.

— Эдвард! — настойчиво позвал он, стараясь говорить как можно тише. — Эдвард Бонд!

Я знал его. Вернее не его, а таких, как он. Не впервой мне было смотреть, как зеленые камзолы убегают, спасаясь от моего справедливого мщения. Жаркая ненависть вновь накатила на меня волной.

Враг! Высочка! Один из тех, кто осмелился состязаться в волшебстве с могущественным лордом Ганелоном!

Гнев искажил черты моего лица, кровь яростно застучала в висках. Тело мое напряглось. Ганелон стоял в привычной позе — расправив плечи, выставив грудь, высоко подняв подбородок и презрительно улыбаясь. Я услышал, как голос мой сыплет проклятьями.

Человек вздрогнул, отступил на шаг, посмотрел на меня, словно не веря своим глазам. Его рука потянулась к поясу.

— Ганелон? — неуверенно спросил он, пытаясь встретиться со мной взглядом. — Эдвард, неужели ты стал Ганелоном?

ВЕДЬМА В АЛОМ

Вместо ответа я сделал выпад шпагой, которую все еще держал в руке. Человек отпрянул, оглянулся через плечо, схватился за оружие. Я проследил за направлением его взгляда и увидел изящную фигурку девушки, которая бежала к нам, пробираясь меж деревьев. Ее черные распущенные волосы ниспадали до плеч. Уворачиваясь от хлещущих веток, она пыталась выхватить из-за пояса пистолет. Лицо ее, обращенное ко мне, было искажено ненавистью, губы кривились в страшной улыбке.

Человек, стоявший передо мной, что-то говорил.

— Эдвард, выслушай меня! — повторял он вновь и вновь. — Даже если ты стал Ганелоном, в мозгу твоём остались воспоминания Эдварда Бонда! Он был одним из нас, он верил, что мы победим! Выслушай нас, пока не поздно! Пойди к Арле, Эдвард. Она су-

меет убедить тебя в нашей правоте. Даже если ты — Ганелон, позволь мне отвести тебя к Арле!

— Ты попусту тратишь время, Эрту! — вскричала девушка. Она изо всех сил боролась с последним из деревьев, но обхватившие ее ветви не собирались отпустить свою жертву. Он что-то крикнул ей в ответ, позабыв об осторожности, и я понял, что в любую минуту на шум могут сбежаться стражники, лишив меня удовольствия убить двух лесных негодяев собственными руками. Имя Эдварда Бонда было мне незнакомо. Я жаждал мести.

— Стреляй, Эрту! — вскричала девушка. — Стреляй или отойди в сторону, и я сама его убью. Я знаю Ганелона!

Я посмотрел на нее и еще крепче сжал эфес шпаги. Девушка говорила правду. Она знала Ганелона. Ганелон тоже ее знал, и я смутно помнил, что у девушки были причины ненавидеть могущественного лорда. Когда-то давно я уже видел это лицо, искаженное ненавистью и отчаянием.

Эрту нерешительно вытащил пистолет из кобуры. Он все еще думал о своем друге, так на меня похожем. Я торжествующе рассмеялся и рубанул шпагой, с наслаждением слушая, как клинок со свистом рассекает воздух. На руке Эрту показалась кровь. Он вновь отступил на шаг и быстро прицелился мне в голову.

— Не испытывай судьбу, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Твоя ярость уляжется. Ты был Эдвардом Бондом и снова им станешь. Не заставляй меня убивать тебя, Ганелон.

Красная пелена ненависти застлала мне глаза. Я взмахнул шпагой, заранее предвкушая, что голова его сейчас скатится с плеч, а кровь ударит фонтаном в небо.

Я напряг все мускулы для решительного удара!

Шпага ожила в моей руке. Дернулась... задрожала...

Невероятно! Удар, который я собирался нанести и не нанес, обрушился на меня самого! Сила, которую я хотел обратить против своего врага, прокатилась по клинку шпаги, по моей руке, невероятной болью

отдалась во всем теле. Сад покачнулся. Земля ударила меня по коленям.

Красная пелена упала с моих глаз. Я все еще оставался Ганелоном, но меня оглушило нечто более могущественное, чем простой удар.

Я стоял на коленях, опираясь локтем на землю, чувствуя сумасшедшую боль в пальцах, державших эфес шпаги, которая сейчас валялась на траве метрах в пятнадцати от меня. Клинок шпаги тускло светился.

Дело рук Матолча! Мне не следовало забывать, что изворотливому мерзавцу ни в чем нельзя было верить! Я затеял с ним драку в его собственных апартаментах и должен был предвидеть, что он захочет мне отомстить. Даже у Эдварда Бонда, мягкотелого дурака, хватило бы ума не принять дара из рук оборотня!

Впрочем, сейчас мне было не до Матолча. Я смотрел в дуло пистолета, а Эрту смотрел на меня, и лицо его становилось все решительнее.

— Ганелон! — прошептал он. — Колдун! — Его палец на спусковом курке побелел от напряжения.

— Подожди, Эрту! — вскричал женский голос. — Подожди! Я сама!

Я поднял голову, все еще оглушенный. Последним усилием девушка выпуталась из цепких объятий державших ее ветвей и прицелилась в меня из пистолета. Лицо ее было белым, как мел, в глазах горела неуголимая ненависть.

— Я сама! — вновь вскричала она. — Пусть он сполна заплатит мне по счетам!

Я был абсолютно беспомощен. Рука девушки дрожала от обуревавших ее чувств, но я знал, что даже на таком расстоянии она не промахнется.

Много дум передумал я в эту минуту — и как Ганелон, и как Эдвард Бонд.

Раздался свист, сильный свист, похожий на вой ветра. Деревья склонили кроны, ветви ринулись вперед с громким шипением, извиваясь и треща. Эрту выкрикнул что-то невнятное. Но мне показалось, что девушка, обуреваемая жаждой мести, ничего не видела и не слышала.

Вряд ли она поняла, что произошло. В момент вы-

стрела корявый сук наклонившегося дерева ударил ее по руке. Раскаленная молния расплавил торф у моих колен. Я почувствовал запах горелой травы.

* * *

Она успела вскрикнуть только раз. Для могучих ветвей, которые обхватили ее со всех сторон, человеческая спина была не более, чем сухой спичкой. Я отчетливо услышал хруст и понял, что мне не впервой слышать его в этом саду.

На мгновение Эрту застыл на месте. Затем он резко повернулся ко мне, и я не сомневался, что на этот раз он не станет колебаться, прежде чем нажать на курок.

Но время лесных жителей истекло.

Он еще не успел поднять оружие, когда за моей спиной раздался смех — иронический, изумленный. Я увидел, как лицо Эрту исказилось страхом и ненавистью. Он быстро прицелился в того, кто стоял позади меня, но не успел выстрелить. Белая молния вылетела из-за моего плеча и ударила его прямо в сердце.

Он упал, как подкошенный. Губы его были искривлены в недоброй усмешке, остекленевшие глаза невидящим взором глядели в небо.

Я медленно поднялся на ноги, обернулся. Передо мной стояла улыбающаяся Медея, изящная и прекрасная, в длинном, туго обтягивающем ее алом платье. В руке она держала небольшую черную трубку. Пурпурные глаза Медеи лукаво блеснули.

— Ганелон, — прошептала она бесконечно нежным голосом. — Ганелон... — И все еще не отрывая от меня взгляда, она хлопнула в ладоши.

В ту же секунду в саду появились безмолвные стражники. Они подняли безжизненное тело Эрту и бесшумно удалились. Деревья зашевелились, зашелетели, постепенно успокоились.

— Ты вспомнил, — сказала Медея. — Ты снова с нами, Ганелон. Скажи, а меня ты тоже вспомнил?

Медея, колхидская ведьма! Черные, как вороново крыло, волосы, изумительной белизны кожа... она стояла в сверкающем алом платье, улыбаясь, и ее не-

описуемая красота будила во мне давно забытые ощущения, будоражила кровь. Ни один человек, знавший Медею, не мог ее забыть... до скончания века.

Но... откуда во мне такая нерешительность? Ну конечно же! Ганелон относился к Медее недоверчиво, с настороженностью. Ганелон? Значит, я вновь стал Ганелоном? Сейчас я уже не был в этом уверен.

Воспоминания нахлынули на меня. Сила, заставившая меня на короткое время стать Ганелоном, покинула мое тело и мозг. Я словно принял холодный душ. Эдвард Бонд стоял перед прекрасной улыбающейся ведьмой и с ужасом и отвращением вспоминал все, что с ним произошло.

Я резко отвернулся, чтобы Медея не догадалась по выражению моего лица, о чем я думаю. Меня мучило при мысли о том, что я сделал; становилось страшно от того, что во мне живут два человека, один из которых в любую минуту может оказаться во власти чужой злой воли.

В том, что я — Ганелон, я больше не сомневался. Эдвард Бонд отправился на Землю, но воспоминания его жгли мой мозг. В нас жила одна душа — за теми редкими исключениями, когда моя — моя ли? — память брала верх.

Я ненавидел Ганелона, презирал все то, что он собой олицетворял. Воспоминания Эдварда Бонда оказались сильнее. Я был Эдвардом Бондом! И никем другим!

Заботливый нежный голос Медеи прервал мои размышления.

— Ты вспомнил меня, милорд Ганелон? — переспросила она.

Я повернулся к ней, понимая, что лицо мое выглядит смущенным от обуревавших меня чувств.

— Меня зовут Эдвард Бонд, — упрямо сказал я. Она вздохнула.

— Ты еще вернешься. Обязательно вернешься. Когда ты очутишься в знакомой обстановке, начнешь жить в Мире Тьмы, двери твоего рассудка окончательно распахнутся. Кстати, сегодня ночью — Шабаш. — Коралловые губы изогнулись в гордой усмешке, и мне стало страшно. — Я долго искала тебя,

Ганелон, и за все то время, что я провела на Земле, в Мире Тьмы ни разу не устраивали Шабаша. Тот, кто дремлет в Кэр Ллуре, пробуждается. Он голоден, он требует жертвоприношения. — Пурпурные глаза прищурились, пронзили меня взглядом. — Ты помнишь Кэр Ллур, Ганелон?

Знакомые чувства отвращения и ужаса охватили меня при звуках этого страшного имени.

Ллур... Ллур! Тьма и что-то бесформенное, шевелящееся за Золотым Окном! Нечто, не имеющее отношения к людям, которым свойственно радоваться маленьким прелестям жизни: земле, воде, солнцу. Нечто, отрицающее самое существование человека. И все же, несмотря на отвращение, которое я испытывал к Ллуру, он был мне близок!

Я знал, я вспомнил...

— Я ничего не помню, — сказал я Медее.

Именно в эту минуту я решил впредь проявлять осторожность. Я никому не мог доверять, менее всего — самому себе. Пока я не пойму, кто мне грозит и в чем заключается опасность, я должен молчать. Молчание — тоже оружие, а другого у меня не было.

* * *

Ллур! Мысль об этом... существе... укрепила меня в принятом решении. В загадочном прошлом Ганелона между ним и Ллуrom существовала страшная связь. Я знал, что магистры Шабаша пытаются столкнуть меня в пропасть, в которой я стану един с Ллуrom, и я чувствовал, что даже Ганелон этого боялся. Мне придется притвориться полным невеждой, пока я не разберусь, что к чему.

Я покачал головой и повторил:

— Я ничего не помню.

— Даже Медею? — прошептала она и наклонилась ко мне.

Колдовскими чарами обладала эта женщина. Словно не в первый раз руки Ганелона утонули в складках алого платья, гладили бархатную кожу. Но губы, ответившие на страстный поцелуй, были губами Эдварда Бонда.

Даже Медею?..

Эдвард Бонд, Ганелон, какая разница? В эту минуту — никакой.

Но ласки ведьмы в алом показались Эдварду Бонду... мне... странными, чуждыми. Я держал в объятиях ее податливое тело, а надо мной веяло чем-то невиданным, неизведанным. Мне почудилось, что она сдерживает себя, борется с демоном, который живет в ней и пытается вырваться на свободу.

— Ганелон! — Дрожа всем телом, Медея уперлась мне в грудь ладонями и оттолкнула от себя. — Достаточно! — прошептала она. — Ты все знаешь!

— О чем ты говоришь, Медея?

Она испытующе посмотрела на меня, и внезапно в ее пурпурных глазах появился неопиcуемый страх.

— Ты забыл! — вскричала она. — Ты забыл меня, Медею, забыл, *кто я такая!*

ПОЕЗДКА В КЭР СЕКИР

В покоях, отведенных Ганелону, я ждал того часа, когда мне придется отправиться на Шабаш, и в ожидании ходил взад и вперед. Ноги Ганелона мерили комнату шагами Ганелона, но человек, который ходил по комнате, был Эдвардом Бондом. С удивлением подумал я о том, что воспоминания другого человека переменили меня... нет, Ганелона.

Да, теперь я уже никогда не смогу быть твердо уверен в том, кто я такой. Я ненавидел Ганелона и не доверял ему. Но я помнил, с какой легкостью я превратился в Ганелона, презирающего своего двойника — Эдварда Бонда.

И тем не менее я не мог обойтись без памяти Ганелона, от которой, быть может, зависела жизнь и его самого, и Эдварда Бонда. Мне необходимо было многое узнать, а затем тщательно скрыть свои знания. Медея и Эдейрн ничего мне не скажут. Матолч скажет все, о чем я ни спрошу, и обязательно солжет.

Я боялся ехать с ними на Шабаш, который, как я думал, будет посвящен Ллуру. Странной и ужасной

была связь между мной и Ллуром. На Шабаше кого-то принесут в жертву.

Откуда мне знать — вдруг это я обречен на заклание, и меня положат на алтарь перед... Золотым Окном?

На бесконечно долгую долю секунды странные обрывки воспоминаний промелькнули в моем мозгу. Я почувствовал смертельный страх, ужас, отвращение и одновременно непреодолимую тягу к...

Осмелюсь ли я пойти на Шабаш?

Не идти я тоже не мог. То, что я вспомнил и решил держать в тайне, было моим единственным — пусть слабым — оружием, обеспечивающим мне относительную безопасность. Я должен идти. Даже в том случае, если меня ждет алтарь.

Мир Тьмы населяли лесные жители. Преступники, за которыми охотились солдаты. Плен означал рабство: я хорошо помнил ужас, застывший в глазах живых мертвецов — слуг Медеи. Я, Эдвард Бонд, сочувствовал им, стремился сделать все возможное, чтобы спасти их от Шабаша. Ведь я жил с ними в лесу более полутора лет, организовывал сопротивление, боролся с темными силами. Я, Ганелон, знал, что на Земле Эдвард Бонд беснуется в беспомощной ярости, вспоминая о друзьях, которых он поневоле отдал в руки злых колдунов и черных магов, бросил на произвол судьбы.

Возможно, мне придется отправиться на поиски лесных жителей. По крайней мере среди них я буду в полной безопасности до тех пор, пока память полностью ко мне не вернется. Но когда она вернется, Ганелон придет в бешенство, очутившись лицом к лицу со своими врагами. Имел ли я право подвергать опасности повстанцев? Имел ли я право подвергать опасности самого себя?

Мне нельзя было идти на Шабаш, нельзя было оставаться в замке. Эдварду Бонду, который в любую минуту мог превратиться в Ганелона, смерть грозила со всех сторон. Со мной могли расправиться лесные жители. Или магистры.

Например, насмешливый полузверь Матолч.

Или Эдейрн, пронзающая ледяным взглядом из-под капюшона.

Или Гаст Райми, кем бы он ни был. Или Арле. Или ведьма в алом!

Да, подумал я, более всего мне следует опасаться Медеи, которую... я любил!

Когда сгустились сумерки, в комнату вошли две девушки-рабыни. Одна из них держала в руках накрытый поднос, другая — мою одежду. Я торопливо поел, переделся в простую полотняную тунику и бриджи, накинул на плечи длинную голубую мантию. Маску из золотой парчи я нерешительно вертел в руках, пока одна из девушек не произнесла:

— Мы проводим тебя, когда ты будешь готов, господин.

— Я готов, — ответил я и последовал за рабынями.

Бледный, непонятно откуда идущий свет освещал комнаты замка. Меня привели в покои Медеи — в зал с фонтаном. Пурпурнооклая ведьма в обтягивающем фигуру ослепительно-белом платье и в алой мантии была неописуемо прекрасна.

Рабыни незаметно исчезли. Медея улыбнулась, но я чувствовал, что она нервничает: глаза ее были прищурены, уголки губ чуть подрагивали. Казалось, она нетерпеливо чего-то ждала.

— Ты готов, Ганелон?

— Не знаю. Что ты имеешь в виду? Не забывай, я потерял память.

— Сегодня ночью, быть может, она к тебе вернется, — сказала Медея. — Но ты не примешь участия в ритуале до тех пор, пока не будет принесена жертва. Оставайся простым наблюдателем. Все равно ты не помнишь заклинаний, так что их произнесут за тебя магистры.

— Матолч?

— И Эдейрн. Гаст Райми с нами не поедет. Он никогда не выходит из замка... и не выйдет, если всем нам не будет грозить смертельная опасность. Он стар... слишком стар.

* * *

Я нахмурился.

— Куда мы едем?

— В Кэр Секир. Я ведь говорила тебе, что жерт-

воприношения не совершались с тех пор, как я отправилась на Землю. Мы упустили время.

— Что я должен делать?

Ее изящная ручка дотронулась до моего плеча.

— Ничего. Настанет минута, когда ты... поймешь. А до тех пор смотри и ни во что не вмешивайся. Надень маску.

Она быстро надела на себя черную полумаску, раздвинула портьеры и вышла в небольшой двор. Я отправился следом. Маска из золотой парчи была удобной и не мешала видеть.

Во дворе нас поджидали грумы, держа в поводу оседланных лошадей. Медея вскочила на одну из них, я — на другую.

Небо начало темнеть. Огромные ворота в стене поднялись. За ними лежала дорога, уходящая к далекому лесу.

Мрачный, зловещий диск красного солнца разбился о горный хребет в отдалении.

Темнота с быстротой волны катила на небо. Загорелись миллионы ослепительно-белых огней. В звездном свете лицо Медеи выглядело неестественно бледным, глаза сверкали.

Издали я услышал зов горна. Зов повторился.

На мгновение наступила тишина, затем послышался слабый шорох, постепенно превратившийся в стук копыт.

Мимо нас прошел человек — раб без маски. Он остановился и стал молча смотреть в открытые ворота. Еще один раб. И еще один. Три группы по два десятка рабов в каждой. А за ними почти столько же девушек-рабынь.

На чалом жеребце подскочил Матолч в зеленой, цвета листвы мантии. Он искоса посмотрел на меня, и его желтые глаза недобро блеснули.

Затем появилась Эдейрн на небольшом пони. Она была в ярко-желтой мантии, но лицо ее, как всегда, скрывал капюшон. За Эдейрн ехала кавалькада всадников, но стало совсем темно, и мне не удалось их разглядеть.

Мы отправились в путь. Мертвую тишину нару-

шал лишь стук копыт. Лес становился все ближе и в конце концов поглотил нас.

Я оглянулся. Огромная черная скала на фоне неба была замком, из которого мы только что выехали.

Тяжелые ветви нависали над нашими головами. Лес ничем не напоминал мне сад Медеи, и тем не менее я чувствовал в нем что-то чуждое, неестественное.

Мы скакали довольно долго. Дорога закончилась, на небо неторопливо поднялась луна. При ее золотистом свете я увидел внизу в долине древнюю башню готической постройки, словно выросшую из черной земли.

Кэр Секир!

Когда-то я приходил сюда. Ганелон из Мира Тьмы хорошо знал это место. Но я его не знал. Мне неприятно было чувствовать то, что психологи во всем мире называют *déjà vu*. Чужая душа в чужом теле...

Кэр Секир. Секир?.. Изучая на Земле магию, я где-то встречал это имя. Странное имя... ну конечно же, в Гаскони!

Месса Святого Секира!

Человек, по которому служат эту черную мессу, умирает. Не отслужат ли ее сегодня по Ганелону?

Кэр Секир не был обителем Ллура. Ллур не мог жить в башне, в которой собирались идолопоклонники. Но я знал, что его можно вызвать и сюда, и в другие храмы, разбросанные по всему Миру Тьмы. Если состоится жертвенный пир, Ллур придет.

Кто будет жертвой? Ганелон? Я неуверенно трянул поводьями. Атмосфера вокруг нас была накалена до предела, и я никак не мог понять почему. Медея оставалась спокойной. Эдейрн вообще никогда не нервничала. У Матолча, я мог бы поклясться, не нервы, а канаты. И все же в ночи было что-то тревожное, и оно окружало нас со всех сторон.

Перед нами шли вооруженные солдаты, окружавшие колонну рабов. И те, и другие двигались механически, словно в полусне. Они тоже не волновались, слепо двигаясь навстречу своей судьбе.

Тем не менее тревога, охватившая меня, усиливалась с каждой минутой.

Что-то ждало нас в ночи!

ЛЕСНЫЕ ЖИТЕЛИ

В темном лесу неожиданно и пугающе запел горн. Захрустели ветки, послышались крики, тьма озарилась молниями выстрелов. Внезапно я увидел людей в зеленых камзолах. Они врзались в гущу солдат и схватились с ними врукопашную.

Моя лошадь испуганно заржала. Я яростно дернул поводья, чувствуя, как знакомая пелена ненависти застилает мой мозг. При виде лесных жителей Ганелон вновь попытался взять верх над моими мыслями. Но мне удалось справиться и с испуганным конем, и с бешеным Ганелоном. Нападение повстанцев застало меня врасплох, но я тут же подумал, что оно может сослужить мне хорошую службу.

Медея, приподнявшись на стременах, посылала из черной трубки молнию за молнией в самую гущу сражавшихся. Эдейрн спокойно отъехала в сторону, не принимая никакого участия в битве. Закутанная в плащ с капюшоном под ярко-желтой мантией, она сидела в седле, скрючившись, и ее неподвижность выглядела устрашающе. У меня возникло ощущение, что она в любую минуту может покончить с нападавшими, если ей этого захочется.

Матолча в седле не было. Чалый жеребец, не разбирая дороги, умчался в лес, а сам Матолч ринулся в бой, яростно крича. Я видел под зеленой мантией облик, непохожий на человеческий; видел, как лесные жители отшатывались от оборотня, прорубавшегося сквозь их ряды к колонне солдат.

Была сделана отчаянная попытка освободить обреченных рабов и рабынь — это я понял сразу же. Но повстанцы не осмелились напасть на магистров Шабаша. Все их усилия были направлены на то, чтобы отбить рабов-роботов у стражников-роботов. Тщетные усилия.

Жертвы были слишком апатичны и никуда не хотели убегать. Воля каждого из них была сломлена, и они умели только одно: подчиняться приказам. А повстанцы остались без предводителя, и виноват в этом был я. Видимо, Эдвард Бонд подготовил операцию по освобождению пленных и из-за меня не смог

принять в ней участия. Лесные жители практически проиграли битву, не успев ее начать.

Молнии Медеи убивали одного нападавшего за другим, бездумные солдаты стреляли, как на учениях, рычание Матолча действовало эффективнее любого оружия. От него отшатывались, как от чумы. И я знал, что пробравшись к солдатам, Матолч организует их и уничтожит повстанцев за несколько минут.

Какие-то мгновения в моем мозгу тоже кипела битва. Ганелон пытался взять бразды правления в свои руки. Эдвард Бонд сопротивлялся что было сил.

Я, Ганелон, знал, что мое место рядом с оборотнем; инстинкт толкал меня сражаться с ним плечом к плечу. Я, Эдвард Бонд, тоже знал, что мне надлежит делать. Я поднял маску, чтобы меня могли узнать в лицо; пришпорил коня, двигаясь вслед за Матолчем. У меня было перед ним преимущество: пеший конному не товарищ. Приподнявшись на стременах, я закричал глубоким горловым голосом Ганелона:

— Бонд! Бонд! Эдвард Бонд!

Повстанцы меня слышали. На мгновение шум битвы стих, и люди, одетые в зеленые камзолы, подняли головы, глядя на меня. Они сразу узнали своего пропавшего без вести вождя и подхватили мой крик, который громом прокатился по их рядам:

— Бонд! Эдвард Бонд!

Лес зазвенел их голосами, в которых появилась надежда. Матолч яростно взревел, но лесные жители вновь кинулись в атаку, тратя последние силы.

Память Ганелона услужливо подсказала, в чем заключается моя задача. Повстанцы убивали солдата за солдатом, но кроме меня никто не мог спасти пленников. Только голос Ганелона способен был вывести их из оцепенения.

Я вновь пришпорил коня, расшвыривая охранников в разные стороны, и поскакал к началу колонны.

— В лес! — приказал я. — Очнитесь и бегите в лес!

Рабы на мгновение замешкались, словно не в силах были выйти из транса, но, повинувшись голосу мо-

гущественного магистра Шабаша, стали послушно пробираться сквозь сломленный строй солдат. Повстанцы расступились, пропуская пленных.

Странный это был побег. Рабы не произносили ни слова, скрываясь в ночи. Молчали солдаты, стрелявшие им вслед. Лица и тех, и других оставались безжизненными. Мне стало жутко.

Я тронул поводья и поскакал за исчезающей в лесу колонной. Сорвав маску из золотой парчи, съехавшей на сторону, я замахал ею в воздухе, как флагом.

— Спасайтесь! — крикнул я лесным жителям. — Следуйте за мной!

Сзади раздался яростный вой Матолча. Я обернулся на скаку и увидел совсем рядом высокую фигуру оборотня. Лицо его было искажено звериной ненавистью, в руках он держал черную трубку, такую же, как у Медеи.

Меня спасло то, что во время выстрела я низко пригнулся в седле. Волна воздуха толкнула меня в спину, магия разорвалась по швам, но белая молния улетела в глубь леса и потонула во мгле. Через секунду поле недавней битвы осталось позади.

Моя лошадь испуганно вскинула голову, пытаясь увернуться от хлеставших ее ветвей. Неподалеку тихий голос произнес:

— Иди сюда.

Чья-то рука взяла коня под уздцы и повела его в поводу.

* * *

Занималась заря, когда путешествие наше подошло к концу. Я увидел опорный пункт повстанцев — небольшую горную долину, окруженную высокими скалами. Все мы сильно устали, кроме рабов, которые продолжали идти с отсутствующими выражениями на лицах, не понимая, что ноги их сбиты в кровь, а тела исхлестаны ветвями.

Лесные жители бесшумно скользили меж деревьев, внимательно наблюдая, нет ли за нами погони. Раненых среди нас не было: куда бы ни разило грозное оружие магистров, человек падал мертвым на месте.

В бледном свете зари трудно было представить се-

бе, что эта долина — штаб-квартира многочисленного клана лесных жителей. Она выглядела совсем заброшенной: поросшие мхом валуны торчали из земли, редкая трава росла на горных склонах, лениво журчал ручеек, окрашенный восходящим солнцем в розовый цвет.

* * *

Мне показалось, я попал на необитаемый остров. Мы прошли по долине (перед входом в нее меня попросили спешиться) более полпути, и за это время я так и не увидел ни одной живой души. Затем человек в зеленом камзоле справа от меня положил руку мне на плечо, и мы остановились. Рабы-роботы, шедшие следом за нами, покорно застыли на месте. Лесные жители, окружавшие меня, негромко засмеялись, и я в недоумении поднял голову.

Она стояла на высоком валуне у самого ручейка. На ней была мужская зеленая туника, перетянутая ремнем, с двумя пистолетами по бокам. Ее золотые волосы, схваченные короной из бледно-золотых листьев, сказочной мантией струились по плечам, ниспадая до колен. Девушка стояла на валуне и улыбалась нам... нет, мне, Эдварду Бонду. Лицо ее было прекрасным. В его чертах чувствовалась сила, невинность и спокойствие святой, но алые губы излучали тепло и нежность. Темно-зеленые глаза — того же цвета, что и туника, — ярко блестели. Никогда еще я не видел таких глаз.

— С благополучным возвращением, Эдвард Бонд. — Голос у нее был ровный, мягкий, словно в течение многих лет она говорила тихо и теперь не могла иначе.

Легко прыгнув с валуна, двигаясь с грациозностью дикой кошки, которая всю жизнь провела в лесу (впрочем, так наверное и было), она подошла ко мне, и волосы ее всколыхнулись, на мгновение приняв очертания нимба.

И я вспомнил Эрту, который сказал мне в саду Медей:

— Пойди к Арле, Эдвард. Она сумеет убедить те-

бя в нашей правоте. Даже если ты Ганелон, позволь мне отвести тебя к Арле!

Сейчас она стояла передо мной — в этом я не сомневался, — и меня не надо было ни в чем убеждать. Мне, Эдварду Бонду, достаточно было взглянуть на эту девушку с нимбом, облик которой говорил яснее всяких слов. Мне, Ганелону...

Разве мог я знать, как поведет себя Ганелон?

Не прошло и минуты, как я получил ответ на свой вопрос.

Она положила мне руки на плечи и, не обращая внимания на то, что на нас смотрят, поцеловала меня в губы.

Как непохож был этот поцелуй на поцелуй Медеи! Не безумную страсть, а бесконечную нежность ощутил я, держа Арле в своих объятиях. Было что-то бесконечно чистое в этой девушке... чистое и радостное, от чего у меня защемило сердце и захотелось домой, на Землю.

Она сделала шаг назад. Спокойно посмотрела на меня своими выразительными изумрудными глазами. Казалось, она чего-то ждала.

— Арле, — сказал я после недолгого молчания.

Мой голос ее успокоил. Вопрос, готовый сорваться с губ, так и не был задан.

— Я волновалась за тебя, Эдвард, — сказала она. — Скажи, они не причинили тебе вреда?

Я инстинктивно знал, что мне надо ответить.

— Нет. Мы не доехали до Кэр Секира. Если бы лесные жители не пришли мне на выручку... что ж, тогда жертвоприношение состоялось бы.

Арле протянула руку и приподняла край моей разорванной мантии. Ее тонкие пальчики сжали шелковую ткань.

— Голубой цвет, — медленно произнесла она. — Цвет жертвы. Да, Эдвард, боги сегодня сражались на нашей стороне. А от этой мерзости мы сейчас избавимся. — Зеленые глаза полыхнули огнем. Резким движением она сорвала с меня мантию, швырнула ее на землю. — Больше ты не пойдешь один на охоту! — воскликнула она. — Я ведь предупреждала тебя об опасности, но ты лишь рассмеялся в ответ. Могу

поспорить, тебе было не до смеха, когда ты попался в руки солдатам Шабаша! Верно я говорю?

Я кивнул. Жгучая ненависть клокотала в моей груди, рвалась наружу.

Голубой цвет — цвет жертвы? Вот как? Значит, мои подозрения были обоснованны. Меня вели в Кэр Секир на заклание, а я, слепец, шел, как баран на бойню! Матолч, конечно, знал. Представляю, как он смаковал про себя столь забавную шутку! Эдейрн, думая свои думы под капюшоном, тоже знала.

А Медея?

Медея!

Она осмелилась предать меня! Меня, ГАНЕЛОНА! Открывающего Врата, Избранника Ллур, могущественного Повелителя Мира Тьмы!

Они посмели!

Черные молнии сверкали в моем мозгу. Клянусь Ллуrom, они заплатят мне за это, подумал я. Они будут ползать у меня в ногах, подобно жалким побитым псам! И умолять о пощаде!

Ненависть, клокотавшая у меня в груди, вырвалась наружу, вышвырнула из моей памяти воспоминания Эдварда Бонда, как Арле вышвырнула голубую мантию — жертвенную мантию, в которую вырядили лорда Ганелона!

* * *

Я слепо моргал глазами, стоя в кругу людей в зеленых камзолах. Как я сюда попал? Как посмели эти смерды стоять передо мной в вызывающих позах? Кровь бешено стучала у меня в висках, земля качалась под моими ногами. Ничего, сейчас я приду в себя и выхвачу свой меч, и изрублю наглых мерзавцев на куски.

Стоп.

Во-первых, магистры Шабаша, поклявшиеся друг другу в верности, предали меня. Почему? Почему? Они были рады, что я вернулся. С лесными жителями я мог расправиться в любую минуту, сейчас предстояло решить более важную проблему. Ганелон был мудр. Повстанцы пригодятся мне, когда я начну мстить.

Мысли лихорадочно плясали в моей голове. Почему магистры решили принести меня в жертву? Я мог бы поклясться, что вначале это не входило в их планы, — слишком искренне радовалась Медея моему возвращению с Земли. Может, ее уговорил Матолч? Опять-таки, почему? Или Эдейри решила свести со мной счеты? Какие? Гаст Райми... Как бы то ни было — клянусь священным Золотым Окном, которое открывается в бездонную пропасть, — я отомщу, и страшна будет моя месть!

— Эдвард! — Испуганный женский голос донесся до меня как бы издалека.

Я попытался взять себя в руки, справиться с обуревавшими меня страстями... и увидел бледное лицо в ореоле золотистых волос, зеленые глаза, в которых застыла тревога... Я вспомнил.

Рядом с Арле стоял незнакомец. Обжигающий холодом взгляд его серых глаз окончательно вернул меня к действительности. Он глядел на меня, Ганелона, как на старого знакомого, а я видел его первый раз в жизни.

Крепыш, невысокого роста, прекрасно сохранившийся, несмотря на седую бороду. Костюм плотно облегал его фигуру и подчеркивал мощь бицепсов.

Я понял, что он опасен. Впрочем, бородач и не пытался скрыть враждебного ко мне отношения.

Белый уродливый шрам, от виска до подбородка пересекавший правую щеку, и тонкие губы, создавали такое впечатление, что лицо его навечно застыло в иронической усмешке. Но серые глаза были серьезны.

Лесные жители расступились перед ним, окружили нас кольцом. Неуловимо быстрым движением он схватил Арле за руку, дернул так, что девушка оказалась у него за спиной. Затем безоружный сделал шаг вперед.

— Нет, Ллорин! — вскричала Арле. — Не смей!

Бородач подошел ко мне вплотную.

— Ганелон, — произнес он, глядя мне в глаза. И при звуках этого имени шепот страха и ненависти пронесся по окружающей нас толпе. Многие схватились за оружие. Лицо Арле перекосилось.

Изворотливость Ганелона пришла мне на помощь.

— Нет. — Я устало потер рукой лоб. — Я — Эд-

вард Бонд. Но отравы, которую дали мне в замке, все еще действует.

— Какая отравы?

— Не знаю. Медея поднесла мне кубок с вином, а дальше я плохо помню. И события сегодняшней ночи утомили меня.

Я сделал несколько неуверенных шагов в сторону, оперся о валун и потряс головой, словно не понимая, что со мной происходит. Но я был начеку. Наступила тишина.

Прохладные пальцы нежно дотронулись до моей руки.

— Любимый, — сказала Арле и резко повернулась к Ллорину. — Неужели ты думаешь, я не отличу Эдварда Бонда от Ганелона? Ллорин, ты дурак!

— Если б эти двое не были идентичны, нам никогда не удался бы обмен, — грубо ответил Ллорин. — Ты должна знать, Арле. Знать наверняка!

Шепот в толпе вновь стал нарастать.

В изумрудных глазах Арле я увидел смятение. Она отпустила мою руку, пристально на меня посмотрела. На лице ее отразилась борьба чувств.

Я ответил ей взглядом на взгляд.

— Что скажешь, Арле? — спросил я.

Губы ее задрожали.

— Не сердись, Эдвард, но Ллорин прав. Мы не можем рисковать. Ты должен понимать это лучше других. Если дьявол-Ганелон вернется после всего, что произошло, всем нам придет конец.

Дьявол, подумал я. Дьявол-Ганелон. Да, Ганелон ненавидел лесных жителей. Но сейчас другая ненависть не давала ему жить. В трудный час магистры Шабаша предали его, и прежде чем разобраться с повстанцами, он должен утолить жажду мести. Дьявол-Ганелон уничтожит Кэр Секир, сотрет с лица земли замок вместе с его обитателями!

А сейчас надо вести себя крайне осторожно.

— Да, Ллорин прав, — согласился я. — Никто из вас не может определить, Ганелон я или нет. Кроме тебя, Арле, — тут я улыбнулся, — а это не в счет. И рисковать действительно нельзя. Что ж... пусть Ллорин испытает меня.

— Ну? — спросил бородач, глядя на Арле.

Она неуверенно посмотрела на него, потом на меня.

— Я... я согласна.

Ллорин презрительно хмыкнул.

— Мое испытание может не удался. Но среди нас есть та, кто видит. Фрейдис.

— Пусть меня испытает Фрейдис, — быстро сказал я и был вознагражден за свою смелость, увидев, что Ллорин смутился.

— Хорошо, — произнес он после непродолжительного молчания. — Если я ошибся, заранее приношу свои извинения. Но если я прав, я убью тебя или, по крайней мере, попытаюсь это сделать. Только одного человека уничтожу я с большим наслаждением, чем тебя, но оборотень не в моей власти... пока.

* * *

И с этими словами Ллорин дотронулся до своего уродливого шрама. При мысли о Матолче в его серых глазах вспыхнула такая ненависть, которая показала пугающей даже мне, умевшему ненавидеть.

Что ж, пусть убьет Матолча, если сможет. Я жаждал сомкнуть пальцы на другом, более мягком горле. Никакое колдовство не убережет ведьму в алом, когда Ганелон разрушит Кэр Секир и вернется в замок!

И вновь черная ярость накатила на меня волной, уничтожившей воспоминания Эдварда Бонда, но оставившей в неприкосновенности коварство Ганелона.

— Да будет так, Ллорин, — спокойно сказал я. — Пойдем к Фрейдис.

Он коротко кивнул. Окруженные лесными жителями, мы продолжили путь: Ллорин шел слева от меня, Арле — удивленная и встревоженная — справа. Колонна рабов-роботов следовала за нами.

Стены каньона постепенно сужались, впереди показалось черное отверстие входа в пещеру. Мы расположились перед ней полукругом. Наступила тишина, лишь ветер негромко шелестел в листьях. Красное солнце выкатывалось из-за горы на небо.

— Я не сплю, — слышался из тьмы пещеры глубокий сильный голос. — Что за нужда привела вас ко мне?

— Матушка Фрейдис, мы освободили пленных, — быстро сказала Арле. — На них лежит заклятье сна.

— Пусть войдут.

Ллорин сердито посмотрел на Арле и сделал шаг вперед.

— Матушка Фрейдис! — позвал он.

— Я слышу тебя.

— Нас привела к тебе и другая нужда. Человек, стоящий рядом со мной, называет себя Эдвардом Бондом. Я уверен, что он — Ганелон, которого ты сослала на Землю. Нам не обойтись без твоего ясновидения.

Наступило продолжительное молчание.

— Пусть войдет, — произнес глубокий сильный голос. — Но сначала — пленные.

По знаку Ллорина лесные жители начали подталкивать рабов ко входу в пещеру. Не сопротивляясь, как стадо баранов, они шли гуськом и исчезали один за другим в темноте.

Ллорин посмотрел на меня и кивнул в сторону входа. Я улыбнулся.

— Когда я вернусь, мы вновь станем друзьями, Ллорин, — сказал я.

Холодный взгляд серых глаз пронзил меня насквозь.

— Последнее слово за Фрейдис.

Я повернулся к Арле.

— Последнее слово за Фрейдис, — повторил я, — но ты не волнуйся, Арле. Поверь, я не Ганелон.

Она испуганно посмотрела на меня, замерла в нерешительности, и я тут же сделал шаг в сторону. Лесные жители наблюдали за нами, держа оружие наготове.

Я мягко рассмеялся, отвернулся от них.

Подошел ко входу в пещеру.

Тьма поглотила меня.

ФРЕЙДИС

Я шел по тропинке, уводящей в глубь пещеры. Как ни странно, я был абсолютно уверен в себе. Впереди за поворотом замерцал огонек. Я улыбнулся. Са-

мым тяжелым испытанием для меня было разговаривать с этими лесными выскочками, которые возмнили себя равными мне. Смешно думать, что их колдунья обладает такими же силами, как магистр Шабаша. Конечно, какие-то знания у нее есть, ведь ей удалось отправить меня, Ганелона, на Землю. Тем не менее я не сомневался, что никто из повстанцев не представляет для меня опасности.

В небольшой пещере за поворотом не было никого, кроме Фрейдис. Облаченная в белую мантию, она стояла на коленях перед большим хрустальным блюдом, в котором — без видимой причины — горел огонь. Тугие седые косы падали на неровный пол за ее спиной. Я остановился, пытаюсь пробудить в себе чувства Эдварда Бонда, чтобы произнести те слова, которые мог произнести только он. Затем Фрейдис встала и повернулась ко мне лицом.

Я был поражен ее ростом. Немногие в Мире Тьмы могли смотреть мне в глаза, не поднимая головы, и Фрейдис была одной из них. Широкие плечи, большие, сильные, словно у мужчины, руки, быстрые, легкие движения, лицо без морщин — не выдавали ее возраста. И только по ясному взгляду голубых глаз, отражавших мудрость веков, понял я, что Фрейдис была стара. Очень стара.

— Здравствуй, Ганелон, — услышал я ее глубокий сильный голос.

Я вздрогнул. Она говорила с такой уверенностью, будто могла читать мои мысли, хотя я твердо знал, что в Мире Тьмы мне нет равных. На мгновение я потерял дар речи, но гордость быстро пришла мне на выручку.

— Здравствуй, старуха, — сказал я. — Я дам тебе шанс выжить, если ты будешь во всем мне повиноваться. У нас с тобой старые счеты.

Она улыбнулась.

— Присаживайся, магистр Шабаша. Когда мы мерились силами в последний раз, тебе пришлось отправиться в путешествие. Не соскучился ли ты по Земле?

Настала моя очередь улыбнуться.

— Ничего у тебя не выйдет. А если и выйдет, ты

откажешься от своих намерений, когда выслушаешь меня.

Голубые глаза пытливо изучали мое лицо.

— Ты страстно желаешь чего-то, — медленно произнесла она. — Твое присутствие здесь и готовность заключить со мной сделку доказывают это. Вот уж никогда не думала, что мне придется разговаривать наедине с могущественным лордом Ганелоном, который не бьется в очередном приступе дикой ярости или не скован цепями. Но я нужна тебе, Ганелон, и нужда во мне сковывает тебя крепче цепей. Ты беспомощен. — Фрейдис грациозно повернулась, великолепно управляя своим большим сильным телом, и вновь села к огню. — Присаживайся, — повторила она, — и давай поторгуюсь. Об одном тебя прошу: не лги, не трать время попусту. Поверь, я сразу узнаю, правду ты говоришь или нет.

Я пожал плечами.

— С какой стати мне лгать? Я ничего не собираюсь скрывать, ведь я тебя не боюсь. И чем больше ты будешь знать, тем скорее убедишься в моей искренности. Но сначала скажи... куда делись рабы, которые вошли сюда передо мной?

Она мотнула головой в дальний угол пещеры.

— Я отослала их в глубь горы. Ты ведь знаешь, как беспробуден сон освобожденного от заклятий.

Я сел рядом с ней и покачал головой.

— Нет... не помню. Я... Ты хотела услышать из моих уст правду, старуха. Тогда слушай. Я — Ганелон, но фальшивые воспоминания Эдварда Бонда затуманили мою память. Когда я появился здесь, я все еще был Эдвардом Бондом, но Арле сказала одну только фразу, и я вновь стал Ганелоном. Я понял, что меня одели в голубой жертвенный плащ и вели в Кэр Секир на закляние вместе с рабами. Должен ли я объяснять тебе, ведьма, какое мое самое сокровенное желание?

— Месть! — громко сказала она, и глаза ее загорелись. — Ты говоришь правду, магистр. Ты хочешь, чтобы я помогла тебе отомстить. А взамен? Что можешь ты предложить лесным жителям, кроме огня и меча? Почему мы должны верить тебе?

— Потому, что я выполню любое твое желание. Я хочу отомстить. Чего хочешь ты?

— Уничтожить Ллура, положить конец Шабашам! — Голос ее дрожал от возбуждения, лицо пылало.

— Хорошо. Я тоже хочу положить конец Шабашам и... уничтожить Ллура. — Последние слова дались мне с большим трудом, сам не знаю почему. Я помнил, что когда-то состоялась торжественная церемония моего посвящения Ллуру и между нами установилась неразрывная связь. Но мы с Ллуром не были едины. Это могло произойти и почему-то не произошло. Я вздрогнул.

А сейчас я хотел уничтожить Ллура... уничтожить Ллура, чтобы самому остаться в живых.

Фрейдис пытливо посмотрела на меня.

— Да... возможно, ты не врешь. Возможно. Так какой помощи ты ждешь от меня, Ганелон?

— Ты должна поклясться перед всеми, — быстро ответил я, — что я — Эдвард Бонд. Нет, подожди! Я могу сделать для них неизмеримо больше, чем Эдвард Бонд. Скажи спасибо, что я вновь стал Ганелоном, ибо кроме Ганелона никто не может вам помочь. Лесные жители не в силах меня убить, я знаю. Ганелон бессмертен и может погибнуть только на алтаре Ллура. Допустим, вы возьмете меня в плен и ты снова вызовешь Эдварда Бонда своими заклинаниями. Это глупо и не нужно ни тебе, ни мне. Эдвард Бонд выполнил свою миссию. Теперь пришла очередь Ганелона. Кто еще скажет вам, где уязвимое место Ллура, каким образом найти секретное оружие Матолча, как обезвредить Эдейрн? Это знаю только я... вернее, знал когда-то. Ты должна вернуть мне память, Фрейдис. А потом... — Я криво усмехнулся.

Она кивнула. Задумалась. Потом спросила:

— Что я должна сделать, Ганелон?

— Сначала скажи, как тебе удалось поменять нас с Бондом местами? — поинтересовался я.

Фрейдис хмуро улыбнулась.

— Не торопись, магистр! У каждого из нас есть свои тайны! Я отвечу лишь на часть твоего вопроса. Как ты можешь догадаться, мы пошли на обмен только ради того, чтобы избавиться от тебя. Ты ведь помнишь, как свирепо уничтожал нас, устраивая об-

лаву за облавой. Ты посягнул на нашу свободу, а мы — гордый народ, Ганелон, и нас нельзя угнетать вечно. Я знала, что мы не можем тебя убить, но после долгих поисков мне удалось найти твоего двойника, а затем с помощью заклинаний отправить тебя на Землю. От Ганелона мы избавились, но теперь среди нас появился Эдвард Бонд, и сначала он тоже не внушал нам доверия. Ничего удивительного, ведь Эдвард Бонд был копией Ганелона. Впрочем, его мы *могли* убить. К счастью, он оказался полной твоей противоположностью. Эдвард Бонд — мужественный человек. Это он составил план нападения на магистров Шабаша...

— Который полностью провалился, — перебил я Фрейдис. — Вернее, провалился бы, если б я не пришел вам на помощь. Я не спору, Эдвард Бонд человек знающий, но он — землянин. Его оружие в лучшем случае пробьет небольшую брешь в стенах замка. Ты не можешь не знать, что тем силам, которыми мы располагаем (и которыми так редко пользуемся), ничто не может противостоять!

— Да, — печально сказала она. — Ты прав. Но мы не могли сидеть сложа руки. К тому же твое отсутствие ослабило позицию магистров Шабаша. Никто из них не посмел бы вызвать Ллур... разве что Гаст Райми. — Фрейдис задумчиво посмотрела на горящий в хрустальном блюде огонь. — Я знаю тебя, Ганелон, знаю твои высокомерие и гордость. Я знаю, что ты жаждешь мести. Но я не могу забыть о твоей связи с Ллуrom и о том, что ты — магистр Шабаша со дня своего рождения. Почему я должна тебе верить?

Я промолчал. Спустя несколько секунд Фрейдис встала, подошла к закопченной дымом стене и откинула занавеску, на которую я до сих пор не обращал внимания. За занавеской был альков, а в алькове я увидел Символ, древний Знак Зодиака, существовавший *до того*, как возникла цивилизация, *ранее*, чем появилась человеческая речь.

Немногие в Мире Тьмы понимали, что означал этот Символ. Видимо, Фрейдис принадлежала к их числу.

— Готов ли ты поклясться, что язык твой не произнесет слов лжи? — спросила она.

Я сделал рукой ритуальный жест, который связывал меня по рукам и ногам. Теперь я не мог нарушить клятвы, не будучи проклят и трижды проклят, как в этой жизни, так и в последующей. Но я не колебался — я говорил правду!

— Я положу конец Шабашам! — сказал я.

— А Ллур?

— Я уничтожу Ллура! — Крупные капли пота выступили у меня на лбу. Нелегко мне дались эти слова!

Фрейдис задернула занавеску.

— Что ж, Ганелон, — сказала она. — Теперь я более или менее спокойна. Никто не ведает, что задумали Норны*. Пути их неисповедимы, но во всем происходящем есть смысл, даже если мы не всегда его понимаем. И я не потребовала, чтобы ты поклялся в верности лесным жителям.

— Я помню.

— Ты никогда не дал бы такой клятвы. Впрочем, она необязательна. После того, как с Шабашами будет покончено, а Ллур будет уничтожен, я сумею защитить свой народ даже от тебя, Ганелон. И может, нам еще придется помериться силами. Но до тех пор мы — союзники. Я объявлю, что ты — Эдвард Бонд.

— Этого мало. Меня могут заподозрить.

— Никто и никогда не усомнится в моем слове. — Фрейдис вновь присела к огню, и свет заиграл на лице, по которому невозможно было определить ее возраст, уходящий в глубь веков.

— Я не смогу отомстить магистрам, если ко мне полностью не вернется память. Память Ганелона.

Она покачала головой.

— Не рассчитывай на мою помощь. Кое-что можно сделать, но воспоминания, однажды стертые, восстанавливаются нелегко. Ведь у тебя сохранились воспоминания Эдварда Бонда?

* В скандинавской мифологии — богини судьбы: Урд (прошлое), Верданди (настоящее), Скульд (будущее), которые живут под громадным ясенем Игдразилем, покрывающим своей тенью весь мир. Норны определяют судьбы не только людей, но и богов.

Я кивнул.

— Только они и сохранились. Как Ганелон, я вспоминаю свою жизнь урывками. Например, мне известно, что я — Избранник Ллур, но я не помню подробностей.

— Может, оно и к лучшему, — торжественно произнесла Фрейдис. — Но ты прав, тупой нож в хозяйстве не пригодится. Так слушай. — Она вытянулась во весь свой рост, возвышаясь надо мною, как недвижимая скала. Голос ее звенел. — Я изгнала тебя на Землю, и в Море Тьмы появился Эдвард Бонд. Он помог нам, и Арле... полюбила его. Даже Ллорин, который доверяет немногим, сдружился с Эдвардом Бондом.

— Кто такой Ллорин?

— Сейчас — повстанец, один из нас. Когда-то он жил в лесу, занимался охотой. Мало кто умел выследить добычу так, как Ллорин. У него была молодая жена. Однажды ночью он вернулся домой и увидел волка с окровавленной пастью, стоявшего над ее трупом. Ты видел щеку Ллорина? Все его тело тоже в шрамах — от когтей и зубов волка.

— Волка? — переспросил я. — Или...

— Оборотня. Человека, меняющего свой облик. Когда-нибудь Ллорин убьет Матолча. Только ради этого он и живет.

— Пусть забирает себе рыжего пса, — презрительно сказал я. — Если он захочет, я подарю ему Матолча, разрезанного на куски!

— Арле, Ллорин и Эдвард Бонд составили план действий, — продолжала Фрейдис. — Они поклялись, что следующий Шабаш будет последним в Море Тьмы. Эдвард Бонд помог нам изготовить новое оружие, которое применяют на Земле... сейчас оно хранится в нашем арсенале. Но с тех пор, как Медея и ее присные отправились на поиски Ганелона, в Море Тьмы не справлялся ни один Шабаш. Мы были бессильны. Лесным жителям не с кем было воевать, разве что с Гастом Райми. Но сейчас магистры вернулись и готовятся к новым злодеяниям. Если ты возглавишь повстанцев, мы победим!

— Никакое земное оружие не поможет против сил, подвластных магистрам Шабаша. Память изме-

няет мне, но, по-моему, Эдейрн... Эдейрн... нет, не помню.

— Как уничтожить Ллура? — резко спросила Фрейдис.

— Я... тоже забыл.

— Посмотри на меня. — Она наклонилась, и ее лицо, отражающее тайны столетий, казалось, погрузилось в огонь, горевший в хрустальном блюде.

Мы глядели друг на друга, разделенные пламенем, и вдруг какая-то странная сила полилась из ее чистых голубых глаз, похожих на озера прохладной воды под ярким небом, озера глубокие и неподвижные, в которые можно было погружаться в тишине и молчании все глубже и глубже, вечно...

Голубые воды затуманились, потемнели. Черный купол появился на фоне черного неба... И в черных глубинах мозга Ганелона я увидел то, что переполняло все его мысли: Кэр Ллур.

Купол подплыл ближе, навис надо мной. Темная вода его стен раздвинулась, и я очутился в ярко освещенном коридоре, который должен был привести меня к Ллуру.

ЦАРСТВО СВЕРХСОЗНАНИЯ

Я пошел вперед. Знакомые лица мелькали передо мной: Матолч, обнаживший зубы в волчьей усмешке; Эдейрн, пронизывающая меня ледяным взглядом из-под капюшона; Медея, желанную красоту которой не мог забыть даже тот, кто ее ненавидел. Они глядели на меня недоверчиво, и губы их беззвучно шевелились.

Околдованный Фрейдис, я попал в Царство мыслей и душ. Магистры Шабаша узнали меня. Они настойчиво задавали мне вопрос, который я никак не мог услышать. В мозгу Матолча была только одна мысль: смерть Ганелону! Его желтые глаза горели ненавистью. Затем оборотень исчез и передо мной появилась Медея. На этот раз я разобрал движения коралловых губ:

— Ганелон, где ты? Ганелон, любимый мой, где ты? Ты должен вернуться к нам, Ганелон!

Безликая Эдейрн заслонила Медею, и мне показалось, я отчетливо слышу ее нежный детский голос:

— Ты должен вернуться к нам, Ганелон! Вернуться и умереть!

Ярость красной пеленой застлала мне глаза. Лица исчезли.

Предатели, убийцы, клятвопреступники! Как осмелились они угрожать Ганелону, самому могущественному повелителю Мира Тьмы? Как осмелились они... и почему?

Почему?

Мой мозг напряженно искал ответа. И внезапно я понял, что не вижу еще одного лица... Куда подевался Гаст Райми?

Я попытался установить с ним контакт.

Тщетно. Но я вспомнил. Я вспомнил Гаста Райми, которого никогда не видел Эдвард Бонд. Древний старец, стоящий выше добра и зла, выше любви и ненависти, — самый мудрый магистр Шабаша. Если б он пожелал, то ответил бы на мою мысль. Если он не желал, заставить его было невозможно. Ничто не могло причинить вреда Гасту Райми, способному мгновенно покончить с собой силой мысли. Он был похож на пламя свечи, отклоняющееся в сторону, когда подносишь к нему руку. Жизнь ничего для него не значила: ему было все равно, жить или умереть. Если б я попытался схватить его, он проскользнул бы сквозь мои пальцы, как вода. И он не желал нарушать своего спокойствия ради мысли, которая должна была пробудить его бесчувственное тело.

Остальные магистры продолжали отчаянно звать: «Вернись и умри, лорд Ганелон»! Но Гаст Райми молчал.

Тогда я понял, что это по его приказанию был подписан мой смертный приговор. И я знал, что должен, — обязательно должен! — заставить древнего старца (которого невозможно заставить, потому что любая сила против него бессильна) ответить, почему он так поступил.

Мысли мелькали в моем мозгу, а тем временем я без всяких усилий скользил по огромному залу в Кэр

Ллуре, подхваченный волной прилива, зародившейся глубоко в сознании Ганелона, Избранника Ллура... Ганелона, который когда-нибудь вернется к Тому, Кто Ждет, как он возвращался к Нему сейчас.

Золотое Окно сверкало передо мной — то самое окно, через которое Ллур наблюдал за подвластным ему миром и принимал жертвоприношения. Ллур был голоден. Я чувствовал его голод. Сознание Ллура металось по Царству мыслей и душ, и в тот момент, когда я понял, куда двигаюсь, оно уловило мое присутствие.

Ллур узнал своего Избранника. Он раскрыл мне свои богоподобные объятия, из которых, как я знал, не было возврата.

Я услышал беззвучный, полный ужаса крик Медеи, внезапно оборвавшийся, страшный звериный вой Матолча, затихший на отчаянной ноте. Одна лишь Эдейрн исчезла незаметно, как будто ее и не было вовсе. Я знал, что каждый из них сидит сейчас в замке, стараясь отключить свой мозг и ни о чем не думать, в то время как Ллур ищет в Царстве мыслей и душ ту пищу, в которой ему так долго было отказано.

Одна моя часть разделяла ужас и отвращение магистров Шабаша. Но другая часть тянулась к Ллуру. Я вспомнил экстаз, охвативший меня, когда на какое-то мгновение мы с Ллуром стали едины, ощутил ужас и наслаждение, которые никогда не испытает ни одно человеческое существо, почувствовал силу, которой подчинялась Вселенная.

Все это было моим, стоило только захотеть. Раз в поколение появляется человек, делящий с Ллуром его божественную душу, и этим человеком был я. Мне необходимо было совершить еще один церемониальный ритуал... ах! если б я решился, если б только осмелился!..

Жажда мести вспыхнула во мне с новой силой.

Я не должен расслабляться, не должен мечтать об обещанном мне блаженстве. Я поклялся уничтожить Ллура. Я поклялся старинной клятвой на Символе покончить с Шабашами и уничтожить Ллура. Медленно, неохотно, мой мозг прервал контакт с его сознанием.

В тот момент, когда контакт прервался, волна отвращения захлестнула меня. Я чуть было не дотронулся до... *Него!* Я чуть было не погряз в трясине, которую невозможно ни понять, ни описать словами, потому что он... он... Объяснить, кто такой Ллур было невозможно. И я понял, почему, будучи Эдвардом Бондом, считал, что пока существует Ллур, жизнь любого живого существа осквернена чудовищным утонченным развратом, при мысли о котором хочется покончить с собой... тому, кто знал Ллура.

Я должен уничтожить *Его*. В эту минуту я понял, что буду сражаться с существом по имени Ллур на-смерть. Никто и никогда не видел Ллура — ни его жертвы, ни даже его Избранники. Но тому, кто убьет Ллура, придется с ним встретиться, а убить его поклялся я, Ганелон.

Дрожа всем телом, я начал выбираться из мрачных глубин Кэр Ллура на поверхность голубых озер — глаз Фрейдис. Постепенно темнота рассеялась, и моему взору открылись закопченные стены пещеры, огонь, горевший в хрустальном блюде сам по себе, высокая колдунья, погрузившая меня в транс силой своих заклинаний.

По мере моего возвращения к действительности картины из жизни Ганелона вспыхивали в моем мозгу и оставались там навеки запечатленными.

Я знал, в чем сила Ганелона и в чем его слабость. Я восхищался гордостью Ганелона и прощал ему его грехи.

Я вспомнил!.. Вернее, почти вспомнил.

Слишком много воспоминаний пробудилось во мне, чтобы все их могла вместить одна приливная волна. Некоторые промежутки в моей памяти остались незаполненными.

Темнота рассеялась. Я глядел в спокойные голубые глаза Фрейдис сквозь разделявший нас огонь. Затем я улыбнулся, наконец-то чувствуя уверенность в своих силах.

— Ты постаралась на славу, колдунья, — сказал я.

— Ты вспомнил?

— Отчасти. — Я рассмеялся. — Но более чем достаточно, чтобы решить две проблемы, первая из которых значительно легче второй, хоть и является неразрешимой.

— Ты имеешь в виду Гаста Райми? — спокойно спросила Фрейдис.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю Шабаш. И не сомневаюсь, что в руках Гаста Райми находятся тайны как магистров, так и Ллур. Но Гаста Райми невозможно к чему-нибудь принудить.

— Я найду способ. А теперь послушай, что я собираюсь предпринять. Ты требовала от меня правды. Я расскажу тебе, что мне удалось вспомнить. Слышала ли ты когда-нибудь о Жезле и Маске?

Она пристально посмотрела на меня, покачала головой.

— Говори. Возможно, я смогу тебе помочь.

Я вновь рассмеялся. Фантастически неправдоподобная ситуация! Фрейдис и я, заклятые враги, вожди двух враждующих племен, сидели у огня и планировали совместные действия, чтобы достичь одной цели! И все же я почти ничего не стал скрывать от Фрейдис в тот день, и она тоже была со мной достаточно откровенна.

— В замке магистров Шабаша хранятся Хрустальная Маска и Жезл Власти, — сказал я. — Я забыл, как пользоваться Жезлом, и пойму это не раньше, чем он окажется у меня в руках. Но с его помощью мне не составит труда расправиться с Медеей и Матолчем. Что же касается Эдейрн... Знаю только одно: Маска спасет меня от нее.

Теперь я вспомнил, кем была Медея. Я вспомнил, каким образом утоляла она свою жажду сладострастия. И я содрогнулся, поняв, что молнии из ее трубки не убивали ее жертв, а лишали их чувств.

В моем мире, в Мире Тьмы, человеческая плоть менялась под влиянием мутаций самым странным образом. Мутация Медеи была уникальной. Таких, как она, не существовало на Земле, но созданий, на нее похожих, называли в сказках (а может, и в реальной жизни) вампирами.

Но Эдейрн... Я не знал, кто она такая. Вполне возможно, Ганелон никогда этого не знал. Я лишь не сомневался, что в тяжелый для нее час она откроет свое лицо.

— Фрейдис, — спросил я, — кто такая Эдейрн?

Она покачала головой, и седые косы качнулись в такт за ее спиной.

— Этого я не могу тебе сказать. Когда мы встречались (как встретился с ней сегодня и ты) в Царстве Сверхсознания, мне изредка удавалось проникать в ее мозг. Я обладаю большой силой, Ганелон, но мне каждый раз приходилось отступать, чтобы не обжечься тем холодом, которым веет из-под ее капюшона. Нет, я не могу тебе сказать, кто такая Эдейрн.

Я вновь рассмеялся. Бесшабашная смелость играла в моей крови.

— Забудь об Эдейрн, — сказал я. — Когда я поставлю Гаста Райми сделать то, что мне надо, когда я возьму в руки оружие, которое уничтожит Ллура, плевать мне будет на Эдейрн! Хрустальная Маска — талисман, который защитит меня от нее. Это я твердо знаю. Пусть она становится, кем хочет, — Ганелон не боится Эдейрн!

— Значит, против Ллура тоже существует оружие?

— Меч, — ответил я. — Меч, который... не совсем меч. Только Гаст Райми может сказать мне, где он находится. Меч, имя которому Ллур.

* * *

На какое-то мгновение мне показалось, что языки пламени, поднимающиеся с хрустального блюда, потемнели, словно по ним пробежала чья-то тень. Мне не следовало произносить этого имени вслух. Эхо его прокатилось по Царству мыслей и душ, и, возможно, в Кэр Ллуре Он зашевелился за Золотым Окном и выглянул в мир.

Несмотря на расстояние, я почувствовал голод, который мучал *Его* там, в далеком куполе. И внезапно я понял, что я натворил. *Ллур проснулся.*

Я уставился на Фрейдис широко открытыми глазами и увидел, что колдунья вздрогнула. Она тоже

должна была почувствовать это шевеление, прока-
тившееся непонятной волной по всему Миру Тьмы. Я
знал, что и магистры Шабаша, сидящие в замке, по-
няли в чем дело и замерли от ужаса.

Это я разбудил *Его*. Он не мог не проснуться, ког-
да Избранник его прошел по сверкающему коридору
и остановился перед Золотым Окном.

Возбуждение переполняло меня.

— Теперь они вынуждены будут действовать, —
сказал я Фрейдис. — Ты добилаcь большего, чем хо-
тела, когда помогла мне вернуть память. Ллур сла-
беет, он голоден, голоднее, чем когда бы то ни было.
Шабаш не справлялся долгое время, и Ллур алчет.
Скажи мне, ведьма, твои шпионы наблюдают за зам-
ком? — Она кивнула. — Хорошо. Тогда мы узнаем,
когда рабов поведут на закляние. Ждать придется
недолго! И Эдвард Бонд со своими товарищами на-
падет на замок, пока магистры будут в Кэр Секире.
А в замке хранятся Маска и Жезл, старуха! — Голос
мой звучал торжественно, словно я произносил за-
кливание. — Маска и Жезл для Ганелона, и ни од-
ной живой души в замке, кроме Гаста Райми, кото-
рого я заставляю держать ответ перед собой! Норны
с нами, Фрейдис!

Она поглядела на меня испытующим взглядом, не
произнося ни слова.

Потом хмурая улыбка осветила ее лицо, и, наклони-
вшись, она протянула руку ладонью вниз к пла-
мени. Я увидел, как огонь лижет ее пальцы. Она
сжала его, даже не поморщившись.

Огонь в хрустальном блюде мигнул и погас. По-
темнело. В сумраке женщина, возвышающаяся надо
мною, показалась мне мраморной статуей. Я услышал
ее глубокий голос:

— Норны с нами, Ганелон, — как эхо повторила
она. — И ты будешь с нами, ибо ты связан клятвой.
Иначе тебе придется держать ответ перед богами и
передо мной. И клянусь богами... — она хрипло рас-
смеялась, — ...клянусь богами, если ты предашь нас,
у меня хватит сил, чтобы расправиться с тобой без
помощи заклинаний! — И с этими словами она воз-
дела вверх свои большие сильные руки.

Мы смотрели друг другу в глаза, и мне показа-

лесь, что могучая волшебница действительно сумеет одолеть меня, если дело дойдет до рукопашной. И в колдовстве, и в грубой физической силе я узнал равную себе.

— Да будет так, колдунья, — сказал я, и мы пожали друг другу руки. Я знал, что предам ее, но в тот момент почти хотел, чтобы этого не произошло.

Плечом к плечу мы шли по тропинке к выходу из пещеры. Лесные жители все еще стояли полукругом. Арле и угрюмый Ллорин подняли головы при нашем приближении. Многие схватились за оружие. Повстанцев охватила паника.

Я вытянулся во весь рост, наслаждаясь их страхом, зная, что я, Ганелон, сыграю роль Немезиды*, которая сполна заплатит им по счетам, когда придет время. Мое время.

Но сначала они окажут мне помощь.

За своим плечом я услышал глубокий голос Фрейдис.

— Я знаю этого человека. Его имя — Эдвард Бонд.

Этих слов оказалось достаточно.

СИЛЫ МАГИСТРОВ ШАБАША

Живительный сок потек по корням Игдразиля, пробуждая его от зимней спячки, и стражи древа судьбы поднялись, чтобы служить мне. Три Норны — созидательницы Судеб — я молился им!

Урдр, повелительница прошлого.

Она шептала мне о магистрах, об их силах и слабостях. Она шептала о Матолче, оборотне, который в припадках безумного гнева лишался и здравого смысла, и звериной хитрости; о ведьме в алом и об Эдейрн, и о мудром старце Гасте Райми. Она шептала о моих врагах, которых я могу уничтожить — и уничтожу! — с помощью волшебных талисманов.

Верданди, повелительница настоящего.

Эдвард Бонд выполнил свою миссию, сделал все, что мог. Повстанцы показали мне оружие, хранящее-

* В греческой мифологии — богиня возмездия.

еся в арсенале. Примитивные ружья, гранаты, газовые бомбы, даже несколько огнеметов. Их можно использовать против солдат-роботов; магистрам они не могут причинить вреда. Но об этом знал я один... и, быть может, Фрейдис.

Да, Арле, Ллорин и их последователи готовились штурмовать замок, и я предоставляю им этот шанс, как только шпионы доложат о приготовлениях к Шабашу. Ждать придется недолго. Ллур проснулся и возалкал за Золотым Окном, которое было для него дверью в мир человеческий!

Скульд, повелительница будущего.

Ей я молился больше всех. Я хотел, чтобы магистры Шабаша отправились в Кэр Секир прежде, чем взойдет солнце. Я хотел, чтобы к этому времени повстанцы были готовы.

Эдвард Бонд хорошо вымуштровал лесных жителей. У них даже появилось нечто вроде воинской дисциплины. Они в совершенстве овладели земным оружием, прекрасно знали лес.

Мы составили план нападения — Арле, Ллорин и я, — но я не посвятил их в свои планы. Отряд за отрядом повстанцы исчезали среди деревьев, направляясь к замку. Они притаятся неподалеку от него в кустарнике и будут ждать моего сигнала. Когда придет время, они подойдут к большим воротам в стене и закидают их гранатами.

Мне больше не казалось удивительным, что мы будем сражаться с магией ружьями и бомбами. Я понял, что Мир Тьмы подчиняется не только законам волшебства. Жителю Земли такие существа, как Матолч и Медея, показались бы сверхъестественными, но я, Ганелон, не задумывался об этом, пока не стал обладателем памяти Эдварда Бонда, которой я мог пользоваться по своему усмотрению, как рабочий пользуется своими инструментами.

Ключ к тайне жизни в Мире Тьмы назывался мутацией. В человеческом мозге есть такие глубины, которые на Земле никогда не были исследованы, такие силы, которые никогда не были открыты. А человеческий организм — самый сложный во всей Вселенной.

Хищные звери вооружены лучше людей — у них

имеются клыки и когти. У человека есть мозг. Реагируя на обстановку, хищник выпускает когти, человек же развивает свой мозг. Даже на Земле появляются медиумы, телепаты, специалисты по пси-энергиям. В Море Тьмы мутации происходили чуть ли не с космической скоростью, но многие мутанты найдут применение своим способностям разве что через тысячи лет.

Мозг, обладающий новыми силами, нуждался в орудиях, которые помогли бы ему правильно использовать эти силы. Так появились Жезлы. Хотя я плохо разбирался в технике, принцип их действия был мне понятен. Наука тяготеет к простым решениям; клистрон* и магнетрон** внешне похожи на металлические стержни. Но при определенных условиях, когда через них пропускают ток, они становятся мощными источниками энергии.

Жезлы использовали неисчерпаемые запасы энергии магнитного поля планеты. А направлял эту энергию человеческий мозг.

Превращался ли Матолч в волка? Разозлившийся кот, выгнув спину и распушив хвост, кажется чуть ли не в два раза больше, чем на самом деле. Кобра гипнотизирует свою добычу, чтобы ослабить сопротивление противника. Да, скорее всего, Матолч не был настоящим оборотнем, хотя его жертвам, скованным гипнозом, было от этого не легче.

Медея? Существуют хронические заболевания, которые требуют частого переливания крови. Медея не пила кровь — она утоляла жажду иным способом. Но нервная энергия такая же реальность, как и лейкоциты, и ведьме в алом не приходилось прибегать к помощи заклинаний, чтобы насытиться.

* * *

Эдейрн?.. Смутные догадки, обрывки воспоминаний... Когда-то я знал, какие страшные силы таились под складками ее капюшона...

Ллур... Ллур тоже не был богом! Я вспомнил! Но

* Сверхвысокочастотная электронная лампа.

** Электронная лампа, принцип работы которой построен на взаимодействии электрического и магнитного полей.

я не знал, что представляет собой это странное существо. Что ж, скоро я это узнаю, и меч, который совсем не меч, и имя которому — Ллур, будет моей путеводной звездой!

А тем временем мне надо сыграть роль Эдварда Бонда как можно убедительнее. Даже после слов Фрейдис я не имел права на ошибку, которая дала бы повстанцам повод усомниться в моей личности. Я вновь повторил, что Медея дала мне яд, подействовавший на меня странным образом, и попросил не обращать внимания на некоторые неточности, которые я могу допустить при обсуждении наших планов. Любопытная деталь: после того, как Фрейдис назвала меня Эдвардом Бондом, Ллорин принял меня безоговорочно, в то время как в поведении Арле появилась какая-то настороженность. Не думаю, что она узнала во мне Ганелона, а если узнала, то, видимо, боялась признаться в этом себе самой. Однако я не мог допустить, чтобы ее подозрения превратились в уверенность.

Горная долина была похожа на растревоженный муравейник.

Много событий произошло с тех пор, как лесные жители напали на неприятельский отряд. За это короткое время я испытал колоссальную физическую и эмоциональную нагрузку, от которой обычный человек свалился бы и пролежал в постели несколько дней. Но я был Ганелоном. План нападения на замок мы составили быстро, и благодарить за это надо было Эдварда Бонда. Работа полностью поглотила меня, так что я отложил выяснение отношений с Арле на потом.

Обсудив подробности, мы встали из-за стола, на котором находилась большая карта-макет местности. Ллорин устало улыбнулся мне — все мы устали, — и в этой улыбке чувствовалась дружеская привязанность, которую он испытывал по отношению к Эдварду Бонду. Я не сплеховал и улыбнулся в ответ.

— На этот раз мы обязательно выиграем! — уверенно сказал я, глядя на него.

Лицо Ллорина внезапно перекосила гримаса, глаза зажглись странным огнем.

— Помни! — прорычал он. — Матолч — мой!

Я отвернул взгляд и вновь посмотрел на макет, сделанный когда-то Эдвардом Бондом.

Темно-зеленые холмы, покрытые странным полуживым лесом, изготовленным из веточек, ручейки из белого пластика, дороги... Карта была на удивление точной. Я положил руки на макет нескольких башен, которые копировали замок Шабаша. Я увидел дорогу, по которой ехал прошлой ночью рядом с Медеей. А впереди лежала долина и Кэр Секир — место нашего назначения.

И на какое-то мгновение почудилось мне, что я действительно скачу по этой дороге, освещенной звездным светом, рядом с Медеей. И увидел я волосы ее — черные, как вороново крыло, и белый овал лица, и коралловые губы, и пурпурные глаза, сияющие мне одному. И в мозгу моем звучал один и тот же вопрос:

— Медея, Медея, колхидская ведьма, зачем предала ты меня?

Я с силой ударил ладонью по крошечным башням замка, превратив их в пыль. Я с ненавистью улыбнулся тем обломкам, которые получились из модели Эдварда Бонда.

— Карта нам больше не понадобится! — процедил я сквозь зубы.

Ллорин засмеялся.

— Чинить не придется. Завтра замок Шабаша будет разрушен!

Я пожал плечами и посмотрел на Арле, которая за все это время не произнесла ни слова. У нее было серьезное выражение лица, и она явно ждала, что я ей скажу. Я улыбнулся.

— Нам с тобой так и не удалось побыть вдвоем, — голос мой был тих и нежен. — А сейчас мне необходимо выспаться перед битвой. Давай хоть пройдемся немного, если ты не устала.

Моя улыбка осталась без ответа. Зеленые глаза смотрели на меня пристально, изучающе. Затем Арле кивнула, обошла стол и взяла меня за руку. Я предоставил ей выбирать путь. Мы молча шли по долине, а ручеек журчал рядом с нами. Арле шла легким шагом, ее пушистые волосы летели за ней, как об-

лако тумана. Правая рука ее лежала на вложенном в кобуру пистолете.

* * *

С большим трудом играл я перед Арле роль Эдварда Бонда, ведь мне было наплевать, кем она меня считала. Порочное и прекрасное лицо Медеи, которого не мог забыть ни один смертный, хоть раз на него взглянувший, вставало перед моим внутренним взором. На мгновение я пришел в бешенство, вспомнив, что Эдвард Бонд в моем теле отвечал прошлой ночью на поцелуи, предназначенные Ганелону.

Что ж, я еще успею увидеть ее, прежде чем она умрет от моей руки!

Сегодня вечером, как вчера, откроются ворота замка, и вновь поскачет по дороге кавалькада всадников. И вновь, как вчера, поведу я лесных жителей в бой, но результат его будет неожиданным и для магистров Шабаша, и для повстанцев.

Что за странную паутину судеб сплели Норны! Прошлой ночью я, Эдвард Бонд, вел лесных жителей в бой. Сегодня ночью я, Ганелон, собираюсь поступить точно так же! Эдвард Бонд и Ганелон — два смертельных врага в одном теле, хотя они никогда не встречались и никогда не смогут встретиться лицом к лицу! Загадка, на которую нет смысла искать ответа.

— Эдвард! — произнес голос у моего плеча. Я повернул голову и в который раз поймал на себе серьезный взгляд Арле. — Скажи, Эдвард, она очень красивая?

От удивления я поперхнулся.

— Кто?

— Ведьма. Ведьма-Медея.

Я чуть было не расхохотался. Значит, вот в чем была причина столь странного поведения Арле! Неужели она приревновала меня, решив, что я переменился (а Арле не могла этого не заметить) только потому, что увлекся прелестями другой женщины, ее соперницы? Что ж, если дело только в этом, я быстро успокою бедняжку. Я помолился Ллуру, чтобы он

протиснул меня за локоть, взял Арле за плечи и чуть притянул к себе.

— Ни в этом мире, ни на Земле нет женщины и вполнину такой прекрасной, как ты, любимая, — нежно сказал я.

Взгляд изумрудных глаз остался серьезен.

— Когда ты действительно будешь думать то, что сейчас сказал, Эдвард, я буду счастлива. Но ты так не думаешь. Я знаю. — И она закрыла мне рот мягкой ладонью, когда я попытался протестовать. — Не надо больше о ней говорить. Она — волшебница. И обладает могуществом, перед которым мы с тобой бессильны. Не моя, да и не твоя вина, что ты не можешь забыть ее красоту в одно мгновение. И хватит об этом. Посмотри! Узнаешь это место?

Мы стояли посреди высоких деревьев на вершине небольшой горы. Ветви с листьями мешали видеть, но все равно сквозь просветы можно было разглядеть величественную панораму холмов, освещенных пылающим красным солнцем.

— Когда-нибудь вся эта страна будет нашей, — мягко сказала Арле. — После того, как мы уничтожим Шабаш, покончим с Ллуром. И тогда мы расчистим леса, вспашем землю, построим города — будем жить, как люди! Представь себе, Эдвард! Весь наш мир свободен от ненависти! И только потому, что некоторые из нас не побоялись магистров Шабаша и отыскиали тебя на Земле. Если мы победим, Эдвард, то только благодаря тебе и Фрейдис. Вы вдохнули в нас новую жизнь, не дали нам погибнуть!

Арле тряхнула волосами, которые поднялись над ее головой пушистым облаком, и неожиданно кокетливо мне улыбнулась — такой я ее еще не видел!

Да, внезапно я увидел Арле глазами Эдварда Бонда, и искренне позавидовал своему двойнику. Я знал, что никогда не забуду Медею, но в лесной девушке была своя изюминка!

Она стояла совсем рядом, губы ее были полураскрыты. И вдруг я понял, что завидую самому себе. Это я был Эдвардом Бондом. Но схватил девушку в железные объятия лорд Ганелон. Какое-то мгновение она сопротивлялась, видимо изумленная моей страстью, потом наши губы слились.

Арле была очень застенчива и совсем неопытна; судя по всему, Эдвард Бонд никогда не целовал ее так, как я. Впрочем, Эдвард Бонд был слабаком и глупцом. Теперь я знал, куда обратиться за утешением, когда Медея заплатит мне за предательство своей жизнью. Я не скоро забуду ведьму в алом, но я никогда не забуду свой первый поцелуй с Арле.

Она прильнула ко мне всем телом, тяжело дыша, и золотые волосы окутали нас обоих шелковистым покрывалом, а я смотрел поверх ее головы вниз, на панораму холмов, лугов и полей, которые она представляла заселенными лесным народом. Я знал, что мечта Арле никогда не сбудется.

У меня была своя мечта!

* * *

Я видел, как лесные жители, покорные моей воле, строят для меня неприступный замок (может быть, на этой самой горе), который возвышается над простирающейся внизу страной. Я видел, как послушные моим военачальникам, они идут в бой на завоевание новых земель. Я видел, как маршируют мои армии, как работают на полях и в шахтах рабы, как мои корабли бороздят морские просторы мира, который рано или поздно будет принадлежать мне одному.

Арле разделит его со мной... ненадолго.

— Я буду любить тебя вечно, — шепнули ей на ухо губы Эдварда Бонда.

И губы Ганелона вновь прильнули к ее губам.

Как это ни смешно, но мне показалось, что именно поцелуи Ганелона убедили Арле в том, что я — Эдвард Бонд.

Мне удалось поспать всего несколько часов. Я довольно уютно устроился в пещере Эдварда Бонда в его мягкой постели. Засыпая, я думал о девушке, которую только что держал в объятиях, и о своем будущем царстве. Наверное, моего двойника, там на Земле, в эту ночь мучила бессонница.

Впрочем, мои сны тоже были тревожны. Ллур проснулся и взалкал, и я чувствовал его голод и его присутствие. Я знал, что эти ощущения испытывает каждый житель Мира Тьмы, способный принимать

его сигналы. И я знал, что мне нельзя долго спать, потому что я могу вообще никогда не проснуться.

Но отдых был мне необходим, поэтому я решительно выкинул из своей головы мысли и о Ллуре, и об Арле.

Во сне меня преследовала чувственная улыбка коралловых губ Медеи.

В БАШНЕ ГАСТА РАЙМИ

Мы с Ллорином притаились в тени деревьев, глядя на замок Шабаша, сверкающий огнями на фоне звездной ночи. Ночь решительной битвы! Мы оба понимали это и дрожали от возбуждения в ожидании того, что должно было произойти.

Вокруг нас в лесу собрались большие силы лесных жителей, готовых по нашему сигналу дать бой солдатам Шабаша. Звездный свет играл на стволах ружей.

Мне было безразлично, выиграют они или проиграют. Повстанцы думали, что их главная цель — уничтожение оплота темных сил, а я хотел, чтобы они отвлекли внимание стражи, тем самым позволив мне проникнуть в замок и овладеть тайным оружием, которое давало власть над магистрами. Пока лесные жители будут сражаться с солдатами, я проникну к Гасту Райми и узнаю у него то, что хочу узнать.

Много повстанцев погибнет... ну и пусть. На мой век рабов хватит. Ничто не могло помешать мне достичь цели! Норны сражались на моей стороне!

Жизнь в замке кипела. В тихом ночном воздухе звучали голоса, люди сновали взад и вперед. Ворота в стене поднялись. Процессия собиралась в путь.

Я услышал музыкальное позвякивание цепей и понял, что на этот раз магистры решили не рисковать, — скованные рабы не могли убежать в лес, даже услышав пение сирен. Я пожал плечами. Пока Ллур существует, его надо кормить. И лучше пусть они, чем Ганелон, станут жертвой Золотого Окна.

Кавалькада всадников выехала из ворот. Цепи торжественно бряцали.

Матолч скакал на могучем коне. Я узнал оборотня по волчьим повадкам, по небрежно накинутой на плечи мантии. Ллорин задрожал всем телом. Я слышал, как тяжело он дышит, еле сдерживаясь, чтобы не броситься на дорогу.

— Помни, Матолч — мой! — услышал я его угрожающий голос.

Эдейрн в желтой мантии проехала мимо нас на пони. Как всегда, от нее повеяло холодом.

Медея!..

Когда она скрылась в отдалении, когда ее алая мантия растаяла во тьме, я обернулся к Ллорину. Все смешалось у меня в голове; я лихорадочно, на ходу, менял свои планы, даже не пытаюсь сопротивляться непонятному желанию, охватившему меня.

Я не помнил ритуала, который свершался в Кэр Секире. Это было одним из белых пятен в моей памяти. Пока Ганелон не увидит Шабаша, пока он не поймет, как Ллур принимает жертвоприношения за Золотым Окном, ему не удастся уничтожить ни своих врагов, ни Ллура. Внезапно мне стало любопытно: непонятное желание, охватившее меня, — не было ли оно следствием зова Ллура?

— Ллорин, подожди меня здесь, — прошептал я в темноту. — Прежде чем напасть на замок, мы должны быть уверены в том, что они справляют Шабаш в Кэр Секире. Нам нельзя рисковать.

Ллорин что-то протестующе забормотал, но я не стал его слушать. Выскочив на дорогу, я быстро побежал вслед за кавалькадой всадников, которые отправились в Кэр Секир, чтобы справить Мессу. Черную Мессу Я бежал по дороге, а в воздухе висел тонкий аромат тела Медеи, которую я так страстно ненавидел и так страстно любил.

— Она умрет первая, — пообещал я сам себе, задыхаясь от переполнявших меня чувств...

Я смотрел, как огромные железные ворота Кэр Секира закрываются за последним участником процессии. Память Ганелона услужливо подсказала мне, куда идти. Повинуясь непонятному инстинкту, я стал обходить высокую стену Кэра с левой стороны,

двигаясь, как лунатик, не понимая, что происходит. Ощущение, выплывшее из глубин подсознания, заставило меня остановиться, положить руки на выступ в стене. Пальцы мои сами собой заскользили по шероховатой поверхности.

* * *

Внезапно участок стены сдвинулся в сторону. Я не колеблясь шагнул вперед. Кромешная тьма окутала меня со всех сторон, но ноги мои знали, куда идти. Уверенно вступили они на лестницу, уводящую под самый купол. Я шел, ни о чем не думая, зная, что мое тело меня не подведет.

Ллур был здесь. Я ощущал его голод, как гром, непрерывно гремевший в моем мозгу, как давление, во много раз усиленное тесными каменными сводами Кэр Секира. Все мое существо завибрировало в сладостном ожидании чего-то, но усилием воли я подавил в себе это чувство.

Ничто не связывало меня больше с Ллуrom. Я сам от него отказался. И тем не менее, непонятный экстаз охватил меня при мысли о покорных рабах, которых ведут сейчас на жертвенный алтарь. Интересно, вспоминают ли магистры... Медея... Ганелона, которого они тоже собирались принести в жертву прошлой ночью?

Мои ноги внезапно остановились. Не было видно ни зги, но я знал, что стою на верхней площадке лестницы перед глухой стеной. И вновь руки мои задвигались, а пальцы сами собой нашли небольшие выступы и надавили на них. Часть тьмы скользнула в сторону, и я стоял, опираясь на ее край и глядя вниз.

Кэр Секир, похожий на лес колонн, уходил в бесконечную темноту высокого купола. Сейчас там, наверху, начал пульсировать золотистый свет. Я узнал этот свет, и на мгновение сердце перестало биться в моей груди.

Память вернулась ко мне. Окно Ллура. В Кэр Ллуре это Окно светило вечно, и Ллур, обитавший за ним, тоже был вечен. Но в Кэр Секире и других храмах Мира Тьмы Окна зажигались только тогда, ког-

да Ллур приходил взять то, что было положено ему по праву.

Там, наверху, голодный Ллур купался в золотистом свечении, похожем на солнце, спустившееся ночью с небосклона, чтобы осветить храм. Я не помнил, где находится в Кэр Секире Окно, но радостное возбуждение охватывало меня по мере того, как этот свет разгорался.

Далеко внизу я увидел крохотные фигурки магистров Шабаша, которые можно было различить только по разноцветным мантиям. Позади — полукругом стояла стража. Впереди — бездумные рабы направлялись куда-то, проходя за колонны. Окно сияло все ярче, словно раскрывало рот в ожидании жертвы.

Перед магистрами на черном помосте стоял черный алтарь в форме чаши. От Золотого Окна к алтарю тянулся желоб. Я оперся о невидимую стену, дрожа от *Его* возбуждения, — *Того*, кто купался в солнечном свете.

Затем до меня донеслось тихое пение. Я узнал чистый серебряный голос Медеи, звенящий в абсолютной тишине, поднимающийся к куполу Кэр Секира.

Ожидание становилось невыносимым. Фигуры в разноцветных мантиях застыли в безмолвии, подняв головы, наблюдая за золотистым светом. Голос Медеи не умолкал ни на секунду.

Лес колонн стоял недвижно, Ллур ждал.

Тонкий пронзительный крик послышался из-под купола. И резко оборвался. Золотой свет вспыхнул ярче солнца, словно Ллур крикнул что-то в ответ. Голос Медеи зазвучал на высокой хрустальной ноте и затих.

Тени зашевелились среди колонн; что-то двигалось по желобу. Я смотрел на алтарь, не в силах отвести от него взгляда.

Неподвижно застыли магистры Шабаша.

Из желоба в чашу начала капать кровь.

Не знаю, долго ли я стоял, опираясь на стену. Не помню, сколько раз до меня доносились крики из-под купола, сколько раз стикало волшебное пение Медеи, сколько раз вспыхивал жадный слепящий свет. Но я знаю, что стоя на верхней площадке лестницы, я одновременно был и с Ллуром в Золотом Окне, дающим

вечное блаженство, и внизу среди моих бывших товарищей, с которыми я делил радость участия в Шабаше.

* * *

Я ждал слинком долго.

Не знаю, что спасло меня, — должно быть, внутренний голос, который не переставая твердил мне: оставаться здесь — опасно, ты должен уйти, Шабаш скоро закончится, ты наслаждаешься жертвой, которую приносят не тебе, Ллорин ждет тебя.

Постепенно мой мозг неохотно вышел из оцепенения. С бесконечным трудом оторвал я свой взгляд от Золотого Окна, чувствуя дрожь в руках и слабость в коленях. Магистры все еще стояли внизу, как зачарованные, но долго ли они останутся в таком состоянии, я не знал. Может, всю ночь, а может, не больше часа. Мне надо было спешить.

Я спустился по лестнице, вышел на дорогу, ведущую к замку Шабаша, а Золотое Окно все еще стояло перед моим внутренним взором, и я продолжал видеть желоб, по которому текла кровь, слышать хрустальный голос Медеи, поющей песнь о вечном блаженстве.

Луна поблекла, когда я вернулся к Ллорину, чуть было не сошедшему с ума от волнения. Увидев меня, повстанцы зашевелились в кустах. Видимо, терпению их пришел конец, и они решили начать боевые действия независимо от того, вернусь я или нет.

Я помахал Ллорину, не добежав до него футов двадцать. На охрану замка мне было сейчас наплевать. Пусть видят меня, пусть слышат!

— Действуй! — вскричал я. — Вперед, на врага!

Ллорин тотчас поднял руку, и лунный свет засверкал на серебряном рожке, который он поднес к губам. Пение рожка раскололо ночное безмолвие и заодно помогло мне окончательно стряхнуть с себя остатки оцепенения.

Мощный крик пронесся по всему лесу, повстанцы кинулись вперед, и я закричал вместе с ними, испытывая экстаз битвы, ничем не отличающийся от того, который я только что делил с Ллуром.

Треск ружейных выстрелов заглушил все другие звуки. Первые взрывы гранат потрясли замок, ярко высветив его стены. Из-за ворот слышались крики, невнятное пение горнов, испуганные голоса солдат, которые лишились своих вожakov и не знали, что им сейчас делать.

Впрочем, я не сомневался, что они быстро придут в себя. В свое время мы с Матолчем прекрасно их вымуштровали. И у них было оружие, которое явно придется не по вкусу лесным жителям.

Когда прекратится паника, солдаты опомнятся и будут стоять насмерть. Много крови прольется с обеих сторон.

Впрочем, исход битвы мало меня беспокоил. Взорвавшаяся неподалеку граната проделала брешь в стене, и я пробрался в нее, не обращая внимания на пальбу. Сегодня ночью Норны сражались на моей стороне! Они подарили мне заколдованную жизнь, и я знал, что не могу проиграть!

Где-то навёрху, в осажденной башне, сидел безразличный ко всему Гаст Райми, вззирающий, словно Господь Бог, на разыгравшееся вокруг замка Шабаша сражение. У меня было назначено свидание с Гастом Райми, хотя он об этом пока еще не знал.

Я прошел в замок, расталкивая суесящихся стражников. Они не узнали меня в темноте и общей неразберихе, но по моей мантии поняли, что я не принадлежу к числу лесных жителей, и, не возражая, расступились передо мной.

Я взбежал по широкой лестнице.

АРФА ДЬЯВОЛА

Замок Шабаша! Какие странные чувства я испытывал, шагая по его большим залам, одновременно знакомым и незнакомым, как будто я видел их сквозь туман памяти Эдварда Бонда.

Пока я шел быстро, ноги сами несли меня. Но если я колебался, и мое сознание начинало контролировать мои движения, я подолгу задерживался на

одном месте, не понимая, куда идти дальше. Значит, мне надо было идти вперед, ни о чем не думая.

Я шел по залам со сводчатыми потолками и мозаичными полами, которые напоминали мне полузабытые сказки. Я ступал по кентаврам и сатирам, так хорошо известным Ганелону, а Эдвард Бонд тем временем удивлялся, не совсем веря, что в Мире Тьмы существуют подобные мутации, о которых на Земле ходили легенды.

В одних случаях мой двойственный мозг был для меня источником силы, в других — слабости. Сейчас я хотел только одного: не сбиться с пути и как можно скорее увидеться с Гастом Райми, который в любую минуту мог исчезнуть, как дым. Память услужливо подсказала мне, что он живет в самой высокой башне замка. Там же находилась и сокровищница, в которой были спрятаны Маска и Жезл. Секрет уязвимости Ллура хранился в безмятежном тайнике дум Гаста Райми.

Добыть Маску и Жезл, узнать секрет Ллура будет нелегко. Магистры поручили Гасту Райми охранять сокровищницу, потому что в ней находились предметы, которые могли их уничтожить.

Я, Ганелон, не был исключением. Тот, кто занимается черной магией (будь то магистр, колдун или ведьма), обязан собственноручно создать предмет, который представляет для него смертельную опасность. Таков Закон.

Почему этот Закон существует, я не имею права говорить, но в принципе он ясен. Земной фольклор пронизан той же самой идеей. Люди, обладающие силой, концентрируют ее на предметах, от них отдаленных.

Миф о спрятанной душе характерен для всех народов Земли, а причиной его возникновения является реальность Мира Тьмы. Могу еще добавить, что во вселенной существует равновесие, которое нельзя нарушать. На каждое действие — противодействие. Нам, магистрам Шабаша, никогда не удалось бы управлять могущественными силами, если бы у нас не было слабостей.

Моей тайны не знал никто. Я знал тайну Медеи и, частично, Эдейрн; что же касается Матолча — он

меня не волновал. Оборотня я мог прикончить в любую минуту. Гаст Райми был не в счет. Умудренный старец никогда не нарушит свой покой ради дел мирских.

Но Ллур? Ллур!

Тот, кто найдет надежно спрятанный Меч и узнает, как им воспользоваться, будет держать жизнь Ллура в своих руках. По тому же закону равновесия, власть Ллура над Миром Тьмы была столь же велика, сколь и сила, заключенная в его Мече. Это означало, что к нему опасно даже приблизиться... а мне предстояло убить им Ллура. И хватит об этом.

Я поднимался все выше и выше.

Звуки битвы затихли в отдалении. Но я знал, что у ворот сражаются и умирают и лесные жители, и стражники Шабаша. Я предупредил Ллорина, что ни один солдат не должен прорваться сквозь его ряды, и не сомневался, что он выполнит мой приказ. Теперь в замке остался только один человек, который мог предупредить Медею об опасности, даже не шевельнув пальцем!

Но он никого не известил. Я понял это, откинув белую портьеру, закрывавшую вход в башню. Стены, пол и потолок маленькой комнаты, в которой я очутился, были цвета слоновой кости. В наглухо зашторенные окна не проникал свет. Впрочем, Гаст Райми и не нуждался в них, потому что при желании мог увидеть любые горизонты, не вставая с места.

Он сидел на подушках кресла — очень старый человек с белоснежной бородой и белоснежными волосами, падающими крупными локонами на белоснежную мантию. Руки его, лежащие на подлокотниках, были прозрачны, как воск, и мне показалось, что я вижу, как жидкая кровь течет по хрупким венам.

Фитиль и воск догорали. Пламя жизни еще мигало, но ветер времени мог задуть его в любую минуту. Так сидел мудрый старец, и взгляд его голубых глаз был обращен внутрь себя. Меня он не видел.

* * *

Воспоминания нахлынули на меня, пробудили память. Ганелон учился у Гаста Райми. В те далекие

времена предводитель Шабаша тоже был стар. А сейчас приливы времени источили его, как морские приливы точат камень, пока от него ничего не остается, кроме тонкой раковины, похожей на мутное стекло.

Я смотрел, как пламя жизни в Гасте Райми затухает, а под углями остается один лишь пепел.

Я задав старцу вопрос, но он не ответил. Не так-то легко было вывести мудреца из тех глубин, где царила его мысль.

Я осторожно прошел мимо него к стене, которая делила башню на две половины. Стена была гладкой, без видимых признаков двери, но я знал, что надо делать. Несколько пассов руками в определенной последовательности — и передо мной появилось отверстие.

Я шагнул внутрь сокровищницы.

Память Эдварда Бонда помогла мне взглянуть на вещи, там хранившиеся, новыми глазами.

Бинокль, линзы которого горели тусклым янтарным светом, лежал на полке, вырубленной прямо в стене. Я знал, что он убивает, но никогда раньше не задумывался, почему. Сейчас земная наука объяснила мне принцип его действия. Волшебство здесь было ни при чем — линзы помогали сфокусировать и мгновенно высвободить электрическую энергию мозга.

Черный конический аппарат, который позволял играть жизненной силой человека — между искусственными анодом и катодом — с такой скоростью, что ни один живой организм не выдерживал напряжения. Вариант переменного тока.

Впрочем, оружие меня сейчас не интересовало. Я искал другие ценности. Я мог не опасаться ловушек, потому что никто, кроме магистров, не знал пути в сокровищницу. Многие не подозревали даже о ее существовании, хотя о ней ходили легенды. И ни один раб, ни один солдат, никогда не осмелился бы войти в башню Гаста Райми.

Мой взгляд остановился на мече, Имя Которому — не Ллур, на узорчатом щите, на арфе...

Много сказаний ходило о ней по Земле, об арфе Орфея, которая возвращала людей из царства мертвых. Человеческие руки не могли играть на ее струнах. Может быть, она понадобится мне... но не сейчас.

То, за чем я пришел, лежало на полке в цилиндрическом футляре. Я сломал печать и вынул из него тонкий черный стержень с рукояткой.

Жезл Власти! Жезл, черпающий энергию из электромагнитного поля планеты. В Мире Тьмы существовало много подобных жезлов, но только у этого мощность ничем не была ограничена. Пользоваться им было опасно.

В другом футляре я нашел Хрустальную Маску — изогнутую прозрачную пластину, которая закрывала мне глаза, как маска домино. Она защитит меня от Эдейрн.

Я тщательно обыскал всю сокровищницу, но так и не обнаружил Меча, Имя Которому — Ллур.

У меня совсем не осталось времени! Я не слышал шума сражения, но знал, что оно продолжается. Магистры скоро вернутся в замок. Теперь я мог их не бояться, но против Ллура я все еще был бессилен. Я не имел права уйти, не узнав его тайны!

Стоя в дверях сокровищницы, я смотрел на убеленную сединами голову Гаста Райми. Он не сделал ни одного шага, чтобы помешать мне в исполнении задуманного. Впрочем, как магистр Шабаша, я имел право входить в сокровищницу, когда мне заблагорассудится.

Мысли старца витали в невообразимых далях и пробудить его было нелегко, а подчинить чужой воле — невозможно. Гаст Райми нашел идеальное решение всех проблем: он мог умереть.

Что ж, я тоже нашел идеальное решение моей проблемы!

Вернувшись в сокровищницу, я взял в руки арфу, вынес ее и поставил перед стариком. В его голубых глазах не появилось ни малейшего проблеска жизни.

Арфа, подобная этой, существовала на Земле. Легенды говорили о ее поющих струнах. Лиру Орфея, обладающую волшебной силой, Юпитер поместил меж звезд. Арфа Гвидеона очаровывала людей в Англии. Арфа Альфреда помогла разгромить датчан. А Давид играл на арфе перед Савлом.

В музыке есть скрытая сила. Когда-то люди знали, что звук разрушил стены Иерихона.

Среди народа, населяющего Мир Тьмы, об этой ар-

фе тоже ходили легенды. Говорили, что на ней играет сам Дьявол, что духи воздуха трогают ее струны. Что ж, в какой-то степени они были правы.

* * *

Арфа, которую я держал в руках, была уникальным инструментом. Ее звуковые, инфразвуковые и чистые колебания совпадали с волнами мозга, вмешиваясь в его электромагнитную структуру, оказывая гипнотическое воздействие. Ведь мозг не более чем коллоид, машина, а любой машиной можно управлять.

Я сорвал шторы, настежь распахнул окна. Издалека до меня донеслись звуки ружейных выстрелов, бряцанье оружия. Гаст Райми остался недвижим. Он витал в заоблачных высотах, думая свои думы.

Я начал играть, сначала неуклюже, затем — по мере того, как память возвращалась ко мне, — с большей уверенностью.

Вздых струн шепотом пронесся по комнате. Томное бормотание минорных тонов в низком ключе. И пока арфа раскрывала тайну мозга Гаста Райми, струны под моими пальцами оживали.

Я перевел душу Гаста Райми на музыку!

Настойчиво и пронзительно звучала одна и та же нота. Все выше и выше становился звук, исчезая в неслышимом спектре. Откуда-то снизу поднялся, заывая, ветер. Так кричит не знающая покоя чайка.

Музыка растекалась широкой рекой. Холодная, чистая, белая, как снежная вершина далекой горы, продолжала звучать одна единственная нота.

Забушевал ураган, арпеджио взрезали потоки волшебной музыки.

С гулким грохотом упали скалы, застонала, задрожала земля, потоки воды затопили леса и долины.

Тяжелая, как удар, нота, гулкая и неземная, распахнула пространство между двумя мирами, и я увидел космос, похожий на пустыню, где не остается следов.

Веселая легкая мелодия залила светом луга и поля.

Гаст Райми пошевелился.

На мгновение понимание отразилось в его голубых глазах. Он увидел меня. А затем огонь жизни погас в его древнем дряхлом теле.

Я знал, что старец умирает, что я растревожил его покой, что он потерял всякий интерес к жизни.

И вновь запели струны.

Гаст Райми сидел передо мной, мертвый, и последняя искра жизни угасала в его мозгу.

Волшебные заклинания арфы, подобно могучему ветру, раздули эту искру.

Орфей вырвал Эвридику из царства мертвых, а я опутал паутиной музыки душу Гаста Райми, не давая ей покинуть тело.

Искра заколебалась, пропала, стала ярче.

Все громче пели струны. Все громче шумели волны.

Высоко-высоко звучала резкая нота, похожая на ледяной звездный свет.

Музыка соткала паутину, которая оплела всю комнату.

Паутина зашевелилась.

И опутала Гаста Райми!

И вновь понимание появилось в его голубых глазах. Он перестал бороться. Он сдался. Ему легче было вернуться к жизни и ответить мне на вопросы, чем сопротивляться поющим струнам, яленившим его душу!

Белоснежная борода Гаста Райми зашевелилась, губы задвигались.

— Ганелон, — сказал старец. — Когда арфа запела, я понял, кто играет на ней. Что ж, спрашивай. А затем позволь мне умереть. Я не желаю жить в те дни, которые должны наступить. Но ты останешься в живых Ганелон, и тем не менее ты умрешь. Это я прочитал в твоём будущем.

Седая голова склонилась на грудь, словно старец к чему-то прислушивался. Сквозь распахнутые настежь окна до меня доносились бряцание оружия и предсмертные крики людей.

ВОЙНА — КРОВАВАЯ ВОЙНА!

Жалость захлестнула меня. Мантия величия, которая окутывала Гаста Райми, исчезла. Передо мной сидел сморщенный старичок, и на какое-то мгновение я почувствовал непреодолимое желание повернуться и уйти, дав ему возможность вновь уплыть в спокойные морские просторы мыслей. Когда-то Гаст Райми казался мне высоким сильным человеком, хотя на самом деле он никогда таким не был. Но в детстве я часто сидел у ног повелителя Шабаша и с благоговением смотрел на его величественное лицо, окаймленное белоснежной бородой.

Возможно, в те далекие времена он был и добрым, и человечным. Сейчас в его глазах застыло безразличное выражение. Он напоминал мне бога, вернее, человека, который слишком часто разговаривал с богами.

— Учитель, — сказал я, запинаясь. — Прости меня!

Лицо старца осталось безмятежным, и все же я почувствовал, как внутри у него что-то дрогнуло.

— Ты называешь меня учителем? — спросил он. — Ты, Ганелон? Много воды утекло с тех пор, как я слышал из твоих уст столь смиренные слова.

Одержанная мной победа показалась мне бессмысленной. Я опустил голову. Да, я победил Гаста Райми, но мне не по душе была такая победа.

— В конце концов круг всегда замыкается, — спокойно сказал он. — Мы с тобой очень близки: и ты, и я — люди, а не мутанты. Я позволял магистрам Шабаша пользоваться моими знаниями только потому, что был их предводителем. Но... — он на мгновение умолк, — ...вот уже двадцать лет, как мысли мои покоятся во тьме, где не существует понятий добра и зла, где люди плывут, как деревянные куклы, в потоке жизни. Пробуждаясь, я отвечал на вопросы. Меня ничто не волновало. Я думал, что потерял всякую связь с действительностью, и мне было все равно, унесет или не унесет смерть всех мужчин и всех женщин в Мире Тьмы.

Я не мог произнести ни единого слова. Я знал, что причинил великое зло Гасту Райми, пробудив его,

лишив вечного покоя. Голубые глаза смотрели на меня, не отрываясь.

— И я понял, что ошибался. Мне было не все равно. В твоих жилах, Ганелон, течет не моя кровь. И все же мы очень близки. Я учил тебя, как учил бы собственного сына. А сейчас я о многом сожалею. И больше всего о совете, который я дал магистрам, когда Медея вернула тебя с Земли.

— Ты посоветовал им убить меня.

Он кивнул.

— Матолч тебя боялся. Эдейрн стала на его сторону. Они заставили Медею согласиться. Матолч сказал: «Ганелон изменился. Пусть старик заглянет в будущее и расскажет, что нас ждет». Они пришли ко мне втроем, и я дал волю своей мысли, которую ветер времени унес далеко вперед.

— И что ты увидел?

— Конец Шабаша... если ты останешься в живых. Я видел, как щупальца Ллура тянутся в Мир Тьмы, как гибель идет по пятам Медеи и Эдейрн. Время течет, как река, Ганелон. Вероятности изменчивы. Повстанцы отправили на Землю Ганелона, а в Мир Тьмы вернулся человек с двойным мозгом. Ты можешь пользоваться памятью Эдварда Бонда, как оружием. Медея напрасно настояла на твоём возвращении. Но она любит тебя.

— И идет на поводу у тех, кто требует моей смерти.

— А знаешь ли ты, что было у нее на уме? Во время жертвоприношений в Кэр Секире появляется Ллур. Ты был его Избранником. Неужели же Медея думала, что он позволит тебя убить?

Сомнения закрались в мою душу. Медея вела меня в Кэр, как барана на бойню. Впрочем, если она могла оправдаться, пусть ее. Вина Матолча и Эдейрн была доказана.

— Может быть, я пощажу Медею, — сказал я. — Но жизнь оборотня я уже обещал одному человеку. Что же касается Эдейрн, она должна умереть.

Я показал Гасту Райми Хрустальную Маску. Он кивнул.

— А Ллур?

— Ганелон был его Избранником, — ответил я. —

Ты сам сказал, что теперь у меня два мозга. Я не желаю поклоняться Ллуру! Земля многому меня научила. *Ллур — не бог!*

Седовласая голова старца вновь склонилась на грудь. Восковая рука дотронулась до белоснежных завитков бороды. Гаст Райми посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты и это знаешь? Тогда я скажу тебе то, о чем никто и никогда не догадывался. Ты не первый человек, пришедший с Земли в Мир Тьмы. Первым был я!

* * *

Я уставился на него с нескрываемым удивлением.

— Разница между нами заключается в том, — продолжал он, — что ты родился в Мире Тьмы, а я — нет. Плоть моя от праха земного. Прошло много времени с тех пор, как я пересек границу миров, и мне уже никогда не удастся вернуться, потому что я давно прожил отпущенный мне срок. Только здесь, в Мире Тьмы могу я поддерживать искру жизни, которая горит во мне, хотя жизнь давно потеряла для меня всякую цену. Да, я родился на Земле, знал Вортигерна* и королей Уэльса. У меня был собственный замок — Кэр Мерлин, — и над ним светило не красное, а золотое солнце! Голубое небо, синее море, серые камни алтарей друидов — вот мой дом, Ганелон! Бывший дом. Мои знания, которые в те дни люди называли волшебством, и женщина из Мира Тьмы по имени Вивьен помогли мне перебраться сюда.

— Ты родился на Земле? — спросил я.

— В первый раз, да. В Мире Тьмы я старел все больше и больше, и постепенно начал сожалеть, что сам себя отправил в изгнание. С годами ко мне пришла мудрость. Но я с удовольствием отдал бы все, что имел, за один вздох сладкого чистого земного воздуха, за дуновения ветерка с Ирландского моря, на берегу которого я играл, когда был маленьким мальчиком. Но я не мог вернуться. На Земле тело мое вновь превратилось бы в прах. И поэтому я погрузился в мечты... мечты о Земле, Ганелон.

* Король бриттов (V в. н. э.)

Голубые глаза загорелись, лицо ожило от нахлынувших на старца воспоминаний. Голос его стал звонче.

— Я вновь бродил по горам Уэльса, видел, как лосось выпрыгивает из серых вод Уска. Я встречался с королем Артуром и отцом его, Утером, дышал воздухом Англии времен ее молодости. Но все это были только мечты! Во имя любви к праху, меня породившему, во имя ветерка в древней Ирландии, я помогу тебе, Ганелон! Мне казалось, что жизнь человеческая давно потеряла для меня всякую цену, но я не могу допустить, чтобы эти уроды повели землянина на казнь! А ты — землянин, Ганелон, несмотря на то, что родился в Мире Тьмы, мире волшебства! — Он наклонился, пристально посмотрел на меня. — И ты прав. Ллур — не бог. Он — чудовище. Его можно убить.

— Мечом, Имя Которому Ллур?

— Слушай меня внимательно. Позабудь сказки и легенды — они не более, чем символы, с помощью которых Ллур захватил власть и затопил Мир Тьмы волнами мистического ужаса. А за этими символами скрывается истина: вампиры, оборотни, живые деревья — биологические недоноски, неуправляемые мутации! Первым мутантом был Ллур. Его рождение раскололо один мир на два, и каждый из миров начал развиваться по своим законам. Ллур стал решающим фактором, определившим темпоральную модель энтропии.

— Слушай дальше. Ллур родился человеком, но мозг его был уникален. Он обладал скрытыми силами, которые естественным путем не развились бы у человечества и за миллион лет. Только потому, что Ллур слишком рано научился пользоваться своими силами, он избрал путь зла. В мире будущего, мире логики и науки, Ллур нашел бы себе применение. В мрачные времена суеверий он погряз в пороках, постепенно превратился в могущественное чудовище, обладающее колоссальными, неземными знаниями. В Кэр Ллуре установлены аппараты, которые испускают лучи, необходимые для существования Ллура. Они пронизывают Мир Тьмы и, в свою очередь, способствуют появлению на свет таких мутантов, как Медея,

Эдейри, Матолч. Убей Ллура, и аппараты мгновенно отключатся. Со временем число мутаций сократится до нормы. Тень зла, закрывающая нашу планету, исчезнет.

— Как мне убить Ллура? — спросил я.

— Мечом, Имя Которому Ллур. В этом Мече заключена сила Ллура, от него зависит четкая работа радиационных аппаратов. Точно не знаю, как это произошло, но Ллур давно перестал быть человеком. Часть его — механизм, часть — энергия, часть — нечто невообразимое. Но он родился во плоти и должен либо поддерживать контакт с Миром Тьмы, либо умереть. Этот контакт — Меч, Имя Которому Ллур.

— Как мне найти его?

— Помнишь хрустальное стекло алтаря в Кэр Ллуре?

— Да.

— Разбей стекло. За ним ты найдешь Меч.

Гаст Райми откинулся на подушки кресла. Глаза его на мгновение закрылись, затем он вновь посмотрел на меня.

* * *

Я встал перед ним на колени, а он поднял руку и благословил меня древним жестом.

— Странно, — прошептал он, словно разговаривая сам с собой. — Я вновь посылаю человека на битву, совсем как много-много веков назад.

Белоснежная голова склонилась на грудь. Белоснежная борода легла на белоснежную мантию.

— Во имя ветерка в древней Ирландии, — прошептал старец.

Ветер, пахнувший в открытые окна, мягко колыхнул белоснежные волосы.

Могучие ветры Мира Тьмы ворвались в комнату... притаились... исчезли...

Я остался один.

Из башни Гаста Райми я сошел по ступенькам и вышел во двор.

Битва почти закончилась. Мало кто из защитников замка уцелел. Оставшихся в живых с воинствующими криками окружали воины Ллорина. Спина к

спине стояли солдаты с мертвыми глазами, молча отбиваясь мечами.

Нам нельзя было задерживаться. Я мельком увидел пересеченное шрамом лицо Ллорина и поспешил к нему. Ллорин оскалил зубы в победной усмешке.

— Мы победили, Бонд!

— И потеряли слишком много времени. Этих псов надо перебить быстро!

Я выхватил меч у ближайшего повстанца. Могучая сила вливалась по лезвию в мое тело.

Я кинулся в гущу битвы. Лесные жители расступились передо мной. Рядом тихо рассмеялся Ллорин.

Затем я столкнулся лицом к лицу с солдатом Шабаша. Он занес меч над моей головой, но я уклонился, и стальное лезвие со свистом рассекло воздух. Как жалящая змея, мой меч взметнулся к его горлу. Удар электрическим током прошел по моей кисти.

Ллорин, продолжая усмехаться, разделался со вторым солдатом.

— Смерть им! Смерть! — вскричал я и врезался в строй охранников замка, рубя направо и налево. Я убивал солдат Медеи, будто они были магистрами. Я ненавидел эти лица с отсутствующим выражением глаз. Красные волны ненависти затопили меня, и я ничего не замечал вокруг, не соображал, что делаю.

Чьи-то руки трясли меня за плечи.

— Бонд! Бонд! — словно издали услышал я голос Ллорина.

Туман рассеялся. Я огляделся. Ни одного стражника не осталось в живых. Кровавые изрубленные трупы лежали на серых каменных плитах двора. Лесные жители, тяжело дыша, вытирали лезвия мечей.

— Кому-нибудь удалось ускользнуть?

Несмотря на свою вечную усмешку, Ллорин казался обеспокоенным.

— Не знаю. В этом замке тысячи входов и выходов.

— Плохо, — сказал я. — Если Медею предупредят...

— Какое это имеет значение? — перебил меня Ллорин. — Пусть себе возвращается в замок. Мы пе-

ребьем магистров точно так же, как перебили солдат. Нас больше.

— Мы едем в Кэр Ллур, — сказал я, внимательно наблюдая за выражением его лица.

В серых глазах мелькнула и пропала тень страха. Ллорин запустил руку в свою седую бороду и проворчал:

— Не понимаю. Зачем?

— Убить Ллура.

Лицо Ллорина исказилось от изумления и суеверного ужаса.

— Убить... это?!

Я кивнул.

— Гаст Райми раскрыл мне тайну Ллура.

Лесные жители стояли полукругом, наблюдая за нами, слушая наш разговор. Ллорин медлил с ответом.

— Об этом мы не договаривались, — сказал он наконец. — Но... клянусь богами! Убить *Ллура*!

Внезапно он встрепенулся, закричал, отдавая приказания громким голосом. Повстанцы засунули мечи в ножны, побежали к лошадям. Через несколько минут мы сидели в седлах и мчались по дороге. Тяжелая тень замка падала на нас; луна зацепилась за верхушку самой высокой его башни.

Я поднялся на стременах и оглянулся. Там, в башне, сидел Гаст Райми, первый из магистров Шабаша, погибший от моей руки. Я был его убийцей.

Опустившись в седло, я пришпорил лошадь. Ллорин не отставал. Мы скакали по направлению к далеким горам. Позади нас лесные жители растянулись неровной цепочкой. Я хотел попасть в Кэр Ллур на рассвете. Нам надо было спешить.

* * *

Медая. Эдейрн. Матолч. Три имени, которые стучали, как барабанная дробь в моем мозгу. Предатели! И Медая не лучше других, потому что она никогда не склонила бы голову перед Эдейрн и Матолчем, если бы сама не хотела принести меня в жертву. Эдейрн и оборотень должны умереть. Медее я могу оставить жизнь, как своей рабыне, не более.

Со смертью Гаста Райми я стал предводителем Шабаша! В башне сентиментальная жалость к старику чуть было не погубила меня. Сентиментальная жалость Эдварда Бонда, подумал я. Его память ослабила мою волю, лишила сил.

Память Эдварда Бонда никогда больше мне не пригодится. На моем поясе висели Жезл Власти и Хрустальная Маска. Ганелон, а не слабак Бонд, станет Повелителем Мира Тьмы.

И все же интересно, как поживает Эдвард Бонд? Когда Медея перенесла меня из Костра Нужды в Мир Тьмы, Эдвард Бонд должен был вернуться на Землю. Я иронически усмехнулся, представив себе его удивление... Возможно, он все еще пытается вернуться в Мир Тьмы. Но без помощи Фрейдис его попытки обречены на провал, а Фрейдис сейчас помогала мне, а не Бонду.

Эдвард Бонд останется на Земле навсегда! Насколько это от меня зависело, замены больше не произойдет. А это *целиком* зависело от меня! Может, Фрейдис и была сильной колдуньей, но сможет ли она выстоять против человека, который убьет Ллура? Думаю, нет.

Я искоса посмотрел на Ллорина. Дурак! Да и Арле не умнее. Только у Фрейдис хватило здравого смысла не доверять мне.

Прежде всего должен погибнуть мой самый страшный и сильный враг — Ллур. Затем я убью магистров Шабаша. А потом придет черед лесных жителей. Они быстро поймут, что я — Ганелон, а не земной слабак Бонд!

Я выкинул воспоминания Эдварда Бонда из своей памяти, отключил его память.

Лорд Ганелон выйдет на бой с Ллуrom!

Лорд Ганелон завоюет Мир Тьмы!—

Лорд Ганелон будет править огнем и мечом!

ОГОНЬ ЖИЗНИ

До Кэр Ллура оставалось еще несколько часов пути, когда мы увидели его — черную тучу на небе, ко-

торая постепенно превращалась в черную скалу на фоне занимающейся зари.

Наши тени бежали впереди нас, и лошади давили их своими копытами. Свежий ночной ветерок шептал мне, что жертвоприношение в Кэр Секире давно закончилось, что магистры мысленно ищут меня по всему Миру Тьмы.

Кэр Ллур возвышался в ночи, охраняя ее!

Огромным был Кэр и странным. Бесформенным — словно Титан построил себе дом, выбирая самые высокие скалы, — и пугающим.

Две пятидесятифутовые колонны стояли, как ноги колосса, а между ними находился никем не охраняемый вход. Сияющая радуга закрывала вход, как вуаль. Переливающийся полупрозрачный занавес колебался и дрожал, словно ветер играл складками нежного шелка. Пятьдесят футов в высоту, двадцать футов в ширину был этот занавес между колоннами из черного дерева, на которых покоился Кэр Ллур, замок-гора, построенный без помощи человеческих рук.

Холодом повеяло от Кэр Ллура, и повстанцы задрожали, как осенние листья под порывами ветра. Ряды их сломались и вновь сомкнулись, когда я поднял руку, а Ллорин отдал приказ.

Я посмотрел на низкие холмы, которые окружали нас со всех сторон.

— Ни на моей памяти, ни на памяти моих отцов не подходили люди так близко к Кэр Ллуру, — сказал Ллорин. — Только магистрам Шабаша был открыт сюда доступ. Лесные жители не пойдут за мной дальше, Бонд. Они пойдут за тобой.

«Далеко ли?» — подумал я, и в этот момент один из повстанцев что-то крикнул, приподнялся на стремени и указал на юг.

Из-за холмов выезжал отряд всадников, и доспехи их сверкали под красным солнцем!

— Значит, мы перебили не всю охрану замка, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — И кто-то предупредил магистров.

Ллорин ухмыльнулся и пожал плечами.

— Жалкая кучка солдат!

— Тем не менее, я не могу задерживаться. Ллорин, останови их. Убей магистров, если они придут

им на помощь. Никого не пускай в Кэр Ллур до тех пор...

— До каких пор?

— Не знаю. Мне нужно время. За одну минуту битву с Ллуром не выиграешь.

— Один человек ее тоже не выиграет, — неуверенно произнес Ллорин. — Если все мы будем драться плечом к плечу, победа нам обеспечена!

— Я знаю оружие против Ллура. Твоя задача — сдерживать натиск стражников и магистров. Дай мне время!

— Легкая задача, — ответил Ллорин, и глаза его возбужденно заблестели. — Посмотри!

За отрядом солдат в доспехах, прищипывая коней, скакали всадники в зеленых одеждах.

Женщины, которых мы оставили в горной долине! Сейчас они были вооружены мечами, лезвия которых блестели на солнце, и ружьями. Раздался треск, поднялось облачко дыма, и один из солдат вскинул руки и свалился с лошади.

Эдвард Бонд умел делать ружья! А лесные жители научились ими пользоваться!

Во главе женщин грациозно скакали две всадницы. Одна — хрупкая, изящная, с пепельно-золотыми волосами, развевающимися по ветру, подобно флагу. Арле. Вторая... ее ни с кем нельзя было спутать. Женщина-гигант прищипывала могучего белого скакуна, словно Валькирия, рвущаяся в бой. Фрейдис.

Фрейдис, Арле и женщины из леса!

Ллорин радостно засмеялся.

— Наконец-то они попались нам, Бонд! — вскричал он, яростно сжимая поводья. — Наши женщины нападут с тыла, а мы атакуем с флангов и оставим от них мокрое место! Об одном я молю бога: пусть ими командует Матолч!

— В таком случае — вперед! — резко приказал я. — Хватит болтать! Скачи и сокруши их! Не дай им возможности пробиться в Кэр Ллур!

И с этими словами я прищипил коня, пригнулся в седле и с быстротой ветра понесся к черной горе, затмевающей собой небо. Понимал ли Ллорин, насколько невыполнимое поручение я ему дал? Скорее всего он справится с Матолчем, а возможно, и с Ме-

деей, но Эдейрн... Стоит ей хоть на секунду снять свой капюшон, и ни меч, ни пуля не спасут лесных жителей!

* * *

Как бы то ни было, они задержат и солдат, и магистров Шабаша. А если ряды повстанцев поредеют, тем лучше для меня. Придет время, и я сам рассчитаюсь с Эдейрн.

Я подскакал к колоннам из черного дерева. Позади меня раздавались крики, слышалась стрельба. Я оглянулся, но холм скрыл от меня картину начавшегося сражения.

Передо мной возвышался Кэр Ллур — концентрация чудовищного зла, которое распространилось по всему Миру Тьмы.

В Кэр Ллуре обитал мой самый страшный враг!

Я спрыгнул с коня, подошел к радужному занавесу, убедился, что меч надежно висит у меня на поясе, и сделал шаг вперед.

Несколько секунд я двигался в полной темноте. Затем появился свет.

Такой свет бывает высоко в горах — яркий, слепящий, отражающийся от снежных вершин. Я остановился. Сверкание разбилось на ледяные снежинки, закружившиеся в фантастическом танце. Но они не были холодными!

Мне показалось, я очутился в тропиках!

Сверкающие снежинки подплыли ко мне, опустились на мои лицо и руки, прошли сквозь одежду и кожу. Они не причинили мне вреда, скорее наоборот: мое тело жадно впитывало снегопад... энергии! Я ощутил прилив жизненных сил; огонь разлился по моим венам.

На белом фоне появились три серых тени. Две высоких и одна маленькая, похожая на тень ребенка.

Я узнал эти тени. Я понял, кто их отбрасывает.

Голос Матолча произнес:

— Убей его! Немедленно убей!

Медея произнесла в ответ:

— Нет. Ему не надо умирать. Он не должен умереть.

— Нет, должен! — взревел Матолч, и нежный детский голос Эдейрн присоединился к нему:

— Он опасен, Медея. Он должен умереть, и убить его можно только на алтаре Ллура.

— Ему не надо умирать, — упрямо повторила Медея. — Пусть живет, если его удастся обезвредить.

— Как? — спросила Эдейрн, и алая тень неожиданно вышла из спящего сияния и сделала шаг вперед.

Она перестала быть тенью. Медея, колхидская ведьма, стояла передо мной!

Черные, как вороново крыло, волосы ниспадали до ее колен. Пурпурные глаза смотрели на меня, не мигая. Она олицетворяла собой зло, и была соблазнительна, как Лилит.

Я положил руку на эфес меча.

Я *хотел* положить руку на эфес меча.

Я не мог шевельнуться. Предательские снежинки закружились вокруг и внутри меня в бешеном танце.

Я не мог шевельнуться.

Две тени, стоящие за Медеей, наклонились.

— Он скован силами Ллура, — прошептала Эдейрн. — Но Ганелон опасен, Медея. Если он скинет эти оковы, мы погибли.

— К тому времени он будет обезврежен, — сказала Медея и улыбнулась.

Теперь я понял, какая участь меня ждала. Мой стальной меч мог легко пронзить мягкое горло Медеи, и я от всей души жалел, что не сделал этого раньше. Ведь я знал, кто она такая и почему ее называют вампиром.

Я вспомнил, как выглядели ее жертвы: стражники с мертвыми глазами, бездумные рабы — костюмы, а не люди. Живые трупы, у которых не было ни души, ни жизненных сил.

Руки Медеи обвилились вокруг моей шеи. Губы ее прильнули к моим губам.

Ведьма в алом дотронулась концом черной трубки до моей головы, и мягкий электрический шок, отнюдь не неприятный, побежал от макушки по моему позвоночнику. Обычный проводник тока, подумал я, и мне захотелось безумно расхохотаться оттого, что о таком простейшем приспособлении говорят в народе, как о волшебной палочке.

Волшебство здесь было ни при чем. Высокоразвитая наука помогла создать этот прибор, которым могли пользоваться либо люди, обладающие большими научными знаниями, либо мутанты, подобные Медее.

Прикосновение черной трубки к голове прерывало замкнутые цепи электрических схем мозга, высвобождая энергию.

И передавая ее Медее!

* * *

Снежинки кружились все быстрее и быстрее. В сверкающей белизне снегопада Эдейрн и Матолч не казались больше серыми тенями. Закутанная в бурый плащ с капюшоном карлица и ухмыляющийся волчьей усмешкой оборотень наблюдали за мной.

Я не видел лица Эдейрн, лишь чувствовал обжигающий холод, идущий из-под ее капюшона. Матолч все время облизывал языком губы. Глаза его возбужденно горели, он смотрел на меня с нескрываемым торжеством.

Я чувствовал оцепенение, похожее на летаргический сон. Губы Медеи становились все горячее, все требовательней, а мои губы заledenели. В полном отчаянии я попытался сделать хоть какое-нибудь движение.

У меня ничего не получилось.

Слепящий свет померк. Позади Матолча и Эдейрн я увидел громадное пространство, такое необъятное, что взгляд мой не смог проникнуть в его фиолетовые глубины. Широкая лестница уходила к заоблачным высотам.

Высоко-высоко надо мной горел золотистый свет.

Справа от Эдейрн стоял пьедестал причудливой формы, и верх его закрывало хрустальное стекло. Оно светилось ровным холодным голубым сиянием.

Я узнал это стекло. *О нем* говорил мне Гаст Райми. *За ним* лежал Меч, Имя Которому — Ллур.

Теряя остатки сил, словно издали услышал я довольный смешок Матолча.

— Ганелон, любовь моя, не сопротивляйся мне, — прошептала Медее. — Только я могу тебя спасти. Когда пройдет твое сумасшествие, мы вернемся домой, в замок.

Естественно, ведь я больше не буду для них опасен. Даже Матолч не унижится до того, чтобы делать мне пакости. Как вещь без души и без ума, как раб Медеи вернусь я в замок Шабаша.

Я, лорд Ганелон, наследный предводитель Шабаша, Избранник Ллура!

Золотистый свет наверху стал ярче. Хищные молнии вырвались из него и пропали в фиолетовой мгле. Мой взгляд нашел этот свет, который был Золотым Окном Ллура.

Мои мысли потянулись к *Нему*.

Моя душа затрепетала *Его* трепетом.

Может быть, Медея была ведьмой, вампиром, даже колдуньей, но она не была Избранницей Ллура. Порочные злые пульсы, которые будоражили меня сейчас, не бились в ее крови. И сколько бы раз я не отказывался от Ллура, сколько бы раз не говорил, что не желаю ему поклоняться, между нами существовала неразрывная связь. Сила Ллура могла сковать меня, но и я, его Избранник, мог воспользоваться этой силой!

Я ею воспользовался.

Золотое Окно ярко загорелось. И вновь из него вырвались и пропали молнии. Барабанная дробь бормотала вдалеке, как пульс Ллура.

Как сердце Ллура, пробудившееся от спячки.

Сила вливалась в меня, освобождая от оцепенения. Я использовал эту силу, не задумываясь о последствиях. Лицо Матолча перекосилось от страха, Эдейрн быстро подняла руку.

— Медея, — сказала она.

Но Медея уже почувствовала мое пробуждение. Тело ее конвульсивно дернулось. С жадностью прильнула она к моим губам, все быстрее и быстрее пила энергию, которая оживила меня.

Но энергия Ллура вливалась в меня еще быстрее! Гром гремел под необъятными сводами Кэра, Золотое Окно сияло ослепительным светом. А вокруг нас снежинки бледнели, сморщивались, таяли.

— Убей его! Он сковал своей силой Ллура! — взвыл Матолч и бросился вперед.

Внезапно в нескольких шагах от нас появилась окровавленная фигура человека в помятых доспехах.

Он поглядел в нашу сторону и изумленно застыл на месте. Ллорин. Меч, в крови по самую рукоятку, блеснул в его руке.

Он увидел меня и Медею.

Он увидел Эдейрн.

Он увидел Матолча!

Беззвучный сдавленный крик вырвался из горла Ллорина. Он занес меч высоко над головой.

Я вырвался из объятий Медеи, отшвырнул ее в сторону. Матолч целился в Ллорина из черной трубки, и я схватился за Жезл Власти, висевший у меня на поясе, но мне не пришлось им воспользоваться.

Лезвие запело в воздухе, отсекло руку оборотня, сжимавшую трубку, у кисти. Кровь хлынула из раны.

Взвыв, Матолч упал. Он стал менять свой облик. Было ли это гипнозом или мутацией, или волшебством, я не знаю. Но существо, прыгнувшее к горлу Ллорина, не было человеком.

Ллорин рассмеялся и откинул меч в сторону. Крепко упершись ногами в пол, он на лету схватил зверя за горло и задние лапы. Волчьи клыки свирепо лязгнули.

Мышцы Ллорина напряглись от нечеловеческого усилия. Какое-то мгновение он стоял, подняв своего врага высоко в воздух. Волчьи челюсти лязгали в бессильной злобе.

Затем Ллорин со страшной силой швырнул волка о каменный пол!

Я услышал, как хрустнули ломающиеся кости. Я услышал жуткий предсмертный вой, вырвавшийся из окровавленной пасти.

Матолч в своем собственном обликии, с переломанным позвоночником, умер у наших ног.

ИСТОЧНИК СИЛЫ

Оцепенение, которое я испытывал, прошло, будто его и не было вовсе. Не обращая внимания на Ллорина, который не отрываясь смотрел на труп Матолча, я подбежал к пьедесталу с хрустальным верхом,

выхватил свой меч, взял его за лезвие и изо всех сил ударил по стеклу рукояткой.

Послышалось музыкальное пиццикатто, похожее на серебристый смех горных духов. Осколки упали к моим ногам. И среди них я увидел Меч, пяти футов в длину, целиком изготовленный из хрустала.

Грозное оружие было составной частью стекла, закрывавшего алтарь. Самый надежный тайник.

По изящному лезвию Меча стекал ровный голубой свет. Эфес казался очень теплым на ощупь.

Меч, Имя Которому — Ллур, я держал в левой руке, стальной меч в правой.

Парализующим холодом повеяло на меня.

Я вспомнил, что означал этот холод, и, прежде чем обернуться, сунул стальной меч под мышку, надел Хрустальную Маску и выхватил из-за пояса Жезл Власти.

Затем я обернулся.

Свет дрожал и переливался перед моими глазами, искажая картину того, что я видел сквозь Маску. Ничего удивительного — эта Маска была фильтром.

Труп Матолча лежал на прежнем месте. Медея с растрепанными волосами только что поднялась на ноги. Ллорин стоял лицом ко мне.

Не человек — камень.

Он не отрываясь смотрел на Эдейрн. Откинутый на плечи капюшон обнажил ее маленькую изящную головку.

Жизнь покидала Ллорина. Его тело текло, как вода.

Он упал.

Он умер.

Эдейрн медленно повернулась ко мне.

Дитя с маленьким округлым лицом, черты которого мне не удалось разглядеть, потому что даже сквозь Маску меня обжигал ее взгляд — взгляд Горгоны.

Кровь заледенела в моих жилах. Волны холода накатывали на меня, пытаясь сковать мозг, высушить тело.

Только в глазах Горгоны горел огонь.

Радиация! Доза облучения, которую ученые Земли называют смертельной! Страшно пошутила природа, создав мутацию, породившую Эдейрн!

Я не упал.

Я не умер.

Излучение проходило сквозь фильтр, распадалось на частицы, благодаря вибрационным свойствам Хрустальной Маски.

Я поднял Жезл Власти.

Алые языки пламени вырвались из черного стержня и потянулись к Эдейрн. Словно кнуты хлестнули они по ее детскому лицу, оставив кровавые следы.

Эдейрн отшатнулась, все еще пытаюсь сжечь меня взглядом. Вместе с Медеей начали отступать они к подножью гигантской лестницы, ведущей к Золотому Окну Ллура.

Языки пламени хлестали Эдейрн по глазам.

Она повернулась и, спотыкаясь, побежала по лестнице. Медея с отчаянием посмотрела на меня, вздев руки. По лицу моему она поняла, что и ей нечего ждать пощады.

Ведьма в алом кинулась вслед за Эдейрн.

Я отбросил в сторону бесполезный стальной меч. С Жезлом Власти в левой руке, с Мечом, Имя Которому — Ллур, — в правой, я начал подниматься по лестнице.

Когда моя нога опустилась на первую ступеньку, фиолетовый воздух вокруг меня задрожал. Жаль, что мне пришлось воспользоваться силой Ллура, когда Медея держала меня в объятиях. Сейчас Ллур проснулся. Он наблюдал за мной, он знал, что я замыслил.

Пульс Ллура бился в огромном Кэре. Молнии освещали Золотое Окно наверху. Два черных силуэта на мгновение закрыли золотое сияние. Медея и Эдейрн взбирались все выше и выше.

Я шел за ними, и каждый шаг давался мне с огромным трудом. Казалось, я очутился в невидимом потоке, который пытался скинуть меня вниз, вырвать Хрустальный Меч из моей руки.

* * *

Я поднимался по лестнице. Золотое Окно сверкало ослепительно-ярким светом, а гром гремел, не переставая, прокатываясь эхом по необозримым сводам

Кэра. Я шел согнувшись, наклонив голову, сопротивляясь ураганному ветру. Я боролся с ним изо всех сил.

Кто-то поднимался по лестнице следом за мной.

Я не оглянулся. Я побоялся, что невидимый поток унесет меня. Еле переставляя ноги, я одолел последние ступеньки и вышел на ровную каменную платформу. В центре ее на дискообразном помосте стоял десятифутовый куб. Три его грани были высечены из черного камня, четвертая — ослепляла золотым светом.

Ураганный ветер дул из Золотого Окна. Он пытался скинуть меня в фиолетовую пропасть, которую я оставил позади.

Слева от Окна стояла Эдейрн, справа — Медея, а в Окне...

Сверкающие золотые облака извивались, клубились, сталкивались, неслись, гонимые бурей, а молнии все сверкали и сверкали. Гром не замолкал ни на секунду, словно он гремел в такт с колотящимся пульсом Ллура.

Чудовище или мутация — бывший человек или сверхчеловек, — Ллур обладал огромной силой. Гаст Райми говорил, что часть его — человек, часть — энергия, а часть — нечто невообразимое. Сейчас вся мощь Ллура обрушилась на меня сиянием золотых облаков.

Жезл Власти выпал из моей руки. Я поднял Хрустальный Меч и с трудом сделал шаг вперед. Приливная волна нахлынула на меня, сковала движения. Я сопротивлялся горному обвалу, который хотел сбросить мое тело с края платформы.

Громче гремел гром. Ярче блистали молнии.

Холодный взгляд Эдейрн леденил мою кровь. Лицо Медеи потеряло человеческий облик. Желтые облака кипели в окне, озаряя Эдейрн и Медею загадочным светом.

Внезапно облака вырвались из Золотого Окна и понеслись ко мне.

Я с трудом различал яркое сияние Окна. Эдейрн и Медея превратились в смутные силуэты на его фоне.

Затем я попытался сделать еще один шаг, но меня

поташило назад. Могучая сила влекла меня все ближе и ближе к краю платформы.

Вдруг сильные руки обхватили меня за талию. Прядь седых волос скользнула по моему лбу. Нечеловеческим усилием Фрейдис удерживала меня между Золотым Окном и фиолетовой пропастью. Я увидел мельком, как лесная колдунья оторвала полосу материи от своей мантии и завязала себе глаза, чтобы защититься от взгляда Горгоны-Эдейрн. Ослепленная, влекомая каким-то странным инстинктом Валькирия толкала меня к Окну.

Вокруг нас клубились желтые облака, ощутимые, все понимающие, пронизанные белыми зигзагами молний, дрожащие от раскатов грома.

Фрейдис стояла за моей спиной, как крепость. Я напрягал мускулы, борясь с невидимым потоком.

Шаг за шагом мы двигались вперед. Фрейдис направляла меня. Я слышал ее тяжелое, хриплое дыхание. Она отдавала мне все свои силы.

Мне казалось, что в мою грудь вонзился раскаленный клинок. И все же я продолжал идти не останавливаясь. Живые облака сверкали; в них сталкивались планеты, обращаясь в прах, и рушилась Вселенная, уничтожаемая Ллуrom...

Я стоял перед Золотым Окном.

Рука моя поднялась помимо моей воли. Из всех сил опустил я Хрустальный Меч, Имя Которому — Ллур, на Окно Ллура.

Меч сломался.

Звякающие осколки упали к моим ногам. Голубой свет зазмеился по сломанному лезвию.

И уплыл в Окно.

Желтые облака со свистом понеслись в обратную сторону, и Кэр содрогнулся, словно карточный домик. Облака унеслись в Окно.

А вместе с ними — Медея и Эдейрн.

Я увидел их в последний раз: красные глаза Эдейрн горели, на лице Медеи отражался неподдельный ужас, она глядела на меня в безмолвной мольбе. А затем они исчезли!

На какое-то мгновение я заглянул в Окно и увидел нечто вне пространства, вне времени, вне измерений — жадно колышащийся Хаос, в который уно-

сились и Эдейрн, и Медея, и золотое пятно света, имя которому было Ллур.

Хаос пожрал всех троих.

Гром затих.

Я стоял перед десятифутовым кубом, все грани которого были высечены из черного камня!

БИТВА С САМИМ СОБОЙ

Тьма и черный камень — последнее, что я видел, прежде чем непроглядная ночь поглотила меня. Можно было подумать, что только силою Ллура держался я на ногах во время нашей с ним страшной битвы. И когда пал Ллур, пал и Ганелон у подножья высеченного из цельного камня куба.

Долго ли я лежал без сознания — не знаю, но постепенно очертания Кэр Ллура начали вырисовываться вокруг меня. Я с трудом сел. У меня болело все тело, я чувствовал себя усталым и разбитым.

Фрейдис лежала у самой лестницы, словно она собиралась вернуться к лесным жителям, но упала в изнеможении. Глаза ее все еще были завязаны, большие сильные руки раскинуты в стороны, как будто она тоже лишилась сил в нашей борьбе с Ллуrom. Как ни странно, ее вид вызвал в моей памяти образ другой женщины, которую почитали на Земле, — сильной, в белых одеждах, с завязанными глазами и поднятыми руками — слепой богини Правосудия. Я слабо улыбнулся. В Мире Тьмы — моем мире — Правосудием был теперь Ганелон, и не слепой, а зрячий!

Фрейдис пошевелилась. Неуверенно поднесла руку к повязке на глазах. Я не стал ей мешать. Мой поединок с Правосудием состоится в недалеком будущем, но я не сомневался, кто из нас выиграет.

Я осторожно поднялся на ноги и услышал серебристый звон. Хрустальная Маска разбилась, упав с моего плеча. Ее осколки смешались с осколками Меча, который уничтожил Ллура. И мне показалось, я понял, в чем тут дело.

Постепенно наш мир становился все более чуждым Ллуру. Но человек ли, демон ли, бог ли, мутант —

кем бы он ни был, — Ллур не мог не поддерживать связи с Миром Тьмы, породившим его. Эту связь осуществлял Меч, Имя Которому — Ллур. Только благодаря Мечу Ллур принимал жертвоприношения, участвовал в пышных церемониях Посвящения, одна из которых сделала меня его Избранныком.

Хрустальный Меч — этот мостик, по которому Ллур возвращался в Мир Тьмы, — хранился в надежном тайнике. Разве удалось бы кому-нибудь найти его без подсказки Гаста Райми? И кому, кроме могущественного лорда Ганелона... с небольшой помощью Фрейдис, конечно... удалось бы поразить им Золотое Окно? Да, Ллур берег свой Меч, как зеницу ока. Но и Ллур был бессилен против человека, который мог поднять этот Меч!

Когда хрустальное лезвие сломалось, мостик в Мир Тьмы исчез, и Ллур канул в хаос, откуда нет возврата.

И Медея, колхидская ведьма в алом, потерянная любовь, похитительница душ, ушла в небытие и не сможет ко мне вернуться...

На мгновение я закрыл глаза.

— Ганелон?

Я поднял голову. Фрейдис хмуро улыбалась мне из-под сдвинутой на лоб повязки. Мы молча смотрели друг на друга, и душа моя ликовала великим ликованием. Мир, который я пробудил к жизни, был моим целиком и полностью, и ни простой смертный, ни эта колдунья не могли помешать мне достичь моей цели. Разве не я победил Ллура и умертвил последних магистров? Разве не я был сейчас самым сильным волшебником в Мире Тьмы? Я рассмеялся и смех мой прокатился по необъятным сводам Кэра, который перестал служить пристанищем Ллуру.

— Нарекаю тебя Кэр Ганелон! — вскричал я, с наслаждением вслушиваясь в звуки собственного имени, которые повторяло громкое эхо. — Ганелон! Кэр Ганелон!

Я вновь рассмеялся и обратился к Фрейдис.

— Теперь у лесных жителей появился новый повелитель, старуха. Ты помогла мне, и я щедро награжу тебя, но не забывай, что Ганелон — Повелитель Мира Тьмы!

И эхо послушно повторило мое имя.

— Не торопись, магистр, — спокойно сказала Фрейдис. — Неужели ты думал, что я поверила тебе? Я презрительно улыбнулся.

— Какое это имеет значение? Только на алтаре Ллура мог погибнуть Ганелон, а Ллура больше нет. Ганелон бессмертен! Ты бессильна против меня, старуха!

На лице Фрейдис, хранившем тайны столетий, не дрогнул ни один мускул. Она смотрела на меня с такой уверенностью, что мне стало не по себе. И хотя я сказал правду, — ни один человек в Мира Тьмы не мог причинить мне вреда, — лесная колдунья продолжала улыбаться.

— Когда-то я послала тебя сквозь потусторонний мир на Землю, — сказала она. — Сможешь ли ты помешать мне сделать это еще раз?

* * *

Чувство тревоги, которое я начал было испытывать, прошло. Я с облегчением вздохнул.

— Через день-другой — да, смогу. Сегодня — нет. Но ты забыла, что я — Ганелон, колдунья. Думаю, на этот раз тебе не удастся так легко лишить меня памяти. Ты потеряешь и свое, и мое время, Фрейдис. Попробуй, конечно, если хочешь, но предупреждаю тебя: я вернусь прежде, чем ты закончишь бормотать свои заклинания.

Фрейдис продолжала спокойно улыбаться. Скрестив руки, она спрятала их в широкие рукава мантии. Казалось, лесная колдунья была уверена в своих силах.

— Тебе кажется, что ты богоподобен, Ганелон, — сказала она. — Ты думаешь, что ни один смертный тебе не страшен. Только об одном ты забыл, Ганелон. И у Ллура, и у Эдейрн, и у Медеи, и у Матолча, у каждого из них было свое уязвимое место. Почему ты считаешь себя исключением, магистр Шабаша? В Мира Тьмы тебе нет равного. Но на Земле он есть, лорд Ганелон. И я помогу ему вызвать тебя на бой за свободу Мира Тьмы! Эдвард Бонд может убить тебя, Ганелон!

Я почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица, как повеяло на меня холодом, словно из-под капюшона Эдейрн. Я действительно *забыл*! Даже Ллур имел возможность покоячить с собой. И я, Ганелон, тоже мог умереть от собственной руки или от руки моего второго я, Эдварда Бонда.

— Тупица! — вскричал я. — Безмозглая дура! Разве ты не знаешь, что мы с Бондом не можем одновременно находиться в одном и том же мире? Когда я вернулся из ссылки, он мгновенно перенесся на Землю, и если ты вызовешь его сейчас в Мир Тьмы, я тоже мгновенно исчезну. Нет такой силы, которая заставит человека встретиться со своим отражением! Как Эдвард Бонд может вызвать меня на бой?

— Очень просто, — Фрейдис улыбнулась. — И ты прав, вы не можете встретиться с ним ни в Мире Тьмы, ни на Земле... Что ты скажешь о потустороннем мире, Ганелон? Неужели ты забыл о его существовании?

И с этими словами она внезапно вынула руки из широких рукавов мантии. В каждой из них сверкала блестящая серебряная трубка. Прежде чем я успел пошевелиться, колдунья скрестила трубки перед своим улыбающимся лицом, и из их пересечения полился поток энергии невиданной мощности, который способен был расколоть планету на куски в доли секунд.

Я почувствовал, что Врата открываются.

Густая серая мгла... пустота вокруг... Я вздрогнул от неожиданности, сделал шаг назад и тотчас безумный гнев овладел всем моим существом. Я не потерплю фокусов! Как посмела Фрейдис играть со мной, Повелителем Мира Тьмы, в свои жалкие волшебные игры? Я найду, как мне выбраться отсюда, и преподам ей урок, который она не скоро забудет!

На сером фоне появилось зеркало. Откуда? Я видел свое лицо, удивленное, растерянное. Вместо разодранной голубой жертвенной мантии на мне был надет костюм. И вообще, я был какой-то не такой... Я...

— Эдвард Бонд, — раздался за моей спиной голос Фрейдис.

Мое изображение встрепенулось, перевело взгляд в сторону, радостно вскрикнуло моим голосом:

— Фрейдис! Господи, какое счастье! Я так старался...

— Подожди, — перебила его лесная колдунья. — Выслушай меня внимательно. Тебе предстоит последнее, самое тяжелое испытание. Этот человек — Ганелон. Он уничтожил все, что ты сделал для лесных жителей. Он убил Ллура и магистров Шабаша. Никто из нас не в силах бросить вызов его могуществу. Только ты можешь помешать ему вернуться в Мир Тьмы, Эдвард Бонд. Только ты.

Я не стал ждать, когда она скажет что-нибудь еще. Мне было ясно, что надо делать. Кинувшись вперед, я нанес ему сильный удар в лицо, до мельчайшей черточки похожее на мое собственное. Я испытывал странное чувство. Мне не хотелось бить Эдварда Бонда. В последнее мгновение я чуть было не удержал руку: мускулы не желали мне повиноваться.

Я увидел, как он пошатнулся, и моя голова тоже непроизвольно дернулась, так что первый удар потряс нас обоих.

Но Эдвард Бонд не упал. Он удержал равновесие, растерянно посмотрел на меня, и неожиданно я понял, что смотрю на него так же растерянно.

Внезапно ярость исказила такие знакомые мне черты, и я увидел, как кровь капает из уголка его рта и течет по подбородку. Эта кровь странным образом сделала Эдварда Бонда моим врагом. Слишком часто я проливал чужую кровь, чтобы спутать чувство, охватившее меня сейчас, с каким-нибудь другим. Моим смертельным врагом был я сам!

Он пригнулся и пошел на меня, защищаясь от ударов локтями. Я страстно мечтал о мече или пистолете, потому что для меня битва не была спортом. Ганелон сражался, чтобы победить... но как можно сражаться с самим собой не на равных?

* * *

Он уклонился, и мне показалось, что мой собственный кулак ударил меня по скуле. Бонд отпрыгнул в сторону, пританцовывая, не давая к себе приблизиться.

Яростный крик вырвался из моей груди. Я не желал боксировать, не желал драться по правилам! Га-

нелон сражался, чтобы победить! Я заревел в полную силу своих легких, кинулся на врага, сжал его в могучих объятиях, упал вместе с ним на серую пружинящую поверхность, которая была землей потустороннего мира. С наслаждением сомкнул я пальцы одной руки на горле Эдварда Бонда, а второй попытался выпарпать ему глаза.

Мускулы его напряглись, он резко ударил меня в бок, и я почувствовал, как хрустят мои ребра. На мгновение сознание мое помутилось.

Настолько он был мною, а я — им, что сначала я даже не понял, кто нанес удар. Потом я глубоко вздохнул и почувствовал нестерпимую боль. Эдвард Бонд одержал верх надо мной, Ганелоном!

Эта мысль чуть было не свела меня с ума. Не обращая внимания на сломанные ребра, позабыв об осторожности, я слепо бил кулаками по его лицу и телу, слыша, как ломаются кости, чувствуя, как кровь течет по моим рукам. Мы катались по земле потустороннего мира, словно в кошмарном сне, и только боль, которую я испытывал при каждом вдохе, подчеркивала реальность происходящего.

Прошло несколько долгих секунд, и неожиданно я понял, что являюсь хозяином положения. Вот как это произошло. Он попытался ударить меня в лицо, а я заранее уклонился от удара. Он решил еще раз сокрушить мои ребра, а я незадолго до этого откатился в сторону. *Я знал все намерения Эдварда Бонда!*

Неудивительно. Ведь я когда-то был Эдвардом Бондом. Я обладал его памятью, жил в его мире. Я знал Эдварда Бонда, как самого себя! Он не мог меня обмануть, а значит, и выиграть эту битву, — ведь я предвидел каждый его шаг, каждое движение.

И тогда я рассмеялся, позабыв о боли в сломанных ребрах. Наконец-то Фрейдис перехитрила сама себя! Отправив Ганелона на Землю, она дала ему в руки грозное оружие против Эдварда Бонда. Он был моим, я мог прикончить его в любую минуту! Мир Тьмы тоже будет моим, и царство свободы, о котором мечтал Бонд, я зажму у себя в кулаке, и прекрасная златовласая невеста Эдварда Бонда станет моею, и многое-многое другое...

Продолжая смеяться, я сделал три неуловимых

движения и уперся коленом в спину Эдварда Бонда, беспомощно распростертого на серой поверхности земли потустороннего мира.

Кровь моя капала на его лицо. Я усмехнулся ему в глаза, и вдруг на какую-то долю секунды у меня возникло страстное, непреодолимое желание проиграть эту битву. Не знаю, каким богам я молился в тот момент, чтобы Эдвард Бонд спасся, а Ганелон — погиб...

Я призвал на помощь силу, которой обладал, и потусторонний мир поплыл передо мной и вокруг меня. Боль в сломанных ребрах пронзила мое тело, когда я вдохнул воздух полной грудью и сломал позвоночник Эдварда Бонда о свое колено.

НАКОНЕЦ-ТО... СВОБОДА!

Холодные руки уверенно надавили на мой лоб. Я посмотрел наверх. Руки скользнули ниже, закрыли мне глаза. Слабость укутала меня, как одеяло. Я стоял на коленях, не сопротивляясь, чувствуя, как чужое тело, которое было моим, повалилось на землю.

Фрейдис наклонилась над нами: два человека лежали бок о бок — живой и мертвый.

Серебряные трубки колдуньи дотронулись до моей головы, восстанавливая связь между Ганелоном и Эдвардом Бондом. Невольно я вспомнил волшебную палочку Медеи. Я чувствовал, как меня сковывает оцепенение, похожее на летаргический сон.

Внезапно страшная боль пронзила мне спину. Я попытался закричать, но из моего пересохшего горла не вырвалось ни единого звука.

В это кошмарное мгновение жизнь моя прикоснулась к тайнам науки, еще непознанной человечеством, и я понял, что сделала Фрейдис, — что она сейчас делала.

Воспоминания Эдварда Бонда возвращались из царства мертвых, легкой рябью колыхались в моем мозгу.

Бок о бок мы лежали — и в духе, и во плоти.

Наступила полная тьма, и во тьме две искорки разгорелись холодным ярким пламенем...

Одна была... жизнью Эдварда Бонда. Другая... моей жизнью!

Два пламени слились!

Жизнь, душа и мозг Эдварда Бонда слились с жизнью Ганелона!

Там, где горели два пламени, теперь горело лишь одно.

И личность Ганелона задрожала, потонула... исчезла серой тенью, в то время как пламя Эдварда Бонда вспыхнуло еще ярче!

Мы были едины. Мы были...

Эдвардом Бондом! Ганелона не существовало более. Не существовало более Повелителя Мира Тьмы.

Волшебство Фрейдис изгнало душу Ганелона из тела Ганелона, вдохнуло в него жизнь Эдварда Бонда!

Я увидел, как умер Ганелон.

* * *

Я стоял, преклонив колени, перед кубом, высеченным из черного камня, в котором когда-то светилось Золотое Окно Ллура. Надо мной простирались необозримые своды Кэра. Исчез потусторонний мир, исчез человек, которому я сломал позвоночник. Фрейдис улыбалась мне улыбкой, хранившей тайну тысячелетий.

— Приветствую тебя снова в Море Тьмы, Эдвард Бонд!

Я знал, что она говорит правду. Я знал, кто я такой и почему нахожусь в чужом теле. Постепенно туман перед моими глазами рассеялся. Я поднялся на ноги и не удержался от крика, чувствуя нестерпимую боль в боку. Искры заплясали перед моими глазами, и Фрейдис подхватила меня своей сильной рукой, не давая упасть. Но Ганелона больше не существовало на свете. Он исчез вместе с потусторонним миром, растаял, как дым, словно его молитва неизвестным богам была услышана.

На каменной платформе перед каменным кубом стоял Эдвард Бонд!

— Знаешь ли ты, почему Ганелон смог победить тебя? — тихо спросила Фрейдис. — Знаешь ли ты, почему тебе никак не удавалось победить Ганелона? Он думал, что выиграл битву потому, что заранее

мог предвидеть твои действия. Но это не так. Когда человек выходит на битву с самим собой, он никогда не может выиграть. Только тот, кто *хочет* покончить жизнь самоубийством, ненавидит самого себя. В глубине души Ганелон ненавидел зло, которое творил, и поэтому все силы свои вкладывал в удары, стремясь уничтожить ненавистный ему образ.

— А ты достоин уважения. Ты не мог бить так сильно, как он, потому что в твоей основе нет зла. Ганелон выиграл... и проиграл. В самом конце он перестал мне сопротивляться. Он покончил с собой, и у него не осталось сил. — Последние слова Фрейдис произнесла шепотом, но через мгновение она весело рассмеялась. — А сейчас иди, Эдвард Бонд. В Мире Тьмы еще очень многое нужно сделать!

Опираясь на ее руку, я стал спускаться по высокой лестнице, по которой поднимался Ганелон. Я увидел зеленое сверканье дня, услышал шелест листьев. Я помнил все, что помнил Ганелон, но на воспоминания Ганелона теперь уже навеки были наложены воспоминания Эдварда Бонда, и я знал, что только так можно управлять Миром Тьмы.

Всегда вдвоем — близнецы в одном теле — и контроль мой, Эдварда Бонда.

Мы прошли черные колонны, которые больше не закрывал радужный занавес, и на мгновение солнечный свет ослепил меня. Лесные жители взволнованно смотрели в нашу сторону, а среди них я увидел девушку с бледным лицом в ореоле золотых волос.

Я позабыл о боли в боку.

Волосы Арле, как туман, скрыли нас обоих. Победные крики лесных жителей унеслись в небо, и своды Кэра ответили им громким эхом.

Наш Мир Тьмы был свободен!

Но Медея, Медея, колхидская ведьма в алом, как могли бы мы вместе править этим миром!

РОМАН

ЯРОСТЬ

ПРОЛОГ

Была белая ночь на Земле и сумеречный рассвет на Венере.

Все знали о сияющей мгле, превратившей Землю в сверкающую в облачном небе звезду. Но лишь немногие понимали, почему сумеречный венерианский рассвет так незаметно переходит в блеклый закат. Все ярче и ярче разгорались подводные огни, и гигантские Купола становились все более похожими на заколдованные сказочные замки.

Семьсот лет назад блеск этих огней просто ослеплял. Шестьсот лет прошло с тех пор, как была разрушена Земля. Шел двадцать седьмой век.

Время замедлило свой ход. Вначале оно бежало гораздо быстрее. Ведь предстояло многое сделать. Венера была необитаемой, но люди собирались на ней жить.

На Земле прошел Юрский период, прежде чем человечество выделилось в разумный вид. Люди оказались существами могучими и хрупкими одновременно. Насколько хрупкими — стало понятно во время землетрясений и ураганов. Насколько могучими — будет видно из того, что колонисты смогут целых две недели продержаться на венерианских континентах.

Человек никогда не сталкивался с яростью и буйством первобытной природы на Земле. А на Венере — пришлось. И люди не смогли противостоять ей. Любое оружие оказывалось либо слишком слабым, либо слишком мощным. Человек мог либо разрушать до основания, либо наносить незначительные повреждения, но обеспечить безопасное существование на поверхности Венеры он не мог. Он столкнулся с силами, о которых даже не подозревал.

Он столкнулся с Яростью... и бежал.

На морском дне было относительно безопасно. На-ука, которая сделала возможным разрушение Земли и межпланетные путешествия, смогла создать условия для жизни под водой. На дне возводились защитные Купола. Под ними начали расти города.

Города выросли. И когда это произошло, венерианский рассвет навсегда превратился в сумерки. Люди вернулись в море, из которого они когда-то вышли.

Часть I

*...Кляни свою звезду!
Пусть черт, которому служил ты
до сих пор,
Тебе поведаст, что был Макдугф
Из чрева матери до срока извлечен.
В. Шекспир*

Само рождение Сэма Харкера было вдвойне примечательным. Оно не только предопределило всю его дальнейшую жизнь, но одновременно показало, что происходило в Куполах, тогда еще освещенных огнями цивилизации. Его матери Бесси — хрупкой, миловидной женщине — вообще не стоило бы иметь детей. Миниатюрная и узкобедрая, она умерла от кесарева сечения, открывшего новорожденному дорогу в мир. Мир, который Сэму предстояло уничтожить — чтобы самому не стать уничтоженным им.

Бесси умерла, и Блейз Харкер возненавидел своего сына слепой, лютой ненавистью. Блейз никогда не смог бы видеть мальчика, не вспоминая, что произошло той ночью. Он никогда не смог бы слышать голос Сэма без того, чтобы в его ушах не звучали слабые, испуганные крики Бесси. Ей не помогла даже анестезия — психологически Бесси оказалась такой же не приспособленной для материнства, как и физиологически.

История Блейза и Бесси — это история Ромео и Джульетты, только со счастливым концом. Их счастье продолжалось до того дня, когда на свет появился Сэм. Они были парой богатых бездельников, веселых и беззаботных. Когда вы живете в Куполах, у вас есть выбор: можно заняться активной деятельностью, стать инженером или художником, а можно просто плыть по течению. Общество предоставляло

широкие возможности: от игры в большую политику до занятий ядерной физикой, правда, последнее с рядом известных ограничений. Но плыть по течению, если вы могли себе это позволить, гораздо легче. А если и не могли, то жизнь в Куполах была достаточно дешевой, чтобы, даже ничего не делая, прожить без проблем. Просто вам будут недоступны самые изысканные развлечения, вроде Олимпийских садов, вот и все.

Но Блейз и Бесси могли позволить себе самое лучшее. Описание их идиллии могло бы превратиться в поэму о наслаждении жизнью. Казалось, что эта поэма не может закончиться плохо, ибо в Куполах за все платит не индивидуум, а общество. Вернее, все человечество.

После смерти Бесси Блейзу не оставалось ничего, кроме ненависти.

Вот родословие Харкеров: Джефффри родил Рауля, Рауль родил Захарию, Захария родил Блейза, Блейз родил Сэма.

Блейз сидел, развалившись на мягких подушках, и смотрел на своего прапрадеда.

— Катись ты к черту, — сказал он. — Вместе со всеми родственниками.

Джефффри — высокий мускулистый блондин с забавно оттопыренными большими ушами — ответил:

— Ты говоришь так, потому что еще очень молод. Сколько тебе? Еще и двадцати нет!

— Это тебя не касается.

— А мне через двадцать лет будет двести. В свое время я был достаточно благоразумен, чтобы обзаводиться сыном уже после пятидесяти. И еще, я был достаточно благоразумен, чтобы не использовать для вынашивания ребенка свою законную жену. Чем виноват младенец?

Блейз упрямо изучал свои ногти.

Его отец Захария, сидевший до сих пор молча, внезапно сорвался: «Вы что, не видите, что он ненормальный! Его место в психушке! Там из него вытрясут правду».

Блейз улыбнулся: «Я принял меры предосторожности, папа. Перед тем как явиться к вам, я прошел все проверки и тесты. Мой интеллект официально

признан совершенно нормальным. Я умственно здоров, папа, и вам с этим ничего не поделать».

— Даже у двухнедельного младенца есть гражданские права, — произнес Рауль — худощавый, смуглый, элегантно одетый человек, с любопытством наблюдавший за происходящей сценой. — Но ты, я вижу, позаботился, чтобы он никогда не смог на них претендовать, так, Блейз?

— Угу.

Джеффри приподнял свои бычьи плечи, уперся холодными синими глазами в глаза Блейза и спросил: «Где мальчик?»

— Откуда я знаю.

Захария яростно закричал: «Это мой внук! Мы найдем его! Можешь быть уверен. Если он только в Куполе Делавер, если он на Венере, мы его найдем!»

— Правильно, — подтвердил Рауль. — Харкеры — очень могущественный клан, Блейз. Уж ты-то должен об этом знать. Именно поэтому тебе до сих пор позволяли делать все, что вздумается. Но теперь это кончилось.

— Так уж и кончилось! У меня достаточно собственных денег. А насчет того, чтобы найти... этого... так не кажется ли вам, что это будет не просто?

— Мы очень могущественный клан, — твердо повторил Джеффри.

— Мы тоже, — насмешливо отозвался Блейз. — А что если вы не узнаете мальчика, даже если найдете? — И он улыбнулся.

Прежде всего ему провели обработку волосяного покрова. Блейз не хотел допустить, чтобы перекрашенные волосы отросли и снова стали рыжими. Рост золотистого пушка, покрывавшего еще мягкую голову младенца, был остановлен навсегда.

Цивилизация, культивирующая наслаждение, вырабатывает специальные отрасли знаний. А Блейз был в состоянии хорошо заплатить. Очень многие ученые занимались обслуживанием любителей развлечений. Это были прекрасные специалисты — в трезвом состоянии. Блейз нашел женщину-эндокринолога, которая, если привести ее в чувство, была просто исключительным мастером своего дела. А в

чувство она приходила только одевая Плащ Счастья. Люди, однажды соприкоснувшиеся с Плащом Счастья, обычно умирали года через два. Это был биологически адаптирующийся организм, обитавший в венецианских морях. Его подпольное производство началось сразу же, как только стало известно о его действии. В естественном состоянии он добывал себе пищу простым прикосновением к жертве. После установления нейроконтакта жертва начинала получать наслаждение от того, что ее переваривают.

Плащ был очень красив. Жемчужно-белого цвета, он переливался мягко вспыхивающими огоньками и периодически содрогался от мучительного экстаза в момент установления новых точек смертельного симбиоза. Задрапированная в него женщина словно в трансе передвигалась по ярко освещенной комнате, полностью сосредоточившись на поставленной перед ней задаче. Выполнение этой задачи обеспечило бы ее суммой, достаточной, чтобы оплатить собственную смерть. О железах внутренней секреции она знала практически все. И когда работа была закончена, генетический код маленького Сэма Харкера оказался заново переписан. Все естественные структуры были полностью изменены.

Оперировались щитовидная железа, гипофиз, надпочечники — крошечные сгустки ткани, одни из которых уже включились в работу, другие еще ждали своего часа. Лежащий на операционном столе младенец напоминал скорее грудку мяса. Его беспомощное тельце и крошечная головка были полностью разворочены.

— Только не чудовище, — сказал Блейз, непрерывно думавший о своей Бесси. — Никаких крайностей. Невысокий, коренастый, даже толстый.

Забинтованный комочек неподвижно лежал на операционном столе в ослепительном свете ртутных ламп.

Женщина плавала по комнате, предчувствуя приближение экстаза. Последним ее сознательным действием было прикосновение к кнопке вызова. После этого она тихо легла на пол, отдаваясь ласкам переливающейся ткани. Ее глаза, плоские и пустые, как два зеркала, неподвижно уставились в потолок.

В комнату вошел ассистент. Он брезгливо обошел Плащ Счастья и склонился над операционным столом, чтобы довести необходимые мелочи до конца.

Харкеры следили за Блейзом, надеясь через него выйти на ребенка. Но план Блейза был неуязвим. Отпечатки пальцев и рисунок сетчатки Сэма он спрятал в надежном месте, чтобы иметь возможность найти сына в любое время. Он не спешил. Чему быть, того не миновать. Теперь от него уже ничего не зависело. Новый облик, чуждое окружение не давали Сэму Харкеру ни единого шанса.

Блейз встроил в его мозг таймер, который мог сработать в любое время. После этого, впервые в жизни столкнувшись с реальностью, он сделал все, чтобы поскорее выкинуть ее из головы. Блейз снова с головой окунулся в яркую круговерть наслаждений, но, как ни старался, так никогда и не смог забыть свою Бесси.

Первые годы жизни забылись с детской легкостью. Время для Сэма текло медленно. Часы и дни цеплялись друг за друга. Мужчина и женщина, заменившие ему отца и мать, даже тогда не имели с ним ничего общего. Операция не изменила его мозг. Цепкий ум, глубина и ясность мышления — все это он унаследовал от своих предков, наполовину мутантов, потому что именно мутация была причиной их долголетия, которое поставило Харкеров над всей Венерой. Они были не единственными Бессмертными. Кроме них существовало еще несколько Кланов, члены которых жили от двухсот до семисот лет. Появилась новая порода людей, совершенно не похожих на всех остальных.

Один праздничный карнавал особенно запомнился Сэму. Его приемные родители вырядились во что-то несуразно-крикливое и отправились вместе со всеми в центр города. Сэм к тому времени был уже достаточно большим и мог делать собственные выводы. До сих пор он видел праздники только издали.

Ежегодный карнавал был традиционным праздником. Весь Купол Делавер сиял огнями. Ленты ароматного тумана плавали в воздухе над движущими-

ся тротуарами, задевая за возбужденных веселых прохожих. Богатые, бедные — все развлекались вместе.

Теоретически, на целых три дня различий между низшими и высшими классами не существовало. Но в действительности...

Он увидел женщину — самую красивую из всех, что ему доводилось видеть. Она была в голубом. Но это не точно определяло цвет — глубокий, таинственный, переливающийся, такой бархатистый и мягкий, что мальчику до боли захотелось его потрогать. Он был еще слишком мал, чтобы оценить изящество покроя ее платья, благородство и чистоту линий, подчеркивавших тонкий овал лица и пышные золотистые волосы. Он смотрел на нее издали и чувствовал страстное желание узнать о ней как можно больше.

Его приемная мать не могла ему толком ничего сказать.

— Это Кедр Волтон. Ей сейчас лет двести, а то и триста.

— Угу... — что могли значить годы? — А кто она?

— О, у нее куча денег!

— Это наш прощальный вечер, дорогой.

— Так скоро?

— Шестьдесят лет — разве этого мало?

— Кедр, Кедр, я иногда жалею, что мы живем так долго.

Она улыбнулась: «Иначе мы бы не встретились. Мы, Бессмертные, словно привязаны к одному уровню, только так мы и встречаемся».

Старый Захария Харкер коснулся ее руки. Под балконом, на котором они стояли, сверкал и переливался карнавал.

— И каждый раз это по-новому, — сказал он.

— Этого бы не было, если бы мы иногда не расставались. Представь себе — прожить несколько сотен лет вместе!

Захария внимательно посмотрел на нее:

— Пожалуй, все хорошо в меру. Бессмертным вообще не следовало бы жить в Куполах. Это ограни-

чивается. Понимаешь, чем старше становишься, тем больше приходится... расширяться.

— Вот и я расширяюсь.

— Ты тоже ограничена Куполом. Простые смертные и молодежь не замечают стен вокруг них. Но людей зрелых это стесняет. Нам нужно больше места, Кедр. Я боюсь, что мы приближаемся к своему пределу.

— Неужели?

— По крайней мере, мы, Бессмертные. Я опасаясь интеллектуальной смерти. Что толку от долгой жизни, если мы не можем использовать все наши способности и опыт. Мы начинаем заकुкливаться.

— И что же делать? Отправиться в межпланетные путешествия?

— Может быть. Но и на Марсе нам понадобятся Купола. И на других планетах тоже. Я подумываю о звездах.

— Это невозможно.

— Это было невозможно, когда мы пришли на Венеру. Сейчас это теоретически возможно. Но практически — нет. У нас нет... стартовой площадки. Ведь нельзя же строить космические корабли и стартовать из Купола!

— Дорогой, время принадлежит нам. Мы обсудим это в другой раз... лет через пятьдесят.

— А до тех пор мы не встретимся?

— Конечно, мы будем встречаться, Захария. Но чисто символически. Дадим друг другу отдохнуть. А когда отдохнем...

Кедр встала. Они поцеловались. Уже символически. Оба чувствовали: бывшее пламя превратилось в чуть теплую золу. Но они любили друг друга и были достаточно мудры и терпеливы, чтобы ждать, пока огонь разгорится снова.

До сих пор это работало.

Пройдет пятьдесят лет, и они снова станут любownikами.

Сэм Харкер уставился на мрачного долговязого человека, который пробирался через толпу. На нем тоже блестел праздничный комбинезон, но почему-то сразу было ясно, что этот человек не из Купола. Видимо, когда-то он так сильно загорел, что даже про-

веденные под водой столетия не смогли вытравить загар. Его рот кривился в привычной усмешке.

— А это кто?

— Где? Кто? Ох, я не знаю. Отстань.

Как он ненавидел себя за то, что напаялил-таки этот дурацкий комбинезон! Но, к сожалению, старая форма слишком бросается в глаза. Так, мучаясь, злобно усмехаясь, он стоял на тротуаре, который нес его мимо огромного шара Земли, задрапированного черным покрывалом. Такой шар был в каждом Куполе, как напоминание о славном прошлом человечества. Он подошел к окруженному стеной саду и предъявил удостоверение. Вскоре его пригласили пройти к храму.

Он стоял перед Храмом Истины!

Это было потрясюще. Он испытывал глубокое уважение перед каждым встречным: логики, вычислители... хотя нет, логиков он уже прошел. Жрец провел его во внутренние покои и предложил сесть.

— Вы Робин Хейл?

— Верно.

— Вы предоставили нам всю необходимую информацию. Осталось лишь уточнить несколько деталей. Вычислитель хочет поговорить с вами.

Жрец вышел. В нижнем этаже был расположен гидропонный сад, по которому медленно расхаживал высокий тощий человек с продолговатым лицом.

— Требуется привлечение Вычислителя. Робин Хейл ждет наверху.

— Ах, елки зеленые! — сказал высокий человек, сплюнул травинку и почесал длинную челюсть. — Что я скажу бедолаге? В экое дерьмо он вляпался!

— Сэр!

— Ладно, ладно, не буду. Пойду поговорю с ним. А ты отдохни. Бумаги-то у него хоть готовы?

— Да, сэр.

— Ну и ладно. Я пошел. Только вы меня не подгоняйте.

Шаркающей походкой Вычислитель направился к лифту, что-то бормоча себе под нос. В аппаратной, сидя перед экраном, он некоторое время изучал не-

ловко сидящего на стуле долговязого загорелого человека.

— Робин Хейл, — заговорил он низким голосом.

Хейл мгновенно напрягся: «Да?»

— Ты — Бессмертный. Это значит, что продолжительность твоей жизни составляет около семисот лет. Но у тебя нет работы. Так ли это?

— Так.

— Что случилось с твоей работой?

— Вы спрашиваете, что случилось со Свободными Компаниями?

...Свободных Компаний больше не существовало. Их время прошло, когда Купола объединились под одним правительством. И войны стали не нужны. Раньше Свободные Компаньоны были солдатами-наемниками. Им платили Купола, которые боялись воевать сами...

Вычислитель продолжал: «Очень немногие из Свободных Компаньонов были Бессмертными. Свободных Компаний уже давно нет. Ты пережил свое дело, Хейл».

— Я знаю.

— Ты хочешь, чтобы мы нашли для тебя новую работу?

— Вы не сможете, — горько сказал Хейл. — Вы не сможете найти для меня работу, а я не смогу сотни лет бездельничать. Ничего, кроме развлечений. Это не по мне.

— Могу подсказать тебе самое простое решение: умереть.

Наступило молчание.

Вычислитель продолжал: «Но как именно умереть — это уже сложнее. Ты — боец. Ты захочешь умереть, сражаясь за свою жизнь. Еще лучше — за какой-нибудь идеал, в который ты веришь». Он немного помолчал, потом заговорил снова, но уже другим голосом.

— Погоди маленько, сынок. Сейчас я к тебе выйду. Ты, главное, не убегай.

Через минуту его высокая, тощая фигура показалась из-за портьеры. Хейл вскочил и с изумлением смотрел на огородное пугало, появившееся перед ним. Вычислитель жестом велел ему сесть.

— Хорошо хоть я тут за главного, — сказал он. — Вся эта компания — мои жрецы — терпеть не могут, когда я выхожу на люди. А сами-то, тьфу, пешки! Вычислитель-то я. Да ты сядь!

Он, шаркая, подошел к стоящему напротив стулу, сел и достал из кармана странного вида вещь — трубку — и стал набивать ее табаком.

— Сам сажал, сам резал. Так вот, Хейл. Весь этот балаган для Куполов в самый раз, а перед тобой ломать комедию я не хочу.

Хейл не отрывал от него глаз. «Но... А храм?.. Ведь это же Храм Истины... ты... Вы... имеете в виду, что все это...»

— Надувательство? Ничего подобного. У нас все — высший класс. Беда в том, что Правда не всегда величественна. Помнишь старинные статуи Истины? Она там тоже была голенькая. Так люди на нее фиговый листок нацепили. А теперь глянь на меня. Хорош, да? Раньше мы играли в открытую — и ничего не выходило. Люди думали, что я просто высказываю свое мнение. Ну и что? Человек как человек! А то, что я и не человек вовсе, а мутант, и притом очень непростой! Смотри сам. С чего мы начинали? Платон, Аристотель, Бэкон, Коржавский, думающие машины и, пожалуйста, — пришли туда, откуда вышли: лучший способ решать человеческие проблемы — это логические вычисления. Я — Вычислитель и знаю все ответы. Правильные ответы.

Хейл явно растерялся: «Но ты... нельзя ведь не ошибиться... без всякой техники?»

— Техники хватало. А к чему пришли? Что самая надежная штука — лошадиное чутье!

Хейл зажмурился.

Вычислитель раскурил свою трубку. «Мне ведь, парень, больше тысячи лет! Не сразу поверишь, я понимаю. Но я же тебе говорил, что я непростой мутант. Я, сынок, еще на Земле родился. Я даже атомные войны помню. Конечно, не первые, я тогда только на свет появился. Мои родители — в аккурат продукты вторичной радиации. Я этим нынешним Бессмертным самый близкий родственник. Но моя главная способность... Ты про Бена Прорицателя слышал? Нет? Ну это один из пророков, их тогда много

было. Куча людей могла тогда будущее предсказывать. И безо всякой тебе логики. Короче, я и есть тот самый Бен Прорицатель. Хорошо, хоть нашлись тогда люди, послушались меня и взялись за освоение Венеры. Я придумал. А вот когда Землю разнесло на кусочки, давай меня изучать. Изучали, изучали и решили, что мозги у меня не как у всех — чутье там какое-то есть, инстинкт или что-то вроде, в общем никто толком не знает. Но работает как компьютер, когда он правильные ответы дает. А давать неправильные ответы я просто не могу!»

— Тебе тысяча лет? — спросил Хейл, стараясь хоть за что-то зацепиться.

— Около того. Я много чего повидал. Если бы я захотел, давно мог бы заправлять всей Венерой. Но избави Бог! Если я знаю ответы, это еще не значит, что они мне нравятся. Вот я и сижу себе тихонько в Храме Истины и отвечаю на вопросы.

Хейл растерянно сказал: «Но мы всегда думали, что... есть такой компьютер...»

— Конечно, а как же! Ведь люди скорее поверят машине, чем такому же, как они. Оно и понятно. В общем, сынок, так или эдак, а только я знаю все ответы. Я прокручиваю всю информацию, которая у меня в башке, и вижу, что будет дальше. Обыкновенный здравый смысл. Правда, чтобы разобраться с какой-нибудь проблемой, я должен знать о ней все.

— Так ты знаешь будущее?

— Тут сложнее — слишком много переменных. Кстати, я надеюсь, что ты не собираешься трепаться обо мне. Жрецы этого терпеть не могут. Каждый раз, когда я показываюсь клиенту без всех этих штучек, они потом целый месяц нервные ходят. Хотя можешь чесать языком сколько угодно, кто тебе поверит, что знаменитый оракул — вовсе не супер-пупер-компьютер! — он добродушно ухмыльнулся.

— Главное, сынок, я кинул тебе идею. Я уже говорил, что складываю цифирки и получаю ответ. А иногда и несколько ответов. Почему бы тебе не отправиться на континент?

— Что?!

— А что такого? Парень ты крепкий. Конечно, может выйти, что ты там загнешься. Это, я бы сказал,

почти наверняка. Но для чего ты спустился вниз? Сражаться. Так в Куполах не очень-то посражаешься, особенно за идею. Я думаю, найдутся люди, которые пойдут за тобой. Может, несколько Свободных Компаньонов, я имею в виду из Бессмертных. Собери их всех и отправляйся на континент.

— Это невозможно.

— А что? У каждой Компании были свои форты...

— Мы держали сотни человек, чтобы отбиваться от джунглей. И от животных. Мы непрерывно сражались с континентом. И потом, от фортов не очень-то много осталось.

— Выбери какой-нибудь один и отстрой его как следует.

— И что дальше?

— Может быть, ты станешь большим человеком, — тихо сказал Вычислитель. — Самым большим человеком на Венере.

Молчание затянулось. Выражение лица Хейла постепенно менялось.

— Ладно, хорошего понемножку. — Вычислитель встал и протянул ему руку. — Кстати, меня зовут Бен Крауелл. Будут неприятности — заходи. А может, я к тебе заскочу. Ну, в любом случае, особо не болтай, кто тут всему голова.

Он весело подмигнул, выпустил облако дыма из своей трубки и, шаркая, вышел.

Жизнь в Куполах во многом походила на шахматную игру. В курятнике, среди петухов и несушек, в наибольшем почете тот, кому дольше всех удастся избежать кухаркиного ножа. Время жизни определяет место в иерархии. У пешек век короткий. Кони, слоны и ладьи живут дольше. В обществе это означает демократию в пространстве и диктатуру во времени. Потому-то библейские патриархи обладали такой властью — они жили столетия!

В Куполах Бессмертные просто знали больше, чем не-Бессмертные. И происходило своеобразное расслоение. В это практичное время никто, конечно же, не думал почитать Бессмертных за богов, но расслоение все равно происходило. Родителям присуще свойство,

которое немислимо у детей — зрелость. Возраст. Опыт.

Смертные люди привыкали чувствовать себя зависимыми от Бессмертных — те больше знали и к тому же они были старше.

Жиоаф большой, ему видней.

Кроме того, обычный человек склонен избегать ответственности. Личность все больше растворялась в обществе, которое отвечало за все. В конечном счете это привело к тому, что каждый перекладывал свои заботы на другого.

Образовался замкнутый круг, где никто ни за что не отвечал.

Бессмертные старались заполнить чем-нибудь длинные пустые столетия, которые ждали их впереди. Они учились. Они совершенствовались. У них было на это время.

Кончилось тем, что смертные охотно передали им право о себе заботиться.

Это была стабильная культура — культура умирающей цивилизации.

Он вечно попадал в разные истории.

Все новое его завораживало. Кровь Харкероа брала свое. Звали его, однако, Сэмом Ридом.

Он постепенно ощущал прутья невидимой клетки. Их было двадцать, двадцать, двадцать и двадцать. Его мозг постоянно бунтовал, отказываясь подчиняться здравому смыслу. Он искал выхода. Что можно сделать за какие-то восемьдесят лет?

Едва ему исполнилось двенадцать, он умудрился устроиться на работу в огромный гидропонный сад. Широкое, с грубыми чертами лицо, лысая голова, острый ум — все это позволило ему беззастенчиво врать, когда его спрашивали о возрасте. Он проработал там недолго — до тех пор, пока он из любопытства не стал экспериментировать с садовыми культурами. А поскольку он совершенно в этом не разбирался, то, конечно, погубил несколько ценных растений.

Однажды, незадолго до увольнения, он обнаружил в одном из чанов маленький синий цветок, напомнив-

ший ему о женщине, которую он видел на карнавале. Ее платье было в точности такого же цвета. Он спросил про цветок у одного из слугителей.

— Обыкновенный сорняк, — сказали ему. — Никак от них не избавиться. Сколько сотен лет с ними борются, а им хоть бы что. Этот еще ладно. Вот крабья трава — так это самое поганое.

Служитель вырвал цветок и отшвырнул в сторону Сэм подобрал его и постарался узнать о нем что-нибудь еще. Цветок, как он потом выяснил, назывался фиалкой. Безобидный милый цветочек, так непохожий на роскошные сортовые растения. Он хранил ее до тех пор, пока фиалка не рассыпалась в пыль. Но и после этого он помнил ее — так же, как помнил ту женщину в синем.

Однажды он сбежал в Купол Канада, расположенный далеко от его родного моря. До этого он никогда не покидал Купола и был потрясен видом огромного прозрачного свода, окруженного вскипающей пузырьками водой. Он отправился туда вместе с человеком, которого подкупил украденными деньгами, чтобы тот выдал себя за его отца. Добравшись до Купола Канада, они расстались навсегда.

Для своих двенадцати лет Сэм был очень сообразительным. Он изобрел множество способов зарабатывать на жизнь. Но ни один его не привлекал. Ему все казалось слишком скучным. Блейз Харкер знал, что делал, когда оставил в изуродованном, деформированном теле нетронутый мозг.

Хотя уродливым Сэм был только с определенной точки зрения. Мериллом красоты считались высокие, стройные Бессмертные, и это налагало на всех коренастых и ширококостных клеймо уродства.

Сэма все время беспокоило неотвязное, жгучее чувство неудовлетворенности и любопытства. Оно без конца подгоняло его. Он не мог жить как все, поскольку это чувство было свойственно Бессмертным, а он, очевидно, Бессмертным не был. Как мог он позволить себе учиться сто и больше лет! Даже пятьдесят лет.

Сэма никогда не привлекали простые пути. Он вы-

брал себе самый трудный и даже нашел учителя. Его наставника звали Проныра.

Жирный старый подонок по кличке Проныра давно забыл свое настоящее имя. Он был обладателем седых клочковатых волос, ярко-красного носа и стройной философской системы собственного изобретения. Он никогда не лез с советами, но охотно давал их, если его просили.

— Люди хотят веселиться, — учил он мальчишку, — по крайней мере, большинство из них. Они не любят замечать то, что может задеть их нежные чувства. Вбей это себе в голову, малыш. Никакого воровства. Лучше всего — стань полезен тем, у кого власть. А пока держись Джима Шеффилда. Джим умеет выискивать нужных людей. Никаких вопросов — делай, что велят, но перво-наперво заведи хорошие связи.

Он сморкался и шурил на Сэма свои водянистые глазки.

— Я Джиму про тебя говорил. Сходи, потолкуй с ним. Это вон там, — он бросил мальчику пластиковую карточку. — Я бы ни за что не стал тебя туда сватать, если бы не видел в тебе этакой вот жилки. Отправляйся к Джиму.

У двери он снова остановил Сэма.

— Ты далеко пойдешь, малыш. Смотри, не забудь тогда старого Проныру, а? Некоторые забывают. А зря. Я умею устраивать неприятности так же хорошо, как и помогать.

Сэм ушел, оставив старого хрыча заниматься двумя своими любимыми делами: сморкаться в огромный платок и беспричинно хихикать.

Он отправился к Джиму. Сэм был тогда крепким, коренастым, вечно хмурым четырнадцатилетним подростком. Джим оказался старше и сильнее его. Ему было семнадцать и он был выпускником школы Проныры по классу бизнеса. Джим уже начал действовать самостоятельно, и его банда приобретала известность в Куполе. Человеческие отношения были необычайно важны в процветавшем здесь мире интриги. Это совсем не то, что обыкновенная политика.

Болото социальной жизни было топким и почти непроходимым, как во времена маккиавелиевой Италии. Прямой удар ножом считался не то что преступлением, а гораздо хуже — дурным тоном. Интрига — другое дело! Равновесие сил было неустойчивым, нужно было как можно тоньше провести противника, дать ему запутаться в собственных сетях, и сделать так, чтобы он сам себя погубил. Это был высший класс.

Банда Шеффилда служила тому, кто больше платит. Сэм Рид — фамилия Харкер ассоциировалась у него только с одним из крупнейших Кланов его старого Купола — получил свое первое задание. Вместе с более опытным напарником он должен был выйти в море и набрать сиреневых водорослей, запрещенных в Куполах. Возвратившись через потайной шлюз, он с удивлением обнаружил, что их там поджидает Проньра с портативной рентгеновской установкой наготове.

На Проньре был защитный костюм. Через респиратор донесся его голос:

— Стойте здесь, ребятаки. Лови, — он бросил Сэму небольшой пульверизатор. — Опрыскай-ка пакет. Он у тебя хорошо запечатан? Порядок. Все, все опрыскай — отлично. Теперь медленно поворачивайтесь спиной.

— Подожди минутку, — попросил второй мальчик.

Проньра высморкался. «Делай, что говорят, а не то я сверну твою цыплячью шею, — ласково проговорил он. — Подними руки. Дай я тебя тоже облучу. Медленно поворачивайся... порядок».

Потом они все втроем отправились к Джиму Шеффилду. Джиму тоже пришлось подчиниться Проньре, но он делал это очень неохотно и казался рассерженным. Он даже попробовал спорить.

Проньра, как обычно, высморкался и пригладил свои седые волосы.

— Заткнись, щенок. Что-то ты больно много вякаешь. Если бы ты спрашивал Напочку перед тем, как лезть в незнакомое дело, у тебя было бы меньше неприятностей, — он похлопал по пакету, который Сэм поставил на стол. — Знаешь, почему запрещены

эти водоросли? Твой клиент тебя не предупреждал, что с этой дрянью нужно быть осторожнее?

Широкий рот Джима перекосило на сторону: «Я и был осторожен».

— Эта дрянь будет безопасна только тогда, если с ней обращаться, как в научной лаборатории, только так. Она жрет металл. Любой металл проедает, дурень. Но если ее правильно обработать — тогда порядок. А в сыром виде, если она окажется на свободе, то может такое устроить! Сразу же выйдут на тебя, и ты мигом окажешься на континенте, в лечебнице. Понял? Если бы ты сперва пришел ко мне, я бы тебе рассказал, что водоросли нужно сперва облучить. И мальчиков нужно облучить, чтобы они не принесли чего-нибудь на костюмах. В следующий раз это тебе так просто не пройдет. Я не собираюсь переезжать на континент, Джим.

Старик выглядел очень миролюбиво, но воинственное настроение Джима как рукой сняло. Не говоря ни слова он встал, взял пакет и вышел, кивнув остальным ребятам идти за ним. Сэм на секунду задержался.

Проныра подмигнул ему.

— Вы наделаете массу ошибок, ребятки, если не будете слушаться старших.

Это был только один из многих эпизодов его внешней жизни. Его внутренняя жизнь тоже была безнравственной, беспринципной и бунтарской. Он бунтовал против всего. Он бунтовал против краткости своей жизни, которая просто бесила его, когда он думал о Бессмертных. Он бунтовал против своего тела, толстого и короткого — плебейского. Он бунтовал, сам не понимая причин своего бунта, против всего того, во что он превратился в ту злосчастную первую неделю своей жизни.

Во все времена были люди, одержимые гневом. Иногда это гнев пророка Илии — огонь Господень. Такие люди становятся или святыми, или великими реформаторами. Их гнев способен сдвинуть горы, чтобы облегчить участь человечества. Иногда гнев бывает разрушительным, и тогда появляются великие

злодеи, которые уничтожают целые народы. Но так или иначе, великий гнев всегда устремлен вовне.

Но гнев Сэма Рида был направлен против неопостижимого — против судьбы и времени, поэтому естественно, что в итоге его единственной мишенью оказывался он сам. Такое чувство обычно несвойственно человеку. Но Сэм Рид и не был нормальным человеком. Уже и его отец был не вполне нормален, иначе он никогда бы не стал столь чудовищным образом мстить собственному сыну. Где-то в генах Харкеров была червоточинка, виновная в этой странной ярости, которой и отец и сын пылали против самой жизни.

Развиваясь, Сэм прошел столько этапов, что Джим Шеффилд, Проньера и все, кто работал с ним в те дни, просто не смогли бы воспринять. Его ум был гораздо более высоко организован, он умел жить одновременно на нескольких уровнях и умел это скрывать. С того дня, когда он впервые открыл для себя огромные библиотеки Куполов, он сделался страстным читателем. Он никогда не был интеллектуалом. Его вечное беспокойство мешало ему глубоко овладеть чем-то одним и добиться успеха благодаря единственному своему достоянию — мозгу.

Он пожирал книги так, как огонь пожирает дрова, так, как его собственное недовольство пожирало его самого. Он проштудировал целые университетские курсы по всем предметам, которыми заинтересовалось его острое, неуемное воображение. Эти знания откладывались бесполезным грузом в обширные кладовые его бесполезно просторного мозга. Иногда они помогали ему провернуть особо ловкое мошенничество или изящное убийство. Но чаще всего они простым балластом лежали в его голове, предназначенной накапливать опыт на протяжении пятисот лет и обреченной на смерть менее, чем через сто.

Но хуже всего было то, что он не знал, что же мучит его на самом деле. Он долго боролся с собственным разумом, стараясь вытащить наружу тайны своего подсознания, докопаться до правды о потерянном наследстве. Порой ему казалось, что он может найти ответ в книгах.

В те далекие дни он искал и находил в них со-

веты, как спрятаться от жизни — советы, к которым он так часто прибегал впоследствии: наркотики, женщины, бесконечные переезды из Купола в Купол... Это продолжалось до тех пор, пока он не столкнулся, наконец, с великой, непосильной задачей, решение которой стало его судьбой и на которую он обрушил всю свою ярость.

Следующие полтора десятка лет он читал спокойно и быстро, во всех библиотеках всех Куполов, куда заносила его судьба. Он глубоко презирал всех людей, прямо или косвенно становившихся его жертвами. Точно также он презирал и своих собратьев по ремеслу. Сэма Рида никак нельзя было назвать приятным человеком.

Он был непредсказуем даже по отношению к самому себе. Он сам себя ненавидел и сгорал в огне собственной ненависти. Когда этот огонь вырывался наружу, Сэм начинал действовать особенно дерзко. Его репутация была более чем двусмысленной. Никто не рисковал слишком доверяться ему. Да это было и невозможно, поскольку он сам себе не доверял. Но на его голову и руки был постоянный спрос, его уважали, и очень многие планы строились из расчета, что нет такого ограбления или убийства, которое не мог бы совершить Сэм Рид. Слишком многие в нем нуждались. А кое-кто находил его даже очаровательным.

Жизнь в Куполах была настолько гладкой и спокойной, что становилась просто неестественной. Бунтарский дух, который пожирал Сэма Рида, во многих тлел слабым огоньком и вырывался на поверхность самым странным образом, принимая весьма необычные формы — в дни молодости Сэма все Купола вдруг захлестнула волна увлечения старинными пиратскими балладами. Не таким странным, но зато более показательным был внезапно возникший культ эпохи Свободных Компаньонов, старых добрых дней последнего романтического периода человечества.

Глубоко в человеческих душах жило убеждение, что война — это прекрасно, но сейчас, правда, совершенно невозможно. Разумеется, то, что было тысячу лет назад — это просто ужас, но человеческий разум

имеет свойство очаровываться ужасным, преобразуя его так, чтобы им можно было восхищаться.

Свободные Компаньоны, которые были серьезными, честными работягами, обслуживающими военную машину, представлялись чуть ли не странствующими рыцарями. Мужчины и женщины вздыхали о том, что им не выпало счастье пожить в это захватывающе интересное время.

Они пели заунывные баллады, которые Свободные Компаньоны получили в наследство от первопроходцев Венеры. А к тем они, в свою очередь, пришли из невообразимо далеких дней прежней Земли. Но пели их сейчас по-другому. Маскарадного вида «Свободные Компаньоны» заводили зрителей, повторявших все их ужимки, и не подозревали о том, насколько все это фальшиво.

Ни в словах, ни в музыке не было истинного чувства. В Куполах царил застой, а во время застоя люди забывают о том, что такое смех. Они шутят туманно и сложно, возбуждая не смех, а кривую усмешку. Их юмор слишком тонок, он происходит не от избытка жизненных сил и строится на иносказаниях и намеках.

Настоящий смех должен быть откровенным и жестоким. Люди снова вернутся к жизни тогда, когда запоют старые кровавые баллады, имея в виду именно то, что они поют; и когда засмеются от всего сердца над тем, что достойно смеха — над собственными бедами. Потому что только смех противостоит слезам, а слезы — это поражение. Только первопроходцы смеются просто и искренне. В те дни уже никто в Куполах никогда не слышал настоящего смеха, со всей его смелостью и жестокостью, за исключением, может быть, очень старых людей, еще помнивших былые времена.

Считая Свободных Компаньонов чем-то вроде ископаемых динозавров, Сэм Рид тоже увлекся новой модой. Как и всех остальных, его привлекала напыщенность новой романтики. Но он понимал истинные причины этого всплеска эмоций и в глубине души подсмеивался над собой. Ведь по сути дела люди мечтали не о Свободных Компаньонах, а о свободе.

Но на самом деле она была им совсем не нужна. Она бы напугала и оттолкнула большинство из них, привыкших как овцы подчиняться всякому строгому окрику. Но романтическая ностальгия была так приятна, что все с удовольствием отдавались ей целиком.

Когда Сэм читал о днях освоения Венеры, его охватывало страстное нетерпение. Такой войне, какую разбушевавшаяся планета вела против пришельцев, стоило посвятить жизнь. Он читал о Земле и чувствовал жгучую тоску по широким горизонтам. Он мурдыкал себе под нос старинные песни и пытался представить, на что могло бы быть похоже открытое небо.

Его удручало, что его мир был слишком прост. Трудности были искусственными, интрига велась ради интриги — нельзя было со всей силой броситься на препятствие, потому что оно готово было рухнуть в любую минуту. И если одной рукой ты собирался его сокрушить, то другой приходилось его поддерживать.

Единственный противник, с которым Сэм мог бы бороться на равных, было Время — длинные, емкие столетия, которых, он знал, ему не суждено прожить. Ему оставалось только ненавидеть — мужчин, женщин, весь мир, себя... С этим противником он и боролся за неимением другого достойного соперника, боролся непримиримо и беспощадно.

Так продолжалось сорок лет.

Только одно оставалось неизменно значимым для него, хотя он и не обращал на это особенного внимания. Синий цвет трогал его душу так, как ничто другое. Он вспоминал об этом, читая рассказы о старой Земле, о ее немислимо голубом небе.

Здесь же всюду была вода. Воздух набухал туманом, тяжело висящие над континентом тучи были переполнены влагой и казались такими же мокрыми, как и сам океан, серым одеялом окутывающий Купола. Поэтому синева так надежно спрятанного неба сливалась в его мозгу с представлениями о свободе.

Первой его любовницей стала маленькая танцовщица из дешевого ресторанчика. Когда он увидел ее

в первый раз, она танцевала в бикини, отделанном синими перышками. У нее были синие глаза, правда, не такие синие, как эти перышки или как фантастическое земное небо, но синие. Сэм снял для нее небольшую квартиру на задворках Купола Монтана, где они прожили полгода или около того, ежедневно скандала, как настоящая супружеская пара.

Однажды утром, вернувшись домой с очередного дела, на которое он с ребятами Шеффилда потратил всю ночь, он еще с порога почувствовал странный запах. Тяжелый сладкий аромат имел знакомый кислотавый привкус, который вряд ли бы различили многие из этих травоядных обитателей Куполов.

Маленькая танцовщица, раскинув руки, лежала у стены, и уже успела окоченеть. На том месте, где было лицо, раскрыл, наподобие многопалой ладони, свои трепещущие лепестки большой бархатистый цветок. Он был ярко-оранжевым, но прожилки лепестков уже налились красным. Такое же красное пятно расплылось на синем платье на груди девушки.

Рядом с ней на полу валялась оклеенная зеленой тисненой тканью подарочная коробка, из которой она и достала присланный неизвестно кем цветок.

Сэм так никогда и не узнал, кто и зачем сделал это. Это мог быть один из его врагов. Это мог быть кто-нибудь из его друзей, — какое-то время он подзревал Проныру — решивших, что девчонка возомнила о себе слишком много и не дает Сэму как следует заниматься делами. А может быть, это была одна из ее соперниц по ресторану — среди девиц ее профессии постоянно шла жестокая борьба: ресторанов было мало, а их — много...

Сэм навел справки, выяснил, что хотел, совершил правосудие над теми, кто мог оказаться виноватым. Эта история занимала его недолго. Девушку никак нельзя было назвать очень уж привлекательной, пожалуй, даже еще меньше, чем самого Сэма. Она была удобной, и у нее были синие глаза. А что касается мер, которые Сэм принял по отношению к убийце, так это больше для поддержания репутации.

После этого приходили и уходили другие женщины. С задворок Купола Сэм переехал в район поприличнее. Потом он провернул одно исключительно вы-

годное дело, бросил старую квартиру вместе с любовницей и перебрался в почти шикарные апартаменты в высотном здании с окнами на одну из центральных улиц. Обустроившись, он подобрал себе миловидную синеглазую певичку.

Ко времени начала нашего повествования у него было три квартиры в разных Куполах: одна дорогая, одна попроще и одна совсем дешевая, расположенная в грязных трущобах Купола Вирджиния. Обитательница каждой квартиры была под стать обстановке. Сэм любил пожить в свое удовольствие. Теперь он мог себе это позволить.

В дорогой квартире у него было две личные комнаты, заставленные все разрастающимися рядами книг и кассет, тщательно подобранными напитками и наркотиками. В его кругах этот адрес был неизвестен. Он приезжал туда под вымышленным именем и обычно выдавал себя за путешествующего бизнесмена из какого-то неопределенно далекого Купола. Так Сэм Рид вплотную приблизился к тому образу жизни, на который он, будучи Сэмом Харкером, имел все права.

*«О ком, королева ночи,
Ты горькие слезы льешь?
Да все о тебе, мой милый,
Ты нынче утром умрешь».*

В первый день последнего в его жизни ежегодного карнавала Сэм Рид сидел за маленьким вращающимся столиком и спокойно беседовал о любви и о деньгах с девушкой в розовом бархатном платье. Было, вероятно, около полудня, поскольку тусклый свет, пробивавшийся через толщу воды и гигантский свод Купола, был ярче обычного. Все часы в городе были остановлены, чтобы три праздничных дня никто не беспокоился о времени.

Город медленно поворачивался вокруг Сэма. Кафе-карусель могло бы вызвать головокружение у любого, кто не привык к этому с детства. Закрытое прозрачными стенами, оно медленно перемещалось под звуки такой же медленной музыки. Столы также вращались каждый вокруг собственной оси. Скрытый за облаком мягких волос собеседницы, Сэм мог незамет-

но наблюдать за городом, который разворачивался перед ним.

Длинной влажной лентой, колеблясь от движения воздуха, проплыл мимо них розовый, сладко пахнущий туман. Сэм почувствовал, что его лицо покрылось крошечными ароматными капельками. Он отер их нетерпеливым движением руки и, чуть навалившись на стол, обратился к девушке:

— Ну?

Она улыбнулась и склонила голову к украшенной цветными лентами лире, стоявшей у нее на коленях. Ее темно-синие глаза показались почти черными, когда она из-под длинных ресниц взглянула на Сэма:

— Через минуту мой выход. Я скажу тебе после.

— Ты скажешь мне сейчас, — Сэм ответил ей не так резко, как ответил бы любой другой женщине, но достаточно твердо.

Роскошная квартира в самом шикарном районе Купола была сейчас свободна, и Сэм хотел, чтобы девушка стала следующей ее обитательницей. Возможно, постоянной обитательницей. Но уже несколько раз ловил себя на мысли, что Росейз вызывает в нем необычное тревожащее ощущение. Ему не нравилось, когда женщины начинали так сильно действовать на него.

Росейз продолжала улыбаться. У нее был маленький нежный рот и коротко подстриженные мягкие волосы, которые окружали темным облаком ее голову наподобие ореола. Обычно беззаботный взгляд ее темно-синих глаз иногда становился острым и пронизательным. Пела она голосом, похожим на розовый бархат своего платья, голосом, приятно возбуждающим своей мягкой вибрацией.

Сэм опасался ее. Но если нужно вырвать крапиву, то нечего бояться обжечь руки. Он никогда не уклонялся от опасности и не собирался насиловать себя и стараться не думать об этом бархатистом создании. Нужно выкинуть ее из головы? Значит, она сама должна ему надоесть. Причем чем скорее, тем лучше.

Росейз задумчиво уцепилась струну своей изящной лиры:

— Я слышала сегодня утром... Будто ты разругался с Джимом Шеффилдом. Это правда, Сэм?

Сэм холодно ответил:

— Я, кажется, задал тебе вопрос.

— Я тоже.

— Ладно. Это правда. Я выделю тебе долю в своем завещании, если Джим достанет меня первым. Это тебя устроит?

Она покраснела и с такой силой дернула струну, что та расплылась гудящей полоской.

— Ты можешь схлопотать пощечину, Сэм Рид. Ты знаешь, я ведь сама могу зарабатывать себе на жизнь.

Он вздохнул. Это было действительно так и, конечно, осложняло дело. Росейз очень популярная певица. Если она и примет его предложение, то не из-за денег. Это делало ее еще опаснее.

Медленная музыка, сопровождавшая вращение комнаты, смолкла. Резко ударил гонг, и ленты плавающего по комнате разноцветного тумана всколыхнулись. Росейз встала и поправила висевшую у бедра лиру.

— Мой выход. Я подумаю, Сэм. Подожди немного, вдруг окажется, что я не очень-то тебе подхожу.

— Я знаю, что не подходишь. Отправляйся петь. Я зайду к тебе после праздника, но не за ответом. Ответ я знаю. Ты придешь.

Она рассмеялась и пошла прочь, перебирая струны и напевая вполголоса. Сэм остался сидеть, наблюдая, как поворачиваются головы и светлеют лица ей вслед.

Песня еще не кончилась, когда он встал и вышел из вращающейся комнаты, слыша за спиной негромкий бархатный голос, оплакивающий печальную судьбу бедной Джэневьевы. Певица плавно скользила вверх и вниз по бемолям старинной мелодии, придающим балладе ее жалобное минорное звучание.

«О, Джэневьева, милая Джэнни, минует месяц, минует год...», — причитала Росейз, глядя на удаляющуюся широкую спину Сэма, обтянутую красным бархатом. Закончив петь, она быстро прошла в свою уборную и по каналу видеосвязи вызвала Шеффилда.

— Джим, — быстро сказала она, как только хму-

рое недовольное лицо появилось на экране, — я сейчас говорила с Сэмом и...

Если бы Сэм мог это слышать, то, наверное, убил бы ее прямо тогда. Но он, конечно, не слышал. В ту минуту, когда начинался этот разговор, он неторопливо шел навстречу той самой случайности, которая перевернула всю его жизнь.

Этой случайностью стала встреча с другой женщиной — женщиной в синем. Медленно проплывая мимо на движущемся тротуаре, она подняла руку и накинула прозрачный шлейф своего платья на голову наподобие вуали. И цвет, и движение чем-то поразили Сэма, и он остановился так резко, что на него наткнулись сразу несколько человек. Один из них сердито повернулся к нему, явно собираясь затеять ссору. Однако, получше разглядев каменное лицо с выступающими челюстями и глубокими волевыми складками, расходящимися к уголкам рта, решил, что повод для конфликта явно недостаточный, и отказался от своей мысли.

Образ Росейз был еще слишком ярок в душе Сэма, и поэтому он посмотрел на женщину с меньшим интересом, чем если бы это случилось несколькими днями раньше. В глубине его памяти шевельнулось давно забытое воспоминание, и он неподвижно застыл, не сводя с нее глаз. Ветерок, сопровождавший движение тротуара, колыхал заброшенную на лицо женщины вуаль так, что легкие тени пробежали по ее глазам. Синие глаза и синие тени от синей вуали. Она была очень красива.

Сэм отмахнулся от очередной ленты розового карнавального тумана, на мгновение замешкался, что было ему вовсе не свойственно, потом решительным жестом поправил свой золоченый пояс и двинулся вперед, ступая легко и широко. Он не знал, почему лицо и фиолетово-синее платье незнакомки вызвали в нем такое беспокойство. Слишком много событий отделили его от того давнего карнавала, когда он увидел ее в первый раз.

Считалось, что во время праздника все были равны, независимо от положения в обществе. Но Сэм заговорил бы с ней и в любой другой день. Он прошел

по направлению движения улицы и встал перед женщиной, без тени улыбки глядя в ее лицо. Если бы они стояли на одном уровне, она все равно была бы выше его. Она была очень стройна и элегантна. Ее лицо выражало ту изящную утомленность, которая была нынче в большой моде. Сэм не мог знать, что как раз она и изобрела этот стиль и что ее изящество и утомленность были естественными, а не напускными.

Синяя мантия плотно окутывала длинное облегающее золотистое платье, сверкавшее через полупрозрачную ткань. Ее волосы напоминали водопад, низвергающийся двумя потоками вокруг узкого лица. На макушке они были перехвачены золотым обручем и ниспадали сквозь него до самой талии.

В ушах, проколотых с нарочитой грубостью, висели золотые колокольчики. Это был последний крик моды, подражавшей первобытному жизнелюбию. В следующем сезоне можно было ожидать появления золотого кольца в носу, но и с кольцом в носу незнакомка повернулась бы к Сэму с такой же элегантной надменностью.

Сэм не обратил на это внимания. Тонем сухого приказа он произнес: «Пойдем», — и предложил ей руку. Она слегка отклонила голову назад и свысока посмотрела на него. Казалось, она улыбается. Это нельзя было сказать определенно, потому что ее рот, полный, тонко очерченный, как на египетских рисунках, выражал улыбку самим контуром губ. Когда она улыбалась, на ее лице появлялось несколько пренебрежительное выражение. Под тяжестью волос ее голова чуть отклонялась назад и поэтому казалось, что она смотрит сверху вниз — немного устало, немного презрительно и немного насмешливо.

Так она стояла несколько мгновений, глядя на него свысока, и колокольчики в ее проколотых ушах на время смолкли.

На первый взгляд Сэм казался обычным простолюдином, но для внимательного наблюдателя в нем было слишком много противоречивого. Почти сорок лет в нем ни на минуту не угасала всепоглощающая ненависть, так что он даже свыкся с ощущением пожара в душе. Следы этого бешеного горения так от-

печатались на его лице, что, и отдыхая, он выглядел человеком, рвущимся в бой. Все это скрадывало его тяжеловесность и придавало ему выражение устремленности и порыва.

Еще одной примечательной особенностью Сэма было полное отсутствие волос. Простая плешь — явление достаточно заурадное, но его абсолютно голую голову нельзя даже было назвать лысой или плешивой. Его череп был такой классически правильной формы, что любая прическа испортила бы совершенную линию лба. Вред, сорок лет назад причиненный младенцу, был бы гораздо большим, если бы не спешка и, пожалуй, небрежность, вызванная Плащом Счастья. Благодаря им сохранились правильная форма черепа и ушей, присущие всем Харкерам благородные, хотя и скрытые остальной внешностью, линии подбородка и шеи.

Но мощная шея с совершенно не свойственной Харкерам вульгарностью тонула в воротнике ярко-красной рубашки. Ни один Харкер даже на карнавал не вырядился бы с ног до головы в алый бархат, перехваченный на поясе позолоченным ремнем. Но что странно — Сэм носил свой костюм с таким же достоинством, как это делал бы и кто-нибудь из них.

Несмотря на коренастую фигуру, широкую грудь, мягкую, чуть в развалку походку, в Сэме Риде каким-то неуловимым образом проявлялась кровь Харкеров. То, как он держался и носил одежду, совсем не вязалось с бочкообразной фигурой, которая сразу выдавала человека из престонородья.

Бархатный рукав крупными складками собрался на согнутом локте. Сэм стоял неподвижно, твердо глядя на женщину в синем сузившимися глазами, отливавшими сталью на его красном лице.

Спустя мгновение, повинуясь непонятному для нее самой порыву, незнакомка позволила уголкам своих губ приподняться в знак согласия в еле заметную улыбку. Она повела плечом, откидывая синюю мантию, и высвободила узкую руку с маленькой изящной кистью в золотистой перчатке с открытыми пальцами. Медленно опустив ладонь несколько ниже его локтя, она шагнула к нему. На толстой, в рыжих

волосках руке, сплетение мышц которой напоминало у запыстья основание каменной колонны, ее рука казалась неестественно восковой. Она почувствовала, как напряглись мускулы в ответ на ее прикосновение, и ее улыбка стала чуть снисходительнее.

Сэм произнес: «Ты перекрасила волосы с тех пор, как я видел тебя в последний раз».

Она снова бросила на него высокомерный взгляд, даже не затрудняя себя ответом. Сэм смотрел на нее без улыбки, изучая, как если бы перед ним был портрет, а не живая, дышащая надменностью и презрением женщина, вставшая рядом с ним только из-за нечаянного каприза.

«Ты была рыжая», — убежденно добавил он после паузы. Память прояснилась, выявляя прошлое с точностью до мелочей, и Сэм живо вспомнил, как она поразила его тогда. «Это было тридцать лет назад. В тот день ты тоже была в синем. Я это прекрасно помню».

Женщина чуть наклонила голову и, глядя в сторону, безразлично ответила:

— Должно быть, это была моя внучка.

Сэм был потрясен. Конечно, он знал о существовании Бессмертных, но еще никогда не разговаривал с ними. На человека, измеряющего свою собственную жизнь и жизни своих друзей десятилетиями, столкновение с жизнью, спокойно разворачивающейся в веках, действовало, как удар ниже пояса.

Он рассмеялся коротким лающим смехом. Женщина повернула голову и впервые взглянула на Сэма с легким интересом. Она никогда не слышала, чтобы кто-то из черни так смеялся. Это был уверенный и спокойный смех человека, который знал себе цену и не заботился о манерах.

Многие люди еще до Кедры Волтон находили в Сэме некую необъяснимую привлекательность. Но немногие были столь проникательны. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять — в нем присутствовало то, чему так старательно подражали люди ее круга, навешивая на себя дикарские украшения и слушая суровые и жестокие баллады, правда, звучавшие для них пустым звуком — пока. Жизненная сила и напор были утрачены человечеством. Люди

смутно стремились к ним, но когда им в очередной раз предложат столкнуться с суровой реальностью, они изо всех сил постараются этого избежать.

Кедра надменно посмотрела на него, чуть повернула голову — так, что черные волны волос нежно всколыхнулись вокруг плеч, и холодно спросила: «Как тебя зовут?»

Рыжие брови Сэма сдвинулись к переносице. «Обойдешься», — намеренно грубо ответил он.

Она на мгновение застыла. Затем словно теплая волна прошла по ее телу, расслабляя мышцы и растапливая лед высокомерия. Она глубоко, но тихо вздохнула и унизанные кольцами пальцы, до этого лишь прикасавшиеся к нему, мягко легли на красный бархатный рукав. Она позволила раскрывшейся ладони нежно скользнуть к его запястью, и золотые кольца с щекочущим холодом сверкнули в зарослях рыжих волос его руки.

Она сказала, не глядя на Сэма:

— Расскажи мне что-нибудь о себе. Только немного. А то мне надоест.

— Тебе легко надоест?

— Очень.

Он оценивающе осмотрел ее с головы до ног и, довольнo хмыкнув, решил, что раскусить ее будет не так уж сложно. За сорок лет Сэм Рид узнал практически все о жизни в Куполах, причем не только о той жизни, которая у всех на виду, но и о таинственных, порой дьявольских методах, которые человечество изобрело для подстегивания угасающего интереса к собственному существованию, которое слишком растянулось. Сэм подумал, что он не заставит ее скучать.

— Пойдем, — сказал он.

Это был первый день карнавала. В третий и последний день он услышал от Кедры, что их роман обязательно должен закончиться вместе с праздником. Это его скорее удивило, чем обрадовало. Прежде всего — Росейз. А во-вторых, пусть он заперт в клетке отпущенных ему лет, он не потерпит, чтобы кто-то глазел на него снаружи.

Они плавали в невесомости. Из черной пустоты на

них надвигались объемные картины. Это было очень дорогое удовольствие. Для него требовались крайне искусные операторы и, по крайней мере, один робот-самолет, со специальной видеоаппаратурой. Подвешенный где-то высоко над венерианским континентом, он был нацелен на сцену, которая разворачивалась перед ними.

Чудовище сражалось с лианой.

Оно было огромным, это чудовище, и словно специально созданным для битвы. Его скользкое чешуйчатое тело стало еще более скользким от крови, струящейся из многочисленных ран, нанесенных гибкими, когтистыми ветвями. Они хлестали его неумолимо и размеренно, рассеивая вокруг себя капли яда, сверкавшие в сером влажном воздухе. Музыка, импровизируемая в такт битве, гремела вокруг них.

Кедра прикоснулась к регулятору, и звук стал чуть слышным. Где-то высоко парил безразличный к сражению самолет, невидимый музыкант неслышно нажимал на клавиши. Кедра повернула голову, и в темноте прошелестел шелк ее волос.

— Я ошиблась, — сказала она.

Сэм с досадой вздохнул. Он хотел досмотреть сражение до конца.

— Чего?

— В тебе, — ее пальцы с властной нежностью скользнули по его щеке. — Я недооценила тебя, Сэм. Или переоценила. Или и то, и другое.

Он тряхнул головой и протянул в темноте руку вдоль гладкой округлой щеки к затылку, наткнулся на обруч, сквозь который падали волнистые волосы, захватил их полной горстью и грубо потряс ее голову из стороны в сторону. Волосы мягко оплели его кисть.

— Наигрались, — сказал он. — Я тебе не комнатная собачка. Чего ты все крутишь?

Она засмеялась: «Если бы ты не был так молод...» В ее голосе прозвучали оскорбительные интонации. Он отпустил ее так резко, что она почти упала на тахту рядом с ним и, чтобы удержаться, ухватила за его плечо. Сэм молчал. Потом небрежно спросил: «Сколько тебе?».

— Двести двадцать.

— Понятно, что я тебе надоел. Я — ребенок.

Ее смех прозвучал ободряюще:

— Не ребенок, Сэм, не ребенок. Просто мы по-разному смотрим на жизнь. Нет, ты мне не надоел. В этом-то и все дело. По крайней мере, отчасти в этом. Я бы, пожалуй, хотела, чтобы ты надоел мне. Тогда я могла бы оставить тебя сегодня вечером и забыть все, что здесь было. Но в тебе что-то есть, Сэм, не знаю что. — Ее голос стал задумчивым. В темноте за ними музыка выросла до пронзительного крещендо и затем плавно перешла к замирающим нотам смерти, сопровождавшим гибель кого-то из двух соперников, сражавшихся в огромных болотах высоко над ними.

— Если бы ты только был тем, кем ты выглядишь, — вздохнула Кебра. — Если бы ты только был... У тебя прекрасный ум, Сэм. Жаль, что ты умрешь слишком рано и не успеешь им воспользоваться. Я бы даже хотела, чтобы ты не был обычным человеком. Я бы вышла за тебя замуж — на время.

— Что это за ощущение, — жестко спросил Сэм, — быть богом?

— Тебе показалось, что я смеюсь над тобой? Извини. Ты этого не заслуживаешь. Что это за ощущение? Мы — Бессмертные, это верно. А ощущение — захватывающе и страшно. Это ответственность. Мы не просто играем с жизнью. Первые сто лет я потратила на подготовку и обучение, на знакомство с людьми и предметами. Следующие сто лет я занималась искусством интриги. Это наука о ниточках, за которые нужно потянуть, чтобы, например, заставить Совет смотреть на вещи по-иному. Это джиу-джитсу для мозга — как прикоснуться к человеческому тщеславию, чтобы реакция была как раз такой, какая мне нужна. Я думаю, ты и сам знаешь, как это делается. Только ты еще слишком мало прожил, чтобы овладеть этим как следует. А жаль. В тебе есть что-то, что я... я бы не возражала...

— Перестань повторять, что вышла бы за меня. Я бы тебя не взял.

— Нет, взял бы. Я могу это устроить даже сейчас, несмотря на то, что ты обычный человек. Я могла бы...

Сэм перегнулся через ее колени и нацупал выклю-

читель. Маленькая, уютная комната мгновенно осветилась. Кедр рассмеялась полупротестуяще, полудивленно и, откинувшись, прикрыла свои большие красивые глаза рукой.

— Сэм! Я ослепла! Не надо, — она потянулась к выключателю. Он перехватил ее руку, сжав унизанные кольцами пальцы.

— Нет. Хватит. Я ухожу. Сейчас. У меня нет ни малейшего желания встречаться с тобой еще раз. Ясно? К сожалению, ты мне не подходишь. — Он порывисто встал.

Было что-то змеиное в том, как она одним плавным гибким движением поднялась на ноги, сверкая золотистым узорчатым платьем, плотно облегающим тело.

— Подожди. Ну, подожди же. Забудь это, Сэм. Я хочу кое-что тебе показать. Все это ерунда. Мне нужно было, чтобы ты раскрылся. Сэм, я хочу взять тебя в Гавань. У меня есть для тебя дело.

Он холодно посмотрел на нее, блеснув стальными искрами из-под рыжих ресниц и, нахмутив уродливые рыжие брови, назвал сумму, за которую он согласится ее выслушать. Она слегка поджала губы и сказала, что заплатит. Неуловимая египетская улыбка снова наметилась в уголках ее рта.

Сэм вышел из комнаты вслед за ней.

Гавань олицетворяла полузабытую колыбель человечества. Это была Земля, но Земля явно приукрашенная и воспроизведенная по плохим воспоминаниям. Она представляла из себя гигантскую полусферу, состоящую из множества ячеек-кабин, которые, как соты, образовывали сплошной свод над огромным, расположенным внизу залом. Каждая кабина могла отделяться от остальных и перемещаться в другое место с помощью сложного переплетения направляющих лучей. По замыслу архитектора, это давало возможность наслаждаться любым из пейзажей, воспроизводящих все земные ландшафты.

Говоря строго, здесь было множество несоответствий: пальмы росли вперемежку с соснами, цветущими фруктовыми деревьями, увитыми розами и виноградными лозами. Но в целом все выглядело более или

менее правдоподобно, и эти мелочи не смущали никого, кроме нескольких знатоков. О существовании времен года помнили только ученые. Весна и осень были отвлеченными понятиями прошлого.

Это был фантастический и странный замысел — объединить в одном ритме осеннее и весеннее равноденствия, прорастание травы и набухание почек, желто-зеленые краски осени и бело-голубое сияние зимы. И все это естественно, буйно, так непохоже на управляемые компьютерами гидропонные сады.

Кедра Волтон и Сэм Рид вошли в Гавань. С площадки, на которой они стояли, была видна огромная сверкающая полусфера, заполненная блестящими кабинами. Это было похоже на яркий сказочный сон — скольжение, парение, спуск и подъем в переплетенных световых потоках. Далеко внизу виднелся непропорционально вытянутый зал. Это был бар, построенный в виде серпантина. Мельтешение посетителей делало его похожим на извивающуюся тысяченожку.

Кедра произнесла несколько слов в микрофон. Одна из кружащихся кабин сошла со своей орбиты и мягко стукнула о причальную платформу. Они шагнули внутрь, и по покачиванию пола Сэм понял, что кабина воспарила опять.

У маленького столика полулежали на диванных подушках мужчина и женщина. Лицо мужчины Сэму было знакомо — Захария Харкер, глава знаменитого клана Бессмертных, собственной персоной. Это был крупный, прекрасно сложенный человек высокого роста. Его лицо отражало не возраст, но зрелость и опытность, странным образом оттеняемые вневозрастной молодостью, придающей ему гладкость и свежесть. Казалось, он безупречен во всем — в разговоре, манерах, и его спокойная, уверенная мудрость тоже была безупречной.

Женщина...

— Сари, дорогая, — сказала Кедра, — я привела вам гостя. Сари — это моя внучка. Захария, это — ...я не знаю, как его зовут. Он мне не представился.

У Сари Волтон было тонкое надменное лицо — очевидно, фамильная черта. Ее необыкновенные золотисто-зеленые волосы падали на обнаженные плечи в тщательно продуманном беспорядке. Узкая пеле-

ринка из дорогого меха венерианского зверя была наброшена поверх открытого платья. Испещренный разбегающимися, наподобие тигриных, узорами, мех казался мягким и бархатистым. Платье из тонкого и упругого материала плотно облегалo ее до колен и ниспадало широкими складками у лодыжек.

Бессмертные посмотрели на него, и на их лицах отразилось изумление. Сэм понял, что они шокированы. Внезапно он ощутил себя неуклюжим, громоздким и почувствовал, насколько он не похож на этих аристократов. Раздраженно, как завистливый ребенок на взрослых, Сэм смотрел на их благородные и спокойные черты, исполненные знания и мудрости.

— Садись, — Кедрa кивнула на диван. Сэм естественно прямо сел, взял бокал и с нескрываемой неприязнью принялся изучать отвернувшихся хозяев.

Кедра сказала: «Я думала о Свободном Компаньоне, когда вела его сюда. Он... как все же тебя зовут? Может, я сама придумаю тебе имя?»

Сэм мрачно назвался. Она откинулась на подушки, и золотые кольца тускло блеснули на поднявшей бокал руке. Она смотрела на него спокойно и непринужденно, но Сэм, тем не менее, почувствовал в ней какую-то легкую напряженность. Ему стало интересно — чувствуют ли это остальные?

— Я расскажу тебе все по порядку, Сэм Рид, — обратилась к нему Кедрa. — Я провела последние двадцать лет в созерцании.

Он знал, что это такое — вид интеллектуального воспитания, утонченная религия, когда посвященный удаляется от мира, чтобы постичь непостижимое. Нирвана? Нет. Возможно, мир, равновесие и покой.

Он знал о Бессмертных несколько больше, чем они, пожалуй, подозревали. Насколько это доступно для смертного, он понимал, как полна может быть жизнь, охватывающая тысячелетие. Нужные черты доводятся до совершенства, и жизнь напоминает тщательно подогнанную мозаику, пусть огромную, но составленную из таких же кусочков, как и обыкновенная жизнь. Можно прожить тысячу лет, но одна секунда будет по-прежнему длиться не больше секунды. И

чтобы поддержать столь долгую жизнь в равновесии, необходимы периоды созерцания.

— При чем здесь Свободный Компаньон? — требовательно прервал ее Сэм. Он знал, что Робин Хейл, последний из сражавшихся с Венерой воинов, был сейчас необычайно популярен. Чувство неудовлетворенности, которое так легко может привести в движение людские толпы, сыграло ему на руку и сделало героем дня. Всюду появлялись страстные сторонники его идеи колонизации суши.

По крайней мере, сторонники на словах. Основная часть проекта была еще на бумаге. Когда дело дойдет до настоящей борьбы с яростной стихией континентальной Венеры, реалисты начнут понимать, что все может обернуться иначе. Однако пока крестовый поход Робина Хейла вызывал бурный и бестолковый энтузиазм.

— При чем тут он? — медленно переспросил Захария Харкер. — Из этого ничего не выйдет. А ты, Сэм Рид, как думаешь?

Сэм взглянул на него-из-под рыжих бровей, фыркнул и покачал головой, намеренно не утруждая себя ответом. Ему внезапно захотелось посеять разногласия среди этих спокойных благовоспитанных Бессмертных.

— Когда я вышла из созерцания, то поняла, что проект Свободного Компаньона — это самое интересное событие последнего времени. И самое опасное. По многим признакам мы увидели, что попытка колонизации может обернуться большой бедой.

— Почему? — буркнул Сэм.

Захария Харкер наклонился к столу, чтобы поставить бокал.

— Мы еще не готовы, — ровным голосом сказал он. — Необходимо тщательное планирование — и техническое, и психологическое. Мы, Сэм Рид, угасающая раса, и не можем позволить себе неудачу. А проект Робина Хейла обречен на провал. Поэтому нельзя давать ему шанс. — Он приподнял брови и задумчиво посмотрел на Сэма.

Сэм невольно поежился. У него возникло неприятное ощущение, что этот глубокий, спокойный взгляд может увидеть в его лице куда больше, чем ему бы

хотелось. Об этих людях нельзя ничего сказать наверняка. Слишком долго они живут. Возможно, они знают о нем слишком много.

— Вам нужно, чтобы я его убил? — бесцеремонно спросил Сэм.

В маленькой комнате на миг воцарилось молчание. У него возникло ощущение, что они не предполагали такого варианта. Он почувствовал, что вокруг него начался быстрый обмен мнениями, как если бы Бессмертные говорили без помощи слов. Люди, знающие друг друга на протяжении стольких веков, вполне могли развить в себе способность к чтению мыслей, хотя бы с помощью нюансов мимики. Казалось, Бессмертные устроили совещание над его головой.

Потом Кедр сказала: «Да. Убей его, если можешь».

— Это было бы лучше всего, — медленно добавил Захария. — Это нужно сделать сейчас, сегодня. Самое большее — в течение сорока восьми часов. Медлить нельзя, все разворачивается слишком быстро. Нужно убрать его, пока нет никого, кто мог бы занять его место. А завтра, может быть, кто-нибудь уже появится. Что, Сэм Рид, справишься?

— Вы что, спятили? — Сэм угрюмо осклабился. — Похоже, вы знаете обо мне больше, чем я думал.

— Конечно, знаем, — рассмеялась Кедр. — Ведь прошло три дня. Неужели ты думал, что я позволю себе расслабиться с человеком, о котором мне ничего не известно? Я знала твое имя через три часа после нашей встречи. На следующее утро я знала содержание твоего досье. Тебе можно доверить такую работу. Она тебе по плечу. А сколько тебе нужно за молчание, ты решишь сам.

Сэм покраснел. Именно тогда он впервые ощутил ненависть к ней. Кому приятно узнать, что его водили за нос?

— Это дельце, — процедил он, — встанет вам вдвое дороже, чем обычным клиентам.

Он назвал явно завышенную сумму.

— Нет, — ответил Захария, — мы можем дать...

— Подожди, милый, — подняла руку Кедр. — Я заплачу. У меня есть свои соображения.

Захария внимательно посмотрел на нее. Эти сооб-

ражения были настолько ясно написаны на ее лице, что на мгновение он поморщился. Он полагал, что их свободный брак, прерванный ею перед уходом в созерцание, будет вот-вот возобновлен. Однако, следя за тем, как она смотрит на Сэма, Захария понял, что это может произойти не так скоро.

Сари наклонилась вперед и положила свою бледную узкую руку ему на плечо.

— Захария, — в ее успокоительном тоне звучали собственнические нотки, — оставь ее, дорогой. Времени хватит на все.

Бабушка и внучка, почти как в зеркале повторяющие друг друга, обменялись понимающими взглядами, в которых не упускавший ничего Сэм уловил соперничество.

— Посмотри туда, — Захария прикоснулся к пульта. Одна из стен вспыхнула и стала прозрачной. На небольшом удалении от них проплывала кабина, в которой сидел одинокий человек. — Он здесь уже около двух часов.

Кабина подплыла ближе, и Сэм увидел хмурого высокого и смуглого мужчину, одетого в обычный коричневый костюм.

— Я знаю его в лицо, — сказал Сэм, вставая. От резкого движения пол слегка качнулся. — Высадите меня на посадочной площадке. Я с ним разберусь.

Сэм отыскал свободное место в длинном зале бара и заказал выпить. Бармен внимательно посмотрел на него. Это было место встречи Бессмертных, и люди такого плебейского вида, как Сэм, нечасто появлялись у стойки. Но в угрюмом лице и повелительных интонациях было что-то, что заставило бармена после мгновенного замешательства пробормотать: «Да, сэр», — и с хмурым видом принести, что просили.

Сэм сидел там довольно долго. Он дважды повторял заказ и теперь тянул последнюю порцию. Огромная сфера сплетала запутанные узоры над его головой, и пестрая толпа заполняла гигантский купол музыкой и невнятным рокотом. Он наблюдал за беспорядочным перемещением кабины с человеком в коричневом костюме. Ожидая Бессмертного, он лихорадочно прикидывал разные варианты.

Сэму было страшно. Вмешиваться в политику Бессмертных — дело опасное. А влезать еще и в их отношения — это просто чистое самоубийство, и у Сэма не было ни малейших иллюзий по поводу своих шансов уцелеть после того, как надобность в нем отпадет. Он не мог забыть выражения мягкой задумчивости, с которым Захария Харкер повернулся к нему.

Когда кабина Свободного Компаньона подплыла, наконец, к причальной платформе, Сэм уже встречал ее там.

Он не тратил слов понапрасну.

— Меня только что наняли убить тебя, Хейл, — сказал он.

Час спустя, когда они вместе выходили из Гавани, ребята Шеффилда добрались до него.

Сэм никогда не достиг бы таких успехов в своей карьере, если бы не умел красноречиво убеждать своих собеседников. С другой стороны, со дня объявления крестового похода на континент столько краснобаев пытались навязать Робину Хейлу свои услуги, что он уже научился отделяться от них.

Но кровь Харкеров опять сыграла свою роль. В итоге Хейла убедило именно чисто наследственное выражение спокойной уверенности, говорившее его общему для всех Бессмертных чувству родства больше, чем все ораторские ухищрения Сэма.

Сэм говорил очень быстро, однако, со спокойным и даже ленивым видом. Он знал, что теперь их с Хейлом жизни связаны вместе, причем связаны очень короткой веревочкой, длиной не более 48 часов. До этого срока они оба в безопасности, а после него — оба должны умереть, если только не сделают какой-нибудь хитрый ход. Когда Сэм говорил об этом, его голос звучал вполне искренне.

Именно на этом месте шеффилдовские парни его и достали. Они с Хейлом как раз вышли из Гавани и вступили на самую медленную ленту тротуара. Ловко созданное давление толпы слегка разделило их, и Сэм, пробиваясь обратно, слишком поздно увидел черный баллончик на уровне своего лица и

слишком поздно попытался задержать дыхание, почувствовав тошнотворный запах невидимого газа.

Все вокруг стало замедляться, замедляться и остановилось совсем.

Чья-то рука скользнула ему под локоть, и его потащили вдоль движущегося полотна. Уличные огни пятнами вспыхивали до поворота, а потом вдруг слились в одну гипнотического цвета кляксу. Сверкающая улица гладко плыла вперед, по сторонам клубился ароматный туман, но он видел все, как при замедленной съемке. Смутно Сэм сознавал, что это его же собственный промах. Он позволил Кедре отвлечь его, он ввязался в новое дело, не покончив со старым. И теперь он расплачивался за это.

Потом что-то вроде водоворота медленно ворвалось в движение полос. Сэм воспринимал только тычки, крики и звук ударов по телу. Он не мог разобрать деталей, однако видел лицо Свободного Компаньона, снова и снова проплывающее перед ним, наложенное, как в кино, на другие лица, что-то оружие и смутно знакомые.

В той же дремотной плавности он отметил, что оружие лица отплывают назад, оставаясь на более медленном полотне, что огни быстро убегают по краям скоростного тротуара и что рука Робина Хейла крепко держит его за локоть.

Он позволил этой твердой руке направлять его. Он двигался, оставаясь неподвижным. Его мозг почти полностью выключился. Он только смутно соображал, что они оказались около какой-то оранжереи, что Хейл сует монеты в руку служителя, что они останавливаются перед резервуаром, из которого свисает густая серо-зеленая листва. Издалека донеслось бормотание Хейла: «...обычно она растет здесь... дай Бог, чтобы они разбрызгали ее не очень... эта мерзость проникает всюду... Ага!» Послышался скребущий звук, пятно голубоватой коры крошилось в ладонях Хейла, и странная пыль окутала лицо Сэма.

После этого все ускорилось и рванулось вперед в такт внезапно начавшемуся яростному чиханию. Жгучая боль закипела в каждой вене, побежала вверх и пронзила мозг. На мгновение она стала совсем нестерпимой, взорвалась и стихла.

Дрожа и обливаясь потом, Сэм почувствовал, что снова может говорить. Восприятие времени пришло в норму, и он, моргая, уставился на Хейла.

— Порядок? — спросил тот.

— По-моему, да, — Сэм протер глаза.

— С чего они так завелись? — с нескрываемым любопытством поинтересовался Хейл.

— Я сам виноват, — коротко ответил Сэм. — Личные счеты. Я улажу их позже, если останусь жив.

Хейл засмеялся: «Пойдем ко мне. Потолкуем».

— Они не понимают с чем столкнутся, — мрачно говорил он. — И мне никого не удастся в этом убедить. Они создали романтическую бредню о крестовом походе, а из тысячи нет и одного, кто хоть бы раз ступал на сушу.

— Убеди меня, — предложил Сэм.

— Я видел Вычислителя, — начал Хейл. — Поход — это его затея. Лично мне нужно было... кое-что. Такие вот дела, и поэтому-то я сейчас и боюсь. Я ничего не могу сделать. Эти люди непробиваемы. Они присосались ко мне, как пиявки, и требуют романтических приключений. А я могу предложить только жизнь в таких жутких условиях, какие им и не снились, плюс никакой надежды на успех в этом поколении, а, может, и в следующем. Те, кому это бы подошло, видимо, уже повывелись, пока люди жили в Куполах. Наверное, подводный горизонт слишком узок. Они ничего не видят дальше Купола, да и своих носов.

Он криво усмехнулся: «Я несу им не мир, но меч. И никто в это не верит».

— Я сам никогда не был наверху. На что это похоже?

— Ты знаешь о джунглях по фильмам, снятым с самолетов. Как и почти все. А это цветочки — то, что видно сверху. Сверху — это даже мило. А вот засунуть камеру в грязь да показать, что оттуда торчит и что туда зарыто, и болотных волков, отгрызающих ноги, и ядовитый вьюн с подводными петлями... Да сделай я это, мой крестовый поход тут же лопнет. — Он нервно передернул плечами.

— Я уже начал работу, ты, наверное, слышал. В старом форте. Его когда-то построил Дунмен. А теперь там опять джунгли. Старые стены и заграждения дезактивировались и от них нет никакого толку. Помещения забиты растительной массой, кишмя кишат мелкой живностью, змеями и всякой ядовитой дрянью. Мы занимаемся расчисткой, но я боюсь, что даже просто поддерживать чистоту скоро уже будет не под силу всем моим добровольцам. Чего там, одни плющи насквозь проедают дерево, сталь, стекло и человека. Здесь, на Венере, экология не чета земной. Удержать форт будет не так-то легко. Все силы уйдут на то, чтобы выжить.

— Для этого нужны деньги и хорошо налаженное снабжение, — заметил Сэм. — А Клань резко против — пока.

— Я знаю. Они ошибаются. Так же, как и Вычислитель.

— Выходит, ты играешь в одиночку?

— Выходит так.

— Почему? Хороший спонсор мог бы дать тебе все, что нужно.

— Не мог бы. Это была бы афера. Ты пойми, Рид. Я в это дело верю. Со мной — это крестовый поход. Но я не стал бы доверять человеку, который, зная правду, захочет с этим связываться.

Заманчивая идея начала вырисовываться в голове Сэма. Он сказал:

— А мне бы ты доверил?

— С чего бы это!

Сэм быстро соображал, сколько правды о себе он уже рассказал Хейлу. Не слишком много. Можно спокойно идти дальше.

— С того, что я уже рискнул своей шеей, когда предупредил тебя. Если бы я сделал то, о чем просил Харкер, то уже сейчас имел бы кое-что. А я этого не сделал. И до сих пор еще не сказал почему. Я думаю и не надо. Я смотрю на колонизацию так же, как ты. Не буду врать, я мог бы кое-что заработать на этом деле, но ведь заработать я мог и шлепнув тебя.

— Я тебе только что объяснил, что все равно ничего не выйдет, — возразил Хейл. Но глаза его заблестели, а движения стали более порывистыми.

«Зацепило!» — подумал он. А вслух сказал: «Может и нет. Все, что нужно — достаточное снабжение, именно достаточное. Мне кажется, я смогу это обеспечить. К тому же надо дать «покорителям» другую цель, не твою, а ту, которую они смогут достичь еще при жизни. Что-то, на чем они смогут подняться. Без обмана. Попробуем?»

Хейл задумчиво ущипнул подбородок. Наконец он решился: «Пошли к Вычислителю».

Сэм смутился. Он боялся Вычислителя. Его собственные соображения были не настолько порядочны, чтобы их можно было выставлять на свет чистого разума. Но Хейл, хотя и был явным романтиком, имел за спиной опыт в несколько столетий, который был хорошей опорой его врожденному прямодушию. Они спорили больше часа. Потом Сэм отправился с ним к Вычислителю.

С ними говорил шар, сияющий белый шар, установленный на стальном пьедестале. Он размеренно вещал:

— Я уже говорил тебе, Хейл, что не могу предсказывать будущее.

— Но ты умеешь давать правильные ответы.

— То, что правильно для тебя, может быть неправильно для Сэма Рида.

Сэм нетерпеливо поморщился: «Тогда давай два ответа». Он думал, что они разговаривают с компьютером, и слегка расслабился. Все-таки машина — не человек. Что бы там ни было, а он представил вполне пристойные исходные данные. Его нетерпение было совершенно естественно, ведь время, отведенное ему Кедрой и Харкером, таяло час за часом.

По серебристой поверхности шара поплыли тени — искаженное отражение длинного ухмыляющегося лица Вычислителя. Сходство уловил, разумеется, один Хейл — тому, кто ничего не знал о Бене Крауелле, мелькание теней казалось лишенным всякого смысла.

— Жители Куполов не первопроходцы, — бесстрастно сказал Вычислитель. — Вам нужно вербовать потенциальных реформаторов.

— Нам нужны нормальные, крепкие люди, — прервал его Сэм.

— Тогда возьмите преступников. Это в основном крепкие люди. Они просто подверглись социальному или ситуационному смещению. Любой асоциальный индивидум может стать просоциальным в соответствующих внешних условиях. Преступники и недовольные станут вашими лучшими работниками. Вам понадобятся биологи, геологи, естествоиспытатели...

— Нам придется заплатить прорву денег, чтобы заполучить хотя бы посредственных специалистов, — возразил Сэм.

— Не стоит преувеличивать. Но заплатить придется. Вы еще удивитесь, сколько преступников вы найдете на самых высоких уровнях. Купола не дают свободы, они слишком ограничены. Ни один хороший работник не может чувствовать удовлетворения, если он не работает с полной отдачей. А кто в Куполах хоть когда-нибудь реализовал хоть треть своих возможностей? После освоения дна — никто.

— Так Вы думаете, можно рискнуть? — задумался Хейл.

— Если вы с Ридом избежите угрожающей вам сейчас опасности, обратись ко мне еще раз.

— Хейл мне говорил, — вмешался Сэм, — что Вычислитель смотрит на колонизацию не так, как Клань. Почему бы Вам тогда не помочь нам разделаться с ними?

По шару снова побежали тени — Вычислитель покачал головой.

— Я не всемогущ. Клань делает свое дело так, как они его понимают. Они умеют предвидеть. Своим влиянием и интригами они управляют постановлениями Совета, хотя формально он совершенно свободен. Клань прячется за кулисами, делают политику и следят за выполнением своих решений. Юридически власть в Куполах принадлежит мэрам и членам Совета. Фактически она в руках Бессмертных. У них хорошее социальное чутье, но они безжалостны. Они проталкивают законы, жестокие с точки зрения смертных, но спасительные для их правнуков, которые смогут жить именно благодаря жестокости Бессмертных. С точки зрения Кланов, понятие обще-

ственного благополучия имеет гораздо большую протяженность во времени. Но сейчас они, по-моему, ошибаются.

— Человечество угасает очень быстро. Клань утверждает, что средств хватит на финансирование только одной попытки колонизации. Если она провалится, мы обречены. Второй попытки не будет никогда. У нас не хватит ни материальных, ни человеческих ресурсов. Мы должны дожидаться их согласия, а они согласятся только тогда, когда будут уверены, что провала не будет. Я считаю, что они неправы. Я считаю, что человечество деградирует быстрее, чем они думают. Если мы будем ждать, то может оказаться слишком поздно...

— Но планетой управляет не Вычислитель, а Клань. Я слишком часто противоречил им в других ситуациях, чтобы они доверяли мне сейчас. Они уверены, что я всегда действую против них.

Робину Хейлу все это было давно известно, и при первой же возможности он нетерпеливо спросил: «Сделайте нам прогноз, Вычислитель. Вы можете сказать, есть ли у нас какие-нибудь шансы именно сейчас?»

Некоторое время шар молчал. Потом из него раздался совершенно необычный звук: он сперва захихикал, а потом откровенно засмеялся в полный голос. Это озадачило Хейла и совершенно обескуражило Сэма Рида. Не очень-то просто представить, чтобы компьютер смеялся.

— Да не бойся, освоишь ты сушу, — хохотал Вычислитель. — Реальны твои шансы, очень реальны. А если еще этот парень, Сэм Рид, возьмется тебе помогать, то считай — дело в шляпе! Вот и все, сынок. Я думаю, хватит с тебя.

Сэм в оцепенении смотрел на плывущие по шару тени. Все его прежние представления пошли кувырком. Этот Вычислитель — сплошное надувательство. Он что, предлагает им загадки разгадывать? А если все это лишь болтовня, то чего стоят его прежние разглагольствования?

— Спасибо, Вычислитель, — сказал Свободный Компаньон, и Сэм изумленно уставился уже на него. С какой стати он благодарит машину, да еще такую

дурацкую машину, которая только что доказала свою полную бесполезность?

Когда они повернулись, чтобы уйти, шар захихикал снова. Смех разрастался и разрастался и последнее, что они слышали уже на выходе, были раскаты безудержного хохота, заполнившие весь вестибюль. Он звучал хотя и не зло, но с изрядной долей нескрываемой иронии.

С высоты своего тысячелетнего опыта, Вычислитель до слез смеялся над будущей судьбой Сэма Рида.

«Если вы избежите угрожающей вам сейчас опасности...» — Сэм передразнил Вычислителя. Он сидел за пыльным пластиковым столом и хмуро поглядывал на сидящего напротив Хейла. Они находились в потайной комнатенке старого Проныры. Пока они там, им ничего не угрожает, но не могут же они оставаться там вечно! Сэм отлично знал, сколько харкеровских шпииков следят за каждым их шагом.

— Мне показалось, что у тебя есть идея, — сказал Хейл.

— А мне показалось, что тебе на это плевать. В чем дело? Ты что, мне не веришь?

— Да верю, верю. Как не верить человеку, который вдруг ни с того ни с сего заявляет, будто его наняли меня убить. Хотя может быть ты делаешь себе рекламу? Но я давно ждал от Кланов какой-нибудь пакости и к тому же я верю Вычислителю. Ну так что, есть идея?

Сэм покосился на него из-под нахмуренных рыжих бровей. Он начинал ненавидеть Хейла за то, что тот так легко согласился сотрудничать с ним. Правда, Сэм только этого и хотел. Но ему не нравились доводы Свободного Компаньона. Тот, похоже, никак не связывал успех или неуспех своего предприятия с надежностью будущего спонсора, звания которого Сэм так настойчиво добивался. Пускай Вычислитель, движимый своей идиотской логикой, одобрил его участие, и пускай Хейл доверял Вычислителю, но дело-то было не в этом.

Робин Хейл был Бессмертным.

То, что Сэм смутно подозревал и что бесило его в

Волтонах и Харкерах, бесило его и в Хейле. Это проклятая, ни с чем не сравнимая уверенность в себе. Хейл не был рабом Времени — Время служило ему. Человек с многовековым опытом за плечами мог спокойно воспринимать практически любое сочетание обстоятельств, так как почти наверняка уже однажды встречался с ними. Он будто располагал готовыми наборами ситуаций. У него было достаточно времени продумывать и ставить эксперименты над человеческим поведением, и решение возникало как бы само собой.

С детской запальчивостью Сэм подумал, что это нечестно. Проблемы, которые простым смертным толком-то и не осознать, Бессмертные успевают изучить вдоль и поперек. И там, где обычным людям нужно принимать отчаянные решения или идти на компромисс, Бессмертные могут просто переждать. Прямо как в песенке «Ах, мой милый Августин, все пройдет...»

Само собой, что они способны на необъяснимые поступки. У них так много времени, что не-Бессмертному и не представить. Нужно прожить долгую-долгую жизнь, чтобы хотя бы научиться понимать...

Он глубоко вздохнул и начал издали:

— Клан, я имею в виду Волтонов и Харкеров, открыто не нападут. Они не захотят, чтобы их припутывали к убийству. До сих пор им было плевать на народ, потому что народ был неорганизован. В Куполах никто никогда и не думал бунтовать — просто повода не было. Тут у Кланов было все четко. Но с твоей заварухой вокруг крестового похода у них появятся новые проблемы, причем совсем не простые. Народ впервые зашевелился, пускай бестолково — очень уж все завелось на этот поход. Вот я и придумал, как нам это использовать. Но... — он посмотрел на пыльный телеэкран во всю стену — пока я не могу все рассказать.

— Не надо, — Хейла, похоже, вообще ничего не волновало. Про себя Сэм решил, что это вполне нормально. До него впервые дошло, что для этого века война не нечто страшное из давно забытого прошлого, а вполне обычное дело. Он уже повидал и убийства, и убийц. Для него угроза смерти — как

слону дробина. Он привык относиться к таким вещам спокойно. Сэм снова ощутил приступ бешенства.

— Однако, — он заставил себя продолжать ровным тоном, — раз уж я решил ввязаться в это дело... — он сделал многозначительную паузу. — Продолжать?

Хейл усмехнулся и кивнул.

— Я думаю, что выход в том, что людей нужно не нанимать, а заманивать. Нам нужна ударная группа прорыва и специалисты. О первых — попозже. А вот со вторыми — ты мог бы защитить своих специалистов?

— Смотря от чего. Только не от скуки. И не от некоторых штук типа вьюна — они пролезают в вентиляцию и поедают человека живьем. Некоторые бактерии, вместо того чтобы гибнуть от ультрафиолета, начинают мутировать. И так далее. Это будет посерьезней, чем в кино.

— Значит, нужен хороший отбор. Теперь — о недовольных. У них, с одной стороны, хороший технический уровень, а с другой — личные неудачи.

— Так. И что ты предлагаешь?

Эти короткие реплики били прямо по самолюбию Сэма. Ему показалось, что Бессмертный уже заранее знает все, что он собирается сказать. Сэм чувствовал себя маленьким мальчиком, которого поставили на стул прочитать стихотворение про мишку, а взрослый дядя его поправляет. Зачем это Хейлу? Может, просто испытывает, на что он годен, а может, хочет, чтобы Сэм выложил ему свои идеи, а он бы выбрал что-нибудь интересное? Но тем не менее, под этой самоуверенностью, под всем этим неисчерпаемым опытом Сэм угадывал безоружную наивную доверчивость, и на нее-то он и ставил. Прежде всего Свободный Компаньон был романтиком. Прежде всего он был самоотверженным борцом за идею. Не то что сотни — тысячи лет не дали бы ему того, что у Сэма было врожденным. Да, попробовать стоило...

— Ясное дело, не все недовольные нам подойдут. Нужно еще разобраться — чем именно они недовольны. У тебя ведь были свои специалисты тогда, во время войн?

Хейл кивнул: «Да, но тогда все держалось на традициях Свободных Компаний».

— Мы создадим новые традиции. Я пока не знаю, какие. «К звездам через тернии» хотя бы. Ты смог бы получить доступ к психологическим тестам и личным досье старых спецов?

— Пожалуй, можно. Кое-что, наверное, сохранилось. А зачем?

— Пойдет в дело. Я думаю, это нам очень поможет. Будем решать задачку с двумя неизвестными: «Х» — в чем причина их успеха, «У» — как нам создать новое поколение, причем в основном из недовольных. Находим, что такое хороший техник военных времен, прибавляем что-то вроде старой традиции. Приравниваем «Х» и «У» и даем им новую традицию.

— Нужна хорошая пропаганда и психологическая обработка. Все, что от нас требуется сегодня — это направить общественное мнение, куда надо. Лозунги, знамена, а может, и новые кумиры. Крестовому походу нужны свои святые. Вот тебе способ найти специалистов. Теперь — об ударной группе и о финансах, — Сэм взглянул на спокойное лицо Бессмертного, отвел глаза и продолжал.

— Чтобы набрать ударную группу нам нужно хорошенько просеять добровольцев. В Куполах есть еще надежные люди. Они не будут кричать «мама!» при первой опасности. Мы продумаем жесткие тесты для каждого потенциального колониста. Можно их слегка подурочить. Спрашиваем одно, а смотрим на другое. Нельзя отвергать человека за то, что тебе кажется, будто он может струсить, а то все разбегутся. Но мы должны знать наверняка.

— Пока все хорошо, — ободрил Хейл. — А как с деньгами?

— У тебя есть что-нибудь?

Хейл пожал плечами: «Гроши. Я провел лишь подготовительные работы по расчистке дунменовского форта. Тут нужны немалые деньги».

— Организуем фирму и будем продавать акции. Люди любят азартные игры. Особенно, если с них пойдут проценты. И не обязательно деньгами — острыми ощущениями, крутыми сюжетами, романтикой, которой им так хочется. Всем тем, что есть в дешевых триллерах.

— Неужели те, кого не взяли в добровольцы, будут покупать акции?

Сэм засмеялся: «Об этом я позабочусь. Я же говорю, с каждой акции пойдут проценты — они смогут пощекотать себе нервы, как настоящие колонисты, но при этом никакой опасности. Над каждым клочком колонии будет висеть телекамера — прямая трансляция всем держателям акций!»

Хейл взглянул на него со смешанным чувством негодования и восхищения. Сэм был очень доволен, что ему удалось наконец-таки растормошить Бессмертного. Но его ответ снова испортил ему настроение.

— Нет. Это дешевка. И мошенничество. У нас не воскресный поход для искателей приключений. Я тебе уже говорил, что это тяжелая работа, а не кино. Нам придется вкалывать, а не развлекаться.

— Всегда можно найти способ поразвлекаться. Нужно найти. Тебе все равно придется идти на компромиссы. Платят же люди за фильмы ужасов? Вот мы и покажем им такой фильм.

Хейл забарабанил пальцами по столу: «Мне это не нравится».

— Допускаю. Все равно это нужно. Чисто теоретически, есть у тебя там что-нибудь, что можно использовать прямо сейчас?

Помолчав, Хейл ответил: «Пожалуй. Мы сейчас возимся с шагающим плющом, он термотропичен. Его притягивает тепло человеческого тела. Ясное дело, мы его блокируем с помощью охлаждающих установок. В принципе, он легко подманивается. Можно разбросать в округе термошашки или еще что-нибудь, излучать тепло. А когда он появится, его можно взорвать на месте».

— На что он похож?

Хейл углубился в детали. Сэм откинулся на спинку стула. Он выглядел очень довольным.

— Прямо в точку. Абсолютно безопасно, а страшно, как смертный грех. Мы сразу отсеем половину, поугав их с самого начала. Твои люди отключат охлаждающие установки и притворятся, будто на них напал плющ. Кто-нибудь станет с термошашками наготове, только так, чтобы он не попадал в кадр. По-

том поднимем тревогу, будто плющ прорвался, дадим его крупным планом на всех экранах — и готово!

— Нет.

— Все крестовые походы начинались с хорошей рекламы, — Сэм не стал настаивать. Он просто заметил, что если вообще ничего не делать, то жить им осталось тридцать шесть часов. В это время в углу огромного телеэкрана замигала красная точка. «Так, — решил про себя Сэм, — а теперь следующий номер программы».

Он облокотился на стол и начал:

— Кланам избавиться от нас — раз плюнуть. Парочка бактерий — и порядок. Они нас запросто убьют, если мы только не выкинем чего-нибудь эдакого. Вот я и думаю: надо их так ошарашить, чтоб пока они прочухивались, мы могли стать на ноги.

— Давай-ка поподробнее.

— В чем сила Кланов — в их авторитете. На самом деле у них есть только одно — долгожительство. Только это удерживает их наверху. Только из-за этого люди им верят. На это и будем бить. Сделай так, чтобы, спасая свой авторитет, им пришлось защищать нас.

— Как?

— Ты всеобщий любимец. Почему Харкер дал мне сорок восемь часов сроку? Он боится, что у тебя появится верный человек, который поведет людей, даже если ты выйдешь из игры, — Сэм остановился и ткнул в себя пальцем. — Я — такой человек. Вернее, я должен им стать, чтобы спасти свою шкуру. Правда, тебе придется слегка подвинуться. Но если мы задублируем друг друга, мы разделим опасность пополам. На кой им убивать одного, если другой останется жив?

— А как ты умудришься стать настолько заметным за эти несколько часов? — Хейл явно заинтересовался.

Сэм заговорщически подмигнул и пнул соседний стул ногой. Открылась дверца в стене, и в комнату вошел Проныра, как обычно сморкаясь и хлюпая носом.

Громоздкая туша медленно опустилась на пустой стул. Проныра с любопытством уставился на Сэма.

«Прежде всего, — сказал тот, — команда Шеффилда сидит у меня на хвосте. Мне сейчас не до них. Наклеывается серьезное дело. Мог бы ты их успокоить?»

— Если они захотят послушаться старика... — это было надежной гарантией. Старый волчара по-прежнему заправлял делами в преступном мире Куполов.

— Спасибо, — Сэм наклонился к Проньре и посмотрел на него в упор. — Еще, очень важно. Нужно срочно подделать звуковую дорожку.

— Это просто. — Проньра опять высморкался.

— И подправить лица.

— Это сложнее. Чьи лица?

— Прежде всего — Захария Харкер. И любой из Харкеров или Волтонов, на которых есть материал. Но сначала — Захария.

Проньра уставился на него, забыв высморкаться в очередной раз. «Харкер? — хрипло переспросил он. Но через секунду неожиданно ухмыльнулся. — Ладно, чего-нибудь намухлюем. Но ты ведь догадываешься, во что это встанет, а, мальчик? Когда тебе это нужно?»

Сэм объяснил.

Подделывать звуковую дорожку начали с незапамятных времен, чуть ли не сразу после изобретения самой дорожки. Для этого уже записанные звуки ловко перекраивались в новой последовательности так, чтобы получались желаемые слова. Технология подделки была доведена до совершенства. Нужен был только очень опытный оператор, способный сделать из того, что есть, то, что требуется. Чисто фонетические трудности делали невозможным переделку одного языка в другой, но в остальном никаких ограничений не было. Любой записанный на пленку фрагмент легко разбивался на отдельные кирпичики, из которых строился практически любой текст.

Затем, разумеется, делали подгонку видеозаписи. Чтобы согласовать мимику и речь говорящего, нужно было останавливать кадр и корректировать положение губ. После этого результат бывал в общем достигнут, но восприятие спотыкалось на каждом звуке. Тут-то и начиналась самая ювелирная работа:

незаметное сжатие и растяжение кадра, склеивание кусочков в одно безупречное целое. Иногда, чтобы получить нужное изображение, двухмерные изображения в профиль и три четверти проектировали на объемную голограмму, а потом перефотографировали. И, наконец, вершиной всего была окончательная доводка до ощущения подлинности.

У Проныры был выход на оператора, отлично знавшего свое дело. В чем-чем, а в видеозаписях Харкеров и Волтонов недостатка не было. Правда, связываться с ними было опасно, и Сэм это знал. Но у него не было выбора.

Робина Хейла он обрабатывал почти пять часов. Прежде всего, его требовалось убедить в серьезности их положения. Это оказалось нетрудно — агенты Кланов так и сновали вокруг дома, где они спрятались. Потом Сэм доказывал, что на него можно положиться — дошло до того, что он повторял свои доводы, воткнув в вену иголку анализатора крови, подключенного к детектору лжи. Это заняло больше всего времени — он должен был слишком многое скрывать, а чтобы не попасться, приходилось все время вилать.

— Мы с тобой все равно, что покойники, — говорил он, и перо самописца ползло медленно и без рывков, поскольку это была чистая правда. — Я ведь не спорю, дело опасное, чистое самоубийство. Но если уж подыхать, так я хочу испробовать все. Тебе-то тоже не выкрутиться. Если ты, конечно, не можешь придумать что-нибудь получше. Можешь?

Бессмертный не мог.

В итоге ведущий вечерней телепрограммы сообщил, что Робин Хейл собирается сделать важное заявление по поводу колоний. Во всех Куполах люди в ожидании замерли у экранов. Никто не знал, что на самом деле они ждут, пока поддельная пленка перемотается в последний раз перед запуском в прямой эфир.

Частная жизнь Бессмертных на самом деле была не совсем неизвестной, а агенты Проныры не зря ели свой хлеб. Из уважения к Хейлу затянувшаяся па-

уза не заполнялась никакими заставками. Наконец поступил сигнал, что фальшивка готова.

После этого на всех телеэкранах — огромных общественных, комнатных и портативных появилось лицо Хейла. Он был одет в защитный костюм для работы на суше и говорил быстро и немного взволнованно, что придавало его словам еще большую убедительность.

Он сказал, что хочет представить слушателям грандиозный проект его лучшего друга Сэма Рида, проект, который позволит немедленно начать широкомасштабные работы на континенте. Однако внезапно осложнившаяся обстановка требует его присутствия наверху, где работающие в джунглях люди столкнулись с новой, неожиданной опасностью. Он сжал кулак в традиционном приветствии Свободных Компаньонов и исчез с экрана.

На его месте появилось лицо Захарии Харкера. Вряд ли нашелся бы такой эксперт, который смог бы обнаружить неуловимое дрожание записи, выдававшее, что в действительности она была простой перетасовкой электромагнитных сигналов. Все было настолько безупречно, что даже сам Захария, у какого бы экрана он сейчас ни находился, не мог бы усомниться, что это именно он говорит в телестудии, настолько естественно соответствовал каждый звук движению его собственных губ.

Синтетическая речь была триумфом лингвистики. Прием, типичный для Сэма, — пойти на рискованнейшую авантюру не только для того, чтобы обезопасить себя и Хейла, но и заставить противника работать на него. Он заставил Харкера не просто упомянуть его имя. Сэм был представлен публике, он стоял рядом с Бессмертным во время его речи. Этакий болеющий за общество рыцарь-филантроп, который берет на себя все тяготы крестового похода.

Сэм Рид, человек из народа, смертный, но прозорливый, готов бок о бок с Робинем Хейлом вести простых людей к великим завоеваниям. Колонизация — это будущее человечества. «Даже Харкеры, — воскликнул Захария, — были покорены устремленностью двух друзей — Хейла и Рида. Впереди — борь-

ба с неизведанным. Скоро начнутся конкурсные испытания добровольцев. Через тернии — к звездам!»

Он заговорил об опасности. Он углубился в детали, подбирая каждое слово, стараясь воодушевить и увлечь слушателей. Он упомянул о том, что жизнь в Куполах вошла в эпоху застоя, что участились случаи дебилизма и вспышки новых заболеваний. И самое главное — человек перестал развиваться. В Куполах у человечества нет будущего. Недопустимо, чтобы великая земная цивилизация нашла свой конец в волнах непокорной планеты.

«К звездам!»

Захария покинул экран. Сэм выступил вперед и начал говорить, стараясь под напускным спокойствием скрыть свое волнение. Его и вправду почти трясло от запоздалого страха за свою жизнь. Как отреагируют Харкеры на такое чудовищное мошенничество? Их самые сокровенные планы бессовестнейшим образом вывернуты наизнанку и выставлены на всеобщее обозрение, да еще и от их же лица. Наверняка они уже действуют, Клану умеют реагировать мгновенно. Но как? Этого Сэм предвидеть не мог.

Он говорил с экрана с невозмутимой уверенностью. Он сказал, что помочь колонизации может каждый — если не лично, то хотя бы деньгами. Скупыми словами он обрисовал трудности и опасности жизни на континенте, — стараясь заранее отпугнуть всех, кроме самых настойчивых. Но свой главный козырь он приберег напоследок.

То, что было дорогостоящей забавой для самых состоятельных, он берется сделать доступным каждому, кто будет участвовать в великом деле спасения человечества. Люди не просто смогут увидеть, куда идут их деньги, они в полной мере разделят потрясающие ощущения живущих наверху.

— Смотрите!

На экране вспыхнуло яркое царство венерианских джунглей, которые надвигались на зрителя с головокружительной быстротой. Жирная черная грязь окружала зеленый островок буйно цветущих растений. Грязь зашевелилась, и стало видно, как гигантская змея заскользила по направлению к острову. Раздался чавкающий звук, и челюсти болотного вол-

ка сомкнулись на чешуйчатом теле. Смешанная с кровью жижа полетела в разные стороны. Извивающиеся чудовища начали медленно погружаться вглубь и исчезли с экрана. Черное болото снова замерло, если не считать еле заметных кругов, расходящихся над местом битвы. Несколько больших пузырей лопнули с глухим шумом, отчетливо слышным каждому сидевшему у экрана.

Сэм поблагодарил за внимание. Он попросил подождать несколько дней, пока не будут созданы отборочные комиссии. С грубоватой простосердечностью он пообещал верой и правдой служить жителям Куполов и Свободному Компаньону, который передал все дела в его руки, поскольку сам он сейчас необходим наверху, в этих таинственных, известных только ему одном джунглях. «Скоро мы все, — закончил Сэм, — станем свидетелями этих битв, но в них будут сражаться не чудовища, а люди, храбрецы, объявившие войну Венере, подобные тем, кто когда-то завоевывал Старую Землю...»

Кланы не предприняли ничего.

Это беспокоило Сэма больше, чем любое проявление враждебных действий. Он не знал, с чем ему бороться. У него были основания не доверять этому молчанию. Все попытки тележурналистов взять интервью у кого-нибудь из Бессмертных на эту злободневную тему ни к чему не привели. Они только улыбались, кивали и отказывались что-либо комментировать — пока.

Между тем, успех был сногшибательный. В конце концов, думал Сэм, что Харкеры могут сделать? Пытаться отнять у народа его новую игрушку было бы чистым безумием. Нельзя дать ребенку конфетку, а потом отнять, даже не дав попробовать — шуму и крику не оберешься. А жители Куполов, хотя они и привыкли держаться за маменькину юбку, куда опасней младенцев. Оставь их сейчас без поддержки, и можно ждать неприятностей.

Сэм знал, что он выиграл еще не всю партию, а только дебют. Но у него хватало хлопот с настоящим, чтобы слишком беспокоиться о будущем. Конеч-

но, то, что он затеял, было аферой. Но ничего другого он затевать и не собирался.

Как ни странно, Сэм больше доверял Харкерам, чем Вычислителю. Раз они считали, что затея провалится, значит, так оно и будет. Вычислитель, правда, говорил, что колонизация *могла бы* и состояться, и обычно-таки Вычислитель бывал прав. Как же иначе — ведь машина не ошибается. Однако она ошиблась, еще как ошиблась в самом Сэме. Так что он имел все основания не очень-то ей доверять.

Поэтому он ставил на неудачу. Если колонизация лопнет, значит, он рассчитал все правильно. Сэм в первый раз вышел на действительно крупные деньги. Все как с цепи сорвались, покупая акции, и он продавал и продавал.

Акций было продано на триста процентов.

По сути дела, это должно привести к краху. Если он вложит все деньги в освоение суши, то что останется учредителю? И вообще, как он сможет расплатиться за триста процентов акций?

Но на бумаге все выглядело прекрасно. Средства и оборудование лились рекой, краснощекий великан, олицетворяющий возрожденную культуру, поднимался со дна океана, стряхивал воду с могучих плеч и ступал на сушу. А следующий шаг — межпланетные, а потом межзвездные путешествия. Замысел «К звездам!» был грандиозен, и Сэм Рид, не жалея сил, работал над его воплощением.

Прошло два месяца.

Плоды успеха сыпались как из рога изобилия. Одним из таких плодов, упавшим прямо в руки, была Росейз. Сэм запер все три свои квартиры и специально для Росейз нанял новую, сверху донизу набитую немислимой роскошью. С одной стороны окна выходили в огромный сад — чудо гидропоники, — цветущий с такой же буйной, хотя и безопасной, пышностью, как и джунгли на континенте. Из противоположных окон можно было наслаждаться сверканием огней раскинувшегося внизу Купола, в котором все, от мала до велика, плясали под его дудку. Это было настолько ярко и великолепно, что напоминало сон шизофреника. Но это было правдой.

Если бы Сэм вовремя остановился и пораскинул мозгами, он, может быть, сообразил бы, что водоворот событий, уже полностью вышедших из-под контроля, затягивает его все больше. Он бы увидел, что все вокруг смешалось в совершенную неразбериху, и если бы ему дали время подумать... Но подумать ему не дали.

В тот день, когда его час наконец пробил, Росейз сидела у него в ногах на низеньком пуфе и пела одну из своих щемящих сладких песен.

Ее фиолетово-синие юбки широким кругом лежали на полу, изящная головка склонилась к высоким рогам лиры, а низкий бархатный голос звучал особенно мягко.

«Медленно дева к нему подошла, ах, сэр, к нему подошла...» Какая истома прозвучала в последних словах! Старинная баллада казалась написанной именно для нее. Мелодия словно парила в комнате: «И молвила дева...» Росейз смолкла, потому что на экране видеофона замигала желтая точка, и тихонечко занял зуммер.

Какой-то серьезный разговор, это ясно. Кого попало не соединили бы с ним в такое время. Он лениво спустил ноги с дивана и встал.

Росейз не подняла головы. Мгновение она сидела неподвижно, как бы зачарованная жужжанием зуммера. Потом, не глядя на струны, она взяла последний аккорд и пропела заключительные строки баллады: «Мой друг, ты умрешь, ах, сэр, умрешь...»

Когда Сэм подтвердил вызов, экран засветился и на нем появилось лицо, заставившее его слегка отшатнуться. Это была крайне рассерженная Кедр Волтон. Ее иссиня-черные волосы взлетели как у Горгоны-Медузы, когда она резко повернулась к нему. Ожидая включения, она, видимо, разговаривала с кем-то, находящимся сзади, и Сэму показалось, что именно этот собеседник и был причиной ее раздражения. Он оказался прав.

— Сэм Рид, ты дурак, — сказала она ровным голосом без какого-либо предисловия. Даже следа египетской невозмутимости не было на ее прекрасном, вздрагивающем от отвращения лице. — Ты что, в са-

мом деле решил, что будто сможешь после всего этого уйти в тень?

— Я уже ушел в тень, — заверил ее Сэм. Его уже давно смущала неизбежность сегодняшнего разговора.

— Жалкий дурак, ты просто не знаешь Бессмертных. Наши планы работают медленно. Нам нет нужды спешить! Как ты мог вообразить, что Захария Харкер допустит такое и оставит тебя в живых? Он...

Из-за ее спины раздался голос: «Дорогая Кедр, позволь мне самому говорить за себя». Гладкое, вечномолодое лицо Захарии смотрело на него с экрана. Спокойная, ровная мысль светила в обращенных к нему глазах. «Как бы там ни было, я очень признателен тебе, Сэм Рид, — произнес голос Бессмертного. — Ты поступил очень умно. В тебе было больше фантазии, чем я мог предположить. Ты очень возвысил меня в общественном мнении. Это приятно. Кроме этого, ты помог мне разделаться с хейловским безумным проектом. За это я хочу поблагодарить тебя отдельно. Я люблю искренность, когда это позволяют обстоятельства».

У него был взгляд человека, глядящего на нечто настолько незначительное, что по спине у Сэма пробежал холодок. В его масштабах времени и жизненного опыта Сэм был пренебрежимо ничтожен. Так смотрят на неодушевленный предмет. На что угодно, только не на людей. Например, на труп. Или на Сэма Рида.

И тут Сэма осенило — перед его внутренним взором вспышкой пронеслось, что Харкер-то ведь наверняка просчитал все заранее! Он с самого начала знал, что Сэм поведет двойную игру и с ним, и с Хейлом. Сэм был единственным слабым звеном в хейловском крестовом походе, тем звеном, из-за которого все могло рухнуть. До этой минуты ему казалось, что никто ни о чем не подозревает.

А Захария Харкер знал.

— Прощай, Сэм, — раздалось с экрана. — Кедр, дорогая... — снова появилось лицо Кедр. Она все еще сердилась, но не это поразило Сэма, когда он увидел ее глаза. Они были наполовину прикрыты длинными ресницами, в них стояли слезы.

— Прощай, Сэм, — сказала она, — прощай, — и бросила короткий взгляд куда-то за его спину. Сэм быстро повернулся, но тонкие пальцы, весь вечер перебиравшие для него струны лиры, уже сомкнулись на крошечном баллончике, направленном ему в лицо.

Сладкий, одуряющий запах ударил ему в ноздри. Словно споткнувшись, он качнулся вперед, собираясь напоследок свернуть Росейз шею. Но она медленно отплыла в сторону, и комната тоже медленно поплыла, и Росейз стояла высоко-высоко над ним, и в ее глазах тоже были слезы.

Все вокруг было наполнено ароматом Стимулятора Грез. Стимулятор Грез, последнее лакомство наркоманов, самый сладостный способ самоубийства.

Последнее, что он видел, были огромные, темно-синие плачущие глаза, глядящие на него отовсюду. Глаза двух женщин, наверное, даже любивших его — иначе почему слезы? — а теперь вместе убивших...

Он проснулся. Приторный запах, кажется, стал слабее. Вокруг было темно. Спиной он почувствовал стену и понял, что ему очень неудобно сидеть, привалившись к ней. Вдалеке мелькнул огонек. «Аллея в парке», — медленно соображал Сэм, начиная различать движущиеся в глубине человеческие силуэты.

Он побрел, то и дело спотыкаясь. На нем были старые, немыслимо разбитые ботинки. Он огляделся и обнаружил на себе жуткие изорванные лохмотья. Сквозь огромные дыры в подошвах ступни шаркали прямо по земле. Едва уловимый аромат Стимулятора Грез все еще висел в воздухе.

Стимулятор Грез — он мог усыпить человека надолго, очень надолго. На сколько?

Он потащился к началу аллеи. Случайный прохожий с брезгливостью и любопытством смотрел на него. Сэм подошел и ухватил его за рубашку.

— Форты, — хрипло спросил он, — форты открыты?

Прохожий сердито убрал его руку.

— Какие форты?

— Форты! Форты на континенте!

— А, вот ты о чем, — он засмеялся. — Опоздал, па-

рень. — Он, наконец, понял, что Сэм просто пьян. — Давно открыты, уже и закрыться почти успели.

— Что значит давно?

— Сорок лет.

Сэм уцепился за ручку автомата для продажи расчесок и прочей мелкой дряни, стоящего в начале аллеи. Он не мог ее отпустить, потому что ноги совершенно не слушались. Он всматривался в пыльное зеркало и не мог оторвать от него глаз. «Сорок лет. Сорок лет!» На него смотрело рыжебровое, грубо очерченное, ничуть не изменившееся лицо Сэма Харкера.

— Сорок лет, — еле слышно прошептал он.

Часть II

*И, конечно, будет время
Чтоб туман на ножках хлипких
Спинку почесал о крыши.
Неприменно будет время
Прилепить к лицу улыбку
И сидеть как можно тише.
Будет время для исканий,
Для убийства, для работы
И для истины в стакане,
Для тоски и для зевоты.*

Т. С. Э л и о т

Город раскручивался перед ним медленной нисходящей спиралью. Сэм Харкер тупо смотрел и ничего не видел. Слишком многое на него свалилось. Он даже не мог ни о чем думать. Сколько прошло времени с тех пор, как он увидел себя в зеркале автомата? Драными подошвами он ощущал легкое дрожание движущегося тротуара. Знакомый вид, улица за улицей, разворачивался перед ним по мере скольжения. Не было ничего, за что можно было бы зацепиться, чтобы хоть что-нибудь сообразить.

— Нужно как-то встряхнуться, — решил он, и даже эта мысль возникла со скрипом, словно ей трудно было проползать по извилинам, заржавевшим за сорок проведенных в дурмане лет. Он пощупал свои обтрепанные карманы и понял, что там пусто. У него нет ничего. Ни денег, ни воспоминаний, ни даже прошлого.

«Ничего, — как в полусне подумал он. — Ничего?» И тут в первый раз до него дошло, что же он видел в зеркале. «Ничего? Я — Бессмертный!»

Этого не может быть! Должно быть, это действие Стимулятора Грез. Дрожащими пальцами он пощу-

пал кожу на щеках и потрогал крепкие мышцы шеи — нет, это не сон! Все настоящее. А вот байка про сорок лет — точно, вранье. Тот мужик на аллее наверняка соврал. Вспоминая, Сэм было подумал, что он смотрел на него странновато, не как на обычного забулдыгу. Тогда Сэм принял его за прохожего, но сейчас, когда он насиловал свои заржавелые мозги, ему начинало казаться, что этот тип поджидал именно его и был готов уйти или остаться, смотря по обстоятельствам.

Сэм изо всех сил напряг память, пытаясь вспомнить лицо прохожего. Ничего. Какое-то расплывчатое пятно, которое смотрело на него и разговаривало. Но смотрело уж очень внимательно и разговаривало слишком уж двусмысленно! Это была первая мысль, оформившаяся в затуманенном мозгу Сэма. Мужик был там неспроста. И это напрямую связано с Сэмом.

— Сорок лет, — бормотал он, — как бы это проверить...

Город совсем не изменился. Но это ни о чем не говорит — Купола вообще почти не меняются. Впереди, над крышами, Сэм увидел гигантский шар погибшей Земли, задрапированный черным. Он стал прикидывать, какие улицы и дома здесь должны быть. Все было на месте. Он знал город. Он знал, где он находится, где его старые берлоги, где эта чертова квартира, в которой синеглазая девчонка прыснула ему в лицо Стимулятором.

В памяти всплыло лицо Кедры со слезами на глазах, Кедры, отдающей приказ об его уничтожении. Кедр и Росейз. Так, есть чем заняться. Он знал, что история с покушением — дело рук не Кедры, и уж тем более не Росейз. Захария Харкер — вот кто стоял за ними. И Захария за это поплатится. Но Кедра поплатится тоже, а что до Росейз — его пальцы судорожно сжались. Росейз он верил. Ее поступок самый паскудный — предательство. Ну, девочка, лучше бы тебе не родиться, думал он.

Стоп. Сорок лет? Наверное, время уже сделало за него всю работу. Нет, прежде всего нужно узнать, какой сегодня день. Где-то здесь один из огромных экранов общественных новостей, и он сможет посмотреть дату... Он поймал себя на том, что это ни к чему.

Он чувствовал, что это не его время. Пусть город не изменился — изменились люди. Слегка — некоторые носили бороду, чего не было раньше. Покрой одежды был более вычурный. Мода не изменяется просто так — она всегда следует за изменениями в обществе. Он мог бы заметить это и раньше, будь у него поясное в голове.

Тротуар медленно поворачивал. Показался угол информационного экрана, и несколько человек повернулись к нему. Сэм вспомнил, как в его время люди теснились и вытягивали шеи, стараясь успеть прочитать новости до того, как экран скроется из вида. Так было раньше. Но апатия и безразличие стали новым стилем жизни. Один лишь Сэм, как заворуженный, смотрел на экран.

Все так, прошло сорок лет.

В мозгу словно разорвалась маленькая бомба: «Бессмертие! Бессмертие! Сколько возможностей, сколько опасностей, сколько славы», — вихрем пронеслось в голове. Потом все успокоилось, и ему на мгновение стало страшно ответственности своего положения — положения, о котором он раньше и мечтать не мог. Его снова охватили сомнения — он стал судорожно перебирать в памяти известные ему наркотики, способные вызвать летаргическое состояние на сорок лет без признаков старения. Таких не было. Значит, все правда. Совершенно невозможно, но правда.

Теперь можно подождать. Сэм коротко рассмеялся про себя. Теперь все на свете может подождать. Спешить больше некуда. Случилось чудо! Сорок лет сна, а потом — бессмертие. А это что еще такое?

Стимулятор Грез. Забытый было запах продолжал щекотать ноздри, а во рту, под языком, возникла зловещая сухость — начало жажды, которую не утолишь ничем.

Мне нужно вылечиться. Прежде всего мне нужно вылечиться.

Он знал, что такое Стимулятор. От него можно отделаться, но самое опасное — рецидивы. Они были страшнее всего — один раз связался, а потом уже не выкарабкаться. Неизвестно, есть ли у него время добежать до больницы. Никогда не знаешь, когда

снова накатит — и так всю жизнь. Вирус мутирует так быстро, что не успеешь оклематься, как начинается новый приход. Поехали Грезы, и ты тихонечко помираешь.

На миг его охватила паника. Сколько у него времени? Когда кончилась последняя Греза? Следующая может долбануть его в любую минуту, и все, что он успел прочухать, снова провалится в никуда. Что толку от бессмертия, если он проспит его!

Ему нужно вылечиться. Жажда стала сильнее с тех пор, как он распознал ее. Не простая, известная всем людям, а подлая, убийственная жажда. Лечение требует денег. Несколько тысяч кориум-кредиток, не меньше. А у него нет ни гроша. У него в руках неслыханное богатство, если, конечно, его бессмертие настоящее, но это богатство может растаять в один миг, потому что ему нечем за него расплатиться. Чушь какая-то. У него впереди немислимо долгая жизнь, но нехватка нескольких часов может лишить его этого сокровища.

Без паники. Паника — это конец. Нужно заставить себя все обдумать и решить, что он должен делать. Чего добиваться и как. Сейчас самое главное — две вещи: бессмертие и Стимулятор.

Деньги.

Денег нет.

Бессмертие.

Хорошая штука, с точки зрения будущего, которое она обещает, но он пока не умеет с толком ею пользоваться. Значит — лучше держать ее в тайне.

Как?

Замаскироваться.

Под кого?

Конечно же, под себя. Под Сэма Рида, но не Бессмертного. Сэм Рид, который выглядит лет этак на восемьдесят. Это уже каким-то боком относится к деньгам. Единственный способ добыть денег — прибегнуть к одному из своих старых трюков. Не нужно пока трогать свою драгоценную тайну. В голове не умещается — какие дела он сможет проворачивать! Потом. Времени хватит на все. Потом он сможет трахать его как хочет, только бы успеть сейчас.

Итак, прежде всего, немного времени и немного информации.

Информация — это безопаснее и проще. Этим надо заняться сейчас же. Узнать, что случилось за эти четыре десятилетия, что случилось с ним самим, когда и как, помнят ли о нем? Ясное дело, что он больше не общественный деятель, но где он был эти сорок лет — это вопрос.

Он перешел на перпендикулярно скользящую дорожку, которая понесла его к ближайшей библиотеке. По дороге он обдумывал, как быть с деньгами. Он был очень богатым человеком, когда Росейз брызнула в него Стимулятором. На его имя было открыто несколько счетов, но большую часть денег он спрятал в четырех тайниках. Очень вероятно, что хотя бы один из них уцелел, но под каким видом он сможет к нему подобраться, надо обмозговать. Если денежки подождали сорок лет, то подождут еще несколько часов.

У него не было даже нескольких центов, чтобы заплатить за отдельную кабину в читальном зале, поэтому он уселся за один из общих столов и низко пригнулся, пряча голову за невысокой перегородкой. Потом он включил дисплей, уткнулся глазами в экран и стал ждать.

Газетные заголовки сорокалетней давности разворачивались перед ним. Это был недельный обзор последних событий, которые он мог вспомнить.

Рип ван Винкль сориентировался во времени, прочитав газету двадцатилетней давности. Он, конечно, не узнал обо всем, что случилось пока он спал, но зато смог представить себе мир, в котором очутился. Так и сейчас, только одно могло дать Сэму почувствовать твердую почву под ногами — старая газета. За стенами библиотеки его подстерегала полная опасности неопределенность. Все, за что можно было зацепиться, слишком сильно изменилось.

Больше всего изменились мелочи — мода, прически, жаргон. Но отступление от этих мелочей как раз больше всего бросалось в глаза, поскольку более глубокие и значимые вещи обычно не выделяются.

Сэм так живо воспринимал разворачивающуюся

перед ним прошлое, что казалось, будто он чувствует, как Стимулятор обволакивает его лицо. При мысли об этом он снова задохнулся от приступа жажды и вспомнил, что ему нужно торопиться. Он прижался лбом к тубусу и включил ускоренную перемотку.

СЭМ РИД УШЕЛ В ГРЕЗЫ! Тонкий голос из призрачного прошлого звенел у него в ушах, а перед глазами мелькали жирные заголовки. «Сэм Рид, учредитель континентальной колонии, отказался сегодня от своей карьеры и ушел в Грезы... Все близко знавшие его поражены... был обнаружен разгуливающим по городу...»

Приводились все подробности. Сенсационное сообщение о его добровольном самоубийстве послужило толчком к скандалу с акциями. Через четыре дня после исчезновения Сэма Рида, после того как более десяти человек видели его в состоянии грезовой интоксикации, затея с колонизацией лопнула, как мыльный пузырь.

У Робина Хейла не было никаких объяснений. Что он мог сказать? Триста процентов проданных акций лучше всяких слов говорили, что учредители Колонии были уверены в ее провале. Хейлу оставалось одно — выдержать очередную бурю. В его долгой жизни их было много — и бешеных бурь человеческих страстей, и яростных штормов непокорной Венеры. Естественно, он не устоял. Страсти были слишком сильны. Слишком многие поверили в колонизацию.

Все лопнуло, как мыльный пузырь, и не осталось почти ничего.

Имя Сэма Рида заклеили позором. Мало того, что он оказался мошенником, он еще и сбежал, скрылся в убийственно сладких грезах. Никто особенно не ломал голову — почему. Его поступок казался явно бессмысленным. Но умные люди не дали читателям возможности обдумать столь странное поведение. Если Колонии были обречены на провал, Сэму нужно было просто подождать и спрятать деньги в надежное место. Правда, его самоубийство наводило на мысль, что он испугался, что колонизация будет успешной, но об этом уже никто не думал. Все решили, что боясь разоблачения, он выбрал самый легкий способ выйти из игры.

Расследование продолжалось, были обнаружены тайники с деньгами, которые он даже не сумел как следует спрятать. Кто может противостоять сыскной службе Куполов и проницательности Бессмертных! Они нашли и вскрыли тайники. Все четыре. Дальше излагались детали. Сэм откинулся на спинку стула и зажмурился, хотя свет в библиотеке был не очень ярким. Так, с этим все ясно.

Он видел, как Харкеры разыгрывали эту игру со-рокалетней давности. Лицо Захарии Харкера стояло перед ним, будто он видел его час назад. Гладкое, улыбающееся лицо бога, снизошедшего до простых смертных. Захария точно знал, что он делает. Тогда игра только начиналась. Сэм был просто пешкой, которую нужно поскорее разменять. Он снова наклонился к экрану, чтобы посмотреть, как играли другие фигуры.

К его удивлению, Робин Хейл не отступил и начал освоение суши, несмотря на полную потерю популярности и даже откровенную враждебность. У него оставалось только одно — гарантированное право на землю, которую никто не мог отобрать у него, особенно после того, как деньги, украденные Сэмом, были найдены. По всей видимости, Хейл старался закрепиться, выстраивая свои долгосрочные планы так же, как Клан выстраивали свои. Он рассчитывал, что со временем прошлые скандалы забудутся и он сможет снова начать борьбу и отыграть у Кланов следующее поколение.

Итак, освоение началось. Но печать сообщала об этом на удивление мало. В Куполе Делавер произошло сенсационное убийство, потом где-то была поставлена новая пьеса, и вся Венера ломилась за билетами. Только просмотрев заголовки, неделя за неделей, Сэм обнаружил коротенькое сообщение о начале работ на континенте.

Конечно, это было неспроста. Харкеры знали, что делают.

Сэм остановил бегущие заголовки и задумался. Пожалуй, план придется изменить, хотя и не слишком. По-прежнему, самое главное — деньги. Срочно. Он сглотнул слюну, смачивая измученное наркотической жаждой горло. В тайниках пусто. Что оста-

лось? Только он сам, его опыт и его бесценная тайна, которую еще рано пускать в ход. Что еще? Документы на землю, выписанные на его имя сорок лет назад — по закону право на землю аннулированию не подлежит. Но востребовать ее на свое имя он не может, а под другим именем оно недействительно. Ладно, с этим потом.

Сейчас — деньги. Он встал и, мягко ступая, вышел из библиотеки. Теперь надо подыскать оружие и жертву. Ему не раздобыть две или три тысячи кредиток простым грабежом, это рискованно. Но если повезет, можно тряхануть кого-нибудь в темном месте на две-три сотни.

Ему повезло. Повезло и типу, которого он подловил — его череп не раскололся от удара набитым камнями носком. Заодно Сэм проверил себя и был приятно удивлен, что он в неплохой форме. Он этого не ожидал — большинство живущих под Грезой становятся перед смертью похожими на высохшие мумии. Еще одна загадка — что же он делал все эти сорок лет?

Сэм опять вспомнил человека, который поджидал его на аллее, когда он проснулся. Эх, будь у него немного поясней в голове! Он взял бы его за шиворот и вытряс бы из него все, что нужно. Ладно, в свое время он доберется и до этого.

С сорока тремя кредитками в кармане он отправился в заведение, известное ему еще сорок лет назад. Когда-то там умели делать дело и держать язык за зубами, а такое быстро не меняется. Надо полагать, это заведение еще на месте.

По пути ему попадалось множество салонов красоты, где мужчины и женщины старались превзойти друг друга, гоняясь за модой. Чувствовалось, что это увлечение прочно вошло в обиход. Это бросалось в глаза. То и дело попадались мужчины с локонами и завитыми бородами. Но Сэм прошел мимо шикарных салонов — ему не нужны были свидетели. Он обнаружил заведение на старом месте и ничуть не удивился.

В дверях он немного замешкался. Ему было не по себе. Правда, на улицах его никто не узнал. Сорок

лет назад его разрекламированное со всех экранов лицо было известно каждому, но теперь...

Люди мыслят шаблонами. Если его лицо покажется знакомым, то удивятся только сходству, не более. Подсознательное всегда становится сознательным через логику — по проторенным дорожкам привычных ассоциаций. Сходство лиц всегда возможно, это естественно. А вот увидеть на улице Сэма Рида, выглядящего как сорок лет назад, неестественно. В то время большинство окружающих были либо детьми, либо еще просто не родились на свет. Те, кто мог бы его узнать, состарились, стали плохо видеть, в их голове перепутались воспоминания о десятках других лиц, обращавшихся к ним с телеэкрана.

Нет, если не произойдет какой-нибудь идиотской случайности, бояться нечего. Он уверенно вошел через стеклянную дверь и отдал короткие распоряжения поспешившему к нему человеку. Вполне обычное дело.

— Вам временно или навсегда?

— Временно.

— С экстренным сбросом? — это было условное обозначение легко сбрасываемой маскировки, очень популярной у посетителей этого заведения.

— Обязательно.

Мастер приступил к работе. Он был одновременно художником, психологом, физиологом и большим специалистом по камуфляжу. По просьбе клиента череп оставили лысым, рыжие ресницы и брови слегка обесцветили, чтобы сделать их посветлее или потемнее уже в зависимости от общего облика. Бороду выбрали седую, грязную и всклокоченную.

Он изменил форму носа и ушей так, как если бы их действительно коснулось время. Кое-где наложил крупные морщины из фальшивой кожи. Большая часть лица была скрыта бородой, но та сероватая маска, которая выглядывала из-под нее, красноречиво говорила о тяжело прожитых восьмидесяти годах.

— Для экстренного сброса сдерните бороду и измените выражение лица. Фальшивую кожу быстро не удалить, но если хотите разгладить морщины, сделайте так, вот попробуйте, — он подвел Сэма к зеркалу и заставил немного поупражняться.

— Порядок, — наконец сказал Сэм. — Теперь мне нужен костюм.

Они остановились на трех вещах — шляпа, плащ, ботинки. Выбор определяли простота и удобство. Каждый предмет имел свою особенность. Шляпа, после продавливания и скручивания, полностью меняла свою форму. Плащ был обшарпанный, но сделанный из такой тонкой ткани, что в скомканном виде помещался в спичечную коробку. Однако, если его надеть, то он казался достаточно громоздким, чтобы скрыть под собой фигуру отнюдь не восьмидесятилетнего человека. Для изменения осанки и походки у Сэма были свои приемы. Ботинки были такого же неопишуемого цвета, как и шляпа, но если отстегнуть огромные неуклюжие пряжки, они превращались в элегантные черные туфли.

Сэм вышел через черный ход. Шаркая и сутулясь под тяжестью своих восьмидесяти лет, он вернулся в библиотеку. «А я неплохо сохранился для своих лет, — решил он, поглядывая на свое отражение в витринах. — Этакий бодренький, добродушный старикан, правда, старый, очень старый. Что есть, то есть».

Теперь он собирался изучить отдел криминальной хроники.

Преступники ведут себя, как овцы, если понаблюдать их подольше. Попасутся на одном месте и переходят на другой луг, где травка позеленее. Сорок лет назад особенно славился Синий бульвар, теперь все сместилось к центру, отметил Сэм, просматривая сообщения на экране. Что до самих преступлений, то они особо не изменились. В основном все осталось по-прежнему. Порок меняется со временем не так сильно, как добродетель.

Наконец он вычислил лужайку, которую облюбовали овечки преступного мира сорок лет спустя. Он купил флакончик красной краски и мощную дымовую шашку. К ней прилагалась инструкция, как уничтожать насекомых в гидропонных садах. Инструкцию Сэм выкинул, он знал, как обращаться с этими шашками.

Теперь нужно найти подходящее место для западни.

Он нашел две аллеи, расположенные рядом и выходящие на не слишком людную улицу. Сэм помнил, что в конце одной из них был погреб. Погреб, как и раньше, оказался заброшенным. Внутри он сделал тайник для дымовой шашки, а у входа припрятал несколько обрезков металлических труб, которые он подобрал, убедившись, что они хорошо подойдут по руке. Теперь можно было действовать дальше.

Он ни на минуту не позволял себе расслабиться и помечтать о будущем. Потому что когда такие мысли мелькали у него в голове, когда он вспоминал, что время принадлежит ему, он становился как пьяный и забывал, что ему нужно делать. Приходилось встряхиваться и говорить самому себе: «Я — под Стимулятором, мне нужны деньги, мне нужно вылечиться...»

Из парка он отправился напрямик на вычисленную им лужайку и заказал самого дешевого и крепкого виски «Смерть кишкам». Он все время помнил, что он глубокий старик. Это было несложно, главное — не забывать несколько нехитрых приемов. Например, нельзя дышать полной грудью, когда разговариваешь — старики страдают одышкой, и их голос слегка дребезжит. Получалось довольно убедительно. Ходить нужно медленно и осторожно, как бы обдумывая каждый шаг. Хромота, пожалуй, не показатель возраста, неуверенность движений более уместна. Старики не могут двигаться быстро, они все время должны помнить о своих негнущихся ногах и слабых дряблых мускулах. Старый что малый — для тех и других мир полон опасностей. Хотя детям проще — они еще не боятся падать.

Итак, Сэм не хромал и не хрипел. Правда, дышать ему было тяжело, особенно при ходьбе. Но в «Улыбке Венеры» никто не обратил внимания на дряхлого старика, который налегал на «Смерть кишкам» до тех пор, пока окончательно не наклюкался.

Это был обычный притон. Такого рода заведения существовали, наверное, еще в Древнем Риме. Свалка общества, место, куда скапливаются отбросы из верхних слоев. Поэтому на глаза попадался то золоче-

ный пояс, то кроваво-красное, усыпанное бриллиантами перо на кокетливой шляпке, то переливающийся всеми цветами радуги плащ.

Сюда приходили для выпивки, игры и других еще более сомнительных, развлечений. Более состоятельная публика развлекалась на современных игровых автоматах, которые, впрочем, ничем не отличались от старинных «орла» и «решки». Здесь же можно было встретить «монопольку», в которой разыгрывались воображаемые галактики, и обычную рулетку, правда, с радиоактивным шариком и счетчиками Гейгера.

Было в «Улыбке Венеры» и несколько вовсе новомодных игр, но завсегдатаи из любви к традиции предпочитали кости и карты. Лица играющих были незнакомы Сэму, зато были знакомы типы. Сразу было видно тех, кому все равно, где сидеть, и тех, кто всегда садился лицом к двери. Они-то и интересовали Сэма. Так же, как и карточная игра, готовая чуть что перейти в драку. Игроки были слишком пьяны, чтобы проявлять подозрительность. Сэм взял свой стакан и подсел к ним. Через десять минут он включился в игру.

Он немного удивился, что играли не старыми, привычными картами. Они были большего размера, со странными мистическими картинками колоды Таро. Простые карты, которыми вся Земля играла с незапамятных времен, еще в его время начали выходить из моды, но он не ожидал, что они отступят так быстро.

Сэм долго выбирал именно эту компанию, чтобы обыграть их легко, но не вызывая подозрений, хотя непривычные карты сбивали его с толку, и он не всегда был уверен в выигрыше. Постоянно отвлекали внимание пентакли и кубки, мелькавшие перед глазами вместо бубен и червей, но если смотреть непредвзято, они были ничуть не более странными.

Ставки были не очень высоки, но Сэм и не собирался сорвать куш именно здесь. В любом случае, карты — это слишком ненадежно. Здесь он хотел выиграть ровно столько, сколько нужно, чтобы произвести впечатление и получить возможность проверить основной замысел. Его замызганный вид здесь никого не смущал — в этом пестром мире никто не

судил о финансовых возможностях клиента по костюму.

Он сознательно развалил игру, рассорив игроков, и запричитал своим дрожащим старческим голосом. Потом он встал и начал медленно пробираться к выходу. У дверей он замешкался и остановился, основательно покачиваясь. Человеку, который последовал за ним, показалось, что старик вот-вот грохнется на пол.

— Эй, папаша, не хочешь сыграть по-настоящему?

Сэм подозрительно покосился на него: «Очко?»

— Нет.

Это хорошо. Шулера, промышляющие игрой в очко, были бы слишком мелки для него. Он дал втянуть себя в разговор, оставаясь настороже до тех пор, пока не убедился, что его ведут не в темный угол, а в один из третьесортных игорных домов, бывших в его время обыкновенным рестораном.

Он уселся за покер, на этот раз с более привычными картами. Играя против трезвых, он уже не мухлевал и в конце игры выложил все свои деньги и впридачу остался с горой фишек, которые он не мог оплатить. Как обычно, Сэм Рид продал свои акции на триста процентов.

Его привели к Малларду, низкорослому человеку с бычьей шеей, светлыми выющимися волосами и бронзовой от искусственного загара кожей. Он холодно уставился на Сэма: «В чем дело? Расписок я не беру».

Сэма охватило странное щекочущее чувство, что сорок лет назад этот тип был несмышленным сопляком и только-только начинал заниматься тем, чем сам он владел в совершенстве. Ощущение превосходства было настолько острым, что Сэм даже испугался. Ему показалось, что он смотрит на Малларда с огромной высоты, с высоты своих лет. ОН — БЕССМЕРТНЫЙ!

Но бессильный... Изображать пьяного было больше ни к чему, но слабый голос дребезжал по-прежнему: «Я хочу поговорить наедине». Маллард обращался с ним настолько грубо, что Сэма так и подмывало за-

смеяться. Когда они остались одни, он доверительно прошептал: «Ты про Сэма Рида слышал?»

— Рид? Рид... А, история с колониями на суше. Конечно, знаю. Парень связался со Стимулятором Грез.

— Не совсем так. По крайней мере, ненадолго.

Я — Сэм Рид.

Маллард долго соображал. Он пытался откопать в памяти подробности скандального происшествия времен его детства. Но поскольку это была как-никак самая крупная афера в истории Куполов, он в конце концов вспомнил.

— Рид умер. Каждая собака знает...

— Я — Сэм Рид. Я не умер. Все верно, я ходил под Стимулятором, но меня вылечили. Это время я торчал на континенте. И теперь вот вернулся.

— А мне какое дело?

— Никакого, Маллард, никакого. Просто меня сюда притащили, вот я и говорю, что моим распискам можно верить.

Маллард ухмыльнулся: «Это ничего не значит. С континента никто с деньгами не возвращался».

Сэм оглянулся и хитро подмигнул:

— Свои деньги я сделал еще здесь.

— Я вспомнил, в чем там дело. Правительство нашло твои тайники. У тебя и гроша не осталось, — Маллард откровенно издевался.

Сэм заставил свой голос задрожать еще больше. «Потвоему, семьдесят тысяч кредиток — ни гроша?!» — в старческом гнев закричал он.

Малларда прямо распирало от радости, что он так ловко поймал старого дурака.

— Как я узнаю, что ты Сэм Рид? Чем докажешь?

— Отпечатки пальцев...

— Ерунда. Подделывается элементарно. Хотя фотографии сетчатки... — Маллард изобразил замешательство. Но после недолгого колебания он наклонился к микрофону. Открылась дверь, и вошел человек с громоздкой фотокамерой. Сэма заставили смотреть в объектив, ослепительная вспышка, и человек ушел. Минут пятнадцать они сидели молча.

Потом на столе Малларда зажужжал селектор. Из миниатюрной коробочки раздался хрипловатый

голос: «Порядок, шеф. Снимки совпали с материалами досье. Дед не врет».

Маллард выключил селектор и громко сказал: «Отлично. Заходите, ребята». Дверь открылась, и вошли четверо здоровых парней. Маллард развалился в кресле и обратился к ним через голову Сэма: «Знакомьтесь, ребята, — Сэм Рид. Он хочет подарить нам семьдесят тысяч кредиток. Обсудите с ним это дело».

По тому, как все четверо повернулись к нему, было видно, что это знатоки своего дела.

Методы воздействия третьей степени практически не изменились. Со времени Скида Рау они в основном основывались на физической боли, и в большинстве случаев большего не требовалось. Не потребовалось и в случае Сэма Рида. Он продержался столько, сколько мог бы продержаться восьмидесятилетний старик, потом сломался и заговорил.

Правда, был один неприятный момент, когда он боялся, что отклеится борода. Но гример знал свое дело. Накладная кожа держалась крепко. Она будет держаться до тех пор, пока Сэм не пустит в ход содержимое крошечного флакона, спрятанного в кармане брюк.

Тяжело и часто дыша, он отвечал на вопросы доктора Малларда.

— У меня... двойной тайник... открывается кориумным ключом...

— Сколько?

— Один, запятая... один, запятая, три, четыре...

— Почему ты не взял эти семьдесят кусков раньше?

— Я только... только что с континента. Они нашли все... все остальное. А этот... я не могу открыть его без кориумного ключа. Где мне взять столько кориума? Хоть подыхай — семьдесят тысяч монет, а я не могу купить ключ, чтобы открыть замок! — Сэм позволил своему голосу сорваться в крик.

Маллард почесал за ухом.

— Н-да, не слабо... Это сколько же кориума требуется?... С другой стороны, это самый надежный замок в мире.

Сэм закивал, по-стариковски обрадовавшись, что его как-то похвалили. «Его ничем не откроешь, если не знать точного количества радиоактивности. А еще нужно сфокусировать точно на скважину... Я в свое время был ловким парнем. Или ты знаешь точное количество, или ничего не проходит. Больше-меньше тут не получится. Или ты знаешь...»

— Один, запятая, три, четыре, так? — прервал его Маллард.

Он обратился к одному из своих: «Прикинь, сколько это будет стоить».

Сэм опустил голову, пряча улыбку в бороду. Улыбка была презрительной. Ему не нравился ни сам доктор, ни его методы. Давно знакомая ярость, ни на час не отпускавшая его в той, до сорокалетнего перерыва, жизни, просыпалась опять. К нему снова возвращалось его бешеное нетерпение, желание сокрушить все, что стоит на его пути. Маллард — кретин, скотина, — он сгибал и разгибал пальцы рук, спрятанных в карманы плаща, и думал, как бы хорошо было сжать их на этой шее, смазанной жирным кремом для искусственного загара.

Тут он в первый раз поймал себя на необычной мысли. Много ли радости от убийства, если он Бессмертный! У него теперь есть масса других способов отомстить. Он может просто наблюдать, как его враги медленно умирают. Он может позволить им состариться.

Он залюбовался этой новой возможностью — тянуть время. У него теперь столько времени, хотя с другой стороны... Ему еще нужно осторожно, шаг за шагом, подобраться к своему бессмертию.

Одним из таких шагов был поход со всей маллардовской командой к тайнику.

Маленький шажок на негнущихся ногах восьмидесятилетнего старика.

В подвале он послушно показал, куда направить кориумный ключ. Кориум — это уран 233 плюс активированный торий. С такими вещами шутки плохи. Они не смогли раздобыть много. Но много и ни к чему. Кориум находился в защитной коробке, как раз такой, чтобы можно было спрятать в карман. Док

принес складной экран — защита на момент экспонирования радиоактивного элемента. Он установил все так, как показал Сэм.

Кроме Сэма в подвале было четверо — Маллард и с ним еще трое. Они были вооружены, Сэм нет. Снаружи, на аллее, стоял еще один — на стреме. Единственное, что Сэм мог сделать — это незаметно втереть в бороду растворитель. Это могло очень скоро понадобиться.

Было так тихо, что даже дыхание казалось слишком громким. Сэм старался дышать поглубже, чтобы насытить кровь кислородом, который вскоре ему будет очень нужен. Он смотрел, как Маллард тщательно прилаживает экран и коробочку с кориумом, выглядывшую как ископаемая фотокамера — с таким же объективом и затвором.

— Прямо здесь? — спросил Маллард, тыкая пальцем в кирпичную стену.

Сэм кивнул.

Маллард нажал правую кнопку и отступил назад за экран. Клик-клик!

И больше ничего.

Сэм хрипло проговорил: «Тайник прямо здесь. По-выше замка». Он шагнул вперед, протянул руку, но один из телохранителей схватил его за плечо.

— Просто покажи, — сказал он. — У тебя там, может, пистолет спрятан.

Сэм показал. Маллард ощупал свободно вставленный кирпич и удовлетворенно вздохнул.

— Я думаю, — начал он и потянул кирпич на себя.

Сэм сделал глубокий вдох и не закрывал глаза до тех пор, пока не увидел, что густое черное облако начало заполнять подвал. Краем глаза он отметил, где лежит коробочка с кориумом. Потом он прыгнул в сторону.

Двигаясь с закрытыми глазами, он слышал бестолковые крики, потом шипение лучевого пистолета. Ладонью он ощутил острые края кориумной коробки, нагнулся и свободной рукой вытащил из стены еще один кирпич. Кориум скользнул в подготовленный для него тайник, и кирпич снова встал на свое место.

— Перестаньте палить, — надрывался голос Мал-

ларда. — Быстро к двери. Поллард! Не входи сюда! Останови Рида...

Сэм был уже у двери. Он открыл глаза и, хотя ничего не было видно в густом дыму, повалившем через порог, он услышал, как что-то кричит оставшийся снаружи Поллард. Сэм согнулся в три погибели, отыскивая спрятанную накануне трубу. Ее не было! Нет, на месте. Его пальцы любовно сомкнулись на гладком, холодном металле, он выпрямился, занес руку и сквозь рассеивающийся дым увидел Полларда.

Пистолет был направлен прямо ему в лицо. Сэм завопил: «Где Рид? Он не...»

Этого было достаточно. Поллард не сразу нажал на спусковой крючок, пытаясь сообразить, кто именно вылетел на него из клубов дыма. Но Сэм не напрасно держал свое оружие наготове. Труба обрушилась на Полларда и разможила ему голову. Сэм почувствовал, как подались раздробленные кости, и услышал свистящий клекочущий звук. Поллард начал валиться назад, но Сэм успел перепрыгнуть через него еще до того, как тот упал. Он пробежал метров десять и заскочил за угол. В одно мгновение он сорвал с себя плащ, отлепил бороду и сунул их в карманы, которые при этом ничуть не оттопырились. На бегу он стянул шляпу, перекрутил ее и снова нахлобучил на голову. Она изменила форму и стала совершенно другого цвета. Он улегся на тротуар и повернулся в том направлении, откуда только что прибежал. Двумя быстрыми движениями отстегнул пряжки на ботинках и из-под них тут же выдвинулись носки модных черных туфель. Красная краска не понадобилась, рука у него и так была в крови — в чужой. Он вытер руку о подбородок.

После этого он повернул голову, всматриваясь в противоположный конец аллеи. Так он лежал до тех пор, пока не услышал громкий топот.

Доктор Маллард и один из его людей вылетели из-за угла. Они остановились, огляделись по сторонам и, увидев Сэма, бросились к нему. Второй телохранитель выбежал из аллеи и побежал к Малларду. В руке у него был пистолет.

Сэм растерянно потер подбородок, несколько раз мигнул и сделал неопределенный жест куда-то в сто-

рону. «Что.. Кто...» — пробормотал он. Его голос больше не дребезжал.

Из-за угла показался четвертый. «Поллард мертв», — объявил он.

— Заткнись, — бросил Маллард, скривив рот. Он уставился на Сэма. — Куда он пошел? Этот старик...

— Вон за тот угол, — ответил Сэм, показывая пальцем. — Он наскочил на меня сзади! Я... у меня из носа кровь идет!

Он еще раз провел рукой по лицу и поднес ее к глазам.

— Так и есть. Вон за тот угол...

Маллард его не дослушал. Он кивнул своим людям, и они исчезли в указанной Сэмом аллее. Сэм оглянулся. Улица была не слишком людной, но какой-то одинокий прохожий, увидев, что он валяется на земле, явно спешил на помощь.

Сэм поднялся и помахал доброму самаритянину рукой. «Все в порядке! — крикнул он. — Я цел». Вытерев рукой кровь, он зашагал по аллее.

Он повернул за тот же угол, из-за которого только что выбежал. Можно было не спешить. Маллард уверен, что он сможет догнать дряхлого старикашку, поэтому будет гоняться за ним до посинения. В погреб он, ясное дело, вернется, но не сейчас.

Дым еще не рассеялся. Он споткнулся о труп Полларда и понял, что дверь где-то рядом. Спустившись внутрь, Сэм сориентировался в темноте и нащупал незакрепленный кирпич. Он вытащил его из стены, достал коробочку с кориумом и поставил на место. Через тридцать секунд он, с кориумом в кармане, уже стоял на самом скоростном тротуаре, уносившем его прочь от Малларда и его компании.

Что дальше?

Кориум всегда был в цене. Но это не значило, что его удастся запросто сбыть. Сплачивать все равно придется по нелегальным каналам. Никто не узнал бы в Сэме того старика, который водил Малларда за нос. Тем не менее, высовываться не стоило. Сначала надо стать на ноги. Маллард наверняка будет следить за подпольной торговлей кориумом.

Интересно, сохранились ли какие-нибудь нелегальные каналы за сорок лет?

Каналы наверняка сохранились, а вот люди — нет. А в таких сделках самое главное — знать нужного человека. Все, кого он знал сейчас, скорее всего не у дел — через сорок-то лет! Кроме, конечно, Харкеров и Кланов Бессмертных. Сэма передернуло. Он почувствовал очередной приступ жажды и облизал губы.

Итак, кто?

Он разъезжал по тротуарам часа три, все больше накаляясь оттого, что не может разобраться с простейшей проблемой. Он расколол Малларда на несколько тысяч кредиток. Под мышкой у него коробка с кориумом. Но у него нет выхода на черный рынок!

Голод становился все мучительнее, жажда тоже. Денег — ни гроша. Все до последнего пенса он оставил за игорным столом. Из-за такой ерунды, как обычный голод, он не может сосредоточиться. Он же Бессмертный!

Бессмертный тоже может подохнуть с голоду.

Вот тебе и мелочи. Сколько уже сделано, сколько еще можно сделать, какая дорога открыта для него, и никуда не дернуться, пока не отделался от Стимулятора.

Так, метаясь по Куполу, он в конце концов оказался у двери того, кто когда-то был его «крестным отцом».

Неудивительно, что Проныра до сих пор жил в той же поганой квартирке на задворках Купола. Удивительно, что он до сих пор жил.

Этого Сэм не ожидал. Причем настолько, что даже не подумал напаялить свою маскировку.

Проныра был в постели. Его опухшее лицо имело синеватый оттенок, а огромная жирная туша продавila матрац чуть ли не до самого пола. Маленькие злые глазки уставились на Сэма.

— Так, — прохрипел он. — Заходи, заходи.

Грязь в комнате была невероятная. Старик заняхтел, заворочался, стараясь усесться в кровати. Но это оказалось ему не под силу, и он снова рухнул на матрац. Все это время он не спускал с Сэма глаз.

— Пить, — чувствовалось, что ему тяжело говорить.

Сэм отыскал на столе бутылку, откупорил и протянул Проныре. Тот жадно схватил ее и начал пить. Щеки его слегка порозовели.

— Проклятая тетка, никогда не сделает того, о чем ее просят, — пробурчал он. — Чего надо?

Сэм смотрел на него в полном изумлении. Старый волчара оказался чуть ли не бессмертнее самих Бессмертных. Но бессмертие его было каким-то мучительным и жалким — такого бессмертия, пожалуй, никто бы не пожелал. Ему сейчас никак не меньше ста лет, не переставая удивляться, думал Сэм.

Он подошел к кровати и вытащил бутылку из бес-
сильных рук.

— Чего ты? Отдай. Мне нужно...

— Сначала ответишь на несколько вопросов.

— Отдай бутылку, она мне не мешает.

— После того, как ты мне кое-что скажешь.

Рука Проныры зашарила по грязным простыням и через несколько секунд опять показалась наружу с крохотным лучевым пистолетом, почти полностью утопавшим в огромной ладони. Игрушечное дуло уставилось на Сэма.

— Дай-ка бутылку, дружок, — ласково сказал Проныра.

Сэм пожал плечами и протянул ему бутылку. Пожалуй, он ошибался, старик не совсем потерял форму. Вполне возможно, что он попал по адресу.

— Слушай, Проныра, — сказал он, — ты помнишь, когда мы в последний раз встречались?

Бесформенные губы медленно зашевелились. «Давно, парень, давно. Лет тридцать, нет, скорее сорок, а?»

— Но ты меня узнал. Я не изменился. Я не постарел. А ты даже не удивился. Проныра, ты ведь должен что-нибудь знать обо мне. Где я был?

Огромное тело всколыхнулось от утробного смеха. Кровать заскрипела.

— Ты хочешь сказать, что ты не галлюцинация? Не валяй дурака. Ты — моя глюка, — он повернулся и достал из-под подушки небольшой шар размером с кулак. — Отличная штука, малыш. Ни тебе боли, ни тебе болезни — знай, нюхай Оранжевого Дьявола.

Сэм наклонился, вглядываясь в ярко желтый порошок сквозь прозрачный шар.

— Н-да, — протянул он.

Проныра выпучил на него свои маленькие слезящиеся глазки. Он некоторое время смотрел на Сэма, и его взгляд слегка прояснился. «Так ты не глюка, — прошептал он. — Точно. Вижу, что нет. Порядок, малыш, вот теперь я удивился».

Сэм продолжал рассматривать порошок. Он знал, что это такое. Наркотик, который так искажал восприятие, что человек начинает путать реальность с собственными фантазиями. Мечты вперемежку с воспоминаниями всплывают и снова исчезают в мозгу. Нет, вряд ли Проныра скажет ему, где он пропадал сорок лет.

— Что с тобой стряслось, Сэм? — прохрипел Проныра. — Тебе давным-давно полагалось быть мертвым.

— Последнее, что я помню, это как мне в лицо прыснули Стимулятор Грез. Это было сорок лет назад. Но я не изменился.

— Стимулятор Грез не дает молодости!

— А что дает? Есть такая штука, которая могла бы меня так законсервировать?

Кровать снова затряслась от утробного смеха.

— Конечно! Сумей правильно родиться и проживешь тыщу лет.

— Что ты имеешь в виду? — Сэм вдруг почувствовал, что его затрясло. До сих пор у него не было времени как следует подумать. Он проснулся, он оказался молодым вместо того, чтобы быть старым, откуда вывод — он бессмертный. Но как и почему, он еще не задумался. У него была подсознательная уверенность, что у него так же, как и у Бессмертных, есть право на бесконечную жизнь. Но все Бессмертные, которых он видел прежде, были высокие, стройные и хорошо сложенные...

— Ты всегда был лысым? — неожиданно спросил Проныра.

Сэм загипнотизированно кивнул.

— Может быть, ты чем-то переболел в детстве. А может и нет. Когда я тебя встретил, у тебя было несколько маленьких шрамчиков тут, тут и тут. Сей-

час, как я вижу, они совсем незаметны. Но котелок у старика варит еще неплохо, малыш. Давным-давно я слышал кое-какие разговоры, тогда я не связывал их с тобой. Одной бабе-хирургу заплатили Плащом Счастья за операцию над младенцем.

— Какую операцию? — напряженно спросил Сэм.

— Щитовидная и другие железы. Соображаешь?

— Да, — голос у него совсем сел. Горло перехватило, а в висках стучала кровь. Он прошелся по комнате, потом схватил пластмассовый стул и с размаху ударил о колено. Армированный пластик с треском раскололся, поранив ему руки. Колено заныло. Сэму полегчало. Немного, но полегчало. Огромным усилием воли он подавил бесполезную сейчас ярость, загнав ее внутрь до того времени, когда она сможет пригодиться. Он осторожно опустил на оставшийся стул и повернулся к Проньре.

— Я — Бессмертный. Вот что это значит. Я был бы сейчас такой же, как они, если... если бы кто-то не заплатил тогда этой бабе-хирургу. Кто ей платил?

На кровать обрушился новый сейсмический удар. «Понятия не имею. — Чувствовалось, что Проньру все это очень забавляло. — Дай-ка мне еще выпить».

— Бутылка у тебя, — Сэм показал пальцем в сторону кровати. — Проньра, ты пока про бессмертие забудь. Я сам разберусь. Слушай, у тебя связи остались?

— А куда же они денутся, — Проньра снова присосался к бутылке.

Сэм показал ему маллардовскую коробочку. «Это кориум. Мне нужно две тысячи кредиток. Все, что сверху, оставишь себе. Смотри, чтобы тебя не выследили».

— Кого-то потрянул? Скажи кого, мне будет меньше хлопот.

— Малларда.

Проньра усмехнулся: «Порядок, малыш. Пристроим. Поди пока погуляй».

— Я спешу.

— Приходи через часик.

— Хорошо. И еще одно — ты единственный чело-

век, который знает, что я молодой. — Сэм вытащил из кармана и нацепил свою клочковатую бороду.

— Все ясно. Проныре можно верить, малыш. Давай, заходи через час.

Сэм вышел.

В больнице он должен будет себя назвать. Помнят ли они о спекуляции с Колониями? Кто-нибудь может помнить. Раз в досье был рисунок сетчатки, значит могут быть и другие данные. Обычный человек, когда-то немного знакомый с Сэмом, мог бы подумать о случайном сходстве. Но в клинике его будут осматривать очень внимательно. Слишком внимательно, чтобы можно было понадеяться на маскировку под старичка — это ясно.

Тут до него дошло, что есть человек, который мог бы быть похож на него, не вызывая никаких подозрений. Причем человек как раз его лет. Сын!

Сына у него, правда, не было. Но мог бы быть — ведь каждому известно, что люди его сложения бессмертными не бывают. Так и про его тайну никто не узнает, и маскироваться почти не нужно.

Имя? Из глубин памяти, из мешанины прочитанных книг, прочитанных еще в той, старой жизни (а, кажется, прерванной лишь час назад) всплыло имя пророка Самуила. Старшего сына пророка звали Иоиль: «Имя старшего сына его Иоиль».

Имя как имя. Его зовут Иоиль Рид.

Тридцать пять минут спустя он стоял в приемном покое больницы, потрясенно выпучив глаза, не в состоянии пошевелиться, а обрывки мыслей в его мозгу судорожно пытались соединиться в нечто связное. Но одурение было полным и беспросветным. Единственное, на что он был способен, это глупо повторять. «Что? Что Вы сказали?»

Серьезный молодой человек за регистрационным столом терпеливо отвечал: «Этим утром мы выписали Вас как полностью вылечившегося».

Сэм открыл рот и закрыл его снова, не издав ни звука.

Молодой человек задумчиво посмотрел на него.

«Амнезия? Такого у нас еще не было. Может быть, Вы поговорите с Вашим врачом?»

Сэм кивнул.

Они беседовали в тихой, прохладной комнате. «Шесть недель назад, — сказал врач, — Вас поместили сюда на лечение. Вас доставил человек, назвавшийся Эвансом и расписавшийся за Вас. Постоянный адрес он не указал, сказал, что он проездом и живет в отеле. Если хотите, можно попробовать его разыскать. Деньги были перечислены анонимно, еще до Вашего прибытия. На момент поступления у Вас было вполне приличное физическое состояние». Врач еще раз заглянул в регистрационный журнал. «Лечение было назначено правильно, поскольку у Вас было отравление Стимулятором Грез. Этим утром Вас выписали. Выглядели Вы вполне нормально. Выписки потребовал другой человек, хотя он тоже назвался Эвансом. Вот и все, что я могу сказать Вам, мистер Рид».

— Но, — Сэм обалдело потер люб, — почему я ничего этого не помню? Что это значит? Может...

— К сожалению, на черном рынке есть слишком много препаратов, вызывающих амнезию. Вы выходили отсюда в очень приличном костюме, с сотней кредиток в кармане. Они были у Вас, когда Вы очнулись?

— Нет. Я...

— Вас, должно быть, ограбили.

— Да, я... конечно, да. — В голове у Сэма пронеслось, сколькими способами можно лишить человека памяти — от специального газа в миниатюрном баллончике до простого удара дубинкой по голове. Грабители редко бывают настолько щепетильны со своим клиентом, что обряжают его в старые лохмотья, но в остальном все выглядит достаточно правдоподобно.

За исключением того типа, ожидавшего, когда он проснется.

Он встал, все еще находясь в обалделом состоянии. «Я бы адрес мистера Эванса... если бы Вы так любезны...»

Адрес липовый, думал он, разглядывая бумажку с номером дома. Движущийся тротуар медленно уносил его все дальше от больницы. Кто бы ни выстроил эту цепочку таинственных происшествий, следы он замел тщательно.

Сорок лет назад кто-то вывел его из строя Стимулятором. Захария Харкер — вот кто, тут он не сомневался. Кедр Волтон подала сигнал, но за ее спиной стоял Захария. «Голос, голос Иаковлев, а руки Исавовы».

Наблюдал ли за ним Харкер все эти сорок лет? Или Кедр? Судя по рассказу врача, кто-то очень тщательно опекал его. Кто-то заплатил за его лечение, забрал из больницы, а потом ограбил и раздел — да так, что когда он проснулся, он был беспомощен, как новорожденный.

Беспомощнее! У новорожденного хоть есть законное право появиться на свет. Кстати, а с этим его уже не надуют! Сэма вдруг прямо расперло от гордости — если бы рядом с ним стоял настоящий Йоиль Рид, он был бы на голову выше своего отца, высокий, стройный, длинноногий и элегантный, как сам Захария. Бессмертный и происхождением, и телом. Голова просто шла кругом, когда он представлял свое будущее. Он думал о Проньре, и ему становилось страшно. С точки зрения его новых возможностей это напоминало судьбу собаки или кошки. Он понял — и это теперь нужно никогда не упускать из виду — что жизнь обычного человека слишком коротка.

Неудивительно, что Бессмертные так держались друг за друга. Любовь или дружба без примеси жалости возможны только среди равных. Недаром издавна богов и людей разделяла пропасть. Все смертные были глубоко внизу.

Но все это никак не решало его проблем. Он здесь без права голоса, вне игры. Так сказать, на правах приглашенного. Кем? Если бы он только покрепче ухватил за рубаху того типа в аллее, когда очухался! Ведь это его нарочно разбудили и оставили на свободе, в лохмотьях и без гроша в кармане. Зачем? Посмотреть, что он будет делать? Это почерк Бессмертных. Захария? В полном отчаянии он посмотрел на

безразличные толпы, плывущие вокруг него на тротуарах. Может, одно из этих лиц — маска, под которой скрывается заинтересованный наблюдатель? А может, его неведомому благодетелю надоело возиться с ним, и он выпустил Сэма на свободу, чтобы тот катился на все четыре стороны?

Ладно, в свое время он все узнает. Или не узнает никогда.

В любом случае, времени даром он не терял. И доказательством этому были деньги, лежащие в его кармане. Две тысячи кредиток, к которым никто не придерется. Он перескочил через последний этап, даже не заметив этого. Теперь нужно свести старые счета, додумать несколько деталей, и — вперед, к Бессмертию!

Мозг отказывался об этом думать. Голова трещала от немыслимо путаных комбинаций и фантастических возможностей его новой, растянувшейся во времени жизни. Лучше подумать о двух Эвансах, опекавших его на пути в больницу и из больницы. Это можно поручить Проньре, Сэм сделал себе мысленную зарубку. Росейз. Здесь Проньра тоже пригодится. С остальным он разберется сам.

Снова захотелось пить. Ему стало смешно. При чем здесь Стимулятор! Он сам себя запугал. Простая вода избавила бы его от этой жажды в любую минуту, если бы он только разрешил себе в это поверить. Сойдя с тротуара у ближайшего автомата, онпил прохладную, восхитительно свежую, замечательно утоляющую жажду воду. Пил, пока не почувствовал, что больше в него не лезет.

Он смотрел на блестящие тротуары, на переливающиеся огнями огромные здания, и в нем зародилось непонятное ощущение, начавшееся расширяться и расти, расти до тех пор, пока весь гигантский Купол не стал ему тесен. Он как бы проник сквозь защитный свод, сквозь морскую воду над ним и прошел над облаками прямо в мерцающую бездну, которую он никогда не видел. Сколько теперь можно сделать! И не надо спешить. У него есть время. Все время на свете.

Время, чтобы убивать.

«Кости его наполнены грехами юности его, и с ним лягут они в прах. Если сладко во рту его зло...».

Книга Иова.

Он страхнул с себя оцепенение и... оказался в руках двух человек в форме, подошедших к нему со спины. Форма осталась той же — это была государственная полиция, и еще до того, как они произнесли хоть одно слово, Сэм уже знал, что спорить бесполезно.

Он даже почувствовал облегчение, когда старший из них, прикоснувшись к своему начищенному нагрудному жетону, произнес: «Пройдемте». Тайнственный некто решил, наконец, себя проявить. Возможно, он получит ответы хотя бы на некоторые вопросы, которые просто сводили его с ума.

Они провели его на скоростной тротуар, ведущий к центру Купола. Люди с любопытством оглядывались на них. Вызванный скоростью движения ветер трепал его рыжий парик. Сэм крепко держался за поручень, привыкая к новому ощущению от щекочущих лицо волос. Его разбирало любопытство и нетерпение, хотелось поскорее узнать, куда его везут.

Бессмертные каждого Купола жили в особом квартале в центре города, застроенном высокими, похожими на разноцветные башни, домами. Дома были окружены садами, спрятанными за высокие стены оград. Полицейские направлялись прямехонько к небоскрегам, принадлежащим клану Харкеров. Сэм не удивился. Было бы странно, если бы Захария, отдавший приказ о его уничтожении сорок лет тому назад, вдруг позволил ему запросто разгуливать следующие сорок. С другой стороны, было странно, что Захария вообще оставил его в живых. Сэма передернуло. Ничего, скоро он узнает правду.

Они провели его в маленькую дверцу черного хода одной из самых высоких башен, спустились по прозрачным пластиковым ступенькам, под которыми серебряная вода струилась в направлении раскинувшегося внизу парка. В воде мелькали золотые и красные рыбки, извивались длинные водоросли, а на поверхности покачивались белоснежные цветы.

Внизу их уже поджидала позолоченная кабина маленького лифта. Полицейские втокнули Сэма

внутри и, ни слова не говоря, закрыли за ним дверь. Сквозь стекло он успел заметить, как скользнули вниз их бесстрастные лица. Он остался один в мягко плывущей золотой клетке, которая поднимала его на вершину харкеровской цитадели.

Стенки лифта были зеркальными. Примеряясь к роли Иоилия Рида, Сэм почувствовал себя как-то глупо. Кто бы там ни поджидал его наверху, интересно, известно ли ему, кто он на самом деле? Маскировка, в любом случае, была хорошей. Конечно, он выглядел не точь-в-точь, как его предполагаемый папаша, но естественное сходство было очень сильным. Рыжий парик был как раз под цвет бровей, правда, не очень густых и уже не сросшихся. Накладные коронки изменили линию нижней части лица. Контактные линзы превратили глаза из серых в светло-голубые. Больше ничего.

Чисто психологически цветные контактные линзы давали то же, что и черные очки — подсознательное ощущение, что его никто не видит. Словно он в помещении, в которое нельзя заглянуть. Обычно человеку трудно выдерживать прямой взгляд, особенно если ему есть что скрывать.

Давление на подошвы стало меньше — лифт замедлял ход. Вот он остановился, дверца скользнула в сторону, и Сэм вступил в просторный холл, стены и потолок которого были скрыты густой листвой. Искусственный свет шел прямо из стен. Гибкие лозы поднимались из скрытых под полом гидропонных резервуаров и сплетались под потолком, образуя подобие туннеля. Легкий ветерок шевелил листву, в которой то тут, то там виднелись цветы и фрукты. Для выросшего в Куполе человека роскошь была просто немислимая.

В полной тишине Сэм шел по холлу, отмахиваясь от лезущих в лицо листьев. Как и все выросшие в Куполах, он безотчетно не доверял и боялся этой коварной растительности надводного мира.

Из дальнего конца холла слышалось журчание и легкие звенящие звуки. Сэм в изумлении застыл на пороге комнаты, которой заканчивался туннель.

Комната напоминала летний павильон. Вьющиеся

плети были усыпаны пышными цветами, наполнявшими воздух тяжелым, сладким запахом. Вместо пола была вода. Всю комнату, от стены до стены, занимало голубоватое озеро с полметра глубиной. Одни цветы отражались в его неподвижной поверхности, другие росли прямо в воде. Несколько ярко-синих рыбок неподвижно стояли в голубой воде, уставившись на густые заросли водорослей.

Через озеро был перекинут хрустальный мостик, хрупкий, как первый осенний лед. Мостик начинался прямо у ног Сэма, а заканчивался на застланном мягкими подушками невысоком острове в дальнем углу комнаты. Среди подушек лицом вниз лежала женщина. Одной рукой она опиралась на подушку, а другой, по локоть опущенной в воду, медленно покачивала из стороны в сторону. Ее лицо было скрыто распущенными волосами, кончики которых плавали на воде. Волосы были совершенно немыслимого зеленовато-золотистого оттенка и поблескивали так же мягко, как и вода в пруду.

Сэм узнал ее. Удлиненные очертания тела, ленивые движения, форма головы и рук выдавали Кедру Волтон, несмотря на то, что лица не было видно. Теперь предстояло выяснить, что она делала здесь, в харкеровской крепости, и зачем он ей понадобился.

— Кедра? — спросил он.

Она подняла взгляд. У Сэма голова пошла кругом. Это была Кедра и не Кедра. То же изящно очерченное узкое презрительное лицо, бархатные ресницы и египетский рот принадлежали совершенно другой женщине. Коварной и неуравновешенной, если верить первым впечатлениям.

— Нет. Я — Сари Волтон, — ответила зеленоволосая, улыбаясь нехорошей улыбкой. — Кедра — моя прабабушка. Помнишь?

Он вспомнил. Сари Волтон, склонившаяся на плечо Захарии Харкера и всем своим видом показывающая свои права на него. Тот самый день, когда Захария предложил ему убить Робина Хейла. Сэм не обратил на нее тогда никакого внимания. Сэм покопался в памяти — ага, вражда: вражда между Сари и Кедрой, молчаливая, но легко угадываемая во взглядах, которыми они обменялись там, за столом.

— Помню. Что это значит? — все понятно. От Иоиля Рида не могли потребовать вспомнить сцену, в которой участвовал Сэм Рид. Она знала, кто он. Стало быть, она знала, что он Бессмертный.

— Иди сюда, — белая рука Сари сделала приглашающий жест. Она уселась на подушки, поджав под себя ноги. Сэм с сомнением посмотрел на хрустальный мост. «Не бойся, он тебя выдержит». В ее голосе звучала насмешка.

Мостик выдержал, хотя отзывался на каждый шаг тоненьким позвякиванием. Подчиняясь ее руке, он нерешительно опустился на подушку рядом с ней и сел неестественно прямо, словно каждый изгиб его тела отказывался воспринимать это экзотическое сиденье и всю немыслимую роскошь комнаты-парка.

— Как ты меня вычислила?

Она рассмеялась, покачав головой из стороны в сторону, так, что зелено-золотые волосы, как вуалью, скрыли ее лицо. В глазах и смехе Сари было что-то такое, что ему очень не нравилось.

— Кедр все последние сорок лет пыталась тебя найти, — сказала она. — Я думаю, что они тебя выследили по сегодняшнему запросу в архив о рисунке твоей сетчатки. Как бы там ни было, тебя нашли, это главное, правда?

— А почему Кедры здесь нет?

Она снова засмеялась своим злым смехом: «Она не знает, вот почему. Никто не знает, кроме меня».

Сэм задумчиво посмотрел на нее. В ее глазах был вызов, а в манере поведения — какое-то непредсказуемое упрямство. Что-то мешало ему понять ее до конца. В свое время он пользовался надежным способом для разрешения подобных сомнений. Быстрым, но мягким движением он взял ее за запястье и потянул на себя. С почти змеиной гибкостью она упала ему на колени. Потом высвободила руку от его хватки и снова насмешливо засмеялась.

В том, как она зажала его лицо в ладони и притянула его голову к своей, была не по-женски агрессивная уверенность. Он позволил ей это сделать, но ответил на ее требовательный поцелуй намеренно грубо. После этого, резко столкнув Сари с колен, он посмотрел на нее с нескрываемой брезгливостью.

— Кедре, пожалуй, не так уж глупа, — засмеялась она, нежно проведя мизинцем по укушенной губе.

Сэм поднялся и отпихнул подушку ногой. Ни слова не говоря, он встал на позванивающий мостик и двинулся обратно. Уголкем глаза он заметил змеиное движение, с которым встала на ноги Сари Волтон.

— Вернись.

Сэм даже не обернулся. Спустя мгновение он услышал шипение у левого уха и почувствовал обжигающий жар луча. Он остановился как вкопанный, опасаясь следующего выстрела. Так и есть. Снова шипение лучевого пистолета, на этот раз у правого уха. Выстрелы были исключительно точные, слишком точные, чтобы это могло понравиться Сэму. Не поворачивая головы, он произнес: «Хорошо, я возвращаюсь. Но сначала я хочу услышать, что ты бросила пистолет».

Что-то мягко упало на подушки. Смех Сари на этот раз прозвучал почти нежно. Сэм повернулся и пошел обратно.

Стоя перед ней, ему приходилось слегка задирать голову, чтобы заглянуть в глаза. Ему это не нравилось. Ему вообще все в ней не нравилось, а меньше всего — ее самоуверенная агрессивность, присущая всем Бессмертным. Она выглядела хрупкой, как ее хрустальный мостик. Она казалась настолько нежной и женственной, насколько это вообще возможно. Но она была Бессмертной, и весь мир принадлежал ей и ее Клану. Перед ней прошли поколения жизней, прежде чем она утвердилась в своей злой самоуверенности.

Стоп. Поколения ли? Сэм задумчиво прищурился, в его мозгу начала формироваться идея, отодвинувшая на время все остальное на задний план. В противоположность Кедре, это прекрасное, хрупкое создание казалось удивительно незрелым. Вот именно — незрелым. Этим объяснялось и упрямство, и жестокость ради жестокости, которую он чувствовал в ней. Он догадался, что зрелость приходит к Бессмертным долго, очень долго. Возможно, ему самому еще очень далеко до нее, хотя его ранняя закалка позволяет ему походить на «взрослого».

Но Сари, женщина из могущественного клана, защищенная со всех сторон и избалованная... Неудивительно, что она настолько неуравновешенна — у нее еще нет опыта, который приходит с веками. Да он ей и не поможет, подумал Сэм. Она никогда не превратится в женщину, которая может нравиться или которой можно доверять. А сейчас она еще более непредсказуема, чем сама думает. В голове Сэма начал возникать хитроумный замысел — как использовать эту ее слабость.

— Присядь, — обратился он к ней.

Она подняла руки над своей зеленоволосой головой, чтобы сорвать с лозы висящую над ней гроздь. Сквозь прозрачные ягоды Сэм мог видеть ее длинные пальцы. Казалось, что голубые виноградные косточки образуют в крошечных шариках таинственный узор. Она улыбнулась ему и опустилась на колени одним неприятно гибким змеиным движением.

Сэм посмотрел на нее сверху. «Отлично. Теперь вот что. Зачем ты затащила меня сюда? Если здесь распоряжается Кедр, то почему здесь ты, а не она?»

Сари положила прозрачную ягоду в рот и медленно раскусил. Потом выплюнула голубые косточки. «Кедр не знает, я тебе уже говорила». Она смотрела на него из-под тяжелых ресниц. Ее глаза были не такие синие, как у Кедр. «Сорок лет не было никаких известий. Она сейчас в Куполе Невада».

— Ей уже сообщили?

Сари сделала отрицательное движение головой, и ее переливающиеся, невероятного цвета волосы мягко качнулись. «Никто не знает, кроме меня. Это я хотела тебя видеть. Если Захария узнает, он будет вне себя. Он..».

— Захария приказал вывести меня из строя Стимулятором, — нетерпеливо перебил Сэм, стараясь наконец-то разобраться в этом деле. — Была ли Кедр замешана в этом?

— Захария приказал тебя отравить, — улыбаясь поправила Сари. — В смысле убить. Но Кедр сказала «нет». Они жутко переругались из-за этого. — Ее улыбка стала немного таинственной — чувствовалось, что она погрузилась в приятные воспоминания. — Кедр настояла на Стимуляторе Грез. Ни-

кто не мог понять почему. В самом деле, какая была бы от тебя после этого польза, живого или мертвого, молодого или старого, — ее голос становился все тише и, так и не поднеся к губам зажатую между большим и указательным пальцами ягоду, она замолчала.

И тут до него наконец дошло! Он почти упал на колени рядом с ней, двумя пальцами взял ее за подбородок и пристально посмотрел в глаза. Так и есть! У него даже горло перехватило.

— Наркота, — радостно прошептал он. — Будь я проклят, наркота!

Она тихонько засмеялась, наклонилась вперед и потерлась лбом о его плечо. Ее глаза сверкали тем необычным блеском, по которому можно безошибочно узнать наркоманов.

Это очень многое объясняло — расслабленность, неуравновешенность и тот странный факт, что она не обратила никакого внимания на подозрительную молодость Сэма. Какое странное совпадение — оба знавших его раньше человека жрали наркотики и были не в состоянии его воспринять!

Сэм несильно толкнул ее. Она положила ягоду в рот, даже не осознав, что для этого ей понадобилось так много времени. Выплюнула косточки и улыбнулась своей кривой зловещей улыбкой. Было видно, что она сделала это без какого-либо повода, совершенно бессознательно. Конечно, его возраст не удивляет ее. Она привыкла, что проходят десятилетия, а ее окружают все те же неизменяющиеся лица. А тут еще наркота — в таком обдолбанном состоянии она что угодно будет воспринимать как само собой разумеющееся. Но она может прийти в себя в любую минуту. А он еще не во всем разобрался.

— Кедр заменила яд Стимулятором Грез, — сказал он. — После этого меня кто-нибудь охранял?

Зеленоватые волосы снова закачались вуалью — Сари наклонила голову.

— Она хотела. Но, я думаю, Захария перехватил. По крайней мере, Кедр в этом уверена. Ты исчез как раз тогда, когда ее люди вышли тебя искать. Ты пропал вплоть до сегодняшнего дня. Где ты был,

Сэм Рид? Мне кажется, ты мог бы понравиться мне, Сэм. Мне кажется, я теперь поняла, что было на уме у Кедрь, когда она посылала своих людей, чтобы они нашли и вылечили тебя. Я...

— Что ты делаешь здесь, в доме Харкеров?

— Я здесь живу. — Она засмеялась. На этот раз ее смех прозвучал особенно неприятно. Она положила свою изящную руку на лежащую рядом с ней гроздь и слегка надавила. Бесцветная жижка потекла сквозь пальцы. «Я живу здесь с Захарией. Он хочет Кедрю. Но если уж он не может ее добиться, то я ее заменяю. Наверное, когда-нибудь я убью его», — она опять улыбнулась, на этот раз даже мило.

Сэм подумал, догадывается ли Захария о ее чувствах? Вряд ли. Да, ситуация взрывоопасная, чистый динамит.

Он начал осознавать, какая шикарная возможность так и просится ему в руки. Но тут же его охватило знакомое сомнение. С чего бы это такие возможности висели перед ним, как спелые груши? На сколько процентов все, что случилось с ним после пробуждения в аллее, может быть заранее спланированным? Он до сих пор не может сказать ничего вразумительного о человеке, который его там встретил. Этот тип знал, что делает. К тому времени Сэм уже точно не был под грезовой глюкой.

— Почему ты послала за мной? — Сари полоскала в воде руку, испачканную сладкой мякотью. Ему пришлось дважды повторить вопрос, прежде чем до нее дошло. Она подняла на него глаза и улыбнулась ясной, отсутствующей улыбкой.

— Мне было интересно. Я давно подключилась к персональному экрану Кедрь. Она этого не знает. Когда сообщили, что ты обнаружен, я решила, что я могла бы взглянуть... Может быть, подумала я, ты мне понадобишься... Против Кедрь или против Захарии... Я еще не знаю. Позже я это обдумаю. Не сейчас. Сейчас я думаю о Захарии. И о Харкерах. Я ненавижу Харкеров, Сэм. Я ненавижу всех Харкеров. Я ненавижу даже себя, потому что я тоже наполовину Харкер. Да, наверное, я использую тебя против Захарии. — Она наклонилась к нему, и голубой

огонь сверкнул из-под тяжелых ресниц. Его плечо скрылось под золотисто-зеленым шелком ее волос.

— Ты ведь тоже ненавидишь Захарию, правда, Сэм? Ты должен ненавидеть. Он хотел тебя отравить. Как ты думаешь, что может ранить его больше всего? Все, что связано с Кедрой... Если он узнает, что ты жив и молод... Молод? — На какое-то мгновение ее тонкие брови удивленно сдвинулись. Но эта тема требовала слишком большого напряжения, а серьезные рассуждения были ей явно не под силу. Было видно, что ее мозг пытался делать более глубокие заключения, но оказался способен только на самые поверхностные выводы.

Внезапно она откинулась назад и засмеялась, прямо задохнулась от смеха. «Это чудесно, — выдавила она, глядя на Сэма затуманенными глазами. — Я накажу их обоих! Раз ты опять объявился, Захария должен будет ждать, когда ты надоешь Кедре. А Кедрa не сможет тебя заполучить, если она не будет знать, где ты. Не мог бы ты уйти и спрятаться, Сэм? Где-нибудь, где люди Кедрy тебя не найдут. Ой, пожалуйста, Сэм, пойдй и спрячься! Для Сари. Ты сделаешь Сари счастливой!»

Сэм встал. Мостик под его ногами зазвенел мелодичным аккомпанементом к ее смеху. Когда он вошел в холл-туннель, ароматный ветерок снова подул ему в лицо. Лифт стоял там, где он его оставил. Выйдя из кабины и поднимаясь к выходу по стеклянным ступенькам над журчащей водой, он не увидел ни одного человека.

Двигаясь как во сне, он встал на ближайшую дорожку, которая поднесла его неизвестно куда. Случившееся имело все признаки грезy, ему пришлось здраво сосредоточиться и убедить себя в том, что все это произошло на самом деле. Надо разобраться, что здесь главное, а что нет, но в любом случае тут скрыты потрясающие возможности.

У Харжеров есть слабое место, о котором они и не подозревают — Сари. Ситуация становится еще более щекотливой, если учесть, что Сари тоже по крови Харьер. Потому что она точно не вполне нормальная. Незрелость сознания и пристрастие к наркотикам

только частично объясняют ее патологическую неуравновешенность. Сэм быстро прокрутил новую цепочку. Выходит, Бессмертные не так неуязвимы, если у них такие далеко не безупречные гены.

Вот две тропинки, на которых можно устроить засаду Захарии Харкеру. И та, и другая могут привести к большому скандалу. Но это потом.

Сейчас важнее всего найти место, где можно скрыться, чтобы все спокойно обдумать. Чем больше он об этом размышлял, тем больше его прельщала идея навестить Колонию, выстроенную под руководством Робина Хейла.

Хейл, может быть, пристрелит его на месте. А если не его, а Иоиля Рида? Никто не узнал Сэма, кроме Сари, но кто знает, что взбредет ей в голову, пока он будет собираться встретиться с Хейлом. В его интересах нужно действовать быстро.

Так он и сделал.

Самое удивительное в Колонии было то, что она могла с таким же успехом находиться под водой.

С тех пор, как Сэм покинул Купол, он ни секунды не находился под открытым небом. Сначала — непроницаемый свод Купола и миля воды над ним. Потом — крыша гидроплана из металла и пластика. Наконец, гигантские боксы Колонии с их системами защитной санитарной обработки: ультрафиолетом, кислотой и так далее. И вот он стоит на поверхности Венеры под прозрачным, но тоже непроницаемым сводом, преломляющим множеством радуг изредка выглядывающее из-за облаков солнце. Воздух такой же, как в Куполе. Та же самая смесь. В венерианском воздухе слишком мало кислорода и слишком много углекислого газа. Но в принципе дышать можно. Здесь, под сводом Колонии, все составляющие тщательно подобраны. Но главное — колпак совершенно необходим для защиты от безумного всеобщего размножения, этого главного кошмара венерианской природы. И флора, и фауна ведут бесконечную, беспощадную войну за право цвести, сеяться, оплодотворять, размножаться, чтобы выжить в условиях непрерывно нарушающегося биологического равновесия.

На берегу стоял старый форт, бывший когда-то

оплотом Свободной Компании Дунмена. Сейчас его заселили заново. Он находился под еще одним Колнаком, диаметром около полумили. То тут, то там были разбросаны маленькие домишки. Поскольку ни смерчи, ни ураганы здесь никому не грозили, архитекторы могли строить все, что им вздумается. Единственным ограничением была естественная сила тяжести, да и та с помощью парагравитационных щитов регулировалась так, что можно было строить хоть пизанскую башню. Тем не менее, ни в конструкциях, ни в выборе материалов не было ничего экстравагантного. Все очень просто. На Колонии лежала едва уловимая печать медленного умирания.

Настоящей почвы под сводом не было.

Земля была застлана пластиковыми щитами. Защита от ползучих плющей? Наверно. Сады высаживались в огромных гидропонных резервуарах, хотя несколько чанов поменьше были заполнены стерилизованной почвой. Люди работали, но с ленцой. Время, вероятно, было послеобеденное.

Сэм пошел по одной из дорожек, следуя указателю с надписью «Администрация». Он почувствовал легкое отвращение к континентальным порядкам. Вся его жизнь прошла под Куполом, он всегда знал, что толща воды надежно отделяет его от открытого неба. Теперь, когда сквозь прозрачный свод он видел настоящее небо и неяркий солнечный свет, это казалось Сэму жалкой копией искусственного дневного освещения Куполов.

Его мозг работал без устали. Он отмечал все виденное, оценивал и распределял факты и впечатления, откладывая их до того времени, когда они смогут пригодиться. На время он позволил себе забыть о Сари и Харкерах. Эта информация должна отлежаться. Сейчас главным было то, как Робин Хейл примет Иоиля Рида, сына Сэма Рида. Он отнюдь не считал себя должником Хейла. Его интересовала только личная выгода, и в этом смысле Колония выглядела многообещающим местом.

Девушка в розовом комбинезоне, склонившаяся над чаном с ростками, подняла на него взгляд. Любопытно смотреть на лица этих колонистов при необычном солнечном свете. Ее кожа была кремовой, а

не молочно-белой, как у Сари. У нее были прямые, гладко расчесанные, каштановые волосы, карие глаза, глядящие, пожалуй, более открыто, чем у живущих под водой. Но так же как у них, ее жизнь была ограничена непроницаемым куполом. Правда, в ее купол светило солнце и непрерывно ломились голодные, буйные джунгли, а не серая вода океана. И по ее глазам было видно, что она знает об этом.

Сэм остановился. «Где администрация?» — спросил он, хотя в этом не было никакой нужды.

— Вон там, — голос звучал довольно приятно.

— Тебе нравится здесь?

Она пожала плечами: «Я здесь родилась. В Кунолах, должно быть, чудесно. Никогда не видела Купола».

— Никакой разницы, все то же самое, — уверил ее Сэм. Ему вдруг пришла в голову занятая мысль. Эта девушка родилась здесь. Ей на вид не больше двадцати. Довольно милая, хорошенькая, но не совсем в его вкусе. Мысль была такая: раз у нее лишь отчасти есть то, что ему нравится в женщинах, то он может подождать рождения ее дочери или внучки, подбирая при этом родителей так, чтобы получилось то, что он хочет. Бессмертные могут производить селекцию человечества так же, как простые смертные могут выводить пушистых котов или быстроногих лошадей. Жалко, что в итоге получится цветко-однодневка, который пышно распустится и на другой день увянет. Интересно, сколько Бессмертных уже проделывали это, устраивая себе гарем не в странстве, а во времени? Должно быть, очень увлекательно, если, конечно, не впадать в сентименты.

Казалось, управляющий Континентальной Колонией должен бы быть занятым человеком. Но это было не так. Через минуту после того, как Сэм назвал свое вымышленное имя, раздался щелчок, дверь автоматически открылась, и он вошел в кабинет Робина Хейла.

— Значит, Иоиль Рид, — медленно произнес Хейл. Его взгляд был настолько пристальным, что Сэму пришлось собрать все свое самообладание, чтобы его выдержать.

— Да. Моим отцом был Сэм Рид, — в его голосе прозвучал оттенок бравады.

— Прекрасно. Садись.

Сэм смотрел на него сквозь тонкую защитную пленку контактных линз. Казалось, они расстались вчера, так мало изменился Хейл. Или нет, он изменился, но так незначительно, что глазом это уловить невозможно. Выдавал голос. Хейл по-прежнему оставался стройным, уравновешенным, темноволосым мужчиной, которого годы прожитой жизни и столетия предстоящей приучили к терпению. Любое поражение он мог воспринимать как временное, а любую победу — как проходящую.

Произошедшее в нем изменение тоже было временным, но тем не менее оно было. Исчез спокойный энтузиазм в голосе и манере держаться, который Сэм помнил. Идея, на которую он возлагал пылкие надежды, была теперь делом конченным. Но, всматриваясь в него, Сэм понимал, что эпопея с колонизацией всего лишь небольшой эпизод в долгой жизни Робина Хейла.

Хейл помнил дни Свободных Компаньонов. Помнил поколения людей, которые бороздили океаны, вели войны, смотрели в лицо опасности. Сэм знал, что это было обычным деловым предприятием, бизнесом, а вовсе не надутой романтикой. Но эмоции играли большую роль в их жизни. Свободные Компаньоны были кочевниками, последними кочевниками перед тем, как люди окончательно осели в Куполах, что стало началом эпохи застоя. Купола превратились в усыпальницу, а может и колыбель человечества, в которую оно вернулось вместо того, чтобы двигаться дальше.

Сэм почувствовал, как в нем зашевелилось желание покопаться в психологии Бессмертных.

— Ты доброволец? — спросил Хейл.

Вопрос встряхнул Сэма, оторвав его от наблюдений.

— Нет.

— Я не знал, что у Сэма Рида был сын. — Хейл по-прежнему смотрел на него тем спокойным оценивающим взглядом, который Сэму так трудно было выдержать. Умеют ли Бессмертные распознавать друг

друга по особенностям поведения, которые просто невозможно скрыть? Вполне возможно. Но к нему это не относится — он не был Бессмертным в том смысле, как все они. У него не было привычки смотреть на несколько веков вперед, привычки, присущей им от рождения.

— Я и сам не знал до недавнего времени, — он старался говорить деловым тоном. — После скандала с Колонией моя мать поменяла фамилию.

— Я понимаю, — Хейл был настроен не слишком приветливо.

— Что случилось с моим отцом? — напрямик спросил Сэм. Если Хейл скажет: «Брось, парень, ты — Сэм Рид», то это, по крайней мере, снимет неопределенность. Но даже если не скажет, это еще не значит, что он его не узнал.

Свободный Компаньон покачал головой. «Он связался с Грезостимулятором. Думаю, сейчас он уже мертв. После той истории у него были враги».

— Я знаю. Вы... наверное, Вы тоже один из них.

Хейл снова покачал головой и усмехнулся. Сэм знал, что означает эта усмешка. Разве можно ненавидеть или любить так недолго живущего человека! Единственное чувство, которое он может вызвать — это кратковременное раздражение. Тем не менее, Сэм не стал раскрывать карты. Боги могут себе позволить вести себя непредсказуемо. В минуту гнева Зевс мечет громы и молнии.

— Сэм Рид был не виноват, — сказал Хейл. — Он был способен только на обман. Это было у него врожденным. К тому же он был просто игрушкой. Если бы не Сэм, появился бы кто-то другой. Или что-то другое. Мне не за что его ненавидеть.

Сэм сглотнул слюну. Порядок, именно это его и интересовало. Можно двигаться дальше. «Я бы хотел посоветоваться, господин губернатор. Я только недавно узнал, кто я. Я навел справки. Я знаю, что мой отец был жуликом и обманщиком, но ведь правительство нашло все его тайники и вернуло акционерам деньги, так?»

— Так.

— Он не оставил мне ничего, даже имени. Сорок лет я ничего не знал. Но сейчас я навел справки.

Когда отец стал наркоманом, у него оставалась одна вещь, не подлежащая изъятию. Сорок лет назад правительство выдало ему патент на земельные участки на континенте, и этот патент действителен до сих пор. Я вот что хотел узнать — это чего-нибудь стоит?

Хейл забарабанил пальцами по столу: «Почему ты пришел ко мне?»

— Отец начинал это дело вместе с Вами. Я подумал, что Вы знаете... Вы помните. Вы ведь Бессмертный. Вы жили в то время.

— Конечно, я знаю о патенте. Я даже старался заполучить его. Но он именной и выписан на твоего отца, а право на землю перерегистрации на чужое имя не подлежит. Правительство не захотело делать для меня исключение. И понятно: все Колонии на Венере должны обязательно управляться снизу. В случае чего, Купола всегда могут перекрыть им снабжение. Так ты, выходит, унаследовал патент?

— Я как раз хотел узнать, это чего-нибудь стоит?

— Да. Харкеры отвалят тебе за него кучу денег.

— Харкеры? Почему?

— Чтобы я не смог построить новую Колонию, — Хейл сжал лежащую на столе руку в кулак и разжал ее снова. — Вот почему. Я начал строить эту Колонию после того, как твой отец... после нашего провала. Я решил в любом случае идти вперед. Поднятая шумиха сильно ударила по мне. Почти все мои люди разбежались. Осталось несколько человек, которые верили в то же, во что и я. Большинство из них уже нет в живых. Вначале было тяжело.

— Мне показалось, сейчас здесь не очень-то тяжело, — вставил Сэм.

— Сейчас? Сейчас нет. Колония состарилась. Харкеры пытались затормозить дело. Но совсем остановить не смогли. А раз я уже начал — они не рискнули меня провалить. Колонизировать Венеру все равно придется, а воспоминание о неудаче создаст лишние психологические трудности. Рухнет у меня все или я выкарабкаюсь — это им одинаково невыгодно. Они просто не верят, что может получиться. Вот так.

— Что так?

— Что мы топчемся на месте. Эх, как мы работали в первый год! Когтями рвали. Мы не успели вылизать джунгли как следует, но начали мы неплохо. Расчистили и восстановили Колонию. Дрались за каждый шаг. Джунгли наступали, но мы не сдавались. Мы уже все подготовили к освоению нового побережья. И тут Харкеры перекрыли нам кислород.

— Они полностью заморозили снабжение.

— Они сделали так, что сюда совершенно перестали приезжать добровольцы.

— Оборудование изнашивается. Силовые установки встали. Новые автоматы не поступали.

— В соответствии с договором мы должны были давать ежегодную прибыль. В противном случае правительство берет на себя управление Колонией до тех пор, пока положение не стабилизируется. Право на землю они отнять не могли, но сделали все, чтобы колония стала убыточной. Этот трюк они провернули тридцать шесть лет назад. С этого времени здесь руководит правительство, поддерживает статус кво.

— Руководит! То есть нам дают ровно столько, чтобы мы не развалились, но и не могли бы двигаться вперед. Они якобы не хотят рисковать, боятся, что у нас ничего не выйдет. Хотят дожидаться времени, когда можно будет действовать наверняка. А это время никогда не наступит.

Хейл нахмурился, его глаза горели. К кому он обращался — к Йоилу Риду или Сэму Риду? Трудно было сказать. В любом случае он сказал гораздо больше, чем могло быть сказано случайному посетителю.

— У меня связаны руки, — продолжал Хейл. — Юридически я губернатор. Юридически. На деле здесь все полностью остановилось. Если бы у меня был еще один патент... Если бы я мог взяться за новую Колонию... — он сделал паузу и посмотрел на Сэма из-под сведенных бровей. — Но мне они патента не дадут. Теперь тебе ясно, как важен твой? Чтобы его аннулировать, Харкеры заплатят тебе хорошие деньги.

Вот в чем дело. Вот почему он так разошелся. Хейл замолчал, не глядя на Сэма. Он неподвижно си-

дел за пустым столом и ждал. Он не просил и не уговаривал.

Что он мог бы предложить своему гостю? Деньги? Меньше, чем предложат Харкеры. Долю в новой Колонии? Но к тому времени, когда она начнет давать прибыль, простой смертный давно умрет.

Сэм возбужденно спросил: «Что бы Вы стали делать с патентом, губернатор?»

— Начал бы работать, только и всего. Я не могу заплатить тебе много. Я мог бы взять твою землю в аренду, но она еще очень не скоро будет приносить прибыль. Все съедят расходы. Чтобы выжить, колония на Венере должна постоянно расширяться. Теперь я знаю, что это единственно возможный путь.

— А если у Вас ничего не выйдет? Если правительство снова возьмет на себя управление? Все, как в тот раз. Если они увидят...

Хейл молчал.

Сэм продолжал забрасывать его вопросами. «Вы делаете очень большую ставку на новую Колонию. Вы...»

— Я ничего не доказываю, — прервал его Хейл. — Я уже сказал, что Харкеры дадут тебе больше.

Теперь замолчал Сэм. В его голове уже вырисовывались десятки возможностей — как раздобыть денег, переиграть Харкеров, поднять пропаганду. Как обеспечить новой Колонии успех, несмотря на их сопротивление. Ему казалось, что на сей раз он с этим справится. У него было время, и его стоило вложить в колонизацию.

Хейл наблюдал за ним, и в нем, похоже, разгорался огонь надежды, разгоняя тяжелый мрак давящей его безысходности. Сэм не совсем понимал этого человека. Несмотря на длиннейшую прожитую жизнь, на свой немыслимый опыт, на то, что он уже однажды доверился простому, недолго живущему человеку, он, как ни странно, собирался довериться снова. С его точки зрения, Йоиль Рид должен был казаться несмышленишем, человеком, которому отпущен век не длиннее кошачьего. И такому человеку он дает преимущество над собой и собирается верить свою самую заветную мечту, детище всей своей жизни.

Почему?

В голове Сэма всплыла туманная параллель из древнейшей истории старушки-Земли. Когда-то он читал, что страны, попавшие под иго монгольских орд, оказались настолько подавленными, что уже никогда не могли оправиться и вырваться вперед. Несмотря на неисчерпаемые природные богатства, жители этих стран не сумели использовать их и безнадежно отстали от других народов, не утративших жизненной энергии.

Возможно, то же случилось и с Робинем Хейлом. Он был сейчас единственным оставшимся в живых человеком, сражавшимся вместе со Свободными Компаниями. Не растратил ли он за эти буйные, отчаянные годы того огня, который так был нужен ему сейчас? За долгие века он накопил опыт и знания, но потерял то качество, без которого не мог их использовать.

Сэм, напротив, обладал им в избытке. Ему даже вдруг показалось, что на всей Венере это качество присуще ему одному. У Хейла за плечами была долгая жизнь, но не было воли к победе. Другие Бессмертные были достаточно инициативны, но...

— Если мы будем дожидаться Кланов, мы можем опоздать, — воскликнул Сэм удивленным голосом, как будто никогда не слышал этого раньше.

— Конечно. Если уже не опоздали.

Сэм, казалось, его не слышал. «Они думают, они правы, — продолжал он, развивая тему, смысл которой раньше до него не доходил. — Они просто не хотят ничего менять! Они будут ждать и ждать, пока не выяснится, что прождали слишком долго. А они этому даже обрадуются. Потому что они консерваторы. Те, у кого власть, всегда консерваторы. Им любые перемены не по нутру».

— То же самое можно сказать про всех тех, кто живет в Куполах, — отозвался Хейл. — Что мы можем предложить им взамен? Там у них комфорт, безопасность, все блага цивилизации... А здесь только трудности, опасности и маленький шансик на то, что через пару сотен лет у них будет что-то похожее на те удобства, которые у них уже есть под водой и которые им ничего не стоят. К тому же никто из них

до этого не доживет, даже если они и поймут, что перемены необходимы.

— Но однажды-то они завелись. Когда... когда мой отец раскручивал первый план колонизации.

— Не то. Всегда найдутся неудовлетворенные романтики, согласные чего-то лишиться. Но болтать о приключениях это одно, а пахать до седьмого пота — совсем другое. У них нет настоящего стимула. Первопроходцы потому и первопроходцы, что у них либо невыносимые условия дома, либо их привлекает жирный кусок, либо... нужно их звать в Землю Обетованную или что-то в этом роде. А что у нас? Пустяк, спасение человечества. Слишком общо, чтоб кого-нибудь расшевелить.

Сэм нахмурил рыжие брови. «Спасение человечества?» — переспросил он.

— Если колонизация не начнется сейчас или в ближайшем будущем, то она не начнется никогда. Запасы кориума иссякают. Я твержу это на всех углах. Людям осталось жить в своих чудесных Куполах несколько столетий, потом все генераторы встанут, а воля к жизни погаснет еще раньше. Но Клань упрямо блокирует каждый мой шаг, я бьюсь, как в глухую стену, и, видимо, буду биться до тех пор, пока не будет слишком поздно.

Хейл пожал плечами.

— Мои слова уже всем надоели. Там, внизу, такие разговоры считаются дурным тоном.

Сэм покосился на него. Бессмертный говорил искренне. Ему можно верить. Будущее человечества было слишком туманной проблемой, чтобы она могла беспокоить Сэма. Но для его собственного, теперь уже бессмертного существования, нескольких столетий было явно мало. Кроме этого, ему нужно было свести счеты с Харкерами. К тому же проект колонизации таит в себе просто неограниченные возможности, при условии, что им будет руководить такой человек, как он.

Грандиозная идея заманчиво замаячила перед ним.

— Патент твой, — резко сказал он. — Теперь смотри...

Роберт Хейл прикрыл за собой раздвижные двери

оффиса и в одиночестве побрел по пластиковой дорожке. Серое венерианское небо то и дело оживлялось синими просветами, и тогда на прозрачном своде начинало преломляться и играть солнце. Хейл поднял голову, посмотрел на сверкающие блики и скорчил невольную гримасу, вспоминая былые дни.

Неподалеку человек в коричневом комбинезоне окапывал мотыгой молодые побеги, растущие в широком чане с венерианской почвой. Человек работал медленно, даже лениво, но точные и размеренные движения выдавали в нем привычку и любовь к своему делу. Проходя мимо, Хейл замешкался, и человек поднял на него свое длинное лицо в лошадиной нижней челюстью.

— Поболтаем? — спросил Хейл.

Рабочий в комбинезоне ухмыльнулся:

— Валяй! Что-то задумал?

Хейл поставил ногу на край чана и скрестил руки на поднятом колене. Собеседник, который был явно старше, удобно облокотился на мотыгу. Несколько мгновений они стояли молча, и по улыбкам, с которыми они смотрели друг на друга было ясно, что их определенно что-то связывает. Из всех живущих сейчас на Венере людей только эти двое помнили жизнь под открытым небом, естественную смену дня и ночи, луны и солнца — природные ритмы, не управляемые человеком.

Но только один Вычислитель помнил время, когда от обычного грунта не шарахались, как от страшного врага. Из всех, кто здесь работал, только он один умел орудовать мотыгой с ленивой уверенностью и смотреть на обрабатываемую землю без напряженного страха. Для всех остальных самый вид земли говорил об опасностях известных и неизвестных — невидимых глазу грибницах, смертельных бактериях, таинственных насекомых и личинках, затаившихся лишь до очередного удара мотыги. Земля, конечно, была просеена и обеззаражена, но тем не менее... Никто, кроме Вычислителя, не любил ковыряться в открытом грунте.

Хейл не слишком удивился, когда впервые заметил тощую фигуру с мотыгой. Это было не так давно,

недели две назад, во время обычной прогулки по пластиковой дорожке между контейнерами с почвой. Тогда он так же остановился у чана, отослав вперед сопровождавших его инженеров. Пожилой мужчина выпрямился и пристально, чуть насмешливо посмотрел на него.

— Вы не... — нерешительно начал Хейл.

— Точно, — ухмыльнулся Вычислитель. — Я бы выбрался к тебе еще раньше, но нужно было закончить одно небольшое дельце. Здорово, Хейл. Как дела?

Хейл что-то пробормотал.

Вычислитель захохотал. «Когда-то, на Земле, я был просто грязным фермером, — пояснил он. — У меня все время руки чешутся поработать. Это, во всяком случае, одна из причин. Я теперь штатный доброволец. Кстати, под своей собственной фамилией. Не заметил?»

Хейл не заметил. Много воды утекло с тех пор, как он в последний раз стоял в Храме Истины и слушал голос, вещавший из пророчествующего шара. Имя Бена Крауелла не попадалось ему на глаза, хотя он как раз на днях очень внимательно просматривал списки добровольцев, и, казалось, помнил их наизусть.

— Почему-то я не очень удивляюсь, — сказал он.

— И не надо. Мы с тобой, Хейл, единственные люди, которые помнят открытый воздух. — Он фыркнул и покосился на непроницаемый колпак. — Только мы с тобой понимаем, что это подделка. Ты больше не встречал кого-нибудь из Компаньонов?

Хейл покачал головой: «Я — последний».

— Да... — Крауелл разрубил мотыгой случайного жучка. — Я побуду здесь некоторое время. Правда, неофициально. Сейчас я не могу отвечать ни на какие вопросы.

— Ты это и в Куполе не делал, — в голосе Хейла прозвучала горечь. — За последние сорок лет мне раз двадцать нужно было до зарезу тебя видеть. Ты не дал мне ни единой аудиенции, — он посмотрел на Вычислителя в упор, и в нем вспыхнула надежда. — Что тебя привело сейчас? Что-нибудь произойдет?

— Может быть, может быть, — Крауелл отвер-

нулся к своей мотыге. — Что-нибудь рано или поздно произойдет, верно? Если только ждать достаточно долго.

Это все, что Хейл смог выудить из него в тот раз. Сейчас, рассказывая Вычислителю о случившемся, он вспомнил тот разговор.

— Ты что, из-за этого сюда и приехал? — спросил он под конец. — Может, ты знал?

— Слушай, Робин, я сейчас ничего не могу тебе рассказать. Я ведь говорил — не могу.

— Но ты знаешь?

— Какая разница? Не забывай, что у всего есть своя обратная сторона. Я не обеспечиваю стопроцентное попадание — какая-то погрешность уже изначально заложена. Я тебе говорил, что у меня скорее лошадиное чутье, чем способность к предсказанию, — Крауелл, казалось, слегка разозлился. — Я — не Бог. Ты рассуждаешь, как в Куполах. Не надо ни на кого надеяться. Они все ждут, что придет добрый дядя. А добрый дядя тоже не Бог. Да и сам Господь Бог не в силах изменить будущее. Он просто знает, что произойдет. Иногда он вмешивается, вводит в уравнение новую величину, причем случайную...

— Но...

— Да, я пару раз вмешивался. Однажды даже убил человека, потому что прикинул, что, оставь я парня в живых, будет хуже для всех. Оказалось, я был прав. Но я не делаю ничего, что выше моих сил. Все, что я могу сделать — это ввести случайный фактор, и это тоже непросто, поскольку я сам замешан в эту задачу и не могу смотреть на нее со стороны. Я не могу предвидеть даже свои собственные реакции!

— Пожалуй, — задумчиво произнес Хейл. — Тем не менее, ты говоришь, что когда нужно, ты вмешаешься.

— Только когда очень нужно. И после этого я стараюсь все загладить. Иначе никак, нужно следить за равновесием. Если я что-то делаю с правой чашкой весов, то равновесие неизбежно смещается вправо. Значит, после этого надо обязательно чуть-чуть подтолкнуть и вторую чашку. В итоге «Х» снова равен «Х». Если я добавил «У» в одно место, я добав-

лю его и в другое. Я допускаю, что это может показаться пустяком, но с моей колокольни виднее. Опять-таки я повторяю, я не Господь Бог. Кстати, сегодня Бог в Куполах и не нужен. Единственное, чего они от него бы хотели, чтобы он спустился к ним и покатал их на карусельке.

Он помолчал, вздохнул и посмотрел вверх, где сквозь прозрачный колпак показалась полоска голубого неба. «Чего хочет Рид? — спросил он. — У него есть какие-то мысли?»

— Не вижу причины, почему я должен тебе это рассказывать, — раздраженно ответил Хейл. — Ты наверняка знаешь об этом больше, чем я.

Вычислитель легонько стукнул кулаком по рукоятке мотыги: «Не надо, сынок, не хами. У меня есть причины не рассказывать тебе то, что я знаю. Придет время, я тебе объясню. А сейчас мне было бы чертовски приятно узнать, чего же все-таки хочет молодой Рид».

— Мы изучали карты. Его патент перекрывает зону миль в триста, причем сто из них — побережье. Я тогда специально указал это место, потому что там есть старый форт. Хорошая, надежная база. К тому же там есть удобная бухта. Она защищена грядой островов и немного вытянута на запад.

Хейл не заметил, что начал говорить быстрее. «Над этой колонией не будет защитного колпака. Никогда не сбалансировать экологию, если снаружи одна атмосфера, а внутри — другая. Но защищаться все равно придется. Здесь нам поможет вода. Острова станут нашими ступеньками. Будем осваивать один, закрепляться на нем и переходить к следующему».

— Угу, — Вычислитель задумчиво почесал свой длинный нос. — А как ты собираешься защищаться от Кланов? Чтобы они не провернули с этой Колонией ту же штуку, что и с первой.

Хейл закашлялся. «Поживем — увидим», — сказал он.

Даже наступление ночи человек, выросший в Куполах, воспринимал как совершенно необычайное явление. Возвращаясь на гидроплане обратно в Делавер, Сэм невольно ухватился за ручки кресла и

зачарованно наблюдал, как глубокая темнота надвигалась на море. Воздушные потоки в венерианском небе очень коварны, поэтому самолеты поднимались в воздух только при крайней необходимости, да и то ненадолго. Из-за бесконечных воздушных ям картина внизу воспринималась урывками.

Далеко внизу, под набухающим сумраком, расплывалось в воде светящееся пятно Купола. Нождажданно для самого себя он ощутил странное теплое чувство — это маячившее из-под воды пятно было его домом. В нем было удобно и безопасно, там звучали музыка и смех... А в стерилизованной Колонии наоборот — там все говорило как раз об опасности и неизбежности поражения.

Стоп. Это мы еще посмотрим. Лучше думать о чем-то приятном, а не отдаваться ностальгическим порывам, как это принято в Куполах. Первопроходцев толкают вперед невыносимые условия дома, плюс обещания золотых гор или мечта об Обетованной Земле. Тяни да толкай, усмехнулся Сэм. Но плохие условия дома — это не наш случай. Нужно что-то придумать.

Для успеха нужен кориум, энергичные добровольцы и, если не полная поддержка, то хотя бы отсутствие сопротивления со стороны Харкеров.

А что есть у него? Ничего. К тому же раскрутиться нужно быстро. В любую минуту после посадки к нему могут подойти ребята в форме, как это уже один раз было, и Сэм Рид исчезнет со сцены, возможно, навсегда. Денег у него мало, положения в обществе никакого, друзей нет, если, конечно, не считать помирающего от наркоты старого проходимца, и даже эту дружбу ему приходится покупать.

Сэм рассмеялся про себя. Он чувствовал себя восхитительно.

Он ощущал потрясающую уверенность в своих силах. Он ни капли не сомневался в успехе.

— Перво-наперво, — сказал он Пронуре, — мне нужно о себе заявить. Срочно. Все равно как, но я должен помелькать на экране, чтобы Клань не могли слопать меня незаметно. Потом я постараюсь всем разъяснить, что если я пропаду, они отвечают.

Проныра хмыкнул и трубно высморкался. Его комнатенка была грязным, вонючим, но относительно безопасным убежищем. Сэм знал, что пока он здесь, Харкеры до него не доберутся. Но как только он высунет нос наружу, все может обернуться по-другому.

— Дай-ка мне еще выпить, — ответил ему Проныра.

— У меня есть две тыщи кредиток, — продолжал Сэм, подвигая ему бутылку. — Хейл может раздобыть еще две. С этого мы и начнем. Ты мне скажешь, во что их вложить, чтобы поскорее подняться. Мне нужно время в эфире и хороший журналист, чтобы как следует продумать наши выступления. Как только мы начнем, деньги пойдут сами. На этот раз я постараюсь не провалиться в крысиную нору. Будем бить в одну точку, пока не выйдем наш главный козырь.

— Какой? — тощая бровь Проныры заинтересованно приподнялась над бутылкой.

— Флот, — торжественно сказал Сэм. — На этот раз Колония будет состоять из цепочки островов. Нам нужно будет постоянно перемещаться. Мы должны пробиться к островам, укрепить их и обустроить. Нам нужны маневренные быстроходные суда, надежные и хорошо вооруженные. На это и пойдут все деньги.

Проныра опять присосался к бутылке и ничего не ответил.

Сэм не стал ждать, пока его пропаганда начнет приносить плоды. Он распорядился заложить корабли немедленно. Он сэкономил на чем мог, но все равно почти все четыре тысячи ушли на закупку самого необходимого, того, без чего, с точки зрения Хейла, нельзя было обойтись.

Между тем, пропагандистская машина набирала обороты. На настоящую тонкую работу в стиле Сэма просто не было времени. Было бы неплохо выпустить дисков с лирическими песнями, воспевающими прелести жизни на суше, открытое небо, звезды, смелу дня и ночи и так далее. Бойкая пьеса, захватывающий роман с правильно расставленными акцентами тоже пошли бы на пользу. Но времени не было.

Все телепрограммы были забиты рекламой. Робин Хейл объявил о создании новой независимой Колонии. Смело, открыто было предано огласке участие в проекте Иоиля Рида — факт, скрывать который было бы все равно бесполезно.

Иоиль честно признался с телеэкранов в мошенничестве своего отца. Он рассказал все, что ему было известно о нем. «Я никогда его не видел, — он старался говорить, используя всю свою способность к убеждению. — Я знаю, что большинство из вас не поверят мне только из-за моего имени. Я не стараюсь его скрывать. Я верю в эту Колонию и не могу допустить, чтобы она провалилась. Я думаю, что многие меня поймут. Я не рискнул бы показаться перед вами, тем более под своим опороченным именем, если бы я не был уверен, что колонизация должна состояться. Ни один человек, носящий имя Рида, не взялся бы второй раз за то же самое дело. Я берусь. Крах Колонии будет и моим крахом, я это знаю, но я уверен, что этого не произойдет». В его голосе была спокойная уверенность и энтузиазм, которые передавались слушателям. На этот раз он говорил правду. Нашлись люди, поверившие ему. Немного, но достаточно, чтобы начать.

Использовались те же доводы и те же соблазны, что и при первой попытке. Тонкие натуры ощущали, что в Куполах им чего-то не хватает, и смутно тосковали об утерянном прошлом. Эти романтики в основном и платили за самые необходимые расходы Хейла и Сэма. Не слишком щедро, но пока этого хватало. Остальные держались в стороне и ждали, чтобы их уговаривали.

Чем Сэм и занялся.

Харкеры тоже не сидели без дела. Опомнившись от первого шока, они начали действовать, причем довольно энергично. Но у них были связаны руки. Они не могли открыто выступать против Колонизации. Они всегда были ее сторонниками. Они не могли допустить ее краха. Все, что им оставалось делать — это начать контрпропаганду.

Разносились сплетни об ужасной эпидемии, вспыхнувшей наверху. В программе последних изве-

ствий показывали крушение робота-самолета, картинно разваливающегося в небе под ударами вихревых потоков. Ширились слухи о трудностях континентальной жизни. Сплошные опасности, полная неопределенность...

Тогда Сэм отважно нанес свой следующий удар. Он почти открыто атаковал Харкеров. Он обвинил их в том, что они умышленно погубили первую Колонию. «Могущественные силы, — объявил Сэм, — пытаются остановить освоение суши. Вы можете понять почему. Любой может понять. Поставьте себя на место облеченного властью человека или группы людей. Если бы вы правили Куполом, вас полностью устраивало бы существующее положение. Хотели бы вы перемен? Не сделали бы все, чтобы дискредитировать людей, которые, как мы, хотят открыть всем дорогу наверх? — Сэм наклонился к экрану и впился в аудиторию пристальным, многозначительным взглядом. — Не постарались бы вы заставить замолчать всякого, кто хочет дать простому человеку этот шанс?» — Он задержал дыхание, уверенный, что сейчас его выключат.

Но ничего не случилось. То ли операторы были слишком ошарашены, то ли Харкеры не рискнули так явно пренебречь общественным мнением. Что бы там ни было, Сэм решил продолжать. «Я надеюсь и дальше бороться за Колонию, — сказал он. — Я работаю на себя, это так, но еще и на вас, на тех, кто не заправляет Куполами. И пока я жив, я не отступлю. Если завтра я не выйду в эфир с сообщением о наших новых планах, то вы будете знать почему».

Сэм отключился, а на улицах Куполов осталось звучать необычное, невнятное бормотание, словно его слова продолжали висеть в воздухе. Впервые за много десятилетий перед большими общественными телеэкранами стали собираться толпы людей и впервые за всю историю венерианской цивилизации в Куполах послышался голос толпы. Это был почти прозрачный звук — легкий, скорее удивленный, чем негодующий ропот, но тем не менее им нельзя было пренебречь.

Харкеры услышали этот рокот и на время зата-

ились. Время у них было, они могли позволить себе подождать.

Так Сэм подстраховался против внезапного появления сержанта полиции за своей спиной. Он быстро двигался вперед, укрепляя свои позиции. Против Харкеров нужно поискать дубинку поувесистее, чем тоненький прутик зарождающегося общественного сознания.

Его единственной зацепкой была Сари. Сари Волтон, по происхождению наполовину Харкер. Ее психика была с совершенно очевидными отклонениями. Почему? Сэм изо всех сил старался до этого докопаться. В досье почти не было материала на Бессмертных — основные статистические данные, имена и краткие биографии. Было ясно, что из-за своего долгожительства они легко переносили такие стрессы, которые свели бы с ума простого смертного. Но как раз из-за этого же долгожительства у них могли возникать такие стрессовые ситуации, какие обычному человеку и не представить.

Сэм ломал себе голову, выискивал, размышлял. Он проработал множество вариантов, заведивших его в тупик, и принимался за новые. Случайно он наткнулся на одну маленькую деталь, которая показала многообещающей. Это был даже не факт, а скорее подсказка. Но подсказка, намекавшая на нечто очень интересное.

Цикл воспроизводства выглядел у Бессмертных несколько необычно. Способность к деторождению появлялась у них с периодом пятьдесят-семьдесят лет и очень ненадолго. Никогда не случалось, чтобы ребенок Бессмертных не унаследовал их главного свойства — долгожительства. Но дети рождались слабыми. Среди них был высокий уровень смертности, и как правило, первые месяцы они росли в искусственной питательной среде.

Сэм с удивлением обнаружил, что одновременно с Сари Волтон в семействе Харкеров появился сын, мальчик по имени Блейз. Эти двое были единственными в Куполе Делавер оставшимися в живых детьми последнего периода, когда у Бессмертных рождались дети.

Но Блейз Харкер бесследно исчез.

Со все возрастающим интересом Сэм изучал записи, пытаясь докопаться, что же случилось с Блейзом Харкером. Дата смерти не указывалась. Только обычная информация об образовании, месте службы, выполняемых обязанностях. Потом, лет семьдесят назад, все обрывалось.

Сэм подшил документы в досье с радостным ощущением редкой удачи.

— Это тоже пойдет, — сказал Робин Хейл, отступая от иллюминатора, — смотри.

Сэм неуверенно пересек качающуюся палубу и склонился к стеклу. Он казался полупьяным от непривычной атмосферы, непрерывной качки, дующего в лицо влажного ветра. Столько нового было в ощущении открытого воздуха и легкого, переменчивого бриза! Это не шло ни в какое сравнение с искусственным ветром в Куполах.

Молочно-белая вода тяжело вздымалась к такому же молочно-белому небу. Громада видневшегося на берегу старого разрушенного форта, казалось, пошатнулась под тяжестью наступающих со всех сторон джунглей. Оттуда непрерывно доносился несмолкаемый шорох, из которого вырывались отдельные звуки: шипение, рев и визг невидимых чудовищ. Море тяжело шлепало в борт. Ветер доносил шум, непонятный для ушей Сэма. Венера смущала и страшила жителей Куполов.

Он прижал лоб к переднему иллюминатору и посмотрел вниз.

Перед ним разворачивался другой мир, мир колеблющегося света и зыбких угрожающе-таинственных контуров. Шевелились плавники рыб, пульсировали студенистые тела медуз, огромные раскрашенные губки покачивались в переменчивых потоках.

Мертвым курганом в этом ярком движущемся мире лежал опутанный водорослями остов затонувшего корабля.

Это было уже третье найденное ими судно, которое, по мнению Хейла, имело смысл поднимать. «Они в лучшем состоянии, чем кажутся, — уверял он Сэма. — Сплавы были что надо. В старое время мы вос-

становливали и не такое». Его голос дрогнул, и он поднял глаза к пустынной поверхности моря. В его воспоминаниях все было иначе.

...Когда-то много поколений назад море заполняли флотилии Свободных Компаний. Купола, как и сейчас, были спасительными прибежищами цивилизации, но между ними шли бесконечные войны. Войны велись не под водой, а на серой поверхности моря, с помощью наемных флотов. Победенный Купол выплачивал контрибуцию кориумом. Иногда, чтобы подтвердить серьезность обязательств, победители сбрасывали на противников несколько глубинных бомб, напоминавших жителям об их уязвимости...

Все это было в прошлом. Мощные форты захвачены джунглями, а морские гиганты лежат на песчаном дне. Лежат, но не разрушаются. Теперь это ясно. Их оплели водоросли, засыпал песок, но прочные корпуса совершенно не пострадали.

Хейл и Сэм обследовали участок побережья, на котором находились старые укрепления. Хейл помнил их еще заселенными. Он знал расположение гаваней и мог назвать, какое оружие было на каждом корабле. Два уже поднятых судна были почти готовы к выходу в море. В голосе Хейла снова появилось воодушевление.

— На этот раз они не удержат нас под колпаком, — говорил он Сэму, сжимая поручень и морщась от летящих в лицо брызг. — На этот раз мы прорвемся, чего бы нам это ни стоило.

— А стоять это нам будет прилично, — охладил его Сэм. — Гораздо больше, чем у нас есть. Даже больше, чем у нас когда-нибудь будет, если мы только не придумаем что-нибудь сногшибательное.

— Что?

Сэм задумчиво посмотрел на него, прикидывая, не пора ли посвятить Хейла в детали. Он уже несколько недель подготавливал своего партнера, потихоньку подталкивая его к решению, от которого без предварительной обработки Хейл бы решительно отказался.

Эту задачку Сэм собирался решать теми же методами, которые он почти инстинктивно применил, проснувшись в темной аллее, когда в горле у него

першило от запаха Стимулятора. За прошедшие дни он галопом проскакал тот же путь, что и за всю предыдущую жизнь, сосредоточив достижения сорока лет в нескольких коротких неделях. Дважды он приходил в этот мир беспомощным, без гроша в кармане, чувствуя в каждом человеке врага. Дважды он поднимался на вершины успеха. На этот раз он поставил ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей прямо к звездам. По крайней мере, он в этом себя убедил. Неудача исключалась.

Сначала он победил Малларда, переиграв его в кошки-мышки. Так он заполучил кориум и подошел к первой ступеньке. Сейчас ему снова был нужен кориум, но его противниками были Харкеры, а переиграть их будет гораздо труднее.

Вспомнив Малларда, он начал соображать, на какую удочку могли бы клюнуть его враги. Бесполезно. Ничего не придумать. У Харкеров есть все, чего только можно желать, их положение совершенно неуязвимо. Да, но есть еще Сари. Сэм знал, что если бы он смог ее чем-нибудь завести и одновременно подсунуть хороший наркотик, она почти наверняка может убить либо Захарию, либо себя. Либо их обоих. Это было его единственным оружием, очень ненадежным и, самое главное, не слишком эффективным. Конечно, он собирается убить Захарию. Но в данном случае его смерть делу не поможет.

Положение Сэма было очень похоже на то, с чем столкнулись первые покорители Венеры. Как и тогда, в его распоряжении были или слишком сильные, или слишком слабые средства. Прямое уничтожение ни к чему не вело, а для любого другого оружия противник был совершенно неуязвим.

Сэм знал, что он должен либо признать свое поражение, либо предпринять решительный шаг. Либо потерять все, либо получить кориум.

— Хейл, — решительно начал он, — если мы хотим получить достаточно кориума, чтобы продолжать Колонизацию, надо действовать совершенно другими методами. Мы должны разбомбить пару Куполов.

Хейл покосился на него и засмеялся: «Ну ты шутник!»

— Возможно. — Сэм пожал плечами и посмотрел в сторону развалившегося форта. — Предложи что-нибудь лучше.

— Я не мог бы предложить ничего хуже, — резко ответил Хейл. — Я не убийца, Рид.

— Ты Свободный Компаньон.

— Это абсолютно разные вещи. Мы.

— Вы воевали с одними Куполами по приказу других. Тогда это было необходимо. Вы занимались убийствами, грабежами, пиратством, в конце концов это была ваша работа. Проигравший Купол выбирал кориум или бомбардировку. Я понимаю — это был блеф. На самом деле ни один из них не бомбили. Вот и я предлагаю блефануть. Клань догадается, что мы блефуем, и мы будем знать, что блефуем. Но мы должны их переблефовать.

— Как?

— Что мы с тобой теряем, Хейл? У нас огромное преимущество: они в случае проигрыша теряют все, а нам, как говорится, терять нечего.

— Они все равно поймут, что мы не решимся это сделать. Никто нас даже не воспримет всерьез. Ты знаешь, что за люди живут в Куполах. Они очень инертны. Они не знают, что такое опасность. Они просто представить себе не смогут, что их начнут бомбить. Нас поднимут на смех. Это поколение уже утратило чувство самосохранения. Нам придется разбомбить один Купол и убить несколько тысяч человек, прежде чем они осознают, что с ними разговаривают серьезно. Я...

Сэм рассмеялся, не дав ему договорить: «Я так не думаю. Все мы люди. Правда, уже много поколений человечество не знало ни войны, ни других неприятностей. Но человек, просыпаясь, также боится свалиться с кровати, как его предок боялся свалиться с дерева. У человека по-прежнему раздуваются от гнева ноздри, и знаешь почему? Его предок должен был чем-то дышать, когда рвал зубами врага. Я не думаю, что мы избавились от наших страхов так просто, как тебе кажется».

— Ладно, что бы там ни было, я этого не сде-

лаю, — твердо сказал Хейл. — Это уже слишком. Не может быть и речи...

Сама угроза, прозвучавшая с общественных экранов, уже была как разорвавшаяся бомба. Его слова еще звенели над толпой, а в каждом Куполе царило мертвое молчание. Потом поднялась суматоха. Потом — смех.

Хейл был прав. Отчасти. В самом деле, никто не воспринимал только что созданный флот всерьез. Само существование Колоний зависело от поддержки Куполов. Не рискнут же они разбомбить свою собственную опору. А даже если они совсем спятили и начнут бомбардировку, каждый надеялся, что бомбы полетят не в его Купол...

Продолжая свое выступление по общественному телевидению, Сэм назвал Купол — Делавер. Назвал время — сейчас. Назвал условие — кориум.

Война началась.

Но у Сэма было в этой войне одно оружие, придававшее ему уверенность. Оружие было не очень сильным, но тем искуснее нужно было с ним обращаться. Оно обязательно должно сработать. Если он пустит его в ход, пути обратно не будет.

Это оружие, как и большинство других средств, которые человек использует против человека, было сугубо индивидуальным.

Он нашел Блейза Харкера.

Если разобраться, то все сводилось к конфликту между двумя людьми — Сэмом и Захарией. Клан Бессмертных правил Куполами, тон в Кланах задавали Харкеры, главой Харкеров был Захария. Захария мог и не знать, куда придется основной удар, зато Сэм знал наверняка. Он поставил все на карту, в надежде что именно эта карта выиграет, и очень тщательно продумал игру.

Конечно, он понимал, что у Кланов тоже есть свои козыри. В тот раз им удалось сохранить их в тайне до последней минуты, и, когда они пустили их в ход, Сэм со всеми своими планами стал из туза дешевой шестеркой. На этот раз все должно быть по-другому.

Блейза нашел Проньра. Когда ему сообщили об

этом, Сэм со всех ног помчался в его маленькую, вонючую берлогу на окраине Купола Делавер. Проныра, как и в первый раз, нанюхался Оранжевого Дьявола, и первые несколько минут тупо смотрел на Сэма, называл его Клэром и бормотал о каких-то делах, настолько древних, что даже Сэм их не помнил. Когда он дал Проныре выпить, его одурь понемногу рассеялась, и громоздкая туша, тяжело заворочавшись, поднялась на кровати.

— Я насчет этой харкеровской бодяги, сынок. У меня тут есть для тебя адресок... — Проныра говорил все это, непрерывно фыркая, сморкаясь и кашляя.

Сэм метнулся к двери.

— погоди, сынок, не дергайся. Поди-ка сюда. Куда это ты, интересно, собрался?

— За Блейзом.

— Ты его не достанешь. Его слишком хорошо стерегут.

— Я прорвусь!

— Сынок, на это уйдет недель шесть. Сначала тебе нужно будет выяснить, кому можно дать на лапу, чтобы просто попасть в тот квартал, где он находится. Потом подобрать хотя бы парочку двойников. Потом организовать группу прорыва. Потом...

— Ладно, ладно! Давай ближе к делу. Ты за это возьмешься?

— Не знаю. Попробовать можно.

— Тогда валяй! Сколько это займет? Я не могу ждать шесть недель! Управишься в три? — Сэм озадаченно замолчал, увидев, как огромное жирное тело начало сотрясаться от смеха, да так, что вся кровать зашаталась, словно от землетрясения.

— Забудь об этом, внучек. Все уже сделано. — Сэм впился в него глазами. Проныра просто задыхался от смеха. — Ты знаешь, что дедушка еще кое-что может. Правда, пришлось как следует попотеть, вспомнить пару старых финтов, но главное — дело в шляпе. Задержи-ка штору и выключи свет. А теперь смотри.

На противоположной стене появился освещенный квадрат. По нему побежали тени, искаженные неровностями штукатурки. Потом пошел фильм, снятый прикрепленной к поясу микрокамерой. Было видно,

что оператор перемещался очень неравномерно. Иногда он шел, и тогда изображение тоже шло гладко, ритмично покачиваясь. Иногда он бежал, и тогда картина начинала скакать... Когда он останавливался, все замирало вместе с ним. В целом возникало ощущение постоянного движения.

Первые секунды камера находилась перед толстой железной решеткой, расположенной, по-видимому, очень близко к объективу. Появились ноги в белых брюках, решетка, открываясь, качнулась и быстро замелькали дорожки парка, деревья и фонтаны. Очевидно, один из домов-крепостей Бессмертных.

Сам ход фильма передавал тревожное ощущение настороженности. Камера непрерывно поворачивалась то влево, то вправо, осматривая окрестности. Дважды было ясно, что оператор прячется в укрытие. Дверь или занавеска закрывали объектив, и все затемнялось. Потом опять покачивание при движении по коридору, передающее впечатление вороватого быстрого шага.

Вдруг скорость резко увеличилась — человек побежал. Стены запрыгали вверх и вниз и резко качнулись, когда он забежал за угол. Изображение почти полностью затемнилось — камера скользила почти вплотную к стене. Вот поднимается лифт со стеклянными стенками. Снова коридоры — бегом.

Остановка перед другой зарешеченной дверью. На экране — толстые прутья. Они становятся толще, расплываются и вдруг исчезают. Объектив вплотную прижимается к двери и заглядывает внутрь.

И вот, наконец, главная сцена. Все происходит очень быстро. Мелькает богато обставленная комната. На полу лежит человек. Над ним наклонились двое. Кажется, они борются.

Вдруг камера качается в сторону так резко, что изображение дергается. Затем быстрый взгляд вбок, потом — мельком — потолок, мельком — оскаленное лицо, склонившееся к объективу, и поднятая рука, в которой мелькает что-то металлическое.

Квадрат становится белым, щелчок, и все останавливается.

И начинается с начала. События повторяются снова. Очень медленно объектив еще раз подплывает к

прутьям решетки. Они тают, изображение фокусируется на комнате. Действие разворачивается с тягучей плавностью ночного кошмара. Становятся видны все детали. Можно подробно рассмотреть человека, который борется с двумя другими, которые пытаются прижать его к стене.

В комнате повсюду разбросаны подушки. Пол устлан мягким ковром, в котором проваливаются ноги всех троих. В уровень человеческого роста стены обиты дорогим бархатом. Мебель тоже мягкая, без углов.

Тот, кто борется, высокого роста, стройный и прекрасно сложенный. Его движения, несмотря на свою конвульсивность, странно грациозны. С первого взгляда кажется, что различить его черты невозможно, потому что лицо постоянно искажается гримасами. Из прокусанных губ течет кровь, а глаза внезапно закатываются так, что видны одни белки. Двое других пытаются натянуть на него смирительную рубашку.

Понемногу им это удастся. Все происходит в замедленном темпе, что лишает яростную схватку ее напряженности и делает похожей на балет. Высокий мужчина хлопает руками в длинных рукавах по бокам, закидывает голову назад и начинает беззвучно хохотать. Кровь течет по его подбородку. Дикий хохот сменяется вспышкой ярости. Больной со звериным коварством бросается в сторону, увлекая за собой одного из своих мучителей. Оба падают. Второй склоняется над ними, вся сцена прыгает и уплывает вверх. Фильм останавливается.

— Вот тебе и Блейз Харкер, — сказал Проньера, прерывая наступившее молчание. — Дай-ка мне выпить, сынок. И сам тяпни, я вижу, тебе это просто необходимо.

— ...и теперь мы больше не можем... — вещал Сэм в прямом эфире, обращаясь к тысячам слушателей. — Или вы даете нам кориум, на который мы имеем полное право, или мы не отвечаем за последствия. Прошло время торговли и обещаний. Пора действовать. Что скажешь, Харкер?

Под всеми морями, под всеми непроницаемыми сводами люди, затаив дыхание, следили за исполнен-

ным негодования лицом Сэма, многократно повторенным каждым экраном. Следили и ждали ответа. По мере ожидания в остальных девятнадцати Куполах поднимался все более внятный ропот. Происходящее интересовало чисто теоретически.

Но для Купола Делавер это был вопрос жизни и смерти. На улицах царило гробовое молчание, и, наконец, впервые со дня основания можно было услышать тихое монотонное жужжание, с которым тротуары описывали свои бесконечные круги.

Между тем, Захария продолжал тянуть с ответом. Наконец, когда его совершенное чутье подсказало ему, что пауза стала невыносимой, он из своего надежно скрытого кабинета подал знак оператору. На всех экранах лицо Сэма начало расплываться и отошло на задний план. Перед зрителями появились благородные черты Захарии.

— Рид, ты просто дурак, — голос Захарии звучал спокойно и лениво. — Всем ясно, что это детский блеф.

Сэм появился снова, а Захария ушел на второй план. «Я знал, что ты это скажешь. Я даже не исключаю, что ты и в самом деле так думаешь. Первым делом я постараюсь вас всех убедить. На это не потребуется много времени. Смотрите».

Лица обоих собеседников расплылись и исчезли с экранов. Вместо них начал появляться ослепительно яркий морской пейзаж. Солнечный свет пробивался сквозь облака, и серая вода сверкала синевой и золотом. Сквозь ослепительное сияние, вспарывая море острыми носами, прямо на зрителей надвигалась эскадра из пяти боевых кораблей.

Они были небольшими, но производили мрачное впечатление. Непробиваемое покрытие делало их очертания плавными и стремительными. Они были построены для вполне определенной цели — убивать, и казались смертоносными. Они и в самом деле несли смерть. Но страшнее всего делалось от ощущения их полной бездушности. Нигде не было заметно присутствия человека, за исключением нескольких неясных теней, маячивших в глубине рубок. Это были машины, созданные для разрушения и посланные оправдать свое назначение.

За кадром раздался голос Сэма: «Смотрите!» Мгновение спустя вода за кормой последнего корабля вскипела фонтаном белоснежных брызг, которые сверкающим дождем упали обратно в море.

Корабли потускнели. Некоторое время экран оставался пустым, после чего на нем появилась новая картина. На этот раз это был подводный мир, полный колеблющихся бликов зеленовато-желтого цвета: камера была недалеко от поверхности. В верхней части экрана покачивалась поверхность воды, по которой ходили укороченные тени волн. Его разламывали длинные острые днища удаляющихся кораблей — один, два, три, четыре, пять — отливающих металлическим блеском.

Экран потемнел, кили кораблей уходили наверх по мере того, как камера опускалась вслед за темным цилиндром, сброшенным с последнего корабля. Медленно падающая на дно венерианского моря бомба постоянно удерживалась в фокусе. Каждый обитатель Куполов чувствовал, как мурашками ползет по коже вопрос: «Куда?»

Море в этом месте было очень глубоким. Казалось, бомба падает целую вечность. Очень немногие следили за самим снарядом. Глаза большинства были устремлены на нижнюю кромку экранов, гадая, что же появится внизу... Песок!

Едва он показался, бомба взорвалась. Фокусное расстояние мгновенно изменилось так, чтобы стали видны результаты взрыва. Хотя различить что-либо было трудно. Наверное, это и было страшнее всего — крутящийся, бурлящий подводный хаос, мутное пятно на весь экран и низкий гудящий звук взрыва, отчетливо переданный через подводные микрофоны.

Все перемешалось и снова замерло.

И замерло не только на телеэкранах. В Куполе Делавер взрыв был слышен и без трансляции. Взрывная волна глухо ударила в огромный непроницаемый свод. На самом деле или только показалось, что Купол сотрясла чуть заметная дрожь?

Вздрыгнул ли Купол — спасительный Купол! — когда подводный Титан обрушил свой тяжелый молот на морское дно?

Звук замер. И снова тишина.

Высоко наверху, на флагманском корабле Сэм сдвинул звукопоглощающие панели на место и повернулся к вспомогательному экрану.

Поступило сообщение.

По каналу секретной связи не передавались ни изображение, ни голос. Но Сэм расшифровывал принимаемый код совершенно автоматически.

— Кедр Волтон покинула Купол Монтана час назад. В данную минуту входит в Купол Делавер.

Сэм инстинктивно оглянулся и включил персональный шифратор.

— Она знакома с ситуацией?

— Вряд ли. Она все узнает с общественных экранов в Куполе Делавер.

— Сари получила, что требуется?

— Сразу же, как Кедр вылетела из Монтаны. Как раз сейчас Сари принимает порошок.

С другого экрана настойчиво пищал вызов. На нем показался Робин Хейл.

— Рид! Ты контролируешь обстановку?

— Включаюсь, — ответил Сэм, возвращаясь на связь с Куполами. Он выждал еще секунду, вглядываясь в глаза Захарии, словно пытаясь прочесть его мысли. Ему так и не удалось стереть торжествующую, хотя на этот раз напрасно торжествующую! — улыбку со спокойного богоподобного лица Бессмертного.

Потому что его планы работали четко. Он очень тщательно выбрал время. Выбор критической точки отсчета «ноль» зависит от момента, когда Кедр Волтон появится в Куполе Делавер. Когда имеешь дело с Бессмертными, психологические расчеты куда важнее глубинных бомб.

Как раз в это время Сари Волтон должна держать в руках наркотик, который Сэм, пользуясь своими новыми связями в преступном мире, предусмотрительно для нее приготовил. Наркоманы обычно не задают вопросов. Она наверняка приняла порошок в ту же минуту, как он оказался у нее в руках. Но на этот раз он слегка отличался от обычного.

В него было подмешано еще кое-что.

Нервы Сари, взвинчиваясь с каждым новым потрясением, как раз в это время должны были натя-

нуться до предела. Сейчас ее мозг должен так накалиться, что мог разрушить хрупкие механизмы торможения, которые еще удерживали ее от безумия. Сейчас она взорвется от прикосновения пальца. А направление этого взрыва было уже подготовлено ее окружением и всем образом жизни. Кроме этого, она родилась под той же звездой, что и Блейз Харкер. Это был не Марс. Это была роковая планета Земля, холодно светившая сквозь венерианские облака, награвившая Сари ее страшным наследием потенциального безумия.

— Рид, — спокойно сказал Захария, — не старайся нас обмануть. Ты не разрушишь Купол Делавер.

— Это была первая бомба. Мы приближаемся к Делаверу. Бомбы будут падать каждые пять минут, пока мы не остановимся у вас над головами. Но бомбардировка при этом не прекратится.

— Ты подумал о последствиях?

— Да. У нас есть радары и система противовоздушной обороны. У нас есть управляемые ракеты. В Куполах нет никакого оружия. Кроме этого, они под водой. Жить под водой безопасно, но только до тех пор, пока на тебя не нападают. У вас нет ничего для ответного удара. Вы можете только ждать своей смерти.

Его голос передавался по каналу общественной связи. Сэм переключился на один из служебных каналов и стал наблюдать за огромной толпой, собравшейся на перекрестке тротуаров у общественного экрана. Это место во всех Куполах напоминало муравейник, к которому по многочисленным дорожкам спешили муравьи. Это были не рыжие муравьи-воины, а маленькие черные — трудяги и строители. Что же, строители тоже нужны наверху.

Однако сейчас он не строил, а воевал.

Его слегка беспокоил Хейл. Он был не совсем уверен в Свободном Компаньоне. Если дело дойдет до развязки, решится ли он бросить бомбу на Делавер? А решится ли он сам?

Он не должен допустить, чтобы дело зашло так далеко.

Как раз сейчас Кедрa должна подходить к кре-

пости Харкеров. Теперь она наверняка знает, что случилось — информация передается со всех экранов Купола, — и спешит поскорее встать на сторону Захарии. Конечно же, Захарии, которого она любит вот уже несколько столетий. Но ее любовь к нему не похожа на ровное горение электрической лампочки. Она скорее напоминает движение планеты, которая то устремляется к своему солнцу, то капризно убегает от него. Но как бы причудливо не изгибалась ее орбита, она все равно возвращается. Нет, в такой напряженной ситуации она несомненно захочет быть рядом с Захарией.

— Еще бомба, — скомандовал Сэм.

Снова поехала видеокамера. Падает следующая бомба. На этот раз она попадает в скалу. Все экраны заполняет картина взрыва, сопровождаемого долгим раскатистым громом. Толпы внизу, качнувшись к экранам, отхлыывают назад, в точности, как водоросли в морской воде.

И снова рев настоящих волн сопровождает волны, ревущие в телевизорах.

На этот раз никто не сомневался. Купол Делавер в самом деле слегка вздрогнул.

Всюду полная тишина. Жужжат тротуары. Люди в Куполе ждут, собравшись в небывало большую для Венеры толпу. Стадо, которым до сегодняшнего дня руководили Бессмертные, сбилось в кучу и следит за схваткой между своим пастухом и хищником.

— Может, хватит? Клань, может, не очень страдают, а вот простые люди? Вы что, боитесь отпустить простых людей на континент? Боитесь, что не сможете ими там управлять?

— Любый человек, который хочет записаться добровольцем в Колонию, вправе сделать это, — ответил Захария. — Как раз в Куполах все люди свободны. Это вы хотите превратить их в рабов. Люди на сушу не пойдут, время еще не пришло. Сейчас еще слишком опасно. Вам не набрать добровольцев. Вы говорите, что вам нужен кориум. Но я думаю, это только начало. Потом вам понадобятся рабы для новых колоний.

— Время слов прошло, — Сэм говорил, зная, что его голос слышен в каждом Куполе на Венере. —

Значит, так: давайте нам кориум или мы бомбим Делавер!

— Вы не будете бомбить Купол. Почти полмиллиона людей погибнет.

— Вы готовы отдать столько, чтобы остановить Колонизацию! Недорого, правда? Может, ты и хочешь погибнуть в Делавере, а как остальные Бессмертные? Пошел слух, что все Харкеры, кроме тебя, уже покинули Купол, и что тебя поджидает спасательный катер. Куда же это вы собрались?

Захария не рискнул пренебречь вызовом. Сэм знал, что у него тоже есть служебный экран, на котором он видит собравшуюся в Куполе толпу. Престиж Харкеров и вообще Бессмертных держится на безграничном доверии к ним. Народ не пойдет за полководцем, если тот не идет впереди него.

Захария огляделся и отчеканил. Он говорил для Сэма и для всех жителей Куполов. «Никто из Бессмертных не покинул Делавер. Я говорю из Зала Совета в доме Харкеров. Ты можешь в этом убедиться».

На экране появился хорошо знакомый Зал Совета, в котором не было никого, кроме Захарии, сидевшего во главе длинного стола перед видеокамерой.

Дверь открылась, и вошли мужчина и женщина. Рауля Сэм узнал сразу. Он всматривался в другое лицо.

Правильно ли он рассчитал время?

— В остальных Кланах... — продолжал Захария. — Сейчас мы дадим обзор.

На экране стали появляться другие Залы Советов — святая святых Купола Делавер. Все они быстро заполнялись. Клан Рандольфов, Моусонов, Давидсонов и Вудов... Но реальная власть в Делавере принадлежала Харкерам, это знали все. Снова в фокусе оказался Захария. Джеффри, Рауль и еще несколько человек сидели сзади за длинным столом. Сэм поискал глазами Сари. Она была здесь. Вот бы ее крупным планом! Приняла она допинг или нет?!

Сари сидела неподвижно. Но внезапно ее руки сжались, и она с силой ударила кулаками по столу. Все ясно.

— Твой очередной блеф не прошел, — произнес

Захария. — Никто из Бессмертных не покинул Купол.

— Это только значит, что вы все предпочитаете умереть, чем поделиться с нами крошкой кориума. Ну что ж, ваша жизнь — это ваше дело. Но кориум не ваш. Он принадлежит народу. Они его создали, и они его хозяева, по крайней мере, должны ими быть. Вы не имеете права решать — жить им или умереть.

— Мы тоже народ.

— Ты лжешь! Что ты знаешь о нас? Вы боги! Вы ничего не знаете об обычных людях, которые всю свою короткую жизнь должны горбатиться за гроши. Но даже этого они не видят. Все их деньги уходят к вам. Все достается вам, потому что вы только ждете и ничего не делаете. Они поработают на вас, потом заведут детей и умрут, а их дети начнут работать... Вы можете откладывать Колонизацию, ведь вы-то успеете погулять под открытым небом, солнцем и звездами. У вас хватит времени узнать, на что была похожа жизнь в прежние дни на старушке Земле. Вы еще и к другим планетам полетите. Вам снова достанется все... А как же мы? Мы умрем, и наши дети умрут, и дети наших детей... Что же нам только потеть и строить для вас пирамиды, которых мы никогда не увидим? Вы не народ! — его голос сорвался в крик. — Вы даже не люди! Вы — Бессмертные.

— Мы правим вами по вашей же воле. Потому что мы самые опытные.

— Опытные? — переспросил Сэм. — А где Блейз Харкер?

— Он в данное время не в Делавере...

— Прямой канал, — запросил Сэм.

Повисла пауза. Потом Захария сделал знак рукой. Во всех Куполах экраны побледнели и выключились. Диалог шел теперь только между двумя телекамерами — Сэма и Харкеров.

Сэм тоже переключился на прямую связь. Он сказал: «Я знаю, где Блейз Харкер. У меня есть видеофильм о нем. Я могу выпустить его в эфир, и ты увидишь, что останется от престижа Бессмертных, когда люди узнают, что вы тоже можете свихнуться». Сэм услышал, как сзади запищал динамик. Он мгновенно

расшифровал: «Кедра Волтон входит на территорию Харкеров...» Уже скоро.

Внезапно динамик запищал опять. Сэм заворожено вслушивался: «Послушай, что делается в Куполах. Выйди на связь. Послушай...».

Ему этого очень не хотелось. Отвлекаться на что бы то ни было не входило в его расчеты. Слишком многое зависело от каждой секунды именно сейчас. Его расчеты, удача, все могло рухнуть, если хоть что-нибудь не сработает. Он не хотел отвлекаться, чтобы ни на мгновение не снижать давление на Харкеров. Но он все-таки переключился на служебный канал и невольно замер, вслушиваясь.

Внизу, в Куполах, экраны не светились. Люди были отрезаны от этого небывалого разговора об их жизни и смерти как раз тогда, когда он дошел до самой критической точки!

И людям это не нравилось.

Тяжелая волна гнева поднималась над плотно спрессованной многотысячной толпой. Она мрачно стояла, придвигаясь ближе к экранам, как будто это могло заставить их включиться. Гневный ропот нарастал с каждой секундой. То там, то тут голоса переходили на крик и звучали все требовательнее. Им нужно было отвечать. Причем быстро, очень быстро.

Сэм вернулся к Харкеру, который ждал его на канале прямой связи. В Зал Совета тоже доносилось отдаленное эхо бушевавшего на улицах гнева. Значит, и они наблюдали за состоянием толпы. И тоже знали, что счет идет на секунды. Сэм ухмыльнулся. Прекрасно. Лучше и быть не может. Он заставил их пошевеливаться, неважно, поняли они это или нет. Бессмертным никогда еще не приходилось испытывать такого давления. Они не привыкли жить в таком темпе. А Сэм под таким давлением прожил всю жизнь. Ему пришлось научиться реагировать быстро. Теперь главное — говорить и говорить без остановки...

— Престиж Бессмертных! — воскликнул он в микрофон прямой связи. — У вас нет никакой связи с людьми. Что вы знаете о человеческих чувствах, вы, Бессмертные! Верность, преданность — не превраща-

ются ли они во что-то другое за несколько сотен лет?
Я рад, что я простой смертный!

Захария мгновенно напрягся. Это прозвучало неискренне, и он сразу распознал фальшивую ноту. В таком духе можно ораторствовать перед толпой, но паясничать в высоком стиле по каналу прямой связи? Дутая героинка хороша для безмозглой толпы, способной только слушать, не рассуждая. Или для какого-нибудь узкого умишки в этом зале, запутанного и одурманенного...

Сэм увидел, как понимание мелькнуло на лице Бессмертного — поздно, парень! Ему оставалось сказать совсем немного, и он уже было собрался это сделать, когда увидел, что дверь за спиной Захарии открывается и понял, что рассчитал все тутелька в тутельку.

— Таким, как ты, всегда все можно! — орал Сэм. — Можно подобрать влюбленную дурочку, попользоваться ею какое-то время и вышвырнуть вон, когда ты надумаешь опять вернуться к своей шлю...

В Зал Совета медленно входила Кедр Волтон. Уголкем глаза Сэм увидел, как качнулись золотисто-зеленые волосы Сари, поднялись ее плечи, сбрасывая тяжелую блестящую шаль. Но все его внимание было приковано к Кедре.

Она как будто ничего не слышала. Изысканно-элегантная, она прошла через зал, слегка откинув назад голову, словно длинные иссиня-черные волосы были слишком тяжелы для ее стройной шеи. На ходу она расстегнула серебряный плащ, упавший на пол сверкающими складками, и поспешила к Захарии, протянув к нему свои белые тонкие руки.

Сэм был уверен, что так все и произойдет. Слишком много десятилетий объединяло их, чтобы она могла оставить его в такую минуту. Они так долго кружились по одним и тем же орбитам, что стали единым духом и единой плотью, способными безошибочно действовать лишь тогда, когда они вместе. И Захария никогда так не нуждался в своей половине, как сейчас. Она спешила к нему изо всех сил. Все в Зале Совета видели, что эти двое — одно целое, и случившееся еще больше сближало их.

Сэм тут же перевел взгляд на Сари. Захария тоже. Но было уже поздно. Они оба знали, что с ней происходило за секунду до этого, но остановить ее было уже невозможно. Все было рассчитано идеально. На Сари обрушивался удар за ударом, и это, наконец, вызвало детонацию. Подготовленный наркотиками взрыв произошел.

Ее поведение можно было легко предсказать: Сари ненавидела и Кедру, и Захарию. А теперь ее ненависть достигла критической точки.

В считанные секунды благородное собрание Бессмертных превратилось в дикую, вульгарную сцену. Десяток мужчин навалилось на Сари, пытаясь разжать ее намертво вцепившиеся в горло Кедры пальцы.

Сэм щелкнул переключателем и увидел свое лицо, появившееся на огромных общественных экранах далеко внизу. Глухой ропот толпы, нараставший медленно, но неуклонно, мгновенно замер, когда Сэм начал взывать:

— Харкер, Харкер! Где ты? Выйди на связи!

Взорвалась еще одна бомба.

Перекрывая нарастающие раскаты взрыва, перекрывая зловещий скрип пошатнувшегося Купола, над городом снова и снова раздавался голос Сэма:

— Харкер, где ты? Если Харкеры покинули Купол, кто остался за них? Кто-нибудь, ответьте мне!

Лицо Захарии резко и без наплывов сфокусировалось на экране. Он тяжело дышал. Из глубокой царапины на щеке текла кровь. Но в голосе звучало ледяное спокойствие.

— Мы не покинули Купол. Мы только...

Он не закончил. Рев голосов перекрыл его слова. Это разбушевалась толпа в Куполе Монтана. Впервые в истории Венеры случилось так, что голос народа поднялся над сводом города. Впервые с тех пор, как Бессмертные присвоили себе право на власть, люди осмелились это оспорить.

И не просто оспорить. Поднявшийся шум означал ни больше ни меньше, как отрицание этого права. Захария беззвучно шевелил губами, обращаясь к толпе, но ни единого слова невозможно было разобрать сквозь нечленораздельный рев.

Людам показалось, что Купол уже разрушен. За-

хария, внезапно появившийся на экране после какого-то непонятого происшествия, тяжело дышащий, с окровавленным лицом, представлял из себя ужасное зрелище. Купол над ними все еще скрежетал под ударами падающих бомб, и даже неуязвимые Бессмертные, казалось, были охвачены паникой.

Толпа редела от страха. Она все громче и громче требовала капитуляции.

И тут Сэм сделал свою первую ошибку.

Ему нужно было бы отступить на задний план и предоставить событиям развиваться своим чередом. Но вид Захарии, невозмутимо-спокойного даже среди поднявшегося переполоха, вызвал в нем бешеное желание ударить кулаком в это хладнокровное, неподвластное времени лицо и бить до тех пор, пока он, наконец, не признает свое поражение. У кого-нибудь другого несгибаемость Бессмертного могла бы вызывать восхищение, но только не у Сэма.

Кулаками Захарию было не достать, и Сэм хлестал его гневными фразами.

Первых слов, которые он проорал, никто, кроме Бессмертных, не разобрал. Но когда его красное перекосенное лицо сфокусировалось на висящих над бушующей толпой экранах, шум начал понемногу стихать. Теперь Сэма слышали все.

— ...сдавайтесь! — надрывался он. — Харкеры не способны управлять вами! Харкер, давай нам наши деньги или покажи, что случилось у тебя в Зале Совета! Покажи! Мы хотим знать, что делается с вашей хваленной мудростью в трудную минуту! Нет, подожди — я покажу вам. Жители Куполов! Сейчас вы увидите Блейза Харкера и поймете, какой он..

По экрану пробежала тень. Захария сделал нетерпеливый жест, и лицо Сэма уплыло на задний план, продолжая беззвучно орать и гримасничать. К охваченным паникой толпам снова склонилось богоподобное лицо Бессмертного.

— У меня есть для вас новость, граждане Куполов, — спокойно сказал он. — Можете успокоиться. Никакая бомба сюда не попала. И не попадет. Этот человек — не тот, за кого он себя выдает. До последней минуты я не хотел раскрывать его тайну, но теперь время пришло. Йоиль Рид сказал вам, что он

никогда не знал своего отца. Он поклялся стереть позорное пятно со своего имени и дать вам новый шанс на покорение континента взамен того, который украл у вас Сэм Рид. — Он сделал паузу.

— Этот человек — Сэм Рид.

После наступившего молчания внизу снова поднялся возбужденный гул. Захария позволил им немного пошуметь, потом поднял руку и продолжил.

— Мы располагаем неопровержимыми доказательствами. Рисунок сетчатки и отпечатки пальцев совпадают. Наши эксперты не могли ошибиться. Перед вами Сэм Рид, мошенник и наркоман, снова наобещавший вам с три короба! Можете ли вы теперь верить его словам? Говори, Сэм Рид, Купола ждут! Пообещай еще что-нибудь! Говори с людьми, которых ты однажды ограбил! А может, ты будешь отрицать, кто ты такой? Может, нам нужно предъявить доказательства? Ответь нам, Сэм Рид!

Сэм не стал мешать тому, чтобы его лицо снова появилось крупным планом на всех экранах. Сзади тенью маячил Захария — рот полуоткрыт, а из разодранной щеки течет кровь. Все еще тяжело дыша, Бессмертный напряженно ждал ответа.

Захария Харкер потерял самообладание.

Сначала никто этого не понял, даже Сэм. Сэм знал только одно — сейчас он должен соображать так быстро, как ему не доводилось еще никогда. У него есть секунд пятнадцать, которые можно списать на намеренную паузу. После этого он должен говорить. Где-то в глубине его мозга уже был готовый ответ. Он знал это, он мог чуть ли не потрогать его. Но эти десять или пятнадцать секунд он словно шарил в темноте.

Наконец он его нащупал. Захария допустил непоправимую ошибку. Харкеры не привыкли думать быстро. Бессмертные отвыкли мгновенно оценивать грозящую опасность, видеть все ее стороны, прикидывать все возможности и инстинктивно находить оптимальное решение. Захария был Бессмертным. Он не умел думать так, как обычные люди. Его мозг был настроен на годы и десятилетия, а не на дни и недели, как у простого смертного.

Сэм засмеялся. «Нет, — сказал он, — я не буду

отрицать этого. Но я хочу честно загладить свою вину. Я просто обязан это сделать. Я не сказал вам всей правды — что ж, приношу свои извинения. Харкер прав — я Бессмертный!»

Он помолчал, чтобы информация переварилась. «Мне было сорок лет, когда они прыснули мне в лицо Стимулятором Грез, — медленно рассказывал он. — Еще сорок лет меня не было. Посмотрите, разве я похож на восьмидесятилетнего? Глядите, вот!»

Он наклонил голову и, надавив на глаза, вынул контактные линзы. Потом сплюнул фальшивые зубы, стянул с головы рыжий парик и улыбнулся так доверительно, что сердца тысяч стоящих под экранами людей согрелись симпатией.

Перед ними было лицо сильного, волевого человека. На нем еще были следы только что бушевавшей ярости, но не было никаких следов старения. Даже лысый череп не казался следствием возраста — настолько правильными и строгими были его очертания, выдававшие харкеровское происхождение. Это лицо дышало энергией и жизнелюбием, но оно не было лицом Бессмертного.

— Смотрите внимательно! Разве я похож на Бессмертного? Я — человек, такой же, как и все вы. У какого Бессмертного вы найдете такое сложение? Но я прожил восемьдесят лет! — он отступил назад и посмотрел на них пронзительным, едва не свирепым взглядом.

— Я был такой же, как вы. Но я жил на суше. И я сделал величайшее открытие. Я узнал, почему Бессмертные не хотят отпустить вас наверх. Сейчас вы поймете, почему они так стараются заморозить колонии. Слушайте, я скажу вам...

— Вы все можете быть бессмертными!

Прошло пять минут, прежде чем страсти хоть чуть-чуть улеглись. И даже после этого Сэм был почти единственным, кто услышал усталый голос Захарии Харкера:

— Отлично, Сэм Рид. Ты получишь кориум. Что это было — очередное надувательство? Если нет — тогда вперед. Дай им бессмертие!

Часть III

*Так смог Израиль пройти средь вод,
Застывших по сторонам;
И ночью и днем дорогу вперед
Господь указывал нам...
Я эту страну, куда мне не войти,
Вижу в далекой мгле.
Лети же, усталое сердце, лети
К обетованной земле.*

Х а у с м а н, ок. 1900 г.

Разводы фантастической фрески занимали всю стену: зеленое море с примесью белого и пурпурного омывало подножия бархатистых коричневых холмов. Такие холмы и берега были когда-то в давно уже несуществующем мире. Художник, расписавший стены, не имел ни малейшего представления о том, как должны выглядеть голые склоны и залитое солнцем море. Неправдоподобие пейзажа граничило с курьезностью. Оно тем более бросалось в глаза, что в самой середине фрески был вмонтирован экран, на котором шумело настоящее море, упираясь в настоящий, заросший неукротимыми джунглями берег. В сторону берега направлялся катер, оставляя за собой расходящийся веером след.

В комнате с расписанными стенами сидели двое, наблюдая за картинами из жизни надводного мира, которые разворачивались высоко над ними. Кедр Волтон сидела скрестив ноги на брошенной на пол плоской подушке. Она раскладывала пасьянс из карт Таро на стоящем перед ней низеньком стеклянном столике и изредка посматривала на сверкающий экран. Захария Харкер сидел в глубоком кресле и, не отрываясь, следил за движением катера.

— Все же решились, бедное дурачье. Решились, —

пробормотал он, скорее про себя. В одной руке он держал миниатюрную кадильницу с курящимся порошком и легонько покачивал ею перед лицом. Порошок был сделан из коры дикого винограда, которая выделяла белый ядовитый сок, способный мгновенно убить пробегающее животное. Высушенная и подожженная, эта кора издавала легкий наркотический аромат, который убаюкивал чувства и успокаивал разум. Чуть расширенными ноздрями Захария глубоко втянул дым и медленно выдохнул его через рот. «На этот раз Сэм Рид откусил больше, чем может проглотить».

— Фу, как вульгарно ты говоришь, — промурлыкала Кедрa и подарила ему ослепительную улыбку. Улыбка получилась ослепительной в буквальном смысле — Кедрa сегодня выглядела в соответствии с самым последним криком современной моды. Ее тяжелые черные кудри были вызолочены — каждая отдельная волосинка покрыта тонким слоем позолоты и тщательно уложена так, что прическа возвышалась над ее узким египетским лицом наподобие массивного шлема. Даже брови были тщательно вызолочены, а каждая ресничка заканчивалась крошечным золотым шариком.

— Ты выглядишь несколько глуповато, — прищурившись, заметил Захария.

— Я выгляжу просто глупо. Я проверяю, насколько далеко я могу зайти. Понимаешь ли, каждая женщина...

— Смотри! — Захария резко выпрямился в своем кресле, вперив глаза в экран. Кедрa повернулась, держа поднятую над столом карту, и они оба замерли, замороженные видом неотвратимой трагедии. Происходившее казалось фантастическим вымыслом.

Катер, собираясь пристать, как раз огибал длинную дугу волнореза, который защищал белый, выдающийся в белесое море пирс. На его борту было десять пассажиров, молодых женщин и мужчин — охотников за обещанным бессмертием. Они смотрели в сторону берега. В их быстрых, нервных движениях угадывалось возбуждение — из-под надежного купола они шагнули навстречу романтике и опасностям таинственного и непонятного надводного мира. Подо-

бно юношам и девушкам, которых в древние времена бросали на съедение Минотавру, они зачарованно смотрели на приближающиеся джунгли и на невысокие белоснежные стены Колонии Плимут, расположенной на острове.

Чудовище, поднимавшееся из воды, не было Минотавром, но, казалось, тоже поджидало жертву. В морях Венеры обитало множество гигантских рептилий. Большинство из них даже не имели названий. Во всяком случае, ни один из пассажиров катера никогда прежде даже не представлял о существовании медленно вырастающем из воды у самого борта. Вода, как складки дорогого белого шелка, струилась с огромного, изящно выгнутого тела. Отливающая синевой чешуйчатая шея лениво извивалась на высоте нескольких метров. Из разинутой пасти, в которую могла свободно пройти человеческая голова, раздавалось шипение. Сверкнули две четко очерченные линии огромных клыков.

Крики и визги, казалось, заглушили шум двигателя, перепуганные люди толпой бросились к противоположному борту. Голова чудовища нырнула вниз и змеиная шея изогнулась наподобие толстого каната. Бесконечная грация была в этом гибком и плавном извиве. Жертвой должна была стать молоденькая девушка, стоявшая на самом носу. Рыжеволосая, в коротком красном платье, она ярким пятном выделялась на бледной поверхности моря.

Какой-то миг на суденышке царила полная паника. Капитан наклонился к пульту и нажал клавишу. Его движения были безупречны в своей точности. Чувствовалось его полное презрение к происходящему. С бортов катера выдвинулись прозрачные полусферы, сомкнувшиеся с легким щелчком над головой пассажиров.

Клыкастая пасть с размаху ударилась о непроницаемый свод. Катер, перевернувшись куполом вниз, отлетел далеко в сторону. Люди, мужчины и женщины, полетели вверх ногами, сбившись в кучу. Острый киль сверкнул на солнце и полоснул прямо по торчащей из воды шее чудовища.

Несколько секунд над поверхностью моря висел пронзительный, душераздирающий вопль. Голова ре-

птилки взмыла к облакам, извивающаяся шея резко выпрямилась и из открытой раны ударил фонтан ярко-красной крови, поразительно похожей по цвету на платье рыжей девушки.

Вопль повторился снова, еще более пронзительно. Кровь хлестала не только из горла, но и из разинутой пасти. Чешуйчатая шея дважды с силой ударила по воде и, скользя вниз, скрылась. Расплывающееся алое пятно очень красиво смотрелось на молочной поверхности моря.

Катер выровнялся и направился к пирсу.

Кедра положила карту в нужное место и расхоталась.

— Ай да капитан! До чего же ему все надоело! Знаешь, я бы не удивилась, если бы оказалось, что Сэм Рид нарочно приготовил этого зверя, чтобы устроить спектакль для своих добровольцев. Представляю себе, что они будут потом рассказывать!

— Ты недооцениваешь Рида, дорогая, — серьезно ответил Захария, поднося кадку к самому носу. — Он может сделать не только это, но и более страшные вещи, если почувствует какую-то выгоду для себя. Он очень опасный человек, Кедра, и не потому, что он на многое способен, а потому, что у него нет никакой ответственности за свои поступки.

Кедра наклонила свой сверкающий золотой шлем. «Ты, конечно, прав. Здесь не до смеха. Кому могло прийти в голову, что он дойдет до открытого пиратства! Я думаю, мы еще и не такое увидим, если ему опять что-нибудь понадобится, и он не найдет для этого законного способа. Мы столкнулись с серьезной проблемой, Захария».

— А как твои чувства к нему, дорогая? Они еще не остыли?

Она не подняла глаз, почувствовав в его вопросе вполне недвусмысленные интонации. Вместо этого она длинным ногтем приподняла несколько карт и отыскивала карту с изображением Повешенного. Она, как впрочем и все остальные, была прекрасно выполнена. На золотом с алмазными гранями фоне был изображен человек, подвешенный за правую ногу на Т-образом дереве. Его безмятежное лицо и свисающие

вниз рыжие волосы окружал золотой ореол. Кедр перевернула карту и задумчиво посмотрела на маленькое нарисованное лицо.

— Не спрашивай меня об этом, Захария.

— Тебе все равно придется ответить на этот вопрос, дорогая. Это уже не мимолетное увлечение. Этот человек — Бессмертный.

— Я знаю.

— Ты знаешь, кто он?

Кедр быстро взглянула на него: «А ты?»

Захария кивнул, вдохнул еще немного дыма, помахал рукой, развеивая окутавшее его лицо облако дыма, и сказал: «Он — Харкер, Кедр. Ты знаешь про Блейза?»

— Теперь да. Теперь, по-моему, все знают. Намеки Сэма были достаточно прозрачны, чтобы от престижа Харкеров ничего не осталось. А сам-то он знает, Захария?

Бессмертный негромко рассмеялся. «В том-то и весь парадокс. Нет, он не знает. Он столько сил и средств потратил на то, чтобы дискредитировать нас! Харкерам теперь никто не верит. Хотел бы я посмотреть на его лицо, когда он обнаружит, что погубил свое собственное имя!»

— Наверное, «погубил» это не совсем точное слово?

— Ну, разумеется, все поправимо. Мы можем снова добиться уважения в обществе. Возможно, мы и в самом деле ошибались. Мне начинает казаться, что выступая против колонизации, мы были неправы. Но в искренности наших взглядов на будущее нельзя сомневаться, и это все знают. Сэм по-прежнему мыслит как простой человек. Когда мы захотим, чтобы общественное мнение начало склоняться в нашу пользу, мы этого добьемся. Но сейчас мне представляется, что самое оптимальное — это наблюдать и выжидать. Дадим ему шанс. Колонии в самом деле должны добиться успеха. Более того, как бы мне это не было неприятно, но здесь нам придется сотрудничать с Ридом.

Кедр перевернула карту и хотела положить ее обратно на столик, но замешкалась. С легкой улыб-

кой глядя на нарисованное лицо, она задумчиво произнесла:

— Какое-то время, да. Он дурной человек, Захария. Однако, признаюсь, я к нему равнодушна. Надо уступить ему дорогу, и пусть он дойдет до самой вершины. Карабкаясь наверх, он может сделать больше, чем любой из нас. Он готов свернуть горы, чтобы построить для себя надежное основание. Пусть строит. Он возведет пирамиду, которая окажется готовой, работающей социальной системой. Но не больше. Дальше его пускать нельзя. У него нет конструктивной концепции развития. Здесь его придется остановить.

— Это я понимаю. Но весь вопрос — как?

— Боюсь, что придется использовать его собственные методы. Сбить с правильного курса. Использовать его слабые стороны, а сильные повернуть против него самого. Забросить приманку, а потом... — Она выразительно улыбнулась и пощелкала по карте длинным ногтем.

Захария ждал.

— У меня нет еще конкретного плана. Но, мне кажется, что-то начинает вырисовываться. Мне нужно время, чтобы подумать. Если получится, мы используем такое оружие, против которого он будет беспомощен.

— Оружие?

Вызолоченные брови выгнулись. Она посмотрела на него из-под тяжелого золотого шлема и слегка втянула уголки губ, отчего ее неуловимая египетская улыбка стала больше похожей на гримасу боли. Позолота делала ее лицо похожим на маску. Она снова постучала ногтем по карте. Как хорошо ни знал ее Захария, он не мог догадаться, о чем она сейчас думает. Такое выражение он видел на ее лице впервые.

Он молча перегнулся через стол, чтобы рассмотреть карту. Десятка пик. Десять позолоченных пик отчетливо выступали на фоне красного, опускающегося в серое море солнца. Они стояли вертикально, а их острия пронзали лежащее на земле мертвое тело.

Наступил день, когда в Колонию Плимут прибыли, наконец, все добровольцы. Сэм нетерпеливо, хотя

и не без опасений, ждал этого дня. Впрочем, нетерпение было сильнее: Он всегда предпочитал открытую схватку, наверное потому, что его прежние противники очень любили прятаться в тени. Но сейчас он решал чисто психологическую задачу. Предстояло произнести речь для тысяч искателей бессмертия — простую и убедительную.

Сидя перед рядами телеэкранов, он глубоко вздохнул, охватывая взглядом аудиторию. Все. Можно начинать.

— Вы — группа специально отобранных людей. Вас тщательно осматривали и изучали. Все вы прошли основные тесты. Это далеко не просто. Нам нужен отборный, самый крепкий и надежный материал из всего, что есть в Куполах, потому что вы — группа прорыва в Бессмертие.

Он сделал паузу, переводя взгляд с экрана на экран, всматриваясь в тысячи лиц, которые, в свою очередь, всматривались в его собственное.

— Бессмертие может получить не каждый. После определенного времени в организме начинают появляться признаки одряхления. Они необязательно проявляются мгновенно и в одних случаях проступают раньше, чем в других. Мы не знаем, отчего наступает старость, но мы знаем, как ее остановить. Возможно, что старость — это просто вирус. Когда-нибудь мы его обнаружим. Сейчас мы знаем только, что существует средство, которое нейтрализует старение. Но оно редко работает на тех, кому за сорок. Стрелка их весов качнулась слишком далеко, у них начался необратимый процесс.

Он пытался проникнуть взглядом сквозь экраны. Эти застывшие в ожидании люди были источником скрытой опасности. В его руках была мина замедленного действия и ему нужно постараться задержать взрыв до последнего момента.

— Ваше здоровье и психика проверены. Вы — цвет Куполов. Вы будете первыми, кто получит бессмертие. Позднее придут другие, но вы — наша гвардия, передовой отряд. Вы облегчите эту задачу для остальных, а они, в свою очередь, дадут вам возможность наслаждаться жизнью, когда вы уже будете пожинать плоды. Но для этого придется работать.

Причем работать много и тяжело. Чтобы добиться бессмертия, вам придется в течение нескольких лет жить на континенте.

Лет пять, прикидывал Сэм. Может и больше, но пять лет — это максимум, на что он мог рассчитывать. Исходя именно из этого срока, он продумывал тесты и строил все свои планы.

Изучение тысяч человек — а со временем это будут миллионы — было трудным и долгим делом, хотя уже имеющиеся данные здорово облегчили его задачу. В статистических бюро хранилась информация о большинстве жителей. Там были сведения об особенностях характера, о наследственности, предполагаемой длительности жизни и, что тоже очень важно, возможных патологических отклонениях. Сэму нужны были самые умные, сильные и выносливые мужчины и, конечно, женщины. Но существовал еще один критерий, пожалуй, даже самый важный. Он определял успех всех его планов.

Нужные ему люди должны быть зрелыми, но молоджавыми. Такие, которые не смогут заметно состариться за пять лет.

Они смогут доказать возможность или невозможность получения бессмертия только опытным путем, если, конечно, в самом деле это не...

Сэм допускал и такое.

Он продолжал:

— Вы будете обязаны жить наверху. Помните, я прожил здесь почти сорок лет. Курс лечения взрослого человека занимает порядка шести или семи лет. Это опять-таки связано с тем, что старость является вирусом и, чем старше человек, тем больше требуется времени для борьбы с этим вирусом. Если облучать ребенка при рождении, как это делают со своими детьми Бессмертные, то потребуется всего несколько сеансов. Видимо, это связано с тем, что организм новорожденного еще не поражен вирусом возраста. В таком случае ребенок растет, достигает зрелости и останавливается на этом уровне, продолжая жить сотни лет и не становясь старше.

— Отныне такая возможность появляется у каждого ребенка, рожденного в Куполах. У взрослых все немного сложнее. У вас будет такой шанс, но вы дол-

жны драться за него. Вас нельзя подвергнуть облучению прямо в Куполах, поскольку требуется, чтобы вы облучались на протяжении шести-семи лет.

— Это явление еще очень мало изучено. Необходимые радиоактивные элементы присутствуют в самой почве и воздухе Венеры, но в микроскопических количествах. По причинам, которые еще непонятны нам самим, также необходимо воздействие солнечного и космического излучения. Со временем мы разберемся во всем. Сейчас нам известно только одно — мы можем предложить вам курс бессмертия, но на это потребуются годы, которые для получения полного эффекта вы должны будете провести на суше.

— Процесс слишком сложный, чтобы его можно было детально объяснить.

— Курс действует только на человека. Это нам точно известно. Подобно существовавшей в древности *bacillus lergae*, на животных он не работает. Древние исследователи очень долго не могли найти никакого лекарства как раз из-за того, что свиньям никак не удавалось привить проказу.

— Бессмертие открыто только для людей — для вас! Для всех тех, кто живет в Куполах. Для каждого, кто еще не слишком стар, чтобы пройти курс лечения. Для того чтобы стать бессмертным, вам придется некоторое время прожить наверху. Но в Колонии Плимут не хватит места для всех.

— Вы должны будете построить новые колонии.

— Это единственный выход. Мы предполагали облучать все население с периодом в семь лет, но тогда нам пришлось начинать с самых старых из тех, кто еще мог бы стать бессмертным. Они останутся на своем возрасте, зато за это время состарятся все остальные. Поэтому мы предпочли выбрать людей в состоянии физического и умственного расцвета и продлить им это состояние на сотни лет. Таким образом, остальным не придется ждать семь, четырнадцать или двадцать один год. Как только вы достаточно расширите Колонию, придут новые люди, которые расширят ее еще больше. Тогда бессмертие получат все!

Сэм внимательно осматривал экраны. Похоже, проглотили. Через пять лет этот номер уже, навер-

ное, не пройдет — как только появятся первые следы старения, которые уже не удастся списать на воздействие окружающей среды. Колонизция Венеры еще наложит на этих людей свой отпечаток.

— Бессмертие предстоит заслужить, — продолжал вещать Сэм. — Поначалу вам будет трудно. Администрация Колонии это учтет. Но помните, для того, чтобы прожить на суше шесть или семь лет, вам нужно хорошо усвоить колониальные традиции.

— Те, к кому вы поступите в подчинение, хорошо изучили особенности жизни наверху. Вы должны им беспрекословно подчиняться и во всем брать с них пример. У нас здесь свои законы — не те, что в Куполах. Здесь — суша. Здесь все против вас, все старается убить вас и днем, и ночью. Вы больше не жители Куполов, вы — колонисты и подчиняетесь законам Колонии. В соответствии с подписанным вами контрактом, вы не имеете права вернуться в Купол, пока не будете формально уволены. А это произойдет, когда вы станете бессмертными.

— Вообще-то говоря, перестроиться будет не так уж трудно. Главное, знай свое дело. Будь готов заменить идущего впереди. Карьера в Колониях делается очень быстро, к этому тоже будьте готовы.

— Бессмертие само не приходит. Следующие шесть-семь лет будут трудными для каждого из нас. Но это для вас не одна десятая всей жизни, а не больше чем одна сотая. Помните это. Семь лет наверху будут значить для вас меньше месяца, когда вы станете бессмертными.

— Помните это!

— Думайте об этом каждый раз, когда у вас опустятся руки. Вы будете бессмертными! Нет такой работы, с которой сильный человек не справился бы в течение одного месяца. Всего одного месяца!

Сэм выключил камеру. Он был один в комнате. Секунду или две он сидел молча, наблюдая за толпами, которые больше не видели и не слышали его.

Потом чуть грустно сказал: «Подслащенная пилюля. Но всегда действует безотказно. Всегда!»

Люди по-прежнему стояли, уставившись на экраны — получали приказания от командиров своих подразделений. Ими были ветераны Колонии Плимут,

крепкие, опытные люди, уже поработавшие под началом Хейла и Сэма. Они могут сделать так, чтобы новички ходили по струнке.

Расширять Колонии — несомненно. Но сразу в нескольких направлениях. Раз кусты малины разрослись, раз черенки зеленых растений приживаются, значит суша покорится. Конечно, не за пять лет. Понадобится гораздо больше времени. Но с этого дня на берегу начнут появляться новые поселения, сначала при поддержке и под охраной Плимута, пока сами не встанут на ноги... Плимут должен оставаться компактным и сильным. А вот другие... В этом-то и загвоздка. С одной стороны, они должны быть неуязвимыми для джунглей. С другой стороны, они должны оставаться уязвимыми для него.

А Колония Плимут должна стать абсолютно неуязвимой.

У него есть еще пять лет, пока эту свору можно будет удерживать на привязи. Потом нужно ждать, что она набросится на него самого.

Так, одно прочное звено за другим, ковалась цепь из пяти островов. Расслабляться было некогда. Дорога была каждая минута. И все-таки Сэму казалось, что Хейл его избегает.

Когда он зашел в контору Свободного Компаньона и увидел, что там никого нет, в горле у него просто заклокотало от ярости. Он нажал клавишу на центральном пульте: «Где Губернатор?»

— Управляет операцией по расчистке, остров номер Шесть.

— Соедините.

Экран погас — очевидно, там, где находился Хейл, не было видеосвязи. В динамике раздался голос: «Хейл слушает».

— Сэм Рид. Если не ошибаюсь, у нас была назначена встреча.

— Ах, да, — тон Хейла сразу изменился. — Виноват. Все происходит слишком быстро — только что поступило новое оборудование, которое мы давно ждем. Я решил, что можно разворачиваться на Шестом прямо сейчас. Давай поговорим попозже.

Сэм недовольно фыркнул и отключился. Он вышел

наружу и распорядился, чтобы ему подали катер. Теперь он был уверен, что Хейл просто не хочет его видеть.

Катером управлял один из ветеранов Плимута. Отсалиutowав Сэму, он развернул нос катера в открытое море. Стремительно описав плавный полукруг, катер направился к острову Шесть. Острова, мимо которых они проходили, были колонизованы — чудовищные леса вырублены, плановые посадки закончены. Тут и там разбросаны небольшие коттеджи. На одинаковом расстоянии друг от друга в море выдавались причалы, рядом с каждым располагались точки береговой артиллерии. Все острова, с первого по пятый, представляли из себя странную смесь ферм и крепостей.

Пять островов, всего пять маленьких островов лежали на одной чаше весов, а на другой — огромные венерианские континенты, на которых буйствовала неукротимая природа. Но это только начало. Шаг за шагом они будут двигаться вперед.

Сэм всматривался в лицо рулевого. Оно ничего не выражало. Когда атмосфера накалится, опасность будет исходить не от старых колонистов, недовольные появятся среди новичков. Но час еще не пришел и, как надеялся Сэм, придет не скоро. К тому времени он должен успеть установить надо всем жесткий контроль.

А как же Хейл?

К кому он примкнет? На чьей стороне он будет все эти пять лет? Это начинало серьезно беспокоить Сэма. Клань само собой — это враги. А Робин Хейл... Благодаря своему бессмертию плюс занимаемому положению, он мог стать очень опасным. До сих пор они сражались вместе, плечом к плечу, и это делало их неуязвимыми. Он не может так просто выбросить Хейла из игры. Вот уж проблема так проблема... Что Свободный Компаньон может знать и о чем только догадываться? Например, знал ли он с самого начала, что никакого Йоила Рида нет, а есть только Сэм Рид? И что он думает про весь этот бред с курсом бессмертия?

А может быть, Сэм близок к истине? Если бессмертие в самом деле явилось следствием какого-то

облучения, то никто из Бессмертных, кроме Хейла, не может этого помнить. Этот Свободный Компаньон не так уж прост. Его готовность всегда уступать лидерство очень подозрительна. Пассивность Хейла можно объяснить усталостью, вызванной бурной жизнью в прошлом. Хотя тут можно провести аналогию с железом — он вспомнил эмблему Свободных Компаний — железную пику.

Сэм всегда очень внимательно относился к потокам ассоциаций.

— Как ни крути, нужна надежная броня, — решил он.

Катер стремительно приближался к острову Шесть. Он был сплошь покрыт джунглями, за исключением небольшой горюшки в правой части острова. На ее вершине стоял вертолет, рядом с которым маячила на фоне бирюзового неба человеческая фигура. Возле временных понтонных причалов покачивались тяжелые баржи и грузовые суда поменьше. Сэм показал, куда ему нужно, рулевой кивнул и направил катер к большим кораблям. Острый маленький нос разрезал воду. Мелкие брызги блестели на лобовом стекле, как капельки дождя.

«А дождь, видимо, так и не соберется, — думал Сэм, разглядывая клочкастое облачное покрывало. — Хорошо». Погода играла очень важную роль в жизни Колонии. Климат отвратительный, одни ливни чего стоили, поэтому работы распределялись в соответствии с прогнозами метеорологов. Несколько ясных дней совсем бы не помешали, чтобы развернуть оборудование и подготовить базу для работы на острове Шесть. Позже, гораздо позже его соединят мостом с Пятым, и к цепи добавится еще одно звено.

Катер подходил к причалу. Сэм встал. Он легко spryгнул на дощатый настил и тут же оказался в самой гуще разгрузочной суматохи. Огромный бульдозер медленно выкатился на своих широченных гусеницах с баржи и теперь сползал на берег. Мощные, разворотистые вездеходы тянули за собой площадки с самым современным снаряжением, разработанным специально для покорения джунглей. Люди были в противогазах и легких защитных костюмах. На этом этапе тяжелые скафандры были бы просто помехой.

Человек в противогазе взял Сэма за рукав и протянул ему сверток. «Рекомендую надеть это, сэр. Здесь могут быть насекомые. К тому же как раз в этой части острова полно ядовитой зелени».

— Не возражаю, — ответил Сэм, натягивая костюм и респиратор. — Мне нужен Губернатор. Это он там, на холме?

— Да, сэр. Правда, дорога туда еще не проложена. Его доставили вертолетом.

— Значит, пришлите мне вертолет.

Человек на мгновение задумался, повернулся и что-то проорал. Вскоре неизвестно откуда появилась винтокрылая машина. Сэм поднялся в кабину. Через четыре минуты вертолет завис над вершиной. Сэм спрыгнул вниз и махнул рукой, отпуская пилота.

На Хейле не было ни антисептической одежды, ни респиратора, и Сэм тоже стянул свой. Здесь, над джунглями, опасность заражения была меньше. Кроме того, за последние несколько месяцев у них выработался иммунитет.

— Как дела? — спросил Сэм.

— Отлично. Пятикомпонентный разбрызгиватель уничтожил почти всех насекомых. Хотя неизвестно, чего можно ожидать во время расчистки.

Насекомыми назывались все твари меньше полуметра. Весь животный мир классифицировался как звери, а растительный — как зелень. Проводимая операция была серьезней обыкновенной расчистки — звери на Шестом водились крупнее обычных, а зелень вела себя абсолютно непредсказуемо.

Обработка пятикомпонентным разбрызгивателем здорово облегчала задачу. Она была уже хорошо отработана на предыдущих пяти островах. Вся территория обрабатывалась с воздуха растворами, поражающими насекомых. Один из компонентов губительно действовал на вьюны и лианы. Другой — на большинство других растений. Вся живность становилась как бы больной. По крайней мере, у вас появлялся шанс успеть пристрелить какого-нибудь саблезубого монстра, когда он выскакивает на вас из джунглей. Но самое главное, после этого можно не бояться, что неизвестная тварь поразит ваши легкие,

выплюнув облако ядовитого газа или липкую губку, намертво закупоривающую респиратор противогаса.

Остров Шесть был не похож ни на уже освоенные, ни на еще нетронутые участки суши. Он казался больным. Джунгли не безумствовали на нем зеленым пожаром. Они обвисли, как пышная, но мертвая драпировка, и только иногда медленно и сонно колыхались. С горы Сэм мог охватить всю картину.

— В вертолете есть еще бинокли, — предложил Хейл.

Сэм взял бинокль. Он изучал распростертый перед ним остров. Он смотрел на людей. Было что-то новое в том, как они двигались, и именно это заинтересовало его. В них была живость, которой не было в людях из первой Колонии и уж, конечно, совершенно незнакомая в Куполах. Джунгли мало занимали Сэма. По-настоящему он интересовался только людьми. Он мог проводить долгие часы, напряженно размышляя над мотивами того или иного поступка, который казался ему необычным. Его неутомимый мозг исходил из того, что из этого всегда можно извлечь что-нибудь полезное.

Люди были счастливы. На Венере это было что-то новое. Сэм знал, что их мышцы болят от непривычного труда, что пот затекает под защитные костюмы, что каждый вдох, каждое движение может оказаться смертельно опасным. Но они были счастливы. Они были полностью поглощены новым для них делом. Они творили. И в любую минуту могли увидеть свои достижения — просто оглянувшись назад. Это было самое подходящее занятие для человека — наведение порядка в первозданном хаосе. И хорошо, что пот заливает глаза, это правильно — человечество слишком давно было лишено радости физического труда. Сэм отогнал от себя мысль о том дне, когда эта радость уступит место скуке.

Не опуская бинокль, он искоса посмотрел на Хейла, чтобы тот не заметил, что за ним наблюдают.

— Хейл, а что мы будем делать с Харкерами? — неожиданно спросил он.

Хейл хриплым голосом орал в микрофон, размахивая свободной рукой и делая яростные жесты в на-

правлении невидимого бульдозера. Закончив фразу, он повернулся к Сэму.

— Не знаю. А ты хочешь, чтобы мы что-нибудь с ними делали?

— Они ведут себя слишком тихо. Очень уж легко они дали нам выиграть. Это мы уже проходили. Я тогда тоже думал, что дело в шляпе, пока не получил по голове. Ну, правда, я был сам виноват. Я был слишком молод, чутье подвело. Зато в этот раз я оказался на высоте, я просто знал, что иначе нельзя. Но все равно я не доверяю Харкерам.

Хейл смотрел на него спокойным, ничего не выражающим взглядом.

— Возможно, ты прав. Послушай, Рид, как далеко ты просчитал свои планы?

Сэм запнулся: «То есть?»

— То есть я хочу сказать, что через несколько лет, пять, а может, десять, можно ждать серьезных неприятностей. Или ты это уже учел?

Сэм почувствовал некоторое облегчение. Стало быть, ему уже почти все известно. После своего триумфального выступления, когда он сломал Бессмертных, когда он вырвал победу с помощью обещания, которое тут же нарушил, он еще ни разу не говорил с Хейлом один на один.

Виноват в этом был только Хейл. Это он всегда устраивал так, чтобы рядом были посторонние. И что Сэму было уже неловко спрашивать, узнал ли он его в Йоиле Риде с самого начала. Сэм чувствовал, что нагнетается определенное психологическое давление, и это ему очень не нравилось. Это означало, что Хейл оказался гораздо сильнее, чем Сэм привык думать.

Теперь, по крайней мере, прояснился один вопрос — история с бессмертием. Хейл знал. Мало того, он, очевидно, знал в с ю правду. Но несмотря на то, что, запросто скушал весь этот балаган. Спокойненько начал использовать добровольцев, которых ему бы иначе не раздобыть. Таким образом он тоже подписался этим под мошенничеством, а оно, между прочим, было таким, что предыдущая афера Сэма просто не шла в расчет.

Итак, сомнения рассеялись и Сэм впервые за это время почувствовал почву под ногами.

— Да, учел. Мне очень не хотелось идти на это. Остается надеяться, что цель оправдывает средства. Согласись, что у нас просто не было другого выхода.

При этом «у нас» у Хейла слегка приподнялись брови. Но возразить было нечего. Раз он принял добровольцев, значит, он должен взять на себя долю ответственности.

— Да, другого выхода у нас не было. Хотя, может, мы не очень искали, — уточнил он. — Если мы ошибались, то дальнейшие события нам это покажут. Мы не должны пускать их на самотек, Рид. — Это было предупреждение. — Хорошо ли ты продумал, как встретить кризис, когда он в конце концов разразится?

Разумеется, у Сэма все было продумано. Но он сразу понял предупреждение. Итак, Хейл хочет только эксплуатировать кандидатов на обещанное бессмертие? Отлично, значит Сэм не должен раскрывать свои карты, пока не придет время.

— У меня есть несколько вариантов, — ответил он очень серьезным и озабоченным тоном. — Мы их обсудим потом, когда у нас будет больше времени.

На самом деле у него был один и только один надежный вариант, и Хейл был бы дураком, если бы не догадывался об этом. Когда надежда на бессмертие лопнет, как мыльный пузырь, поднимется настоящая буря, которая вместе с Сэмом зацепит и Хейла. Ярость обманутых людей неминуемо выльется в восстание, а против него есть только одно средство. Сэм постарается как следует подготовиться к этому дню. Хейла не устраивают его методы? Пусть придумывает что-нибудь получше или пеняет на себя. Сэм Рид старается только для Сэма Рида. Это уже вопрос жизни и смерти — если Хейл захочет стать ему поперек дороги, значит в Колонии Плимут возникнет серьезный конфликт.

Сэм почувствовал себя неуютно — Свободный Компаньон оказался более опасным противником, чем он считал до сих пор.

Разумнее всего было сменить тему. Сэм выяснил для себя почти все, что хотел. Оставалось решить вопрос, послуживший поводом для его посещения острова. Он был достаточно важным сам по себе.

— Так вот, Харкеры. Я думаю, что на этот раз нам лучше бы действовать заодно. Если мы уговорим их сотрудничать, то нам легче будет узнать, что у них на уме. К тому же, убей меня, я не вижу, как они сейчас могут нам помешать. Даже они поняли, что если колонизация когда-нибудь состоится, то это произойдет именно теперь и именно здесь, в Колонии Плимут. Если она провалится, то следующей попытке не будет.

— Ты прав, как всегда. Я полагаю, не осталось ни одного Бессмертного, который бы это не понимал.

— Тогда они тоже должны стремиться сотрудничать с нами, если, конечно, у них такие благородные цели, как мы думаем. Мы — победители. Поэтому, мне кажется, мы и должны сделать первый шаг навстречу.

— Ну и в чем дело?

Сэм замешкался. «Есть вещи, в которых я сам себе не доверяю, — сказал он с внезапной искренностью. — Захария Харкер и я — мы... в общем, это невозможно. Когда я его вижу, мне хочется его придушить. Ты был бы более ловкий дипломат, чем я. Ты — Бессмертный. Ты знаешь их очень давно. Тебе и карты в руки».

Теперь замешкался Хейл. Помолчав, он сказал, не глядя на Сэма: -

— Ты тоже Бессмертный, Рид.

— Наверное. По крайней мере, я надеюсь. Хотя это не тот случай. Я все собираюсь пораскинуть мозгами на эту тему, но пока как-то не до того. Да сейчас это и неважно. Ну так что, ты пойдешь?

Хейл продолжал оставаться в нерешительности. Пока он стоял, соображая, что ответить, приемник в его руке зазвенел высокими, возбужденными голосами. Хейл приложил его к уху, с явным облегчением прерывая неприятный разговор.

Некоторое время он слушал, вглядываясь в далекие джунгли. Вершины деревьев раскачивались и обрушивались вниз под натиском невидимого бульдозера.

— Возьми бинокль, — обратился он к Сэму. — Стань чуть левее, отсюда не видно четвертого квадрата. Не стоило бы упускать такое зрелище. Они наткнулись на паучиху-сирену.

Удивительно, но Сэм послушался Хейла.

Бинокль словно дернул джунгли за невидимую ниточку, и они одним гигантским прыжком очутились прямо перед глазами. Проложив две широкие дороги через весь остров, бульдозер разбил его на четыре сектора. Деревья, которые росли по краям просек, были изуродованы — безжизненно висели поломанные ветки, ядовито-зеленая листва стала грязно-бурой. Ближайший к ним сектор был почти полностью расчищен. Бульдозер, расширяя просеку, методично ползал вперед и назад.

Чудовищная бронированная громадина тяжело перекатывалась через поваленные стволы. Она двигалась медленно и вразвалку, вполне в духе венерианских рептилий. С такой же ленивой, тяжеловесной грацией они перемещались по джунглям, так же сокрушая деревья своими бронированными телами, как и это стальное чудовище, пришедшее их уничтожить.

Плющи и лианы оплетали бульдозер, свисая с его брони и гусениц. Некоторые из них, все еще извиваясь, пытались вонзить длинные ядовитые шипы в тускло поблескивающий металл.

До Сэма доносились скрежет гусениц, урчание двигателя, треск ломающихся стволов и едва различимые возбужденные крики людей, бегущих к блестящему предмету, сверкавшему далеко впереди.

Затем внимание Сэма привлекла яркая вспышка. На мгновение ему показалось, что все его чувства включились. Он перестал слышать доносящиеся снизу звуки, чувствовать прижатые к глазам окуляры, воспринимать тяжелый, все еще непривычный для дыхания воздух. Не существовало ничего, кроме цветкового пятна, переливавшегося впереди — то блекнувшего, то вспыхивающего новым, еще более изысканным оттенком.

Сэм стоял неподвижно, наблюдая, как два цвета сливаются вместе, образуя третий, расплзающийся бледными полутонами и пульсирующий с завораживающей частотой. На пятно было почти больно смотреть.

Он резко опустил бинокль и вопросительно взгля-

нул на Хейла. Свободный Компаньон улыбался, и на лице его было написано искреннее восхищение.

— Ты сильный человек, — сказал он с нескрываемым одобрением. — Ты первый, кого не подчинила сирена. В основном люди не могут отвести от паутины глаза. Тебя, наверное, не так-то легко загипнотизировать.

— Совсем нелегко, — угрюмо отозвался Сэм. — Пытались. Так что это за дрянь там внизу?

— Дальняя родственница организма, который называют Плащом Счастья. Ты наверняка знаешь про Плащи Счастья. Эти твари устанавливают контакт с нервной системой своей жертвы и пожирают ее живьем. Она даже не сопротивляется, потому что Плащ подключается к центрам удовольствия. Паутина сирены действует так же, просто наземный вариант. Смотри и увидишь.

Сэм поднял бинокль. На этот раз он сфокусировал его прямо на цветном пятне. В первое мгновение было просто невозможно понять, что же представляет из себя сирена, потому что его чувства снова были парализованы, и он не воспринимал ничего, кроме болезненного наслаждения мерцанием цветов.

Он страхнул с себя охватившую его одурь и сосредоточился. Перед ним была большая паутина, казавшаяся старой, как сами джунгли. Если прикинуть ее размеры относительно бегущих ей навстречу людей, то получалось около пяти метров в диаметре. Она была натянута между двумя деревьями, как самая обычная паутина, только сплетенная из толстых канатов, зацепленных внизу за корни, вверху за ветки. В середине была тугая, тонкая мембрана, непрерывно вибрирующая и переливающая разными цветами, причем каждая новая гамма казалась еще более тонкой, чем предыдущая. Вибрация все ускорялась, и казалось, что вся паутина дрожит мелкой дрожью.

Едва различимый звук достигал ушей Сэма, заставляя относительно радужного мерцания: звенел каждый канат, звенела мембрана. Это была не музыка, а скорее странный набор ритмов. Песня сирены отзывалась не в ушах, а в самих нервах, заставляя их дрожать вместе с паутиной.

Паучиха-сирена из всех сил старалась соблазнить бульдозер. Она загоралась самыми гипнотическими сочетаниями красок, вспыхивающими перед его бронированной мордой. Казалось, ничто не сможет устоять перед чарами, которыми она хотела смутить электронные нервы и стальное сердце.

На какой-то миг возникло ощущение, что бездушная машина тоже поддалась гипнозу.

Но если бы она поддалась, то людей, которые бежали следом, можно было бы считать погибшими. До Сэма доносились только слабые отголоски пения сирены. Но он почувствовал, что его мозг начал периодически отключаться, не воспринимая ничего, кроме мерцания цветов. Он понимал, что будь он с теми, кто бежит сейчас за бульдозером, он, так же как и они, несясь бы сейчас, не разбирая дороги, чтобы скорее броситься в объятия сирены.

— Я слышал про это, — проговорил он как во сне, — давным давно, в Греции... еще Гомер писал...

Все остальное заняло несколько секунд. Сирена звенела и переливалась до последнего мига, словно обещающая небывалые наслаждения... Тупое рыло бульдозера в очередной раз нырнуло вперед и прикоснулось к ее сердцевине.

Мембрана рванулась вперед и плотно облепила его. Канаты натянулись, сделавшись вдвое тоньше и затрепетали последней, почти экстатической нотой. По-видимому, произошел слабый электрический разряд, потому что после того, как сирена сладострастно прижалась к броне, машина на какое-то мгновение остановилась и Сэму показалось, что даже бульдозер содрогнулся в ответ на ее прикосновение...

Потом он пополз дальше.

Канаты паутины становились все тоньше, натягивались все туже, превращаясь из ослепительно-сверкающих в бледные, почти белые. Они звенели на такой пронзительной ноте, что ухо их уже не воспринимало, только нервы отзывались на их агонизирующую вибрацию, перешедшую в ультразвук.

Наконец, канаты лопнули. Сирена сжалась в последней конвульсии, и облепившая бульдозер мембрана вспыхнула совершенно немислимой гаммой. Потом она обесцветилась и безжизненно сползла вниз. Кла-

пающие гусеницы подмяли ее под себя и поволокли за собой.

То, что еще секунду назад сияло неопикуемой красотой, валялось на траве, как грязная тряпка, конвульсивно подрагивая каждый раз, когда лопатка гусеницы вдавливала ее в землю.

Сэм опустил бинокль и глубоко вздохнул. Некоторое время он стоял молча. Потом шагнул вперед и положил бинокль на стоявший перед Хейлом полевой столик, еще раз подтверждая, что он не из тех, кто поддается гипнозу.

— Значит, Харкеры. Так когда ты сможешь поехать?

Теперь вздохнул Хейл.

— Я не смогу.

Сэм нахмурился. «Это очень важно. С этим делом никто, кроме тебя, не справится. Я хотел бы, чтобы ты это понял, Хейл».

— Есть только одно дело, с которым никому, кроме меня, не справиться. Это острова. Никто не знает сушу, как я. Я не дипломат. Ответственный за контакты у нас ты, Рид. Извини.

За его словами крылось что-то большее. Сэм печенками чувствовал это. Хейл решительно отказывался играть не по правилам. Он не отказывался только пользоваться результатами. Ему нужны люди. С людьми он работает. А все остальное он предоставляет Сэму. И с этим Сэм ничего не мог поделать.

В первый раз неприятная мысль мелькнула в его мозгу. До этого момента ему казалось, что это он движущая сила всей Колонизации. Это он дергает за веревочки, управляя марионеткой по имени Робин Хейл. А когда дело будет сделано, кто из них окажется хозяином, а кто — пляшущей куклой?

Он передернул плечами.

— Отлично. Раз я, значит я. Только потом не упрекай меня, если я сяду в лужу.

— Не буду.

Сэм мысленно подвел итоги. Все оказалось не так просто. Зато теперь он знает, кто его настоящий соперник, и что война между ними только начинается.

Свет казался холодным и хрустально-прозрачным.

Комната была специально предназначена для работы. Бессмертный создал ее для Бессмертных. Форма, планировка, интерьер — все функционально, но без упрощенной прямолинейности. Линии гладко переходили одна в другую, стены и потолок украшены постоянно меняющимися картинами, переливающимися наподобие морозных узоров. Ничего такого, что могло бы отвлечь внимание больше чем на секунду-другую. Где бы ни остановился взгляд: на смене ли красок, медленном ли распускании или увядании хрустального цветка — все помогало сосредоточиться и углубиться в прерванные размышления.

В этом спокойном, прохладном месте, заполненном сиянием, льющимся из невидимого источника, сидел Захария Харкер. Рядом, склонившись над длинным столом, сидела Кедр. Тонкие пальцы с позолоченными ногтями бездумно перебирали страницы лежащего перед ней досье.

— Тебе имело бы смысл повидаться с Ридом, — произнес Захария.

Едва уловимым грациозным движением Кедр приподняла плечи. «Венерианский воздух? О, нет!»

— А кто лучше тебя сможет с ним поладить?

— А нам нужно с ним ладить?

Захария кивнул на стол. «У тебя уже есть идеи? Учти, что Рид не дурак. Он может сбить с толку кого угодно. Нам нужен один план, чтобы действовать, а другой — для прикрытия».

— Ты еще не знаешь, что я задумала.

— Я предполагаю. Наверняка ты исходишь из того, что Сэм Рид сейчас необходим, но в будущем станет опасен.

Она кивнула.

Захария взял ее руку и кончиками пальцев погладил золоченые ногти. «Вопрос вот в чем — когда? Этого мы не знаем. А Рид тем временем будет становиться сильнее и сильнее. Потом он может стать просто неуязвимым. Но нанести удар сейчас мы не можем. Конечно, если вообще есть смысл в Колонизации».

— Ты сам знаешь, что Хейл прав, — задумчиво ответила Кедр. — Мы упустили момент.

— Не совсем так — могли бы упустить. Тем не

менее одна ошибка — еще не поражение. Главное, четко определить: кто здесь пешка, а кто игрок. Рид думает, что игрок — это он. Пусть думает до тех пор, пока...

— Пока что?

Захария задумчиво смотрел на хрустальную розу. Он подождал, когда она полностью пройдет свой цикл от крохотного бутона до роскошного цветка и сказал: «Пока он соответствует своему назначению и суша остается в безопасности. Мы не можем назначить точные сроки. Нам нужна мина, которую можно посадить, вырастить, дать распусться, а когда придет время — взорвать».

— Это и есть мой план, — отозвалась Кедра. — Именно мина. Мина замедленного действия — единственное оружие, которое Бессмертный может использовать против Бессмертного, особенно когда нельзя точно предсказать будущее.

— И что же это будет?

— То, что мы можем посадить под носом у Сэма, вырастить, начинить взрывчаткой и не трогать лет, примерно, двадцать. Больше, я думаю, не нужно. Причем он сам должен захотеть, чтобы эта мина всегда была рядом с ним. То, в чем он будет постоянно нуждаться, к чему привыкнет и, самое главное, никогда не будет подозревать. Мина, которая будет казаться настолько безобидной, что он может изучить ее досконально, докопаться до ее истоков и ни о чем не догадаться.

Захария усмехнулся: «Истоков?»

— Даты и места рождения.

— Понятно. Живая мина. Как ты сказала, единственное оружие, которое в случае надобности Бессмертный может использовать против Бессмертного. Так в чем же трудности?

— Мне нужна твоя помощь, Захария. Начать надо еще до того, как она появится на свет. Мы должны выстроить всю генную структуру нашей будущей мины, продумать каждый шаг и не допустить ни малейшего намека на наше участие в этом деле. Мне кажется, что я знаю, как это сделать. Но прежде всего... Я всегда использую сначала дедукцию, а

потом индукцию... прежде всего — вот информация из досье Сэма Рида.

— Надеюсь, не архивного...

— Я просмотрела и наши материалы. Мы знаем о нем гораздо больше, чем он думает. Психологи полностью проанализировали его поведение.

— За пять лет он изменится. А может, за 50.

— Мы можем построить долгосрочный прогноз. К тому же, основные характеристики не изменятся. Например, у него всегда будет слабость к синему цвету. А глаза у нашей мины будут именно синими.

Захария засмеялся. Кедра — нет. Она сделала раздраженный жест и вытащила из папки фотографию.

Харкер посерьезнел и испытующе посмотрел на нее.

— Скажи мне, пожалуйста, Кедра, что тобой движет? Мне интересно, понимаешь ты это сама или нет?

Кедра спокойно ответила: «Я проанализировала очень много фактов из жизни Сэма Рида и построила примерный портрет человека, которого он хотел бы видеть рядом с собой, скажем, через восемнадцать лет. Естественно, я исходила из успешного развития плана Колонизации. В этом смысле нам надо работать вместе с Сэмом. Наша мина получит такое образование, чтобы ее способности совпадали с его нуждами. Характер и внешность тоже имеют значение. Сэм предрасположен к положительному восприятию определенных лиц и голосов и к отрицательному восприятию других. Картина более-менее прояснилась — кто же именно нам нужен».

Она отыскала в папке еще одну фотографию.

— После этого я провела поиск мужчин и женщин с определенными признаками. Я проверила у них все на свете — вплоть до наследственности. Я могу почти точно предсказать, на что будет похож их ребенок, особенно если зачатие и рождение произойдет при определенных нами обстоятельствах — ничего случайного!

Захария посмотрел фотографии: одна — юноши, другая — девушки.

— Они знакомы?

— Еще нет. Но будут. Мужчина сейчас болен. Так было нужно. Пришлось его инфицировать, потому что он собирался поехать добровольцем в Колонии. Мы оставим его здесь и устроим встречу с этой девицей. Но никто не должен догадаться, чей это почерк.

Захария с явным интересом наклонился к столу и стал рассматривать схемы.

— Это все твой психолог? М-м-м... интересно. Надо дать ему побольше материала. Если удастся оставить их в Делавере, может в самом деле получится что-то интересное... Пожалуй, мы можем потянуть за правильную ниточку, хотя... Да нет, я уверен. Встречу и брак мы обеспечим, а вот ребенок?

— Здесь все просто. Мы рассчитали, когда он сможет родиться.

— Я не о том. Что если вместо мальчика окажется девочка?

— Тем лучшей приманкой она окажется для Сэма Рида.

Кедра немного помолчала и внезапным резким движением убрала женскую фотографию в папку.

— Остальное — задача психопрограммирования. Ребенок, девочка или мальчик, будет проходить курс психопрограммирования с самого начала. Разумеется, в строжайшей тайне. Даже его родители не будут знать. После каждого сеанса — мнемоническое стирание, так, чтобы мальчик сам ничего не знал о гипнозе. В конце концов у него в мозгу запишется устойчивая постгипнотическая программа. К восемнадцати годам мы сформируем команду, которой он просто не сможет не подчиниться.

— Команда «убить»?

Кедра пожала плечами: «Команда «убрать». Пока мы не можем сказать, что будет наиболее эффективно. Никого нельзя запрограммировать на выполнение действия, которое он не мог бы выполнить в сознательном состоянии. Мальчика надо тренировать так, чтобы исключить возможность появления сочувствия к Сэму Риду. Реакция типа кнопки «пуск». Это тоже будет учтено при гипнозе. Но и без нашей команды он действовать не должен, чтобы исключить возможность провокации».

Захария задумчиво кивнул: «Неплохо. Но слишком

много всяких слагаемых. Вроде как «Дом, который построил Джек». А ты уверена, что мы не переоцениваем этого типа?»

— Я знаю Сэма. Не забывай о его прошлом. Ведь сначала он был уверен, что он простой смертный. Такой образ жизни выработал у него чрезвычайно развитый инстинкт самосохранения. Он, как дикий зверь, каждую секунду настороже. Мы могли бы убить его сейчас, но сейчас мы этого еще не хотим. Мы нуждаемся в нем. Все человечество в нем нуждается. Только потом, когда он станет опасен, тогда нам придется его убрать. А к тому времени... сам увидишь.

Не отрывая взгляда от медленно распускающегося хрустального цветка, Захария произнес: «Да... и пример уже есть. Каждый диктатор знает, как неустойчиво его положение. Мы сами управляли бы Куполами гораздо лучше, если бы не забывали об этом. А Сэм, чтобы выжить, будет стремиться стать диктатором».

— Даже сейчас напасть на него было бы очень непросто, — отозвалась Кедрa. — А лет через десять... двадцать... пятьдесят он будет абсолютно неуязвим. Каждый год, каждый час этого времени он посвятит борьбе. Он будет бороться с Венерой, с нами, со своими собственными людьми, со всем, что его окружает. Он не будет жить в Колонии Плимут, обозримой с любого экрана. Это здесь, в Куполах, ничего не меняется, поэтому нам трудно представить перемены, которые могут произойти наверху. Он сможет укрепиться благодаря нашим же достижениям — защитным устройствам, биопсихологическим барьерам, экранам... Потому-то я думаю, что добрать-ся до него к тому времени можно будет только с помощью живой мины.

— План, конечно, очень запутанный. Но я, пожалуй, снимаю свое сравнение с «Домом, который построил Джек». Если посмотреть с другой стороны, он до смешного прост. Сэм будет ожидать от нас какого-нибудь хитроумного замысла. Ему и в голову не придет, что мы способны на такое безрассудство — считать нашим единственным оружием пистолет в руках у восемнадцатилетнего мальчишки.

— Это может затянуться и на пятьдесят лет, — возразила Кедра. — Может вообще не удался с первого раза. И со второго. Возможно, план придется корректировать. Но начать нужно сейчас.

— Так ты собираешься встретиться с ним наверняка?

Кедра покачала головой, увенчанной копной золотых волос: «Я не хочу подниматься наверх, Захария. Зачем ты настаиваешь?»

— Он сейчас ломает голову над тем, что мы задумали. Можешь ему рассказать, раз его это волнует. Только не до конца. Сэм — не дурак. Необходимо дать ему пищу для подозрений. Пусть подозревает нас в одном, тогда мы спокойно можем заниматься другим.

— Поезжай сам.

Захария улыбнулся: «У меня тоже есть личные причины, дорогая. Мне хочется, чтобы ты встрети-лась с Ридом. Он ведь теперь не комнатная собачка. Он уже изменился и изменится еще больше. Меня интересует твоя реакция на Рида Бессмертного».

Она бросила на него быстрый проницательный взгляд, и золотые шарики закачались на кончиках длинных ресниц.

— Отлично. Я поеду. Смотри, как бы тебе не пришлось пожалеть об этом.

Хейл изучал базовую площадку острова Шесть, на которой началось строительство административных корпусов. Работа продвигалась. Из дальних джунглей, ближе к берегу, все еще доносился рев бульдозера, но общая направленность была уже созидательной, а не разрушительной. На площади в четыре акра деревья были выкорчеваны, а земля вспахана. Работы всем хватало.

Какой-то старик неподалеку ковырялся в земле. Узнав Вычислителя, Хейл направился к нему. Бен Крауелл выпрямился, и его морщинистое лицо приняло озабоченное выражение.

— Здорово, начальник, — сказал он. — Погляди, какая земля славная.

Он размял ком мозолистыми пальцами.

— Ты не бережешь себя, — ответил Хейл. —

Здесь тебе находиться не полагается. Хотя, я думаю, приказывать тебе все равно без толку.

Крауелл ухмыльнулся: «Точно. В том-то вся и штука, что я всегда знаю, что будет дальше и как далеко я могу заходить, — он снова перевел взгляд на землю. — Еще здорово отравлена, но это восстанет. Если бактерии не будут...»

— Бактериальную обработку мы сделаем прежде всего.

Рядом никого не было, можно было говорить без опасения быть услышанными.

— Химия, конечно, очень эффективна, но этого не достаточно — в земле слишком много опасных личинок.

— Все равно, земля хорошая. Может, даже чуть жирновата. Там, к западу, почва победнее, нужно удобрять. Зато какая пшеница может тут вырасти!

Мимо прошел рабочий, держа на плече цистерну, похожую на огромный шприц. Он подошел к столбу с красной отметкой, снял цистерну с плеча и начал вдавливать выдвижную иглу в грунт. «Сорняки?» — спросил Вычислитель.

— Что-то страшное. На поверхности — обычный выюнок. Зато корневая система — двадцать футов длиной. Уходит в глубину на десять футов. Единственный способ — накачивать ядом.

— На Земле было что-то в том же духе. Мы его звали «Подземный дед», по науке — планцитул. Мы, правда, керосином его вытравили. На Земле ничего не росло с такой скоростью, как здесь. Это только пока хлопотно, а вот посадим пшеницу... За двадцать дней может вымахать, — Вычислитель поцокал языком и одобрительно покачал головой.

— Если мы с сорняками справимся.

— А тут только один способ — знай тащи. Хотя постой, можно попробовать крабью траву. Ее даже этот твой выюн не пробьет. Слушай, давай-ка несколько акров вместо того, чтоб травить, засадим крабьей травой. И почве полезно. Точно, это идея!

— Хорошо, я проверю. Спасибо. А больше никаких идей нету? Или это против твоих правил?

Вычислитель расхохотался: «Брось, не лови на

слове. Могу ведь и я хоть что-нибудь предложить. Это все равно никоим образом на будущее не влияет, кто-нибудь рано или поздно да додумался бы до крабей травы. Я не лезу только в серьезные вещи, по мере возможности. Правда, сейчас они могут казаться и несерьезными, но я-то знаю, что к чему». — Он посмотрел в сторону берега, туда, где громоздился завал из поверженных деревьев. Далеко через пролив можно было разглядеть континент, на котором, как скала, возвышался старый Дунменовский форт. В его обросших лианами, полуобрушенных стенах тоже шла какая-то жизнь. Яркие красные и желтые искры взлетали над башнями и тут же гасли. Непрерывно курсировали катера, обеспечивая сообщение с островом Первым.

— Что это там делается? — спросил Крауелл. — Уже занялись фортом?

— Идея Сэма. Сдается мне, что он боится, что я перехвачу инициативу. Я взялся за этот остров, не посоветовавшись с ним. Теперь он делает то же самое. Все нормально.

Крауелл задумался: «Ну, а в чем суть?»

— Он затеял расчистку старого форта. Там есть над чем поработать. Хотя мы еще не готовы к освоению континента, и если бы не форт, не стоило бы и браться. Дунмен знал, как строить. Я помню... — выражение его лица слегка изменилось, и он тоже посмотрел в сторону берега, — ...там у нас всегда дежурила резервная команда. Джунгли могли в любую минуту проглотить нас. Растения и животные слопали бы живьем. Но тогда Купола поставляли нам все, что надо: ультрафиолетовые установки, тепловые облучатели, кислотные разбрызгиватели. Свободные Компаньоны всегда вели войну на два фронта. На одном мы воевали с другими Компаниями, там еще бывали передышки. Зато на другом, с джунглями, передышек не было.

— А не откусил ли Сэм больше, чем он может проглотить?

— Нет. У него есть и оборудование, и люди. Он расчистит форт, посадит там толковых людей и будет поддерживать порядок. Двигаться в глубь континента у него силенок не хватит, да ему это и не

нужно. Он говорит, что ему нужна вспомогательная база, чтобы начать освоение архипелага навстречу мне. Начав с обоих концов, мы здорово сэкономим время. Идея неплохая.

— Людей хватит?

— Людей пять тысяч. Достаточно, хотя и не слишком много. У нас тут слегка тесновато, но приходится держать резерв на всякий случай. Никогда точно не знаешь, сколько вдруг потребуется бросить против джунглей. А на каждой расчищенной миле приходится оставлять команды для поддержания порядка. Пока пять тысяч, а когда появится место, придут еще.

— Еще не бунтовали?

Хейл настороженно посмотрел на него: «Ожидаются неприятности?»

— Никогда не мешает поостеречься, сынок. Пять тысяч тяжело работающих людей, да придут еще, и всем обещано бессмертие — тут не до спокойной жизни. Работяге нужно расслабиться с девочкой в субботу вечером и иногда пошуметь.

— Что тебе известно про эту затею с бессмертием? — оглядевшись вокруг, спросил Хейл.

Вычислитель только усмехнулся

Хейл посмотрел на маячивший вдалеке форт, заросшие стены которого очищали струями огнеметов. «Ты знаешь, и я знаю. А больше никто, кроме Сэма, не может сказать ничего определенного. А он всем рассказывает, что ты тоже стал Бессмертным из-за венерианской радиации. Пускай, но родился-то ты на Земле!»

— Да, перед тем как старушку Землю разнесло в клочья, она тоже была радиоактивна будьте нате!

— Кстати, эта проблема еще впереди. Ты-то знаешь об этой опасности. Здесь будет то же. В тот раз человек бросил Землю и удрал на Венеру. А если это повторится?

— Это как краб-отшельник. Когда он вырастает из своего панциря, он выползает и находит другой. Зачем жить там, где тесно? Есть много причин, из-за которых может выйти так, что нам будет мало места. Мы растем слишком быстро — так это было и

на Земле. Эти люди, — Крауелл махнул рукой в сторону группы рабочих, — они уже переросли Купола, хотя еще сами об этом не знают. Человеку нужно много, ох, как много.

— Ты собираешься остаться в Колонии? — вдруг спросил Хейл.

— Пожалуй. На какое-то время. В душе я все равно грязный фермер. А что?

— Нет, я не потому спрашиваю, что ты Вычислитель. Потому, что ты — Бессмертный. Так же, как и я. Ты сам знаешь, какой может быть контакт у Бессмертного с простыми людьми! А с кем тогда общаться — с Кланами? С Сэмом? Ты единственный человек на Венере, который может меня понять.

— Да, лучшая часть нашей жизни — и у тебя, и у меня — прошла под открытым небом, сынок. Мы с тобой обеими ногами стояли на твердой земле. Пускай не большую часть жизни, но, точно, лучшую. У тебя это была Венера, у меня Земля, но по сути это то же самое. С тобой я всегда чувствую себя уютно, хотя ты поступаешь порой, как последний кретин.

Они снова посмотрели на рабочих. Через некоторое время, вспомнив еще об одном деле, Хейл сказал: «Нам нужно создавать армию. Это предложил Сэм, но я и сам об этом подумывал».

— Они вроде не больно уж грозные, — отозвался Крауелл, разглядывая ближайших к нему землекопов.

— Дело не только в этом. Военная основа у нас уже заложена — организация и дисциплина. Вроде того, как было у старых Компаний. Теперь мы еще введем форму и все остальное.

— Зачем?

— Голодной собаке нужно порой бросать кость. Если ты лишил человека свободы, дай ему хоть что-нибудь взамен. Надо, чтобы его порывы имели безопасный выход. Если он не может носить модный костюм, а здесь он не может, здесь нужна прочная защитная одежда, — нужно дать ему красивую форму. Ввести род войск и звания. Поощрение всех способностей, но организованное и управляемое. Просто пообещать бессмертие — это мало, также, как просто переделать все на военный манер. Но все вместе это

на некоторое время оттянет развязку. Свободные Компаньоны — это другое дело. Мы знали, зачем мы собрались вместе, мы объединились добровольно и не ждали никакой награды, кроме той жизни, которую мы вели. А эти нынешние добровольцы... в общем, я думаю, что военизация — это то, что нам нужно.

Во время своего монолога Хейл, стараясь не подавать виду, внимательно наблюдал за Вычислителем. «Меня вот что удивляет: почему Сэм это предложил? Хотел бы я знать все его мотивы. И планы на будущее».

Крауелл хмыкнул: «Я думаю, ты узнаешь, сынок. Думаю, ты узнаешь».

Хейл пнул ногой здорового полудохлого жука. Жук, вертясь, угодил прямо в кучу подобных тварей, которых сгребли сюда, чтобы сжечь. Одним из первых результатов химической обработки каждого острова была гора разнокалиберных насекомых, которые радужным дождем сыпались со всех деревьев. Некоторые из них были такого размера, что могли запросто оглушить стоящего внизу человека.

— Ты мог бы мне это сказать, — упрямо продолжал он. — Мог, если бы захотел. Это избавило бы нас...

— Нет, мой мальчик, тут ты не прав, — неожиданно резким тоном ответил Крауелл. — Я тебе как-то уже объяснял, что видеть будущее — это еще не значит иметь возможность его изменить. Такое было во все времена — мол, если бы я знал, что случится, я мог бы этого избежать. Дай-ка я прочитаю тебе небольшую лекцию о предсказаниях будущего.

Крауелл поправил ремень, вогнал лопату в дерн, срезал тонкий слой, перевернул, оценивающе хмыкнул и, продолжая копать, начал излагать свою мысль. Манера речи изменилась сообразно серьезности темы.

— Можно позволить себе обобщенное высказывание, что поверхностное течение событий вообще ничего не значит. Важны лишь большие социальные приливы, но обычно, когда они становятся заметны, достигают такой мощности, что повлиять на них уже невозможно. Никакой волнолом, никакая дамба тут

не помогут. Но что создает эти приливы, что дает им эту разрушительную силу?

— Общее умонастроение?

— Когда-то, в двадцатом веке, очень многие знали, что может случиться с Землей. Они говорили об этом. Говорили часто и открыто. И это были люди, пользовавшиеся всеобщим уважением. К ним следовало бы прислушаться. Возможно, было много и тех, кто прислушивался. Но не достаточно. Общее умонастроение было направлено совсем в другую сторону. Оно сделало свое дело — и мы потеряли Землю.

— Если ты умеешь предвидеть, ты должен уметь оставаться простым свидетелем — не более. Помнишь историю про Кассандру? Она знала будущее, но цена, которую она заплатила за свое знание, обращало его в ничто — никто ей не верил. Предвидение автоматически исключает наше участие. Пусть имеется некоторое уравнение с заданными слагаемыми. Но именно с заданными! Добавь к ним еще одно — твое участие — и изменится все уравнение. От этого никуда не денешься — твое вмешательство имеет непредсказуемые последствия.

— Ты знаешь, почему все оракулы должны были изъясняться загадками? В истории человечества было полным полно предсказателей, но они либо говорили туманными намеками, либо их предсказания не сбывались.

— Теперь смотри. Пусть у тебя имеются две равновеликих возможности. Ты завтра отправляешься в Купол Невада и ввязываешься в дело, которое приносит тебе миллион кредиток. Или ты остаешься дома и тебя убивают. Так? Ты приходишь ко мне и спрашиваешь, ехать тебе или не ехать. А я знаю обе возможности, которые у тебя есть. Но у меня связаны руки.

— Ибо оба результата полностью зависят от твоих собственных реакций и поступков. В первом случае ты отправляешься в Купол Невада, не посоветовавшись со мной, и в твоём мозгу существуют определенные схемы поведения. Эти схемы работают таким образом, что, попадая в определенные обстоятельства, ты получаешь миллион кредиток. Но ты

консультируешься со мной. Я, скажем, говорю: «Езжай в Купол Невада».

— Ты едешь, но у тебя другой психофизический потенциал! Я дал тебе совет. Следовательно, решив, что тебя ждет приятный сюрприз, ты занимаешь пассивную позицию, ты ожидаешь, что на тебя свалится мешок с золотом, тогда как этот миллион кредиток напрямую связан с твоим вниманием и активностью. Понятно?

— Теперь другая возможность. Ты неосознанно не хочешь ехать. Ты начинаешь обдумывать мой ответ о втором варианте, решаешь, что я, скорее всего, лжец и просто стараюсь заставить тебя уехать, и остаешься. В итоге тебя убивают.

— Поэтому моя задача — сохранить все слагаемые в их исходном значении, сделать так, чтобы мое предсказание не явилось катализатором. Я должен сделать это очень осторожно, с учетом твоей психологии. В этом-то весь фокус. Я могу выдать только неполную информацию. Предвидение основано на правилах логики. Это не колдовство. Зная тебя, я подыскиваю соответствующие образы, облекаю их в нужные формулировки, которые на подсознательном уровне влияют на твое решение и изменяют твой эмоциональный фон. Ибо твой исходный эмоциональный фон является одним из слагаемых предсказываемого мной результата.

— Поэтому я не могу сказать: «Поезжай в Купол Невада!» Это значило бы, что ты уедешь в пассивном состоянии. Я должен зашифровать мой совет. Располагая тем, что я о тебе знаю, я мог бы сказать: «У дерева кераф синие листья». Это напомнит тебе о некоторых событиях, в твоём мозгу произойдет совершенно спонтанный, естественный мыслительный процесс, который возбудит в тебе желание на время уехать отсюда. Так, косвенным способом, если я окажусь достаточно ловок, с этого момента в твоей психоэмоциональной программе появляется новый элемент. Ты отправляешься в Купол Невада, но действуешь в соответствии с естественными реакциями.

— В итоге ты получаешь свой миллион кредиток.

— Теперь ты понимаешь, почему оракулы говорили загадками. Будущее определяется непредсказуе-

мыми вещами, которые можно изменить одним словом. В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ВМЕШАЛСЯ ОРАКУЛ, ПРЕДСКАЗАНИЕ ТЕРЯЕТ СИЛУ.

Вычислитель наступил на перевернутый дерн. Помолчав, он поднял глаза и криво улыбнулся: «К тому же, мое рассуждение исходит из того, что с точки зрения будущего является желательным, чтобы ты получил свой миллион. Возможно, для тебя было бы лучше остаться дома и быть убитым».

Все это время Хейл смотрел на пламя, облизывающее стены дунменовского форта. Некоторое время он продолжал стоять, не говоря ни слова. Наконец он ответил: «Мне кажется, я понял, что ты имеешь в виду. Только, знаешь, очень трудно стоять так близко к ответам на все вопросы и оставаться в неизвестности».

— Я мог бы разрешить любую проблему, с которой ты когда-либо встретишься, и записать все ответы в аккуратненький блокнотик. Ты бы только переворачивал странички и, как попугай, повторял все, что требуется. Ну и что в этом хорошего? Зачем тебе тогда вообще жить? К тому же у меня есть свои границы. Я отвечаю не на все вопросы, а только на те, по которым располагаю полной информацией. Когда я встречаю неизвестное, некий «Х», то не могу сказать ничего достоверного.

— А в нашем случае есть такой «Х». И он мне неизвестен. Причем, похоже, никогда не будет известен. Если бы все было так просто, я был бы Господь Бог, а все вокруг — чистый Рай. Я догадываюсь об этом «Х» как раз по его неизвестности, по его влиянию на другие слагаемые. Вычислять его — не мое дело. И не твое. Я не собираюсь на него отвлекаться. Мое дело — следить за будущим и не вмешиваться.

— Будущее определяется человеческим разумом. Не атомная энергия разрушила Землю, а образ мышления. Проще управлять планетой, чем крохотной пылинкой, плывущей в потоке мысли, которую мы даже не ощущаем. Тот, кто может подуть на пылинку так, чтобы она поплыла в нужную сторону, и управляет будущим человечества.

Величественные и плавные контуры белых, очищенных стен форта поднимались над джунглями. Стоявшему на смотровой площадке Сэму они казались огромными и неприступными. Массивные башни грозно стояли против леса, стремящегося ворваться внутрь и подчинить себе эту чужую, неподвластную ему жизнь. Обводы полого сбегающих вниз стен напоминали волны и, как любой образ, связанный с морем, производили впечатление скрытой мощи.

Ровные округлые стены высотой в три этажа поблескивали окнами, прикрытыми светопроницаемыми экранами для защиты от видимых и невидимых врагов. Эти форты напоминали средневековые замки, предназначенные для защиты от нападения с земли и с воздуха — от бактерий и всякой крылатой дряни, точно так же, как древние рыцари защищали себя от таранов и горящих стрел. Эта параллель была очень близкой, потому что авиация в первые столетия освоения Венеры не использовалась. Свободные Компаньоны с уважением относились к фортам своих соперников. К тому же полеты были слишком рискованными, поскольку непредсказуемые воздушные потоки и смерчи делали смертельно опасной любую попытку подняться в воздух.

В стенах форта кипела жизнь. Внутренний двор был застроен бараками и магазинами. В высоких корпусах, расположенных ближе к берегу, размещались больница, лаборатория, административные помещения. Внешние стены спускались к самому морю, прикрывая собой небольшую гавань с массивной сторожевой башней, которая защищала выступающие наружу пирсы.

Около башни поднялась какая-то суматоха. Сэм еще не успел разобраться, в чем там дело. Мужчины и женщины, успевшие уже загореть под жиденьким солнцем, бросили свою работу и остановились, уставившись во все глаза на прибывшего Бессмертного. Сказывалось воспитанное в поколениях чувство почтения.

Кедра грациозно поднялась по лестнице, ведущей во внутренний двор, улыбнулась охранникам, то и дело здороваясь и обращаясь ко всем по имени. У нее была феноменальная память — Бессмертные культивировали в себе эту способность. Принятый в Купо-

лах стиль одежды воспринимался бы здесь вызывающе, и она благоразумно учла это. На ней был прямой длинный плащ, жемчужно-белый, как и свежеччищенные стены форта. На голове возвышался белый тюрбан, подчеркивающий благородную форму ее лица. В солнечную погоду белый цвет выглядит ослепительным, и казалось, что форт и Кедр вобрали в себя все сияние дня.

— Привет, Сэм, — спокойно поздоровалась она.

Он сложил руки на груди и слегка поклонился на восточный манер (способ приветствия, давно вытеснивший рукопожатие). Он впервые формально признавал ее существование с тех пор, как их положение сравнялось. Он мог себе это позволить.

Кедр засмеялась и положила свою узкую ладонь на его руку. «Я сегодня в роли представителя всех нас, тех, кто внизу. Мы надеемся, что теперь нам ничто не мешает мирно сотрудничать. Я... Боже мой, Сэм, как ты можешь дышать этим воздухом?»

Сэм улыбнулся. Обернувшись назад, он свистнул, и к нему подошел юноша, следовавший с блокнотом и ручкой на почтительном расстоянии. «Принеси ароматизатор».

Через минуту молодой человек вернулся, и Сэм подал Кедре небольшой пластмассовый шарик. Он был наполнен лепестками цветов и, нагреваясь от тепла рук, начинал источать густой сладкий аромат, смягчивший запах воздуха.

— Ничего, скоро привыкнешь. Мы все привыкли. Признаться, я не ожидал, что подобная честь мне будет оказана так скоро. Я думал, что придется первому пойти навстречу.

— Ты более занят, чем мы, — непринужденно сказала Кедрa и слегка оперлась на его руку. — Покажи мне свои владения. Я очень любопытна. Никогда раньше не видела форт изнутри. Как здесь красиво! Если бы ты еще что-нибудь сделал с этим невозможным воздухом...

— Немного терпения. Подожди лет двадцать. Джунгли еще слишком густые. Они выделяют слишком много двуокиси углерода. Но со временем все изменится к лучшему.

Она медленно шла рядом с ним, подметая своим

безупречно белым плащом белую мостовую. «Я верю в тебя, Сэм, — сказала она. — Теперь мы склоняемся к тому, что ты был прав. Колонизация должна была начаться именно сейчас, а не в следующем поколении. Твои методы были чудовищны, но результат может все оправдать. Я уверена, что так и произойдет, если ты согласишься работать с нами. Ты ведь просто твердолобый упрямец, Сэм. Ты всегда был таким».

— Ты говорила это еще сорок лет назад. Я еще не поблагодарил тебя за Стимулятор Грез, Кедр. И за то, что ты присматривала за мной, пока я... спал, — он сказал это, даже не глядя на нее, но по тому, как дрогнули пальцы, лежащие на его руке, и по тому, что она не сразу посмотрела ему в глаза, он понял, что ошибся.

— Но я этого не делала, Сэм. Я пыталась, но ты бесследно исчез. Ты хочешь сказать, что не знаешь, где был все это время? Я пошлю своих людей разобратся с этим, возможно нам удастся что-нибудь выяснить.

— Посылай, если хочешь. Но если мои люди ни до чего не смогли докопаться, то сомневаюсь, что у твоих получится.

— Сэм, нет... ты меня просто пугаешь! Нам точно известно, что кто-то тщательно охранял тебя. Ты не мог просто взять и исчезнуть на сорок лет, без какого-нибудь... Кто бы это мог быть, Сэм?

— Будет время, я во всем разберусь. Хватит об этом. Смотри — это джунгли. Настоящие джунгли, а не картинка на экране. Как тебе это нравится?

Они поднялись по широким ступеням лестницы, ведущей на бастион. Сэм молча склонился на парапет, вглядываясь в кольцо окружившей форт зелени. Доносившиеся снизу скрипы и шелесты звучали угрожающе и таинственно. Человек был еще слишком далек от того, чтобы проникнуть в подлинные глубины венерианских джунглей, которые жили своей непостижимой жизнью.

Кедр мельком глянула вниз и повернулась к джунглям спиной. «Джунгли, по правде сказать, меня не очень занимают. Не это важно. Важно вот что... —

она показала на помещения, сгрудившиеся во дворе. — Тебе предстоит проделать чудовищную работу, Сэм. Ты работаешь практически в одиночку. Я знаю, что группами расчистки руководит Робин Хейл, но это как раз самое простое. Может, разрешишь нам разделить твои хлопоты? Ты знаешь, у нас большой опыт по управлению людьми».

Сэм засмеялся: «Ты думаешь, я хоть одному из вас доверяю?»

— Конечно, нет. И мы бы не стали тебе доверять. Но, работая вместе, мы бы могли следить друг за другом. Тебе нужен наш опыт, а нам — твоя напористость. Ну так как, Сэм?

Он молча посмотрел на нее, вспоминая мгновение перед тем, как Стимулятор Грез ослепил и оглушил его. Это ее лицо смотрело тогда на него с телеэкрана, это ее рука подала команду на его уничтожение. Он знал, что причины, которые ее сюда привели, далеко не так безобидны, как она старается их представить. Недоверие ко всем людям, в особенности к Бессмертным, прочно укоренилось в нем. Рассудок, начавший было склоняться к возможности соблазнительного сотрудничества, решительно исключил сомнительный вариант. Уроки первых десятилетий жизни не прошли даром. Не в его привычках было доверять кому бы то ни было.

— Не пойдет. У нас с вами слишком разные планы.

— Но цель-то общая.

— Не пойдет. Я всегда действовал и буду действовать в одиночку. Я не верю тебе, Кедр.

— Я и не прошу тебя об этом. Поступай как знаешь. Но не забывай: у тебя и у нас задача одна — успешная колонизация континента. Нравится тебе это или нет, мы все равно будем работать в одном направлении. И если через несколько лет наши дороги снова пересекутся, вспомни, что это не мы, а ты отказался от сотрудничества, — в голосе Кедры звучало предостережение. — Когда время придет, а оно придет, Сэм, не исключено, что появятся новые затруднения.

Он пожал плечами. Сэм Харкер не подозревал, что он только что сделал первый решительный шаг к той

духовной и физической самоизоляции, которая обернется его поражением.

— Так ты говоришь, пять лет, — сказал Бен Крауелл. — Примерно так я и думал.

Человек, шагавший рядом с ним, взводный командир Френч, уточнил: «Ты имеешь в виду нас?»

Крауелл неопределенно пожал плечами и махнул рукой. Он вглядывался в темноту по ту сторону крепостного вала, по которому они шли туда, где на семьдесят пять миль простирались освоенные и расчищенные земли, по которым то тут, то там были разбросаны сторожевые крепости. При желании теперь можно было выйти из форта и три дня шагать в глубь континента, не думая ни о какой опасности.

Но сейчас ничего не было видно. Прожекторы, защищенные проволочной сеткой от ночных насекомых, выхватывали только узкие полосы земли, терявшиеся далеко в глубине. Форт тоже изменился. Он разросся и насел на берег наподобие бронированного зверя, такого большого, что если бы он ожил и захотел пошевелиться, то даже бы не смог приподняться с земли Венеры.

Как странно звучит — земля Венеры. Парадокс. Человечество всегда будет тащить за собой свои привычки, даже когда начнет колонизировать далекую Альфа Центавра. Старые слова, старые мысли...

Старые преступления.

Взводный командир Френч коснулся руки Крауелла, и они повернули в сторону наклонного спуска, мимо замаскированного жерла какого-то непонятного объекта, похожего на странного вида пушку. Френч указал на нее Бену: «Видишь?»

— Это что?

— Еще узнаешь. Идем.

Как всегда охранники возились с прожекторами. Крауелл и Френч прошли прямо сквозь их ряды — скрытность вызывает подозрения, а естественное поведение — хорошая маска. Они вошли в небольшой служебный корпус, находившийся снаружи. Френч пошел первым.

Форт сделался похожим на лабиринт. Помещение, в которое они вошли, больше всего походило на

склад, но сейчас его использовали совсем для другого. В нем находилось около пятидесяти человек, относившихся ко всем уровням колониальной иерархии. Кто-то их тихонько окликнул.

Френч сказал: «Приветствую собрание! Это Бен Крауелл. Я ручаюсь за него. Крауелл, садись сюда и слушай».

Он вышел на середину комнаты и поднял руку, призывая к порядку. «Все собрались? Закройте дверь. Охрану выставили?»

Кто-то произнес: «Ближе к делу, Френч. Некоторым уже скоро пора возвращаться на пост».

— Это недолго. Слушайте внимательно. Здесь около двенадцати новичков, верно? Поднимите руки.

Несколько человек, и среди них Крауелл, подняли руки.

— Отлично, — продолжил Френч. — Мы будем говорить в основном для вас. У вас уже нет сомнений, иначе вы не сидели бы здесь. И не рассказывайте ни о чем непроверенным людям, будьте осторожны.

На мгновение он замешкался и оглянулся вокруг. «Самое главное, есть здесь кто-нибудь, кто еще верит в ридову басню про бессмертие? В этот фонтан Вечной Молодости?»

Сбоку раздался голос: «Но ведь и обратных доказательств нет, так, командир?»

— Я приехал сюда пять лет назад, — сказал Френч. — Тогда мне было двадцать. Только-только взялись за расчистку острова Пять. Сколько было разговоров! Все строили большие планы на будущее. Предполагалось, что курс бессмертия займет шесть или семь лет.

— А прошло-то ведь только пять!

— Не нужно ждать двести лет, чтобы разобраться. Некоторые из нас регулярно ездят в Купол на медосмотр. Мы стареем. Причем все. Есть простая проверка — отложение кальция в кровеносных сосудах. Эти ридовские процедуры — чушь. Я знаю, что с тех пор, как я попал в Плимут, я стал на пять лет старше, и то же самое относится ко всем вам. Рид нас одурачил. Послушайте его речи — ему ни на грош нельзя верить. Эти пять лет, которые я здесь потел,

я мог бы запросто провести в Куполах в свое удовольствие.

— А по мне так тут даже неплохо, — вставил Бен Крауелл, набивая трубку.

— Возможно, — тут же откликнулся Френч, — но не с такими порядками. Что мы здесь делаем — только работаем! На Сэма Рида и Робина Хейла: строить, строить, строить! Хейл — Бессмертный, может, и Рид собирается прожить лет так семьсот — я не знаю. Он, похоже, и впрямь не стареет. Может, он и нашел фонтан Вечной Молодости, но если и так, то он держит его для себя. Ясно, что это значит? Мы будем работать! Мы будем работать, пока не подохнем. И дети наши тоже будут работать, когда придет их время. А Сэм Рид будет прохаживаться вокруг, ждать лет двести-триста, пока мы все для него не сделаем и не устроим ему уютное гнездышко, как раз такое, как ему хочется. А я-то что с этого имею!

Новый голос произнес: «Ты прав. Я согласен. Но Риду нужно было укрепить форт. Ты был здесь пять лет назад и знаешь, на что это было похоже».

— Он слишком спешит. А дисциплина? Зачем такая дисциплина? У него есть свои планы, и он нам про них не докладывает. Колонизация континента — это еще не все. Верно, пять лет назад нам нужен был форт, причем сильный форт. Но что это за новое сверхсекретное оружие? Никто ничего не знает о том, что он расставил по стенам: электролучевые бластеры, газометы...

— А джунгли?

— До джунглей теперь семьдесят пять миль! А некоторые из этих новых систем — просто в голове не уместается! Календер, ты человек знающий, расскажи им.

Календер, невысокий, коренастый мужчина в опрятной голубой форме, поднялся со стула. «Это оружие предназначено для использования против человека. Оно может стереть в порошок тяжелый танк, например. Но оно гораздо мощнее того, что мы использовали даже против тиранозавров. Кроме этого, дальнобойные орудия с лазерным наведением, кото-

рые могут попасть в пятак с расстояния в пятьсот миль. Против чего все это собираются использовать? Против каких-то орудий, которые будут стрелять по форту? А новая программа по авиастроению? Какая колонизация с самолетов!»

— Точно. К чему готовится Рид? К нападению из Куполов? Купола никогда не воевали. Они там наслаждаются жизнью и горя не знают, а мы тут паши, как скоты!

В зале поднялся ропот. Эти люди не любили жителей Куполов — возможно из зависти. Но само недовольство было чем-то новым на Венере, так же, как и это тайное совещание — предвестник той развязки, которой Сэм не ожидал. Сэм привык иметь дело с людьми, сознание которых ограничено стенками Купола, а это поколение было совершенно другим.

Бен Крауелл потягивал свою трубку и с интересом наблюдал.

Вспыхнул спор, бестолковый и яростный. Заговорщики много говорили — это естественно! Это была отдушина в мире жесткой дисциплины. Если бы они перестали говорить, то начали бы действовать, и вулкан, возможно бы, взорвался.

Крауелл уселся поудобнее, прислонившись спиной к большому упаковочному ящику.

— ...что бы там Рид не затевал...

— ...пусть купольные тоже работают...

— ...сколько можно еще ему доверять...

— ...долго мы будем сидеть сложа руки...

Френч захлопал в ладоши, призывая к молчанию.

— У нас есть несколько планов. Но прежде всего, нужно решить, что делать дальше. Допустим, мы убьем Рида...

— Это не так-то просто! Так он тебе и позволит!

— Он ничего не сможет сделать, если вся Колония будет против него! А так будет. Нужно расширять нашу организацию. Когда мы убьем Рида и Хейла, то сможем сами всем командовать. У нас будет форт. На всей Венере нет силы, способной справиться с фортом!

— Хейл не дурак. И Рид тоже. Если они нас поймут...

— Все присутствующие, — серьезно и веско ска-

зал Френч, — перед тем, как покинуть собрание должны пройти детектор лжи. Предателям — смерти!

— Я бы не прожил тысячу лет, если бы не знал, как одурачить детектор лжи, — сказал Хейлу Вычислитель.

Они находились в башне административного корпуса, которая возвышалась над крепостными стенами. Хейл отошел от закрытого светофильтром окна и холодно произнес: «Я знаю, что ты был на этом собрании. У меня тоже есть осведомители».

— Твой человек узнал меня?

— Он никого не узнал. Он пришел туда с опозданием. Он догадался по запаху табака и дыму из твоей трубки. В любом случае, я уже кое-что знал о том, что у нас происходит.

— Например?

— Начинает падать дисциплина. Люди стали небрежно отдавать честь. Перестали начищать до блеска свои пряжки и пуговицы. Свободные Компаньоны понимали, что значит дисциплина. Я видел, что происходило у Меднера, перед тем как его же люди его убили. Я заметил что-то похожее несколько месяцев назад. Тогда-то я и пустил в дело своих осведомителей. Я знал, чего следует ждать, и оказался прав. Это начинается.

— Что?

— Бунт. Я знаю нескольких основных лидеров, но еще не всех.

— А Рид знает?

— Я обсуждал с ним эту тему. Но мне кажется, он недооценивает происходящее. Его больше волнует собственная безопасность, а не безопасность Колонии. Я хочу, чтобы ты мне рассказал, что у нас делается. Я знаю, что ты это можешь. Если нет, то я воспользуюсь другими источниками информации. Просто мне хотелось бы обсудить это с тобой, если ты не возражаешь.

— Я знаю, что ты можешь разузнать это сам, — ответил Крауелл. — Что ж, я не прочь с тобой поболтать. Я давно жду, что ты меня спросишь, просто я надеялся, что ты первый ко мне обратишься. Ты же помнишь, что мне нельзя ни во что влезать, чтобы

не повредить структуру. В это дело я вляпался помимо своей воли. Наверное, я был похож на недовольного. Бог знает почему. Хотя нет, я догадываюсь, в чем дело. А ты? — Он прищурился на Хейла поверх своей трубки.

Хейл покачал головой. «Нет... хотя подожди. Наверное, знаю». Он снова повернулся к окну и посмотрел на снующих внизу людей. Жизнь в Колонии Плимут была сейчас гораздо более оживленной, чем пять лет назад. Дисциплина стала просто железной. Со стороны могло бы показаться, что чем было меньше надобности в дисциплине по мере освоения континента, тем жестче и бессмысленнее она становилась.

— У Сэма свои соображения, — сказал Хейл, глядя вниз. — Я о них ничего не знаю, но догадываюсь. Его время уходит. Сегодняшнее равновесие очень скоро нарушится. Люди теряют веру в бессмертие и начинают сомневаться. Сэм знает, что равновесие с каждым днем нарушается все больше, но, по-моему, он не представляет, что бы еще бросить на чашу весов. Все дело в людях. Они уже не те, что жили в Куполах. Теперь они такие, как мы с тобой, такие, кто знает, что значит независимость. Неудивительно, что они приняли тебя за недовольного. Ты жил в мире, где нужно уметь толкаться локтями, чтобы не пойти на дно. И я тоже. Такие вещи не проходят даром.

— Верно, — ухмыльнулся Крауелл. — В Куполах люди хотели, чтобы за них думал дядя. А нашим приходится думать самим. Иначе им просто не выжить. Это возвращается дух старых первопроходцев, сынок, и это мне нравится. Конечно, это может привести к неприятностям, но это мне тоже нравится.

— Неприятности — это точно. Причем очень серьезные, если мы не примем меры вовремя.

— Сейчас? — Крауелл пристально наблюдал за Свободным Компаньоном.

— Нет, позже, — ответил Хейл, и по лицу Вычислителя скользнула довольная улыбка. — Немного позже. С одной стороны, я хочу, чтобы положение прояснилось. Хочу посмотреть, насколько далеко это может зайти. Как с тем сорняком — «подземным дедом» — сначала нужно отыскать корень. С другой

стороны — у меня предчувствие, что благодаря этому заговору происходит что-то такое, что не следовало бы уничтожать. Это дух первопреходства, как ты говоришь. Это мне нравится. Бунт — это, конечно, не решение проблемы, но в некотором смысле это хороший признак.

— Ты собираешься позволить им продолжать в том же духе?

— Нет. Я не могу этого сделать. На данном этапе мы с Сэмом им все еще нужны, независимо от того, что они об этом думают. Если заговорщики возьмут верх, то они очень скоро снова окажутся в Куполах и погрузятся в апатию. Сейчас критический период. У Сэма есть план, который я пока не совсем понимаю, но я готов держать пари, что он разделает их под орех. Сэм умеет заботиться о своей безопасности. Если он решит, что это серьезно, то онотреагирует очень просто: так, что от них мокрое место останется. Но одновременно он убьет и всякое стремление к независимости. Эту тему следовало бы хорошенько обдумать, Крауелл. Или тебя, как обычно, лучше не спрашивать?

Крауелл пристально рассматривал свою трубку, которая к тому времени уже погасла. Потрогав пальцем остывший пепел, он медленно произнес: «Я не думаю, что тебе очень уж нужен был мой совет, малыш. Ты на верном пути. Старайся не вмешиваться больше, чем требуется. Происходит естественный процесс выравнивания уровней, и, чем дольше они будут действовать самостоятельно, тем лучше. Знаешь, что еще? Жизнь наверху сослужила этим людям очень хорошую службу. Они снова почувствовали, что такое Время».

— Там, внизу, день и ночь не имеют слишком большого значения. Зима похожа на лето, а весна на осень. А здесь все видно. Чувство времени появилось даже раньше, чем мы думали. Эти мальчишки и девчонки начинали с мыслью, что они будут жить вечно. Они смотрели далеко вперед. Они хотели работать на себя, чтобы именно они вкушали плоды колонизации лет через двести-триста. Теперь не то. Пришел час, и они как бы проснулись. Нет, на твоём месте, я бы дал этим процессам установиться естественным обра-

зом. Ты правильно сказал, что Сэм Рид сам может позаботиться о себе.

— Я собираюсь предоставить ему эту возможность, — сказал Хейл. — Послеживай за этими встречами, ладно? Я знаю, что у них полно всяких планов, но ничего не доведено до конца, так?

— Они пока выпускают пар. Они будут действовать, но немного погодя.

— Сообщи мне тогда. Я не буду вмешиваться, пока не припрет. Подожду — может, Сэм ударит первым.

Сэм ударил первым.

Как обычно, он просчитал каждый свой ход, продумал каждую мелочь так, чтобы его выступление было максимально эффектным. Как всегда, никто точно не знал, что еще припас для них Сэм. Для некоторых его тактика будет оставаться непонятной даже после того, как он разыграет свой фантастический гамбит. Это будет блестящая партия, но она кончится шахом, а не матом, и только расчистит поле для дальнейших сражений на шахматной доске, образованной, как сказал великий поэт, сменой дней и ночей. Но в таинственные планы Противника — Невидимого Игрока — никто, даже Сэм не сможет проникнуть. Кто этот таинственный игрок? Харкер? Венера? Второе «я» самого Сэма?

О н з н а е т в с е о б о в с е м ... О н з н а е т... з н а е т...

От этой мысли его пробирал мороз, хотя Сэм понимал, что нет никого, кто «знает все». Конечно же, и будущее и настоящее настолько сложны и запутанны, что разобраться в них до мелочей просто невозможно.

Итак, он был готов. Можно было давать отчет «ноль». Вся строго засекреченная подготовительная работа была закончена. Сэм сидел в одном из своих кабинетов в огромной башне, которую он построил для себя лично. Часть помещений верхнего этажа была полностью закрыта для посторонних. Но этот кабинет к ним не относился. Его зарешеченные окна выходили на море со стороны архипелага, сплошь за-

строенного хуторами и фермами, хотя сторожевые вышки по-прежнему возвышались на всех островах.

Сэм избегал смотреть Хейлу в глаза. Его внимание, казалось, было полностью поглощено маленьким кубиком, стоявшим перед ним на столе. В кубике, похожем на детскую игрушку, помещалась крохотная паутина паучихи-сирены, медленно мерцавшая то розовым, то ярко алым цветом. Сэм открыл стоящую тут же серебряную коробочку, взял оттуда мохнатую гусеницу и через миниатюрную дверцу в верхней грани кубика бросил ее паучихе. В то же мгновение раздалось низкое ритмичное жужжание, и воздух наполнился одуряющим ароматом.

— Убери, — сказал Хейл. — Я в свое время довольн нанюхался этой дряни. Что с Крауеллом?

Сэм отодвинул переливающуюся паутину. «Я не знал, что он работает на тебя. Он был одним из заговорщиков, вот и все. Я приказал арестовать его вместе с остальными».

— Почему ты действуешь, не посоветовавшись со мной? Почему ты выжидал, пока я уеду за сорок миль инспектировать острова?

— Ты примчался сюда в полчаса. В любом случае, я должен был действовать быстро. Я обнаружил, что с этим заговором связано гораздо больше, чем ты предполагал, когда рассказывал мне об этом. Может быть, Крауелл и работал на тебя, но, как от шпиона, от него было мало пользы.

— Я хочу, чтобы он был освобожден.

Сэм пожал плечами. «Конечно. Но ведь теперь он не нужен?»

— Как сказать.

— Это можно было бы сделать и с помощью видеосвязи. Незачем было нестись сюда, сломя голову.

— Я не хотел, чтобы произошла случайность. Крауелл должен быть освобожден. Всякое может случиться. Неточно сформулированный приказ, неправильно понятый охраной...

— Я никогда не видел, чтобы ты так о ком-то беспокоился. На что тебе сдался этот Крауелл?

Хейл замешкался. Наконец, он ответил: «Я... просто я ему доверяю».

Теперь, в свою очередь, замолчал Сэм. «Доверя-

ешь? — сказал он тихо. — То есть ты бы доверил ему стоять за твоей спиной с пистолетом в руках?»

Хейл кивнул.

— Что ж, может однажды я тоже встречу такого человека, — натянуто улыбнулся Сэм. — Пока мне не повезло. Ладно, освободим твоего Крауелла. Скоро начнется суд.

— Ты назначил его на сегодня?

— Да. Совершенно неожиданно я обнаружил очень много. Это чрезвычайно опасно. Гораздо хуже, чем мы предполагали. Наши враги вооружены лучше, чем мы думали. Возможно, они связаны с Куполами. Я еще не выяснил. Но у меня нет времени рассказывать все это сейчас. Я распорядился о прямой трансляции суда на всю Венеру. Купола подключатся через несколько минут. Пойдем. Ты сам увидишь, в чем там дело.

Но он еще довольно долго провозился, скармливая паучихе очередное насекомое. Не скрывая отвращения, Хейл сказал: «Где ты взял эту дрянь?»

— О, это трофей.

— Еще молодая... Собираешься ее держать у себя? Она вырастет...

— Я этого и жду.

— Вырастет и станет опасной. Это паучиха-сирена, Сэм.

— Вот и здорово. Представляешь, паутина футов на двадцать. Вот здесь на стене...

— И ты с песнями шагаешь прямо ей в пасть.

— Я не очень-то поддаюсь гипнозу, помнишь? В любом случае, я приму меры предосторожности, когда она подрастет: поляризованные фильтры или стробоскопический объектив, систему подавления специально для ее песен, поглотители, чтобы ограничить ее ароматы безопасным уровнем... ага, суд начинается. Идем.

Они вышли вместе.

— Сколько заговорщиков вы захватили? — спросил Хейл.

— Около семидесяти. Некоторые еще могут быть полезными. Остальные — слишком опасны, чтобы ос-

тавлять их в живых.. — Сэм оборвал себя на полуслове — он чуть было не сказал больше, чем хотел.

Освободив Крауелла, они прошли в комнату, в которой должен был проходить суд. Вдоль стен светились ряды телеэкранов. Всюду охрана, много охраны. И заключенные, около семидесяти человек, без наручников, столпившиеся за перегородкой.

Сэм начал говорить без предисловий. Он обращался не только к заключенным, но и ко всем колонистам и жителям Куполов. Сначала он описал деятельность заговорщиков, свои все возрастающие подозрения о существующей в Колонии подпольной организации: «Колония расширялась с каждым часом, мы преуспевали в покорении континента и готовились к тому дню, когда все люди Венеры, мужчины и женщины, смогут, наконец, жить под открытым небом!»

Он арестовал заговорщиков. Но заговор успел глубоко пустить корни. Было налажено тайное воровство — пропадало оборудование, технологические установки, даже материалы для изготовления оружия. В каких целях?

Заговорщиков показали крупным планом.

— Вы — не более чем простые пешки, — говорил им Сэм. — Вы сыграли свою роль в самом начале заговора, потом кто-то перехватил у вас инициативу. Кто-то, кто сейчас притаился. Вы либо не знаете кто он, либо отказываетесь говорить правду. Мы вас допрашивали. Кто этот тайный лидер?

Молчание.

— Каковы его планы? Он из числа колонистов?

Молчание.

— У нас есть доказательства. Оборудование уходило куда-то на сторону. Этому есть свидетели. Мы найдем и его, и всю остальную банду. Он представляет опасность не только для Колонии, но и для Куполов. Что будет, если такой человек захватит власть...

Грозный вопрос повис над Венерой.

— Все равно мы его найдем. Для этого мы готовы просить Купола объединить наши усилия. Но пока — вы обвиняетесь в измене. Вы организовали заговор в целях свержения правительства Колонии и захвата

власти. После этого вы собирались захватить власть в Куполах.

Кто-то из толпы заключенных бросился вперед. Его высокий голос зазвенел по всем каналам связи:

— Я старею! Мы все стареем! Где твое обещанное бессмертие?

— Я не так глуп, взводный командир Френч, — презрительно ответил Сэм. — Я уже давно знаю о готовящемся заговоре, и мне известны все участники. С какой стати я должен давать бессмертие таким людям, как ты? Чтобы вы устраивали заговоры еще тысячу лет? Никто из вас уже много месяцев не получал обработки лучами бессмертия. Вы проходили курс чисто номинально, только чтобы не вызывать ваши подозрения, но настоящее Бессмертие — не для предателей! — его лицо стало каменным.

— Мы с губернатором Хейлом давно выжидаем, надеясь выявить вашего главаря. Определенные события заставили нас поторопиться. Тем не менее, мы не собираемся отказываться от намерения его захватить и ликвидировать угрозу всей нашей цивилизации. Но сейчас мы должны решить, что нам делать с предателями.

— Я приговариваю вас к смерти.

Установилось молчание. Оно длилось и длилось. Особенно долгим казалось оно тем, кто был наверху. Потому что колонисты уже знали, что такое Время.

Сэм сделал короткий, решительный жест.

— Вы будете доставлены под стражей в любой из Куполов по вашему выбору. Никому из вас не будет позволено возвратиться. Колония закрыта для вас навсегда. Также как и Бессмертие. У вас был шанс прожить тысячу лет, но вы вместо этого выбрали измену.

— Никто не причинит вам вреда. Вас доставят вниз, после чего вы будете свободны. До тех пор, пока не умрете. А умрете вы не через тысячу лет, а через тридцать, сорок, может быть, пятьдесят. Я отбираю у вас обещанное бессмертие и приговариваю к естественной смерти.

— Возвращайтесь в Купола. Здесь вы больше не нужны.

Он сложил руки в традиционном приветствии.

— Суд окончен.

Из зала суда: «Результаты медицинского освидетельствования обвиняемых...»

Обращение ко всем Куполам: «Отныне вы прекращаете выплату кориумного налога Колонии Плимут. Вы будете выплачивать налог Комитету Спасения Венеры. Мы берем в свои руки управление планетой. Мы располагаем средствами для обеспечения выполнения наших приказов».

Обращение к Колонии Плимут: «Немедленно посадите все самолеты, или вы будете разрушены...»

Локационная служба не смогла засечь источник передачи. Он непрерывно перемещался. Каждый раз сигналы поступали со стороны моря. Очевидно, происходило переключение с одного самолета на другой, хотя ни один радар не зарегистрировал в атмосфере Венеры самолеты без опознавательных знаков.

Ответ Сэма был кратким: «Сдавайтесь!»

— Мы располагаем средствами для обеспечения выполнения наших приказов...

Лицо Сэма появилось на всех экранах в Куполах и в Колонии.

— Эта преступная шайка была организована в Колонии Плимут. Впервые мятежники пошли на открытое выступление. Мы в состоянии найти и уничтожить их. Мы их обязательно обнаружим! Все наши действия будут транслироваться по телевидению. Сейчас создаются специальные морские и авиаотряды для охраны зон моря над каждым Куполом. Принимаются все возможные меры предосторожности. Был сбит самолет без опознавательных знаков, приближавшийся с юга к Колонии Плимут. Я принимаю на себя руководство операцией. Один из офицеров оперативной службы будет постоянно находиться на связи и информировать вас о происходящем.

Сэм находился в своей башне. Он был один. Вот уже несколько месяцев он руководил работами по размещению системы общего управления. Некоторые задачи он мог решать по диспетчерской связи, но ос-

новную работу приходилось выполнять ему самому. Это было очень непросто.

Со стороны венерианского моря поступило новое сообщение от неизвестного источника.

— Колония Плимут, немедленно посадите свои самолеты! Вы бессильны против атомной бомбардировки!

Перед глазами каждого слушателя в каждом Куполе встала знакомая всем с детства картина: черное облако вокруг рассыпающегося на части земного шара. Атомная энергия в военных целях на Венере? Атомная энергия, которая так легко может выйти из-под контроля!

Инфракрасные и коротковолновые станции, установленные на самолетах Сэма, квадрат за квадратом ощущивали джунгли и море. Тончайшие приборы проникали в сокровенные глубины Венеры в поисках преступников, назвавших себя Комитетом Спасения Венеры.

— Вам предъявляется ультиматум: в вашем распоряжении сорок восемь часов. По истечении этого срока один из Куполов будет разрушен.

Атомное оружие!

Это был старый, всепроникающий страх. Это было воспоминание об ужасе, передаваемое из поколения в поколение вот уже семьсот лет. Но в Куполах годы ничего не значили — это было понятие настолько же бессмысленное, как дни и часы.

Сорок восемь часов?

В Купола, наконец, пришло Время.

Два самолета, не успев приблизиться к форту, были сбиты. Гравитационные лучи мягко посадили их на землю, и взрыва не произошло. Но угроза атомной войны надвигалась все ближе.

Сэм объявил: «Мы напрягаем все наши силы и призываем всех людей, посвятивших себя расширению Колонии, принять участие в этой решительной битве». Его усталое, суровое лицо исчезло с экранов, уступив место картине расчищенного и освоенного морского побережья на фоне уже знакомых зрителям джунглей. Некоторые дома были полностью закончены, другие еще строились. Около недавно залитых фундаментов лежали аккуратные поддоны с пласти-

ковыми кирпичами. Организованные колонны людей двигались к причалившим к берегу самоходным баржам, готовым принять их.

— Местонахождение заговорщиков до сих пор неизвестно. Наша авиация продолжает поиск.

Радарные установки посылали сигналы в бездонные джунгли. Отраженные сигналы обрабатывались и поступали в компьютер.

— Сорок семь часов. В вашем распоряжении осталось сорок семь часов. Колония Плимут, посадите свои самолеты. Мы располагаем атомным оружием и не боимся им воспользоваться...

Время...

— *В вашем распоряжении — сорок шесть часов...*

Страх охватил все Купола. Люди толпились на движущихся тротуарах, собирались на перекрестках под большими телеэкранами. Захария Харкер сказал Кедре:

— Слова «городская жизнь» — это не просто образ. Если сравнить тротуары с кровеносными сосудами, то большие скопления людей — это все равно, что сгустки крови, которые могут вызвать закупоривание сосудов и привести к смерти.

— Захария, — тихо проговорила Кедр.

Он взял ее за руку.

— Я не знаю. Дорогая, я не знаю. Я стараюсь что-то придумать. У нас есть еще сорок пять часов.

— *В вашем распоряжении сорок четыре часа.*

— Еще один атаковавший Колонию самолет сбит. С помощью гравитационных лучей он посажен на расстоянии тридцати миль от форта. Атомного взрыва не последовало. Самолет управлялся по радио. Сигналы управления поступали с передатчика, перемищающегося в южном секторе моря.

Хейл посмотрел на Вычислителя.

— Происходит выравнивание уровней, — сказал Бен Крауелл, набивая трубку.

— Тебе легко говорить. Ты знаешь все ответы. Я — нет.

— По-настоящему опасно только то, о чем ты не догадываешься. Ты можешь видеть перед собой несколько маленьких, безобидных растений и не догадываться, что одно из них — «подземный дед» с корнем двадцать футов в глубину, который пока дожидается своего часа. А сейчас... — он мельком глянул на диктора на ближайшем экране. — Ты ведь не можешь сказать, что я вмешивался?

— Не могу. Но при угрозе атомной войны тебе полагалось бы выглядеть немного более взволнованным. Атомное оружие было запрещено даже у Свободных Компаньонов.

— Осталось сорок три часа, — раздалось с экрана.

— Осталось двадцать четыре часа.

— Осталось двадцать часов.

— Осталось шестнадцать часов.

— Говорит Сэм Рид. Мерзавцы обнаружены!

На экране появились джунгли, показанные высоко сверху — роскошные, ярко-зеленые, пышущие жизнью. Ничего более. После этого началась бомбардировка, кислотная, лучевая, огненная атака... Ярость человека — против ярости Венеры.

Зеленые джунгли почернели. Они корчились в муках. Они бились гигантскими канатами извивающихся и визжащих лиан. Туча разорванной в клочья плоти поднималась над эпицентром неистового удара. Взвилась колонноподобная шея тиранозавра, широко раскрылась красная пасть. Шипение гигантского ящера переросло в пронзительный свист, перекрывший рев и грохот обрушивающегося сверху металла.

— Сдавайтесь! Мы разрушим Купола! Мы используем атомное... Остановите атаку...

Теперь там, где только что были джунгли, вскипала черная пустая земля.

Почва крошилась и плавилась. Она текла наподобие лавы. Раскаленное озеро становилось все больше.

Ударили пневмобрандспойты, разгоняя озеро по сторонам. И из обнажающихся, бурлящих глубин что-то поднялось. Расплавленный грунт схлынул, на экранах показалась серая сферическая поверхность.

Снова лицо Сэма.

— Перед вами тайная штаб-квартира заговорщиков, — сказал он. — Сейчас вы увидите, как она будет уничтожена.

Голос снова надрывался: «Мы разрушим Купола! Остановите атаку...»

Серый свод мрачно возвышался над белым озером.

Упала черная торпедообразная бомба, Серый Купол не дрогнул. Упала еще одна бомба.

Потом еще одна.

Еще не рассеялся дым от первого взрыва, как раздался следующий. Потом еще один. Чудовищная бомбардировка продолжалась без каких-либо пауз. Удары молота обрушивались один за другим. Четыре, пять, шесть...

Сэм сбросил сорок восемь бомб, по одной за каждый час ультиматума.

Все заволочло дымом. Когда он, наконец, рассеялся, то предстала картина такого жуткого разрушения, что стало очевидно — ярость человека во много раз превосходит ярость Венеры. «Подземный дед» был, наконец, вырван с корнем.

Двадцать подводных лодок обезвредили торпеды, застрявшие во внешних оболочках Куполов.

Спустя шесть часов ко всем Куполам обратился Захария Харкер.

— Заговорщики уничтожены Сэмом Ридом. Но они располагали подводным флотом смертников-камикадзе, которые отомстили за свое поражение. Внешняя оболочка Купола Делавер нарушена. Произошло радиоактивное заражение. То же самое произошло и с остальными Куполами. Минуточку... — он на мгновение отвернулся, но сразу продолжил, — ...только что поступили новые сообщения. Мятежники уничтожены не до конца. Очевидно, кто-то остался в живых. Сейчас они не представляют опасности, но до тех пор, пока преступная организация не будет ликвидирована полностью, существует постоянная

угроза. Тем не менее, они достигли своей цели. Через неделю радиоактивность достигнет опасного уровня и жить в Куполах будет невозможно.

— Но не следует поддаваться панике. То, что радиоактивное вещество достигнет критической массы, исключено. Взрыва не будет, тем не менее, мы не в силах остановить ядерную реакцию, и через неделю все Купола превратятся в могильники. Реальным представляется единственное решение. У нас нет времени строить здесь новые Купола. Но это может быть сделано наверху. Сейчас перед вами выступит Сэм Рид. Послушайте его план.

На экранах появилось лицо Сэма.

Он говорил почти бесстрастным голосом: «Мы сделали все, что могли, но последнее слово осталось за негодьями. Вам остается покинуть Купола или умереть. Я уже говорил вам, что мы расчистили огромную территорию. Мы располагаем кое-каким оборудованием. Все это — ваше. Мы останемся в Плимуте или начнем освоение новых Колоний. Вся расчищенная территория и имеющееся оборудование переходят в ваше распоряжение. В трудную минуту мы должны встать плечом к плечу. Мы все составляем одно человечество».

— За неделю вы можете перевезти все необходимое. Жизнь будет нелегкой, но это будет жизнь. От лица Колонии Плимут я выражаю полную готовность помогать вам во всем. Желаю удачи.

Вслед за ним выступил кто-то еще. Сэм и Захария переключились на персональный канал.

— Вы сумеете эвакуировать Купола за неделю?

— Конечно. Если это нужно.

— Отлично. Будем работать вместе. По крайней мере, некоторое время. Однажды Кедрa предлагала мне это, но я сказал — нет. Теперь я сам предлагаю. Мы вышлем своих офицеров, которые помогут вам отобрать самое необходимое. Главной проблемой на расчищенных территориях будет медицина. Мы обеспечим вас своими врачами. Вам нужно выжить и оставаться здоровыми, пока не акклиматизируетесь. Не слишком полагайтесь на свои Купола. Заговор еще не подавлен, то, что они сделали один раз, они могут

сделать и в другой. Оставаясь под Куполами, вы уязвимы. Если мятежники организуются снова...

— Для слабых и старых жизнь наверху может оказаться слишком тяжелой.

— Зато сильным будет чем заняться. Кроме того, есть много работы по обслуживанию, которая не требует никакой физической подготовки. Но она тоже нужна. Возложив это на старых и слабых, мы можем высвободить здоровых и молодых. Вам придется много строить и заниматься расчисткой.

— По оценкам наших специалистов, период полураспада активированного тора составляет двенадцать лет. Через двенадцать лет мы сможем вернуться назад в Купола.

— До этого надо дожить. К тому же не забывайте про заговорщиков, тех, кто уцелел. Они могут напасть, прежде чем мы до них доберемся. Двенадцать лет — время немалое.

— Да, — задумчиво сказал Захария, глядя в лицо своего внука. — Да, я согласен, это немалое время, очень немалое.

«И сказал Господь... восстаньте и идите... в землю, о которой я клялся отцу вашему Аврааму... в землю, текущую молоком и медом... И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону».

Книга Исход.

Последний в истории человечества исход состоялся семьсот лет назад. Теперь начинался следующий. Масштабы переселения были слишком огромны, чтобы средний человек мог их осознать полностью, и, оглядываясь назад, люди вспоминали лишь общее мучительное настроение — близкая к панике истерия, тупое недовольство судьбой и безоговорочное, слепое подчинение приказам. Люди Куполов сизмальства знали, что повиновение — самый легкий способ существования. И на этот раз они делали то, что было приказано. Ворча и бранясь, они против своей воли выполняли команды любого, кто мог приказывать достаточно властно.

В начале переселения никто не поверил бы, что его удастся осуществить в указанное время. Никто,

оглядываясь назад, не мог объяснить, как это удалось сделать. Но переселение совершилось. Какой тяжести гирию нужно было найти, чтобы перевесить эту чудовищную массу инерции, накопившейся в людях за семьсот лет оседлой жизни?

И эта гирия была найдена. Ядро атома. Почти невесомое с точки зрения физических величин, оно смогло так надавить на весы, как никакой другой груз. А виной всему был страх, живший в душе каждого человека, когда-либо поднимавшего взгляд к своду Купола. В каждом Куполе, в самом центре, висел задрапированный символическим черным покрывалом шар, напоминавший об участии навсегда потерянной Земли.

Люди сдвинулись с места.

Кедра в последний раз оглядела свою уютную, изящно обставленную комнату. Она прощалась с ней спокойно и тихо.

— Мы больше никогда не вернемся сюда, — сказала она.

— Почему? — отозвался терпеливо дожидавшийся ее у двери Захария.

— Ты же знаешь, что не вернемся. И это хорошо. Я ненавижу Сэма Рида. Он заставляет меня смотреть в лицо неприятным вещам. И всякий раз он делает это только в собственных интересах, а вовсе не для того, чтобы облагодетельствовать человечество. И сейчас он проделал все это потому, что он выдумал фантастическую ложь и не видит другого способа из нее выпутаться.

— Интересно, а вдруг мы когда-нибудь сможем его поймать?

Кедра пожала плечами. «Даже если бы и могли, то сейчас это уже не имеет значения. Мы знаем методы Сэма. Когда он оказывается в отчаянной ситуации, он применяет отчаянные средства. Каждый раз происходит одно и то же. Я ожидала, что он будет пытаться навести нас на ложный след, но он слишком уж быстро осваивает новые методы. Нет, я не думаю, что нам когда-нибудь удастся что-то доказать».

— Ты готова, дорогая? Лифт ждет.

— Хорошо. — Она вздохнула и повернулась к двери. — Мне нужно отогнать чувство, будто я иду на смерть. Я всего лишь собираюсь перечеркнуть прошлое и начать жизнь с начала. Это будет беспокойно и, наверное, даже опасно, хотя опасность меня волнует меньше всего. Но это будет жизнь, которую мне придется вести дольше, чем я бы хотела. Но самое ужасное, Захария, это то, что меня *заставляют* это делать!

Он засмеялся: «Я чувствую то же самое. Я думаю, первые беспозвоночные, которые вышли на землю из доисторического океана, испытывали похожие ощущения. Они, наверное, ненавидели каждую минуту жизни на суше! Теперь пришло время человечеству выползти из воды и встать на сухую землю, но никто, даже Сэм Рид, не может сделать так, чтобы мы радовались этому!»

— Он еще пожалеет об этом, — она застегнула верхнюю пуговицу своего плаща и на негнущихся ногах тяжело пересекла комнату, словно желая, чтобы каждый ее шаг впечатался в пол, по которому ей не суждено больше ступать — разве что лет через сто, из чистого любопытства. «Как странно это тогда будет выглядеть! — подумала она. — Как темно и душно, после стольких лет жизни на свежем воздухе. Мы будем удивляться, как мы все это выносили. Боже мой, как бы я хотела, чтобы Сэма Рида вообще не было на свете!»

Захария открыл перед ней дверь. «Наши планы остаются в силе и наверху. Я справлялся о твоём... твоей живой mine. Родители и ребенок в полной безопасности, в надежном месте».

— Было бы лучше, — неестественно громко сказала Кедра, — если бы это все-таки был мальчик. Потому что... это более надежно, в конце концов. И, разумеется, это не единственное наше оружие. Сэма нужно остановить во что бы то ни стало. Возможно, мы будем действовать так же бесчестно, как он. Но мы его остановим. Время работает на нас.

Захария пристально посмотрел ей в глаза, но ничего не сказал.

— Я понял, что ты что-то затеваешь, — сказал

Хейл, — когда ты отпустил заговорщиков на свободу. Не в твоих правилах выпускать из рук то, что еще можно использовать.

Сэм посмотрел на него из-под сросшихся бровей: «Ты мечтал о колонизации суши, — прямо ответил он, — колонизация состоялась».

— Роботы-самолеты, роботы-подводные лодки, дистанционное управление... как долго все это создавалось! — изумленно проговорил Хейл, и покачал головой. — Да, ты поработал на славу. Никто, кроме тебя, не осилил бы это.

— Через двенадцать лет, — спокойно перебил его Сэм, — они акклиматизируются. Еще через двенадцать — им так понравится здесь, что назад их уже не затащишь. Помнишь, ты говорил мне, откуда берутся первопроходцы? Одной рукой заманивать, другой — выталкивать. Плохие условия дома и Обетованная Земля впереди. Обетованной Земли оказалось мало. Пришлось... — он пожал плечами.

Хейл некоторое время молчал, изучая Сэма взглядом много повидавшего человека. Наконец, он прервал молчание:

— Помнишь, что произошло с Моисеем, Сэм? — мягко спросил он и, не дожидаясь ответа, повернулся и вышел из комнаты.

Человечество пустило корни и разрослось. Сначала медленно, вяло, потом набирая силу и крепость. Внизу, в заброшенных Куполах, после того, как их покинули десятки тысяч людей, воцарилась странная, необычная тишина.

Но в умирающих городах еще шевелилась жизнь. Нашлись люди, которые не захотели их покидать. Некоторые из них были слишком стары, они прожили здесь много лет и не представляли себе другой жизни. Некоторые были тяжело больны и предпочитали умереть медленной, спокойной смертью. Некоторые были наркоманами. Они тихо перемещались в мертвой пустоте опустевших скорлуп. Никогда, с тех пор как человечество колонизировало Венеру, под сводами Куполов не было так тихо. Слышно было, как шуршат, замедляясь, тротуары. Слышно было, как из огромных динамиков доносятся неясные мор-

ские звуки. Слышно было шарканье шагов одиноких прохожих.

Но скоро шаги смолкли, и единственными звуками остались проникающие снаружи шелесты моря.

Толстые стены сотрясались от грохота бомбардировки. Карандаш в руке Сэма плясал на непрерывно подрагивающей бумаге. Задрожал пол, вздрогнула крышка стола, и все стихло. Сэм скорчил недовольную гримасу. Бомбардировка шла третий день, и он не позволял себе отвлекаться на такие мелочи, как трясущиеся стены.

Молодая женщина в узкой коричневой тунике наклонилась вперед, наблюдая за движением его карандаша. Ее черные волосы косым крылом падали на лицо. Она оторвала листок блокнота почти в ту же секунду, как карандаш завис над бумагой, быстро пошла по вздрагивающему полу к своему рабочему месту, села перед экраном и начала диктовать. Ее голос звучал мягко, но отчетливо. Появление ее загорелого лица на десятке других, разбросанных по осажденному форту экранов сразу привлекло внимание офицеров, ожидавших последних приказаний. Фиалково-голубые глаза сосредоточенно щурились, а бархатистый голос ровно произносил слова команд.

— Отлично, — сказал Сэм, когда она закончила читать. — Отлично, Сигна. Теперь пусть введут Захарию.

Она встала и прошла через комнату. Сэм с удовольствием наблюдал за ее плавными, но точными движениями. Открывшаяся дверь вела не в приемную, а в небольшой бокс, в котором была установлена аппаратура просвечивания, не позволявшая проносить оружие в кабинет Сэма. Сэм всегда старался исключить случайности. Снова раздался грохот бомбардировки, и первая тоненькая трещина змейкой сбегала по одной из стен. От всей этой аппаратуры будет не много толку, когда стены рухнут. Но какое-то время они еще простоят.

По знаку Сигны вошли двое охранников. Они привычно задержались в приемной, пока невидимые лучи прощупывали заключенного. Еще двое вошли вслед за ним.

У Захарии была рассечена губа, а под глазом темнел здоровенный синяк. Тем не менее, несмотря на свои наручники, он держался с достоинством. Если не считать загара, он мало изменился. Захария по-прежнему возглавлял клан Харкеров, а Харкеры по-прежнему оставались самым влиятельным семейством на Венере. Но если операция Сэма по захвату лидера атакующего противника и имела какое-то значение, то по Захарии это не было заметно.

Двадцать лет — не такой уж большой срок.

Купола все еще оставались необитаемыми. Переход к «наземному» образу жизни происходил очень медленно, но уже был завершен. Это стало ясно в тот день, когда метеорологические приборы впервые показали, что произошло смещение состава венерианской атмосферы в сторону экологического равновесия, близкого к земному. Крабья трава и сохранившиеся семена земных растений сделали свое дело: газоанализаторы, наконец, зарегистрировали высокое содержание кислорода. С этого дня, говоря языком биологии, природу можно было предоставить самой себе. Тяжелой, насыщенной двуокисью углерода атмосферы, в которой процветала флора Венеры, больше не существовало. То, что было нормальным для земной растительности, было ядом для венерианских растений, большинство из которых на самом деле были не растениями и не животными, а жутким симбиозом того и другого.

Это смещение было самым долгожданным событием в разросшихся колониях.

После этого началась война.

— Захария, — устало проговорил Сэм, — я хочу, чтобы ты отозвал своих людей.

Захария взглянул на него не без симпатии, тщетно стараясь в очередной раз увидеть в нем хоть какое-нибудь проявление харкеровской крови, которая текла в жилах их обоих. Прищурившись, он сказал: «Я не считаю, что мне нужно это делать, Сэм».

— В твоем положении лучше не торговаться. Если атака не прекратится к полудню, я тебя пристрелю.

Пройди вон туда — ты можешь воспользоваться моим передатчиком.

— Нет, Сэм. С тобой все кончено. На этот раз ты проиграл.

— Я всегда выигрывал. Выиграю и на этот раз.

— Нет, — ответил Захария и на мгновение задумался, вспоминая все те случаи, когда Сэму, действительно, удавалось выиграть. Всякий раз он делал это легко, даже насмешливо, потому что его надежная непробиваемая защита всегда была тщательно выстроена еще в мирное время. И теперь, когда обещанное Бессмертие лопнуло, как мыльный пузырь, когда начался этот неистовый, яростный бунт, к его услугам была прочная белоснежная крепость, надежно укрывавшая за своими стенами самого влиятельного на Венере человека.

— Мы не авантюристы, — спокойно продолжал Захария. — Эта атака была задумана в тот день, когда ты, как пират, угрожая глубинными бомбами, вынудил нас платить кориумный налог. Помнишь, Сэм? Твоя стратегия была почти безошибочна, но все-таки тебе следовало бы проверить оборудование, которые мы вывезли из Куполов. То, что мы используем сейчас, в основном оттуда. — Он посмотрел на расширявшуюся трещину, которая медленно поползла вниз. — На этот раз мы доберемся до тебя, Сэм. Ты давно начал готовиться к сегодняшнему дню, но мы начали раньше.

— Ты кое о чем забываешь, — голова Сэма болела от постоянного гула. Ему было трудно говорить.

— Ты забываешь о себе. Ты ведь не хочешь быть расстрелянным еще до окончания вашей атаки? Не морочь мне голову, Харкер. Вам со мной просто не справиться.

— Не обольщайся, Сэм. До сегодняшнего дня ты был нам нужен. Теперь — все. То, что ты слышишь, это не только пушки. Это люди, это их воля, против которой тебе не устоять. Ни тебе, ни кому другому. Ты давил на них двадцать лет. Теперь с тобой все кончено, Сэм.

Сэм яростно грохнул кулаком по вибрирующему столу. «Заткнись, — заорал он. — Меня тошнит от

твоей болтовни. Даю тебе шестьдесят секунд, Харкер. После этого — с тобой все будет кончено».

Но говоря это, он ощущал неясную тревогу, которую он сам бы не мог точно определить. Его беспокойный разум чувствовал опасность. Его тревожило как раз то, что Захария слишком просто попался в плен. Внешне никаких оснований для подозрений не было, хотя, возможно, ему не давало их разглядеть его собственное тщеславие. Но он чувствовал, что в окружающей его обстановке что-то не так.

Он нервно оглядел комнату, задержав, как обычно, взгляд на сидящей за столом синеглазой девушке. Она молча, настороженно наблюдала за происходящим, не упуская ничего. Он знал, что ей можно доверять. От этой уверенности становилось тепло на душе. А уверенность была основана на скрупулезном отборе и многочисленных психологических тестах, которые прошли все пять претендентов. Сигна была выбрана уже из них.

Ей было восемнадцать лет, когда она, родившаяся в Куполе и выросшая наверху, впервые переступила порог форта в качестве обыкновенного клерка. Всех поступающих, естественно, тщательно проверяли. Всем им психологи Сэма по специально разработанной методике внушали определенный образ мыслей. Сигна поднималась по служебной лестнице быстрее остальных. За год она стала помощником секретаря в той части административного центра, где находились здания с ограниченным доступом. Еще через шесть месяцев стала секретарем и имела собственный штат. Когда Сэм подбирал личный персонал, он был приятно удивлен, обнаружив женское имя среди претендентов с наивысшими показателями. Одного собеседования оказалось достаточно.

Сейчас ей было двадцать пять. Она не была любовницей Сэма, хотя большинство служащих Форта в это бы не поверили. Периодически она проходила проверки под воздействием наркотика или гипноза с целью выяснения эмоционального фона. До сих пор он оставался неизменным. Ей можно было полностью доверять. И Сэм знал, что если бы ему сейчас пришлось от нее отказаться, то его работоспособность упала бы вдвое.

Он видел, что она чем-то обеспокоена. Он так хорошо изучил ее лицо, что любая, пробегающая по нему тень была для него понятна. Когда она смотрела на Захарию, у нее на лбу появлялась складка, а в глазах мелькала озадаченность, как будто она пыталась что-то вспомнить.

Сэм посмотрел на часы. «Сорок секунд», — сказал он, отодвигая стул. Все находившиеся в комнате следили за тем, как он встал, прошел в дальний угол комнаты, как раз туда, где змеилась все расширяющаяся трещина в стене, и щелкнул выключателем. Медленно приподнялся защитный экран. Раздалось тихое приятное жужжание. Сэм потянулся к дверце встроенного в стену шкафа, и в этот момент его остановило попискивание диспетчерского устройства на столе Сигны.

— Тебя, Сэм. Это Хейл.

Он снова щелкнул выключателем, опустил штору и быстро пересек комнату. С экрана на него смотрело смуглое нестарееющее лицо Свободного Компаньона.

— Ты один, Сэм?

— Нет. Подожди, переключусь на наушники.

Лицо на экране выражало нетерпение. По сигналу Сэма экран погас, и в наушниках зазвучал голос Хейла, неслышимый для постороннего слуха.

— Появился пролом, — хрипло сказал Хейл.

— Насколько серьезно?

— Достаточно. И все из-за вибрации. Я тебе говорил, что этот пластик недостаточно прочен. Не выдержала нижняя башня. Они захватили несколько орудий и уже развернули их против нас. Верхняя стена начнет рассыпаться минут через пять. Сэм, я думаю, где-то была утечка. Они не должны даже иметь представления о том, как работают лазерные пушки. А они запросто умеют с ними обращаться.

Сэм молчал. В его мозгу быстро прокручивались разные возможности. Хейл был под подозрением, так же как и все остальные. Очень много времени прошло, прежде чем он начал доверять Свободному Компаньону. Но верность Хейла держалась только на том, что общественное мнение рассматривало их как единомышленников. Хейл пользовался результатами проводимой им политики. Сэм приложил много сил,

чтобы вся Венера знала об этом. Он позаботился о том, чтобы участие Хейла в крайне непопулярных делах, вроде надувательства с Бессмертием, было предано самой широкой огласке. Он испытывал мрачную уверенность, что, если нужно будет спасать собственную шкуру, Хейл покинет его не задумываясь.

— У меня здесь Захария, — сказал он в микрофон, — зайдешь? — Он стянул с головы наушники и обратился к своему узнику: — Твоя минута истекла.

Было видно, что Захария колеблется. Наконец он сказал: «Я буду говорить с тобой при одном условии, Сэм. Мы должны быть одни. Мне есть, что тебе сообщить».

Сэм выдвинул ящик стола, вынул оттуда плоский пистолет и положил его на вибрирующую поверхность стола. «Ты будешь говорить сейчас, Захария Харкер, или я пристрелю тебя. Точно между глаз». Он поднял пистолет, глядя вдоль ствола на безмятежное лицо Бессмертного.

Молчание. Вдруг издалека, смягченный стенами, донесся звук, который невозможно было спутать ни с чем другим — пронзительный вой лазерной пушки, разорвавший воздух над внутренним фортом. Стены коротко вздрогнули, и трещина за спиной Сэма расширилась.

— Тебе имело бы смысл поговорить со мной, Сэм, — сказал Захария. — Но если хочешь стрелять — стреляй.

Замешательство Сэма было не слишком долгим. Он понял, что потрясен больше, чем ему казалось, иначе бы он никогда не поддался бы на этот блеф. Он позволил себе опустить пистолет и кивнуть в знак согласия.

Сигна встала. «Охрана, пожалуйста», — сказала она. Солдаты повернулись и вышли через все еще включенное просвечивающее устройство. Она прикоснулась к выключателю и вопросительно посмотрела на Сэма: «Мне тоже идти?»

— Нет. Тебе не надо, — твердо ответил он.

— Сэм, я... я бы лучше ушла, — в ее голосе звучала подавленность и беспокойство. Но тут вмешался Захария.

— Пусть остается, — сказал он. Сигна снова бросила на него мутный, неуверенный взгляд.

Сэм наблюдал за ними, положив обе ладони на стол и ощущая почти не прекращающуюся вибрацию. Воздух то и дело взрывался воем лазерных лучей, и ему не хотелось думать о том, что сейчас происходит во внутреннем кольце его обороны.

— Хорошо. Что у тебя там? Только говори быстрее. Я спешу.

Захария, у которого обе руки по-прежнему были скованы за спиной, прошел через комнату и встал перед окном, выходящим на бескрайнее море.

— Сейчас покажу, — сказал он. — Вон там...

Сэм нетерпеливо подошел к окну. «Ну? В чем дело?» Он встал рядом с Бессмертным, но достаточно далеко — осторожность была его второй натурой — и посмотрел вниз. «Ничего не вижу. В чем дело?»

Захария просвистел первые такты «Марша охотников»...

Комната с грохотом взорвалась.

Сэм обнаружил, что он катится по полу, задыхаясь и не понимая, что произошло. Лазерный залп, мелькнула дикая мысль. Но тогда бы всю комнату разнесло на куски, между тем только он один, задыхаясь и с трясущейся головой, валяется, уткнувшись плечом в стену.

Он поднял глаза: Захария по-прежнему стоял у окна и даже с какой-то жалостью смотрел на него. Комната цела. А с плечом все-таки что-то случилось.

Вспомнил. Сюда его и долбануло. Он с трудом поднял руку к онемевшему месту и, не веря своим глазам, посмотрел на ладонь, испачканную красным. Что-то текло по груди. Все еще сомневаясь, он наклонил голову и увидел, что это кровь.

Раздался нежный, прерывающийся от волнения голос Сигны: «Сэм... Сэм!»

— Все в порядке... Ничего страшного. — Он поспешил успокоить ее, даже не успев поднять головы. Потом увидел, что она стоит за столом и сжимает в трясущихся руках плоский пистолет. Ее огромные перепуганные глаза были устремлены на него, а искривленный рот напоминал греческую маску ужаса.

Полубезумный взгляд Сигны блуждал от Сэма к Захарии.

— Я... Я должна была сделать это, Сэм, — сказала она хриплым шепотом. — Я не знаю почему, но в этом есть смысл! Я не понимаю...

Захария мягко прервал ее. «Этого было недостаточно, Сигна. Ну же, милая, попробуй еще раз. И поторопись, а то он тебя опередит».

— Я знаю... Я знаю, — спазм перехватил ее горло. Стрелявшая обычно легко и быстро, она стояла неуклюже, как школьница, и шурилась на него вдоль ствола пистолета. Сэм увидел, как ее палец снова нажимает на спусковой крючок.

Он не хотел этого делать. Он, пожалуй, даже рискнул бы оказаться под еще одним выстрелом. Но его правая рука сама скользнула вдоль тела, нащупала сквозь карман крохотный бластер и нажала курок сквозь материю, не целясь.

Он не промахнулся.

В течение одной секунды, последней, ее широко раскрытые, фиалково-синие глаза смотрели на него. Сэм услышал тяжелый удар упавшего пистолета. Он встретился с ее взглядом и вдруг вспомнил другую голубоглазую девушку, которая давным-давно так же смотрела на него, брызгая дурманом ему в лицо.

— Росейз, — прошептал он, вспомнив ее имя, и качнулся к Захарии. Тот же самый треугольник: Сэм, Захария, Росейз — шестьдесят лет назад и сейчас. Все то же самое. Но на этот раз...

Его пальцы снова сжались на рукоятке бластера, и снова шипящий звук разорвал тишину. Захария стоял неподвижно. Разряд, не долетев десяти сантиметров до его груди, неожиданно разорвался в воздухе. Раздался щелчок освобожденной энергии, сверкнула яркая, как взрыв сверхновой, вспышка, и невредимый Захария улыбнулся Сэму.

Сэм не разобрал его слов. Захария, не отрывая взгляда от Сэма, повторил еще раз, погромче: «Все в порядке, Хейл. Теперь твоя очередь».

Совершенная бессмыслица! Но у Сэма не было времени ничего обдумывать. Он стиснул зубы, вытянул бластер из прожженного кармана и навел его на ли-

цо Захарии. Там-то уж точно не было никакого экрана.

Он так и не нажал на курок. Знакомый голос устало произнес: «Ты выиграл, Харкер», — и ослепительная вспышка полоснула Сэма по глазам.

Он знал, что это такое. Они со Свободным Компаньоном носили для поддержания дисциплины миниатюрные разрядники. Слепота, поражавшая виновного, не разрушала зрение навсегда, но не проходила достаточно долго.

В неожиданно заполнившей комнату темноте прозвучал голос Захарии: «Спасибо, Хейл. Я был почти уверен, что ты придешь... Ты как раз вовремя».

И голос Свободного Компаньона: «Прости, Сэм».

Это было последнее, что слышал в Колонии Плимут ее основатель — Сэм Рид.

И взошел Моисей... с равнин Моавитских... и сказал Господь: вот земля, о которой я клялся... я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но ты в нее не войдешь... И умер там Моисей, раб Господень... и никто не знает место погребения его даже до сего дня.

Второзаконие.

Закачалась темнота, завыл ветер. Мутные пятна света оказались лицом, туловищем, руками... Сэм разглядывал сутулого, морщинистого старика с пронизательным лицом. За спиной старика маячила голая стена. Откуда-то проникал неясный свет.

Сэм попытался встать, но у него ничего не вышло. Попытался еще раз. Он не мог пошевелиться. Мозг охватила паника. Старик улыбнулся.

— Полегче, сынок. Все идет так, как должно быть, — разговаривая, он набивал трубку. Вот он поднес к ней спичку. Язычок втянулся внутрь. Старик выдохнул дым. Его ласковый взгляд обратился на Сэма.

— Давай поговорим, сынок. Случай подходящий. Ты, наконец, поправился и снова здоров. Ты не удивляйся. Ты здесь уже несколько недель: лечился, силенок набирался. Кроме меня об этом никто не знает.

Где здесь? Сэм попытался пошевелить головой,

стараясь определить источник света и форму комнаты, и не смог.

— Я давненько заготовил эту нору, — продолжал Крауелл, попыхивая трубкой. — Мне казалось, она может сгодиться на случай вроде этого. Это как раз под моим картофельным полем. Я тут долго еще буду мотыжить землю у тебя над головой. Лет так сто, а может, пятьсот. Так-то, парень. Я ведь тоже Бессмертный. Не похоже? Ну, ведь я на Земле родился.

Он выдохнул голубой дым. «Да, Земля-старушка, много на ней было хорошего. Но я даже тогда видел, что будет. Я и тебя видел, Сэм Рид. Не твое лицо и не твое имя, а просто я знал, что ты все равно явишься. Придет время, и явится человек вроде тебя. Я умею копать в будущем. Талант у меня такой. Только вот вмешиваться я не могу, а то выйдет что-нибудь совсем другое. Если вмешаюсь, то потом какое-то время не могу верно предсказывать».

Сэм делал яростные попытки, чтобы пошевелить хоть одним пальцем. Перед глазами заплескали цветные пятна. Он почти не слышал, что там бубнит старик.

— Ну вот, ты опять, — мирно выговаривал ему Крауелл. — Ты бы послушал меня, сынок. Я ведь Вычислитель. Помнишь, Храм Истины? Ты сперва еще предсказаниям моим не верил, помнишь? Видишь, а я был прав. Я и есть та машина, и я не ошибаюсь. По крайней мере в таких вещах.

— Ты, Сэм, провел сорок лет в Храме Истины. Ясное дело, ты этого не помнишь. Ты был под Стимулятором Грез.

Стимулятор Грез? Сэм мгновенно сосредоточился. Ответ на вопрос, занимавший его так долго! Крауелл бросил его мимоходом теперь, когда это не имеет никакого значения. Крауелл, неведомый страж? Но как... почему...?

— Захария тогда совсем уже было тебя порешил. Я это видел. Он бы своего добился, если бы я не вмешался. А я вмешался, и заплескала карусель... После этого я уже не мог толком разобраться в будущем, покуда все не установилось. Потому-то я ждал сорок лет. И в аллее я тебя тоже потому и оставил в таком состоянии. Чтоб уравновесить весы, сынок. Так уж

все устроено: если я даю тебе сладкий кусок, то я должен дать тебе и горький.

— Ты еле-еле выкарабкался тогда, но когда ты со всем справился, у нас структура событийной ткани опять выровнялась, то есть снова все было в полном порядке, сынок. Я опять мог сказать, что будет дальше.

Сэм почти не слушал. Если бы он только мог справиться с этим параличом! Он должен, должен. До сих пор всегда у него был глубинный запас сил, какого не было больше ни у кого. И он никогда не подводил. Не подведет и сейчас.

Никак!

— Чуть не забыл, ты ведь у нас не Сэм Рид. Помнишь Блейза Харкера? У него был сынок. Блейз уже тогда потихонечку начал с ума сходить, а то бы он ни за что ребеночка так не изуродовал. Он ведь его, бедного, просто ненавидел. Вот и вышло, что ты вырос, как простой человек, но звать-то тебя на самом деле не Рид.

Блейз Харкер. Блейз Харкер, искаженное лицо, смирительная рубашка...

Я дал ему уйти! Я ведь мог его убить! Так это он... Я дал ему уйти...

Блейз Харкер!

Харкер!

Сэм... Харкер!

— Я не мог сказать тебе раньше. Это изменило бы будущее, а мне такие изменения что-то не нравились. До последнего дня ты был нужен нам, Сэм. Такой, как ты, приходит очень редко, такой сильный, чтобы мог весь мир стронуть с места. Специалисты, профессионалы — те встречаются, вроде как Роб Хейл. Только Хейлу этого не сдюжить. Кое-что он, конечно, может, но есть вещи, которые ему ни за что не сделать.

— И ты бы сынок, тоже ничего не стал делать, если бы у тебя все было, что ты хотел.

— Если бы ты не родился, если бы Блейз тебя не изувечил, люди до сих пор жили бы в Куполах. А через несколько сотен лет, может через тысячу, человечество бы совсем вымерло. Я это ясно видел, ясно, как Божий день. А теперь мы поднялись наверх. Мы

колонизировали Венеру. Придет время и всю Вселенную колонизируем.

— И все это — ты, Сэм. Мы тебе очень обязаны. В свое время ты был бы великим человеком. Но твое время прошло. Ты взял власть силой, так все диктаторы делают, сынок, все так наверх лезут. Все, что ты умел делать — это повторять один трюк: дави, жми, дави... Для тебя не оставалось другого пути — только вниз. Наверх больше некуда. В тебе есть такая же пружина, что выпихнула на сушу первое земноводное, но сейчас эта пружина слишком сильно закручена.

Пружина? Вот это что такое — его ярость. Она пылает в нем неистовым пламенем, она бушует в нем так, что странно, почему он до сих пор не может стряхнуть странное оцепенение, не может разнести этот подвал вместе с Крауеллом. Выбраться наружу, стереть в порошок Хейла, стереть в порошок Харкеров...

Харкеров? Но ведь и он — Харкер...

— Такие гиганты, как ты, очень редки, сынок. Когда они приходят в нужное время, в нужное место, они спасают человечество. Но это должно быть особое время — время опасности. В таком человеке, как ты, пружина никогда не останавливается. Ты просто не можешь не пробиваться наверх. Ты либо оказываешься наверху, либо умираешь.

— Если ты не можешь подчинить себе врага, ты подчиняешь друзей. До сегодняшнего дня твоим врагом была Венера, и ты скрутил ее в бараний рог. А что ты собирался подчинять дальше? А?

— Людей.

— Сейчас наступит долгий период мира. Бессмертные взяли верх. Они будут хорошо править. Ты построил для них надежный фундамент. А тебе, сынок, пора уходить.

Крауелл вдруг захихикал. «Сэм, а ведь ты думал, что врешь, когда распинался про бессмертие наверху? А оказалось — правда. Никогда об этом не думал? Человек совсем загибался в Куполах. Зато наверху он будет жить. Ну, скажем, не вечно, но достаточно долго. Человечество получило бессмертие, которое ты, Сэм, ему обещал».

Он снова запыхтел трубкой и сквозь дым задумчиво посмотрел на Сэма. «Мне не по душе вмешиваться в ход вещей. Только однажды я был вынужден убить человека. Просто вынужден. Это так перепутало карты, что я очень долго не мог ничего разобрать. Скверная штука. Но если бы я его не убил, вышло бы еще хуже. Вот я и убил».

— Теперь я снова вмешался, потому что знаю, на что будет похоже будущее с таким человеком, как ты. Это значит, что я снова долго ничего не смогу предсказать. Потом, правда, все поуляжется, тогда и посмотрим.

— На этот раз я никого не убиваю. Приходится учиться с возрастом, сынок. К тому же, ты Бессмертный. Ты можешь долго, очень долго спать, и тебе ничегошеньки не сделается. Этим вот, сынок, и займись — поспи.

— Я надеюсь, что ты так тихонечко во сне и помрешь. В смысле, что мне никогда не придется тебя будить. Ведь если я разбужу, значит, дела у нас — хуже некуда. Мы ведь с тобой долгожители. Нам нужно всегда быть начеку. Мало ли что может случиться!

— Всякое может. Точно не скажу, это еще далеко. Но сам посуди, могут вернуться джунгли. Начнут мутировать, и вылупится какая-нибудь мерзость. Потом, мы же не останемся на Венере вечно. Это наша первая колония. Мы отправимся к другим планетам, к звездам. Тут тоже могут быть неприятности, еще и скорей, чем ты думаешь. А может, кто-то захочет колонизировать нас, как мы колонизируем другие миры. Бывает время для мира, а бывает и для войны, так ведь всегда было, и сдается мне, и дальше будет.

— Вот и выходит, что нам может понадобится человек вроде тебя, Сэм,

— Я разбужу тебя, если ты будешь нужен.

Умное, потемневшее от старости лицо проступало сквозь кольца дыма. Дружелюбный, сочувственный взгляд наблюдал за ним.

— А теперь давай-ка спать. Ты поработал на славу. Отдыхай, сынок, спокойной ночи.

Сэм лежал неподвижно. Свет начал тускнеть. Может быть, это затуманивается его зрение.

Было столько всего, о чем нужно подумать, и так мало осталось времени. Он — Бессмертный. Он должен жить...

Сэм Харкер. Бессмертный Харкер. Харкер.

Он услышал карнавальную музыку в Куполе Де-лавер, увидел яркие ленты движущихся тротуаров, почувствовал сладкий аромат благовоний, улыбнулся возникшему перед ним лицу Кедры...

Потом была секунда отчаянного усилия, словно он на обессиленных руках повис над обрывом, а его сознание крошится под разжимающимися пальцами.

Мрак и тишина заполнили комнату-склеп. Невидимый сорняк глубоко спрятал свои корни — «Подземный дед» спал.

ЭПИЛОГ

Сэм проснулся...

РАССКАЗЫ

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

Джеклин говорила, что в клетке под чехлом — канарейка, а я стоял на своем, на том, что там два попугайчика. Одной канарейке не под силу поднять столько шума. Да и забавляла меня сама мысль, будто старый, сварливый мистер Генчард держит попугаев — уж очень это с ним не вязалось. Но, кто бы там ни шумел в клетке у окна, наш жилец ревниво скрывал это от нескромных глаз. Оставалось лишь гадать по звукам.

Звуки тоже было не так-то просто разгадать. Из-под кретоновой скатерти доносились шорохи, шарканье, изредка слабые, совершенно необъяснимые хлопки, раза два-три — мягкий стук, после которого таинственная клетка ходуном ходила на подставке красного дерева. Должно быть, мистер Генчард знал, что нас разбирает любопытство. Но когда Джеки заметила, мол, как приятно, если в доме птицы, он только и сказал:

— Пустое! Держитесь от клетки подальше, ясно?

Это нас, признаться, разозлило. Мы вообще никогда не лезем в чужие дела, а после такого отпора зареклись даже смотреть на клетку под кретоновым чехлом. Да и мистера Генчарда не хотелось упускать. Заполучить жильца было на удивление трудно. Наш домик стоял на береговом шоссе; весь городишко — десятка два домов, бакалея, винная лавка, почта, ресторанчик Терри. Вот, собственно, и все. Каждое утро мы с Джеки прыгали в автобус и целый час ехали на завод. Домой возвращались измотанные. Найти прислугу было немислимо (слишком высоко оплачивался труд на военных заводах), поэтому мы оба засучивали рукава и принимались за уборку. Что до стряпни, то у Терри не было клиентов более верных, чем мы.

Зарабатывали мы прекрасно, но перед войной порядком влезли в долги и теперь экономили, как могли. Вот почему мы сдали комнату мистеру Генчарду. В медвежьем углу, где так плохо с транспортом, да еще каждый вечер затемнение, найти жилья не легко. Мистера Генчарда, казалось, сам Бог послал. Мы рассудили, что старый человек не будет безобразничать.

В один прекрасный день он зашел к нам, оставил задаток и вскоре вернулся, притащив большой кожаный саквояж и квадратный брезентовый баул с кожаными ручками. Это был маленький сухонький старичок, по краям лысины у него торчал колючий ежик жестких волос, а лицом он напоминал папашу Лупоглаза — дюжего матроса, которого вечно рисуют в комиксах. Мистер Генчард был не злой, а просто раздражительный. По-моему, он всю жизнь провел в меблированных комнатах: старался не быть навязчивым и попыхивал бесчисленными сигаретами, вставляя их в длинный черный мундштук. Но он вовсе не принадлежал к числу тех одиноких старичков, которых можно и нужно жалеть, — отнюдь нет! Он не был беден и отличался независимым характером. Мы полюбили его. Один раз, в приливе теплых чувств, я назвал его дедом... и весь пошел пятнами, такую выслушал отповедь.

Кое-кто рождается под счастливой звездой. Вот и мистер Генчард тоже. Вечно он находил на улице деньги. Изредка мы играли с ним в бридж и покер, и он, совершенно не желая, объявлял малые шлемы и выкладывал флеш. Тут и речи не могло быть о том, что он не чист на руку, — просто ему везло.

Помню, раз мы втроем спускались по длинной деревянной лестнице, что ведет со скалы на берег. Мистер Генчард отшвырнул ногой здоровенный камень с одной из верхних ступенек. Камень упал чуть ниже и неожиданно провалился сквозь ступеньку. Дерево совсем прогнило. Мы несколько не сомневались, что если бы мистер Генчард, который возглавлял процессию, шагнул на гнилой участок, то обвалилась бы вся лестница.

Или вот случай в автобусе. Едва мы сели и отъ-

ехали, забарахлил мотор, водитель откатил автобус к обочине. Навстречу нам по шоссе мчался какой-то автомобиль, и только мы остановились, как у него лопнула передняя шина. Его занесло юзом в кювет. Если бы наш автобус не остановился в тот миг, мы столкнулись бы лбами. А так никто не пострадал.

Мистер Генчард не чувствовал себя одиноким; днем он, видимо, куда-то уходил, а вечерами по большей части сидел в своей комнате у окна. Мы, конечно, стучались, когда надо было у него убрать, и он иногда отвечал: «Минуточку». Раздавался торопливый шорох — это наш жилец набрасывал кретоновый чехол на птичью клетку. Мы ломали себе голову, какая там птица, и прикидывали, насколько вероятно, что это феникс. Во всяком случае, птица никогда не пела. Зато издавала звуки. Тихие, странные, не всегда похожие на птичьи. Когда мы возвращались домой с работы, мистер Генчард неизменно сидел у себя в комнате. Он оставался там, пока мы убирали. По субботам и воскресеньям никуда не уходил.

А что до клетки...

Как-то вечером мистер Генчард вышел из своей комнаты, вставил сигарету в мундштук и смерил нас с Джеки взглядом.

— Пф-ф, — сказал мистер Генчард. — Слушайте, у меня на севере кое-какое имущество и мне надо отлучиться по делам на неделю или около того. Комнату я буду оплачивать по-прежнему.

— Да что вы, — возразила Джеки. — Мы можем...

— Пустое, — проворчал он. — Комната моя. Хочу — оставляю за собой. Что скажете, а?

Мы согласились, и он с одной затяжки искурил сигарету ровно наполовину.

— М-м-м... Ну, ладно, вот что. Раньше у меня была своя машина. Я всегда брал клетку с собой. Теперь я еду автобусом и не могу взять клетку. Вы славные люди — не подглядываете, не любопытствуете. Вам не откажешь в здравом смысле. Я оставляю клетку здесь, но не смейте трогать чехол!

— А канарейка?.. — захлебнулась Джеки. — Она же помрет с голоду.

— Канарейка, вот оно что... — Мистер Генчард

покосился на нее маленьким блестящим недобрым глазом. — Не беспокойтесь. Канарейке я оставил много корму и воды. Держите руки подальше. Если хотите, можете убирать в комнате, но не смейте прикасаться к клетке. Что скажете?

— По рукам, — ответил я.

— Только учтите то, что я вам говорил, — буркнул он.

На другой вечер, когда мы пришли домой, мистера Генчарда уже не было. Мы вошли в его комнату и увидели, что к кретоновому чехлу приколоты записка: «Учтите!» Внутри клетки что-то шуршало и жужжало. Потом раздался слабый хлопок.

— Черт с ней, — сказал я. — Ты первая принимаешь душ?

— Да, — ответила Джеки.

«В-ж-ж», — донеслось из клетки. Но это были не крылья. «Бах!».

На третий вечер я сказал:

— Корму там, может быть, и хватит, но вода кончится.

— Эдди! — воскликнула Джеки.

— Ладно, ты права, я любопытен. Но не могу же я допустить, чтобы птица погибла от жажды.

— Мистер Генчард сказал...

— Ты опять права. Пойдем-ка к Терри, выясним, как у него с отбивными.

На третий вечер... Да что там говорить. Мы сняли чехол. Мне и сейчас кажется, что нас грызло не столько любопытство, сколько тревога.

Джеки твердила, будто она знает одного типа, который истязал свою канарейку.

— Наверное, бедняжка закована в цепь, — заметила Джеки, махнув тряпкой по подоконнику за клеткой. Я выключил пылесос. «У-и-ш-ш... топ-топ-топ», — донеслось из-за кретона.

— Н-да, — сказал я. — Слушай, Джеки. Мистер Генчард — неплохой человек, но малость тронутый. Может, птишка пить хочет. Я погляжу.

— Нет. То есть, — да. Мы оба поглядим, Эдди. Разделим ответственность пополам.

Я потянулся к чехлу. А Джеки нырнула ко мне под локоть и положила свою руку на мою.

Тут мы приподняли краешек скатерти. Раньше в клетке что-то шуршало, но стоило нам коснуться кретона, как все стихло. Я-то хотел одним глазком поглядеть. Но вот беда — рука поднимала чехол все выше и выше. Я видел, как движется моя рука и не мог ее остановить. Я был слишком занят — смотрел внутрь клетки.

Внутри оказался такой... ну, словом, домик. По виду он в точности походил на настоящий, вплоть до последней мелочи. Крохотный домик, выбеленный известкой, с зелеными ставнями — декоративными, их никто и не думал закрывать. Коттедж был строго современный. Как раз такие дома, комфортабельные, добротные, всегда видишь в пригородах. Крохотные оконца были задернуты ситцевыми занавесками; на первом этаже горел свет. Как только мы приподняли скатерть, огоньки во всех окнах внезапно исчезли. Света никто не гасил, просто раздраженно хлопнули жалюзи. Это произошло мгновенно. Ни я, ни Джеки не разглядели, кто (или что) опускал жалюзи.

Я выпустил чехол из рук, отошел в сторону и потянул за собой Джеки.

— К-кукольный домик, Эдди!

— И там внутри куклы?

Я смотрел мимо нее, на закрытую клетку.

— Как ты думаешь, можно выучить канарейку опускать жалюзи?

— О, Господи! Эдди, слушай.

Из клетки доносились тихие звуки. Шорохи, почти неслышный хлопок. Потом царапанье.

Я подошел к клетке и снял кретоновую скатерть. На этот раз я был начеку и наблюдал за окнами. Но не успел глазом моргнуть, как жалюзи опустились.

Джеки тронула меня за руку и указала куда-то пальцем.

На шатровой крыше возвышалась миниатюрная кирпичная труба. Из нее валили клубочки бледного дыма. Дым все шел да шел, но такой слабый, что я даже не чувствовал запаха.

— К-канарейки г-готовят обед, — пролепетала Джеки.

Мы постояли еще немного, ожидая чего угодно. Если бы из-за двери выскочил зеленый человечек и пообещал нам исполнить любые три желания, мы бы нисколько не удивились. Но только ничего не произошло.

Теперь из малюсенького домика, заключенного в птичью клетку, не слышалось ни звука.

И окна были затянуты шторами. Я видел, что вся эта поделка — шедевр точности. На маленьком крылечке лежала циновка — вытирать ноги. На двери звонок.

У клеток, как правило, днище вынимается. Но у этой не вынималось. Внизу, там, где его припаивали, остались пятна смолы и наплавка темно-серого металла. Дверца была тоже припаяна, не открывалась. Я мог просунуть указательный палец сквозь решетку, но большой палец не проходил.

— Славный коттеджик, правда? — дрожащим голосом спросила Джеки. — Там, должно быть, очень маленькие карапузы.

— Карапузы?

— Птички. Эдди, кто-то в этом доме живет?

— В самом деле, — сказал я, вынув из кармана автоматический карандаш, осторожно просунул его между прутьями клетки и ткнул в открытое окно, где тотчас жалюзи взвились вверх. Из глубины дома мне в глаза ударило что-то вроде узкого, как игла, луча от миниатюрного фонарика. Я со стоном отпрянул, ослепленный, но услышал, как захлопнулось окно и жалюзи снова опустились.

— Ты видела?

— Нет, ты все заслонил головой. Но...

Пока мы смотрели, всюду погас свет. Лишь тоненькая струйка дыма из трубы показывала, что в доме кто-то есть.

— Мистер Генчард — сумасшедший ученый*, — пробормотала Джеки. — Он уменьшает людей.

* Сумасшедший ученый — традиционный персонаж голливудских фильмов ужасов, делающий вредные, преступные открытия. — *Прим. перев.*

— У него нет уранового котла, — возразил я. — Сумасшедшему ученому прежде всего нужен урановый котел — иначе как он будет метать искусственные молнии?

Я опять просунул карандаш между прутьями, тщательно нацелился, прижал грифелем звонок на двери и позвонил. Раздалось слабое звяканье.

Кто-то торопливо приподнял жалюзи в окне возле входной двери и, вероятно, посмотрел на меня. Не могу утверждать наверняка, не успел заметить. Жалюзи встали на место и больше ничего не шевелилось. Я звонил и звонил, пока мне не надоело. Тогда я перестал звонить.

— Можно разломать клетку, — сказал я.

— Ох, нет! Мистер Генчард...

— Что же, — сказал я, — когда он вернется, я спрошу, какого черта он тут вытворяет. Нельзя держать у себя эльфов. Этого в жилищном договоре не было.

— Мы с ним не подписывали жилищного договора, — парировала Джеки.

Я все разглядывал домик в птичьей клетке. Ни звука, ни движения. Только дым из трубы.

В конце концов, мы не имеем права насильно взламывать клетку. Это все равно, что вломиться в чужую квартиру. Мне уже мерещилось, как зеленые человечки, размахивая волшебными палочками, арестуют меня за квартирную кражу. Интересно, есть у эльфов полиция? Какие у них бывают преступления?

Я водворил покрывало на место. Немного погодя тихие звуки возобновились. Царап. Бух. Шурш-шурш-шурш. Шлеп. И далеко не птичья трель, которая тут же оборвалась.

— Ну и ну, — сказала Джеки. — Пойдем-ка отсюда, да поживей.

Мы сразу легли спать. Мне приснились полчища зеленых человечков в костюмах опереточных полисменов — они отплясывали на желтой радуге и весело распевали.

Разбудил меня звонок будильника. Я принял душ, побрился и оделся, не переставая думать о том же,

что и Джеки. Когда мы надевали пальто, я заглянул ей в глаза и спросил:

— Так как же?

— Конечно. Ох, Боже мой, Эдди! Т-ты думаешь, они тоже идут на работу?

— Какую еще работу? — запальчиво осведомился я. — Сахарницы разрисовывать?

На цыпочках мы прокрались в комнату мистера Генчарда; из-под кретона — ни звука. В окно струился ослепительный утренний свет. Я рывком сдернул чехол. Дом стоял на месте. Жалюзи одного окна были подняты, остальные плотно закрыты. Я приложил голову вплотную к клетке и сквозь прутья уставился на распахнутое окно, где легкий ветерок колыхал ситцевые занавески.

Из окна на меня смотрел огромный страшный глаз.

На сей раз Джеки не сомневалась, что меня смертельно ранили. Она так и ахнула, когда я отскочил как ошпаренный и проорал что-то о жутком, налитом кровью нечеловеческом глазе. Мы долго жались друг к другу, потом я снова заглянул в окно.

— Ба, — произнес я слабым голосом, — да ведь это зеркало.

— Зеркало? — захлебнулась Джеки.

— Да, огромное, во всю противоположную стену. Больше ничего не видно. Я не могу подобраться вплотную к окну.

— Посмотри на крыльцо, — сказала Джеки.

Я посмотрел. Возле двери стояла бутылка молока — сами представляете, какой величины. Она была пурпурного цвета. Рядом с ней лежала сложенная почтовая марка.

— Пурпурное молоко? — удивился я.

— От пурпурной коровы. Или бутылка такого цвета. Эдди, а это что, газета?

Это действительно была газета. Я прищурился, пытаюсь различить хотя бы заголовки. «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС», — гласили исполинские красные буквы высотой чуть ли не в полтора миллиметра. «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА НАСТИГАЕТ ТЭРА». Больше мы ничего не разобрали.

Я мягко набросил кретон на клетку. Мы пошли завтракать к Терри — все равно надо было еще долго ждать автобуса.

Когда мы вечером ехали домой, то знали, чем займемся прежде всего. Мы вошли в дом, установили, что мистер Генчард еще не вернулся, зажгли в его комнате свет и стали вслушиваться в звуки, доносящиеся из птичьей клетки.

— Музыка, — сказала Джеки.

Музыку мы едва слышали, да и вообще она была какая-то ненастоящая. Не знаю, как ее описать. И она тотчас смолкла. Бух, царап, шлеп, в-ж-ж. Потом наступила тишина, и я стянул с клетки чехол.

В домике было темно, окна закрыты, жалюзи опущены. С крыльца исчезли газета и бутылка молока. На двери висела табличка с объявлением, которое предостерегало (я прочел через лупу): «КАРАНТИН! МУШИНАЯ ЛИХОРАДКА!»

— Вот лгунишка, — сказал я. — Пари держу, что никакой лихорадки там нет.

Джеки истерически захохотала.

— Мушинная лихорадка бывает только в апреле, правда?

— В апреле и на рождество. Ее разносят свежесвылупившиеся мухи. Где мой карандаш?

Я надавил на кнопку звонка. Занавеска дернулась в сторону, вернулась на место; мы не увидели... руки, что ли, которая ее отогнула. Тишина. Дым из трубы не идет.

— Боишься? — спросил я.

— Нет. Как ни странно, не боюсь. Карапузы-то нас чураются. Кэботы беседуют лишь с...*

— Эльфы беседуют лишь с феями, ты хочешь сказать, — перебил я. — А чего они нас, собственно, отваживают? Ведь их дом находится в нашем доме — ты понимаешь мою мысль?

— Что же нам делать?

Я приладил карандаш и с невероятным трудом

* «Кэботы беседуют лишь с Богом» — строчка из четверостишия — тоста американского поэта Джона Коллинса Боссида (1860–1928); тост посвящен Гарвардскому университету. Кэботы — одно из старейших родовитых американских семейств. — *Прим. перев.*

вывел «ВПУСТИТЕ НАС» на белой филенке двери. Написать что-нибудь еще не хватило места. Джеки укоризненно зацокала языком.

— Наверное, не стоило этого писать. Мы же не просимся внутрь. Просто хотим на них поглядеть.

— Теперь уж ничего не поделаешь. Впрочем, они догадуются, что мы имеем в виду.

Мы стояли и всматривались в домик, а он угрюмо и досадливо всматривался в нас. Мушиная лихорадка... Так я и поверил!

Вот и все, что случилось в тот вечер.

Наутро мы обнаружили, что с крохотной двери начисто смыли карандашную надпись, что извещение о карантине висит по-прежнему и что на пороге появились еще одна газета и бутылка зеленого молока. На этот раз заголовок был другой: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА ОБХОДИТ ТЭРА!»

Из трубы вился дым. Я опять нажал на кнопку звонка. Никакого ответа. На двери я заметил почтовый ящик — такую костяшку домино — только потому, что сквозь щель виднелись письма. Но ящик был заперт.

— Вот бы прочитать, кому они адресованы, — размечталась Джеки.

— Или от кого они. Это гораздо интереснее.

В конце концов мы ушли на работу. Весь день я был рассеян и чуть не приварил к станку собственный палец. Когда вечером мы встретились с Джеки, мне стало ясно, что и она озабочена.

— Не стоит обращать внимания, — говорила она, пока мы тряслись в автобусе. — Не хотят с нами знаться и не надо, верно?

— Я не допущу, чтобы меня отваживала какая-то тварь.

— Между прочим, мы оба тихо помешаемся, если не выясним, что же там в домике. Как по-твоему, мистер Генчард — волшебник?

— Паршивец он, — горько сказал я Джеки. — Уехал и оставил на нас каких-то подозрительных эльфов.

Когда мы вернулись с работы, домик в клетке, как обычно, подготовился к опасности, и не успели

мы сдернуть чехол, как отдаленные звуки прекратились. Сквозь опущенные жалюзи пробивался свет. На крыльце лежал только коврик. В почтовом ящике был виден желтый бланк телеграммы.

Джеки побледнела.

— Это последняя капля, — объявила она. — Телеграмма!

— А может, это никакая не телеграмма.

— Нет, она, она, я знаю, что она. «Тетя Путаница умерла». Или: «К вам в гости едет Иоланта».

— Извещение о карантине сняли, — заметил я. — Сейчас висит другое: «Осторожно — окрашено».

— Ну, так не пиши на красивой, чистой двери.

Я набросил на клетку крестик, выключил в комнате свет и взял Джеки за руку. Мы стояли в ожидании. Прошло немного времени, и где-то раздалось тук-тук-тук, а потом загудело, словно чайник на огне. Я уловил тонкий звон посуды.

Утром на крохотном крылечке появились двадцать шесть бутылок желтого — ярко-желтого — молока, а заголовок лилипутской газеты извещал: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ТЭО ДЕЛАЕТ РЫВОК!» В почтовом ящике лежали какие-то письма, но телеграмму уже вынули.

Вечером все шло, как обычно. Когда я снял чехол, наступила внезапная зловещая тишина. Мы чувствовали, что из-под отогнутых уголков штор за нами наблюдают. Наконец мы легли спать, но среди ночи я встал взглянуть еще разок на таинственных жильцов. Конечно, я их не увидел. Но они, должно быть, давали бал: едва я заглянул, как смолкло бешеное топание и цоканье, и тихая, причудливая музыка.

Утром на крылечке была красная бутылка и газета. Заголовок был такой: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА — ПИШИ ПРОПАЛО!».

— Работа у меня летит к чертям собачьим, — сказал я. — Не могу сосредоточиться — все думаю об этой загадке и диву даюсь...

— Я тоже. Непременно надо как-то разузнать.

Я заглянул под чехол. Жалюзи опустились так быстро, что едва не слетели с карнизов.

— Как по-твоему они обижаются? — спросил я.

— По-моему, да, — ответила Джеки. — Мы же пристаем к ним — просто спасу нет. Знаешь, я готова побиться об заклад, что они сидят сейчас у окна и кипят от злости, ждут не дождутся, чтобы мы ушли. Может, пойдем? Все равно нам пора на автобус.

Я взглянул на домик, а домик, я чувствовал, смотрел на меня — с обидой, раздражением и злостью. Ну да ладно. Мы уехали на работу.

Вернулись мы в тот вечер усталые и голодные, но, даже не сняв пальто, прошли в комнату мистера Генчарда. Тишина. Я включил свет, а Джеки тем временем сдернула с клетки кретоновый чехол.

Я услышал, как она ахнула. В тот же миг я подскочил к ней, ожидая увидеть на нелепом крыльце зеленого человечка, да и вообще чего угодно ожидая. Но не увидел ничего выдающегося. Из трубы не шел дым.

А Джеки показывала пальцем на дверь. Там висела новая табличка. Надпись была степенная, краткая и бесповоротная: «СДАЕТСЯ ВНАЕМ».

— Ой-ой-ой! — сказала Джеки.

Я судорожно глотнул. На крохотных окнах были подняты все жалюзи, а ситцевые занавески исчезли. Впервые мы могли заглянуть внутрь домика. Он был совершенно пуст, удручающе пуст.

Мебели нигде нет. Нет вообще ничего, лишь кое-какие царапины на паркетном полу с лаковым покрытием. Обои — выдержанные в мягких тонах и выбранные с хорошим вкусом, безукоризненно чистые. Жильцы оставили дом в безупречном состоянии.

— Съехали, — сказал я.

— Да, — пробормотала Джеки. — Съехали.

На душе у меня вдруг стало прескверно. Дом — не тот, крохотный, что в клетке, а наш — ужасно опустел. Знаете, так бывает, когда вы съездите в гости и вернетесь в квартиру, где нет никого и ничего.

Я сгреб Джеки в объятия, крепко прижал к себе. У нее тоже было плохое настроение. Никогда бы я не подумал, что крохотная табличка «СДАЕТСЯ ВНАЕМ» может так много значить.

— Что скажет мистер Генчард? — воскликнула Джеки, глядя на меня большими глазами.

Мистер Генчард вернулся к вечеру на шестые сутки. Мы сидели у камина, как вдруг он вошел с саквояжем в руках, черный мундштук торчал из-под носа.

— Пф-ф, — поздоровался он с нами.

— Привет, — сказал я слабым голосом. — Рад вас видеть.

— Пустое! — непреклонно заявил мистер Генчард и направился в свою комнату. Мы с Джеки переглянулись.

Мистер Генчард ураганом вырвался из своей комнаты, совершенно разъяренный. В дверях гостиной показалось его искаженное лицо.

— Ротозеи наглые! — зарычал он. — Ведь просил же вас...

— Погодите минутку, — сказал я.

— Съезжаю с квартиры! — взревел мистер Генчард. — Сейчас же!

Его голова скрылась из виду, хлопнула дверь, щелкнул ключ в замке. Мы с Джеки так и ждали, что старик нас отшлепает.

Мистер Генчард опрометью выбежал из своей комнаты, держа в руках саквояж. Он вихрем пронесся мимо нас к двери.

Я попытался остановить его:

— Мистер Генчард...

— Пустое!

Джеки повисла у него на одной руке, я завладел другой. Вдвоем мы ухитрились удержать его на месте.

— Пойдите, — сказал я. — Вы забыли свою... э... птичью клетку.

— Это по-вашему, — ощерился он. — Можете взять себе. Нахалы! Я убил несколько месяцев, чтобы сделать этот домик по всем правилам, а потом еще несколько месяцев уговаривал их поселиться. Теперь вы все испортили. Они не вернутся.

— Кто «они»? — выпалила Джеки.

Недобрые глаза-бусинки пригвоздили нас к месту.

— Мои жильцы. Придется теперь строить им но-

вый дом... ха! Но уж на этот раз я не оставлю его в чужих руках.

— Погодите, — сказал я. — Вы... вы в-волшебник? Мистер Генчард фыркнул.

— Я мастер. Поступайте с ними порядочно — и они с вами будут поступать порядочно. А все же... — и он засветился грустью, — ...не всякий может построить такой дом, как им нужно.

Он, казалось, смягчился, но следующий мой вопрос его снова ожесточил.

— Кто они такие? — отрывисто переспросил он. — Да Маленький Народец, конечно. Называйте как угодно. Эльфы, гномы, феи, тролли... у них много имен. Но они хотят жить в тихом, respectableм квартале, не там, где вечно подслушивают, подглядывают. От таких штучек дом приобретает дурную славу. Нечего удивляться, что они съехали! А они-то... пф-ф!.. они всегда вносили плату в срок. Правда, Маленький Народец всегда платит исправно, — прибавил он.

— Какую плату? — прошептала Джеки.

— Удачу, — пояснил мистер Генчард. — Удачу. А чем они, по-вашему, платят — деньгами что ли? Теперь придется делать новый дом, чтобы моя удача вернулась.

На прощанье он окинул нас сердитым взглядом, рывком открыл дверь и с топотом выскочил из дома. Мы смотрели ему вслед. К бензозаправочной колонке, что внизу у подножия холма, подъезжал автобус, и мистер Генчард пустился бегом.

Он сел-таки в автобус, но сначала основательно пропахал носом землю.

Я обнял Джеки.

— О Господи, — сказала она. — Он уже стал невезучим.

— Не то что невезучим, — поправил я. — Просто обыкновенным. Кто сдает домик эльфам, у того удачи хоть отбавляй.

Мы сидели молча, смотрели друг на друга. Наконец, ни слова не говоря, пошли в освободившуюся комнату мистера Генчарда. Птичья клетка была на

месте. Как и домик. Как и табличка «Сдается внаем».

— Пойдем к Терри, — предложил я.

Мы задержались там дольше, чем обычно. Можно было подумать, будто нам не хочется идти домой, потому что дом заколдован. На самом деле все было как раз наоборот. Наш дом перестал быть заколдованным. Он стоял покинутый, холодный, заброшенный.

Я молчал, пока мы пересекали шоссе, поднимались вверх по холму, отпирали входную дверь. Сам не знаю почему, последний раз пошли взглянуть на опустевший домик. Клетка была покрыта (я сам накинул на нее скатерть), но... бах, шурш, шлеп! В домике снова появились жильцы!

Мы попятились и закрыли за собой дверь, а уж потом решились перевести дух.

— Нет, — сказала Джеки. — Не надо подсматривать. Никогда, никогда не будем заглядывать под чехол.

— Ни за что, — согласился я. — Как по-твоему, кто...

Мы различили едва слышное журчание — видимо, кто-то залихватски распевал. Отлично. Чем им будет веселее, тем дольше они здесь проживут. Мы легли спать, и мне приснилось, будто я пью пиво с Рип Ван Винклем и карликами. Я их всех перепил, они свалились под стол, а я держался молодцом.

Наутро шел дождь, но это было неважно. Мы не сомневались, что в окна льется яркий солнечный свет. Под душем я мурлыкал песенку. Джеки что-то болтала — невнятно и радостно. Мы не стали открывать дверь в комнату мистера Генчарда.

— Может, они хотят выспаться, — сказал я.

В механической мастерской всегда шумно; поэтому, когда проезжает тележка, груженная необработанными обшивками для цилиндров, вряд ли грохот и лязг становятся намного сильнее. В тот день часа в три пополудни мальчишка-подручный катил эти обшивки в кладовую, а я ничего не слышал и не видел, отошел от строгального станка и, сощурясь, проверял наладку.

Большие строгальные станки — все равно что маленькие колесницы Джаггернаута. Их замуровывают в бетон на массивных рамах высотой с ногу взрослого человека, и по этим рамам ходит взад и вперед тяжелое металлическое чудовище — строгальный станок, как таковой.

Я отступил на шаг, увидел приближающуюся тележку и сделал грациозное па вальса, пытаясь уклониться. Подручный круто повернул, чтобы избежать столкновения; с тележки посыпались цилиндры, я сделал еще одно па, но потерял равновесие, ударился бедром о кромку рамы и проделал хорошенькое самоубийственное сальто. Приземлился я на металлическую раму — на меня неудержимо двигался строгальный станок. В жизни не видел, чтобы неодушевленный предмет передвигался так стремительно.

Я еще не успел осознать, в чем дело, как все кончилось. Я барахтался, надеясь соскочить, люди кричали, станок ревел торжествующе и кровожадно, вокруг валялись рассыпанные цилиндры. Затем раздался треск, мучительно заскрежетали шестерни передач, разваливаясь вдребезги. Станок остановился. Мое сердце забилося снова.

Я переоделся и стал поджидать, когда кончит работу Джеки. По пути домой в автобусе, я ей обо всем рассказал.

— Чистейшая случайность или чудо. Один из цилиндров попал в станок и как раз куда надо. Станок пострадал, но я-то нет. По-моему, надо написать записку, выразить благодарность, э-э... жильцам.

Джеки убежденно кивнула.

— Они платят за квартиру везением, Эдди. Как я рада, что они уплатили вперед!

— Если не считать того, что я буду сидеть без денег, пока не починят станок, — сказал я.

Вскоре началась гроза. Из комнаты мистера Генчарда слышался стук — таких громких стуков из птичьей клетки мы еще не слышали. Мы бросились наверх и увидели, что там открылась форточка. Я ее закрыл. Кретоновый чехол наполовину соскользнул с клетки, и я начал было водворять его на место. Дже-

ки встала рядом со мной. Мы посмотрели на крохотный домик — моя рука не довершила начатого движения.

С двери сняли табличку «Сдается внаем». Из трубы валил жирный дым. Жалюзи, как водится, были наглухо закрыты, но появились кое-какие перемены.

Слабо тянуло запахом стряпни. Подгоревшее мясо и тухлая капуста, — очумело подумал я. Запах, несомненно, исходил из домика эльфов. На когда-то безупречном крыльце красовалось битком набитое помойное ведро, малюсенький ящик из-под апельсинов, переполненный немытыми консервными банками, совсем уж микроскопическими и пустыми бутылками, явно из-под горячительных напитков. Возле двери стояла и молочная бутылка — жидкость в ней была цвета желчи с лавандой. Молоко еще не вносили внутрь, так же как не вынимали еще утренней газеты. Газета была, безусловно, другая. Устрашающая величина заголовков доказывала, что это бульварный листок.

От колонны крыльца к углу дома протянулась веревка; правда, белье на ней пока не висело.

Я нахлобучил на клетку чехол и устремился вслед за Джеки на кухню.

— Боже правый! — сказал я.

— Надо было потребовать у них рекомендации, — простонала Джеки. — Это вовсе не наши жильцы.

— Не те, что жили у нас прежде, — согласился я. — То есть не те, что жили у мистера Генчарда. Видала мусорное ведро на крыльце?

— И веревку для белья, — подхватила Джеки. — Какое... Какое неряшество.

— Джуки, Калликэки и Джитеры Лестеры. Тут им не «Табачная дорога»*

Джеки нервно глотнула.

— Знаешь, ведь мистер Генчард предупреждал, что они не вернутся.

— Да, но сама посуди...

* «Табачная дорога» — роман американского писателя Эрэки-на Колдуэлла. Книга была экранизирована, и одноименный фильм прославленного режиссера Джона Форда получил мировое признание. Герой рассказа Каттнера имеет в виду оборванцев — персонажей книги и фильма. — *Прим. перев.*

Она медленно кивнула, словно начиная понимать.
Я сказал:

— Выкладывай.

— Не знаю, но вот мистер Генчард говорил, что Маленькому Народцу нужен тихий респектабельный квартал. А мы их выжили. Пари держу, мы создали птичьей клетке — району — дурную репутацию. Перворазрядные эльфы не станут тут жить... Это... о Господи... это теперь, наверное, притон.

— Ты с ума сошла, — сказал я.

— Нет. Так оно и есть. Мистер Генчард говорил то же самое. Говорил ведь он, что теперь придется строить новый домик. Хорошие жильцы не поедут в плохой квартал. У нас живут сомнительные эльфы, вот и все.

Я разинул рот и уставился на жену.

— Угу. Те, что привыкли ютиться в трущобах. Пари держу, у них в кухне живет эльфовская коза, — выпалила Джеки.

— Что ж, — сказал я, — мы этого не потерпим. Я их выселю... Я... я им в трубу воды налью. Где чайник?

Джеки вцепилась в меня:

— Не смей! Не надо их выселять, Эдди. Нельзя. Они вносят плату.

И тут я вспомнил:

— Станок...

— Вот именно. — Для пущей убедительности Джеки даже впиалась ногтями в мою руку. — Сегодня ты бы погиб, не спаси тебя счастливый случай. Наши эльфы может быть и неряхи, но все же платят за квартиру.

До меня дошло.

— А ведь мистеру Генчарду везло совсем по-другому. Помнишь, как он подкинул ногой камень на лестнице у берега и ступенька провалилась? Мне-то тяжело достается. Правда, когда я попадаю в станок, за мной туда же летит цилиндр и останавливает всю машину, это так, но я остался без работы, пока не починят станок. С мистером Генчардом ни разу не случилось ничего подобного.

— У него жильцы были не того разряда, — объ-

яснила Джеки с лихорадочным блеском в глазах. — Если бы в станок угодил мистер Генчард, там бы пробка перегорела. А у нас живут сомнительные эльфы, вот и удача у нас сомнительная.

— Ну и пусть живут, — сказал я. — Мы с тобой — содержатели притона. Пошли отсюда, выпьем у Терри.

Мы застегнули дождевики и вышли; воздух был свежий и влажный. Буря ничуть не утихла, завывал порывистый ветер. Я забыл взять с собой фонарик, но возвращаться не хотелось. Мы стали спускаться по холму туда, где слабо мерцали огни заведения Терри.

Было темно. Сквозь ливень мы почти ничего не видели. Наверное, поэтому и не заметили автобуса, пока он не наехал прямо на нас, — во время затемнения фары почти не светили.

Я хотел было столкнуть Джеки с дороги на обочину, но поскользнулся на мокром бетоне, и мы оба шлепнулись. Джеки повалилась на меня, и через мгновение мы уже забарахтались в чавкающей грязи кювета, а автобус с ревом пронесся мимо и был таков.

Мы выбрались из кювета и пошли к Терри. Бармен выпучил на нас глаза, присвистнул и налил нам по рюмке, не дожидаясь просьбы.

— Без сомнения, — сказал я, — они спасли нам жизнь.

— Да, — согласилась Джеки, оттирая уши от грязи. — Но с мистером Генчардом такого бы не случилось.

Бармен покачал головой.

— Упал в канаву, Эдди? И вы тоже? Не повезло!

— Не то чтобы не повезло, — слабо возразила Джеки. — Повезло. Но повезло сомнительно. — Она подняла рюмку и посмотрела на меня унылыми глазами. Мы чокнулись.

— Что же, — сказал я. — За удачу!

АВЕССАЛОМ

Джозел Локк затемно вернулся из университета, где возглавлял кафедру психодинамики. Он незаметно проскользнул в дом через боковую дверь и остановился, прислушиваясь, — высокий сорокалетний человек со стиснутыми губами; в уголках его рта затаилась язвительная усмешка, серые глаза были мрачны. До него донеслось гудение преципитрона. Это означало, что экономка Эбигейл Шулер занята своим делом. С едва заметной улыбкой Локк повернулся к нише, открывшейся в стене при его приближении.

Гравелифт бесшумно поднял его на второй этаж.

Наверху Локк передвигался с удивительной осторожностью. Он сразу подошел к последней двери в коридоре и остановился перед ней, опустив голову, с невидящими глазами. Ничего не было слышно. Чуть погодя он открыл дверь и шагнул в комнату.

Мгновенно его вновь пронизало, пригвоздило к месту ощущение неуверенности. Однако он не поддался этому ощущению, только еще крепче стиснул зубы и стал оглядываться по сторонам, мысленно приказывая себе не волноваться.

Можно было подумать, что в комнате живет двадцатилетний юноша, а не восьмилетний ребенок. Повсюду в беспорядке валялись теннисные ракетки вперемешку с грудями магнитокниг. Тиаминизатор был включен, и Локк машинально щелкнул выключателем, но тут же насторожился. Он мог поклясться, что с безжизненного экрана видеофона за ним наблюдают чьи-то глаза.

И это уже не в первый раз.

Но вот Локк оторвал взгляд от видеофона и присел на корточки, чтобы осмотреть кассеты с книгами.

Одну, озаглавленную «Введение в энтропическую логику», он поднял и хмуро повертел в руках. Затем положил кассету на место, опять пристально посмотрел на видеофон и вышел из комнаты.

Внизу Эбигейл Шулер нажимала на кнопки пульта горничной-автомата. Чопорный рот экономки был стянут так же туго, как узел седых волос на затылке.

— Добрый вечер, — сказал Локк. — Где Авессалом?

— Играет в саду, брат* Локк, — церемонно ответила Эбигейл. — Вы рано вернулись. Я еще не кончила уборку в столовой.

— Что ж, включите ионизатор и пусть действует, — посоветовал Локк. — Это недолго. Все равно мне надо проверить кое-какие работы.

Он направился было к выходу, но Эбигейл многозначительно кашлянула.

— Что такое?

— Он осунулся.

— Значит, ему нужно побольше бывать на воздухе, — коротко заметил Локк. — Отправлю его в летний лагерь.

— Брат Локк, — сказала Эбигейл, — не понимаю, отчего вы не пускаете его в Баха-Калифорнию. Он уж так настроился! Раньше вы разрешали ему учить все, что он хочет, как бы труден ни был предмет. А теперь вдруг воспротивились. Это не мое дело, но смею вам сказать, что он чахнет.

— Он зачахнет еще скорее, если я соглашусь. У меня есть основания возражать против того, чтобы он изучал энтропическую логику. Знаете, что она за собой влечет?

— Не знаю... вы же знаете, что не знаю. Я женщина неученая, брат Локк. А только Авессалом — смышленный мальчонка.

Локк раздраженно махнул рукой.

— Удивительный у вас талант сводить все к таким вот узеньким формулам, — сказал он и передрознил: — «Смышленный мальчонка»!

Пожав плечами, Локк отошел к окну и взглянул

* Обращение, принятое среди квакеров. — *Прим. перев.*

вниз, на площадку, где его восьмилетний сын играл в мяч. Авессалом не поднял глаз. Он, казалось, был поглощен игрой. Но, наблюдая за сыном, Локк почувствовал, как в его сознание прокрадывается холодный, обволакивающий ужас, и судорожно сцепил руки за спиной.

На вид мальчику можно дать лет десять, по умственному развитию он не уступает двадцатилетним, и все же на самом деле это восьмилетний ребенок. Трудный. Теперь у многих родителей такая же проблема. Что-то происходило в последние годы с кривой рождаемости гениальных детей. Что-то лениво зашевелилось в глубинах сознания сменяющих друг друга поколений и медленно стал появляться новый вид. Локку это было хорошо известно. В свое время он тоже считался гениальным ребенком.

Другие родители могут решать эту проблему иначе, упрямо рассуждал Локк. Но не он. Он-то знает, что полезно Авессалому. Другие родители пусть отдадут одаренных детей в специальные ясли, где эти дети будут развиваться среди себе подобных. Только не Локк.

— Место Авессалома здесь, — сказал он вслух. — Со мной, где я могу...

Он встретился взглядом с домоправительницей, опять раздраженно пожал плечами и возобновил оборвавшийся разговор:

— Конечно, смысленый. Но не настолько, чтобы уехать в Баха-Калифорнию и изучать энтропическую логику. Энтропическая логика! Она слишком сложна для ребенка. Даже вы должны это понимать. Это вам не конфета, которую можно дать ребенку, предварительно проверив, есть ли в домашней аптечке касторка. У Авессалома незрелый ум. Сейчас просто опасно посылать мальчика в университет Баха-Калифорнии, где учатся люди втрое старше его. Это связано с таким умственным напряжением, на какое он еще не способен. Я не хочу, чтобы он превратился в психопата.

Эбигейл сердито поджала губы.

— Вы же разрешили ему заниматься математическим анализом.

— Да оставьте меня в покое! — Локк снова по-

смотрел вниз, на мальчика, играющего на площадке. — По-моему, — медленно проговорил он, — пора провести с Авессаломом очередной сеанс.

Домоправительница устремила на хозяина проницательный взгляд, приоткрыла тонкие губы, собираясь что-то сказать, но тут же снова закрыла рот с явно неодобрительным видом. Она, конечно, не совсем понимала, как и для чего проводятся сеансы. Знала только, что теперь существуют способы принудительно подвергнуть человека гипнозу, против его воли заглядывать к нему в мозг, читать там, как в открытой книге, и выискивать запретные мысли. Она покачала головой, плотно сомкнув губы.

— Не пытайтесь вмешиваться в вопросы, в которых ничего не смыслите, — сказал Локк. — Уверяю вас, я лучше знаю, что Авессалому на пользу. Я сам тридцать с лишним лет назад был в его положении. Кому может быть виднее? Позовите его домой, пожалуйста. Я буду у себя в кабинете.

Нахмутив лоб, Эбигейл провожала его взглядом до двери. Трудно судить, что хорошо и что плохо. Современная мораль жестко требует хорошего поведения, но иногда человеку трудно решить для самого себя, что именно самое правильное. Вот в старину, после атомных войн, когда своеволию не было удержу и каждый делал, что хотел, — тогда, наверное, жилось легче. Теперь же, в дни резкого отката к пуританизму, надо два раза подумать и заглянуть себе в душу, прежде чем решиться на сомнительный поступок.

Что ж, на сей раз у Эбигейл не было выбора. Она щелкнула выключателем настенного микрофона и проговорила:

— Авессалом!

— Что, сестра Шулер?

— Иди домой. Отец зовет.

У себя в кабинете Локк секунду постоял недвижно, размышляя. Затем снял трубку домашнего селектора.

— Сестра Шулер, я разговариваю по видеофону. Попросите Авессалома подождать.

Он уселся перед своим личным видеофоном. Руки ловко и привычно набрали нужные цифры.

— Соедините с доктором Райаном из Вайомингских экспериментальных яслей. Говорит Джоэл Локк.

В ожидании он рассеянно снял с полки античных редкостей архаическую книгу, отпечатанную на бумаге, и прочел:

«И разослал Авессалом лазутчиков во все колена Израилевы, сказав: когда вы услышите звук трубы, то говорите: «Авессалом воцарился в Хевроне».»

— Брат Локк? — спросил видеофон.

На экране показалось славное, открытое лицо седого человека. Локк поставил книгу на место и поднял руку в знак приветствия.

— Доктор Райан, извините, что побеспокоил.

— Ничего, — сказал Райан. — Времени у меня много. Считается, что я заведу яслями, но на самом деле ими заправляют детишки — все делают по своему вкусу. — Он хохотнул. — Как поживает Авессалом?

— Всему должен быть предел, — ответил Локк. — Я дал ребенку полную свободу, наметил для него широкую программу занятий, а теперь ему вздумалось изучать энтропическую логику. Этот предмет читают только в двух университетах и ближайший из них находится в Баха-Калифорнии.

— Он ведь может летать туда вертолетом, не так ли? — спросил Райан, но Локк неодобрительно проворчал:

— Дорога отнимет слишком много времени. К тому же одно из требований университета — проживание в его стенах и строгий режим. Считается, что без дисциплины, духовной и телесной, невозможно осилить энтропическую логику. Это вздор. Начатки ее я самостоятельно освоил у себя дома, хотя для наглядности и пришлось воспользоваться объемными мультимедиами.

Райан засмеялся.

— Мои ребяташки проходят тут энтропическую логику. Э-э... вы уверены, что все поняли?

— Я понял достаточно. Во всяком случае, убедился, что ребенку незачем ее изучать, пока у него не расширится кругозор.

— У наших детей она идет, как по маслу, — воз-

разил врач. — Не забывайте, Авессалом — гений, а не заурядный мальчик.

— Знаю. Но знаю и то, какая на мне ответственность. Надо сохранить нормальную домашнюю обстановку, чтобы дать Авессалому чувство уверенности в себе, — это одна из причин, по которым пока нежелательно, чтобы ребенок жил в Баха-Калифорнии. Я хочу его оберегать.

— У нас и раньше не было единства в этом вопросе. Все одаренные дети прекрасно обходятся без присмотра взрослых, Локк.

— Авессалом — гений, но он ребенок. Поэтому у него отсутствует чувство пропорции. Ему надо избегать множества опасностей. По-моему, это ошибка — предоставлять одаренным детям свободу действий и разрешать им делать все, что угодно. У меня были веские причины не отдавать Авессалома в ясли. Всех гениальных детей смешивают в одну кучу и предоставляют самим выкарабкиваться. Абсолютно искусственная среда.

— Не спорю, — сказал Райан. — Дело ваше. Повидимому, вы не желаете признать, что в наши дни кривая рождаемости гениев приобрела вид синусоиды. Через поколение...

— Я и сам был гениальным ребенком, но я-то с этим справился, — разгорячился Локк. — У меня хватало неприятностей с отцом. Это был тиран, мне просто повезло, что он не искалечил мою психику. Я все уладил, но неприятности были. Я не хочу, чтобы у Авессалома были неприятности. Поэтому я прибегаю к психодинамике.

— К наркосинтезу? К принудительному гипнозу?

— Вовсе он не принудительный, — огрызнулся Локк. — Это духовное очищение, оно многого стоит. Под гипнозом Авессалом рассказывает мне все, что у него на уме, и тогда я могу ему помочь.

— Не знал я, что вы это делаете, — медленно произнес Райан. — Я вовсе не уверен, удачная ли это затея.

— Я ведь вас не поучаю, как надо заведовать яслями.

— Да. А вот детишки поучают. Из них многие умнее меня.

— Преждевременно развившийся ум опасен. Ребенок способен разогнаться на коньках по тонкому льду, не проверив его прочности. Но не подумайте, будто я удерживаю Авессалома на месте. Я только проверяю, прочен ли лед. Я-то могу понять энтропическую логику, но Авессалом пока еще не может. Придется ему подождать.

— Так что же?

Локк колебался.

— Гм... вы не знаете, ваши ребята не сносились с Авессаломом?

— Не знаю, — ответил Райан. — Я в их дела не вмешиваюсь.

— Ну что ж, тогда пусть они не вмешиваются в мои дела и дела Авессалома. Желательно, чтобы вы выяснили, поддерживают ли они связь с моим сыном.

Наступила долгая пауза. Потом Райан неторопливо сказал:

— Постараюсь. Но на вашем месте, брат Локк, я бы разрешил Авессалому уехать в Баха-Калифорнию, если он хочет.

— Я знаю, что делаю. — С этими словами Локк дал отбой. Взгляд его снова обратился к Библии.

Энтропическая логика!

Когда ребенок достигнет зрелости, его соматические и физиологические показатели придут в норму, но пока что маятник беспрепятственно раскачивается из стороны в сторону. Авессалому нужна твердая рука — для его же блага.

А ведь с некоторых пор ребенок почему-то увильчивает от гипнотических сеансов. Что-то с ним неладно.

Беспорядочные мысли пронеслись в мозгу Локка. Он забыл, что сын его ждет и вспомнил, лишь услышав из настенного динамика голос Эбигейл, которая объявила, что обед подан.

За обедом Эбигейл Шулер сидела между отцом и сыном, как Атропа* — готовая обрезать разговор, ед-

* Атропа — в древнегреческой мифологии одна из трех Мойр, богинь человеческой судьбы, ножницами перерезала нить жизни. — *Прим. перев.*

ва только он примет нежелательный для нее оборот. Локк почувствовал, как в нем нарастает давнишнее раздражение: Эбигейл считает своим долгом защищать Авессалома от отца. Быть может, из-за этого ощущения Локк, наконец, сам затронул вопрос о Баха-Калифорнии.

— Ты, как видно, учишь энтропическую логику. — Вопрос не застал Авессалома врасплох. — Убедился ты, что она для тебя чересчур сложна?

— Нет, папа, — ответил Авессалом. — Не убедился.

— Начатки математического анализа могут показаться ребенку легкими. Но стоит ему углубиться... Я ознакомился с энтропической логикой, сын, просмотрел всю книгу, и мне было трудновато. А ведь у меня ум зрелый.

— Я знаю, что у тебя ум зрелый. И знаю, что у меня еще незрелый. Но все же, полагаю, мне это доступно.

— Послушай, — сказал Локк. — Если ты будешь изучать этот предмет, у тебя могут появиться психопатологические симптомы, а ты не распознаешь их вовремя. Если бы мы проводили сеансы ежедневно, или через день...

— Но ведь университет в Баха-Калифорнии!

— Это меня и тревожит. Если хочешь, дождись моего саббатического года*, я поеду с тобой. А может быть, этот курс начнут читать в каком-нибудь более близком университете. Я стараюсь внимать голосу разума. Логика должна разъяснить тебе мои мотивы.

— Она и разъясняет, — ответил Авессалом. — С этой стороны все в порядке. Единственное затруднение относится к области недоказуемого, так ведь? То есть, ты думаешь, что мой мозг не способен без опасности для себя усваивать энтропическую логику, а я убежден, что способен.

— Вот именно, — подхватил Локк. — На твоей стороне преимущество: ты знаешь себя лучше, чем мне дано тебя узнать. Зато тебе мешает незрелость, отсутствие чувства пропорций. А у меня еще одно преимущество — большой опыт.

* Годичный оплаченный отпуск для повышения общеобразовательного уровня. — *Прим. перев.*

— Но ведь это твой опыт, папа. В какой мере он ценен для меня?

— Об этом ты лучше предоставь судить мне, сын.

— Допустим, — сказал Авессалом. — Жаль вот только, что меня не отдали в ясли для одаренных.

— Разве тебе тут плохо? — спросила задетая Эбигейл, и мальчик быстро поднял на нее теплый, любящий взгляд.

— Конечно хорошо, Эбигейл. Ты же знаешь.

— Тебе будет намного хуже, если ты станешь слабоумным, — язвительно вставил Локк. — Например, чтобы изучать энтропическую логику, надо овладеть темпоральными вариациями, связанными с проблемой относительности.

— От таких разговоров у меня голова разбалливается, — сказала Эбигейл. — И если вас беспокоит, что Авессалом перенапрягает мозг, не надо с ним разговаривать на эти темы. — Она нажала на кнопки и металлические тарелки, украшенные французской эмалью, соскользнули в ящик для грязной посуды.

— Кофе, брат Локк... молоко, Авессалом... а я выпью чаю.

Локк подмигнул сыну, но тот оставался серьезным. Эбигейл поднялась и, не выпуская из рук чашки, подошла к камину. Она взяла метелку, смахнула осевший пепел, раскинулась на подушках и протянула к огню тощие ноги. Локк украдкой зевнул, прикрыв ладонью рот.

— Пока мы не пришли к соглашению, сын, пусть все будет по-прежнему. Не трогай больше ту книгу, об энтропической логике. И другие тоже. Договорились?

Ответа не последовало.

— Договорились? — настаивал Локк.

— Не уверен, — сказал Авессалом после паузы. — Откровенно говоря, книга уже внушила мне кое-какие идеи.

Глядя на сидящего против него сына, Локк поражался несовместимости чудовищно развитого ума с детским тельцем.

— Ты еще мал, — сказал он. — Ничего страшно-

го, если подождешь немного. Не забудь, по закону власть над тобой принадлежит мне, хоть я и ничего не сделаю, пока ты не согласишься, что я поступаю справедливо.

— Мы с тобой по-разному понимаем справедливость, — сказал Авессалом, выводя пальцем узоры на скатерти.

Локк встал, положил руку на плечо мальчика.

— Мы еще не раз вернемся к этому, пока не выработаем наилучшего решения. А теперь мне надо проверить кое-какие работы.

Он вышел.

— Отец желает тебе добра, Авессалом, — сказала Эбигейл.

— Конечно, Эби, — согласился мальчик, но надолго задумался.

На другой день Локк кое-как провел занятия и в двенадцать часов видеофонировал доктору Райану в Вайомингские ясли для одаренных детей. Райан разговаривал уклончиво и рассеянно. Сообщил, что спрашивал детишек, поддерживают ли они связь с Авессаломом, и что все ответили отрицательно.

— Но они, разумеется, солгут по малейшему поводу, если сочтут нужным, — прибавил Райан с необъяснимым весельем.

— Что тут смешного? — осведомился Локк.

— Не знаю, — ответил Райан. — Наверное, то, как терпят меня детишки. Временами я им полезен, но... сначала предполагалось, что я здесь буду руководить. Теперь детишки руководят мною.

— Надеюсь, вы шутите?

Райан опомнился.

— Я отношусь к одаренным детям с исключительным уважением. И считаю, что по отношению к сыну вы совершаете серьезнейшую ошибку. Я был у вас в доме примерно год назад. Это именно ваш дом. Авессалому принадлежит только одна комната. Ему запрещено оставлять свои вещи в других комнатах. Вы его страшно подавляете.

— Я пытаюсь ему помочь.

— Вы уверены, что знаете, как это делается?

— Безусловно, — окрылся Локк, — даже если

я не прав, это не значит, что я совершаю сыну... сыно...

— Любопытный штрих, — мимоходом обронил Райан. — Вам бы легко пришло на язык «отцеубийство» или «братоубийство». Но люди редко убивают сыновей. Этого слова сразу не выговоришь.

Локк злобно посмотрел на экран.

— Какого дьявола вы имеете в виду?

— Просто советую вам быть поосторожнее, — ответил Райан. — Я верю в теорию мутации, после того как пятнадцать лет проработал в этих яслях.

— Я сам был гениальным ребенком, — повторил Локк.

— Угу, — буркнул Райан, он пристально посмотрел на собеседника. — А вы знаете, что мутации приписывают кумулятивный эффект? Три поколения раньше гениальные дети составляли два процента. Двумя поколениями раньше — пять процентов. Одним поколением... словом, синусоида, брат Локк. И соответственно растет коэффициент умственного развития. Ведь ваш отец тоже был гением?

— Был, — признался Локк. — Но он не сумел приспособиться.

— Так я и думал. Мутация — затяжной процесс. Есть теория, что в наши дни совершается превращение *homo sapiens* в *homo superior*.

— Знаю. Это логично. Каждое мутировавшее поколение — по крайней мере доминанта — делает шаг вперед и так до тех пор, пока не появится *homo superior*. Каким он будет...

— Навряд ли мы когда-нибудь узнаем, — тихо сказал Райан. — И навряд ли поймем. Интересно, долго ли это будет продолжаться? Еще пять поколений или десять, или двадцать? Каждое делает очередной шаг, реализует новые скрытые возможности человека, и так до тех пор, пока не будет достигнута вершина. Сверхчеловек, Джоэл.

— Авессалом не сверхчеловек, — трезво заметил Локк. — И даже не сверхребенок, если на то пошло.

— Вы уверены?

— Господи! Вам не кажется, что уж я-то знаю своего ребенка?

— На это я вам ничего не отвечу, — сказал Райан. — Я уверен, что знаю далеко не все о детишках в своих яслях. То же самое говорит и Бертрэм — заведующий Денверскими яслями. Эти детишки — следующее звено в цепи мутаций. Мы с вами — представители вымирающего вида, брат Локк.

Локк переменился в лице. Не произнеся ни слова, он выключил видеофон.

Отзвучал звонок на очередное занятие, но Локк не двинулся с места, только на лбу и щеках у него проступила испарина.

Но вот его губы искривились в усмешке — зловещей до странности; он кивнул и отодвинулся от видеофона...

Локк вернулся домой в пять часов. Он незаметно вошел через боковую дверь и поднялся в лифте на второй этаж. Дверь у Авессалома была закрыта, но из-за нее чуть слышно доносились голоса. Некоторое время Локк постоял, прислушиваясь. Потом резко постучался.

— Авессалом! Спустись вниз. Мне надо с тобой поговорить.

В столовой он попросил Эбигейл удалиться и, приклонясь к камину, стал ждать Авессалома.

«Да будет с врагами господина моего царя и со всеми злоумышляющими против тебя то же, что постигло отрока!»

Мальчик вошел, не выказывая никаких признаков смущения. Он приблизился к отцу и встретился с ним взглядом; лицо мальчика было спокойным и беззаботным. «Выдержка у него несомненно есть» — подумал Локк.

— Я случайно услышал твой разговор, Авессалом, — сказал он вслух.

— Это к лучшему, — сухо ответил Авессалом. — Вечером я бы тебе все равно рассказал. Мне надо продолжить курс энтропической логики.

Локк пропустил это мимо ушей.

— С кем ты разговаривал по видеофону?

— Со знакомым мальчиком. Его зовут Малколм Робертс, он из Денверских яслей для одаренных.

— Обсуждал с ним энтропическую логику, а? После того, как я тебе запретил?

— Ты ведь помнишь, что я не согласился.

Локк заложил руки за спину и сцепил пальцы.

— Значит, и ты помнишь, что по закону вся полнота власти принадлежит мне.

— По закону — да, — сказал Авессалом, — но не по нормам морали.

— Мораль тут ни при чем.

— Еще как при чем. И этика. В яслях для одаренных многие ребята — куда младше меня — изучают энтропическую логику. Она им не вредит. Мне нужно уехать либо в ясли, либо в университет. Нужно.

Локк задумчиво склонил голову.

— погоди, — сказал он. — Извини, сын, на мгновение я дал волю чувствам. Вернемся к чистой логике.

— Ладно, — согласился Авессалом, едва заметно отодвигаясь.

— Я убежден, что изучение именно этого предмета для тебя опасно. Я не хочу, чтобы ты пострадал. Я хочу, чтобы у тебя были все возможности, особенно те, которых никогда не было у меня.

— Нет, — сказал Авессалом, и в его тонком голосе прозвучала удивительно взрослая нотка. — Дело не в отсутствии возможностей. Дело в неспособности.

— Что? — переспросил Локк.

— Ты упорно не соглашаешься с тем, что я могу преспокойно изучать логику. Я это знаю. Поговорил с другими вундеркиндами.

— О семейных делах?

— Мы с ними одной расы, — пояснил Авессалом. — А ты нет. И, пожалуйста, не говори со мной о сыновней любви. Ты сам давно нарушил ее законы.

— Продолжай, — спокойно процедил Локк сквозь зубы. — Но только оставайся в пределах логики.

— Остаюсь. Я думал, мне еще долго удастся обойтись без этого, но теперь я вынужден. Ты не даешь мне делать то, что нужно.

— Стадийная мутация. Кумулятивный эффект. Понятно.

Пламя было слишком жаркое. Локк сделал шаг вперед, чтобы отойти от камина. Авессалом слегка попятился. Локк внимательно посмотрел на сына.

— Это и есть мутация, — сказал мальчик. — Не полная, но дедушка был одним из первых. Ты — следующая ступень. А я еще следующая. Мои дети будут ближе к полной мутации. Единственные специалисты по психодинамике, которые хоть чего-то стоят, — это гениальные дети твоего поколения.

— Благодарю.

— Ты меня боишься, — продолжал Авессалом. — Боишься и завидуешь.

Локк рассмеялся.

— Так где же логика?

Мальчик нервно глотнул.

— Это и есть логика. Раз уж ты убедился, что мутация кумулятивна, для тебя невыносима мысль, что я тебя вытесню. Это твой главный психический сдвиг. То же самое было у тебя с моим дедом, только наоборот. Потому-то ты и обратился к психодинамике, стал там божком и начал вытаскивать на свет тайные мысли студентов, отливать их разум по шаблону адамову. Ты боишься, что я тебя в чем-то превзойду. Так оно и будет.

— Поэтому, наверное, я и разрешил тебе изучать все, что ты хочешь? — спросил Локк. — С единственным исключением?

— Да, поэтому. Многие гениальные дети работают так усердно, что перенапрягаются и полностью теряют умственные способности. Ты бы не твердил об опасности, если бы в нынешних обстоятельствах она у тебя не превратилась в навязчивую идею. А подсознательно ты рассчитывал, что я действительно перенапрягусь и перестану быть твоим потенциальным соперником.

— Понятно.

— Ты разрешал мне заниматься алгеброй, планиметрией, математическим анализом, неевклидовой геометрией, но сам не отставал ни на шаг. Если раньше та или иная тема была тебе незнакома, ты, не жалея усилий, подучивал ее: удостоверился, что она тебе доступна. Ты принимал меры, чтобы я тебя не

превзошел, чтобы я не получил знаний, которых у тебя нет. И потому ты так упорно не разрешаешь мне учить энтропическую логику.

Лицо Локка осталось бесстрастным.

— То есть? — холодно произнес он.

— Сам ты не смог ее осилить, — пояснил Авесалом. — Ты пытался, но она тебе не дается. Ум у тебя не гибкий. Логика не гибкая. Она основывается на аксиоме, будто минутная стрелка отсчитывает шестьдесят минут. Ты потерял способность удивляться. Слишком много переводишь из абстрактного в конкретное. А мне дается энтропическая логика! Я ее понимаю!

— Этого ты нахватался за последнюю неделю, — заметил Локк.

— Нет. Ты думаешь о сеансах? Я уже давно научился отгораживать от твоего прощупывания некоторые участки мозга.

— Не может быть! — вскричал пораженный Локк.

— Это по-твоему. Я ведь следующая ступень мутации. У меня много талантов, о которых ты и не подозреваешь. Но одно я знаю твердо: для своего возраста я не так уж развит. В яслях ребята меня обогнали. Их родители подчинялись законам природы: долг родителей — оберегать потомство. Только незрелые родители отстают от жизни, в том числе и ты.

Лицо Локка по-прежнему хранило бесстрастное выражение.

— Значит, я не созрел? И ненавижу тебя? Завидую? Ты уверен?

— Правда это или нет?

Локк не ответил на вопрос.

— По уму ты все же уступаешь мне, — сказал он, — и будешь уступать ближайшим несколько лет. Я готов согласиться, если хочешь, что твое превосходство — в гибкости ума и талантах homo superior. Какими бы ни были эти таланты. Но твое превосходство уравнивается тем, что я взрослый, физически развитый человек и ты вешишь меньше меня раза

в два с лишним. По закону — я твой опекун. И я сильнее, чем ты.

Авессалом опять глотнул, но ничего не ответил. Локк приподнялся на носках, поглядел на мальчика сверху вниз. Его рука скользнула к поясу, но нащупала лишь бесполезную «молнию».

Локк направился к двери. У порога он обернулся.

— Я докажу тебе, что превосходство на моей стороне, — сказал он холодно и спокойно. — И тебе придется это подтвердить.

Авессалом промолчал.

Локк поднялся наверх. Он прикоснулся к рычажку на шифоньерке, порылся в выдвинувшемся ящике и извлек эластичный ремень. Он пропустил прохладную глянцевую полосу сквозь пальцы. Потом снова вошел в гравелифт.

Теперь губы у него были белы и бескровны.

У двери столовой он остановился, сжимая в руке ремень. Авессалом не сдвинулся с места, но рядом с мальчиком стояла Эбигейл.

— Ступайте прочь, сестра Шулер, — приказал Локк.

— Не смейте его бить, — ответила Эбигейл, вскинув голову и поджав губы.

— Прочь!

— Не уйду. Я все слышала. И каждое его слово — истина.

— Прочь, говорю! — взревел Локк.

Он рванулся вперед, на ходу разматывая ремень. Тут нервы Авессалома сдали. Он в ужасе вскрикнул и слепо метнулся прочь, в поисках убежища, которого здесь не было.

Локк устремился за ним.

Эбигейл схватила каминную решетку и швырнула ее в ноги Локку. Теряя равновесие, тот выкрикнул что-то невнятное. Потом взметнул одеревеневшие руки и тяжело грохнулся на пол.

Головой он ударился об угол стула и затих недвижим.

Эбигейл и Авессалом переглянулись поверх расprostертого тела. Внезапно женщина упала на колени и расплакалась.

— Я его убила, — прорыдала она. — Убила... но я ведь не могла допустить, чтобы он тебя тронул, Авессалом! Не могла!

Мальчик прикусил губу. Он медленно подошел к отцу, осмотрел его.

— Он жив.

Эбигейл судорожно, взхлеб перевела дыхание.

— Иди наверх, Эби, — упрашивал он. — Ты упадешь в обморок и вообще, мало ли что... Ступай, приляг. Право же, ничего страшного.

Наконец, она села в лифт. Авессалом, задумчиво посмотрев на отца, подошел к видеоэкрану.

Он вызвал Денверские ясли. Вкратце обрисовал положение.

— Что теперь делать, Малколм?

— Не отходи. — Наступила пауза. На экране появилось другое мальчишеское лицо.

— Сделай вот что, — раздался уверенный голосок, и последовали сложные инструкции. — Ты хорошо понял, Авессалом?

— Все понял, ему не повредит?

— Останется в живых. Психически он все равно неполноценен. Это даст ему совершенно другой уклон, безопасный для тебя. Так называемая проекция вовне. Все его желания, чувства и прочее примут конкретную форму и сосредоточатся на тебе. Удовольствие он будет получать только от твоих поступков, но потеряет над тобой власть. Ты ведь знаешь психодинамическую формулу его мозга. Обработай, в основном, лобные доли. Поосторожнее с извилиной Брока. Потеря памяти нежелательна. Надо его обезвредить, только и всего. Замять убийство будет трудновато. Да и навряд ли оно тебе нужно.

— Не нужно, — сказал Авессалом. — Он... он мой отец.

— Ладно, — закончил детский голосок. — Не выключай. Я наблюдаю и, если надо будет, помогу.

Авессалом повернулся к отцу, без сознания лежащему на полу.

Мир давно стал призрачным. Локк к этому привык. Он по-прежнему справлялся с повседневными

делами, а значит, никоим образом не был сумасшедшим.

Но он никому не мог рассказать всей правды. Мешал психический блок. Изо дня в день Локк шел в университет, преподавал студентам психодинамику, возвращался домой, обедал и ждал, надеясь, что Авессалом свяжется с ним по видеофону.

А когда Авессалом звонил, то иногда снисходил до рассказов о том, что он делает в Баха-Калифорнии. Что прошел. Чего достиг. Локка волновали эти известия. Только они его и волновали. Проекция осуществилась полностью.

Авессалом редко забывал подать весточку. Он был хорошим сыном. Он звонил ежедневно, хотя иной раз и комкал разговор, когда его ожидала неотложная работа. Но ведь Джоэл Локк всегда мог перелистывать огромные альбомы, заполненные газетными вырезками об Авессаломе и фотоснимками Авессалома. Кроме того, он писал биографию Авессалома.

В остальном же он обитал в призрачном мире, а во плоти и крови, с сознанием своего счастья жил лишь в те минуты, когда на видеоэкране появлялось лицо Авессалома. Однако он ничего не забыл. Он ненавидел Авессалома, ненавидел постылые неразрывные узы, навеки приковавшие его к плоти от плоти своей... но только плоть эта не совсем от его плоти, в лестнице новой мутации она — следующая ступенька.

В сумерках нереальности, разложив альбомы, перед видеофоном, стоящим наготове рядом с его креслом — только для переговоров с сыном, Джоэл Локк лелеял свою ненависть и испытывал тихое тайное удовлетворение.

Придет день — у Авессалома тоже будет сын. Придет день. Придет день.

ПРОФЕССОР НАКРЫЛСЯ

Мы — Хогбены, других таких нет. Чудак прохвесор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незванный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос, куда их не просят.

Так вот, когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не поймем, как оно стреляет), тогда все и началось — с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем там пахнет, в оконце, — норовил поглядеть на Крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у Крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у Крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и задали перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошла Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами майсовой водки и сказал, что у него руки чешутся проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но видно, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости явился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выпрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинув шляпу чуть ли не до самых зубов.

— Убিরались бы лучше подобиру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший, — только и сказал он. — Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

— Точно, — подтвердил я. — Не доверяю я Фи-неасу. Он обозвал Крошку Сэма уродом, надо же!

Высокий и важный дядька — прохвессор Томас Гэлбрейт — посмотрел на меня.

— Сколько тебе лет, сынок? — спросил он.

— Я вам не сынок, — ответил я. — И лет своих не считал.

— На вид тебе не больше восемнадцати, — сказал он, — хоть ты и рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

— А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

— Никакого отношения к цирку я не имею, — продолжал Гэлбрейт. — Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

— Такого слова и на свете-то нет, — сказала мамуля.

Но тут Крошка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

— Это Крошка Сэм, — объяснил я. — Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

— Это ультразвук, — буркнул прохвессор. — Что такое «Крошка Сэм» — коротковолновый передатчик?

— Крошка Сэм — младенец, — ответил я коротко. — Не смейте его обзывать всякими словами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

— Я у-ученый, — сказал он. — Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться

нераспознанной и... — Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

— Вы действительно умеете летать? — спросил он.

— Ну, об этом мы распространяться не любим. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назююкался и взмыл над горами — до одури напугал охотников и медведей. Да и в Библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

— Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали. Между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

— Но тут с чужих слов есть свидетельства о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать — только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно — если не говорить о самолетах, — но...

— Хватит трепаться!

— В состав мази средневековых ведьм входил алконит, дающий иллюзию полета, разумеется, совершенно субъективную.

— Перестанете вы нудить? — Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю — от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем, мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

— По какому праву вы к нам пристааете? — сказал я. — Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели с тех пор, как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-

то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

— Да папуля где-то здесь, — ответил я. — Только его теперь не увидишь. Он говорит, так ему больше нравится.

— Ага, — сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку. — О, Господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

— А я про это ничего не говорю.

— Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

— Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

— Фантастика, — сказал Гэлбрейт. — Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

— Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, — сказал я. — Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

— Но помилуй! — Он заглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. — Это еще что?

— Такая штука, — ответил я.

— Что она делает?

— Всякие штуки, — ответил я.

— Угу. Посмотреть можно?

— Пожалуйста, — ответил я. — Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

— Потрясающе! — говорит. — Я кое-что смыслю в электронике, и, по моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

— Чего-чего? — отвечаю. — Она дырки делает.

— Она стрелять патронами никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо... как, говоришь, она действует?

— Откуда я знаю.

— Это ты ее сделал?

— Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

— Откуда я знаю, — говорю. — Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтоб его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

— А ты серьезно обещал мне его подарить?

— Если отстанете.

— Послушай, — сказал он, — просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

— На том стоим.

— Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после... — И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

— Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, — сказал я. — Оставьте вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и побожился: я пригрозил, что иначе разбужу Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо.

В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал ему встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда неравнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уже позабыл. Не то Гвинн, не то Стюарт, не то Пипин — у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет майсовой больше, чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

— Этот прохвессор ужас до чего умный, — сказала мамуля. — Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь пайнкой, а не то я тебе покажу, где раки зимуют.

— Буду пайнкой, мамуля, — ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

— Это чтоб ты лучше запомнил, — сказал он.

— Мы люди простые, — ворчал дядя Лес. — И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

— Я и не пробовал, честно! — сказал я. — Только я так считаю...

— Не наделай бед! — пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет.

Он заговорил о прохвессоре.

— Чужак-то, а? — сказал дедуля. — Продувная bestия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня Господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза — я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

— Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запомнил, что мы, как огня, стережемся Лондона и Амстердама — да и Нью-Амстердама* — из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

— Ерунда, — сказал я. — Я ведь хотел как лучше!

* Старинное название Нью-Йорка. — *Прим. перев.*

— Так он еще речет супротив, паршивый неслух! — возмутился дедуля. — Во всем виноваты ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли способствовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

— Он прохвессор, — сообщил я. — Звать его Томас Гэлбрейт.

— Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы... неважно. Роджер был незаурядный человек. Внемлите же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит нам только покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться — и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарка — ты внемлешь?

— Но, что же нам делать? — спросила мамуля.

— Да чего там, — сказал папуля. — Я этого прохвоста угомоню. Спущу в цистерну и дело с концом.

— И испортишь воду? — взвилась мамуля. — Попробуй только!

— Что за порочное племя вышло из моих чресел? — сказал дедуля, рассвирепев окончательно. — Ужли не обещали вы шерифу, что убийства прекратятся... хотя бы на ближайшее время? Ужли и слово Хогбена — ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века — нашу тайну и честь Хогбенов! Посмейте только умертвить этого Гэлбрейта — вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

— Что же теперь делать? — спросил дядя Лес.

— Наша великая тайна должна остаться нерушимой, — сказал дедуля. — Поступайте как знаете, только без убийств. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столк-

нул на улице с шерифом Эбернати, который, заведя меня, зло сверкнул глазами.

— Лучше не нарывайся, Сонк, — сказал он. — Помни, я тебя предупреждал.

Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто в нем ничего не менял. Он стал меня переубеждать.

— Ничего не выйдет, — отрезал я. — Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спрося, вот и все.

— Послушай, Сонк, — сказал он. — Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно их свидетельство было бы только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья — мутанты, вас надо обследовать.

— Никакие мы не мутанты, — ответил я. — Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но...

— Что?! — вскрикнул Гэлбрейт, — что ты сказал?

— Э... издольщик один из соседнего графства, — тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал рассказывать по номеру.

— Бесполезно, — сказал он. — Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

— Этого еще не хватало, — ответил я. — Воображаю, что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? — Он махнул рукой в сторону ружья. — Как же оно работает? — спросил он ни с того ни с сего.

— Да не знаю я... Смастерили и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теревить собственный нос.

— Что ж, допустим... а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

— Не будет комиссии?

— Посмотрим.

— Нет, сэр. Не стану...

Гэлбрейт набрал побольше воздуха.

— Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше пребывание в тайне.

— А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

— А-а, да, — спохватился Гэлбрейт. — Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «Ладно уж», — и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

— Сколько лет твоему дедушке?

— Понятия не имею.

— Гомункулы, гм... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

— Да не он, его отец, — сказал я. — На оловянных копях в Англии. Только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей... друнов? Друдов?

— Друидов?

— Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли, как мухи, по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

— А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас, какую околесицу он нес.

— Искусственная мутация, обусловленная радио-

активностью! — говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. — Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверное, сверхлюди?

— Нет уж, — возразил я. — Мы Хогбены. Только и всего.

— Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья... э-э... со странностями?

— Эй, легче на поворотах! — пригрозил я.

— В смысле — все ли умеют летать?

— Сам-то я еще не умею. Наверное, мы какие-то уроды. Дедуля у нас — золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

— Защитная маскировка, — подхватил Гэлбрейт. — На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном мире вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

— Только папуля, — уточнил я.

— О, Боже, — вздохнул он. — Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

— Чудеса, — повторял он. — Все равно что лампу Алладина найти.

— Хорошо бы вы от нас отвязались, — говорю. — Вы и ваша комиссия.

— Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле — поможешь мне. Согласен?

— Не-а, — ответил я.

— Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, — сказал он злорадно.

Я призадумался.

— Ну, — сказал я наконец, — чего вы хотите?

— Еще не знаю, — медленно проговорил он. — Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору — вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь эта штучка работает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Тут было что-то неладно, — соврал я. — Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

— Здесь? — возмутился он. — Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

— Видите, вон там, на крыше, флюгер? — Я показал пальцем. — Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать, не отходя от окна.

— Это... это не опасно? — Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил — он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь во флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

— Я вас видел! — орал он. — Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

— Сонк! — вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались, как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал ныть, что ничего не понимает.

— Я все видел! — оборвал его Эбернати. — Вы прицелились из окна — и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт — ученый. Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор посмотреть на церковные окна — они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото — его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

— Все Сонк Хогбен, — повторял прохвессор. — Поверьте, это он перестроил проектор!

— Я вас видел, — отвечал Эбернати. — Вы все сделали сами. Ой! — Он схватился рукой за челюсть. — Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городеких в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

— Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

— Вы избавите меня от зубной боли — и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! — простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услышал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

— Видно, я маху дал, — говорю. — Но могу все исправить.

— Да ты уж наисправлял достаточно. — Тут он остановился. — погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту... что это?

— Я осмотрел ружье, — говорю. — Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

— Наведенная избирательная радиоактивность, — пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. — Слушай. Вся эта толпа... у вас когда-нибудь линчуют?

— Не чаще раза-двух в год, — успокоил я. — И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

— Ты бы лучше что-нибудь предпринял! — говорит. — А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

— Дело верное, — говорю. — Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами и спустите рук.

— Но... да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гэлбрейт улаживает с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

— Прекратится зубная боль? — настаивал шериф. — Точно?

— Я... вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

— Тогда уж лучше испытайте сначала на мне. Я вам не доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переплет. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя браться у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилиу увернулись от коршуна.

— Зато никто нас не видел, — утешил его дядя Лес. — По-моему.

— У городских сегодня своих хлопот полон рот, — ответил я. — Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал папуля. — Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье. Все прошло без сучка, без задоринки. Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

— Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

— Конечно, действует, — сказал он. — Естественно. Я же говорил.

— Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором — прохвессор нес ружье, — и все завопили еще громче.

Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, конечно, невидимый, вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было — конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света — на этот раз желтые. Я попросил папулю вы-

брать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянные глаза. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома — все, кроме дяди Леса, — как вдруг открывается дверь, и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом дыша и тревожно поглядывая на дверь.

— Занятная история, — сказал дядя Лес. — Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним — целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

— О-о-о-х! — простонал Гэлбрейт. — А-а-а-х! Они сюда идут?

Мамуля подошла к двери.

— Вон сколько факелов лезут в гору, — сообщила она. — Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня.

— Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

— Чушь, — говорю.

— Прячь, иначе пожалеешь! — завизжал Гэлбрейт. — Я... я вызову сюда комиссию.

— Ну, вот что, — сказал я. — Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

— Минуточку, — сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал.

— Как, дедуля? — спросил я.

С секунду он прислушивался к Крошке Сэму.

— Прохвост лукавит, — сказал он вскоре. — Желает всенепременно вызвать ту шелудивую комиссию, вопреки всем своим посулам.

— Может, не стоит его прятать?

— Нет, отчего же, — сказал дедуля. — Хотбены дали слово — больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей — право же, дело благое.

Мне показалось, он подмигнул. Дедулю не разберешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери — смотрел, как в гору взбираются факелы.

Он в меня так и вцепился.

— Сонк! Если ты меня не спрячешь...

— Спрячу, — ответил я. — Пошли.

Отвели мы его в подвал...

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простачками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И, само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами.

А бутылочка-то ма-ахонькая!

ДЕНЬ НЕ В СЧЕТ

Айрин вернулась в Междугодь. Для тех, кто родился до 1980 года, этот день не в счет. В календаре он стоит особняком, между последним днем старого и первым нового года. Он дает вам передышку. Нью-Йорк шумел. Разноголосая реклама упорно гналась за мной и не отставала даже тогда, когда я выбрался на скоростную трассу. А я, как на грех, забыл дома затычки для ушей.

Голос Айрин донесся из маленькой круглой сетки над ветровым стеклом. И странно — несмотря на шум, я отчетливо различал каждое слово.

— Билл, — говорила Айрин. — Где ты, Билл?

Последний раз я слышал ее голос шесть лет назад. На миг все вокруг отступило куда-то, словно я несся вперед в полной тишине, где звучали только эти слова, но тут я чуть не врезался в бок полицейской машины, и это вернуло меня к действительности — к грохоту, рекламам, сумятице.

— Впусти меня, Билл, — донеслось из сетки.

У меня мелькнула мысль, что, пожалуй, Айрин и в самом деле сейчас окажется передо мною. Тихий голосок звучал так отчетливо, казалось, стоит протянуть руку — и сетка откроется и оттуда выйдет Айрин, крошечная, изящная, и ступит ко мне на ладонь, уколов острыми каблучками. В Междугодь что только не взбредет в голову. Все, что угодно.

Я взял себя в руки.

— Привет, Айрин, — спокойно ответил я. — Еду домой. Буду через пятнадцать минут. Сейчас дам команду, и «сторож» тебя впустит.

— Жду, Билл, — отозвался тихий отчетливый голосок.

На дверях моей квартиры щелкнул микрофон, и

вот я снова один в машине, и меня охватывает безотчетный страх и растерянность — я толком и не пойму, хочу ли видеть Айрин, а сам бессознательно сворачиваю на сверхскоростную трассу, чтобы быстрее попасть домой.

В Нью-Йорке шумно всегда. Но Междугодьё — самый шумный день. Никто не работает, все бросаются в погоню за развлечениями, и если кто когда-нибудь и тратит деньги, так в этот день. Рекламы безумствуют — мечутся, сотрясают воздух. Раза два по дороге я пересекал участки, на которых особые микрофоны гасили противоположные волны, и наступала тишина. Раза два шум на пять минут сменялся безмолвием, машина летела вперед, как во сне, и в начале каждой минуты ласкающий голос напоминал: «Эта тишина — плод заботы о вас со стороны компании «Райские кущи». Говорит Фредди Лестер».

Не знаю, существует ли Фредди Лестер на самом деле. Быть может, его смонтировали из кинокадров. А может быть, и нет. Ясно одно — природе не под силу создать такое совершенство. Сейчас многие мужчины перекрашиваются в блондинов, и выкладывают на лбу завитки, как у Фредди. Огромная проекция его лица скользит в круге света вверх и вниз по стенам зданий, поворачивается во все стороны и женщины протягивают руки, чтобы коснуться ее, словно это лицо живого человека. «Завтрак с Фредди! Гипнопедия — учитесь во сне! Курс читает Фредди! Покупайте акции «Райских кущи!». Н-да.

Дорога вырвалась из зоны молчания, и на меня обрушились слепящие огни и грохот Манхэттена. ПОКУПАЙ — ПОКУПАЙ — ПОКУПАЙ! — неустанно твердили бесчисленные разнообразные сочетания света, звука и ритма.

Она поднялась, когда я вошел. Ничего не сказала. У нее была новая прическа, по-новому подкрашено лицо, но я бы узнал ее где угодно — в тумане, в крошечной тьме, с закрытыми глазами. Потом она улыбнулась, и я увидел, что эти шесть лет ее все-таки изменили, и на миг мной вновь овладели нерешительность и страх. Я вспомнил, как сразу после развода у меня на экране телевизора появилась

женщина, загримированная под Айрин, похожая на нее, как две капли воды. Она уговаривала меня застраховаться от рекламы. Но сегодня, в день, которого по сути дела-то и нет, можно было не волноваться. Сегодня Междугодьё и денежные сделки считаются законными только если платишь наличными. Конечно, никакой закон не может защитить от того, чего сейчас опасался я, но для Айрин это не важно. И никогда не было важно. Не знаю, доходило ли до нее вообще, что я живой, настоящий человек. Всерьез, глубоко — вряд ли. Айрин — дитя своего мира. Как и я, впрочем.

— Нелегкий у нас будет разговор, — сказал я.

— А разве сегодня считается? — возразила Айрин.

— Как знать, — ответил я.

Я подошел к серванту-автомату.

— Выпьешь чего-нибудь?

— 7-12-Дж, — попросила Айрин, и я набрал это сочетание. В стакан полился розовый напиток. Я остановился на виски с содовой.

— Где ты пропадала? — спросил я. — Ты счастлива?

— Где? Как тебе сказать... Одним словом, жизнь вроде чему-то меня научила. Счастлива ли? Да, очень. А ты?

Я отхлебнул виски.

— Я тоже. Весел, как птица небесная. Как Фредди Лестер.

Она еле заметно улыбнулась и пригубила розовый коктейль.

— Ты меня слегка ревновал к Джерому Форету, помнишь, когда он был кумиром, до Фредди Лестера, — сказала она. — Ты еще расчесывал волосы на двойной пробор, как у Форета.

— Я поумнел, — ответил я. — Видишь, волосы не подкрашиваю, не завиваюсь. Ни под кого теперь не подделываюсь. А ведь ты меня тоже ревновала. Помоему, ты причесана, как Ниобе Гей.

Айрин пожала плечами.

— Проще согласиться на это, чем уговаривать па-

рикмахера. И может, я хотела тебе понравиться. Мне идет?

— Тебе, да. А на Ниобе Гей я особенно не засматриваюсь. И на Фредди Лестера тоже.

— У них и имена-то ужасные, правда? — сказала она.

Я не мог скрыть удивления.

— Ты изменилась, — заметил я. — Где же ты все-таки была?

Она отвела взгляд. Пока шел этот разговор, мы все время стояли поодаль друг от друга, каждый слегка опасался другого. Айрин посмотрела в окно и проговорила:

— Билл, последние пять лет я жила в «Райских куцах».

На мгновение я замер. Потом взял свой стакан, отпил глоток и только тогда взглянул на Айрин. Теперь мне стало ясно, почему она изменилась. Я и прежде встречал женщин, которым довелось пожить в «Райских куцах».

— Тебя выселили? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

— Пять лет — немало. Я получила свою порцию и поняла, что ждала совсем другого. Теперь я сыта по горло. И вижу, я очень ошиблась, Билл. Не того мне надо.

— О «Райских куцах» я знаю только из рекламы, — ответил я. — Но всегда был уверен, что толку от них ждать нечего.

— Ты же всегда рассуждаешь здраво, не то, что я, — кротко произнесла она. — Теперь и я поняла — это не помогает. Но реклама так все расписывала.

— Ничто в жизни легко не дается. Свои заботы на чужие плечи не переложить, никто за тебя в них разбираться не станет.

— Я и сама понимаю. Теперь. Видно, повзрослела. Но прийти к этому непросто. Нам ведь всем с колывели одинаково штампуют мозги.

— А что прикажешь делать? — спросил я. — Ведь как-то надо жить. Спрос на товары упал до предела, производство сокращается с каждым днем. Хотя белье друг у друга бери в стирку, а то совсем

пропадешь. Без броской, солидной рекламы денег не заработаешь. А зарабатывать нужно, черт побери. Денег просто ни на что не хватает, вот в чем суть.

— А ты — ты прилично зарабатываешь? — нерешительно спросила Айрин.

— Это предложение или просьба?

— Предложение, конечно. У меня есть средства.

— Жизнь в «Райских куцах» обходится недешево.

— А я пять лет назад купила акции «Компании по обслуживанию Луны» и разбогатела на них.

— Отлично. У меня дела тоже идут неплохо, правда, я поистратился изрядно — застраховался от рекламы. Дорогое удовольствие, но того стоит. Теперь я спокойно прохожу по Таймс-сквер, даже если в это время там крутят звукочувствуюкинорекламу фирмы «Дым веселья».

— В «Райских куцах» реклама запрещена, — сказала Айрин.

— Не очень-то этому верь. Сейчас изобрели нечто вроде звукового лазера, он проникает сквозь стены и шепотом внушает тебе что угодно, пока ты спишь. Даже затычки не помогают. Наши кости служат проводником.

— В «Райских куцах» ты от этого огражден.

— А здесь — нет, — сказал я. — Что же ты покинула свою обитель?

— Может быть, стала взрослой.

— Может быть.

— Билл, — проговорила Айрин. — Билл, ты женился?

Я не ответил, раздался стук в окно: там порхала маленькая искусственная птица, она пыталась распластаться на стекле. В груди у нее был диск-присосок. Вероятно, еще какой-нибудь передатчик, ибо тотчас ясный и деловой, отнюдь не птичий голос потребовал: «...и непременно отведайте помадки, непременно...». Стекло автоматически поляризовалось и отшвырнуло рекламную пташку.

— Нет, — сказал я. — Нет, Айрин. Не женился. Взглянув на нее, я предложил:

— Выйдем на балкон.

Дверь пропустила нас на балкон, и тут же вклю-

чилились защитные экраны. Денег они пожирают уйму, но их стоимость включена в мою страховую премию.

Здесь было тихо. Особые системы улавливали вопли города, визг рекламы и сводили их на нет. Ультразвуковой аппарат сотрясал воздух так, что слепящие рекламные огни Нью-Йорка превращались в зыбкий поток бессмысленных пестрых пятен.

— А почему ты спрашиваешь, Айрин?

— Вот почему, — она обняла меня за шею и поцеловала.

Потом отступила назад, ожидая, что за этим последует.

Я снова повторил:

— Почему, Айрин?

— Все прошло, Билл? — промолвила она еле слышно. — Ничего уже не вернуть?

— Не знаю, — ответил я. — Господи, ничего я не знаю. И знать не хочу — страшно.

Страх, меня терзал страх. Никакой уверенности — ни в чем. Мы выросли в мире купли-продажи, и где нам теперь знать, что настоящее, а что нет. Я внезапно протянул руку к пульта управления, и экраны отключились.

И тотчас же пестрые полосы свились в кричащие слова; выписанные нюколором, они горят одинаково ярко и ночью, и днем. **ЕШЬ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ!** С минуту эти призывы вспыхивали в полном безмолвии, потом отключился и звуковой барьер, и в тишину ворвались вопли: **ЕШЬ — ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ! ЕШЬ — ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ!**

БУДЬ КРАСИВЫМ!

БУДЬ ЗДОРОВЫМ!

ЧАРУЙ — ТОРЖЕСТВУЙ — БОГАТЕЙ — ОЧАРОВАНИЕ — СЛАВА!

ДЫМ ВЕСЕЛЬЯ! ПОМАДКА! ЯСТВА МАРСА!

СПЕШИСПЕШИСПЕШИСПЕШИСПЕШИСПЕШИ
СПЕШИСПЕШИ!

НИОБЕ ГЕЙ ГОВОРIT — ФРЕДДИ ЛЕСТЕР ПОКАЗЫВАЕТ — В «РАЙСКИХ КУЩАХ» ТЕБЯ ЖДЕТ СЧАСТЬЕ!

**ЕШЬ — ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ! ЕШЬ —
ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ!
ПОКУПАЙПОКУПАЙПОКУПАЙПОКУПАЙ!**

Айрин вдруг стала меня трясти и лишь тогда, глянув в ее побелевшее лицо, я понял, что она кричит, а вокруг в упорном, неотвязном гипнотическом вихре красок бушевало создание лучших психологов земли — сверхреклама, которая хватает тебя за горло и выдирает у тебя последний цент, потому что в мире больше не хватает денег.

Я обнял одной рукой Айрин, а другой снова включил экраны. Мы оба были как пьяные. Вообще-то говоря, реклама не обязательно тебя так ошарашивает. Но если ты выведен из душевного равновесия, она представляет реальную опасность. Реклама ведь воздействует на душу, на чувства. Она всегда отыщет уязвимые места. Она избирает мишенью самые сокровенные твои желания.

— Успокойся, — сказал я. — Все хорошо, все, все хорошо. Смотри, экраны включены. Эта дьявольщина сюда больше не прорвется. Только в детстве это очень худо. У тебя еще нет защитной реакции, и тебе на определенный лад штампуют мозги. Не плачь, Айрин. Пойдем в комнату.

Я нацедил еще по бокалу себе и Айрин. Она плакала, не в силах успокоиться, а я говорил, говорил без умолку.

— Во всем виновата система штамповки мозгов, — говорил я. — Едва подрастешь, как тебе начинают забивать голову. Фильмы, телевизор, журналы, кино-книги — все средства воздействия идут в ход. Цель одна — тебя заставляют покупать. Всеми правдами и неправдами. Прививают искусственные потребности и страхи до тех пор, пока ты уже не можешь отличить настоящего от поддельного. Ничего подлинного, даже дыхание — и то поддельное. Оно зловонно. Принимай хлорофилловые пастилки «Сладостный вздох», черт побери, Айрин. Знаешь, почему наша семейная жизнь полетела кувырком?

— Почему? — с трудом разобрал я сквозь носовой платок.

— Ты вообразила меня Фредди Лестером. А я, на-

верное, решил, что ты — Ниобе Гей. Мы забыли, что мы настоящие, живые люди, с мыслями, чувствами. Неудивительно, что из браков нынче ничего путного не получается. Думаешь, я потом не горевал, что у нас с тобой так нелепо все сложилось?

Мне стало легче. Я высказал, что было на душе и ждал, пока она успокоится. Она взглянула на меня, не отнимая от лица носового платка.

— А как же Ниобе Гей?

— К черту Ниобе Гей!

— И ты не будешь меня попрекать Фредди Лестером?

— Зачем? Ведь он всего-навсего плод воображения, как и Ниобе Гей. Наверное, даже и в «Райских кушах».

Айрин взглянула на меня поверх носового платка, и в глазах у нее промелькнуло странное выражение. Потом она высморкалась, прищурилась и улыбнулась мне. Я не сразу сообразил, чего она ждет.

— В тот раз, — напомнил я ей, — я наговорил всякой романтической чепухи. А теперь...

— Что теперь?

— Пойдешь за меня замуж, Айрин?

— Пойду, Билл, — ответила она.

Наступила полночь Междугодья, и через минуту после полуночи мы поженились. Айрин просила дождаться начала нового года. «Междугодье, — сказала она, — такое насквозь выдуманное. Его и вообще-то нет. Этот день не в счет». Я порадовался за Айрин — наконец-то она рассуждает здраво. В прежние времена ей такое и в голову не приходило.

Сразу же после брачной церемонии мы включили полное ограждение. Мы знали: как только механические информаторы объявят о нашей женитьбе, нас затопит лавина рекламы, рассчитанной специально на такие случаи. Даже само бракосочетание пришлось дважды прерывать — мешали нескончаемые объявления для новобрачных.

И вот мы одни в маленькой нью-йоркской квартирке, в тиши и покое, вдаль от всех. За окнами вопят и вспыхивают всевозможные небылицы, — ста-

раясь перещеголять друг друга, сулят славу и богатство всем и каждому. Каждый может стать самым богатым. Самым красивым. Источать самые благоуханные ароматы, жить дольше всех на свете. Но только мы одни можем остаться самими собой, потому что мы укрылись в тишине своего оазиса, где все было подлинным.

В ту ночь мы строили планы. Смутные, несбыточные. Пахотной земли давно нет и в помине. Мы размышлялись: вот бы купить оборудование, создать плодородный участок с гидропонной установкой и питающей системой, забраться куда-нибудь подальше от городской суеты, от вездесущей рекламы... Пустые фантазии.

На следующее утро, когда я проснулся, солнце длинными полосами лежало на кровати. Айрин исчезла.

На ленте записывающего аппарата от нее не было ни слова. Я прождал до полудня. То и дело выключал ограждение — вдруг она захочет пробиться ко мне, — включал его снова, оглушенный нескончаемым потоком рекламы для новобрачных. Я чуть с ума не сошел в то утро. Я не мог понять, что же произошло. За стеклом двери, прозрачном только изнутри, рекламные агенты (я им потерял счет) обольщали меня через отключенный микрофон заманчивыми предложениями, но лицо Айрин так ни разу и не появилось. Все утро я ходил взад и вперед по комнате, пил кофе — после десятой чашки он потерял всякий вкус — и докурился до тошноты.

В конце концов пришлось обратиться в сыскное бюро. Душа у меня к этому не лежала. После вчерашней ночи в покое и тепле нашего оазиса мне была отвратительна мысль о том, чтобы напускать на Айрин ищеек, особенно когда я представлял ее себе затерявшейся среди этих вихрей и потока рекламы, этого немолчного грохота, что зовется Манхэттенom.

Через час из бюро сообщили, где Айрин. Я не поверил. Снова на миг мне почудилось, будто вокруг все смолкло и исчезло, словно включилось какое-то

полное ограждение во мне самом, чтобы спасти меня от губительного шума жизни извне.

Я пришел в себя и уловил конец фразы, доносившийся с экрана телевизора.

— Простите, что вы сказали? — переспросил я.

Служащий бюро повторил. Я ответил, что не верю. Потом извинился, переключил телевизор и набрал номер своего банка. Так оно и есть. В банке у меня ни цента. Утром, пока я в неистовстве метался по квартире, жена сняла с моего счета восемьдесят четыре тысячи долларов. Доллар теперь, конечно, немногого стоит, но я так долго копил эти деньги — и вот остался ни с чем.

— Разумеется, сначала мы проверили, — говорил мне клерк, — и убедились, что все в полном порядке. Она — ваша законная супруга, ибо брак был заключен по истечении Междугодья. Льготы, действующие в Междугодье при совершении операции, не имели силы.

— Почему вы не согласовали это со мной?

— Все было в полном порядке, — невозмутимо повторил он. — И поскольку была уплачена требуемая при изъятии вклада неустойка, нам ничего не оставалось как выполнить свои обязательства.

Правильно. Неустойка. Я и забыл. Им никакого смысла не было мне сообщать. И теперь уж ничего не поделаешь.

— Ладно, — сказал я. — Спасибо.

— Если мы можем оказаться вам полезными... — На экране вслед за этими словами появилось разноцветное название банка, и я выключил телевизор. Для чего впустую тратить на меня рекламу?

Я заткнул уши и на скоростном лифте опустился на улицу третьего уровня. Быстроходный тротуар помчал меня через город к «Райским кушам». Жилые корпуса у них в основном подземные, но правление поднимается к небесам, как грандиозный собор, и в нем царит такая тишина, что я вытащил из ушей затычки. Высоко подвешенные лампы лили голубоватый свет, а витражи наводили на мысль о покойницкой.

Меня принял один из управляющих, и я изложил

ему цель своего прихода. Он, по-моему, сразу хотел позвать вышибалу, но, смерив меня оценивающим взглядом, решил, что, пожалуй, не мешает обработать возможного клиента.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Рад служить. Сюда, пожалуйста. Вас будет сопровождать наш сотрудник, мистер Филд.

Он оставил меня у двери лифта. Я опустился на несколько сот футов и попал в теплый, светлый коридор, где меня дожидался высокий, любезный, розовощекий человек в темном костюме. Мистер Филд был сама доброжелательность.

— «Райские кущи» всегда готовы прийти на помощь, — замурлыкал он. — Ведь не секрет, насколько трудно приспособиться к жизни в эти беспокойные времена. Мы создаем все условия для счастья. С вашего позволения, я постараюсь вам помочь, вас удивит, как просто мы избавим вас от всех ваших забот.

— Знаю, знаю, — сказал я. — Где моя жена?

— Сюда, пожалуйста, — и он повел меня по коридору. По обе стороны были двери, на некоторых поблескивали металлические пластинки, но надписей на пластинках я не разобрал. Наконец, мы подошли к одной двери, которая была открыта. Внутри было темно.

— Входите, — пригласил мистер Филд и большой теплой рукой легонько подтолкнул меня внутрь. Зажегся мягкий свет, и я увидел комнату, скудно, но претенциозно обставленную стандартной мебелью. Комната была безликая, бесцветная и напоминала номер в отеле — приличном, но далеко не первоклассном. Я искренне удивился.

— Ванная, — сообщил мистер Филд, открывая дверь.

— Прекрасно, — ответил я не глядя. — Теперь насчет моей жены.

— Взгляните, — невозмутимо продолжал мистер Филд, — кровать убирается в стену. Вот кнопка. — Он нажал на кнопку. — А эта кнопка возвращает ее на место. Простыни из пластика — им нет сносу. Раз в день в нише циркулирует специальная жид-

кость — к вечеру у вас чистая, словно только что застланная свежим бельем постель. Вы сами понимаете, как это приятно.

— Безусловно.

— Чтобы вас не беспокоили горничные, — уговаривал мистер Филд, — постель будет застилаться магнитным силовым полем. Электромагниты...

— Не утруждайте себя, — прервал я, заметив, что он снова тянется к какой-то кнопке. — Вы попусту тратите время. Проводите меня к жене.

— Мы неустанно печемся о благе своих клиентов, — отвечал он, подняв брови. — Сначала я должен разъяснить, какие именно методы приняты в «Райских кущах». Наберитесь терпения, и, я уверен, вы поймете, почему это необходимо.

Я задумался. Комнатушка произвела на меня гнетущее впечатление. Я был поражен, я не мог поверить, что этот убогий закуток и есть «Райские кущи»! Но ведь все в тот день казалось нереальным. А вдруг и голос Айрин из сетки тогда в машине, и все остальное мне просто приснилось?

Она показалась мне такой... такой изменившейся, полной раскаяния, умудренной жизнью, совсем не похожей на прежнюю легкомысленную Айрин, с которой я развелся шесть лет назад. Вот я и поверил, что теперь все будет по-иному, что Междудогье, этот день не в счет, когда и невозможное возможно, окажется нашим добрым волшебником и позволит начать новую жизнь. Я все еще не мог представить себе...

— А здесь, — мистер Филд вытянул из стены что-то вроде тонкого шланга с мундштучком на конце, — все для курильщиков. Любые табаки. Если желаете, мы готовы предоставить вам даже... э-э-э... курения из дальних стран, для любителей имеется и такое. Курильницы вмонтированы во все стены через каждые пять футов, включая и ванную. Все здесь у нас огнестойкое... — он мило улыбнулся, — кроме жилья, он, пожалуй, может воспламениться, но мы не допустим, чтобы кто-нибудь пострадал.

— А если свалишься с кровати?

— Полы упругие.

— Как в палате для буйных, — заметил я.

Мистер Филд снова улыбнулся и покачал головой.

— Подобные мысли вам и в голову не придут, если вы вольетесь в счастливую семью обитателей «Райских куш», — заверил он меня. — Мы гарантируем счастливое состояние духа. Через это окошечко в стене, — он махнул пухлой рукой, — подается еда. Заказанные вами блюда доставляются пневматически. Если пожелаете что-нибудь жидкое, — пожалуйста. — Мистер Филд указал на ряд маленьких кранов.

— Прекрасно, — одобрил я. — Это все?

— Не совсем.

Он провел рукой по стене. Что-то тихо щелкнуло. Послышалась нежная отдаленная мелодия.

— Посидите здесь, пожалуйста, минутку, — он слегка подтолкнул меня к креслу. Я, не сопротивляясь, сел. Неприглядная комнатка наполнилась слабым мерцанием. Меня охватило любопытство. Я ждал, что будет дальше.

«Неужели все обманываются, — думал я, разглядывая в мерцающем свете белесый ковер и белесую стену. — «Райские куши» так себя разрекламировали, что, видно, люди и впрямь принимают это убожество за роскошь. Ничего удивительного».

— А теперь садитесь поудобнее и забудьте про все на свете, — ласково убеждал мистер Филд. — Помните: «Райские куши» субсидируют и Ниобе Гей, и Фредди Лестера. Мы не забываем ни мужчин, ни женщин. У нас есть ответы на все сложные проблемы личности в наш сложный век. Судите сами, ведь человеку так нелегко приспособиться к обществу. Или мужчине — к женщине. Откровенно говоря, теперь это вообще невозможно. Но в «Райских кушах» эта проблема решена. Мы гарантируем счастье. Все человеческие запросы и потребности удовлетворяются. Здесь вас ждет счастье, дорогой друг, истинное счастье.

Голос его звучал глуше. Что-то происходило с воздухом. Он густел, а нежная мелодия становилась ритмичнее, в ней будто слышались какие-то слова. Мистер Филд говорил и говорил, все тише и тише.

— Мы — обширное предприятие. Один взнос обес-

печивает все возможные требования клиента. Выписывайте нам чек на любой срок, длительный или краткий, и оставайтесь здесь. Комната считается вашей на все это время. По вашему желанию она запирается так, что до конца оплаченного срока дверь можно открыть только изнутри. Плата составляет..

Я уже с трудом разбирал, что он говорит. Голос его упал до еле слышного шепота.

Воздух сворачивался как молоко, растекался, как рекламные краски при включенном на балконе ограждении.

Мне почудилось, будто в комнате звучал еще чей-то голос.

— Подумайте, — шептал мистер Филд. — Вас с детства приучили надеяться на невозможное. А здесь мы даем вам невозможное. Здесь вы обретаете счастье. И плата совсем невелика, ваши расходы окупятся сторицей. Здесь, друг мой, вы познаете жизнь, полную блаженства. Здесь — рай.

В свернувшемся воздухе передо мной стояла Ниобе Гей. Она улыбалась мне.

Самая прелестная женщина на свете. Олицетворение всех мечтаний. Богатство, слава, счастье, здоровье, удача. Много лет мне штамповали мозги, приучали стремиться к этим недосыгаемым целям и верить, что все они слились воедино в образе Ниобе Гей. Но никогда прежде я не видел ее так близко, в одной комнате, осязаемую, живую и теплую; она дышала, она протягивала ко мне руки..

Разумеется, это была всего лишь проекция. Но проекция — совершенство. Полностью воссоздающая все осязаемые и зримые детали. Я вдыхал ее аромат. Я чувствовал, как она обвила меня руками, как ее волосы коснулись моего лица, губы приникли к моим губам. Я испытывал те же ощущения, что и тысячи других мужчин, целующих ее в своих подземных комнатухах.

Лишь эта мысль, а вовсе не сознание утраченной реальности, заставила меня оттолкнуть ее и отступить назад. Но красавице было все равно. Она продолжала обнимать воздух.

И тут я понял, что не осталось больше средства

проверить, в здоров ли ты уме — невозможно отличить поддельное от настоящего. Ты теряешь последнее средство проверить, не лишился ли ты рассудка, если иллюзия вторгается в жизнь и можно касаться, осязать и держать в объятиях рекламное изображение, словно живую женщину. Больше нечем защититься от мира подделок.

Я смотрел, как Ниобе Гей осыпает ласками пустоту. Видение, воплотившее все прекрасное, все самое желанное на свете, ласкало пустоту, словно живого человека.

Я открыл дверь и вышел в коридор. Мистер Филд ждал меня, изучая записи в своем блокноте. Надо полагать, глаз у него был наметанный — одного взгляда ему оказалось достаточно: он только пожал плечами и кивнул.

— Что ж, на всякий случай вот моя визитная карточка, — сказал он. — Многие, знаете, приходят снова, хорошенько поразмыслив.

— Не все, — возразил я.

— Да, не все. — Он стал серьезным. — Некоторым, видимо, свойственна природная сопротивляемость. Быть может, вы из таких. И тогда мне вас жаль. В мире царит полная неразбериха. Винить, конечно, некого. Стараемся выжить, а по-другому не умеем. Вы все-таки подумайте. Быть может, потом...

— Где моя жена?

— Вон в той комнате, — показал он. — Извините, я не буду вас ждать. Дел по горло. Лифт вы найдете сами.

Послышались его удаляющиеся шаги. Я прошел вперед, постучал в дверь, подождал. Ответа не было.

Я постучал снова, сильнее. Но стук получился слабый, глухой и в комнату, видимо, не проникал. Да, в раю неустанно пекутся о клиентах.

Тут мне бросилась в глаза металлическая пластинка на двери. Вблизи я легко разобрал надпись: «Запечатано до 30 июня 1998 года. Оплачено полностью».

Я быстро подсчитал в уме. Да, она уплатила все деньги, все восемьдесят четыре тысячи долларов. Этого ей хватит надолго.

Интересно, что она предпримет в следующий раз, подумал я.

Стучать я больше не стал. Я направился в ту же сторону, что и мистер Филд, увидел лифт, поднялся вверх и вышел на улицу.

Ступив на быстроходный тротуар, я покатил по Манхэттену. Рекламы вспыхивали и вопили. Я достал из кармана затычки и сунул их в уши. Шум прекратился. Но объявления по-прежнему вертелись, слепили глаза, бежали по фасадам домов, огибали углы, льнули к толстым стенам. И, куда ни глянь, всюду маячило лицо Фредди Лестера.

Даже когда я закрывал глаза, это лицо горело у меня под сомкнутыми веками.

КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него был при этом самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он — в южной части гор, а мы — в северной. И, надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уже подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать — и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша; в нем-то самому весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и закинули под сиденье. Всю работу пришлось де-

лать мне. Папуля насосался майсовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил — «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

— Вечно они скачут! — все жаловался дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюзл, по прозванию Горбун, — наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюзл ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно-бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Видим, Лемюзл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах, неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюзл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уже развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюзла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей стали вносить бутылки с майсовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюзл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтобы загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюзл питается енотами, потому что у них лапы прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал внимания на Лемкэла. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином майсовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было немного. Главная беда — нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья помои. Если бы Лемкюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемкюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор — любопытства ради.

— День выдался на славу, — сказала мамуля. — Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный кувшин, коротышка выпил майсовой, судорожно перевел дух и сказал, — мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

— Недавно приехали? — спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемкюэл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемкюэла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?

— Конечно, — ответила мамуля. — Полон жизни, как говорится.

— А мы-то думали, он давно покойник, — сказал коротышка. — Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Примерно шестеро, — ответила мамуля.

— Все совершеннолетние?

— Да вот у нас папуля, Сонк, малыш...

— Лет-то сколько?

— Малышу уже годочков чetyреста, верно, мамуля? — сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. СбилсЯ со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

— Не в деньгах счастье, — сказал он, записывая что-то в книжечку. — Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман: дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша завалились три доллара. Я обшарил карманы Лемюзла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля вlepила мне пощечину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охалку прутьев на растопку, — как видно, Лемюзл проголодался. Коротышка прибавил шагy.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюзла, который никогда не почешется), и я устался в угол,

на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня — мороз по коже.

— Ну их, холуев зловонных, не стоит мараться, — сказал дедуля. — Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

— Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Не поможет, — сказала она. — Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

— Прорыли вы погреб под домом? — спросил дедуля. — Вот и ладно. Укройте там меня с малышом. — Он опять сбился на старомодную речь. — Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимания. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребе). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет майсовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок: как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным, сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую майсовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где было порядочно наро-

ду, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может этого быть! — заявил кто-то. — Не сами же они соорудили... неотесанные увальнигорцы! Но несомненно, в курятнике у них урановый котел.

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погода отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов — на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке, и я не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— На своем веку, в каких только чудных тюрьмах я не перебивал, — сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я, Армбрестер, Хорек Армбрестер, упекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть, какой образованный был.

— Мистер Армбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сажу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Мне тоже хочется напиться допьяна, — сообщил мистер Армбрестер. — Тогда меня не удивляло бы, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмутился. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего, — сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. — Я этого уже давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело.

А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

— Сказали, что у нас урановый котел стоит, — ответил я. — Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сразу на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы, — отозвался он. — Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Что ж, пора нам домой, — сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть, на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей, — уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

— Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования — один Бог знает, на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

— А зачем ему это было надо? — спросил я.

— Знаешь, сколько шальных денег можно выколотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюзлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

— Парнишка — обыкновенный деревенский ува-лень, — сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. — Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели заткнуться. Он заткнулся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

— Послушай, мальчик, — сказал он мне. — Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, — даже не пикнули, когда я бросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

— Вот что, мистер Гэнди, — сказал он. — Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его сделал, я знаю, — заявил мистер Гэнди. — Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники, нацисты. И я намерен их найти!

— Ого, — сказал мистер Армбрестер. — Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора или в сенат, или... в общем, диктовать любые условия.

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюзла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюзла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно, что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-

нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел, как полотно, и пятился, весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает куда хочет. Ох уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно — он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывал на его голову и вроде бы стрелял светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла, и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк, — сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). — У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше — загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может его устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

— Гэнди, по-видимому, уверен, — продолжал он. — Выслал несколько физиков, и они сказали, что это явно уран 235 с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для своего же блага — перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

— Вам надо поспать, — сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

— Пропусти рюмашку, — весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

— Чтoб тебе сдохнуть, клейменная вошь, — сказал дедуля совсем не так весело. — Убери отсюда свой неповоротливый мозг. Сонк!

— Да, дедуля, — сказал я мысленно.

— Надо составить план...

Папуля повторил:

— Пропусти рюмашку, Сонк.

— Да замолчи же, папуля, — ответил я. — Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

— У меня личный трубопровод, — сказал папуля. — Могу сделать тебе... как это называется... переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне, как — вроде картинку нарисовал у меня в голове. Действительно, легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

— Папуля, — говорю, — пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

— Пропусти рюмашку, — не унимался папуля и вдруг как заорет. Я услышал смешок дедули.

— Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля. — Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. Ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

— Есть, дедуля, — говорю. — Ты в форме?

— Да.

— А малыш?

— Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя за-

дача, Сонк. Вся беда в той... все забываю слово... в том урановом котле.

— Значит, это все-таки он, — сказал я.

— Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине, благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди.

Он порывлся в мозг у нескольких человек. Потом предложил:

— При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гм... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты.

— То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? — припомнил я.

— Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

— Да, дедуля, — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

— Вот тут-то и заковыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего ее получить от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед, как шальные. Я слышал, это атомы. До чего же они веселенькие — суется, будто

спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Затем, после этого, я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания — наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова — думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли достгнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном 235, так что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно — наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи. Времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры.

Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. Но словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала... да что я — в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюзл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

— Дедуля мне дал знать, что творится, — сказала мамуля. — Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

— Будьте уверены, — ответил я. — А почему все так волнуются?

— Не могут понять, что с нами случилось, — объяснила мамуля. — Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

— Я сделал все, как дедуля велел... — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. В камеру

вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо, прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтобы разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюзл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюзл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь я и раньше видел (Лемюзл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола — сами себя свежевали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов цап его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

— Мамуля, — говорю, — это похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

— Нам домой пора, — уперлась мамуля. — Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

— Да, мамуля, — говорю. — Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

— Проснись!

— Пропусти рюмашку, — завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюзла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюзла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтобы они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне высыпят пониже спины.

— Ладно, мамуля, — поддакнул я. Но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснять, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди,

а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну, погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не советую, — сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — взвыл кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

— Обработайте его наркотиком правды, — сказал он. — А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:

— Куда делся Сонк — я не знаю! А знал бы — не сказал бы...

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

— Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, — объявил он. — Один укол и ты все выложишь. Понятно?

Воткнул мне в руку иглу и впрыснул лекарство. Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем нестерпимо стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату — и в крик.

— Плотину прорвало! — орет. — Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

— Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

— Вы должны их успокоить, — сказал кто-то мистеру Гэнди. — Они кипят от возмущения. Посевы загублены.

— Я их успокою, — заверил мистер Гэнди. — Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов.

Он выбежал из комнаты, за ним бросились ос-

тальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обзлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Армбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

— У каждой плотины свой предел прочности, — объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

— Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! — прогремел он. — Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!..

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Эджекс» пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, будто строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

— Да, — говорит, — я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся.

— Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену * и...

* Член городского управления. — *Прим перев*

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам и мистера Гэнди не стало слышно.

— Так, так, — сказал мистер Армбрестер. — Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

— В конце концов когда-нибудь будут, — сказал он, — но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал... Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну, вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал ему еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были установлены котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля, — как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках крыльца. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди, он, видно, начался сильнее. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЭГО

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

— Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, — сказал он придушенным голосом. — Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге от того, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

— Вашу мать звали Елена Глинская? — спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

— Нет, — отрезал тот.

— А! Ну, так значит, она была Большая Волосатая, — пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

— Не волнуйтесь, — поспешно сказал робот. — Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни и вам незначимы...

— Заткнитесь! — потребовал Мартин. — Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко. — Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон и, нажав на кнопку, он потребовал: «Дайте мисс Эшби! Немедленно!»

— Мне очень неприятно, — виноватым тоном сказал робот. — Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемониче-

скую норму, когда я темпорирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

— Вот именно, — объявил он. — Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только... гм, гм... Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо... Погодите-ка, я говорю на санскрите? — Он покачал сверкающей головой. — Наверное, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось... Прошу извинения, всего хорошего, — поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил свои пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

— Нет, вы не уйдете! — заявил Мартин. — Стойте, где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? — закончил он жалобно, глядя на телефон.

— А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? — спросил робот, приложив большой и указательный пальцы к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

— Конечно, уверен, — рявкнул он.

— Так значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Не женился и не женюсь! — отрезал Мартин и схватил трубку звонившего телефона.

— Это я, Ник! — раздался спокойный голос Эрики Эшби. — Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желания отдать ей примерно фунт своего мяса — сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался этим термином и ника-

ким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

— Так в чем дело? Что-нибудь случилось? — повторила Эрика.

— Да, — произнес Мартин, глубоко вздохнув. — Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Ах, какая у вас замечательная память! — печально вставил робот. — И у меня была такая же, пока я не начал темпорировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат...

— Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее, — ответила Эрика. — Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

— А когда?

— Разве тебе не передали, что я звонила? — вспыхнула Эрика.

— Конечно, нет! — сердито крикнул Мартин. — Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в мою темницу слово одобрения или даже напильник? — Его голос повеселел. — Думаешь устроить мне побег?

— Это возмутительно! — объявила Эрика. — В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку...

— Не перегнет, пока он может рассчитывать на Диди, — угрюмо сказал Мартин.

Киноккомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

— Тем не менее Уотт совсем не глуп, — сказала Эрика. — Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

— Почему?

— Я же сказала тебе... Ах, да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин испустил глухой стон.

— Значит, мне нет спасения, — сказал он. — На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

— Попробую, — ответила Эрика. — Об этом я и хочу с тобой поговорить... А! — вскрикнула она внезапно. — Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

— Пойти к Уотту, — уныло подсказал Ник. — Но, Эрика...

— Пойти к Уотту, когда он будет один, — подчеркнула Эрика.

— Сен-Сир этого не допустит.

— Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз, — а вдруг мы его убедим? Но все-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой — отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтешь?

— Ни то и ни другое, — тотчас ответил Мартин.

— О, Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира!

— И боюсь!

— Глупости. Ну что он может тебе сделать?

— Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

— Я знаю. Неделию назад я видела одного из них на Мэйн-стрит — он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

— А! — сказал робот, радостно кивнув. — Так я и думал. Критическая фраза.

— Заткнись! — приказал Мартин. — Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

— И мне тоже, — ядовито ответила Эрика. — На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

— Будь я, например, Хемингуэем... — страдальческим голосом начал Мартин.

— Вы сказали, Хемингуэй? — спросил робот. — Значит, это эра Кинси — Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы — Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин... Мартин? Дайте подумать... Ах, да! Тип Дизраэли, — он со скрежетом потер лоб. — Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

— Ник, ты меня слышишь? — осведомился в трубке голос Эрики. — Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь...

— Но Сен-Сир ни за что не согласится, — перебил Мартин. — Он не признает слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет меня.

— Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? — мрачно напомнила Эрика. — Сен-Сир не сделал из него сценариста.

— Верно, бедный Эд! — вздрогнув, сказал Мартин.

— Ну хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

— Да! — вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие. — Да! Я безумно люблю тебя!

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение — даже маленькому безобидному телефонному аппарату.

— Ты что-то сказал? — спросила Эрика. — Ну, пока.

— погоди! — крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определенных случаях, и теперь он поспешно продолжал: — Я забыл тебе сказать, Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Ноэл!».

Но трубка молчала.

— Я не поддельный, — сказал робот обиженно.

Мартин съехался в кресле и устремил на своего гостя безнадежный взгляд.

— Кинг-Конг тоже был не поддельный, — заметил он. — И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И возможно, добьется своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Ноэл». Не в роли португальского шкипера рыбацкого судна! Вместо команды — его оркестр, а Дэн Дейли поет «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост...

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

— Кто говорит? — спросил он дрожащим голосом. — Кто? Сен-Сир...

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился, как ужаленный, и стиснул трубку обеими руками.

— Послушайте! — крикнул он. — Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Ноэл» — это уж просто...

— Я не слышу, что вы бормочете, — ревел густой бас. — Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

— Погодите...

Сен-Сир рыкнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц... а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Ноэл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир...

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения

сценария при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартин погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании «Вершина», буде таковая компания сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен — это Мартин знал твердо.

— Я бы выпил чего-нибудь, — устало сказал Мартин и посмотрел на робота. — Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

— Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии, — возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

— Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руки, ладно? Это ведь не трудно. В конце концов мы с вами все-таки люди.

— Да нет, — ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей — робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

— Вы, наверное, пьете как губка, — сказал он задумчиво. — Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

— Валяйте, — настаивал Мартин. — Или вам совет не позволяет пить мое виски?

— Как же я могу пить? — спросил робот. — Ведь я робот. — В его голосе появилась тоскливая нотка. — А что при этом происходит? — поинтересовался он. — Смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

— Заправка горючим, — сказал он сухо. — Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну, бросьте...

— А, принцип раздражения! — перебил робот. — Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

— А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? — осведомился он.

— Как же я могу пить? — повторил робот. — Но я видел, как его пили другие. — Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. — Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование — весьма увлекательное... — Он оборвал фразу. — Но я зря трачу пространство — время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы...

— Ну, выпейте же, — сказал Мартин. — У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут тероризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли? Верно?

— Я был бы рад попробовать, — задумчиво сказал робот. — С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту кашпа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху...

— А оно существовало, — заметил Мартин, делая новый глоток. — То есть, я хочу сказать — существует. А это что, по-вашему, мамонт? — Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

— Это? — переспросил он в полном изумлении. — Но в таком случае... в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

— А что же, по-вашему, могло приводить их в действие? — холодно спросил Мартин.

— Рабы, — ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, помигал им, а затем вывернул лампочку. — Напряжение, вы сказали?

— Не валяйте дурака, — посоветовал Мартин. — Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

— Ну что ж, — сказал робот, — не хочу расстраивать компании. Это должно работать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

— $F(t)$... — сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертили улыбку, которая выражала приятное удивление.

— $Fff(t)!$ — сказал он и продолжал шипло: — $F(t)$ интеграл от плюс до минус бесконечности. А, деленное на v в степени e .

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

— Какая прелесть! — сказал он. — И даже переменный ток!

— В-в-вы не умерли? — дрожащим голосом осведомился Мартин.

— Я даже не жил, — пробормотал робот. — В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

— Так, значит, — задохнулся он, — значит... вы — робот!!!

— Конечно, я робот, — ответил его гость. — Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света. — Он ог-

лядел настольную лампу с алкоголическим вожделем. — $F(t)$...То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота. — Он помолчал. — $F(t)$, — добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

— $F(t)$... — сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток. — Я пьян, — продолжал он с судорожным облегчением. — Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил...

— Ну, сначала никто не верит, что я робот, — объявил робот. — Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я явлюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур; ему я явлюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

— Так, значит, вы — дьявол? — спросил Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

— Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

— А я теперь даже не знаю, кто я такой, — сказал Мартин. — Может, я вовсе фавн, а вы — дитя человеческое! По-моему, от этого виски мне стало только хуже и...

— Вас зовут Никлас Мартин, — терпеливо объяснил робот. — А меня ЭНИАК.

— Эньяк?

— ЭНИАК, — поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные. — ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливавшую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

— Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли, — сообщил робот, указывая на камни. — Вы наденете его на голову вот так...

— Нет, не надену, — сказал Мартин, проворно отдергивая голову, — и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

— Это искусственный эклогит, — успокоил его робот. — Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти — и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций, то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний, определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

— Только и всего? — подозрительно спросил Мартин.

— Ну-у... — уклончиво сказал робот. — Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... — Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но, поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

— Мне он не обеспечит, — сказал Мартин твердо, — потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

— А, — начал он после паузы, — я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

— Нет! — объявил Мартин.

— Но ведь вы даже не знаете, о чем речь, — жалобно сказал робот. — После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

— Как бы не так! — буркнул он.

— Прекрасно, — с облегчением сказал робот. — Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи средневековья весьма сложен, а уйгурский... Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель — мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами, — нужная реакция в нужный момент. Понятно?

— Нет, конечно! — сказал Мартин. — Это какой-то бред.

— Существует, — продолжал робот устало, — очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временной шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

— По временной шкале Кальдекуза — нет, не трудно, — сказал Мартин.

— Я всегда объясняю чрезвычайно понятно, — с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

— Уберите от меня эту штуку! — раздраженно вскрикнул Мартин. — Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

— Сунете, — сказал робот твердо. — Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьете, и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем сойду. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами — я веду опыт хронологически, а

тысяча девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

— А вот и не идет, — сказал Мартин, поднося бокал к губам. — Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

— Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза, — объяснил робот. — Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что... — Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой. — Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком...

— Восемь с половиной — мой размер, — с достоинством возразил Мартин.

— Не может быть, — лукаво заспорил робот. — В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

— Он мне впору, — сказал Мартин.

— До чего же трудно разговаривать с дороботами, — заметил ЭНИАК, словно про себя. — Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин, — он словно обращался к глухому и упрямому ребенку, — попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не в пору...

— Черт побери! — в бешенстве крикнул Мартин, от досады и виски забывая об осторожности. — Он мне впору! Вот, смотрите! — Он схватил шлем и нахлобучил его на голову. — Сидит как влитой.

— Я ошибся, — признался робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул ее на плечо и повернулся к двери.

— Всего хорошего, — сказал робот, — и позвольте вас поблагодарить.

— За что? — свирепо спросил Мартин.

— За ваше любезное сотрудничество, — сказал робот.

— Я не собираюсь с вами сотрудничать! — отрезал Мартин. — И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

— Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки, — невозмутимо ответил ЭНИАК. — Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

— Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У него в голове что-то происходило.

Никлас Мартин чувствовал себя, как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной, — под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес с собой душную вонь — бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян, — думал Мартин с отчаянием, — я пьян или сошел с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней. «Если я смогу пройти по прямой, — рассуждал он, — значит, я не пьян... Я просто сошел с ума». Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и, когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он был трезв, как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки — одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки — другие нейроны — бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций... Ага!

— Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот... может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы искривились в презрительную улыбку.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

— Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

— Вы заставляете меня ждать! — рычал голос. — Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается... Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

— Бледно, — пробормотал он. — Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он

поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого телефона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

— Прекрасно, — пробормотал Мартин, отворачиваясь. — Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да, — прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов «Вершины». — Мужчина — это машина, а женщина — ...Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула. — А женщина — игрушка, — закончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро-Голдвин-Мейер». Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира — небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд, там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелен орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Бэкингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелест-

ные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной киноморсали флегматично плавала в волнах жемчужного тумана.

Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бу-
сники, чудилось ему, выглядывали из его собствен-
ных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на
самом деле? Каким бы ярким не казалось воспомина-
ние, возможно, это была только иллюзия. Напра-
шивающийся ответ был изумительно прост и ужасно
логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил
ему, — правда, несколько смутно, — в чем заключал-
ся его экологический эксперимент. Мартин просто
получил оптимальную рефлекторную схему своего
удачливого прототипа, человека, который наиболее
полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал
ему имя человека, правда, среди путаных ссылок на
другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безымен-
ного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Бикон-
сфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в
этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере
одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчи-
вый, волевой, с плодовитым воображением...

— Нет, нет, нет, — сказала Диди с невозмутимым
раздражением. — Осторожнее, Ник. Сядьте, пожа-
луйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

— Т-т-т-т, — сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая
толстые губы и огромным пальцем указывая на
скромный стул у стены. — Садитесь позади меня,
Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И
смотрите внимательно. Смотрите, как я творю вели-
кое из вашей дурацкой пьески. Особенно заметьте,
как замечательно я завершаю соло пятью нарастаю-
щими падениями в воду. Ритм — это все, — закон-
чил он. — А теперь — ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балкан-

ской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксо-лидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры теряли рассудок, пытались преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди — тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз — постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возразить, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдет в «Метро-Голдвин-Мейер» и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительные контракты и для каждой картины с ней заключался новый контракт). Даже Толливер Уотт

склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

— Садитесь, Мартин, — сказал Толливер Уотт.

Это был высокий, худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено. С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло довольное выражение.

— Будьте добры, коктейль, — сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

— Слабоват, — сказал Мартин, ставя бокал на поднос. — Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем, — сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно опустился в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

— Виски с содовой мистеру Мартину, — невозмутимо сказал Уотт. — И еще один коктейль мне.

— Ну, ну, ну! Мы начинаем! — нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды — хор русалок, танцующих на хвостах, двигался по улицам рыбацкой деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе

поглядывают на него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

— Вы смеетесь? — немедленно вспыхнул Сен-Сир. — Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что — гений?

— Это, — сказал Мартин снисходительно, — мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку.

В наступившей мертвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

— С моей помощью вы еще можете не стать помешанцем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и...

Уотт сказал негромко:

— Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анжелины Нозл», Мартин.

— Это художественно! — взревел Сен-Сир. — И принесет большие деньги!

— Деньги? Чужь! — коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. — Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, шурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

— Рауль, — сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, — насколько мне известно, вы приводите своих... э... новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не...

— Да, да, да, да! — возбужденно крикнул Сен-Сир. — Я их привожу в форму! Горячий припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

— Не тревожьтесь, — объявил он. — Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

— Какие еще конфиденциальные беседы? — прохотал Сен-Сир и густо побагровел.

— Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? — не моргнув глазом, продолжал Мартин. — Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь...

— Пджрзксгл! — возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

— Остановите показ! — распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае, пока не истекнут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

— Зажгите свет! — приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу.

Ведь он дал им немалую пищу для размышлений — и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксолидиец облизнул губы — что было нелегкой задачей, — и его налитые кровью глаза обеспокоенно впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода.

Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

— Последний подводный эпизод, — сказал он, возвращаясь к прежней теме, — это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

— Молчать! — взревел Сен-Сир.

— Но это единственный выход, — настаивал Мартин. — Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино.

— Рауль, — внезапно сказал Уотт. — К чему он клонит?

— Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт, — ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем. — Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии...

— А вы уверены, что сумели привести его в форму? — спросил Уотт.

— Это для меня теперь уже личный вопрос, — ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом. — Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

— Это верно? — холодно спросил Уотт у Мартина.

— Уже нет, — ответил Мартин, — я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудеса. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их — и начнем с этой кар-

тины. Я полагаю, нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа — ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана, — закончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

— Вон! Вон! — закричал он. — Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон! Иначе я раздеру тебя на клочки и...

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

— Видите, Уотт? — спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. — Он не дает мне сказать вам ни слова, наверное, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, — он чувствует что пахнет жареным.

Сен-Сир вне себя наклонился и занес кулак. Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и, правда, пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе. Уотт решил разобраться во всем до конца.

— Тише, тише, Рауль, — сказал он категорическим тоном. — Успокойтесь! Я говорю вам — успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забывать. Успокойтесь, и послушаем, что скажет Ник.

— Держите с ним ухо востро! Толливер! — предостерегающе воскликнул Сен-Сир. — Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно...

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

— Соедините меня с баром, пожалуйста. Да... Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А... э... «Елену Глинскую».

— Здравствуйте, — раздался в дверях голос Эрики Эшби. — Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки. С микрофоном в руке он повер-

нулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

— Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были — вон!

Эрика — деловитая, хорошенькая, неукротимая — решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

— Я здесь по делу, — холодно заявила она Сен-Сиру. — Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

— А, моя прелесть, садитесь! — произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла. — Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

— Я не буду пить, — сказала она. — И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту...

— И пожалуйста, поскорее, — холодно приказал Мартин в микрофон. — Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам неизвестен? В таком случае, слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу... Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликера...

— Ник, ты с ума сошел! — с отвращением воскликнула Эрика.

...и шесть мерок меда, — безмятежно продолжал Мартин. — Размешайте, но не взбивайте. «Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите...

— Мисс Эшби, мы очень заняты, — внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь. — Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

— Впрочем, добавьте еще шесть мерок меду, — задумчиво проговорил Мартин в микрофон. — И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь че-

еще шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту.

— Я только что говорила с Глорией Иден. Она готова заключить с «Верниной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

— Мы, пожалуй, могли бы поладить, — ответил он тотчас (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»). Почему вы не привезли ее с собой? Мы могли бы...

— Ерунда! — завопил Сен-Сир. — Не обсуждайте этого, Толливер!

— Она в «Лагуне», — объяснила Эрика. — За молчите же, Сен-Сир. Я не намерена...

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь. Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

— Быстрая работа, — сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда. — Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

— Нет, нет, нет, нет! — рычал Сен-Сир. — Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста; хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сенсировском стиле. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы...

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушал ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может так реветь часами без передышки. Мартин вздохнул, поднял наполненную до краев чашу, изящно ее понюхал и попятился к своему креслу. Когда его каблук кос-

нулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» — пиво, мед, мятный ликер и лед — на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разлило мятной.

— Я предложил бы перейти в бар, — сказал Мартин, брезгливо сморщив нос. — Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого... этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

— В Миксо-Лидии, — задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпая башмаками, — в Миксо-Лидии мы бросали собакам... мы варили в масле, мы...

— А в следующий раз, — сказал Мартин, — будьте так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост... и снова поник. Он выглядел, как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони, — и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

— Ничего не делать, пока я не вернусь! — приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлопал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая

музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде — ее далекой родине.

— А теперь, — объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него, — я хотел бы поговорить с вами.

— Я не могу обсуждать вопросов, связанных с вашим контрактом, до возвращения Рауля, — быстро сказал Уотт.

— Чепуха, — сказал Мартин твердо. — С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

— Извините, но я не могу этого обсуждать, — сказал он. — Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт..

— Потому-то я и вижу положение так ясно, — возразил Мартин. — Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы — экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера постепенно преображаете огромную массу живого дышащего человечества в единого Идеального Зрителя..

— Извините, — повторил Уотт, но уже не так резко. — У меня, право, нет времени... Э-э...

— Ваш гений слишком долго оставался непризнанным, — поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос. — Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий

успех — это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики, не так ли? Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой? — И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

— Какой же? — спросил Уотт.

— Садитесь, — настойчиво сказал Мартин, — и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в «Вершине»...

Уотт медленно опустил в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизразлевого красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность преумножать капиталы чем-то постыдна. Дизразли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир — пусть и гений в своей области — не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

— С вашей широтой видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь, — убедительно доказывал Мартин. — Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете — не так ли? — что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы... Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

— Что? — спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении. — А, да... Конечно. Аннулировать ваш контракт...

— Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанкротится, —

указал Мартин. — Только гений, подобный Толливеру Уотту, кует железо, пока оно горячо, когда ему представляется шанс обменять провал на успех, какого-то Мартина на единственную Иден.

— Гм-м, — сказал Уотт. — Да. Ну хорошо. — На его длинном лице появилось деловитое выражение. — Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет контракт.

— И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела, — рассуждал вслух Мартин. — Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»? Он — единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

— Какой ситуа... Ах, да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

— Но... — начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

— Понимаю, — пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери. — Да, да, конечно. Зайдите вечером ко мне домой, Мартин. Как только я получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документы об аннулировании вашего контракта. Гм-м... Функциональный гений... — И что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть.

— Одну минуту, — сказал он. — Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы...

— Ник, — сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо, — что произошло?

— Расскажу вечером, — поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдаленное рыкание, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира. — Когда у меня выберется свободная минута, я

ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика только успела бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкнул ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

— Где Толливер? — оглушительный рев Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскиались только в костюмерной. Он счел это личным оскорблением. — Куда вы дели Толливера? — вопил он.

— Пожалуйста, говорите громче, — небрежно кинул Мартин. — Вас трудно расслышать.

— Диди! — загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой. — Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

— Вы не знаете, верно, Диди? — быстро подсказал он.

— Заткнитесь! — распорядился Сен-Сир. — А ты отвечай мне, ах, ты... — И он прибавил выразительное многосложное слово на миксо-лидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

— Толливер, кажется, ушел. У меня все это путается с фильмом. Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином, разве нет?

— Но Мартин здесь! — взревел Сен-Сир. — Думай же, думай.

— А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? — рассеянно спросила Диди.

— Документ, аннулирующий контракт? — прорычал Сен-Сир. — Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

— Он куда-то поехал с этой агентшей, — ответила Диди. — Или это тоже было в эпизоде?

— Но куда, куда, куда?

— В Атлантиду, — с легким торжеством объявила Диди.

— Нет! — закричал Сен-Сир. — Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

— Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды, — невозмутимо прожурчала Диди. — Он сказал, что он едет в Атлантиду, а потом он вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

— Когда? — в ярости крикнул Сен-Сир. — Подумай, Диди! В котором часу он...

— Диди, — сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью. — Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддавалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

— Прочь с дороги, писака! — взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина. — Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру ледящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда вечером робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

— Как мне этого не хватало! — сказал он со вздохом. — Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра... Я

даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

— Скверно, — вздохнул он. — Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной — Миксо-Лидией?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил робот. — А что?

— А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, — лаконично объяснил Мартин.

— Значит, вы ее спровоцировали, — возразил ЭНИАК. — Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли, в первую очередь, был храбр. В минуту кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах, нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной системой, не так ли?

Мартин кивнул.

— Так же, как и эта киностудия, — сказал робот. — Беда в том, что вы встретились с человеком, чья приспособляемость к среде совершеннее вашей. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

— Но я не могу уйти куда-нибудь еще! — пожаловался Мартин. — То есть, пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал в чем дело и

ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт, — если потребуется, он поставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда.

— Избавьте меня от ненужных подробностей, — сказал робот с досадой. — А если этот Сен-Сир — средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

— А как поступил бы в этом случае Дизраэли? — спросил Мартин.

— Начнем с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении, — холодно ответил робот. — Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальная приспособляемость не будет достигнута. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

— Может быть, вы объясните это подробнее? — задумчиво попросил Мартин.

— О, разумеется, — ответил робот и затараторил: — При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от порогово-временных реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

— А! — сказал Мартин. — Ну, а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

— Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, — исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах засветилось плодовитое воображение.

— Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно, не...

— Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бес-

полезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и, если вы наденете экологизер себе на...

— Это Иван Грозный, так ведь? — перебил Мартин. — Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

— Вам это ничего не даст, — ответил робот. — Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь...

— Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом, вроде Сен-Сира, на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я, наверняка, одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он все-таки, хоть на поверхности, а цивилизован... Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

— Но вы не понимаете...

— Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

— Да, Ро...

— Ну и прекрасно! — с торжеством перебил Мартин. — Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я — сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человека слабее себя. Однако Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком — таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага. — Мартин энергично кивнул. — Сен-Сира можно подавить на время — в этом я убедился. Но чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

— Если вы думаете, что я собираюсь наложить

на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, — объявил робот.

— И убедить вас никак нельзя?

— Я, — сказал ЭНИАК, — семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, — подумал Мартин, — но вот Дизраэли... Гм-м! «Мужчина — это машина»... Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

— Давайте обсудим это, — начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи...

— Вам это не понравится, — оступело сказал робот некоторое время спустя. — Иван не годится для... Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к... — Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

— Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга! — сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. — Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте, — Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

— Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности, — бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина. — Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую... Ну, вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

— Но ничего не происходит, — сказал Мартин. — Я не чувствую никакой разницы.

— На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом. — Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

— Стойте, — тревожно окликнул его Мартин. — А вы уверены...

— Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну ничего, вспомню

после — или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов... если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно — только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило...

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

— *Убийцы!!!*

— Да, мистер Мартин, — раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта. — Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна захватить за вами... куда?

— В чулан на втором этаже сценарного корпуса, — дрожащим голосом ответил Мартин. — Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарата. Но я вовсе не убежден, что и здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

— Сэр?..

— А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? — нервно спросил Мартин.

— Совершенно уверен, мистер... э... мистер Мартин.

— Да, я мистер Мартин! — вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. — По всем законам божеским и человеческим я — мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

— Да, сэр. Вы сказали — в чулане, сэр?

— Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

— Да, сэр. Больше ничего?

— Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она

второпилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасливо оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже...

В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

— Ч-ч-чего бояться? — спросил он себя. — Никто и не боится!

Насвистывая, он пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия* взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла «Британская энциклопедия» в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия-Лорд» и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу — матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван... Иван... А, вот оно!

Сын Елены Глинской... Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной... В частной жизни творил неслыханные гнусности... Удивительная память, колоссальная энергия... Припадки дикой ярости... Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого... Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника.

— Совсем как я, — пробормотал Мартин. — Но... Но Иван ведь не был трусом... Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды, так

* Агорафобия — боязнь пространства. — *Прим. ред.*

же как от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух. Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал — в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но... ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию... Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был надежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу...

— Ерунда, — сказал себе Мартин с трепетной твердостью. — Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки — и т-т-только. Давай, давай, взбодрись. *Toujours l'audace* *.

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать... Если кругом одни враги...

Трясаясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

— Но зачем ты залез на дерево? — спросила Эрика. Мартин затрясся.

* Да здравствует отвага (*франц.*).

— Оборотень, — объяснил он, стуча зубами. — Вампир, ведьма и... Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой.

— Но они просто возвращались в павильон после обеда, — сказала Эрика. — Ты же знаешь, что «Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карлов и мухи не обидит.

— Я себе говорил это, — угрюмо пожаловался Мартин. — Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я — гнусное чудовище, но это не моя вина. Все — среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке... А-а! Погляди сама.

Он указал на полицейского на перекрестке.

— Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

— Дамочка, этот тип — псих? — спросил шофер.

— Безумен я или нормален, — я Никлас Мартин! — объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы!» — и съехался в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

— Ник, сколько ты выпил? — спросила она. — Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Дай я немного приду в себя, Эрика, — умоляюще сказал он. — Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван...

— Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь? — спросила Эрика. — На это-то тебя хватит?

— Хватит, — ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

— При условии, если буду держать тебя за руку, — добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

— Ты, действительно, очень переменялся с сегодняшнего утра, — заметила она наконец. — Грозишь

объясниться мне в любви, подумать только! Как буд-то я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

— Я сказала — вот попробуй! — повторила она.

— Ах, так? — спросил Мартин с трепещущей храбростью. Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить времени и рассуждать, почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

— Но почему ты никогда прежде этого не говорил? — спросила она, заметно смягчившись.

— Сам не понимаю, — ответил Мартин. — Так, значит, ты выйдешь за меня?

— Но почему ты...

— Ты выйдешь за меня?

— Да, — сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздвогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

— Э... — сказал Мартин. — Гм... Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

— Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! — объявила Эрика с некоторым раздражением. — А ну, поцелуй меня!

— Но я могу заразить тебя бубонной чумой, — нервно ответил Мартин. — Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт.

— Ник!

— Ну... не знаю... А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него, как могла дальше.

— Ах! — вздохнул Мартин после долгого молчания. — Эрика, ты...

— Не заговаривай со мной, тряпка! — сказала Эрика. — Чудовище! Негодяй!

— Я не виноват! — в отчаянии вскричал Мартин. — Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы, как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

— Не верю, — отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой. — Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного — заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

— Но Сен-Сир...

— Разговаривать буду я. Ты можешь не говорить ни слова. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

— Ну вот, я опять в стрессовом состоянии! — в отчаянии крикнул Мартин. — Я не выдержу! Я же не русский царь!

— Дамочка, — сказал шофер, оглядываясь. — На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

— Кому-нибудь не сносить за это головы! — зловеще пообещал Мартин.

— «По взаимному согласию контракт аннулируется...» Да, да, — сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. — Ну вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

— Разве? — несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом

Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

— Погодите, — сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу. — А как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

— Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? — Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

— Там будут только мужские роли, — поспешно сказала Эрика. — К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

— Он дал бы мне это право, будь он здесь! — проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. — Почему, почему все ополчаются против истинного художника? — Он взмахнул огромным волосатым кулаком. — Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сенсировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно...

— Боюсь, что поздно, Рауль, — с сожалением сказал Уотт. — Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

— Но... но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии...

— А, здравствуйте, Ник! — воскликнула Диди с сияющей улыбкой. — Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина. Эрика торопливо сказала:

— Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

— Разве? — спросила Диди, уже готовая согласиться.

— Ну конечно, — ответила Эрика и протянула руку к документу. — Дайте его мне, и я...

— Стойте! — по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

— Ага, — зловещим голосом произнес режиссер. — Мартин!

— Ложь, — пробормотал Мартин, тщетно пытаюсь скрыть свой рожденный стрессом ужас. — Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

— А, — сказал он, — к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

— Чепуха, — возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика. — Кто это сказал? Все — ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

— Что вы делали за занавеской? — спросил Уотт.

— Я вообще не был за занавеской, — доблестно объяснил Мартин. — Это вы были за занавеской, вы все. А я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно... точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно — в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

— Да, как заговорщики, — продолжал он нервно. — Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь...

— Нам пора, — с отчаянием сказала Эрика. — Мы и так еле-еле успеем поймать последнее кари... то есть, последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

— Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? — спросил он.

— Конечно, даст! — загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина. — И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую, как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

— Конечно нет! — крикнула Эрика. — Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаяний расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным — теперь или никогда. У него уже был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд злоеющим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем — только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксо-лидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

— Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? — сказал Сен-Сир, но с легкой неуверенностью.

— Что захочу, то и сделаю, — сообщил ему Мартин. — А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

— Право, Рауль, — вмешался Уотт, — попробуем уладить это, пусть даже...

— Вы предпочтете, чтобы я ушел в «Метро-Голдвин» и взял с собой Диди? — крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. — Он сейчас же подпишет! — И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

— Убийца! — взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

— Он у нас в руках, Толливер! — воскликнул миксо-лидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей. Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед за ним неся голос валькирии Эрики:

— Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы...

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно — стресс был слишком силен, ужас гнал его вперед по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

— Вот вы где, — сказал робот. — А я в поисках вас обшарил все пространство — время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

— Что? — спросил он рассеянно. — Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

— Нет, я с вами покончил, — бессердечно ответил робот. — Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я

бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизразлевым красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд, — он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку. — Она уже заполнена и сенсублизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

— А что будет со мной? — спросил он дрожащим голосом.

— Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется, и вы снова станете самим собой. Прижмите пластинку к глазу.

— Прижму, если вы превратите меня в меня, — попробовал торговаться Мартин.

— Не могу — это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну, нет! Прижмите ее к левому глазу...

— Нет, — сказал Мартин с судорожной твердостью. — Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

— Прижмите, — повторил робот. — Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

— Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж, и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

— От робота? Разумеется, — сухо ответил ЭНИАК. — И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз, ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

— Погодите, вы не поняли, — сказал он. — Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке.

Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток...

— ...рисунка сетчатки, — закончил робот. — Ну, и...

— Ну и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня, как у Ивана, верно? Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы — синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

— Так раскройте их пальцами, — посоветовал робот.

— У моих пальцев тоже есть рефлекс, — возразил Мартин, подбираясь к буфету. — Остается один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся, и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

— Это-то нетрудно, — сказал робот. — Раскрою веки...

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

— Но только, — продолжал ЭНИАК, — подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

— Я скоро опьянею, — обещал он заплетающимся языком. — Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

— Ну ладно, только поторопитесь, — сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустил на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг устался на работа, ахнул и отставил стакан.

— Ну, что случилось? — спросил робот. — Пейте свое... что это такое?

— Виски, — ответил Мартин неопытной машине. — Но я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план. Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

— Винт всемогущий! — воскликнул робот, вскакивая на ноги. — Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить, пейте!

— Не буду, — ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

— Пейте свой напиток! — потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. — Он абсолютно безвреден.

— Докажите! — сказал Мартин с хитрым видом. — Согласны обменяться со мной стаканами? Согласны сами выпить этот ядовитый напиток?

— Как же я буду пить? — спросил робот. — Я.. Ладно, дайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьете остальное.

— Ага, — объявил Мартин, — вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток, — он указал на торшер. — Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаешься, что хотел меня отравить? погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет..

— Ну конечно, докажет, — поспешно перебил робот. — Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся. Верно?

— Да, но.. — начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

— Ну вот, — сказал робот. — Ведь не отравлено? Верно?

— А вы не глотаете, — подозрительно заявил Мартин. — Вы держите его во рту.. то есть, в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

— Ну ладно, может быть, — с сомнением согласился Мартин. — Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, изменник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз

к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем...

— Доказывает, доказывает, — быстро сказал робот. — Ну, вот смотрите. Я опять это сделаю... $ft(t)$. Мощный постоянный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

— $Fffff(t)!$ — воскликнул робот немного погодя и начертал на своем металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

— Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал, — согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

— Мамонтового молока? — сипло произнес ЭНИАК. — А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память — это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное...

— Год Большой Волосатой, конечно, — сказал он весело. — Разве ты не помнишь?

— В таком случае, вы... — ЭНИАК попытался лучше разглядеть своего двоящегося собутыльника. — Тогда, значит, вы — Мамонтобой.

— Вот именно! — вскричал Мартин. — Ну-ка дернем еще по одной, а затем приступим.

— К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

— Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобой. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

— Разве? Но вы же не Мамонтобой, — растерянно возразил ЭНИАК. — Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

— Большая Волосатая, — немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.

— Дерните еще разок, — предложил Мартин. — А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его на голову.

— Вот так? — спросил ЭНИАК, подчиняясь. — У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

— Ну, — скомандовал он, — дайте мне матрицу-характер Мамонтобоя, сына Большой Волосатой.

— Что ж... Ладно, — невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул. — Вот и все. Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы... погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шепот произнес:

— $F(t)$...

— Ник! — ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях. — Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

— Ник! — испуганно повторила Эрика.

Нижняя челюсть Мартина медленно выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

— Эрика! — хрипло сказал он. — Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватил ее в объятия и укусил за ухо.

— Ах, Ник, — прошептала Эрика, закрывая глаза. — Почему ты никогда... Нет, нет, нет! Ник, погоди... Расторжение контракта. Мы должны... Ник, куда ты? — Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление. Сен-Сир рванула вперед.

— В Миксо-Лидии... — начал он. — Ха, вот так... — И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

— Зверь! — воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги — со значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил ее и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

— Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому, нисколько не ушибся, сбил торшер и развернулся, как еж. На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

— Ты трогать моя подруга? — хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его, как копьё.

— Я, — сказал Мартин, — убивать.

И с достохвальной целеустремленностью попытался претворить свое намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко

стукнувшись об нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

— Прекратите! — крикнул Уотт, кидаясь в сечу. Первобытные рефлексы сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхавшись, бормоча угрозы, проклятия и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

— Я, — объявил он, — убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро-Голдвин-Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии...

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобая. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох — когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобая, — и в результате он со всего маху стукнулся лбом об стену. Как в тумане, он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь...

— Ник! — раздался голос Эрики. — Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди..

— Агх? — хрипло спросил Мартин, мотая головой. — Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно все, что его окружало, опять приобретало четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

— Пустите меня! — кричала Диди. — Куда Рауль, туда и я!

— Диди! — умоляюще произнес новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие инстинкты Мамонтобая. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобая несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

— Агх, — сказал он. — Уррг.. э.. Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

— Арррх.. Аннулированный контракт, — сказал Мартин, напрягая все силы. — Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

— Аннулировать контракт?! — рявкнул он. — Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди не уходите, мы вернем Рауля.

— Рауль велел мне уйти, если уйдет он, — упрямо сказала Диди.

— Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир, — убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

— Разве? — с удивлением спросила Диди. — Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

— Диди, — в отчаянии умолял Уотт, — я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять

лет! Посмотрите, вот он! — И киномагнат вытащил сильно потертый по краям документ. — Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

— Хочется, — ответила Диди, — но Раулю не хочется. — И она вырвалась из рук Эрики.

— Мартин! — вне себя воззвал Уотт к драматургу. — Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой — только верните его! А не то я... я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть от безнадёжности, а может быть и еще от чего-нибудь.

— Мне очень жалко, — сказала Диди. — Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны и зубы оскалились.

— Ты! — сказал он со зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

— Вернись! — в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на одну, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

— Ник! — вскрикнула Эрика. — Как ты смеешь?

— Моя! — хрипло информировал ее Мамонтобой.

— Еще бы! — ответила Эрика. — Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

— Ну, — резко сказала Эрика, — выбирай!

— Обе! — объявил нецивилизованный драматург. — Да!

— Нет! — отрезала Эрика.

— Да! — прошептала Диди совсем новым тоном. Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

— Нахалка! — крикнула Эрика. — А как же Сен-Сир?

— Он? — презрительно сказала Диди. — Слюн-тяй! Нужен он мне очень! — И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

— Ф-фа! — буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. — Твоя. Держи. — Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. — Сильная подруга. Лучше.

Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.

— Ты! — сказал он, ткнув пальцем в Диди. — Ты останься у него, — Мартин указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

— Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

— Документ, аннулирующий контракт, — пояснила Эрика, вися вниз головой. — Дайте скорей, пока он не свернул нам шею.

Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.

Эрика извернулась и схватила документ.

— Ты прекрасно сыграл, — сказала она Нику, когда они очутились на улице. — А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси...

— Не играл, — проворчал Мартин. — Настоящее. До завтра. После этого... — Он пожал плечами. — Но сегодня — Мамонтобой.

Он попытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость и взвизгнула, только когда с ними поравнялась патрульная полицейская машина.

— Завтра я внесу за тебя залог, — сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушал ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобой в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

— Я, — возвестил он, вцепляясь в решетку, — убивать! Арргх!

— Двое за один вечер, — произнес в коридоре скучающий голос. — И обоих взяли на Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего толком не мог объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы... Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАНДАРТ

Вовсе не обязательно, чтобы инопланетяне были настроены по отношению к пришельцам либо дружелюбно, либо враждебно; они могут доставить им немало неприятностей, заняв строго нейтральную позицию.

— А денежки-то нам отсыплют только через год, — произнес Тиркелл, с отвращением зачерпнув ложкой холодные бобы.

Капитан Руфус Мэн на минуту отвлекся от выуживания из супа бобов, которые смахивали на тараканов.

— По-моему, для нас это сейчас не так уж важно. Кстати, год плюс четыре недели, Стив. Ведь полет с Венеры на Землю займет не меньше месяца.

Круглое пухлое лицо Тиркелла помрачнело.

— А до тех пор что? Будем жить впроголодь, питаясь холодными бобами?

Мэн вздохнул, переведя взгляд на затянутый прозрачной пленкой открытый люк космолета «Гудвилл». И промолчал. Бертон Андерхилл, который был включен в состав экипажа благодаря несметному богатству своего папаша и выполнял на корабле обязанности подручного, натянуто улыбнулся и сказал:

— А на что ты, собственно, претендуешь? Мы ведь не можем тратить горючее. Его только и хватит, чтобы доставить нас на Землю. Поэтому — или холодные бобы, или ничего.

— Скоро будет одно «ничего», — угрюмо произнес Тиркелл. — Мы промотались. Ухлопали свое состояние на разгульную жизнь.

— На разгульную жизнь! — прорычал Мэн. — Мы же отдали почти все наши харчи венерианам.

— Так они же кормили нас... один месяц, — напомнил Андерхилл. — Увы, все в прошлом. Теперь у них и кусочка не выманишь. Чем же мы им не угодили, а?

Он умолк — снаружи кто-то расстегнул клапан прозрачного экрана. Вошел приземистый широкоплечий мужчина с крючковатым носом на бронзово-красном лице.

— Что-нибудь нашел, Краснокожий? — спросил Андерхилл.

Майк Парящий Орел швырнул на стол полиэтиленовый мешок.

— Шесть грибов. Неудивительно, что венериане используют гидропонику. У них ведь нет другого выхода. Только грибы могут расти в этой проклятой сырости, да и те в большинстве ядовитые.

Мэн сжал губы.

— Ясно. Где Бронсон?

— Просит милостыню. Но ему не подадут ни одного фала. — Навахо кивнул в сторону входа. — А вот и он сам.

Спустя минуту послышались медленные шаги Бронсона. Лицо вошедшего инженера своим багровым цветом не уступало его шевелюре.

— Ни о чем не спрашивайте, — прошептал он. — Никто ни слова. Подумать только! Я, ирландец из Керри, выклянчиваю вонючий фал у какого-то шагреновокожего ублюдка с железным кольцом в носу. Позор на всю жизнь!

— Сочувствую, — сказал Тиркелл. — Но тебе все-таки удалось раздобыть хоть два-три фала?

Бронсон испепелил его взглядом.

— Неужели я взял бы его поганые деньги, даже если б он мне их предложил?! — взревел инженер, и глаза его налились кровью.

Тиркелл переглянулся с Андерхиллом.

— Он не принес ни фала, — заметил последний.

Бронсон передернулся и фыркнул.

— Он спросил, принадлежу ли я к Гильдии Нищих! На этой планете даже бродяги обязаны состоять в профсоюзе!

— Нет, Бронсон, это не профсоюзы и тем более не

организации типа средневековых гильдий. Местные таркомары гораздо могущественней и куда менее принципиальны.

— Верно, — согласился Тиркелл. — И если мы не состоим в каком-нибудь таркомаре, нас никто не наймет на работу. А членами таркомара мы можем стать, только уплатив вступительный взнос — тысячу софалов.

— Не очень-то налегайте на бобы, — предупредил Андерхилл. — У нас осталось всего десять банок.

— Нам позарез нужно что-то предпринять, — сказал Мэн, раздав сигареты. — Венериане не хотят снабжать нас пищевыми продуктами. Одно в нашу пользу: они не имеют права отказаться эти продукты продать. Это же незаконно — не принять от покупателя законное средство платежа.

Майк Парящий Орел с унылым видом перебирал свои шесть грибов.

— Да-а. Остается только раздобыть это законное средство платежа. Мы же здесь хуже нищих. Эх, придумать бы что-нибудь...

«Гудвилл» был на Венере первым посланцем Земли. Перед отлетом на корабль погрузили запас продовольствия на год с лишним, но, как оказалось, у венериан пищи было предостаточно. Продуктами питания их обеспечивали гидропонные установки, размещенные под городами. Но на поверхности планеты не росло ни одного съедобного растения. Животных и птиц было крайне мало, поэтому, даже если б у землян не отобрали оружие, на охоту рассчитывать не приходилось. Вдобавок после трудного космического полета жизнь здесь вначале показалась настоящим праздником в условиях чужой цивилизации, которая на первых порах землян очаровала.

Чужой она была, это точно. Венериане отличались крайней консервативностью. Их вполне устраивало то, что годилось для их отдаленных предков. У людей создалось впечатление, что венериане упрямо противятся любым переменам.

А из-за прилета землян что-то могло измениться.

Поэтому землянам был объявлен бойкот в форме

пассивного неприятия. Впрочем, первый месяц все шло без сучка и задоринки. Капитану Мэну вручили ключи от столичного города Вайринга, вблизи которого сейчас стоял «Гудвилл», и венериане щедро снабжали их пищей — непривычными, но вкусными кушаньями из растений, произраставших в гидропонных садах. В обмен на эти деликатесы земляне бездумно раздавали собственные продукты, угрожающе истощив свои запасы.

Но пищевые продукты венериан быстро портились, и дело кончилось тем, что в распоряжении людей оказался запас продовольствия всего на несколько недель (жалкие остатки того, что они привезли с Земли) да гора гниющих экзотических блюд, от аромата которых еще недавно текли слюнки.

А венериане перестали приносить свои скоропортящиеся фрукты, овощи и грибы, по вкусу напоминающие мясо. Теперь они действовали по принципу «деньги на бочку — и никакого кредита». Большой мясной гриб, который мог насытить четырех голодных мужчин, стоил десять фалов. Но поскольку у землян не было никаких фалов, мясные грибы были для них недоступны, как, впрочем, и все остальное.

Сперва земляне не придавали этому особого значения — пока не спустились с заоблачных высот и всерьез не призадумались над тем, как раздобыть пищу.

Положение оказалось безвыходным.

Проблема была проста и примитивна. Они, представители могущественной земной цивилизации, хотели есть. Скоро они проголодаются еще больше.

И у них не было никаких ценностей, кроме золота, серебра и бумажных денег. А здесь все это ничего не стоило. На корабле имелся нужный металл, но не в чистом виде, а как составная часть сплавов.

Денежным стандартом Венеры было железо.

— ...Обязательно должен быть какой-то выход, — упрямо заявил Мэн, и его лицо с твердыми резкими чертами потемнело. — Я намерен снова обратиться к Главе Совета. Джораст — баба неглупая.

— А что это даст? — поинтересовался Тиркеял. — Тут выручат только деньги.

Мэн смерил его взглядом, кивком поманил Майка Парящего Орла и направился к выходному клапану. Андерхилл живо вскочил.

— Можно мне с вами?

— Пойдем, если тебе так уж нейдет. Только пошевеливайся.

Трое землян вошли в клубящийся туман, погрузившись по щиколотку в липкую грязь, и молча потащились к городу.

— А я-то думал, что индейцы умеют использовать дары природы, — чуть погодя сказал Андерхилл, обращаясь к навахо.

Майк Парящий Орел с усмешкой взглянул на него.

— Я же не венерианский индеец, — возразил он. — Допустим, я сумел бы сделать лук и стрелу и подстрелить какого-нибудь венерианина. Нам ведь не станет от этого легче — разве что его кошелек будет набит софалами.

— Мы могли бы его съесть, — мечтательно прошептал Андерхилл. — Любопытно, какой вкус у жареного венерианина.

— Выясни это и, вернувшись домой, напиши бесселлер, — посоветовал Мэн. — При том условии, конечно, что ты домой вернешься. В Вайринге есть полиция, приятель.

Андерхилл переменил тему.

— А вот и Водяные Ворота. Черт возьми, запахло чьим-то ужином!

— Верно, — проворчал навахо, — но я надеялся, что у тебя хватит ума промолчать. Заткнись и пошли дальше.

Вайринг окружала стена типа каменной ограды. Вместо улиц в нем были каналы, а вдоль каналов тянулись скользкие от слякоти тропинки, но тот, кто имел хоть один фал, никогда не ходил пешком.

Яростно чертыхаясь, земляне шлепали по грязи. Никто не обращал на них внимания.

Вдруг к берегу подплыло водяное такси, и водитель, к одежде которого был приколот голубой значок его таркомара, окликнул их.

Андерхилл показал ему серебряный доллар.

Земляне, обладавшие большими лингвистическими способностями, быстро выучили язык венериан. Впрочем, понять, что таксист им отказал, было проще простого.

— Так это же серебро, — небрежно произнес тот и указал на вычурную серебряную филигрань, которая украшала нос его суденышка. — Хлам.

— Отличное местечко для Бенджамина Франклина, — заметил Майк Парящий Орел. — Его вставные зубы были сделаны из железа, не так ли?

— Если это правда, то, по представлениям венериан, у него во рту был целый капитал, — проговорил Андерхилл.

Тем временем таксист, презрительно хмыкнув, отчалил от берега и отправился искать пассажиров побогаче. Мэн, продолжая упрямо шагать вдоль канала, вытер со лба пот. «Отличное местечко этот Вайринг, — подумал он. — Отличное местечко для голодной смерти».

Полчаса тяжелой ходьбы постепенно довели Мэна до тупого озлобления. И если еще Джораст откажется их принять!.. Ему казалось, что сейчас он способен разорвать Вайринг зубами. И проглотить его самые съедобные куски.

К счастью, Джораст их приняла, и землян провели в ее кабинет. Джораст передвигалась по комнате в высоком кресле на колесиках, которое приводилось в движение мотором. Вдоль стен тянулась наклонная полка, похожая на конторку, видимо, того же назначения.

Джораст была стройной седовласой венерианкой с живыми черными глазами, которые сейчас смотрели настороженно. Она сошла с кресла, указала мужчинам на стулья и на один из них опустилась сама.

— Будьте достойны имен ваших отцов, — вежливо сказала она, в знак приветствия вытянув в их сторону свою шестипалую руку. — Что вас привело ко мне?

— Голод, — резко ответил Мэн. — Я думаю, что пора поговорить откровенно.

Джораст наблюдала за ним с непроницаемым выражением лица.

— Я вас слушаю.

— Нам не нравится, когда нас берут за горло.

— Разве мы причинили вам какое-нибудь зло?

Мэн в упор посмотрел на нее.

— Давайте играть в открытую. Нам созданы невыносимые условия. Вы здесь занимаете высокий пост, значит, либо мы страдаем из-за вас, либо вы знаете, в чем причина. Так или нет?

— Нет, — после недолгого молчания произнесла Джораст. — Я не столь могущественна, как вам, видимо, кажется. Я ведь не издаю законы. Я только слежу за точностью их исполнения. Поверьте, мы вам не враги.

— Это еще нужно доказать, — мрачно сказал Мэн. — А если с Земли прилетит другая экспедиция и найдет наши трупы...

— Мы вас не убьем. Это у нас не принято.

— Но вы можете уморить нас голодом.

Джораст прищурилась.

— Так покупайте себе пищу. На это имеет право каждый.

— Но чем мы будем платить? Какими деньгами? Вы же отказываетесь от нашей валюты. А вашей у нас нет.

— Ваша валюта не имеет никакой ценности, — сказала Джораст. — Мы добываем золото и серебро в большом количестве — у нас это самые заурядные металлы. А за один дифал — двенадцать фалов — можно купить много еды. За софал — еще больше.

Еще бы! Софал был равен тысяче семистам двадцати восьми фалам.

— А где, по-вашему, мы возьмем эти железные деньги? — рявкнул Мэн.

— Там же, где и мы, — заработайте их. Тот факт, что вы — пришельцы с другой планеты, не избавляет вас от обязанности трудиться.

— Прекрасно, — не сдавался Мэн. — Мы горим желанием трудиться. Дайте нам работу.

— Какую?

— Ну, хотя бы по расчистке и углублению каналов! Любую!

— А вы состоите в таркомаре чистильщиков каналов?

— Нет, — сказал Мэн. — Как это я забыл в него вступить?

Сарказм последней фразы не произвел на Джораст никакого впечатления.

— У нас каждая профессия имеет свой таркомар.

— Одолжите мне тысячу софалов, и я стану членом таркомара.

— Вы уже пытались занять деньги, — сказала Джораст. — Наши ростовщики сообщили, что имущество, которое вы предлагаете в обеспечение долга, не стоит ни фала.

— Вы хотите сказать, что на нашем корабле нет ничего, за что ваши соплеменники могли бы выложить тысячу софалов? Да ведь один только наш водоочиститель стоит для вас в шесть раз больше.

Джораст явно оскорбилась.

— Вот уже целое тысячелетие мы очищаем воду с помощью древесного угля. Сменив этот метод на другой, мы поставим под сомнение уровень интеллекта наших предков. А их принципы с честью выдержали испытание временем. Зачем же их менять? Будьте достойны имен ваших отцов.

— Послушайте... — начал было Мэн.

Но Джораст уже сидела в своем высоком кресле, давая этим понять, что аудиенция окончена.

— Дело дохлое, — сказал Мэн, когда они спускались в лифте. — Ясно, что Джораст приговорила нас к голодной смерти.

Андерхилл с ним не согласился.

— Она тут ни при чем. Джораст всего лишь исполнитель приказов свыше. Политику здесь делают таркомары, которые пользуются огромным влиянием.

— И фактически правят планетой. — Мэн скривил губы. — По всему видно, что венериане — ярые противники каких бы то ни было перемен. А мы для них как бы олицетворяем эти самые перемены. Поэтому-то они решили сделать вид, будто нас вообще

не существует. Нет такого закона, который обязывал бы венериан поддерживать отношения с землянами. Венера не расстилает перед гостями ковровые дорожки.

Когда они вышли на берег канала, Майк Парящий Орел нарушил затянувшееся молчание:

— Если мы не придумаем какой-нибудь способ заработать деньги, нам крышка — подохнем от голода. Что касается наших профессий, то при таких обстоятельствах толку от них, как от козла молока. — Он запустил камень в канал. — Ты, капитан, — физик, я — естествоиспытатель, Бронсон — инженер, а Стив Тиркелл — костоправ. Ты же, мой юный бесполезный друг Бертон, — сын миллионера.

Андерхилл смущенно улыбнулся.

— Уж отец-то знал, как делать деньги. А нас сейчас интересует именно это, верно?

— Каким же способом он ухитрился набить карман?

— Биржевые операции.

— Это как раз для нас, — съязвил Мэн. — Мне кажется, самое подходящее — это разработать какой-нибудь технологический процесс, в котором они остро нуждаются, и продать им идею.

— По-моему, венериане слабовато разбираются в генетике, — сказал Майк Парящий Орел. — А что, если б мне удалось путем скрещивания вывести некое новое съедобное растение?..

— Посмотрим, — сказал Мэн. — Там видно будет.

Пухлое лицо Стива Тиркелла было обращено ко входу в корабль. Остальные сидели за столом и, прихлебывая жидкий кофе, делали записи в блокнотах.

— У меня идея, — сказал Тиркелл.

Мэн хмыкнул.

— Знаю я твои идеи. Что ты нам преподнесешь на этот раз?

— Все очень просто. Предположим, у венериан вспыхивает какая-нибудь эпидемия, а я нахожу антивирус, который спасает их жизнь. Они преисполнены благодарности...

— ...а ты женишься на Джораст и правишь планетой, — закончил Мэн. — Ха!

— Не совсем так, — ничуть не обидавшись, возразил Тиркелл. — Если они окажутся неблагодарными, мы придержим этот антитоксин до тех пор, пока они за него не заплатят.

— В твоей гениальной идее есть одно-единственное слабое место — что-то не похоже, чтобы венериане страдали от какой-нибудь эпидемии, — заметил Майк Парящий Орел. — В остальном она совершенна.

— Я боялся, что вы к этому придеретесь, — вздохнул Тиркелл. — А как бы она нас выручила, такая эпидемия.

— Моя идея — это использование гидроэнергии, — сказал Бронсон. — Или плотины. Здесь что ни дождь, то наводнение.

— Пожалуй, это мысль, — признал Мэн.

— А я займусь скрещиванием в гидропонных садах, — сказал Майк Парящий Орел. — Попробую вывести грибы-бифштексы с привкусом вурчестерского сыра или каким-нибудь еще в том же роде. Ставка на чревоугодников...

— Годится. Стив?

Тиркелл взъерошил себе волосы.

— Я еще помозгую. Не торопи меня.

Мэн взглянул на Андерхилла.

— А у тебя, приятель, есть что предложить?

Андерхилл поморщился.

— Пока нет. Мне в голову лезут одни только биржевые махинации.

— Без денег?

— В том-то и беда.

Мэн кивнул.

— Лично я подумываю о рекламе. Поскольку я физик, это по моей части. Как ни странно, здесь не знают рекламы, хотя торгуют вовсю. Надеюсь подцепить на этот крючок розничных торговцев. Местное телевидение прямо создано для броской рекламы. Для той трюковой аппаратуры, которую я мог бы изобрести. Чем плохо?

— Построю-ка я рентгеновский аппарат, — вне-

запно объявил Тиркелл. — Ты мне поможешь, командир?

Мэн согласился.

— У нас есть все необходимое для этого и чертежи. Завтра же приступим. Сейчас, пожалуй, уже поздно.

И квинтет отправился спать. Всем им приснился обед из трех блюд, всем, кроме Тиркелла, который во сне ел жареного цыпленка, а тот вдруг превратился в венерианина и начал пожирать самого Тиркелла. Он проснулся весь в поту, выругался, принял снотворное и заснул снова.

На следующее утро они разбредлись кто куда. Майк Парящий Орел, прихватив с собой микроскоп, отправился в ближайший гидропонный центр и принялся за работу. Венериане запретили ему уносить споры на «Гудвилл», но против его экспериментов в самом Вайринге не возражали. Он выращивал культуры, применяя ускоряющие рост комплексные препараты, и пока не терял надежды на успех.

Пэт Бронсон нанес визит Скоттери, старшему гидроэнергетику. Скоттери, высокий, унылого вида венерианин хорошо разбирался в технике.

— Сколько у вас электростанций? — спросил Бронсон.

— Четыре дюжины на двенадцать в третьей степени. Сорок две дюжины в этом районе.

— А сколько из них сейчас действует? — продолжал допытываться Бронсон.

— Дюжин семнадцать.

— Стало быть, триста, — то есть двадцать пять дюжин — на простое. А расходы на содержание и ремонт?

— Это весьма существенный фактор, — признался Скоттери. — Рельф быстро меняется. Сами знаете, эрозия почвы. Стоит нам выстроить электростанцию в ущелье, как на следующий год река меняет русло.

И тут Бронсона озарило.

— Предположим, вы строите плотины, чтобы создать водохранилища. У вас тогда будет постоянный источник энергии и вам понадобится всего лишь несколько больших электростанций, которые будут ра-

ботать бесперебойно. А горы засадите вывезенными с Земли деревьями.

Скоттери поразмыслил над его предложением.

— Количество энергии, которое мы получаем, полностью удовлетворяет наши потребности.

— Но во сколько эта энергия вам обходится!

— Этот расход покрывается прибылью, которая, как и сумма чистого дохода, не меняется вот уже триста лет. А раз у нас есть все необходимое, нам не нужно больше ни одного фала.

— А вдруг мой план заинтересует ваших конкурентов?

— Их всего трое, и он заинтересует их не больше, чем меня. Рад, что вы посетили меня. Будьте достойны имени вашего отца.

— Ах ты бездушная рыба! — вскричал Бронсон, потеряв самообладание. Он с силой ударил кулаком по ладони. — Да я посрамлю имя старого Сеймаса Бронсона, если сейчас не вмажу в твоё мерзкое рыло...

Скоттери нажал кнопку. Вошли два высоченных венерианина. Старший гидроэнергетик указал на Бронсона.

— Выведите его, — приказал он.

Капитан Руфус Мэн и Берт Андерхилл находились в одной из телестудий. Рядом с ними сидел Хэккапай, владелец предприятий «Витси», что в вольном переводе означало «Колючая влага». Их взоры были устремлены вверх на висевший почти под потолком экран. Шла коммерческая телепередача — реклама продукции предприятий Хэккапая.

На экране возникло изображение венерианина — руки в боки, ноги широко расставлены. Он поднял руку с шестью растопыренными пальцами.

— Все пьют воду. Вода полезна. Вода необходима для жизни. Напиток «Витси» тоже полезен. Бутылка «Витси» стоит четыре фала. Все.

Изображение исчезло. По экрану побежала пестрая рябь, и зазвучала своеобразного ритма музыка. Мэн повернулся к Хэккапая.

— Это же не реклама. Так не привлекают покупателей.

— У нас так принято испокон веков, — неуверенно возразил Хэккапай.

Из лежавшего у его ног свертка Мэн вытащил высокий стеклянный бокал и попросил бутылку «Витси». Получив ее, он вылил в бокал зеленую жидкость, бросил в него с полдюжины разноцветных шариков и кусок искусственного льда, который опустился на дно. Шарик быстро запрыгали.

Хэккапая это явно заинтересовало, но тут вошел толстый венерианин и произнес:

— Да будете вы достойны имен ваших предков.

Хэккапай представил его, назвав Лоришем.

— Я решил, что это нужно показать Лоришу. Вас не затруднит проделать все снова?

— Нисколько, — сказал Мэн.

Когда он кончил, Хэккапай взглянул на Лориша.

— Нет, — произнес тот.

Хэккапай выпятил губы.

— С такой рекламой можно продать больше «Витси».

— И тем самым нарушить экономический баланс. Нет. Как представитель таркомара рекламодателей я это не разрешаю. Хэккапай доволен суммой получаемой им прибыли. Не так ли, Хэккапай?

— Пожалуй...

— Уж не ставите ли вы под сомнение мотивы, которыми руководствуются таркомары?

Хэккапай судорожно глотнул.

— Нет, нет! — поспешно сказал он. — Вы абсолютно правы.

Лориш пристально посмотрел на него.

— То-то же. А вам, землянам, впредь лучше не тратить время на осуществление своей... программы.

Мэн побагровел.

— Это угроза?

— Что вы! Я просто хочу поставить вас в известность, что ни один рекламодатель не примет ваши предложения без предварительной консультации с моим таркомаром. А мы наложим на это запрет.

— Понятно, — сказал Мэн. — Вставай, Берт. Пошли отсюда.

Обмениваясь впечатлениями, они побрели по берегу канала.

— Так мы ничего не добьемся, — заявил Андерхилл. — Впрочем, кое-что нам на руку.

— Что именно?

— Их законы.

— Так они же направлены против нас, — возразил Мэн.

— В принципе — да, но они основаны на традициях и поэтому лишены гибкости и не поддаются свободному толкованию. Если б нам удалось найти в их законодательстве какую-нибудь лазейку, оно перестало бы быть для нас помехой.

— Вот и ищи эту лазейку, — раздраженно сказал Мэн. — А я пойду на корабль и помогу Стиву смонтировать рентгеновский аппарат.

Через неделю рентгеновский аппарат был готов. Мэн и Тиркелл ознакомились с законами Вайринга и почерпнули из них, что с некоторыми незначительными ограничениями имеют право продать сконструированный ими механизм, не состоя в таркомаре. Были отпечатаны и разбросаны по городу рекламные листовки, и венериане пришли поглазеть, как Мэн и Тиркелл демонстрируют свое детище.

Майк Парящий Орел прервал на день работу и от волнения выкурил одну за другой дюжину сигарет из своего скудного запаса. Его опыты с гидропонными культурами потерпели неудачу.

— Идиотизм какой-то! — пожаловался он Бронсону. — Будь на моем месте Лютер Бербанк, у него от этого ум за разум зашел бы. Каким образом, черт возьми, я могу опылять эти не поддающиеся классификации образчики венерианской флоры?

— Выходит, ты так ничего и не добился? — спросил Бронсон.

— О, я добился многого, — с гордостью сказал Майк Парящий Орел. — Я вывожу самые разнообразные гибриды. Но, к сожалению, они нестойки. Я получаю гриб с запахом рома, а из его спор выра-

стает нечто непонятное, отдающее скипидаром. Такие вот дела.

Бронсон был само сочувствие.

— А ты не можешь за их спиной стащить немного харчей? Будет хоть какой-то толк от твоей работы.

— Они меня обыскивают, — сказал навахо.

— Грязные вонючки! — взвизгнул Бронсон. — За кого они нас принимают? За жуликов?..

— М-м... Там что-то происходит. Давай-ка посмотрим.

Они вышли из «Гудвилла» и увидели, что Мэн отчаянно спорит с Джораст, которая собственной персоной явилась взглянуть на рентгеновский аппарат. Толпа венериан с жадным любопытством наблюдала за ними. Лицо Мэна было цвета спелой малины.

— Я ознакомился с вашими законами, — говорил он. — На этот раз, Джораст, вам не удастся мне помешать. Строительство какого-нибудь механизма и продажа его за пределами городской черты — действия совершенно правомерные.

Женщина сделала знак рукой, и из толпы вперевалку вышел жирный венерианин.

— Патент на светочувствительную пленку за номером тридцать шесть дюжин в квадрате, — забубнил он. — Выдан Метси-Стангу из Милоша в двенадцатом в четвертой степени году.

— Это еще что такое? — спросил Мэн.

— Патент, — объяснила Джораст. — Не так давно он был выдан одному нашему изобретателю по имени Метси-Станг. Таркомар купил патент и приостановил производство, однако этот патент остается в силе.

— Вы хотите сказать, что у вас кто-то уже изобрел такой вот аппарат?

— Нет. Всего лишь светочувствительную пленку. Но поскольку она является частью вашего аппарата, вы не имеете права его продать...

Тиркелл круто повернулся и ушел на корабль, где налил себе виски с содовой и погрузился в сладострастные мечты о какой-нибудь эпидемии. Вскоре с огорченными лицами ввалились остальные.

— А все они — таркомары, — сказал Андерхилл. — Стоит им пронюхать про какой-нибудь новый технологический процесс или изобретение, которое, по их мнению, может повлечь за собой хоть малейшие перемены, как они тут же покупают авторские права на них и закрывают производство.

— Они действуют в рамках своего закона, — произнес Мэн. — Поэтому спорить с ними бесполезно. Мы подчиняемся их законодательству.

— Бобы уже на исходе, — гробовым голосом объявил Тиркелл.

— Как и все остальное, — заметил капитан. — Есть какие-нибудь предложения?

— Должно же у них быть хоть одно уязвимое место! — в сердцах воскликнул Андерхилл. — Ручаюсь, что оно есть. — И прикрыл глаза. — Нашел! Человеко-часы! Это ведь постоянная величина. Стоимость продукции, которую человек может выработать за один час, представляет собой произвольную постоянную — два доллара, дюжина дифалов и так далее. По ней мы и должны нанести удар. Культ предков, власть таркомаров — явления чисто внешние, поверхностные. Стоит пошатнуть основу системы, и их как не бывало.

— А нам-то что с того? — спросил Тиркелл.

— Нужно добиться, чтобы человеко-часы стали переменной величиной, — объяснил Андерхилл. — Тогда может произойти все, что угодно.

— Не мешало бы, чтобы наконец что-то произошло, — сказал Бронсон. — И поскорее. У нас еды кот наплакал.

— Хватит ныть, — произнес Мэн. — По-моему, Берг подал интересную мысль. А каким образом можно изменить постоянную величину человеко-часов?

— Вот если бы удалось заставить их работать быстрее, — задумчиво проговорил Андерхилл.

— Из хорошей дозы кофеина и комплекса витаминов я берусь состряпать отличный стимулятор, — предложил Тиркелл.

Мэн медленно кивнул.

— Только не для инъекций, а в виде таблеток. Если это себя оправдает, мы втихую займемся их изготовлением.

— А что мы выгадаем, черт побери, если венериане будут работать быстрее? — спросил Бронсон.

Андерхилл прищелкнул пальцами.

— Неужели непонятно? Венериане ультраконсервативны. Тут такое начнется!..

— Чтобы заинтересовать венериан, прежде всего нужна реклама, — сказал Мэн. Он остановил взгляд на Майке Парящем Орле. — Пожалуй ты, Краснокожий, подходишь для этого больше всех. По результатам тестов ты у нас самый выносливый.

— Ладно, — согласился навахо. — А что я должен делать?

— Работать! — ответил Мэн. — Работать, пока не свалишься.

Это началось ранним утром следующего дня на главной площади Вайринга. Чтобы избежать неприятностей, Мэн предварительно навел справки и выяснил, что на этой площади венериане со временем намереваются выстроить нечто вроде клуба.

— Строительство начнется еще не скоро, — сказала ему Джораст. — А в чем дело?

— Мы хотим вырыть на этом месте яму, — ответил Мэн. — Мы не нарушим никакой закон?

Венерианка улыбнулась.

— Нет, конечно. Только вряд ли вам поможет публичная демонстрация вашей физической силы. Это же неквалифицированный труд.

— Реклама всегда себя окупает.

— Дело ваше. По закону вы имеете на это право. Однако вы не можете растянуть эту работу надолго, не состоя в таркомаре.

— Иногда мне кажется, что без таркомаров на вашей планете жилось бы куда лучше, — резко сказал Мэн.

Джораст повела плечами.

— Между нами, мне самой это не раз приходило в голову. Но я ведь всего-навсего администратор. Я поступаю так, как мне указывают. Если б мне раз-

решили, я бы с радостью одолжила вам деньги, в которых вы так нуждаетесь... Однако это запрещено. Традиции не всегда исполнены мудрости, но тут я бессильна. Мне очень жаль...

После этого разговора Мэну как-то стало легче на душе: оказывается, не все венериане были врагами.

На площади его уже ждали остальные члены экипажа «Гудвилла». Бронсон смонтировал табло для текстов на венерианском языке и привез сюда на тачке мотыгу, кирку, лопату и доски. Это зрелище привлекло внимание, и у берега канала остановилось несколько лодок.

Мэн взглянул на часы.

— Всё готово, Краснокожий. Поехали. Стив может начинать...

Андерхилл забил в барабан. Бронсон укрепил на табло цифры 4:03:00 по вайрингскому времени. Тиркелл подошел к стоявшему неподалеку легкому складному столику, сплошь заставленному какими-то пузырьками и медицинскими инструментами, вытряс из бутылочки тонизирующую таблетку и вручил ее Майку Парящему Орлу. Индеец проглотил таблетку, взял мотыгу и принялся за работу. Число лодок росло.

Прошел час. Другой. Майк Парящий Орел все рыл и рыл. Сперва он рыхлил землю мотыгой, потом лопатой набрасывал ее на тачку, по дощатому настилу отвозил тачку в сторону и вываливал свой груз на растущую кучу земли. Три часа. Четыре... Майк сделал перерыв и быстро перекусил. Бронсон продолжал отмечать на табло время.

Андерхилл сидел за пишущей машинкой. Он уже отпечатал целую гору листков, так как начал работать одновременно с Майком Парящим Орлом. Бронсон вспомнил свой давно забытый талант и жонглировал каким-то подобием индейских дубинок и разноцветными шариками. Он тоже трудился уже не один час.

Капитан Руфус Мэн строчил на швейной машине. Работа требовала большой точности и потому значила немало для успеха их замысла. Только Тиркелл не был занят физическим трудом — он с важным

видом разносил таблетки, добросовестно изображая из себя алхимика.

Время от времени он подходил к Мэну и Андерхиллу, подбирал листы бумаги и аккуратно сшитые кусочки материи и складывал это в стоявшие на берегу канала ящики с надписью: «Возьмите одну штуку». На каждом квадратике ткани была вышита машинной фразой «Сувенир с Земли». Толпа росла.

А земляне все работали. Бронсон жонглировал, иногда останавливаясь, чтобы подкрепиться. Майк Парящий Орел копал яму. Мэн строчил на швейной машине. Андерхилл продолжал стучать по клавишам, и венериане читали текст, отпечатанный его порхающими пальцами.

«Бесплатно! Бесплатно! Бесплатно! — стояло в листовках. — Вышитые наволочки с Земли — на память! Бесплатное представление! Понаблюдайте за четырьмя землянами — каждый из них, выполняя свою трудовую операцию, демонстрирует исключительную выносливость, ловкость и точность. Долго ли они продержатся в такой форме?! **«ПИЛЮЛИ СИЛЫ»** неограниченно расширяют их возможности! **«ПИЛЮЛИ СИЛЫ»** удваивают производительность труда и вдвое повышают его качество! Это земной медицинский препарат. Каждый, кто его принимает, ценится на вес железа!»

Венериане не устояли. Содержание листовки передавалось из уст в уста. Толпа густела. Долго ли земляне выдержат этот темп?

А земляне не сдавались. Тонизирующие таблетки и комбинированные инъекции, которые этим утром Тиркелл вкатил своим товарищам, по всей видимости, оказывали свое действие. Майк Парящий Орел рыл землю, как крот. Пот ручьями стекал по его блестящему бронзово-красному туловищу. Он невероятно много пил и глотал таблетки соли.

Мэн все шил, не пропуская ни одного стежка. Он знал, что его изделия изучают самым тщательным образом. Бронсон, ни разу не сбившись, жонглировал. Андерхилл ноющими от боли пальцами стучал по клавишам пишущей машинки.

Пять часов. Шесть. Труд изнурительный, даже с

перерывами для отдыха. Семь часов. Восемь. Тьма лодок заправила каналы, и на них приостановилось движение. Откуда-то вынырнул полицейский и устроил скандал Тиркеллу, который отослал его к Джораст. Должно быть, она как следует прочистила полицейскому мозги, потому что, вернувшись, он присоединился к зрителям и больше ни во что не вмешивался.

Девять часов. Десять. Люди были вымотаны до предела, но продолжали работать. Десять часов геркулесова труда.

Однако к этому времени они уже добились своего: к Тиркеллу подошли несколько венериан и стали расспрашивать про «Пилюли Силы». Что это такое? Правда ли, что, принимая их, работаешь быстрее? Можно ли купить?..

Рядом с Тиркеллом возник полицейский.

— Я получил распоряжение от таркомара фармакологов, — объявил он. — Если вы продадите хоть одну пилюлю, сядете в тюрьму.

— А мы ими не торгуем, — возразил Тиркелл. — Мы раздаем пилюли бесплатно. — Бери, друг. — Он запустил руку в мешок и бросил «Пилюлю Силы» венерианину, который стоял к нему ближе других. — С ней ты удвоишь свою дневную норму выработки. Приходи завтра, получишь еще. И тебе, приятель? Пожалуйста. Тебе тоже? Лови!

— Постойте... — начал полицейский.

— Сперва получи ордер на арест, — прервал его Тиркелл. — Закон не запрещает делать подарки.

Появилась Джораст в обществе дородного венерианина, которого она представила как главу всех таркомаров Вайринга.

— Прошу прекратить это безобразие, — потребовал венерианин.

Тиркелл знал, что на это ответить. Его товарищи продолжали делать свое дело, но он чувствовал, что они краем глаза наблюдают за этой сценой и наводрили уши.

— Что вы хотите нам пришить?

— Э... э, торговлю в разнос.

— Так ведь я ничего не продаю. Эта площадь —

общественное владение, и мы устроили на ней бесплатное представление.

— А эти, как их... «Пилюли Силы»?

— Подарки, — объяснил Тиркелл. — По закону мы имеем полное право делать подарки. Есть возражения?

В глазах Джораст блеснул огонек, но она поспешно опустила веки.

— Боюсь, он прав. Закон на его стороне. В их действиях нет вреда.

Глава таркомаров густо позеленел, нерешительно потоптался на месте и, круто повернувшись, зашагал прочь. Джораст бросила на землян загадочный взгляд, повела плечами и отправилась вслед за ним.

— До сих пор никак не приду в себя — мышцы точно свинцом налиты, — сказал через неделю Майк Парящий Орел, сидя в «Гудвилле». — Есть хочется до чертиков. Когда у нас наконец появится еда?

Тиркелл у входа выдал какому-то венерианину «Пилюлю Силы» и подошел к остальным, с улыбкой потирая руки.

— Терпение. Только терпение. Как дела, командир?

Мэн кивнул на Андерхилла.

— Спроси у этого парня. Он только что вернулся из Вайринга.

Андерхилл хихикнул.

— Там такое делается! За неделю все пошло вверх тормашками. Сейчас каждый венерианин, который вырабатывает штучные изделия, прямо-таки жаждет получить наши таблетки, чтобы ускорить процесс производства и заработать побольше фалов.

— А как на это смотрят их заправилы?

— Да у них просто глаза на лоб лезут. К примеру, до настоящего времени один венерианин зарабатывал в неделю десять софалов, штампуя пять тысяч крышек для бутылок. Принимая таблетки Стива, он изготавливает восемь, а то и десять тысяч и соответственно зарабатывает больше. Работяга, сидящий рядом, не может с этим смириться и бежит к нам за «Пилюлей Силы» для себя. Цепная реакция. И самое

пикантное, что принцип сдельщины, естественно, применим не ко всем видам труда. Скажем, работа синоптиков измеряется часами, а не количеством выпавших за день дождевых капель.

Мэн кивнул.

— Ты к тому, что это порождает зависть?

— Вот послушай, — продолжал Андерхилл. — Предположим, синоптик получает в неделю десять софалов — столько же, сколько рабочий, штампующий крышечки для бутылок. И вдруг этот рабочий начинает зарабатывать двадцать софалов. Синоптик в недоумении. Он тоже решает попринимать «Пилюли Силы», но это не сказывается на производительности его труда. Тогда он просит повысить ему зарплату. Если ему идут навстречу, это еще больше нарушает экономический баланс. Если же ему отказывают, он обсуждает это с другими синоптиками, и все они приходят к выводу, что с ними обошлись несправедливо.

— Таркомары запретили работать всем венерианам, принимающим «Пилюли Силы», — сказал Майк Парящий Орел.

— Однако аборигены по-прежнему за ними приходят. Подумаешь, запретили! Интересно, как можно определить, кто их принимает? Понятно, что этот рабочий дает больше продукции, но не могут же таркомары уволить каждого, у кого повышается производительность труда.

— Великолепная идея — это наше показательное выступление, — проговорил Тиркелл. — Оно их просто загипнотизировало. Последнее время я вынужден был снизить тонизирующее действие таблеток: мои запасы на исходе. Но это компенсируется силой внушения.

Андерхилл ухмыльнулся.

— Итак, человеко-час начал выписывать вензеля. Маленькая палочка, вставленная в самое важное колесо. И это не только в Вайринге. Слухи расползаются по всей планете, и рабочие других городов уже интересуются, с какой это стати труд половины рабочих Вайринга оплачивается выше, чем их. Сейчас валютный стандарт — единая для всей Венеры де-

нежная система — работает на нас. Номинальная стоимость товаров ни разу не менялась здесь уже несколько веков. А теперь...

— Теперь все пойдет кувырком, — сказал Мэн. — Таркомары разучились приспособливаться к переменам.

— Это только начало, — уверенно сказал Андерхилл. — Стив, к тебе еще один клиент.

Андерхилл ошибся. Вошли Джораст и глава таркомаров Вайринга.

— Будьте достойны имен ваших предков, — вежливо сказал Мэн. — Присаживайтесь и угощайтесь. У нас еще осталось несколько банок пива.

Джораст приняла приглашение, а венерианин остался стоять, переминаясь с ноги на ногу и сердито глядя исподлобья.

— Мэлси очень огорчен, — сказала венерианка. — Из-за этих «Пилуль Силы» возникли неприятности.

— Но почему? — удивился Мэн. — Ведь они повышают производительность труда.

У Мэлси перекошилось лицо.

— Это обман! Хитрый ход! Вы злоупотребляете нашим гостеприимством!

— Каким таким гостеприимством? — полюбопытствовал Бронсон.

— Вы поставили под угрозу всю нашу систему! — не унимался Мэлси. — На Венере не должно происходить никаких перемен. Так должно быть и впредь.

— Это почему? — спросил Андерхилл. — Впрочем, на то есть одна-единственная причина и она вам хорошо известна. Прогресс в любой области может расстроить планы таркомаров — он грозит им потерей власти. Вы, мошенники и вымогатели, веками правили планетой. Вы клали под сукно изобретения, культивировали застой, пытались задушить инициативу народа — и все для того, чтобы удержаться наверху. Зря старались. Перемены неотвратимы.

Мэлси вперил в него злобный взгляд.

— Вы должны прекратить раздачу этих «Пилуль Силы».

— Приведите закон, — тихо сказал Тиркелл. — Укажите прецедент.

— Закон, дающий право делать подарки, — один из самых древних наших законов, — произнесла Джораст. — В него можно внести изменения, Мэлси, но народ вряд ли это одобрит.

Мэн усмехнулся.

— Безусловно. Это вызовет недовольство, и главы таркомаров утратят репутацию правителей, желающих добра своему народу.

Мэлси позеленел еще гуще.

— Мы можем применить силу...

— Джораст, вы представляете исполнительную власть. Скажите, находимся ли мы под защитой ваших законов? — спросил Андерхилл.

Джораст шевельнула плечами.

— Да, конечно. Законы священны.

Мэлси бросился к ней.

— Вы что, на стороне землян?

— Ах, Мэлси, разумеется, нет. Просто я слежу за точным исполнением законов. В чем я присягнула при вступлении в должность.

— Если вам так хочется, мы перестанем раздавать «Пилюли Силы», — сказал Мэн. — Но уверяю вас, что это только отсрочит события. Вы не в силах остановить прогресс.

— Значит, вы прекратите раздачу этих пилюль?

— Да, при условии, что вы нам за это заплатите.

— Мы не можем вам заплатить ни фала, — заупрямился Мэлси. — Вы же не состоите ни в одном таркомаре.

Джораст прошептала:

— Вы могли бы подарить им, ну, тысяч десять софалов.

— Десять тысяч! — вскричал Мэлси. — Да вы что, смеетесь?

— Только так, — сказал Андерхилл. — Впрочем, нас больше устроит пятьдесят тысяч. На эти деньги мы сможем беззаботно прожить год.

— Нет!

Снаружи ко входу в корабль подошел какой-то венерианин, просунул голову в отверстие клапана и сказал:

— Сегодня я заработал вдвое больше, чем прежде. Не дадите ли вы мне еще одну «Пилюлю Силы»?

Тут он увидел Мэлси и, охнув, исчез.

Мэн пожал плечами.

— Выбирайте. Или вы нам заплатите, или мы по-прежнему будем раздавать «Пилюли Силы».

Джораст прикоснулась к руке Мэлси.

— У нас нет другого выхода.

— Я.. — К этому времени глава таркомаров уже почти почернел от бессильной злобы. — Ладно, — сдался он. — Я вам этого не забуду, Джораст, — процедил он сквозь зубы.

— Но ведь мой долг — блюсти закон, — сказала венерианка.

Мэлси промолчал. Он быстро нацарапал чек на пятьдесят тысяч софалов, подписал его и сунул листок Мэну. Потом он с ненавистью оглядел внутренность кабины космолета и двинулся к выходу.

— Живем! — воскликнул Бронсон. — Пятьдесят косых! Уж сегодня-то мы наедемся до отвала!

— Да будете вы достойны имен ваших отцов, — тихо сказала Джораст. У выходного клапана она задержалась. — Боюсь, вы очень огорчили Мэлси. А Мэлси — глава всех таркомаров...

— Чем он может нам напакостить? — спросил Андерхилл.

— Ничем. Ему не позволят законы. Однако... приятно сознавать, что у таркомаров есть свое слабое место.

Джораст многозначительно подмигнула Мэну и удалилась.

— Ну и ну! — воскликнул Мэн. — Как это понимать? Не значит ли это, что правлению таркомаров приходит конец?

— Все может быть, — сказал Бронсон. — Только мне на это наплевать. Я голоден и хочу гриб-бифштекс. Где здесь можно обратить в наличность чек на пятьдесят косых?

ДВУРУКАЯ МАШИНА

Еще со времен Ореста находились люди, которых преследовали фурии. Однако только в двадцать втором веке человечество обзавелось настоящими стальными «фуриями». Оно к этому времени достигло критической точки в своем развитии и имело все основания для создания таких человекоподобных роботов — они как собаки шли по следу тех, кто совершил убийство. Преступление это считалось самым тяжким.

Все происходило очень просто. Убийца, полагавший, что находится в полной безопасности, вдруг слышал за собой чьи-то размеренные шаги. Обернувшись, он видел следовавшего за ним по пятам двурукого робота — человекоподобного существа из стали, которое в отличие от живого человека было абсолютно неподкупным. С этой минуты убийце становилось ясно, что всемогущий электронный мозг, наделенный способностью проникать в чужие мысли, какой не обладало ни одно человеческое существо, вынес свой приговор.

Отныне убийца постоянно слышал шаги за спиной. Словно некая движущаяся тюрьма с невидимой решеткой отгораживала его теперь от всего остального мира. С этой минуты он сознавал, что уже ни на миг не останется в одиночестве. И однажды наступит день — хотя сам он не мог предугадать, когда именно — и робот из тюремщика превратится в палача.

В ресторане Дэннер удобно откинулся в кресле, словно отлитом по форме человеческого тела, и, прикрыв глаза, чтобы лучше насладиться букетом, смаковал каждый глоток вина. Он чувствовал себя здесь в полной безопасности. Да, в абсолютной безопасно-

сти. Вот уже почти час он сидит в роскошном ресторане, заказывает самые дорогие блюда, прислушиваясь к негромкой музыке и приглушенным голосам посетителей. Здесь хорошо. И еще хорошо иметь сразу так много денег.

Правда, для того чтобы получить их, ему пришлось пойти на убийство. Но чувство вины ничуть не тревожило его: не пойман — не вор. А ему, Дэннеру, гарантирована полнейшая безнаказанность, какой не обладал еще ни один человек. Он прекрасно знал, какая кара ожидает убийцу. И если бы Гарц не убедил его в абсолютной безопасности, Дэннер никогда бы не решился нажать на спусковой крючок...

Какое-то старое, давно забытое словечко на мгновение всплыло в памяти: грех... Но оно ничего не пробудило в его душе. Когда-то это слово странным образом было связано с чувством вины. Когда-то давно, но не сейчас. Человечество с тех пор далеко ушло в своем развитии. Понятие греха превратилось в бессмыслицу.

Он постарался не думать об этом и приступил к салату из сердцевины пальмы. Салат ему не понравился. Ну что ж, случается и такое. В мире нет ничего совершенного. Он отхлебнул еще вина. Ему нравилось, что бокал словно живой слегка подрагивает в руке. Вино превосходное. Дэннер подумал, не заказать ли еще, но потом решил, что не стоит. На сегодня, пожалуй, хватит. Ведь впереди его ждет множество разнообразных наслаждений. Ради этого стоило многое поставить на карту. Никогда раньше ему такого случая не представлялось.

Дэннер был из числа тех, кто родился не в свой век. Он прожил на свете уже достаточно много, чтобы помнить последние дни утопии, но был еще настолько молод, чтобы не ощущать в полной мере пресса новой политики, которую компьютеры ввели для своих творцов. В далекие годы его юности роскошь была доступна всем. Он хорошо помнил времена, когда был подростком: последние из эскапистских машин тогда еще выдавали сверкающие радужными красками, утопичные, завораживающие картины, которые никогда не существовали в реаль-

ности и вряд ли могли существовать. А потом жесткая политика экономии положила конец всем удовольствиям. Теперь каждый имел лишь самое необходимое. И все обязаны были работать. А Дэннер ненавидел работу всеми фибрами души.

Когда произошел этот перелом, он был еще слишком молод и неопытен для того, чтобы выйти победителем в конкурентной борьбе. Богатыми могли себя считать сегодня лишь те, кто сумел прибрать к рукам предметы роскоши, которые еще производили машины. На долю же Дэннера остались только яркие воспоминания да тоскливая злоба обманутого человека. Единственное, что ему хотелось, — это вернуть былые счастливые дни, и ему было абсолютно наплевать на то, каким путем он этого достигнет.

И вот теперь он своего добился. Он провел пальцем по краю бокала, почти ощущая, как тот отозвался на это прикосновение едва слышным звоном. «Хрусталь?» — подумал Дэннер. Он был слишком мало знаком с предметами роскоши и плохо во всем этом разбирался. Но он научится. Всю оставшуюся жизнь ему предстоит этому учиться и вкусить наконец счастье.

Он посмотрел вверх и сквозь прозрачный купол крыши увидел неясные очертания небоскребов. Они обступали его со всех сторон, точно каменный лес. И это только один город. Когда он устанет от него, будут другие города. Всю страну, всю планету опутала сеть, соединяющая один город с другим, подобно огромной паутине, напоминающей загадочного полуживого монстра. И это называется обществом.

Он почувствовал, будто кресло дрогнуло под ним.

Протянув руку к бокалу с вином, он быстро осушил его. Неосознанное ощущение какого-то неудобства, словно задрожала сама земля, на которой стоял город, было чем-то новым. Причина была — ну да, конечно, — причина в этом неведомом страхе.

Страхе из-за того, что его до сих пор не обнаружили.

Пропадал смысл. Город представляет собой сложный комплекс, и, конечно, он живет спокойно в расчете на то, что машины неподкупны. Только они и

удерживают людей от вырождения и стремительного превращения в вымирающих животных. И среди этого множества машин аналоговые компьютеры стали гироскопами всего живого. Они разрабатывают законы и следят за их исполнением — исполнением законов, которые необходимы человечеству, чтобы выжить. Дэннер многого не понимал в тех огромных изменениях, которые потрясли общество за годы его жизни, но для себя кое-что он все-таки уяснил.

Он чувствовал, что во всем есть определенный смысл: в том, что он презрел законы общества, в том, что сидел сейчас в роскошном ресторане, утопая в мягком, глубоком кресле, потягивая вино, слушая тихую музыку, и никакой «фурии» не было за его спиной в качестве доказательства того, что компьютеры являются ангелами-хранителями человечества...

Если даже «фурию» можно подкупить, то во что остается верить людям?

И тут она появилась.

Дэннер слышал, как внезапно смолкли все звуки вокруг. Оцепенев, он застыл с вилок в руке и установился в противоположный конец зала, туда, где была дверь.

«Фурия» была выше человеческого роста. На какое-то мгновение она замерла у двери, и луч послеполуденного солнца ярким зайчиком отразился от ее плеча. Глаз у робота не было, но казалось, что его взгляд неторопливо, столик за столиком, ощупывает весь ресторан. Затем робот шагнул в дверной проем, и солнечный зайчик скользнул в сторону. Похожий на закованного в стальные латы высокого мужчину, робот медленно брел между столиками.

Отложив вилку с нетронутой пищей, Дэннер подумал: «Это не за мной. Все, кто здесь сидит, теряются в догадках, но я-то твердо знаю, что он пришел не за мной».

И в памяти ясно и четко, во всех деталях, как те воспоминания, что проносятся в сознании тонущего человека, возник их разговор с Гарцем. Как в капле воды, способной отразить широкую панораму, сконцентрировать ее в крошечном фокусе, в мгновение сфокусировались сейчас в его памяти те тридцать ми-

нут, которые Дэннер провел с Гарцем в его лаборатории, где стены, если нажать кнопку, становились прозрачными.

Он снова увидел Гарца, полного блондина с печально опущенными бровями. Этот человек казался необычайно расслабленным, пока не начинал говорить, и тогда его пламенный темперамент заставлял вибрировать даже воздух. Дэннер снова вспомнил, как стоял перед столом Гарца, ощущая по дрожанию пола едва слышное гудение компьютеров. Они были хорошо видны отсюда сквозь стекло: гладкие, сверкающие, с поблескивающими, будто свечи в разноцветных лампадах, огоньками. Снизу глухо доносилось их жужжание — словно машины переваривали факты, осмыслили их и, подобно оракулам, изрекали свои выводы на загадочном языке цифр. Только такие, как Гарц, способны были понять то, что они вещают.

— У меня к тебе дело, — начал Гарц. — Я хочу, чтобы ты убрал одного человека.

— Ну уж нет! — ответил Дэннер. — Ты что, за дурака меня принимаешь?

— Подожди, не спеши. Тебе нужны деньги?

— Для чего? — с горечью спросил Дэннер. — На шикарные похороны?

— На шикарную жизнь! Я знаю — ты не дурак. Я чертовски хорошо знаю, что ты не согласишься сделать то, о чем я тебя прошу, до тех пор, пока не получишь деньги и гарантию безнаказанности. Но именно это я и собираюсь тебе предложить. Гарантию безнаказанности.

Дэннер бросил взгляд сквозь прозрачную стену на компьютеры.

— Да уж, конечно, — сказал он.

— Послушай, я отдаю себе отчет в том, что говорю. Я... — Гарц замялся, беспокойно оглянувшись вокруг, как будто сомневался в предпринятых мерах предосторожности. — То, о чем я говорю, — нечто совершенно новое, — продолжал он. — Я могу пустить любую «фурию» по ложному следу.

— Ну, конечно... — недоверчиво бросил Дэннер.

— Правда, правда. Я покажу тебе, как это делается. Я могу отвести любую «фурию» от ее жертвы.

— Каким образом?

— Это, разумеется, тайна. Дело в том, что я нашел способ закладывать в компьютер искаженные данные, так что машины выносят неверное определение виновности или же делают неверные выводы после признания виновности.

— Но это же опасно!

— Опасно? — Гарц взглянул на Дэннера из-под своих печальных бровей. — Конечно, опасно. Я знаю это. И потому не слишком часто прибегаю к этому способу. В общем-то я проделал это только один раз. Я разработал метод теоретически и один раз проверил его на практике. Он сработал. Чтобы доказать тебе, что я говорю правду, я повторю его. Затем повторю еще раз, для того чтобы обезопасить тебя. Вот и все. Мне не хочется вносить путаницу в работу вычислительных машин без особой необходимости. Когда ты сделаешь свое дело, мне это больше не потребуется.

— Кого я должен убить?

Гарц невольно посмотрел вверх — туда, где несколькими этажами выше располагались кабинеты наивысшего ранга.

— О'Райли, — сказал он.

Дэннер тоже посмотрел в потолок, словно мог увидеть сквозь перекрытия подошвы ботинок высокочтимого О'Райли — управляющего, Главного Контролера электронных вычислительных машин, вышагивающего по пушистому ковру где-то там, над его головой.

— Все очень просто, — сказал Гарц. — Я хочу на его место.

— Почему бы тогда тебе самому не убрать его, если ты уверен, что можно отделаться от «фурии»?

— Потому, что это выдаст меня с головой, — раздраженно сказал Гарц. — Подумай сам. У меня есть совершенно очевидный мотив для преступления. Даже калькулятор покажет, кому больше всего выгодна смерть О'Райли. И если я еще и сумею отделаться от «фурии», все начнут ломать голову, как это мне удалось. У тебя же нет никаких побудительных причин

для убийства О'Райли. Никто, за исключением компьютеров, об этом знать не будет, а уж о них я позабочусь.

— А откуда я узнаю, что ты действительно можешь это сделать?

— Очень просто. Смотри сам.

Гарц поднялся и быстро пересек комнату по мягкому пружинящему ковру, который обманчиво придал ему походке молодую статью. У дальней стены комнаты на уровне человеческой груди был расположен контрольный пульт с наклонным стеклянным экраном. Гарц нервно ткнул пальцем кнопку, и на экране появился план одного из районов города.

— Мне нужно отыскать сектор, где находится «фурия», — объяснил он.

Изображение на экране начало мерцать, и Гарц снова нажал кнопку. Нечеткая сеть городских улиц заколебалась, стала яркой, а затем погасла, пока он быстро сканировал один район за другим. Затем план района снова стал четким. Три волнистые полосы разного цвета пересеклись в одной точке неподалеку от центра. Точка медленно двигалась по экрану — соответственно скорости идущего человека, уменьшенного в масштабе, соответствующем изображению улицы, по которой он шел. Вокруг него медленноплыли цветные линии, сфокусированные в одной точке.

— Вот здесь, — сказал Гарц, наклоняясь вперед, чтобы прочесть название улицы. С его лба на стекло упала капля пота, и он неловко стер ее пальцем. — Вот идет человек в сопровождении «фурии», она следует за ним неотступно. Вот сейчас будет хорошо видно. Смотри-ка!

Над столом был расположен другой экран, побольше. Включив его, Гарц нетерпеливо ждал, когда уличная сценка появится в фокусе. Толпы людей, оживленное движение, шум — одни куда-то спешат, другие слоняются без дела. И середина толпы, словно оазис отчуждения, словно остров в людском море. А по этому находящемуся в гуще движения островку бредут неразлучные, будто Робинзон и Пятница, двое его обитателей. Первый из них — изможденный, ус-

такий мужчина — шагает, не отрывая глаз от земли. Второй — закованный в блестящие доспехи верзила — следует за ним шаг в шаг.

Кажется, невидимые стены отделяют их от толпы, сквозь которую они движутся, ограждают пространство, которое смыкается, как только они проходят, и распахивается перед ними, делая проход. Одни прохожие с любопытством глазек на них, другие в замешательстве отводят взгляд. А находятся и такие, кто смотрит с откровенным нетерпением, ожидая момента; когда Пятница поднимет свою стальную руку, чтобы нанести Робинзону роковой удар.

— Гляди внимательно, — взволнованно бросил Гарц. — погоди минуту... Я хочу отвести «фурию», чтобы она перестала преследовать этого человека.

Он пересек комнату, подойдя к письменному столу, открыл ящик и низко склонился над ним, словно прятал что-то от посторонних глаз. Дэннер услышал несколько щелчков, а затем короткую дробь клавишей.

— Ну вот, сейчас, — сказал Гарц, закрывая ящик, и тыльной стороной ладони вытер лоб. — Очень жарко здесь, правда? Давай-ка посмотрим поближе. Вот увидишь, сейчас что-то произойдет.

Они снова вернулись к большому экрану. Гарц повернул рычажок, и уличная сценка заполнила весь экран. Они увидели крупным планом человека и его преследователя. На лице у мужчины было такое же бесстрастное выражение, как и у робота. словно эти двое прожили вместе долгое время и заразили один другого. Иной раз время кажется беспредельным, когда секунды тянутся необычно долго.

— Подождем, пока они выберутся из толпы, — сказал Гарц. — Не стоит привлекать внимания. Вот сейчас он повернет.

Мужчина, который, казалось, шел наугад, свернул с аллеи в узкий, темный переулок, уводивший в сторону от оживленной улицы. Объектив следовал за ним так же упорно, как и робот.

— Значит, и в самом деле существуют камеры, которые следят за всем, что происходит на улице, — сказал Дэннер, явно заинтересованный происходя-

щим. — Я всегда это подозревал. Как это делается? Они что же, установлены на каждом углу или это луч, который...

— Не имеет значения, — прервал его Гарц. — Это секрет фирмы. Смотри — и все. Надо подождать, пока... Нет-нет! Смотри, он сейчас попытается от него отделаться!..

Человек, обернувшись, украдкой бросил взгляд назад. Как раз в этот момент робот, следуя за ним, заворачивал за угол. Гарц стремглав бросился к своему столу и выдернул на себя ящик. Его рука замерла над ним, глаза все еще были прикованы к экрану. Было интересно смотреть, как человек в переулке, вовсе не подозревая, что за ним наблюдают, поглядел вверх и обвел глазами небо, на мгновение уставившись прямо в объектив скрытой камеры, точно взглянул в глаза Гарцу и Дэннеру. И вдруг они увидели, как он, глубоко втянув в себя воздух, кинулся бежать.

В ящике письменного стола раздался металлический щелчок. Как только человек побежал, робот тоже перешел на бег. Но затем он будто споткнулся обо что-то и, казалось, зашатался на своих стальных ногах. Робот замедлил движение, а потом и вовсе остановился, точно автомобиль перед светофором. Он стоял без движения.

На самом краю экрана виднелось лицо мужчины. Он остановился, разинув рот от изумления, — видимо, понял, что свершилось невероятное. Робот стоял в переулке, делая нерешительные движения, как будто новые приказы, которые Гарц посылал в начинавшие его внутренности механизмы, приходили в конфликт с ранее заложенными в него программами. Затем он повернулся спиной к мужчине и медленно, почти умиротворенно, словно подчиняясь чьей-то команде, побрел вдоль улицы прочь, не нарушая общепринятых законов.

Надо было видеть в эту минуту лицо мужчины. На нем было одновременно и удивление, и испуг, словно он лишился лучшего друга.

Гарц выключил экран. Он снова смахнул пот со лба и, подойдя к стеклянной стене, посмотрел вниз,

будто опасался, что компьютеры уже знают о том, что он натворил. Он казался сейчас таким крошечным на фоне металлических гигантов!

— Ну, что скажешь, Дэннер? — бросил Гарц через плечо.

Итак, все получилось. Их переговоры потом еще продолжались, и после долгих словопрений сумма, обещанная Дэннеру, была увеличена. Но сам-то он уже заранее отлично знал, что на все согласен. Игра стоила свеч. И хорошо оплачивалась. Вот только если...

Все замерли. «Фурия», подобно светящемуся видению, спокойно прошла между столиками, ни до кого не дотрагиваясь. Лица посетителей, обращенные к ней, бледнели. Каждого сверлила мысль: «А вдруг это за мной? Может, это первая ошибка, допущенная компьютером. Ошибка ошибкой, а жаловаться-то некуда, да и ничего не докажешь». И хотя в этом мире слово «вина» давно утратило смысл, наказание осталось, и оно могло быть слепым и разящим как молния.

Дэннер мысленно твердил, стиснув зубы: «Не за мной. Я в безопасности. Я спокоен. «Фурия» явилась не за мной». Но в то же время никак не мог отогнать неотвязную мысль: странное совпадение — под стеклянной крышей этого дорогого ресторана одновременно оказались двое убийц — он сам и тот, за кем явилась «фурия».

Дэннер положил вилку и услышал, как она звякнула о тарелку. Он взглянул на нее, на тарелку с почти не тронутой едой и почувствовал, что мозг его внезапно отключился от всего, что происходило вокруг. Ему захотелось, подобно страусу, спрятать голову. Он постарался переключить мысли на другое, ну, скажем, на овощи, что лежали перед ним на тарелке.

Интересно, как растет спаржа? И вообще, как выглядят сырые овощи, на что они похожи? Он никогда их не видел. Он получал их уже в готовом виде, из ресторанных кухонь или автоматических блоков питания. Вот, например, картофель. На что он похож? Влажная белая масса? Нет, иногда ведь бывают ломтики овальной формы, так что, по-видимому, и целая картофелина должна быть овальной. Но не круглой.

А иногда картофель подают на стол разрезанным на длинные брусочки, квадратные в сечении. Наверное, это что-то длинное, овальное, что режется вдоль. Безусловно, белого цвета. Растет картофель под землей. Дэннер был почти уверен в этом. Такие длинные тонкие сцепившиеся корни, точно белые руки; он видел их среди труб и трубопроводов, когда рыли канавы при ремонте улиц. Как странно: он ест что-то похожее на человеческие руки, которые обнимают сточные трубы города, мертвенно-бледные руки, извивающиеся в земле, где обитают черви. И где окажется и он сам, если «фурия» настигнет его.

Дэннер оттолкнул от себя тарелку.

Шорохи и едва уловимое бормотание в зале заставили его против собственной воли поднять глаза. «Фурия» дошла до середины зала, и было забавно видеть, как успокаивались те, кто оставался у нее за спиной. Две или три женщины закрыли лицо руками, а один мужчина, потеряв сознание, тихо сполз со своего кресла. По мере того как «фурия» миновала очередной столик, все скрытые опасения вновь возвращались в тайники сознания.

Вот она уже почти поравнялась с его столиком. Ростом робот был около семи футов, но движения его были неожиданно плавными. Даже более плавными, чем движения человека. Однако ноги робота ступали по ковру с тяжелым, размеренным стуком: бух, бух, бух. Дэннер попытался прикинуть, сколько робот мог весить. Обычно считается, что «фурия» не издает никаких звуков, если не считать этих ввергающих в ужас шагов, но этот робот при ходьбе слегка поскрипывал. Лица у робота не было, однако человек уж так устроен, что всегда старается представить себе подобного и невольно наделяет эту стальную поверхность глазами, которые, кажется, должны были внимательно шарить по ресторанному залу.

Робот приближался. И вот взгляды присутствующих устремились на Дэннера. «Фурия» шла прямо на него.

«Нет — твердил себе Дэннер. — Этого не может быть». Он чувствовал себя, словно в кошмарном сне.

«О, Господи, помоги мне поскорее проснуться. Дай мне проснуться, прежде чем она доберется до меня!»

Однако это был не сон. Великан застыл перед ним, тяжелые шаги умолкли. Слышалось только легкое поскрипывание. «Фурия» возвышалась над его столом, обратив к нему свой гладкий лик.

Дэннер почувствовал, как невыносимо жаркая волна обдала его лицо, — волна гнева, стыда, сомнения. Сердце забилося так сильно, что ресторанный зал поплыл перед глазами и внезапная боль молнией пронзила голову — от виска к виску.

Дэннер, вскрикнув, вскочил.

— Нет, нет! — закричал он бездушной стальной громадине. — Ты ошиблась! Ты перепутала! Пошла прочь, дура! Это ошибка, ошибка! — Не глядя, он нащупал на столе тарелку и запустил ею прямо в бронированную грудь. Тарелка разлетелась вдребезги. На гладкой стальной поверхности остались белые, зеленые и коричневые пятна от ее содержимого. Дэннер с трудом выбрался из своего кресла, обогнул стол и, минуя высокую металлическую фигуру, устремился к выходу.

Он думал сейчас только о Гарце.

Море лиц проплывало слева и справа, пока он на негнущихся ногах выбирался из ресторана. Одни смотрели на него с жадным любопытством, ловя его взгляд. Другие старались вовсе не смотреть, уставившись в тарелку или прикрыв лицо рукой. За его спиной снова раздались размеренная поступь и едва слышное ритмичное поскрипывание.

Лица исчезли. Он миновал двери, даже не помня, как их открыл. Дэннер вышел на улицу. Пот лил с него ручьями; хотя день был вовсе не холодный, дыхание ветра показалось ему ледяным. Ничего не различая вокруг, он посмотрел налево и направо, а затем бросился за полквартала к телефонам-автоматам. Перед его глазами так ясно и отчетливо стояло лицо Гарца, что он натыкался на прохожих. Словно откуда-то издалека, слышал он возмущенные возгласы, которые сразу же смолкали в благоговейном молчании. Люди расступались перед ним как по ма-

новению волшебной палочки. В этом образовавшемся вокруг него вакууме он дошел до ближайшей будки.

Он закрыл за собой стеклянную дверь, лихорадочная пульсация крови в ушах, казалось, заставила вибрировать звуконепроницаемую кабину. Сквозь стекло он видел бесстрастного робота, который ожидал его, разноцветные пятна на его стальной груди были похожи на странную орденскую ленту.

Дэннер попытался набрать номер. Пальцы были как резиновые. Пытаясь взять себя в руки, он сделал несколько глубоких вдохов. Неожиданно подумалось совсем не к месту: «Забыл заплатить за обед». И еще: «Деньги мне сейчас здорово помогут. О, чертов Гарц, будь он проклят!»

Он дозвонился сразу.

На экране перед ним в четком цветном изображении вспыхнуло лицо девушки. Почти неосознанно он отметил хорошее качество дорогих экранов в будках общественных телефонов-автоматов этого района.

— Кабинет управляющего Гарца. Что вам угодно?

Только со второй попытки Дэннеру удалось произнести свое имя. Он гадал, видит ли секретарша его и того, кто стоит позади, — высокую фигуру за полупрозрачным стеклом. Он так и не смог этого понять: девушка сразу же опустила глаза, очевидно, в какой-то список, лежавший перед ней на столе.

— Извините, но господина Гарца нет. И сегодня не будет.

Свет и краски исчезли с экрана.

Дэннер открыл раздвижную дверь. Колени его дрожали. Робот отступил немного, чтобы он мог выйти. Какое-то мгновение они стояли друг перед другом. Внезапно Дэннер, сам того не желая, начал глупо хихикать. Робот с пятнами, пересекающими его грудь наподобие орденской ленты, казался ему ужасно смешным. И тут Дэннер понял, что находится на грани истерики, и с изумлением обнаружил в левой руке салфетку из ресторана.

— Ну-ка, посторонись, — сказал он роботу. — Дай мне выйти. Ты что, не понимаешь, что произошла ошибка? — голос его задрожал. Робот, чуть слышно скрипнув, отошел в сторону.

— То, что ты преследуешь меня по пятам, — уже не радость, — сказал Дэннер. — Должен же ты быть хотя бы чистым. Грязный робот это уж слишком... Да-да, слишком... — Эта идиотская мысль была невыносимой, и в голосе его зазвенели слезы. Одновременно смеясь и рыдая, он вытер стальную грудь робота и отшвырнул салфетку.

И в ту самую секунду, когда Дэннер ощутил под своими пальцами твердую стальную поверхность, он понял все, что с ним произошло, и тогда прорвало наконец защитный экран истерии. Никогда в жизни он больше не будет один. До тех пор, пока не умрет. А когда пробьет его смертный час, то глаза ему закроют вот эти стальные руки, и свой последний вздох он испустит, прижимаясь к этой стальной груди, и над ним склонится металлическое бесстрастное лицо. Это будет последнее, что суждено ему увидеть перед смертью. Ни одной живой души рядом — только черный стальной череп «фурии».

Почти неделю он не мог связаться с Гарцем. За это время он изменил свое мнение о том, как долго может выдержать и не сойти с ума человек, преследуемый «фурией». Последнее, что он видел, засыпая по ночам, был свет уличного фонаря, который проникал сквозь шторы гостиничного номера и падал на металлическое плечо его тюремщика. Без конца пробуждаясь от тревожного забытья в течение всей долгой ночи, он слышал легкое, едва различимое поскрипывание механизма, работающего под стальной броней. И каждый раз он задавал себе вопрос, удастся ли ему проснуться снова и не настигнет ли его разящий удар во время сна. Каким будет этот удар? Как «фурии» расправляются со своими жертвами? Он всегда испытывал некоторое облегчение, встречая лучи раннего утра, отражающиеся от стального одеяния стража, бодрствующего у его постели. Ну вот, и эта ночь прожита. Хотя можно ли назвать это жизнью? И стоит ли жить в таком аду?

Он продолжал занимать гостиничный номер. Возможно, администрация была бы не прочь выселить его. Но никто ничего ему не говорил. А может, просто никто не осмеливался. Жизнь становилась какой-то

странной, призрачной — словно нечто видимое сквозь невидимую стену. Дэннер не мог думать ни о чем другом, кроме того, как связаться с Гарцем. Его прежние желания — жажда роскоши, развлечений, путешествий — растаяли как дым. Ему уже больше не суждено путешествовать в одиночестве.

Теперь он много времени проводил в публичной библиотеке, читая все, что там было о роботах. И именно там он впервые натолкнулся на две памятные, внушающие трепетный ужас строчки, написанные Мильтоном, когда мир еще был маленьким и простым, — мистические строки, смысл которых не мог понять ни один человек, пока люди не создали по своему образу и подобию стальных «фурий».

И эта двурукая машина у дверей
Стоит, готовая, чтоб нанести
удар.
Один-единственный — второго
уж не надо.

Дэннер поднял глаза на двурукую машину, недвижно застывшую рядом с ним, и стал думать о Мильтоне, о давно минувших днях, когда жизнь была простой и беззаботной. Он попытался нарисовать это прошлое в своем воображении.

Люди были... не такими, что ли. Но какими? Это было очень давно и потому совершенно непонятно, какими были люди в те времена. Он так и не смог представить себе время до появления компьютеров.

Однако впервые он узнал, что действительно произошло тогда, в его молодые годы, когда блистающий всеми красками мир ярко вспыхнул в последний раз и погас и начались скучные серые будни. Тогда-то впервые и появились человекоподобные «фурии».

До начала войн техника так далеко шагнула вперед, что компьютеры, словно живые существа, стали производить себе подобных, и на Земле вполне мог воцариться рай, где желания каждого были бы полностью удовлетворены. Правда, к тому времени социальные науки заметно отставали от точных. Когда же начались войны, раздражавшиеся одна за другой, машины и люди вынуждены были сражаться бок о бок, сталь — против стали, люди — против людей. И люди оказались менее прочными. Войны за-

кончились только тогда, когда исчезли последние общественные системы: некому стало воевать. И общество стало распадаться, пока не пришло в состояние, близкое к анархии.

А тем временем машины принялись зализывать свои раны и лечить друг друга, как это было заложено в их программы, и никаких социальных наук им не требовалось. Они спокойно воспроизводили себе подобных и создавали для людей новые материальные ценности, то есть делали то, для чего, собственно, они и предназначались в Золотой Век. Конечно, не все было идеально. Далеко не идеально, ибо некоторые из самовоспроизводящихся машин исчезли с лица Земли. Однако большинство из них продолжало добывать в шахтах сырье, обогащать его, отливать из металла необходимые детали, добывать для себя горючее, залечивать свои раны и сохранять на Земле свое потомство с такой эффективностью, какая человеку и не снилась.

А человечество продолжало дробиться и дробиться, распадаясь на все более мелкие группы. Собственно групп больше не существовало, не осталось даже семей. Люди не очень-то нуждались друг в друге. Эмоциональные привязанности утратили всякий смысл. Люди оказались в условиях, когда они вынуждены были принимать суррогаты отношений за истинные, бегство от жизни стало почти естественным. Люди обратили все свои эмоции на спасительные машины, обогащающие их жизни веселыми и невероятными приключениями, по сравнению с которыми окружающий мир казался таким невыносимо скучным, что о нем и думать не хотелось. Рождаемость падала. Это был очень странный период. Роскошь и хаос мирно уживались друг с другом, так же как анархия и инертность. А рождаемость все сокращалась.

В конце концов стало совершенно очевидно, что род человеческий вырождается и ничто не в силах остановить этот процесс. Но в подчинении у человека оставался всемогущий слуга. И вот тогда некий неведомый гений понял, что нужно делать. Нашелся человек, трезво оценивший ситуацию и заложивший

новую программу в самую большую из уцелевших электронно-вычислительных машин. Он поставил перед нею следующую задачу: «Человечество должно снова встать на собственные ноги. И пусть это станет единственной целью до тех пор, пока она не будет достигнута».

Все было бы достижимо, если бы изменения, которые произошли, не носили глобального характера, жизнь людей на всей планете уже коренным образом изменилась. В отличие от людей машины представляли собой интегрированное общество. Получив одинаковые приказы, они мгновенно переориентировались, чтобы их исполнить.

Роскошной жизни для всех пришел конец. Эскапистские машины прекратили свое существование. Чтобы выжить, людям пришлось объединиться в группы, взяться за те виды работ, которые раньше выполняли машины, и медленно, очень медленно их общие нужды и интересы вновь вызвали к жизни почти утраченное чувство человеческой общности.

Процесс этот шел очень медленно. Ни одна машина не могла вернуть человеку то, что он утратил, — моральные категории. Индивидуализм достиг такой стадии, что в течение долгого времени не было никаких средств, способных удержать людей от преступлений. После ликвидации родственных отношений не осталось даже понятия кровной мести. Совесть, как одна из категорий морали, улетучилась, поскольку человек больше не отождествлял себя с другими людьми.

На этом этапе основная задача, стоявшая перед машинами, заключалась в том, чтобы возродить в человеке чувство собственного достоинства и тем самым спасти людей от исчезновения. Несущее ответственность только перед самим собой общество станет взаимозависимо — лидеры окажутся связанными со своей общественной группировкой и реально существующее общественное сознание будет объявлять вне закона и наказывать «преступление», то есть реально наносить ущерб группе людей, с которой связан тот или иной индивидуум.

Именно тогда и появились «фурии».

Компьютеры вынесли решение, что при любых обстоятельствах убийство является самым тяжким преступлением против человечества. Такое решение было единственно верным, поскольку убийство представляло собою действие, которое могло невосполнимо разрушить или уничтожить ячейку общества.

«Фурии» не в силах предотвратить преступление. Наказание не способно излечить преступника. Но оно может отвратить других от совершения преступления, внушив им страх, — люди воочию увидят, как карается преступление. «Фурии» стали символом возмездия. Они открыто шествовали по улицам, неотступно преследуя свои жертвы, словно убедительное доказательство того, что убийство всегда наказуемо и что наказание это всегда будет публичным и неотвратимым. «Фурии» действовали безупречно. Они никогда не ошибались, по крайней мере теоретически. А если учесть огромное количество информации, накопленное к тому времени аналоговыми компьютерами, казалось, машины способны выносить гораздо более справедливые решения, нежели человек.

Настанет время, когда человек вновь откроет для себя понятие преступления. Ведь лишившись этого понятия, человечество поставило под угрозу собственное существование и было уже на грани исчезновения. Если же возродится понятие преступления, человек сможет вновь обрести былую власть над себе подобными, не говоря уже о целом поколении его механических слуг, которые помогли человечеству сохраниться. Но пока не наступил этот день, «фурии», эти созданные из металла символы человеческой совести, навязанные человечеству машинами, также созданными в свое время руками людей, будут вышагивать по улицам.

Дэннер с трудом понимал, что с ним происходит. Он постоянно возвращался мыслью к прошедшим временам, — временам эскапистских машин, когда еще не нормировали материальные блага. Он думал об этом с мрачной злобой, ибо просто не мог понять смысла эксперимента, начатого человечеством. Ему гораздо боль-

ше нравились старые времена. И особенно потому, что никаких «фурий» тогда не существовало.

Он много пил. Однажды опустошил свои карманы, бросив все деньги, что у него были, в шляпу безногого нищего, потому что этот человек, как и он сам, в силу роковых обстоятельств оказался вне общества. Для Дэннера таким роком была «фурия». Для нищего — сама жизнь. Лет тридцать назад он бы и жил, и умер незамеченным, все жизненные блага ему обеспечивали бы машины. А сейчас этот нищий сумел выжить только благодаря попрошайничеству — верный признак того, что люди начинают испытывать угрызения совести и в них пробуждается чувство сострадания к себе подобным. Однако для Дэннера это ровным счетом ничего не меняло. Он даже не узнает, чем закончится эта история, ибо не доживет до ее конца.

Ему захотелось поговорить с нищим, хотя тот явно пытался поскорее укатить от него на своей тележке.

— Послушай, — бормотал Дэннер, упорно шагая за нищим и роясь в карманах. — Я хочу кое-что тебе рассказать. Все не совсем так, как тебе кажется. Это...

В тот вечер он был здорово пьян и упрямо плелся за нищим до тех пор, пока тот не швырнул ему назад все деньги и не бросился от него наутек на своей тележке, а Дэннер всем телом привалился к стене дома, словно испытывая ее прочность, и только тень «фурии» в свете уличного фонаря возвратила его к реальности.

Поздней ночью, дождавшись абсолютной темноты, он попытался избавиться от «фурии». Дэннер с трудом припоминал, как отыскал где-то кусок трубы и с размаху саданул по плечу гиганта, маячившего рядом с ним, но увидел лишь яркий сноп искр. Он бросился бежать и долго петлял по переулкам, а потом спрятался в подъезде и затаился, пока вновь не услышал размеренные шаги, громким эхом отдававшиеся в ночи.

Вконец измученный, Дэннер уснул.

Только на следующий день он добрался до Гарпа.

— Что произошло? — встревоженно спросил Дэн-

нер. За эту неделю он неузнаваемо изменился. В его лице появилась одутловатость, и какое-то новое выражение обнаружило странное сходство с лишенной черт гладкой маской робота.

Гарц в сердцах ударил рукой по краю стола, так что лицо его исказила гримаса боли. Казалось, пол кабинета выбрирует не только от гула работающих внизу машин, но и от нервного возбуждения хозяина.

— Что-то не сработало в машине, — сказал он. — И я пока еще не знаю что именно.

— Ты и не узнаешь! — Дэннер почувствовал, что теряет терпение.

— Подожди немножко. — Гарц сделал успокаивающий жест. — Еще чуть-чуть потерпи, и все будет в порядке. Ты можешь...

— Сколько времени мне еще осталось? — спросил Дэннер, оглянувшись назад, словно обращая вопрос не к Гарцу, а к безмолвному роботу, возвышающемуся за его спиной. Он задавал этот вопрос уже не первый раз, так же напряженно всматриваясь в неподвижный стальной лик. Казалось, он будет с безнадежным отчаянием повторять его до тех пор, пока наконец не получит ответ. И не на словах...

— Никак не могу понять, что не сработало, — сказал Гарц. — Но, черт побери, Дэннер, ты же знал, что мы шли на риск.

— Однако ты уверял, что можешь контролировать компьютер. Я сам видел, как ты это делаешь. Так почему ты не выполнил своего обещания?

— Я же говорю тебе: что-то не сработало. А должно было сработать... В ту минуту, ну, когда это... случилось... я запустил в компьютер программу, которая должна была обезопасить тебя.

— Ну так в чем же дело?

Гарц поднялся с кресла и стал мерить шагами шумопоглощающий ковер.

— Просто ума не приложу. Мы иногда недооцениваем потенциальные возможности машин, вот такая штука. Я думал, что смогу с этим справиться. Но...

— Ты думал!

— Я уверен, что это в моих силах. И я не теряю надежды. Предпринимаю все возможное. Ведь для

меня это тоже очень важно. Я спешу изо всех сил. Потому-то я и не мог встретиться с тобой раньше. Но я ручаюсь за успех, если мне удастся разработать собственный метод. Черт побери, это не так-то просто, Дэннер! Это тебе не фокусы с арифмометром. Ты только взгляни вниз, на мои машины...

Дэннер даже не повернулся.

— Выполни свое обещание, не то тебе не поздоровится, — сказал он. — Вот и все!

Гарц пришел в ярость.

— Не смей угрожать мне! Если ты дашь мне работать спокойно, я сделаю все, что обещал. Только, пожалуйста, избавь меня от угроз!

— Имей в виду, ты в этом тоже должен быть кровно заинтересован! — сказал Дэннер.

Гарц отошел к письменному столу и уселся на край.

— Это почему же? — поинтересовался он.

— О'Райли мертв. Ты заплатил мне, чтобы я его убил.

Гарц пожал плечами.

— «Фурия» это знает, — сказал он. — Да и компьютеры тоже. Но это ничего не значит. Ведь это ты нажал курок, а не я.

— Оба мы виноваты. И если мне приходится расплачиваться за это, то и тебе...

— Минуточку. Давай поставим все на свои места. Одно только намерение не наказуемо. Этот принцип лежит в основе правосудия. Я полагаю, тебе известно об этом? Наказывают только за совершенное деяние. Я в такой же степени ответствен за смерть О'Райли, как и пистолет, который был у тебя в руках.

— Значит, ты наврал мне! Ты обманул меня! Тогда я вот что сделаю...

— Ты будешь делать то, что я прикажу, если хочешь спасти свою шкуру! Я не обманывал тебя, просто допустил ошибку. Дай мне время, и я исправлю ее.

— Сколько времени тебе нужно?

Оба посмотрели на «фурию», казалось, олицетворявшую абсолютное равнодушие.

— Я ведь не знаю, как долго мне осталось жить, — сам себе ответил Дэннер. — Вот и ты го-

воришь, что не знаешь. Да и никто, пожалуй, не знает, когда пробьет мой час, когда этот робот убьет меня. Я перечитал о них все, что только можно было прочесть в популярных изданиях. Это верно, что способ убийства каждый раз меняется? Чтобы такие, как я, сидели как на иголках и мучились неизвестностью. И время, отпущенное каждому, тоже разное?

— Да, это правда. Но существует все же какой-то минимум времени — я в этом почти уверен. Ты едва ли его исчерпал. Поверь мне, Дэннер, я действительно могу отвести от тебя «фурию». Ты же сам видел, как это делается. Помнишь, я тебе показывал? Сейчас мне нужно выяснить, что же не сработало на этот раз. И чем больше ты будешь надоедать мне, тем меньше у меня останется на это времени. Давай договоримся: я сам тебя разыщу. И не пытайся встретиться со мной.

Дэннер встал. Он сделал несколько быстрых шагов навстречу Гарцу. Гнев и отчаяние, казалось, прорвались сквозь бесстрастную маску, которую крушение всех надежд уже наложило на его лицо. Но мерная поступь «фурии» снова раздалась за его спиной, и Дэннер остановился.

Мужчины в упор посмотрели друг на друга.

— Дай мне время, — сказал Гарц. — Верь мне, Дэннер.

В какой-то степени жить надеждой было еще хуже. В последнее время отчаяние как бы парализовало все его чувства, и он успокоился, ни на что уже не надеясь. Но сейчас появился шанс, появилась слабая надежда, что он сможет в конце концов спастись и вновь обрести ту новую и светлую жизнь, из-за которой все поставил на карту — если Гарц сумеет все-таки спасти его.

А пока у него еще есть время, решил он, он проживет вволю. Дэннер полностью обновил свой гардероб. Стал много путешествовать, хотя, конечно, по-прежнему ни на миг не оставался в одиночестве. Даже попытался — и безуспешно — завязать кое-какие контакты. Но те, кто не отказывался поддерживать знакомство с ним — с человеком, пригово-

ренным к смертной казни, были не очень-то привлекательны. Он обнаружил, например, что женщины иной раз испытывали к нему влечение не из симпатии или даже тяги к деньгам, а из-за его компаньона. Словно их возбуждала эта постоянная близость, пусть даже безопасная для них, к орудию судьбы. Иногда он замечал, что даже в самые упоительные минуты они через его плечо не сводят глаз с «фурии». В порыве странной ревности он тут же порывал со всяким, как только ловил его откровенно заинтересованный взгляд на маячившего за его спиной робота.

Он пытался забыться в далеких путешествиях. Улетел на ракете в Африку, а оттуда — в тропические джунгли Южной Америки. Но ни ночные клубы, ни экзотика далеких краев не смогли по-настоящему увлечь его. Свет солнца всюду одинаково отражался от стального тела его попутчика — светило ли оно над саванной цвета львиной шкуры или пробивалось сквозь зеленое кружево джунглей. Всякая новизна тут же исчезала при виде до отворачивания знакомого силуэта, неизменно маячившего рядом. Ничто не радовало Дэннера.

Слышать с утра до ночи равномерную поступь за своей спиной стало для него невыносимой мукой. Дэннер пробовал закладывать уши, но звук тяжелых шагов постоянно отдавался у него в голове, точно во время приступа мучительной мигрени. Даже когда робот был недвижим, Дэннеру чудился неслышный ритм его шагов.

Он попробовал избавиться от своего мучителя с помощью оружия. Разумеется, из этого ничего не вышло. К тому же Дэннер знал, что, если бы ему и удалось уничтожить «фурию», за нею тут же появилась бы другая. Ни алкоголь, ни наркотики не спасали. Все чаще приходила мысль о самоубийстве, но он отгонял ее, вспоминая обещание Гарца, оставившего все-таки слабую надежду.

В конце концов Дэннер решил вернуться в город, чтобы быть поближе к Гарцу. И к надежде. Снова он целыми днями просиживал в библиотеке, стараясь как можно меньше двигаться, — чтобы не слы-

шать за собой гулкое эхо шагов. И вот однажды утром, сидя в библиотеке, он нашел ответ...

Он изучил всю литературу о «фуриях», все указанные в каталоге источники, на удивление многочисленные и до сих пор не утратившие, подобно мильтоновской двурукой машине, своей актуальности. «Эти сильные ноги, которые следуют за тобой», читал он, «... неторопливо шагая в равномерном темпе, с установленной скоростью и величественной поступью...» Он перевернул страницу и прочел строки, которые характеризовали его мучителя, да и его самого лучше любой аллегорией:

Потряс я времени оплоты
И искорежил свою жизнь,
покрыв себя позором.
И, глядя на руины давно
прошедших лет, —
Мне виделась в пыли мои
младые годы

Слезы жалости к самому себе застилали глаза. Капля упала на страницу со стихами, так образно передававшими его чувства.

Затем от раздела художественной литературы он перешел к хранилищу микрофильмов, отснятых по пьесам, посвященным интересующей его теме. Перед его глазами возник семифутовый робот — «фурия», явившийся вместо полагающихся по легенде трех эриний со змеями вместо волос на голове, и эта новоявленная богиня мести гнала от Арго до Афин одетого в современное платье Ореста. Как только появились «фурии», на эту тему было написано немало пьес. Погрузившись в полудремоту детских воспоминаний тех лет, когда еще действовали эскапистские машины, Дэннер забыл обо всем на свете.

Он до такой степени увлекся, что, когда перед ним промелькнула знакомая сцена, он почти не обратил на нее внимания. Все увиденное настолько ассоциировалось с его детством, что он вначале даже не удивился, откуда одна из сцен ему более знакома, чем другие. Но потом увиденное снова ожило в его памяти. Резко выпрямившись, он ударом кулака на-

жал на кнопку «стоп», прокрутил пленку назад и вновь просмотрел всю сцену.

Он увидел человека, преследуемого «фурией». Они двигались, окруженные своеобразным вакуумом, похожие на Робинзона и Пятницу на своем необитаемом острове... Вот человек свернул в переулок, бросил тревожный взгляд прямо в объектив камеры, набрал в легкие воздуха и кинулся бежать. Кинокамера запечатлела момент, когда «фурия» замешкалась, делая какие-то нерешительные движения, а затем повернулась и тихо побрела прочь, в совершенно другом направлении, и шаги ее гулко отдавались по мостовой...

Дэннер снова перекрутил назад пленку и просмотрел сцену еще раз — просто для того, чтобы лишний раз удостовериться. Руки у него дрожали так, что он едва мог управлять видеомagneтофоном.

— Ну, как тебе это нравится? — тихо проговорил он, обращаясь к «фурии», высившейся за его спиной в полутьме кабины. У него появилась странная привычка разговаривать с «фурией», он делал это вполголоса, не замечая того. — Ну, что ты на это скажешь, а? Ведь ты уже видела все это раньше, правда? Знакомая сцена, не так ли? Да отвечай же, дуреха! — И, откинувшись назад, он ударил робота кулаком в грудь так, словно перед ним был сам Гарц. Глухо прозвучал удар — единственная ответная реакция, на которую был способен робот. Когда Дэннер обернулся, он в третий раз увидел хорошо знакомую сцену, на этот раз отраженную металлической грудью робота и его лишенным черт гладким ликом, словно и робот тоже запомнил ее.

Наконец-то он все понял. Гарц никогда не обладал теми возможностями, о которых говорил. А если даже и обладал, то не имел ни малейшего желания воспользоваться ими, чтобы помочь Дэннеру. Да и зачем, собственно, это было ему нужно? Ведь сам-то он ничем больше не рисковал! Теперь понятно, почему Гарц так нервничал, когда прокручивал этот фрагмент из фильма на большом экране в своем офисе. Он был взвинчен вовсе не потому, что то, чем он занимался, было опасно, — просто синхронизация его

действий с действием на экране требовала от него невероятного напряжения. По-видимому, ему не один раз пришлось прорепетировать эту сцену: чтобы каждое движение совпадало с тем, что показывалось на экране, потребовалось рассчитать каждый свой жест! И как, должно быть, он потом смеялся!..

— Скажи, сколько времени мне еще осталось? — Дэннер яростно колотил по груди робота, извлекая звуки, которые доносились, точно из пустоты. — Сколько? Отвечай! Хватит ли мне времени?

Крушение последней надежды привело его в бешенство. Зачем было ждать? Зачем чего-то искать? Все, что ему было сейчас нужно, — это встретиться с Гарцем, и как можно быстрее, пока не кончилось его время. Дэннер с отчаянием вспоминал о потерянных днях, когда он путешествовал по свету или попросту убивал время, ибо он понял, что его последняя минута может быть уже на исходе и план Гарца успеет осуществиться.

— Пошли, — без всякой на то необходимости обратился он к «фурии». — Поторопись.

Робот двинулся за ним. Загадочный механизм внутри отсчитывал минуты, оставшиеся до того мгновения, когда двурукая машина нанесет свой роковой удар. Второго уже не потребует.

Гарц восседал за новым письменным столом. Он чувствовал себя на вершине пирамиды, состоящей из множества компьютеров, которые управляют обществом, подстегивая его, точно хлыстом. Гарц глубоко вздохнул и задумался.

Он постоянно ловил себя на мыслях о Дэннере. Тот даже снился ему. Его не терзало чувство вины, ведь это чувство предполагает наличие совести. К тому же человеческое сознание еще не освободилось от пережитков насаждаемого долгое время ярого индивидуализма. И все же на сердце было неспокойно.

Он откинулся назад и открыл небольшой ящик, который перенес сюда из старого стола. Рука скользнула внутрь, и пальцы Гарца небрежно коснулись пульта управления. Очень небрежно.

Несколько движений, и он мог спасти жизнь Дэн-

нера. Конечно, он обманывал Дэннера с самого начала. Он легко мог управлять «фуриями». Он и сейчас мог спасти Дэннера, но делать этого не собирался. Никакой необходимости. Да и небезопасно. Стоит только один раз вмешаться в сложный механизм, контролирующий жизнь общества, и никто не сумеет предугадать, чем это обернется. Может возникнуть цепная реакция, которая дезорганизует всю систему. Нет, не стоит...

Возможно, ему самому когда-нибудь придется воспользоваться этим прибором в ящике. Правда, он надеялся, что до этого дело не дойдет. Гарц быстро задвинул ящик и услышал мягкий щелчок замка.

Итак, он стал контролером. В каком-то смысле — хранителем машин, которые намного преданнее людей, подумал Гарц. Старый вопрос, и ответ на него единственный: никого, сегодня никого. Над ним не было никого, его власть была абсолютной. Благодаря этому небольшому механизму в ящике письменного стола его никто больше не контролирует. Ни чья-либо совесть или сознание, ни его собственная. Ничто ему не грозит...

Он услышал шаги по лестнице, и на мгновение ему показалось, что он задремал. Несколько раз ему уже снилось, что он — это Дэннер, который слышит у себя за спиной тяжелые размеренные шаги. Но сейчас это был не сон.

Очень странно, что вначале он уловил далекую и едва слышную поступь металлических ног, а уж затем торопливые шаги Дэннера, который быстро взбежал по лестнице служебного входа. Всё произошло так быстро, словно спрессовалось в одно мгновение. Сначала он уловил глухой, едва слышный ритм, потом внезапный шум и хлопанье дверей внизу, а затем шаги избегающего по лестнице Дэннера.

Дэннер широко распахнул дверь, и крики и топот снизу ворвались в тишину кабинета, словно грохот урагана, донесшийся наконец до слуха наблюдателя. Но урагана, который привиделся в кошмарном сне, ибо прорваться дальше ему уже не удастся — время остановилось.

Время остановилось вместе с Дэннером, замершим

на пороге. Его лицо конвульсивно подергивалось, в руках он сжимал пистолет. Дэннера сотрясала такая дрожь, что он схватился за пистолет обеими руками.

Гарц действовал почти бессознательно, точно робот. Слишком часто подобную сцену он рисовал в своем воображении. Если бы он мог повлиять на «фурию», чтобы ускорить смерть Дэннера, он давно бы с ним покончил. Но он не знал, как это сделать. Оставалось только одно: ждать — с такой же тревогой, как и сам Дэннер, и все-таки Гарц надеялся, что возмездие свершится и его исполнитель нанесет удар прежде, чем Дэннер узнает правду. Или когда он окончательно утратит надежду.

Гарц давно был готов к этой встрече. Он не помнил, как в его руке оказался пистолет, не помнил, как открыл ящик стола. Время и в самом деле остановилось. Он был уверен, что «фурия» не допустит, чтобы Дэннер поднял на кого-либо руку. Однако Дэннер стоял перед ним в дверном проеме, сжимая дрожащими руками пистолет, и Гарц, прекрасно владевший техникой, где-то в глубине сознания ощущал неуверенность — он понимал, что «фурии» управляемы и потому могут подвести. Он не полагался на них, особенно когда речь шла о его собственной жизни, — ведь он лучше других знал, как легко совершается предательство. Гарц не помнил, как пистолет оказался у него в руке. Курок словно сам надавил на палец, ладонь ощутила отдачу, выстрел расколол воздух.

Гарц услышал, как пуля звякнула о металл.

Время снова пришло в движение и понеслось вдвое быстрее, чтобы наверстать упущенное. «Фурия» была всего на шаг позади Дэннера, ее стальная рука обняла его и отвела пистолет Дэннера в сторону. Дэннер успел выстрелить, но на секунду замешкался, и «фурия» сумела помешать ему. Пуля Гарца первой достигла цели.

Она навывлет прошла грудь Дэннера и звякнула о стальную грудь робота за его спиной. Лицо Дэннера утратило выразительность, превратилось в маску, такую же безликую, как маска робота над его головой. Дэннер отшатнулся назад, но не упал, поддер-

живаемый роботом. Потом медленно соскользнул на пол. Пистолет глухо стукнул о покрытый ковром пол. Из обеих ран хлынула кровь.

Робот неподвижно застыл над ним, кровавая полоса, как орденская лента, пересекала его грудь.

«Фурия» и управляющий стояли, как бы глядя друг на друга. И хотя «фурия», как всегда, безмолвствовала, Гарцу показалось, что она говорит: «Самооборона — не оправдание для убийства. Мы не наказываем за намерение, но мы преследуем деяние. Любое преступление. Любое убийство».

Гарц едва успел бросить револьвер в ящик стола, как в кабинет ворвались люди, которые подняли шум внизу. Удивительно, как он додумался вовремя спрятать пистолет. Ведь он никак не ожидал, что дело примет такой оборот.

С первого взгляда все выглядело как классическое самоубийство. Он словно со стороны слышал, как дает объяснения чуть дрожащим голосом. Все видели, как этот безумец, следом за которым неотступно шагал робот, вбежал в его кабинет. Это был уже не первый случай, когда убийца, сопровождаемый «фурией», пытался проникнуть к управляющему, умоляя отвести от него кару.

— Дело в том, — объяснял Гарц своим подчиненным уже окрепшим голосом, — что, исполняя свой долг, «фурия» помешала этому человеку выстрелить в меня. И тогда он выстрелил в себя.

Следы пороха на одежде Дэннера безоговорочно подтверждали слова Гарца.

Итак, самоубийство. Это объяснение способно удовлетворить всякого, но только не компьютер.

Труп вынесли. Гарц и «фурия» остались в кабинете, стоя друг против друга и как бы глядя друг на друга через стол. Если даже кому-то из служащих это показалось странным, то он не подал вида.

Гарц сам не знал, как оценить эту ситуацию. Ничего подобного раньше не случалось. Ни один дурак не додумался бы совершить убийство на глазах у «фурии». И сейчас даже ему, управляющему, не известно, каким образом компьютеры изучают улики и устанавливают степень виновности. Он не знал, отзо-

вут ли компьютеры «фурию» в данном случае. А что если смерть Дэннера и в самом деле была самоубийством? Может, тогда его, Гарца, оставят в покое?

Он знал: машины уже начали анализировать все обстоятельства происшедшего. Правда, пока еще неясно, получила ли «фурия» приказ с этого момента следовать за ним, куда бы он ни шел, до самого его смертного часа или она останется стоять здесь, просто стоять, пока ее не отзовут...

Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Либо эта «фурия», либо какая-нибудь другая в настоящий момент, конечно, уже получала инструкции относительно его. Оставалось прибегнуть к единственному средству. Слава Богу, он еще может кое-что предпринять.

Гарц отпер ящик письменного стола и, выдвинув его, коснулся клавишей — он-то думал, что ему никогда не придется к этому прибегать. Очень тщательно, цифру за цифрой, он вложил в компьютеры закодированную информацию и посмотрел сквозь стеклянную стену. Ему показалось, что он видит, как внизу, на невидимых глазу лентах одни данные стираются, а на их месте появляется другая, фальшивая информация.

Он взглянул на робота и едва заметно улыбнулся.

— Сейчас ты все забудешь, — сказал он. — И ты, и эти компьютеры. А теперь можешь идти, ты мне больше не нужен.

То ли оттого, что компьютеры работали очень быстро (как оно и было на самом деле), то ли в силу простого совпадения, но только «фурия» задвигалась, словно подчиняясь приказанию Гарца. С того самого момента, когда Дэннер выскользнул из ее рук, она стояла без движения. А сейчас новый приказ оживил робота, и пока одна программа сменялась другой, движения его были импульсивными. Казалось, он согнулся в неловком поклоне, так что голова его оказалась на одном уровне с головой Гарца.

Гарц увидел собственное лицо, отразившееся в гладкой физиономии «фурии». Было что-то похожее на насмешку в этом неловком поклоне робота, чью

грудь украшала кроваво-красная орденская лента, делавшая его похожим на дипломата, награжденного за заслуги. Однако заслуги эти были весьма сомнительны: этот точный механизм стал соучастником преступления. Удаляясь, робот, оглядывался на Гарца, как бы унося с собой отражение его лица.

Гарц наблюдал, как «фурия» гордо шествовала к двери. Затем услышал, как ее размеренные шаги загрохотали вниз по лестнице. Всем телом ощущая эту тяжелую поступь, от которой содрогался пол, Гарц внезапно почувствовал тошноту и головокружение — он подумал, что сейчас сама структура общества сотрясается под его ногами.

Машины тоже были подвержены коррупции.

Жизнь человечества все еще зависела от компьютеров, но компьютерам нельзя больше доверять. Гарц заметил, что у него дрожат руки. Он задвинул ящик стола и услышал, как мягко щелкнул замок. Руки его дрожали, и эта дрожь, казалось, отдавалась во всем теле, и он с ужасом подумал о том, как непрочен этот мир.

Внезапно нахлынувшее чувство одиночества, как холодный порыв ветра, охватило его. Никогда еще Гарц не испытывал такой острой потребности в общении с себе подобными. Не с каким-то одним человеком, а с людьми вообще. Просто с людьми. Такое естественное и примитивное желание быть среди людей.

Схватив шляпу и пальто, он стал быстро спускаться вниз. На середине лестницы остановился, глубоко засунув руки в карманы, но никакое пальто не спасало от внутреннего озноба.

За спиной слышались шаги.

Сначала он не смел оглянуться. Он слишком хорошо знал эту поступь. Но в нем боролись два страха, и он не знал, какой из них сильнее — боязнь убедиться, что «фурия» приставлена к нему, или боязнь обнаружить, что ее нет. Если бы она действительно оказалась за его спиной, он скорее всего испытал бы чувство странного успокоения, ибо это означало, что он может доверять машинам. Что же касается этого ужасного чувства одиночества, то оно должно пройти.

Не оглядываясь назад, он шагнул еще на одну ступеньку. За спиной послышался зловещий отзвук, словно повторивший его шаги. Он с трудом перевел дух и оглянулся.

Лестница была пуста.

Выждав время, которое, как ему показалось, длилось бесконечно долго, Гарц, часто оглядываясь, начал спускаться вниз. И снова он слышал грохот шагов у себя за спиной. Однако «фурии» не было видно. Никакой «фурии».

Эринии снова нанесли свой тайный удар — невидимая глазу «фурия» его совести следовала за ним по пятам.

Казалось, снова возродилось понятие греха и вернулось в мир, где он был первым человеком, вновь испытывавшим ощущение внутренней вины. Очевидно, компьютеры все-таки не подвели.

Гарц медленно спускался по лестнице. Он вышел на улицу, все еще слыша характерную поступь за спиной. Сейчас она уже не отдавалась металлическим звоном, но ни избавиться от нее, ни откупиться было невозможно. Отныне она всегда будет сопровождать его.

ШОК

Когда Грегг, подняв глаза от книги, увидел, что сквозь стену к нему в квартиру лезет какой-то человек, он на мгновение подумал, что сошел с ума. С такими явлениями обычно не сталкиваются ученые-физики средних лет, подчинившие свою жизнь определенному распорядку. А все-таки в стене сейчас было отверстие, и в эту дыру протискивалось какое-то полуголое существо с ненормально увеличенным черепом.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил Грегг, когда к нему вернулся дар речи.

Человек говорил на каком-то странном английском языке: слова сливались, интонации звучали необычно, но понять его все-таки было можно.

— Я — важная персона, — объявил он, покачивая плечами и грудью. — Моя персона сейчас в 1953 году, а?.. а моя важность... у-у-у!

Он сделал судорожное усилие и, протиснувшись в отверстие, тяжело дыша, пополз по ковру.

— А стачно меня зажало. Дыра еще недостаточно расширилась. Повсегда.

В этих словах был какой-то смысл, но не очень ясный. Лицо Мэннинга Грегга, с крупными чертами, напоминающими львиные, помрачнело. Он протянул руку, схватил тяжелую книгу и встал.

— Я Хэлисон, — объявил незнакомец, поправляя свою тогу. — Это, вероятно, 1953 год. Нечудо одинако.

— Что?

— Смысловые трудности языка, — сказал Хэлисон. — Я живу в будущем... примерно за несколько тысяч лет вперед, в будущем. В вашем будущем.

Грегг пристально посмотрел на отверстие в стене.

— Но ведь вы говорите по-английски.

— Выучил его в 1970 году. Я не впервые путешествую в прошлое. Уже много раз бывал в нем. Ищу одну вещь. Что-то важное, urgently важное. Я использую силу мысли, чтобы деформировать фэррон пространства и времени, вот отверстие и открывается. Не можете ли вы одолжить мне одежду?

Все еще держа в руке книгу, Грегг подошел к стене и заглянул в круглую брешь, в которую могло пройти тело худощавого человека. Он смог увидеть лишь голую голубую стену, по-видимому, на расстоянии нескольких метров. Смежная квартира? Невероятно.

— Отверстие потом станет больше, — объявил Хэлисон. — Ночью оно открыто, днем закрыто. Я должен вернуться к четвергу. По четвергам ко мне приходит Рэнил-Менс. А сейчас могу я попросить у вас одежду? Мне нужно найти одну вещь... Я ищу ее во времени уже долгие веколетия. Прошу вас!

Он все еще сидел на корточках на полу. Грегг не сводил глаз со своего необыкновенного посетителя. Хэлисон, конечно, не принадлежал к числу Homo sapiens образца 1953 года. У него было очень румяное лицо с острыми чертами, огромные блестящие глаза, ненормально развитый и совершенно лысый череп. На руках у него было по шести пальцев, а пальцы на ногах срослись вместе. И он беспрерывно трясся от нервной дрожи, как будто обмен веществ у него никуда не годился.

— Боже милостивый! — воскликнул Грегг, вдруг сообразив что-то. — А это не розыгрыш? Нет? — Он повысил голос.

— Розыгрыш, розыгрыш. Это что, новецкий голландов рече? Важная персона что-то напутала? Трудно догадаться, что нужно сказать в новом для тебя мире другой эпохи. Мне очень жаль, но вы не имеете представления о степени развития нашей культуры. Нам трудно спуститься до вашего уровня. После вашего столетия цивилизация пошла вперед быстро, быстро. Но времени у меня мало. После поговорим, а сейчас необходимо, чтобы вы одолжили мне одежду.

Грегг ощутил, как вдоль его позвоночника пробежал какой-то неприятный холодок.

— Хорошо, только... подождите. Если это не какое-то...

— Простите, — перебил его Хэлисон. — Я ишу одну вещь; очень спешу. Скоро вернусь. Во всяком случае, к четвергу, мне нужно видеть Рэния-Менса. От него я набираюсь мудрости. А теперь простите преладно.

Он прикоснулся ко лбу Грегга.

— Говорите немного медленнее, пож... — пробормотал физик.

Хэлисон исчез.

Грегг повернулся кругом, оглядывая комнату. Ничего. Разве что дыра в стене увеличилась вдвое. Что за дьяволыщина!

Он посмотрел на часы. Они показывали ровно восемь. А ведь только что было около семи. Значит, целый час прошел с тех пор, как Хэлисон протянул руку и коснулся его лба!

Если это гипноз, то он действовал чертовски сильно.

Грегг не спеша достал сигарету и закурил. Затянувшись, он поглядел в отверстие в стене и стал размышлять. Посетитель из будущего, каково? Ну что ж, посмотрим...

Вдруг сообразив что-то, он пошел в спальню и обнаружил, что исчез один из его костюмов — из коричневого твида, от Гарриса. Не хватало рубашки, галстука и пары ботинок. Но дыра в стене опровергала его предположение о том, что это была умно организованная кража. К тому же и бумажник Грегга остался при нем, в кармане его брюк.

Он снова заглянул в дыру и по-прежнему не увидел ничего, кроме голубой стены. Очевидно, эта стена не имела отношения к смежной квартире, принадлежавшей Томми Макферсону, стареющему повесе, который бросил посещать ночные клубы, чтобы по совету своего врача предаться более спокойным занятиям. Но Грегг все-таки вышел на площадку и нажал кнопку электрического звонка возле двери Макферсона.

— Послушайте, Мак, — сказал он, когда перед ним появилось круглое бледное лицо и заспанные

глаза заморгали из-под старательно выкрашенных в каштановый цвет волос. — Вы заняты? Я бы хотел зайти к вам на минутку.

Макферсон с завистью покосился на сигарету Грегга.

— Конечно. Будьте как дома. Я просматривал кое-какие инкунабулы, которые мне прислал мой агент из Филадельфии, и мечтал о том, чтобы выпить. Хотите виски с содовой?

— Если вы составите мне компанию.

— Кабы я мог, — проворчал Макферсон. — Но мне еще рано умирать. Так что же случилось?

Он пошел за Греггом в кухню и стал наблюдать, как тот внимательно осматривает стену.

— Муравьи?

— У меня в стене образовалась дыра, — пояснил Грегг. — Однако же она не проходит насквозь.

Это доказывало, что отверстие определенно «сбилося с пути». Оно должно было выйти или в кухню Макферсона, или... куда-то совсем уж в другое место.

— Дыра в стене? Откуда она взялась?

— Я вам покажу.

— Не такой уж я любопытный, — заметил Макферсон. — Позвоните домовладельцу. Быть может, он заинтересуется.

Грегг нахмурился.

— Для меня это важно, Мак. Я бы хотел, чтобы вы взглянули. Это... забавно. И я желал бы иметь свидетеля.

— Или дыра есть, или ее нет, — просто сказал Макферсон. — А ваши великолепные мозги случайно не одурманены алкоголем? Как бы я хотел, чтобы это произошло с моими!

Он тоскливо посмотрел на портативный бар.

— Вы мне ничем не можете помочь, — заметил Грегг. — Но все-таки вы лучше, чем никто. Пошли!

Он потащил упирившегося Макферсона к себе в квартиру и показал ему дыру. Мак подошел к ней, бормоча что-то о зеркале, и заглянув в отверстие. Он тихонько свистнул. Потом просунул туда руку, вытянул ее, насколько было возможно, и попытался дотронуться до голубой стены. Ему это не удалось.

— Дыра увеличилась, — спокойно проговорил Грегг, — даже по сравнению с тем, какой она была несколько минут назад. Вы тоже это заметили?

Макферсон отыскал стул.

— Давайте выпьем, — проворчал он. — Мне это необходимо. Ради такого случая нельзя не выпить. Только немного, — добавил он, в последнюю минуту вспомнив об осторожности.

Грегг смешал в двух бокалах виски с содовой и подал один из них Макферсону. За выпивкой он рассказал обо всем происшедшем. Мак не знал, что и думать.

— Из будущего? Рад, что это случилось не со мной. Я бы тут же отдал концы.

— Все совершенно логично, — пояснял Грегг, главным образом самому себе. — Этот малый, Хэлисон, конечно, не может быть человеком, живущим в 1953 году.

— Он, наверное, выглядит, как помесь Пога* с Карловым**.

— Послушайте, ведь вы-то не выглядите, как неандерталец или пилтдаунский человек, нет? У Хэлисона такой череп... наверно, у него потрясающий мозг. Ну, коэффициент умственной одаренности.

— Какой во всем этом толк, если он не пожелал разговаривать с вами? — резонно заметил Макферсон.

Грегг почему-то почувствовал, что к его лицу медленно подступает теплая волна.

— Я, наверное, показался ему чем-то вроде человекообразной обезьяны, — уныло заметил он. — Я с трудом понимал его — и не удивительно. Но он еще вернется.

— В четверг? А кто этот Рэниллэнтс?

— Рэнил-Менс, — поправил его Грегг. — Я думаю, его друг. Может быть, учитель. Хэлисон сказал, что набирается от него мудрости. Наверное, Рэнил-Менс — профессор какого-нибудь университета буду-

* П о г о — колдун, герой произведений американской литературы для детей. — *Прим. перев.*

** Б о р и с К а р л о в — американский киноактер, прославившийся исполнением ролей мистических злодеев. — *Прим. перев.*

щего. Я не совсем способен рассуждать здраво. Вы представляете себе значение всего этого, а, Мак?

— Не очень-то мне это интересно, — ответил Макферсон, пробуя свое виски. — Меня что-то страх одолевает.

— А вы прогоните его силой разума, — посоветовал Грегг. — Я как раз собираюсь это сделать. — Он снова посмотрел на стену. — Дыра здорово увеличилась. Интересно, смогу я пролезть в нее?

Он подошел к самому отверстию. Голубая стена все еще была на прежнем месте, и немного ниже уровня серого ковра Грегга виднелся голубой пол. Приятная, чуть терпкая струя воздуха проникала в комнату из неведомого мира, странным образом подбавляя физика.

— Лучше не лазайте, — предупредил Макферсон. — Вдруг дыра закроется за вами.

Вместо ответа Грегг исчез в кухне и вернулся с куском тонкой веревки. Он обвязал ею себя вокруг пояса, подал другой конец Макферсону и бросил свою сигарету в пепельницу.

— Она не закроется, пока не вернется Хэлисон. Или, во всяком случае, закроется не слишком быстро. Я надеюсь. А все-таки крикните мне, Мак, если увидите, что она начинает закрываться. Я сразу же нырну обратно.

— Сумасшедший, безумец! — сказал Макферсон.

Грегг переступил порог будущего — при этом губы его довольно сильно побелели. Отверстие уже достигло почти полутора метров в диаметре, его нижний край был на полметра выше уровня ковра. Греггу пришлось нагнуться. Потом он выпрямился, вспомнил, что нужно перевести дух, и посмотрел назад, в дыру, на бледное лицо Макферсона.

— Все о'кей, — объявил он.

— Ну, что там?

Грегг прижался к голубой стене. Под ногами его был мягкий пол. Круг диаметром в полтора метра был словно вырезанный из стены диск, словно мольберт, висящий в воздухе, или кадр из кинофильма. Грегг мог видеть в нем Макферсона и свою комнату.

Но сам он находился теперь в другой комнате,

просторной, освещенной прохладным лучистым светом и совершенно не похожей на все, что ему приходилось видеть до сих пор.

Прежде всего его внимание привлекли окна — овальные высокие отверстия в голубых стенах, прозрачные в центре, ближе к краям полупрозрачные и у самых краев лазурно-матовые. Сквозь них он увидел огни, движущиеся разноцветные огни. Он шагнул вперед и, не решаясь идти дальше, посмотрел назад, где его ждал Макферсон.

— На что это похоже?

— Сейчас посмотрим, — сказал Грегг и обошел отверстие. С обратной стороны оно было невидимо. Возможно, световые лучи огибали его. Грегг не смог бы этого объяснить. Слегка испуганный, он быстро вернулся, чтобы снова взглянуть на Макферсона, и, успокоившись, стал продолжать свои исследования.

Комната была примерно в восемьдесят квадратных метров, потолок высокий, в форме купола; источник света сначала было трудно обнаружить. Все в комнате слегка светилось. «Поглощение солнечных лучей», — подумал Грегг, — вроде светящейся краски». Это казалось рациональным.

Собственно, смотреть было не на что. Низкие диваны, мягкие удобные пастельных тонов кресла, по-видимому, какого-то специального назначения и несколько каучуковых столиков. Четырехугольный стекловидный блок величиной с маленький саквояж, сделанный из какого-то пластика, стоял на голубом полу. Грегг не мог понять его назначения. Когда он осторожно поднял его, в нем заиграли фосфоресцирующие краски.

На одном из столиков лежала книга, и Грегг сунул ее в карман как раз в тот момент, когда Макферсон окликнул его.

— Мэннинг? Ну, как там, о'кей?

— Да, подождите минутку.

Где же тут двери? Грегг криво усмехнулся. Он был слегка обескуражен тем, что у него нет даже самых основных технических знаний, необходимых в этом неведомом мире. Двери могли открываться от давления, от света, от звука. Или даже от запаха,

откуда он мог это знать? Быстрый осмотр ничего не подсказал. Но его тревожила дыра. Если она вдруг закроется...

«Ну, что ж, ничего страшного не случится, — подумал Грегг. — Этот мир будущего населен человеческими существами, в достаточной мере похожими на нас. И у них хватит ума, чтобы отправить человека в его собственную эпоху, — доказательством этого служило само появление Хэлисона». И все-таки Грегг предпочитал иметь открытый путь к отступлению.

Он подошел к ближайшему окну и посмотрел в него. За несколько тысячелетий созвездия на пурпурном небе слегка изменились, но не слишком. Здесь и там мелькали радужные огни. Это летели самолеты. Внизу неясно виднелись темные массы зданий, окутанные мглой. Луны не было. Несколько башен поднималось до уровня этого окна, и Грегг мог различить округлые очертания их верхушек.

Один из огней метнулся к нему. Прежде чем Грегг успел отпрянуть от окна, он заметил маленький кораблик, — антигравитация, подумал Грегг, — с юношей и девушкой в открытой кабине. У корабля не было ни пропеллера, ни крыльев. Парочка напоминала Хэлисона — такие же большие черепа и острые черты лица, хотя у обоих на голове были волосы. Одежда их тоже походила на тогу.

И все-таки они не казались странными. Не было такого ощущения, будто они с другой планеты. Девушка смеялась, и, несмотря на то, что у нее был выпуклый лоб и худощавое лицо, Грегг подумал, что она необыкновенно привлекательна. Конечно, этот народ никому не мог причинить вреда. Неясный страх перед холодной жестокостью Бесчеловечной Суперрасы стал постепенно исчезать.

Они пронесли мимо, на расстоянии не более шести метров, глядя прямо на Грегга... и не видя его. Удивленный физик протянул руку, чтобы дотронуться до гладкой, чуть теплой поверхности стекла. Странно!

Но окна других зданий были темные. Они, вероятно, пропускали свет только в одну сторону, чтобы не

мешать уединению людей у себя дома. Изнутри можно было смотреть в окно, но снаружи ничего не было видно.

— Мэннинг?

Грегг торопливо обернулся, закрутил вокруг себя веревку и вернулся к дыре. Его встретила нахмуренная физиономия Макферсона.

— Я бы хотел, чтобы вы вернулись. У меня нервы не выдерживают.

— Хорошо, — любезно ответил Грегг и пролез в дыру. — Но там не опасно. Я стащил книжку. Вот вам настоящая инкунабула будущего.

Макферсон взял книгу, но раскрыл ее не сразу. Его тусклые глаза были устремлены на Грегга.

— Что вы там видели?

Грегг стал рассказывать во всех подробностях.

— Вы знаете, по-видимому, это просто замечательно! Тоненький ломтик будущего. Когда я был там, внутри, все это не казалось мне таким странным, но теперь это меня поражает. А виски-то мое стало совсем теплым. Выьем еще?

— Нет. Впрочем, ладно. Немного.

Пока Грегг ходил на кухню, Макферсон рассматривал книгу. Потом он взглянул на дыру. «Она стала немного шире, — подумал он. — Немного. Вероятно, она почти достигла своего максимального размера».

Грегг вернулся.

— Можете прочесть? Нет? Ну, что же, я этого и ожидал. Хэлисон сказал, что ему пришлось изучить наш язык. Интересно, что он ищет... в прошлом?

— Интересно, кто этот Рэнил-Менс.

— Хотел бы с ним встретиться, — заметил Грегг. — Слава Богу, у меня есть кое-какие знания. Если бы Хэлисон... или кто-нибудь другой... объяснил мне некоторые вещи, я бы, наверно, мог постигнуть основы техники будущего. Вот было бы здорово, Мак!

— Если только он согласится.

— Ведь вы его не видели, — сказал Грегг. — Он был настроен дружески, хотя и загипнотизировал меня. А это что такое?

Он схватил книгу и начал рассматривать картинку.

— Осьминог, — подсказал Макферсон.

— Карта. Интересно. Она выглядит совсем как структурная формула, но я никогда не встречал такого вещества. Как бы я хотел прочесть эти чертовы завитушки! Они похожи на комбинацию бирманского и питмэновского письма. Даже система цифр отличается от арабской. Да здесь целая сокровищница, а ключа к ней нет!

— Гм-м-м. Возможно. Все-таки мне кажется, что это немного опасно.

Грегг взглянул на Макферсона.

— Не думаю. Нет никаких причин ожидать неприятностей. Это был бы сюжет для дешевого бульварного романа.

— А что такое жизнь, как не бульварный роман? — угрюмо спросил Макферсон, порядочно захмелевший — он уже успел отвыкнуть от спиртного.

— Это просто вы смотрите на нее под таким углом зрения. И в соответствии с этим и живете. — Грегг говорил недовольным тоном, главным образом потому, что не выносил безнадежной философии Макферсона, которую тот периодически проповедовал. — Попробуйте для разнообразия рассуждать логически. Человечество идет вперед, несмотря на диктаторов и профессиональных политиканов. Промышленная революция ускоряет социальные изменения. Биологическая мутация тесно с ними связана. Она прогрессирует. За последующие пятьсот лет мы пройдем такой же путь, какой прошли за последние десять тысяч. Это как лавина, низвергающаяся с горы.

— Ну и что же?

— А то, что в будущем настанет царство логики, — пояснил Грегг, — и не хладнокровной бесчеловечной логики. Логика человеческой, которая принимает во внимание эмоции и психологию. То есть будет принимать. Там обойдутся без Великого Мозга, стремящегося завоевать миры или поработить остатки человечества. Этакое мы уже видели. Хэлисон... хотел поговорить со мной, но он тогда очень торопился. Он сказал, что все объяснит потом.

— Я знаю только одно: что в стене есть дыра, —

заметил Макферсон. — Такое обычно не случается. А теперь случилось. Не стоило мне пить.

— Таким образом вы поддерживаете свой эмоциональный баланс, — произнес Грегг. — А я предпочитаю делать это, следуя математическим законам. Решаю уравнение, исходя из имеющихся данных. Индуктивный метод дает немного, но позволяет судить о том, каким потрясающим должно быть целое. Совершенный мир будущего...

— Откуда вы знаете?

Грегг замялся.

— Ну, мне так показалось. Через несколько тысячелетий человечество сможет применять технику достаточно широко и будет учитывать все тонкости. И в теории, и на практике. Но самое лучшее, что люди от этого не станут зазнаваться. Это просто не будет им свойственно. Во всяком случае, Хэлисон не зазнавался.

— Дыра больше не увеличивается, — заметил Макферсон — Я это вижу по пятнышку на обоях.

— Но и не уменьшается, — неуверенно проговорил Грегг. — Хотел бы я знать, как там открываются двери. Сам я не могу разобраться в этой чертовщине.

— Выпейте-ка еще. Должно помочь.

Но это не очень помогло. Грегг не отважился снова пролезть в дыру, боясь, что она может неожиданно закрыться, и, сидя с Макферсоном, курил, пил виски и разговаривал. Медленно проходила ночь. Время от времени они снова принимались разглядывать книгу, но она им ни о чем не говорила.

Хэлисон не появлялся. В три часа утра отверстие начало уменьшаться. Грегг вспомнил, что сказал человек из будущего: брешь будет открыта ночью и закрыта днем. Вероятно, она опять откроется. Если же нет, значит, он прозевал случай, выпадающий один раз за сто человеческих жизней.

Через полчаса дыра совершенно закрылась, не оставив никакого следа на обоях. Макферсон, смотря перед собой остекленевшим взглядом, вернулся домой. Грегг запер книгу в ящик письменного стола и лег

в постель, чтобы поспать несколько часов, прежде чем беспокойство поднимет его на ноги.

На другой день, одеваясь, Грегг позвонил в Хэверхиллскую исследовательскую лабораторию — сообщить, что сегодня он не придет на работу. Он хотел быть дома на случай, если появится Хэлисон. Но Хэлисон не пришел. Грегг провел утро, бросая в пепельницу недокуренные сигареты и перелистывая книгу. После полудня он отправил ее с посыльным в университет профессору Кортнею, приложив короткую записку с просьбой сообщить сведения об этом языке. Кортней, который *собаку съел на языках*, позвонил и сказал, что он в *недоумении*.

Разумеется, его разбирало любопытство. Греггу пришлось пережить несколько неприятных минут, пока он не отделался от профессора. В следующий раз Грегг решил быть осторожнее. Ему вовсе не хотелось разглашать свою тайну всему свету. Даже и Макферсону... Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ведь открытие принадлежало Мэннингу Греггу, и это только справедливо, если он будет иметь на него все права.

Эгоизм Грегга был совершенно бескорыстным. Если бы он проанализировал его причины, то понял бы, что его существо жаждало интеллектуального опьянения — самый подходящий термин для такого случая. Грегг и вправду обладал необыкновенно острым умом, и ему доставляло глубокую радость применять его на деле. Он мог испытывать настоящее опьянение, разрабатывая технические проблемы, и получал при этом такое же удовольствие, как инженер при взгляде на красиво выполненный чертеж или пианист, разбирающий сложную композицию. Он любил все совершенное. И теперь, если он будет обладать ключом от совершенного мира будущего...

Разумеется, он не был так уж уверен в совершенстве этого мира, но постепенно его уверенность крепла. Особенно после того, как в шесть тридцать вечера отверстие начало медленно открываться.

На этот раз Грегг сунулся в дыру, едва лишь она увеличилась настолько, что он смог пролезть в нее.

У него в запасе была уйма времени. Сколько он ни искал дверей, он так и не нашел их, но сделал другое открытие: голубые стены оказались в действительности дверцами огромных шкафов, наполненных необыкновенными предметами. Прежде всего, конечно, книгами — но он не мог прочесть ни одной. Из-за некоторых чертежей он буквально претерпел танталовы муки: они были ему почти понятны, он почти мог подогнать их под свой образ мышления — и все-таки не совсем. Раскрашенные картинки в трех измерениях смутными проблесками чарующе намекали ему на жизнь в будущем. Ему казалось, что это счастливая жизнь.

Шкафы...

В них хранились чертовски интересные вещи. Все они, без сомнения, были очень хорошо известны Хэлисону, но Грегг не знал, что делать, например, с куклой высотой больше полуметра, созданной по образу и подобию человека будущего, которая декламировала на неведомом языке что-то похожее на стихи. Насколько он мог понять, рифмы были замечательные, а ритм — сложный, необыкновенный — оказывал определенное эмоциональное воздействие даже на человека, незнакомого с языком.

В шкафах были и каучуковые прозрачные блоки с движущимися огоньками внутри, и металлические конструкции (в одной из них Грегг узнал модель солнечной системы), и садик, выращенный гидропонным способом; он мог изменять цвет, как хамелеон, и фигурки из пластика, возможно изображавшие мифических животных; соединяясь, они могли производить других животных — гибриды или биологические разновидности (поразительная демонстрация чистой генетики); все это и еще многое, многое другое! У Грегга закружилась голова. Он подошел к окну, чтобы немного прийти в себя.

Радужные огни все еще мерцали во мраке. Глубоко внизу Грегг заметил прерывистые вспышки лучистого света — будто взрывались осветительные ракеты. На мгновение он замер: у него мелькнула мысль о войне. Но еще одна вспышка, фонтаном поднявшаяся вверх, успокоила его. Вытянув шею, он смог раз-

глядеть крошечные фигурки, принимавшие разные позы и танцевавшие в воздухе среди бушующего моря красок — что-то вроде балета в состоянии невесомости. Нет, это был совершенный мир.

Вдруг его охватило непреодолимое желание вырваться из этой безмолвной комнаты в сверкающую радостную суматоху за окнами. Но он не мог понять, как открываются окна. И не нашел кнопок, управляющих дверями. Грегг вспомнил, как нелегко было обнаружить скрытые кнопки, при помощи которых открывались шкафы.

Он со злорадством подумал о старом Даффи из Нэверхилла и о том, что бы тот стал делать, если бы увидел все это. Ну да ладно, к черту Даффи. Пусть потом пьет весь мир, но сейчас Грегг хотел сделать то, что заслужил, — первым вне себя от восторга хлебнуть из этой бутылки с чудесным вином.

Он надеялся, что кто-нибудь войдет в эту комнату, к Хэлисону, может быть, Рэнил-Менс. Сначала Грегг, возможно, поймет не все, — если только посетитель не изучал архаический английский язык, что маловероятно, — но потом уж он как-нибудь преодолет трудности. Только бы Рэнил-Менс появился и показал ему, как работают приборы, спрятанные в шкафах! Это ведь золотые россыпи для физика!

Однако никто так и не появился, и Грегг, нагруженный трофеями, возвратился в свою эпоху, где обнаружил Макферсона. Откинувшись в кресле, тотпил виски с содовой и скептически поглядывал на дыру.

— Как вы попали в квартиру? — спросил Грегг.

— Очень просто, — ответил Макферсон. — Дверь была открыта. В комнате стоял Хэлисон, и мне захотелось выяснить, в чем дело. Он вполне реальный, все в порядке.

В его бокале звенели кубики льда.

— Хэлисон был здесь? Мак, какая...

— Не расстраивайтесь. Я вошел и спросил его, кто он такой. — Хэлисон, — ответил он. — Я просто зашел на минутку, или что-то в этом роде. — Грегг хочет вас видеть, — сказал я. — Пока у меня нет времени, — ответил он. — Я ищу одну вещь. Вернусь

в четверг, чтобы повидаться с Рэнил-Менсом. Тогда и скажу Греггу все, что он хочет знать. Я могу рассказать ему о многом... я ведь отношусь к категории гениев. — То, что он говорил, было довольно двусмысленно, но я каким-то образом умудрился все понять. После этого он вышел. Я побежал за ним, закричал: «Где Грегг?» — Он помахал рукой, показав... на отверстие, и побежал вниз по лестнице. Я просунул голову в дыру, увидел вас и почувствовал себя как-то странно. Тогда я приготовил виски с содовой и сел, чтобы подождать вас. От этого малого у меня мороз по коже подирает.

Грегг положил свою ношу на диван.

— Вот проклятие! Значит, я прозевал его. Ну, ничего, он еще вернется, это единственное утешение. Почему, черт побери, у вас от него мороз по коже подирает?

— Он совсем непохож на нас, — просто сказал Макферсон.

— Но ничто человеческое ему не чуждо. Вы же не можете утверждать, что он не человеческое существо.

— Конечно, человеческое, а как же, но это совсем другой вид человеческого. Даже его глаза. Он смотрит, будто насквозь пронизывает, будто видит тебя в четырех измерениях.

— Может быть, и видит, — рассуждал Грегг. — Я бы хотел... гм-м-м. Он скажет мне все, что я хочу знать, а? За это стоит выпить. Вот повезло-то! И он действительно гений, даже для своего века. Я думаю, только гений мог устроить эту шутку с пространством и временем.

— Это его мир, Мэннинг, а не ваш, — спокойно заметил Макферсон. — Я бы на вашем месте не сошелся туда.

Грегг засмеялся, глаза его ярко заблестели.

— При других обстоятельствах я согласился бы с вами. Но теперь я уже знаю кое-что об этом мире. По картинкам в книжках, например. Это, несомненно, совершенный мир. Только пока еще он за пределами моего понимания. Эти люди ушли далеко вперед во всех отношениях, Мак. Сомневаюсь, сможем ли мы понять там все. Но я же не совсем умственно от-

сталый. Я буду учиться. Мой опыт поможет мне. Я все-таки техник и физик.

— Ну и прекрасно. Поступайте, как вам нравится. Я сейчас напился потому, что сидел и все время смотрел на эту дыру в стене и боялся, не захлопнется ли она навсегда.

— Чепуха, — сказал Грегг.

Макферсон встал, покачиваясь.

— Пойду лягу. Позовите меня, если я зачем-нибудь вам понадобится. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Мак. Да, послушайте. Вы никому обо всем этом не говорили, а?

— Нет, и не собирался. А глаза Хэлисона испугали меня, хотя в них и было что-то дружелюбное. Человек и сверхчеловек. Б-р-р!

Макферсон выплыл из передней, окутанный парами виски. Грегг усмехнулся и старательно запер за ним дверь.

Кем бы ни был Хэлисон, но сверхчеловеком он быть не мог. Эволюция не привела его к этой крайности, или, может быть, *Homo sapiens* и не мог путем эволюции превратиться в *Homo superior*. Много в человеке будущего казалось таинственным, например его загадочные поиски в глубинах времени... но в четверг — Грегг на это надеялся — можно будет получить ответ хотя бы на некоторые из вопросов. Только бы ему дотерпеть до четверга!

На следующий день, во вторник, Грегг опять не пошел на работу. Он провел много времени, размышляя над предметами, принесенными из будущего, и находя в этом какое-то слабое утешение.

Он ждал до тех пор, пока его не начал мучить голод. Тогда Грегг решил выйти, чтобы купить за углом сэндвич. Но тут же передумал и пошел через улицу, в грязную закусочную, откуда можно было наблюдать за его домом.

Он увидел, как в дом вошел Хэлисон.

С полным ртом, чуть не подавившись, Грегг бросил официанту горсть монет и вылетел из закусочной. Он едва не споткнулся о ступеньку и удержался на но-

гах лишь благодаря тому, что крепко вцепился в удивленного швейцара. Лифт...

Грегг проклинал его медленный ход. Дверь квартиры была открыта. Из нее выходил Хэлисон.

— Премильно хэлло, — приветствовал его Хэлисон. — Я забегал за чистой рубашкой.

— Подождите, — с отчаянием сказал Грегг. — Я хочу поговорить с вами.

— Пока еще некогда. Я до сих пор ищу полеонэнтар... еще не нашел...

— Хэлисон! Когда вы поговорите со мной?

— С ночь со среды. Завтра. Я должен буду вернуться, чтобы в четверг увидеть Рэнил-Менса. А он, кстати, еще умнее меня.

— А дыра не закроется совсем?

— Конеш нет. До тех пор пока поступает сила мысли. Она закроется не раньше, чем занито примерно через две недели.

— Я боялся, что останусь на другой стороне, как в ловушке.

— Слуги-роботы каждый день приносят пищу; вы бы не проголодались. Вы можете вернуться этой ночью, когда отверстие опять откроется поленто. Безопасно. В моем мире никто не приносит вреда другим. Помогать и лечить для общего блага... Плохой перевод. От вашего языка... разит сакраментом.

— Но...

Хэлисон выскользнул за дверь, как призрак, и уже спускался по лестнице. Грегг помчался за ним, но тот легко оставил его позади. Помрачнев, он вернулся к себе. А все-таки завтра ночью...

Завтра ночью!

Ладно, сейчас он, во всяком случае, может потратить время на хороший обед. Утешенный этой мыслью, Грегг пошел в свой любимый ресторан и съел телячий эскалоп. Потом он встретился с Макферсоном и передал ему свой разговор с Хэлисоном. Макферсон выслушал его без особой радости.

— Никто в его мире не приносит вреда другим, — процитировал Грегг.

— Все равно... не знаю. А все-таки я боюсь.

— Я пролезу туда опять и посмотрю, что там еще есть интересного.

Грегг так и сделал. Он даже не подождал, пока дыра станет достаточно широкой, и бросился головой вперед. При этом он оттолкнулся от стены и стукнулся лбом о стол, но так как стол был из довольно упругого материала, это не имело значения. У будущего были свои удобства.

Эта ночь была повторением предыдущей. Грегг сгорал от любопытства. Его окружали тайны культуры, далеко обогнавшей его собственную, и ключ к этим тайнам был так близко, что Грегг почти мог ощутить его кончиками пальцев. Ждать теперь стало совсем уж нелегко.

Но ему приходилось ждать. Он до сих пор не разгадал, как открывалась дверь, и забыл спросить об этом Хэлисона. Если здесь и существовали телефон или телевизор, то они были запрятаны в каком-то тайнике, и Грегг не мог их обнаружить. Ну, да ладно.

В среду Грегг пошел на работу, но вернулся домой рано и не находил себе места от нетерпения. Ненадолго заглянул Макферсон. Но Грегг выпроводил его: ему не хотелось разговоров втроем. Он начал записывать на бумаге вопросы, которые собирался задать Хэлисону.

В шесть тридцать пять отверстие начало открываться.

В полночь Грегг места себе не находил от нетерпения.

В два часа он разбудил Макферсона и попросил, чтобы тот с ним выпил.

— Он забыл про меня, — беззвучно проговорил Грегг, закулив сигарету и тут же бросив ее в пепельницу. — Или с ним что-нибудь случилось. Проклятие!

— Времени у вас сколько угодно, — проворчал Макферсон. — Не расстраивайтесь. Я-то надеюсь, что он не появится.

Они ждали долго. Отверстие начало медленно сужаться. Грегг в сердцах бубнил монотонные проклятия. Зазвонил телефон. Грегг ответил и после корот-

кого разговора положил трубку. Когда он повернулся к Макферсону, лицо у него было расстроенное.

— Хэлисон убит. На него наехал грузовик. В кармане его пиджака нашли мою визитную карточку.

— Откуда вы знаете, что это Хэлисон?

— Мне его описали. Подумайте, Мак, как не повезло! И нужно же было этому... чтоб его... ходить по улицам, лезть под грузовик. Черти бы его разорвали!

— На то была воля providения, — тихонько сказал Макферсон, но Грегг его все-таки услышал.

— Остается все же Рэнил-Менс.

— Еще неизвестно, кто он такой.

— Конечно, друг Хэлисона! — Грегг говорил резким тоном. — Завтра — в четверг — он придет в квартиру Хэлисона. Вот вам первая возможность вступить в контакт с человеком из того мира, Мак. Я ведь был там еще этой ночью. И не мог выйти из его комнаты. Не мог найти дверей. Но если я буду там завтра, когда придет Рэнил-Менс...

— А что если отверстие больше не откроется?

— Хэлисон сказал, что откроется. Это вполне логично. Энергия мысли, как и всякая другая, должна тратиться постепенно, если только она не выключена. А смерть Хэлисона, очевидно, не выключила ее.

Грегг кивнул в сторону отверстия, которое медленно закрывалось.

— Говоря словами пророка — отыди от зла, — предупредил Макферсон.

Он вышел и приготовил себе бокал почти не разбавленного шотландского виски. По спине его струйкой пополз холодный, расслабляющий страх.

Они еще немного поговорили, не решив ничего определенного. В конце концов, Грегг полез в дыру, потом выглянул из нее, как портрет из круглой рамы.

— Пока все идет хорошо, — объявил он. — Завтра увидимся, Мак. И я смогу рассказать вам многое.

Макферсон сжал кулаки так, что ногти впились ему в ладони.

— Не лучше ли вам передумать? Я бы хотел...

Грегг усмехнулся.

— Не выйдет. Я мальчик, который на этот раз хо-

чет получить ответы на свои вопросы. И наконец, зарубите себе на носу, Мак, что никакой опасности здесь нет.

— О'кей.

— Дайте мне бокал. На той стороне нет виски... спасибо. Желаю счастья!

— Желаю счастья! — повторил Макферсон.

Он сидел и ждал. Отверстие сужалось.

— Через минуту будет слишком поздно, Мэннинг.

— И сейчас уже слишком поздно. Скоро увидимся, дружище. Завтра в шесть тридцать. И может быть, я приведу с собой Рэнил-Менса.

Грегг поднял бокал. Отверстие постепенно уменьшилось до размеров десятицентовой монеты. И исчезло.

Макферсон не шевелился. Он сидел на месте и ждал. Он был во власти страха, холодного, безотчетного и неодолимого, хотя, разумеется, противоречащего всякой логике.

И тогда, не оборачиваясь, он почувствовал, что в комнате кто-то есть.

В поле его зрения появился Хэлисон.

— Безназванно опоздал, — объяснил он. — Ну, ладно, вернусь завтра ночью. Жаль только, что пропущу Рэнил-Менса.

Пары алкоголя, казалось, вихрем закружились в голове Макферсона.

— Грузовик, — проговорил он. — Грузовик. Несчастный случай.

Хэлисон пожал плечами.

— У меня совсем иной обмен веществ. И со мной часто бывает столбняк. От нервного шока я как раз и пришел в это септольное состояние. Я проснулся в этом... как его?... морге, объяснил там, приблизительно, что со мной произошло, и прибежал сюда. Но слишком поздно. Я до сих пор не нашел того, что искал.

— А что же вы искали?

— Я ищу Хэлисона, — пояснил Хэлисон, — потому что он был потерян в прошлом, а Хэлисон не может вновь обрести свою целостность, пока я не найду его. Я работал много, много, и однажды Хэлисон ускользнул и ушел в прошлое. И вот теперь я должен искать.

Макферсон похолодел как ледышка: он понял, чем объяснялось странное выражение глаз Хэлисона.

— Рэнил-Менс, — проговорил он. — Значит... о, Господи!

Хэлисон протянул дрожащую шестипалую руку.

— Убийно. Так вы знаете, что они сказали. Но они ошибались. Я был изолирован, для лечения. Это тоже было неправильно, но это дало мне время открыть дверь в прошлое и искать Хэлисона там, где он потерялся. Слуги-роботы давали мне пищу, и меня оставили в покое, который был мне полноместно необходим. Но игрушки, те, что они положили ко мне в комнату, не были мне нужны, и я ими почти не пользовался.

— Игрушки...

— Зан, зан, зан. Далеко тайничный... но слова ведь меняются. Даже для гения этот способ очень мучительный. Я не то, что они думают. Рэнил-Менс понимал. Рэнил-Менс — это робот. Все наши врачи — роботы, обученные в совершенстве выполнять свои обязанности. Но вначале было тяжело. Лечение... зан, зан, зан, дантро. Нужен сильный мозг, чтобы выдерживать лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне каждую неделю. Даже для меня, гения, это было... зан, зан, зан, и они, быть может, хватили через край, вихревым способом навсегда изгоняя из меня побочные сигналы...

— Что же это было? — спросил Макферсон. — Что это было, черт вас побери?

— Нет, — внезапно повалившись на ковер и закрыв лицо руками, проговорил Хэлисон. — Финтакольцевое и... нет, нет...

Макферсон подался вперед; он весь покрылся потом; рюмка выскользнула у него из пальцев.

— Что?!

Хэлисон поднял на него блестящие невидящие глаза.

— Лечение шоком от безумия, — сказал он. — Новое, ужасное, долгое, долгое, бесконечно долгое лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне раз в неделю, но теперь я не против этого лечения, и оно мне

нравится, и Рэнил-Менс будет применять его к Греггу вместо меня, зан, зан, зан и вихревым способом...

Все теперь стало на свое место. Мягкая мебель, отсутствие дверей, окна, которые не открывались, игрушки.

Палата в больнице для умалишенных.

Чтобы помочь им и вылечить их.

Шокотерапия.

Хэлисон встал и пошел к открытой двери.

— Хэлисон! — позвал он.

Его шаги замерли в передней. Тихонько доносился его голос.

— Хэлисон в прошлом. Зан, зан, зан, а я должен найти Хэлисона, чтобы Хэлисон снова стал цельным. Хэлисон, зан, зан, зан...

В окна заглянули первые лучи солнца. Наступало утро четверга.

РАБОТА ПО СПОСОБНОСТЯМ

Когда Денни Хольт зашел в диспетчерскую, его вызвали к телефону. Звонок не обрадовал Денни. В такую дождливую ночь подцепить пассажира ничего не стоит, а теперь гони машину на площадь Колумба.

— Еще чего, — сказал он в трубку. — Почему именно я? Пошлите кого-нибудь другого; пассажир не догадается о замене. Я ведь сейчас далеко — в Гринвич-вилледж.

— Он просил вас, Хольт. Сказал фамилию и номер машины. Может, приятель какой. Ждет у памятника — в черном пальто, с тростью.

— Кто он такой?

— Я почем знаю. Он не назвался. Не задерживайтесь.

Хольт в огорчении повесил трубку и вернулся в свое такси. Вода капала с козырька его фуражки, полосовала ветровое стекло. Сквозь дождевой заслон он едва видел слабо освещенные подъезды, слышалась музыка пиано-автоматов. Сидеть бы где-нибудь в тепле эдакой ночью. Хольт прикинул, не заскочить ли в «Погребок» выпить рюмку виски. Эх, была не была! Он дал газ и в подавленном настроении свернул на Гринвич-авеню.

В пелене дождя улицы казались мрачными и темными, как ущелья, а ведь нью-йоркцы не обращают внимания на сигналы светофоров, и в наши дни проще простого сшибить пешехода. Хольт вел машину к окраине, не слушая криков «такси». Мостовая была мокрая и скользкая. А шины поизносились.

Сырость и холод пронизывали до костей. Дребезжание мотора не вселяло бодрости. Того и гляди, эта рухлядь развалится на части. И тогда... впрочем,

найти работу нетрудно, но Денни не имел охоты изнурять себя. Оборонные заводы — еще чего!

Совсем загрустив, он медленно объехал площадь Колумба, высматривая своего пассажира. Вот и он — одинокая неподвижная фигура под дождем. Пешеходы сновали через улицу, увертываясь от троллейбусов и автомобилей.

Хольт затормозил и открыл дверцу. Человек подошел. Зонта у него не было. В руке он держал трость, на черном пальто поблескивала вода. Бесформенная шляпа с опущенными полями защищала от дождя голову; черные пронизывающие глаза испытующе смотрели на Хольта.

Человек был стар — на редкость стар. Глубокие морщины, обвисшая жирными складками кожа скрадывали черты лица.

— Деннис Хольт? — спросил он резко.

— Так точно, дружище. Скорей в машину и сшитесь.

Старик подчинился.

— Куда? — спросил Хольт.

— А? Поезжайте через парк.

— В сторону Гарлема?

— Как... да, да.

Пожав плечами, Хольт повернул к Центральному парку. «Тронутый. И никогда я его не видел». Он посмотрел на пассажира в зеркальце. Тот внимательно изучал фотографию Хольта и записанный на карточке номер. Видимо успокоившись, откинулся назад и достал из кармана «Таймс».

— Дать свет, мистер?

— Свет? Да, благодарю.

Но свет горел недолго. Один взгляд в газету — и старик выключил плафон, устроился поудобнее и посмотрел на ручные часы.

— Который час? — спросил он.

— Около семи.

— Семи. И сегодня 10 января 1943 года?

Хольт промолчал. Пассажир повернулся и стал глядеть назад, в темноту. Потом наклонился вперед и снова заговорил:

— Хотите заработать тысячу долларов?

— Это что — шутка?

— Нет, не шутка, — ответил старик, и Хольт вдруг заметил, что у него странное произношение — согласные мягко сливаются, как в испанском языке. — Деньги при мне — в вашей валюте. Сопряжено с некоторым риском, так что я не переплачиваю.

Хольт, не отрываясь, смотрел вперед.

— Ну?

— Мне нужен телохранитель, вот и все. Меня намереваются устранить, а может, даже убить.

— На меня не рассчитывайте, — отозвался Хольт. — Я отвезу вас в полицейский участок. Вот куда вам нужно, мистер.

Что-то мягко шлепнулось на переднее сиденье. Хольт опустил взгляд и почувствовал, как у него напруглась спина. Держа руль одной рукой, он поднял другой пачку банкнот и полистал. Тысяча монет — целая тысяча.

От них исходил какой-то затхлый запах.

Старик сказал:

— Поверьте, Денни, мне требуется только ваша помощь. Я не могу рассказать вам сути дела — вы подумаете, что я лишился рассудка, — но я заплачу вам эти деньги за услугу, которую вы окажете мне сегодня ночью.

— Включая убийство? — набрался смелости Хольт. — Откуда вы разведали, что меня зовут Денни? Я вас отроду не видел.

— Я справлялся... знаю о вас многое. Потому-то я и выбрал вас. Ничего противозаконного в этой работе нет. Если сочтете, что я ввел вас в заблуждение, вы вольны в любую минуту отступить и деньги оставить себе.

Хольт задумался. Чудно... но заманчиво. И, собственно, ни к чему не обязывает. А тысяча монет...

— Ладно, выкладывайте. Что надо делать?

— Я пытаюсь скрыться от своих врагов. И мне нужна ваша помощь. Вы молоды, сильны, — сказал старик.

— Кто-то хочет убрать вас с дороги?

— Убрать меня... о! Вряд ли до этого дойдет. Убийство не исключено, но только как последнее средство. Они меня выследили. Я их видел. Кажется, сбил со следа. За нами не едут машины?..

— Не похоже, — сказал Хольт.

Молчание. Старик снова посмотрел назад.

Хольт криво усмехнулся.

— Хотите улизнуть, так Центральный парк — неподходящее место. Мне легче потерять ваших дружков там, где большое движение. О'кей, мистер, согласен. Но я оставляю за собой право выйти из игры, если почую неладное.

— Прекрасно, Денни.

Хольт свернул влево, к 72-й улице.

— Вы меня знаете, а я вас нет. И с чего вы вздумали наводить обо мне справки? Вы сыщик?

— Нет. Моя фамилия Смит.

— Ясно.

— А вам, Денни, двадцать лет и вас признали негодным к военной службе из-за болезни сердца.

Хольт проворчал:

— Ну и что?

— Я не хочу, чтоб вы свалились мертвым.

— Не свалюсь. Мое сердце, как правило, о'кей. Это доктор, что осматривал, не уверен.

— Мне это известно, — подтвердил Смит. — Так вот, Денни...

— Да?

— Надо убедиться, что нас не преследуют.

— А что, если я подкачу к Военному штабу? Там не жалуют шпионов, — подчеркнуто тихо сказал Хольт.

— Как вам угодно. Я докажу им, что я не вражеский агент. Мое дело никакого касательства к войне не имеет, Денни. Я просто хочу предотвратить преступление. Если мне не удастся, сегодня ночью спалят дом и уничтожат ценную формулу.

— Это забота пожарной охраны.

— Только вы и я в состоянии с этим справиться. Не могу объяснить вам, почему. Тысяча долларов — не забудьте.

Хольт не забыл. Тысяча долларов много значила

для него сейчас. В жизни он не имел таких денег. Это огромная сумма; капитал, который откроет ему дорогу. Он не получил образования. Думал, что так и будет всю жизнь корпеть на нудной работе. Но при капитале... конечно, у него есть планы. Теперь время бума. Почему бы не стать бизнесменом? Вот она — возможность делать деньги. Тысяча монет! Это же залог будущего!

Он вынырнул из парка на 72-й улице и повернул на юг к Центральному Вест-парку. Краешком глаза заметил такси, метнувшееся навстречу. Хотят задержаться... Хольт услышал невнятный крик своего пассажира. Он притормозил, увидел проскочившую мимо машину и начал бешено крутить руль, изо всех сил выжимая сцепление. Сделав крутой разворот, он пошел в северном направлении.

— Не волнуйтесь, — сказал он Смиту.

В той машине было четверо; Хольт видел их мельком. Все чисто выбритые, в черном. Может быть, вооружены; в этом он не был уверен. Они тоже повернули — хотели догнать, но помешала пробка.

При первом же удобном случае Хольт свернул налево, пересек Бродвей, у развилки выскочил на аллею Генри Гудзона и вместо того, чтобы ехать по дороге на юг, сделал полный круг и возвратился на Вест-Энд авеню. Он гнал по Вест-Энд и вскоре выехал на 8-ю авеню. Здесь движение было гуще. Автомобиль преследователей исчез из виду.

— Что теперь? — спросил он Смита.

— Я... я не знаю. Надо удостовериться, что они отстали.

— О'кей, — сказал Хольт. — Они будут кружить здесь, искать нас. Лучше убраться отсюда. Положитесь на меня.

Он завернул в гараж, уплатил за стоянку и помог Смиту выбраться из машины.

— Теперь надо как-то убить время, пока ехать опасно.

— Где?

— Как насчет тихого бара? Выпить бы. Уж очень ночь муторная.

Смит, казалось, всецело отдал себя в руки Хольта. Они вышли на 42-ю улицу с ее едва освещенными кабаре, кафешантанами, темными театральными подъездами и дешевыми аттракционами. Хольт протиснулся сквозь толпу, волоча за собой Смита. Через вертящуюся дверь они вошли в пивную, но там отнюдь не было тихо. В углу гремела пианола-автомат.

Хольт углядел свободную кабину у задней стены. Усевшись, он кивнул официанту и попросил виски. Смит нерешительно заказал то же самое.

— Мне это место знакомо, — сказал Хольт. — Тут есть запасная дверь. Если нас выследили, мы быстренько смотаемся.

Смита трясло.

— Вы не бойтесь, — подбадривал Хольт. Он показал связку кастетов. — Я их таскаю с собой на всякий случай. Так что будьте спокойны. А вот и наше виски.

Он выпил рюмку одним глотком и заказал вторую. Поскольку Смит не проявил желания платить, расплатился Хольт. Когда в кармане тысяча долларов, можно себе позволить такую роскошь.

Хольт достал банкноты и, заслонив своим телом, принялся разглядывать. Вроде порядок. Не фальшивые, номера серий — о'кей. Но тот же странный, затхлый запах, что привлек его внимание раньше.

— Вы, видно, давненько бережете их, — отважился он.

Смит рассеянно сказал:

— Экспонировались шестьдесят лет... — Он осекся и отпил из своей рюмки.

Хольт нахмурился. Это не были старинные, большие бумажки. Шестьдесят лет — чепуха! Не потому, что Смит не выглядел настолько старым; морщинистое, бесполое лицо могло принадлежать человеку между девяноста и ста годами. Интересно, как он выглядел в молодости? И когда же это было? Скорее всего в Гражданскую войну.

Хольт убрал деньги, испытывая удовольствие отнюдь не от одной только выпивки. Эти деньги для Денниса Хольта — начало. С тысячью долларов тебя

примут компаньоном в любое дело, и можно обосноваться в городе. Прощай такси — уж это наверняка.

На крошечной площадке тряслись и раскачивались танцующие. Шум не смолкал, громкий разговор в баре соперничал с музыкой пианолы. Хольт машинально вытирал салфеткой пивное пятно на столике.

— Может, все-таки скажете, что означает вся эта волынка? — спросил он наконец.

На невообразимо старом лице Смита мелькнуло что-то, но о чем он думал, трудно было сказать.

— Не могу, Денни. Вы все равно не поверите. Который час?

— Около восьми.

— Восточное поясное время, устарелое исчисление... и 10 января. Нам надо быть на месте незадолго до одиннадцати.

— А где?

Смит извлек карту, развернул и назвал адрес в Бруклине. Хольт нашел по карте.

— У берега. Глухое местечко, а?

— Не знаю. Я никогда там не был.

— А что произойдет в одиннадцать?

Смит покачал головой, уклоняясь от прямого ответа. Он разложил бумажную салфетку.

— Есть самописка?

Хольт ответил не сразу, сначала достал пачку сигарет.

— Нет... карандаш.

— Благодарю. Разберитесь в этом плане, Денни. Здесь нижний этаж дома в Бруклине, куда мы отправимся. Лаборатория Китона в подвале.

— Китона?

— Да, — помедлив, ответил Смит. — Он физик. Работает над важным изобретением. Секретным, я бы сказал.

— О'кей. Ну и что?

Смит торопливо чертил.

— Здесь, вокруг дома, — в нем три этажа, — очевидно, большой сад. Тут библиотека. Вы сможете проникнуть туда через одно из окон, а сейф где-то под шторой...

Он стукнул кончиком карандаша: «Примерно здесь».

Хольт нахмурился.

— Чую что-то подозрительное.

— А? — рука Смита дернулась. — Не перебивайте. Сейф не будет заперт. В нем вы найдете коричневую тетрадку. Я хочу, чтобы вы ее взяли...

— ...и воздушной почтой переправил Гитлеру, — закончил Хольт, криво усмехаясь.

— ...и передали в Военный штаб, — невозмутимо сказал Смит. — Это вас устраивает?

— Пожалуй... так более разумно. Но почему вы сами этим не займетесь?

— Не могу, — отозвался Смит, — не спрашивайте, почему; просто не могу. У меня связаны руки. — Проницательные глаза блеснули. — Эта тетрадка хранит чрезвычайно важную тайну, Денни.

— Военную?

— Формула не зашифрована; ее легко прочитать, а также использовать. В этом-то вся прелесть. Любой может...

— Вы сказали, владельца дома в Бруклине зовут Китон. А что с ним произошло?

— Ничего... покамест, — ответил Смит и тут же поторопился замять: — Формула не должна пропасть, поэтому нам надо там быть именно около одиннадцати.

— Если уж так важно, почему мы не едем сейчас, чтобы взять тетрадку?

— Формула будет завершена только за несколько минут до одиннадцати. Сейчас Китон разрабатывает последние данные.

— Больно мудро. — Хольт был недоволен. Он заказал еще виски. — А что, Китон — нацист?

— Нет.

— Может, ему, а не вам нужен телохранитель?

Смит покачал головой.

— Вы ошибаетесь, Денни. Поверьте, я знаю, что делаю. Очень важно, жизненно необходимо, чтобы эта формула была у вас.

— Гм-м...

— Есть опасность. Мои... враги, быть может, поджидают нас там. Но я их отвлеку, и у вас будет возможность войти в дом.

— Вы сказали, они не постесняются убить вас.

— Могут, только вряд ли. Убийство — крайняя мера, хотя этаназия* не исключена. Только я для этого неподходящий объект.

Хольт не пытался понять, что такое этаназия; он решил, что это местное название и означает проглотить порошок.

— Ладно, за тысячу долларов рискну своей шкурой.

— Сколько времени понадобится, чтобы доехать до Бруклина?

— Наверное, час при эдакой тьме. — Хольт вскочил. — Скорее. Ваши дружки тут.

В черных глазах Смита отразился ужас. Казалось, он сжался в комок в своем объемистом пальто.

— Что теперь делать?

— Через заднюю дверь. Они нас еще не заметили. Если разминемся, идите в гараж, где я оставил машину.

— Да... Хорошо.

Они протиснулись между танцующими и через кухню вышли в безлюдный коридор. Открыв дверь, Смит выскользнул в проулок. Перед ним возникла высокая фигура, неясная в темноте. Испуганный Смит сдавленно вскрикнул.

— Удирайте! — Хольт оттолкнул старика.

Темная фигура сделала какое-то движение; Хольт быстро замахнулся в едва видимую челюсть. Кулак проскочил мимо. Противник успел увернуться.

Смит улепетывал, уже скрылся во мраке. Звук топтливых шагов замер вдали.

Хольт двинулся вперед, сердце его бешено колотилось.

— Прочь с дороги! — прохрипел он, задыхаясь.

— Извините, — сказал противник. — Вам не следует сегодня ночью ездить в Бруклин.

— Почему?

* Этаназия — легкая, мгновенная смерть. — *Прим. перев.*

Хольт прислушался, стараясь по звуку определить, где враг. Но, кроме далеких автомобильных гудков и невнятного шума с Таймс-сквер за полквартала, ничего не было слышно.

— Вы все равно не поверите, если я скажу вам.

То же произношение, такое же испанское слияние согласных, какое Хольт заметил в речи Смита. Он насторожился, пытаясь разглядеть лицо человека. Но было слишком темно.

Хольт потихоньку сунул руку в карман — холод металлических кастетов подействовал успокаивающе.

— Если пустите в ход оружие... — начал он.

— Мы не применяем оружия. Послушайте, Деннис Хольт, формулу Китона необходимо уничтожить и его самого — тоже.

— Ну, вы...

Хольт неожиданно нанес удар. На этот раз он не промахнулся. Кастеты, тяжело звякнув, соскользнули с окровавленного, разодранного лица. Едва различимая фигура упала, крик застрял в горле. Хольт огляделся, никого не увидел и вприпрыжку понесся по улочке. Для начала недурно.

Через пять минут он уже был в гараже. Смит ждал его — подшибленный ворон в большущем пальто. Пальцы старика нервно барабанили по трости.

— Пошли, — сказал Хольт. — Надо торопиться.

— Вы...

— Я его нокаутировал. У него не было оружия... а может, не хотел применять. Мне повезло.

Смит скорчил гримасу. Хольт завел мотор и, съехав по скату, осторожно повел машину, ни на минуту не забывая об опасности. Выследить машину проще простого. Темнота только на руку.

Он держался на юго-запад к Бовери, однако у Эссекс-стрит, возле станции метро, преследователи его нагнали. Хольт метнулся в боковую улицу. Левый локоть, упирившийся в раму окна, застыл и совсем одеревенел.

Он вел одной правой, пока не почувствовал, что левая обрела подвижность. Через Вильямсбург-бридж доехал до Кингса. Он кружил, менял направ-

ление, то давал, то сбавлял газ, пока, наконец, не сбил врагов со следа. На это ушло порядочно времени. Таким окольным путем не скоро доберешься до места.

Свернув вправо, Хольт устремился на юг к Проспект-парку, потом на запад, к глухому прибрежному району, между Брайтон-бич и Канарси. Смит, скрючившись, безмолвно сидел позади.

— Пока что недурно, — бросил Хольт. — Хоть рукой могу пошевелить.

— Что приключилось с ней?

— Должно быть, ушиб плечо.

— Нет, — сказал Смит. — Это сделал парализатор. Вот такой. — Он показал свою трость.

Хольт не понял. Он двигался вперед и вскоре почти добрался до места. На углу, возле лавки со спиртным, он затормозил.

— Прихвачу бутылочку, — сказал он. — В такую холодину и дождь требуется что-нибудь бодрящее.

— У нас мало времени.

— Хватит.

Смит закусил губу, но возражать не стал. Хольт купил виски и приложился к бутылке, после того как пассажир отрицательно мотнул головой в ответ на предложение выпить.

Виски, безусловно, пошло на пользу. Ночь была мерзкая, холод отчаянный; струи дождя заливали мостовую, текли по ветровому стеклу. От изношенного «дворника» было мало толку. Ветер визжал, как злой дух.

— Уже совсем близко, — заметил Смит. — Лучше остановимся. Найдите место, где спрятать такси.

— Где? Тут все частные владения.

— В проезде... а?

— О'кей, — сказал Хольт и нашел местечко, отгороженное густыми деревьями и кустарником. Он выключил мотор и фары и вышел, уткнув подбородок в поднятый воротник макинтоша. Дождь лил безостановочно. Извергался мерным, стремительным потоком, звонко барабанил, капли отрывисто падали в лужу. Под ногами была скользкая грязь.

— Пойдите, — сказал Хольт и вернулся в машину за фонариком. — Порядок. Что дальше?

— К дому Китона. — Смит дрожал всем телом. — Еще нет одиннадцати. Придется ждать.

Они ждали, спрятавшись в кустах сада Китона. Сквозь завесу отсыревшего мрака вырисовывались неясные контуры дома. В освещенное окно нижнего этажа был виден угол комнаты, должно быть, библиотеки. Слева слышался бурный хлопок воды в отводах.

Вода струйками текла Хольту за воротник. Он тихонько выругался. Нелегко достается ему эта тысяча долларов. Но Смит испытывал те же неудобства, однако не жаловался.

— Не кажется ли вам...

— Тсс! — предостерег Смит. — Они, возможно, здесь.

Хольт послушно понизил голос.

— Значит, тоже мокнут. Хотят завладеть тетрадкой? Чего же они мешкают.

Смит кусал ногти.

— Они хотят ее уничтожить.

— Верно, то же самое сказал тот парень в переулке, — испуганно подтвердил Хольт. — Кто они все-таки?

— Это не имеет значения. Они издалека. Вы не забыли, о чем я говорил вам, Денни?

— Насчет тетрадки? А если сейф будет заперт?

— Не будет, — доверительно сказал Смит. — Теперь уже скоро. Китон заканчивает эксперимент в своей лаборатории.

За освещенным окном мелькнула тень. Хольт высунулся; он чувствовал, что Смит, стоявший позади, натянут как струна. Старик дышал прерывисто и шумно.

В библиотеку вошел мужчина. Он приблизился к стене, раздвинул штору и стал спиной к Хольту. Потом шагнул назад и открыл дверцу сейфа.

— Готово! — воскликнул Смит. — Теперь — все! Он записывает последние данные. Через минуту про-

изойдет взрыв. После этого ждите еще минуту, чтобы я мог уйти и поднять тревогу, если те явились.

— Навряд ли они тут.

Смит покачал головой.

— Поступайте так, как я велел. Бегите в дом и возьмите тетрадку.

— А что потом?

— Потом удирайте, что есть духу. Не дайтесь им в руки ни при каких обстоятельствах.

— А как же вы?

Глаза Смита приказывали строго и неумолимо, блестя сквозь тьму и ветер.

— Обо мне забудьте, Денни! Я вне опасности.

— Вы наняли меня телохранителем.

— В таком случае освобождаю вас от этой обязанности. Дело это первостепенной важности; важнее, чем моя жизнь. Тетрадка должна быть у вас...

— Для Военного штаба?

— Для... конечно. Так вы сделаете, Денни?

Хольт колебался.

— Если это так важно...

— Да! Да!

— Что ж, о'кей.

Мужчина в комнате писал за письменным столом. Вдруг оконная рама сорвалась с петель. Шум был заглушен, словно взрыв произошел внизу, в подвале, но Хольт почувствовал, как земля дрогнула у него под ногами. Он видел, как Китон вскочил, сделал полшага, вернулся и схватил тетрадку. Физик подбежал к сейфу, бросил ее внутрь, распахнул дверь и на миг задержался, стоя спиной к Хольту. Потом метнулся и исчез из виду.

Смит сказал взбудораженным, срывающимся голосом:

— Он не успел запереть. Ждите, пока я подам знак, Денни, потом берите тетрадку.

— О'кей, — ответил Хольт, но Смита уже не было — он бежал через кустарник.

В доме раздался пронзительный крик, из дальнего окна в подвале вырвалось багровое пламя. Что-то рухнуло. «Кирпичная стена», — подумал Хольт.

Он услышал голос Смита. Увидеть старика мешал дождь, но доносился шум схватки. Хольт колебался недолго. Синие пучки света, смутные на расстоянии, прорывались сквозь дождь.

Надо помочь Смигу...

А как быть с тетрадкой — он обещал. Преследователи хотят ее уничтожить. Теперь уже несомненно, что дом горит. Китон исчез бесследно.

Хольт побежал к освещенному окну. Времени вполне достаточно, чтобы взять тетрадку, прежде чем огонь доберется до библиотеки.

Уголком глаза он увидел подкрадывающуюся к нему темную фигуру. Хольт нащупал свои кастеты. Если у этого парня оружие — дело дрянь; а если нет — может, и выйдет.

Человек, тот самый, с которым Хольт сцепился в аллее на 42-й улице, нацелил на него трость. Вспыхнул бледно-голубой огонек. Хольт почувствовал, что у него отнялись ноги, и тяжело рухнул на землю.

Человек бросился наутек. Хольт с огромным усилием встал и в отчаянии рванулся вперед. Но что толку...

Теперь пламя осветило ночь. Высокая темная фигура на секунду замаячила у окна библиотеки, потом взобралась на подоконник. Хольт на негнущихся ногах, с трудом удерживая равновесие, шатаясь, умудрялся передвигаться. Это была попытка: боль такая адская, словно в него втыкали тысячи иголок.

Он направился к окну и, повиснув на подоконнике, заглянул в комнату. Враг возился у сейфа. Хольт влез в окно и заковылял к незнакомцу.

Зажав в руке кастеты, он приготовился нанести удар.

Неизвестный отскочил в сторону, размахивая тростью. На подбородке у него запеклась кровь.

— Я запер сейф, — сказал он. — Уходите отсюда, Денни, пока вас не охватило пламя.

Хольт выругался. Хотел дотянуться до врага, но не сумел. Спотыкаясь, он не сделал и двух шагов, как высокая фигура легко выпрыгнула в окно и скрылась в дожде.

Холт подошел к сейфу. Уже слышался треск огня. Через дверь слева просачивался дым.

Холт осмотрел сейф — он был заперт. Комбинации цифр Денни не знал — открыть не удалось.

Однако он пытался. Пошарил на письменном столе, надеясь, что, может быть, Китон записал шифр где-нибудь на бумажке. Потом добрался до ступенек, ведущих в лабораторию; остановился и посмотрел вниз — в ад, где неподвижно лежало горящее тело Китона. Да, Холт старался. Но его постигла неудача.

Наконец, огонь выгнал его из дома. Сирены пожарных машин завывали уже совсем близко. Смита и тех людей след простыл.

Холт постоял в толпе ротозеев, высматривая Смита, но он и его преследователи исчезли, словно растаяли в воздухе.

— Мы схватили его, Судья, — сказал высокий мужчина; на подбородке у него запеклась кровь. — Мы только что вернулись, и я тут же явился к вам.

Судья глубоко и с облегчением вздохнул.

— Обошлось без неприятностей, Ерус?

— Все уже позади.

— Ладно, введите его, — сказал Судья. — Не будем затягивать.

Смит вошел. Его тяжелое пальто выглядело удивительно нелепо рядом с целлофановой одеждой остальных.

Он стоял, опустив голову.

Судья достал блокнот и стал читать:

— 21-е, месяца Солнца, 2016 года от рождества Христова. Суть дела: интерференция и факторы вероятности. Обвиняемого застигли в момент, когда он пытался воздействовать на вероятное настоящее путем изменения прошедшего, в результате чего настоящее стало бы альтернативным и неустойчивым. Пользование машинами времени запрещено всем, кроме лиц специально уполномоченных. Обвиняемый, отвечайте.

— Я ничего не пытался изменить, судья... — пробормотал Смит.

Ерус взглянул на него и сказал:

— Протестую. Некоторые ключевые отрезки времени и местности находятся под запретом. Бруклин, и в первую очередь район дома Китона, время около 11 часов вечера 10 января 1943 года — категорически запретная зона для путешествующих во времени. Арестованный знает причину.

— Я ничего этого не знал, сэр Ерус. Поверьте мне. Ерус неумолимо продолжал:

— Вот факты, Судья. Обвиняемый, выкрыв регулятор времени, вручную установил его на запретный район и время. На эти пункты, как вы знаете, введено ограничение, ибо они кардинальны для будущего; интерференция в подобные узловые пункты автоматически меняет будущее и отражается на факторе вероятности. Китон в 1943 году в своей подвальной лаборатории разработал формулу известной нам сейчас М-энергии. Он поспешил наверх, открыл сейф и записал формулу в тетрадку, но так, что ее легко мог прочитать и применить даже неспециалист. В эту минуту в лаборатории произошел взрыв; Китон положил тетрадку в сейф и, забыв его запереть, побежал в подвал. Китон погиб. Пожар уничтожил тетрадку Китона, хотя она и находилась в сейфе. Она обуглилась и записанное в ней нельзя было прочесть, впрочем, никто и не подозревал ее ценности. До первого года двадцать первого столетия, когда М-энергию открыли заново.

— Я ничего этого не знал, сэр Ерус, — сказал Смит.

— Вы лжете. Наша организация действует без-ошибочно. Вы натолкнулись на этот узловой район в прошлом и решили его изменить, тем самым изменив настоящее. Если бы ваша затея удалась, Деннис Хольт в 1943 году унес бы запись из горящего дома и прочитал бы ее. Он не устоял бы перед соблазном и заглянул бы в тетрадку. Ему стал бы известен ключ к М-энергии. И, обладая М-энергией, Деннис Хольт сделался бы самым могущественным человеком своей эпохи. В соответствии с отклонением линии вероятности, которое вы замыслили, Деннис Хольт,

окажись у него эта тетрадка, стал бы диктатором вселенной. Мир, каким мы знаем его, сейчас не существовал бы больше — его место заняла бы жестокая, безжалостная цивилизация, управляемая деспотом Деннисом Хольтом, единственным обладателем М-энергии. Стремясь к подобной цели, обвиняемый совершил тяжкое преступление.

Смит поднял голову.

— Я требую этаназии, — сказал он. — Если вам угодно обвинить меня в том, что я хотел вырваться из проклятой рутины своей жизни, — что ж. Мне ни разу не представился случай, вот и все.

Судья нахмурился.

— Ваше досье свидетельствует, что у вас было сколько угодно случаев. Вы не обладаете нужными для успеха способностями; ваша работа — единственное, что вы умеете делать. Но вы совершили, как сказал Ерус, тяжкое преступление. Вы пытались создать новое вероятное настоящее, уничтожив существующее путем воздействия на ключевой пункт в прошлом. И, если бы ваша затея удалась, Деннис Хольт был бы теперь диктатором народа рабов. Вы не заслуживаете этаназии; вы совершили слишком тяжкое преступление. Вы должны жить и выполнять возложенные на вас обязанности, пока не умрете естественной смертью.

Смит жадно глотнул воздух.

— Это была его вина, — если бы он успел унести тетрадку...

Ерус иронически взглянул на него.

— Его? Деннис Хольт, двадцать лет, в 1943-м... его вина? Нет, ваша; вы виноваты в том, что пытались изменить свое прошлое и настоящее.

— Приговор вынесен. Разбирательство закончено, — объявил Судья.

И Деннис Хольт, девяноста трех лет, в 2016 году от рождества Христова покорно вышел и вернулся к работе, от которой его освободит только смерть.

А Деннис Хольт, двадцати лет, в 1943 году от рождества Христова вел такси домой из Бруклина, недоумевая, что же все-таки все это значило. Косая

завеса дождя поливала ветровое стекло. Денни хлебнул из бутылки и почувствовал, как успокоительное тепло распространяется по всему его телу.

Что же все-таки все это значило?

Банкноты хрустели в кармане. Денни осклабился. Тысяча долларов! Его ставка. Капитал. С такими деньгами многого добьешься, и он не даст маху. Парню только и нужно, что наличные деньги, и тогда он сам себе хозяин.

— Уж будьте уверены! — сказал Деннис Хольт убежденно. — Я не намерен всю жизнь торчать на этой нудной работе. С тысячью долларов в кармане — не такой я дурень!

РОБОТ-ЗАЗНАЙКА

С Гэллегером, который занимался наукой не систематически, а по наитию, сплошь и рядом творились чудеса. Сам он называл себя нечаянным гением. Ему, например, ничего не стоило из обрывка провода, двух-трех батареек и крючка для юбки смастерить новую модель холодильника.

Сейчас Гэллегер мучился с похмелья. Он лежал на тахте в своей лаборатории — долговязый, взъерошенный, гибкий, с непокорной темной прядкой на лбу — и манипулировал механическим баром. Из крана к нему в рот медленно тек сухой мартини.

Гэллегер хотел что-то припомнить, но не слишком старался. Что-то относительно робота, разумеется. Ну да ладно.

— Эй, Джо, — позвал Гэллегер.

Робот гордо стоял перед зеркалом и разглядывал свои внутренности. Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики.

— Если уж ты ко мне так обращаешься, то разговаривай шепотом, — потребовал Джо. — И убери отсюда кошку.

— У тебя не такой уж тонкий слух.

— Именно такой. Я отлично слышу, как она разгуливает.

— Как же звучат ее шаги? — заинтересовался Гэллегер.

— Как барабанный бой, — важно ответил робот. — А твоя речь — как гром. — Голос его неблагозвучно скрипел, и Гэллегер собрался было напомнить роботу пословицу о тех, кто видит в чужом глазу соринку, а в своем... Не без усилия он перевел взгляд на светя-

щийся экран входной двери — там маячила какая-то тень. «Знакомая тень», — подумал Гэллегер.

— Это я, Брок, — произнес голос в динамике. — Хэррисон Брок. Впустите меня!

— Дверь открыта. — Гэллегер не шевельнулся. Он внимательно оглядел вошедшего — хорошо одетого человека средних лет, — но так и не вспомнил его. Броку шел пятый десяток; на холеном, чисто выбритом лице застыла недовольная мина. Может быть, Гэллегер и знал этого человека. Он не был уверен. Впрочем, неважно.

Брок окинул взглядом большую неприбранную лабораторию, вытаращил глаза на робота, искал себе стул, но так и не нашел. Он упер руки в бока и, покачиваясь на носках, смерил распростертого изобретателя сердитым взглядом.

— Ну? — сказал он.

— Никогда не начинайте так разговор, — пробормотал Гэллегер и принял очередную порцию мартини. — Мне и без вас тошно. Садитесь и будьте как дома. На генератор у вас за спиной. Кажется, он не очень пыльный.

— Получилось у вас или нет? — запальчиво спросил Брок. — Вот все, что меня интересует. Прошла неделя. У меня в кармане чек на десять тысяч. Нужен он вам?

— Конечно, — ответил Гэллегер и, не глядя, протянул руку. — Давайте.

— Caveat emptor*. Что я покупаю?

— Разве вы не знаете? — искренне удивился изобретатель.

Брок недовольно заерзал на месте.

— О, Боже, — простонал он. — Мне сказали, будто вы один можете помочь. И предупредили, что с вами говорить — все равно что зуб рвать.

Гэллегер задумался.

— Погодите-ка. Припоминаю. Мы с вами беседовали на той неделе, не так ли?

— Беседовали... — Круглое лицо Брока порозовело. — Да! Вы валялись на этом самом месте, сосали

* Caveat emptor (лат.) — пусть покупатель будет осмотрителем. Термин гражданского права, означающий, что качество товара — на риске покупателя. — *Прим. перев.*

спиртное и бормотали себе под нос стихи. Потом исполнили «Фрэнки и Джонни». И, наконец, сообразовали принять мой заказ.

— Дело в том, — пояснил Гэллегер, — что я был пьян. Я часто бываю пьян; особенно в свободное время. Тем самым я растормаживаю подсознание, и мне тогда лучше работается. Свои самые удачные изобретения, — продолжал он радостно, — я сделал именно под мухой. В такие минуты все проясняется. Все ясно, как тень. Как тень, так ведь говорят? А вообще... — Он потерял нить рассуждений и озадаченно посмотрел на гостя. — А вообще, о чем это мы толкуем?

— Да замолчишь ты, наконец? — осведомился робот, не покидая своего поста перед зеркалом.

Брок так и подпрыгнул. Гэллегер небрежно махнул рукой.

— Не обращайтесь внимания на Джо. Вчера я его закончил, а сегодня уже раскаиваюсь.

— Это робот?

— Робот. Но знаете, он никуда не годится. Я сделал его спяну, понятия не имею, отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любит себя сам собой. И поет. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите.

С видимым усилием Брок вернулся к первоначальной теме.

— Послушайте, Гэллегер. У меня неприятности. Вы обещали помочь. Если не поможете, я — конечный человек.

— Я сам кончаюсь вот уже много лет, — заметил ученый. — Меня это ничуть не беспокоит. Продолжаю зарабатывать себе на жизнь, а в свободное время придумываю разные штуки. Знаете, если бы я учился, из меня вышел бы второй Эйнштейн. Все говорят. Но получилось так, что подсознательно я где-то хватался первоклассного образования. Поэтому, наверное, и не стал утруждать себя учебой. Стоит мне выпить или отвлечься, как я разрешаю самые немыслимые проблемы.

— Вы и сейчас пьяны, — тоном прокурора заметил Брок.

— Приближаюсь к самой приятной стадии. Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обна-

ружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?

— Ну, знаете ли...

— Нет уж, я с вами не согласен, — проворчал Гэллегер. — Вы, очевидно, чересчур серьезно воспринимаете жизнь. «Вино — глумливо, сикера — буйна»*. Простите меня. Я буйствую. — Он снова отхлебнул martini.

Брок стал расхаживать взад и вперед по захлащенной лаборатории, то и дело натыкаясь на таинственные запыленные предметы.

— Если вы ученый, то науке не поздоровится.

— Я Гарри Эдлер от науки, — возразил Гэллегер. — Был такой музыкант несколько веков назад. Я вроде него. Тоже никогда в жизни ничему не учился. Что я могу поделывать, если мое подсознание любит меня разыгрывать?

— Вы знаете, кто я такой? — спросил Брок.

— Откровенно говоря, нет. А это обязательно?

В голосе посетителя зазвучали горестные нотки.

— Могли бы хоть из вежливости припомнить, ведь всего неделя прошла. Хэррисон Брок. Это я. Владелец фирмы «Вокс-вью пикчерс».

— Нет, — внезапно изрек робот, — бесполезно. Ничего не поможет, Брок.

— Какого...

Гэллегер устало вздохнул.

— Все забываю, что проклятая тварь одушевлена. Мистер Брок, познакомьтесь с Джо. Джо, это мистер Брок... из фирмы «Вокс-вью».

— Э-э-э... — невнятно проговорил телемагнат, — здравствуйте.

— Суета сует и всяческая суета, — вполголоса вставил Гэллегер. — Таков уж Джо. Павлин. С ним тоже бесполезно спорить.

Робот не обратил внимания на реплику своего создателя.

— Право же, все это ни к чему, мистер Брок, — продолжал он скрипучим голосом. — Деньги меня не трогают. Я понимаю, многих осчастливило бы мое по-

* Библия, Книга притчей Соломоновых, гл. 20, ст. 1. — *Прим. перев.*

явление в ваших фильмах, но слава для меня ничто. Нуль. Мне достаточно сознать, что я прекрасен.

Брок прикусил губу.

— Ну, вот что, — свирепо произнес он, — я пришел сюда вовсе не для того, чтобы предлагать вам роль. Понятно? Я ведь не заикнулся о контракте. Редкостное нахальство... пф-ф! Вы просто сумасшедший.

— Я вижу вас насквозь, — холодно заметил робот. — Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса — такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеясь заполучить меня по дешевке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован.

— Сумасшедший! — прошипел выведенный из себя Брок, а Джо хладнокровно повернулся к зеркалу.

— Не разговаривайте так громко, — предупредил он. — Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод и я не желаю вас видеть. — Внутри прозрачной оболочки зажужжали колесики и шестеренки. Джо выдвинул до отказа глаза на кронштейнах и стал с явным одобрением разглядывать себя.

Гэллегер тихонько посмеивался, не вставая с тахты.

— У Джо повышенная раздражительность, — сказал он. — Кроме того, я видно, наделил его необыкновенными чувствами. Час назад он вдруг стал хохотать до колик. Ни с того ни с сего. Я готовил себе закуску. Через десять минут я наступил на огрызок яблока, который сам же бросил на пол, упал и сильно расшибся. Джо посмотрел на меня. «То-то и оно, — сказал он. — Логика вероятности. Причина и следствие. Еще когда ты ходил открывать почтовый ящик, я знал, что ты уронишь этот огрызок и потом наступишь на него». Какая-то Кассандра. Скверно, когда память подводит.

Брок уселся на генератор (в лаборатории их было два — один побольше, назывался «Монстр», а другой служил скамейкой) и перевел дыхание.

— Роботы устарели.

— Ну, не этот. Этого я не перевариваю. Он вызывает у меня комплекс неполноценности. Жаль, что я не помню, зачем его сделал. — Гэллегер вздохнул. — Ну, черт с ним. Хотите выпить?

— Нет. Я пришел к вам по делу. Вы серьезно говорите, что всю прошедшую неделю мастерили робота, вместо того, чтобы работать над проблемой, которую обязались решить?

— Оплата по выполнению, так ведь? — уточнил Гэллегер. — Мне как будто что-то такое помнится.

— По выполнению, — с удовольствием подтвердил Брок. — Десять тысяч, когда решите и если решите.

— Отчего бы не выдать мне денежки и не взять работа? Он того стоит. Покажите его в каком-нибудь фильме.

— У меня не будет никаких фильмов, если вы не додумаетесь до ответа, — обозлился Брок. — Я ведь вам все объяснял.

— Да я пьян был, — сказал Гэллегер. — В таких случаях мой мозг чист, как грифельная доска, вытертая мокрой тряпкой. Я как ребенок. И вот-вот стану пьяным ребенком. Но пока, если вы растолкуете мне все с начала...

Брок совладал с приливом злости, вытащил наудачу первый попавшийся журнал из книжного шкафа и достал из кармана авторучку.

— Ну, ладно. Мои акции идут по двадцати восьми, то есть намного ниже номинала... — Он вывел на обложке журнала какие-то цифры.

— Если бы вы схватили вон тот средневековый фолиант, что стоит рядом, это вам влетело бы в изрядную сумму, — лениво заметил Гэллегер. — Вы, я вижу, из тех, кто пишут на чем попало? Да бросьте болтать про акции и всякую чепуху. Переходите к делу. Кому вы морочите голову?

— Все напрасно, — вмешался робот, который торчал у зеркала. — Я не стану подписывать контракта. Пусть приходят и любят меня мною, если им так хочется, но в моем присутствии пусть разговаривают шепотом.

— Сумасшедший дом, — пробормотал Брок, стараясь не выходить из себя. — Слушайте, Гэллегер. Все это я вам уже говорил неделю назад, но...

— Тогда еще не было Джо. Делайте вид, что рассказываете не мне, а ему.

— Э-э... Так вот... Вы по крайней мере слышали о фирме «Вокс-вью пикчерс»?

— Само собой. Крупнейшая и лучшая телевизионная компания. Единственный серьезный соперник — фирма «Сонатон».

— «Сонатон» меня вытесняет.

Гэллегер был непритворно озадачен.

— Не понимаю, каким образом. Ваши программы лучше. У вас объемное цветное изображение, вся современная техника, первоклассные актеры, музыканты, певцы...

— Бесполезно, — повторил робот. — Не стану.

— Заткнись, Джо. Никто не может с вами тягаться, Брок. Это вовсе не комплимент. И все говорят, что вы вполне порядочный человек. Как же удалось «Сонатону» вас обскакать?

Брок беспомощно развел руками.

— Тут все дело в политике. Контрабандные театры. С ними не очень-то поборешься. Во время избирательной компании «Сонатон» поддерживал правящую партию, а теперь, когда я пытаюсь организовать налет на контрабандистов, полиция только глазами хлопает.

— Контрабандные театры? — Гэллегер нахмурился. — Я что-то такое слышал...

— Это началось давно. Еще в добрые старые времена звукового кино. Телевидение вытеснило кинофильмы и крупные кинотеатры. Люди отвыкли собираться толпами перед экраном. Усовершенствовались домашние телевизоры. Считалось, что гораздо приятнее сидеть в кресле, потягивать пиво и смотреть телепрограмму. Телевидение перестало быть привилегией миллионеров. Система счетчиков снизила стоимость этого развлечения до уровня, доступного средним слоям. То, что я рассказываю, общеизвестно.

— Мне не известно, — возразил Гэллегер. — Без крайней необходимости никогда не обращаю внимания на то, что происходит за стенами моей лаборатории. Спиртное плюс избирательный ум. Игнорирую все, что меня не касается. Расскажите-ка подробнее, чтобы я мог представить себе картину целиком. Если будете повторяться — не страшно. Итак, что это за система счетчиков?

— Телевизоры устанавливаются в квартирах бесплатно. Мы ведь не продаем их, а даем напрокат. Оп-

лата — в зависимости от того, сколько времени они включены. Наша программа не прерывается ни на секунду — пьесы, снятые на видеопленку, фильмы, оперы, оркестры, эстрадные певцы, водевили — все, что душе угодно. Если вы много смотрите телевизор, вы и платите соответственно. Раз в месяц приходит служащий и проверяет показания счетчика. Справедливая система. Держать в доме «Вокс-вью» может себе позволить каждый. Такой же системы придерживается «Сонатон» и другие компании, но «Сонатон» — это мой единственный крупный конкурент. Во всяком случае, конкурент, который считает, что в борьбе со мной все средства хороши. Остальные — мелкие сошки, но я их не хватаю за глотку. Никто еще не говорил про меня, что я подонок, — мрачно сказал Брок.

— Ну и что?

— Ну и вот, «Сонатон» сделал ставку на эффект массового присутствия. До последнего времени это считалось невозможным — объемное изображение нельзя было проецировать на большой телевизионный экран, оно двоилось и расплывалось полосами. Поэтому применяли стандартные бытовые экраны, девятьсот на тысячу двести миллиметров. С отличными результатами. Но «Сонатон» скупил по всей стране массу гнилых кинотеатров..

— Что такое гнилой кинотеатр? — прервал Гэллегер.

— Это... до того, как звуковое кино потерпело крах, мир был склонен к бахвальству. Гигантомания, понимаете? Приходилось вам слышать о мюзик-холле Радио-сити? Так это еще пустяк! Появилось телевидение, и конкуренция между ним и кино шла жесточайшая. Кинотеатры становились все огромнее, все роскошнее. Настоящие дворцы. Гиганты. Но, когда телевидение было усовершенствовано, люди перестали ходить в кинотеатры, а снести их стоило слишком дорого. Заброшенные театры, понимаете? Большие и маленькие. Их отремонтировали. И крутят там программы «Сонатона». Эффект массового присутствия — это, доложу я вам, фактор. Билеты в театр дорогие, но народ туда валом валит. Новизна плюс стадный инстинкт.

Гэллегер прикрыл глаза.

— А кто вам мешает сделать то же самое?

— Патенты, — коротко ответил Брок. — Я, кажется, упоминал, что до последнего времени объемное телевидение не было приспособлено к большим экранам. Десять лет назад владелец фирмы «Сонатон» подписал со мной соглашение, по которому всякое изобретение, позволяющее увеличить размер экрана, может быть использовано обеими сторонами. Но потом он пошел на попятный. Заявил, что документ подложный, и суд его поддержал. А он поддерживает суд — рука руку моет. Так или иначе, инженеры «Сонатона» разработали метод, позволяющий применять большие экраны. Они запатентовали свое изобретение — сделали двадцать семь заявок, получили двадцать семь патентов и тем самым приняли меры против любых вариаций этой идеи. Мои конструкторы бьются день и ночь, пытаюсь найти аналогичный метод и в то же время обойти чужие патенты, но у «Сонатона» предусмотрено решительно все. Его система называется «Магна». Работает с телевизорами любого типа, но мой конкурент разрешает усугублять ее только на телевизорах марки «Сонатон». Понимаете?

— Неэтично, но в рамках закона, — заметил Гэллегер. — А все-таки от вас за свои деньги зрители получают больше. Людям нужен хороший товар. Величина изображения роли не играет.

— Допустим, — горько сказал Брок, — но это не все. Последние известия только и твердят об ЭМП — это новомодное словечко. Эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Вы правы, людям нужен хороший товар... Не станете же вы покупать виски по четыре за кварту, если можно достать за полцены?

— Все зависит от качества виски. Так в чем же дело?

— В контрабандных театрах, — ответил Брок. — Они открываются по всей стране. Показывают программу «Вокс-вью», но пользуются системой увеличения «Магна», которую запатентовал «Сонатон». Плата за вход невелика — дешевле, чем обходится домашний телевизор «Вокс-вью». К тому же эффект

массового присутствия. К тому же азарт нарушения закона. Все поголовно возвращают телевизоры «Вокс-вью». Причина ясна. Взамен можно пойти в контрабандный театр.

— Это незаконно, — задумчиво сказал Гэллегер.

— Так же, как забегаловки в период сухого закона. Все дело в том, налажены ли отношения с полицией. Я не могу обратиться с иском в суд. Пытался. Себе дороже. Так и прогореть недолго. И не могу снизить плату за прокат телевизоров «Вокс-вью». Она и без того ничтожна. Прибыль идет за счет количества. А теперь прибыли конец. Что же до контрабандных театров, то совершенно ясно, чье это начинание.

— «Сонатона»?

— Конечно. Непрошенный компаньон. Снимает сливки с моей продукции у себя в кассе. Хочет вытеснить меня с рынка и добиться монополии. После этого начнет показывать халтуру и платить актерам по нищенскому тарифу. У меня все иначе. Я-то своим плачу, сколько они стоят, а это немало.

— А мне предлагаете жалкие десять тысяч, — подхватил Гэллегер. — Фи!

— Да это только первый взнос, — поспешно сказал Брок. — Назовите свою цену. В пределах разумия, — добавил он.

— Обязательно назову. Астрономическую цифру А что, неделю назад я согласился принять ваш заказ?

— Согласились.

— В таком случае, должно быть, у меня мелькнула идея, как разрешить вашу проблему, — размышлял Гэллегер вслух. — Дайте сообразить. Я упоминал что-нибудь конкретное?

— Вы все твердили о мраморном столе и о своей... э-э... милашке.

— Значит, я пел, — благодушно пояснил Гэллегер. — «Больницу Св. Джеймса». Пение успокаивает нервы, а Бог видит, как нужен покой моим нервам. Музыка и спиртное. Дивлюсь, что продают его вино-торговцы...

— Как-как?

— ...Где вещь, что ценностью была б ему равна? Неважно. Это я цитирую Омара Хайяма. Пустое. Ваши инженеры хоть на что-нибудь годны?

— Самые лучшие инженеры. И самые высокооплачиваемые.

— И не могут найти способа увеличить изображение, не нарушая патентных прав «Сонатона»?

— Ну, в двух словах — именно так.

— Очевидно, придется провести кое-какие исследования, — грустно подытожил Гэллегер. — Для меня это хуже смерти. Однако сумма состоит из нескольких слагаемых. Вам это понятно? Мне — нисколько. Беда мне со словами. Скажу что-нибудь, а после сам удивляюсь, чего это я наговорил. Занятнее, чем пьесу смотреть, — туманно заключил он. — У меня голова трещит. Слишком много болтовни и мало выпивки. На чем это мы остановились?

— На полпути к сумасшедшему дому, — съязвил Брок. — Если бы вы не были моей последней надеждой, я...

— Бесполезно, — заскрипел робот. — Можете разорвать контракт в клочья, Брок. Я его не подпишу. Слава для меня — ничто. Пустой звук.

— Если ты не заткнешься, — пригрозил Гэллегер, — я заору у тебя над самым ухом.

— Ну и ладно! — взвизгнул Джо. — Бей меня! Давай, бей! Чем подлее ты будешь поступать, тем скорее разрушишь мою нервную систему и я умру. Мне все равно. У меня нет инстинкта самосохранения. Бей. Увидишь, что я тебя не боюсь.

— А знаете, ведь он прав, — сказал ученый, подумав. — Это единственный здравый ответ на шантаж и угрозы. Чем скорее все кончится, тем лучше. Джо не различает оттенков. Мало-мальски чувствительное болевое ощущение погубит его. А ему наплевать.

— Мне тоже, — буркнул Брок. — Для меня важно только одно...

— Да-да. Знаю. Что ж, похожу, погляжу, может, что-нибудь меня и осенит. Как попасть к вам на студию?

— Держите пропуск. — Брок написал что-то на обороте визитной карточки. — Надеюсь, вы тотчас же возьметесь за дело?

— Разумеется, — солгал Гэллегер. — А теперь ступайте и ни о чем не тревожьтесь. Постарайтесь

успокоиться. Ваше дело в надежных руках. Либо я очень быстро придумаю выход, либо...

— **Либо что?**

— Либо не придумаю, — жизнерадостно докончил Гэллегер и потрогал кнопки над тахтой на пульте управления баром. — Надоел мне мартини. И почему это я не сделал робота-бармена, раз уж взялся творить роботов? Временами даже лень выбрать и нажать на кнопку. Да, да, я примусь за дело немедленно, Брок. Не волнуйтесь.

Магнат колебался.

— Ну что ж, на вас вся надежда. Само собой разумеется, если я могу чем-нибудь помочь...

— Блондинкой, — промурлыкал Гэллегер. — Вашей блистательной — преблистательной звездой, Силвер О'Киф. Пришлите ее ко мне. Больше от вас ничего не требуется.

— Всего хорошего, Брок, — проскрипел робот. — Жаль, что мы не договорились о контракте, но зато вы получили ни с чем не сравнимое удовольствие — послушали мой изумительный голос, не говоря уже о том, что увидели меня воочию. Не рассказывайте о моей красоте слишком многим. Я действительно не хочу, чтобы ко мне валили толпами. Чересчур шумно.

— Никто не поймет, что такое догматизм, пока не потолкует с Джо, — сказал Гэллегер. — Ну, пока. Не забудьте про блондинку.

Губы Брока задрожали. Он поискал нужные слова, махнул рукой и направился к двери.

— Прощайте, некрасивый человек, — бросил ему вслед Джо.

Когда хлопнула дверь, Гэллегер поморщился, а сверхчувствительным ушам робота пришлось еще хуже.

— С чего это ты завелся? — спросил он. — Из-за тебя этого малого чуть кондрашка не хватила.

— Не считает же он себя красавцем, — возразил Джо.

— С лица воды не пить.

— До чего ты глуп. И так же уродлив, как тот.

— А ты — набор дребезжащих зубчаток, шестерен и поршней. Да и червяки в тебе водятся, — ог-

рызнулся Гэллегер; он подразумевал, естественно, червячные передачи в теле робота.

— Я прекрасен, — Джо восхищенно вперился в зеркало.

— Разве что с твоей точки зрения. Чего ради я сделал тебя прозрачным?

— Чтобы мною могли полюбоваться и другие. У меня-то зрение рентгеновское.

— У тебя шарик за ролики заехали. И зачем я упрятал радиоактивный мозг к тебе в брюхо? Для лучшей сохранности?

Джо не отвечал. Невыносимо скрипучим истошным голосом он напевал какую-то песню без слов. Некоторое время Гэллегер терпел, подкрепляя силы джином из сифона.

— Да замолчи ты! — не выдержал он наконец. — Все равно что древний поезд метро на повороте.

— Ты просто завидуешь, — поддел его Джо, но послушно перешел на ультразвуковую тональность. С полминуты стояла тишина. Потом во всей округе взвыли собаки.

Гэллегер устало поднялся с тахты. Надо уносить ноги. Покая в доме явно не будет, пока одушевленная груда металлолома бурно источает себялюбие и самодовольство. Джо издал немелодичный кудахтающий смешок. Гэллегер вздрогнул.

— Ну, что еще?

— Сейчас узнаешь.

Логика причин и следствий, подкрепленная теорией вероятности, рентгеновским зрением и прочими перцепциями, несомненно присущими роботу. Гэллегер тихонько выругался, схватил бесформенную черную шляпу и пошел к двери. Открыв ее, он нос к носу столкнулся с толстым коротышкой, и тот больно стукнул его головой в живот.

— Ох! Ф-фу. Ну и чувство юмора у этого кретина робота. Здравствуйте, мистер Кенникотт. Рад видеть вас. К сожалению, некогда предложить вам рюмочку.

Смутное лицо мистера Кенникотта скривилось в злобной гримасе.

— Не надо мне рюмочки, мне нужны мои кровные доллары. Деньги на бочку. И зубы не заговаривайте.

Гэллегер задумчиво посмотрел сквозь гостя.

— Собственно, если на то пошло, я как раз собирался получить деньги по чеку.

— Я продал вам бриллианты. Вы сказали, что хотите из них что-то сделать. И сразу дали мне чек. Но по нему не платят ни гроша. В чем дело?

— Он не стоит ни гроша, — пробормотал Гэллегер себе под нос. — Я невнимательно следил за своим счетом в банке. Перерасход.

Кенникотт чуть не хлопнулся там, где стоял, — на пороге.

— Тогда гоните назад бриллианты.

— Да я их уже использовал в каком-то опыте. Забыл, в каком именно. Знаете, мистер Кенникотт, положила руку на сердце: ведь я покупал их в нетрезвом виде?

— Да, — согласился коротышка. — Налакались до бесчувствия, факт. Ну и что с того? Больше ждать я не намерен. Вы и так долго водили меня за нос. Платите-ка, или вам не поздоровится.

— Убирайтесь прочь, грязная личность, — донесся из лаборатории голос Джо. — Вы омерзительны.

Гэллегер поспешно оттеснил Кенникотта на улицу и запер входную дверь.

— Попугай, — объяснил он. — Никак не соберусь свернуть ему шею. Так вот, о деньгах. Я ведь не отрекаюсь от долга. Только что мне сделали крупный заказ, и, когда заплатят, вы свое получите.

— Нет уж, дудки! Вы что, безработный? Вы ведь служите в крупной фирме. Вот и попросите там аванс.

— Просил, — вздохнул Гэллегер. — Выбрал жалование за полгода вперед. Ну, вот что, я приготовлю вам деньги на днях. Может быть, получу аванс у своего клиента. Идет?

— Нет.

— Нет?

— Ну, так и быть. Жду еще один день. От силы два. Хватит. Найдете деньги — порядок. Не найдете — упеку в долговую тюрьму.

— Двух дней вполне достаточно, — с облегчением сказал Гэллегер. — Скажите, а есть тут поблизости контрабандные театры?

— Вы бы лучше принимались за работу и не травили время черт знает на что.

— Но это и есть моя работа. Мне надо написать о них статью. Как найти контрабандный притон?

— Очень просто. Пойдете в деловую часть города. Увидите в дверях парня. Он продаст вам билет. Где угодно. На каждом шагу.

— Отлично, — сказал Гэллегер и попрощался с коротышкой. Зачем он купил у Кенникотта бриллианты? Такое подсознание стоило бы ампутировать. Оно проделывает самые невообразимые штуки. Работает по незыблемым законам логики, но самая эта логика совершенно чужда сознательному мышлению Гэллегера. Тем не менее результаты часто бывают поразительно удачными и почти всегда — поразительными. Нет ничего хуже положения ученого, который не в ладах с наукой и работает по наитию.

В лабораторных ретортах осталась алмазная пыль — следы какого-то неудачного опыта, поставленного подсознанием Гэллегера, в памяти сохранилось мимолетное воспоминание о том, как он покупал у Кенникотта драгоценные камни. Любопытно. Быть может... Ах, да! Они ушли в Джо! На подшивники или что-то в этом роде. Разобрать робота? Поздно, огранка наверняка не сохранилась. С какой стати бриллианты чистейшей воды — неужто не годились промышленные алмазы? Подсознание Гэллегера требовало самых лучших товаров. Оно знать не желало о масштабах цен и основных принципах экономики.

Гэллегер бродил по деловой части города, как Диоген в поисках истины. Вечерело, над головой мерцали неоновые огни — бледные разноцветные полосы света на темном фоне. В небе над башнями Манхэттена ослепительно сверкала реклама. Воздушные такси скользили на разной высоте, подбирая с крыш пассажиров. Скучища.

В деловом квартале Гэллегер стал присматриваться к дверям. Нашел наконец дверь, где кто-то стоял, но оказалось, что тот просто-напросто торгует открытками. Гэллегер отошел от него и двинулся в ближайший бар, так как почувствовал, что надо подзаправиться. Бар был передвижной и сочетал

худшие свойства ярмарочной карусели и коктейлей, приготовленных равнодушной рукой; Гэллегер постоял в нерешительности на пороге. Но кончилось тем, что он поймал проносившийся мимо стул и постарался усесться поудобнее. Заказал три «рикки» и осушил их один за другим. Затем подозвал бармена и справился о контрабандных кинотеатрах.

— Есть, черт меня побери, — ответил тот и извлек из фартука пачку билетов. — Сколько надо?

— Один. А где это?

— Два двадцать восемь. По этой же улице. Спросить Тони.

— Спасибо.

Гэллегер сунул бармену непомерно щедрые чаевые, сполз со стула и поплелся прочь. Передвижные бары были новинкой, которую он не одобрял. Он считал, что пить надо в состоянии покоя, так как все равно рано или поздно этого состояния не миновать.

Дверь с зарешеченной панелью находилась у подножия лестницы. Когда Гэллегер постучался, на панели ожил видеоэкран, скорее всего односторонний, так как лицо швейцара не показывалось.

— Можно пройти к Тони? — спросил Гэллегер.

Дверь отворилась, появился усталый человек в пневмобрюках, но даже эта одежда не придавала внушительности его тощей фигуре.

— Билет есть? Ну-ка, покажи. Все в порядке, друг. Прямо по коридору. Представление уже началось. Выпить можно в баре, по левой стороне.

В конце недлинного коридора Гэллегер протиснулся сквозь звуконепроницаемые портьеры и очутился в фойе старинного театра постройки конца XX века; в ту эпоху царило повальное увлечение пластиками. Он нюхом отыскал бар, выпил дрянного виски по бешеной цене и, подкрепив таким образом силы, вошел в зрительный зал — почти полный. На огромном экране — очевидно, системы «Магна» — вокруг космолета толпились люди. «Не то приключенческий фильм, не то хроника», — подумал Гэллегер.

Только азарт нарушения законов мог завлечь публику в контрабандный театр. Это было заведение самого низкого пошиба. На его содержание денег не тратили, и билетеров там не было. Но театр стоял

вне закона и потому хорошо посещался. Гэллегер сосредоточенно смотрел на экран. Никаких полос, ничего не двоится. На незарегистрированном телевизоре «Вокс-вью» стоял увеличитель «Магна», и одна из талантливейших звезд Брока успешно волновала сердца зрителей. Просто грабеж среди бела дня. Точно.

Чуть позже, пробираясь к выходу, Гэллегер заметил, что на приставном стуле сидит полисмен в форме, и сардонически усмехнулся. Фараон, конечно, не платил за вход. И тут политика.

На той же улице, на расстоянии двух кварталов, ослепительные огни реклам гласили: «СОНАТОН — ВИЖУ». Это, разумеется, театр легальный и потому дорогой. Гэллегер безрассудно промотал состояние, купив билет на хорошее место. Он хотел сравнить впечатления. Насколько он мог судить, в «Бижу» и в нелегальном театре аппараты «Магна» были одинаковы. Оба работали безупречно. Сложная задача увеличения телевизионных экранов была успешно разрешена.

Все остальное в «Бижу» напоминало дворец. Лощенные билетеры склонялись в приветственном поклоне до самого ковра. В буфетах бесплатно отпускали спиртное (в умеренных количествах). При театре работали турецкие бани. Гэллегер прошел за дверь с табличкой «Для мужчин» и вышел, совершенно одурев от тамошнего великолепия. Целых десять минут после этого он чувствовал себя сибаритом.

Все это означало, что те, кому позволяли средства, шли в легализованные театры «Сонатон», а остальные посещали контрабандные притоны. Все, кроме немногочисленных домоседов, которых не захлестнула повальная мода. В конце концов Брок вылетит в трубу, потому что у него не останется зрителей. Его фирма перейдет к «Сонатону», который тут же вздует цены и начнет делать деньги. В жизни необходимы развлечения; людей приучили к телевидению. Никакой замены нет. Если в конце концов «Сонатону» удастся все же задушить соперника, публика будет платить и платить за второсортную продукцию.

Гэллегер покинул «Бижу» и поманил воздушное такси. Он назвал адрес студии «Вокс-вью» на Лонг-

Айленде, безотчетно надеясь вытянуть из Брока первый чек. Кроме того, он хотел кое-что выяснить.

Здания «Вокс-вью» буйно заполняли весь Лонг-Айленд беспорядочной коллекцией разномастных домов. Безошибочным инстинктом Гэллегер отыскал ресторан, где принял горячительного в порядке предосторожности. Подсознанию предстояла изрядная работа, и Гэллегер не хотел стеснять его недостатком свободы. Кроме того, виски было отличное.

После первой же порции он решил, что пока хватит. Он же не сверхчеловек, хотя емкость у него почти невероятная. Надо лишь достигнуть объективной ясности мышления и субъективного растормаживания...

— Студия всегда открыта ночью? — спросил он у официанта.

— Конечно. Какие-то павильоны всегда работают. Это же круглосуточная программа.

— В ресторане полно народу.

— К нам приходят и из аэропорта. Повторить?

Гэллегер покачал головой и вышел. Визитная карточка Брока помогла ему пройти за ворота, и прежде всего он посетил кабинеты высшего начальства. Брока там не было, но раздавались громкие голоса, пронзительные чисто по-женски.

Секретарша сказала: «Подождите минутку, пожалуйста» — и повернулась к внутреннему служебному видеofону. И тотчас же: «Прошу вас, проходите».

Гэллегер так и сделал. Кабинет был что надо, одновременно роскошный и деловой. В нишах вдоль стен красовались объемные фотографии виднейших звезд «Вокс-вью». За письменным столом сидела миниатюрная, хорошенькая, взволнованная брюнетка, а перед ней стоял разъяренный светловолосый ангел. В ангеле Гэллегер узнал Силвер О'Киф.

Он воспользовался случаем:

— Салют, мисс О'Киф! Не нарисуете ли мне автограф на кубике льда? В коктейле?

Силвер стала похожа на кошечку.

— К сожалению, дорогой, мне приходится самой зарабатывать на жизнь. И я сейчас на службе.

Брюнетка провела ногтем по кончику сигареты.

— Давай утрясем это дело чуть позже, Силвер.

Папаша велел принять этого типа, если он заскочит. У него важное дело.

— Все утрясется, — пообещала Силвер. — И очень скоро. — Она демонстративно вышла. Гэллегер задумчиво присвистнул ей вслед.

— Этот товар вам не по зубам, — сообщила брюнетка. — Она связана контрактом. И хочет развязаться, чтобы заключить контракт с «Сонатомом». Крысы покидают тонущий корабль. Силвер рвет на себе волосы с тех самых пор, как уловила штормовые сигналы.

— Вот как?

— Садитесь и закуривайте. Я Пэтси Брок. Вообще тут заправляет папаша, но, когда он выходит из себя, я хватаюсь за штурвал. Старый осел не выносит скандалов. Считает их личными выпадами.

Гэллегер сел.

— Значит, Силвер пытается дезертировать? И много таких?

— Не очень. Большинство хранят нам верность. Но, само собой, если мы обанкротимся... — Пэтси Брок пожала плечами. — То ли переметнутся к «Сонатону» зарабатывать на хлеб с маслом, то ли обойдутся без масла.

— Угу. Ну, что ж, надо повидать ваших инженеров. Хочу ознакомиться с их мыслями об увеличении экрана.

— Дело ваше, — сказала Пэтси. — Толку будет немного. Невозможно изготовить увеличитель к телевизору, не ущемляя патентных прав «Сонатона».

Она нажала на кнопку, что-то проговорила в видеофон, и из щели на письменном столе появились два высоких бокала.

— Как, мистер Гэллегер?

— Ну, раз уж это коктейль «Коллинс»...

— Догадалась по вашему дыханию, — туманно пояснила Пэтси. — Папаша рассказывал, как побывал у вас. По-моему, он немножко расстроился, особенно из-за вашего робота. Кстати, что это за чудо?

— Сам не знаю, — смешался Гэллегер. — У него масса способностей... по-видимому, какие-то новые чувства... но я понятия не имею, на что он годен. Разве только любоваться собою в зеркале.

Пэтси кивнула.

— При случае я бы не прочь на него взглянуть. Но вернемся к проблеме «Сонатона». Вы думаете, вам удастся найти решение?

— Возможно. Даже вероятно.

— Но не безусловно?

— Пусть будет безусловно. Сомневаться вообще-то не стоит, даже самую малость.

— Для меня это очень важно. «Сонатон» принадлежит Элии Тону. Это вонючий пират. К тому же бахвал. У него сын Джимми. А Джимми — хотите верьте, хотите нет — читал «Ромео и Джульетту».

— Хороший парень?

— Гнида. Здоровенная мускулистая гнида. Хочет на мне жениться.

— Нет повести печальнее на свете...

— Пошадите, — прервала Пэтси. — И вообще, я всегда считала, что Ромео — размазня. Если бы у меня хоть на секунду мелькнула мысль выйти за Джимми, я бы тут же взяла билет в один конец и отправилась в сумасшедший дом. Нет, мистер Гэллегер, все совсем иначе. Никакого флердоранжа, Джимми сделал мне предложение... между прочим, сделал, как умел, а умеет он сгрести девушку по-борцовски в полусахвате и объяснить, как он ее осчастливил.

— Ага, — промычал Гэллегер и присосался к коктейлю.

— Вся эта идея — монополия на патенты и контрабандные театры — идет от Джимми. Голову даю на отсечение. Его отец, конечно, тоже руку приложил, но Джимми Тон — именно тот гениальный ребенок, который все начал.

— Зачем?

— Чтобы убить двух зайцев. «Сонатон» станет монополистом, а Джимми, как он себе представляет, получит меня. Он слегка помешанный. Не верит, что я ему отказала всерьез, и ждет, что я вот-вот передумаю и соглашусь. А я не передумаю, что бы ни случилось. Но это мое личное дело. Я не могу сидеть сложа руки и допустить, чтобы он сыграл с нами такую штуку. Хочу стереть с его лица самодовольную усмешку.

— Он вам просто не по душе, да? — заметил Гэл-

легер. — Я вас не осуждаю, если он таков, как вы рассказываете. Что ж, буду из кожи вон лезть. Однако мне нужны деньги на текущие расходы.

— Сколько?

Гэллегер назвал цифру. Пэтси выписала чек на гораздо более скромную сумму. Изобретатель принял оскорбленный вид.

— Не поможет, — сказала Пэтси с лукавой улыбкой. — Мне о вас кое-что известно, мистер Гэллегер. Вы совершенно безответственный человек. Если дать больше, вы решите, что вам достаточно, и тут же обо всем забудете. Я выпишу новые чеки, когда потребуются... но попрошу представить детальный отчет об издержках.

— Вы ко мне несправедливы, — повеселел Гэллегер. — Я подумывал пригласить вас в ночной клуб. Естественно, не в какую-нибудь дыру. А шикарные заведения обходятся дорого. Так вот, если бы вы мне выписали еще один чек...

Пэтси рассмеялась.

— Нет.

— Может, купите робота?

— Во всяком случае не такого.

— Будем считать что у меня ничего не вышло, — вздохнул Гэллегер. — А как насчет...

В этот миг загудел видеофон. На экране выросло бессмысленное прозрачное лицо. Внутри круглой головы быстро щелкали зубчатки. Пэтси тихонько вскрикнула и отшатнулась.

— Скажи Гэллегеру, что Джо здесь, о счастливое создание, — провозгласил скрипучий голос. — Можешь лелеять память о моем облике и голосе до конца дней своих. Проблеск красоты в тусклом однообразии мира...

Гэллегер обошел письменный стол и взглянул на экран.

— Какого дьявола! Как ты ожил?

— Мне надо было решить задачу.

— А откуда ты узнал, где меня искать?

— Я тебя опространствил.

— Что-что?

— Я опространствил, что ты в студии «Вокс-вью», у Пэтси Брок.

— Что такое «опространствил»? — осведомился Гэллегер.

— Это у меня такое чувство. У тебя нет даже отдаленно похожего, так что я не могу тебе описать его. Что-то вроде смеси сагражи с предзнанием.

— Сагражи?

— Ах, да, у тебя ведь и сагражи нет. Ладно, не будем терять время попусту. Я хочу вернуться к зеркалу.

— Он всегда так разговаривает? — спросила Пэтси.

— Почти всегда. Иногда еще менее понятно. Ну, хорошо, Джо. Так что тебе?

— Ты уже не работаешь на Брока, — заявил робот. — Будешь работать на ребят из «Сонатона».

Гэллегер глубоко вздохнул.

— Говори, говори. Но учти, ты спятил.

— Кенникотта я не люблю. Он слишком уродлив. И его вибрации раздражают мое сагражи.

— Да Бог с ним, — перебил Гэллегер, которому не хотелось посвящать девушку в свою деятельность по скупке бриллиантов. — Не отвлекайся от...

— Но я знал, что Кенникотт будет ходить и ходить, пока не получит свои деньги. Так вот, когда в лабораторию пришли Элия и Джеймс Тоны, я взял у них чек.

Рука Пэтси напряглась на локте Гэллегера.

— А ну-ка! Что здесь происходит? Обыкновенное надувательство?

— Нет. Погодите. Дайте мне докопаться до сути дела. Джо, черт бы побрал твою прозрачную шкуру, что ты натворил? И как ты мог взять чек у Тонов?

— Я притворился тобой.

— Вот теперь ясно, — сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе. — Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи, как две капли воды.

— Я их загипнотизировал, — разъяснил Джо. — Внушил им, что я — это ты.

— Ты умеешь?

— Да. Я и сам немного удивился. Хотя если вдуматься, я мог бы опространствить эту свою способность.

— Ты... Да, конечно. Я бы и сам опространствил такую штуковину. Так что же произошло?

— Должно быть, Тоны — отец и сын — заподозрили, что Брок обратился к тебе за помощью. Они предложили контракт на особо льготных условиях — ты работаешь на них и больше ни на кого. Обещали кучу денег. Вот я и прикинулся, будто я — это ты, и согласился. Подписал контракт (между прочим, твоей подписью), получил чек и отослал Кенникотту.

— Весь чек? — слабым голосом переспросил Гэллегер. — Сколько же это было?

— Двенадцать тысяч.

— И это все, что они предложили?

— Нет, — ответил робот, — они предложили сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю; контракт на пять лет. Но мне было нужно только расчитаться с Кенникоттом, чтобы он больше не ходил и не приставал. Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и Тоны были очень довольны.

В горле Гэллегера раздался нечленораздельный булькающий звук. Джо глубокомысленно кивнул.

— Я решил поставить тебя в известность, что отныне ты на службе у «Сонатона». А теперь вернусь — как я к зеркалу и буду петь для собственного удовольствия.

— Ну, погоди, — пригрозил изобретатель, — ты только погоди. Я своими руками разберу тебя по винтику и растопчу обломки.

— Суд признает этот контракт недействительным, — сказала Пэтси, судорожно глотнув.

— Не признает, — радостно ответил Джо. — Можешь полюбоваться на меня последний раз, и я пойду. Он ушел.

Одним глотком Гэллегер осушил свой бокал.

— Я до того потрясен, что даже протрезвел, — сказал он девушке. — Что я вложил в этого робота? Какие патологические чувства в нем развил? Загипнотизировать людей до того, чтобы они поверили, будто я — он... он — я... Я уже заговариваюсь.

— Это шуточка, — заявила Пэтси, помолчав. — Вы, случайно, не сталкивались ли с «Сонатном» сами и не заставили робота состряпать вам алиби? Мне просто... интересно.

— Не надо так. Контракт с «Сонатном» подписал

Джо, а не я. Но... посудите сами: если подпись — точная копия моей, если Джо гипнозом внушил Тонам, что они видят меня, а не его, если есть свидетели заключения контракта... Отец и сын, конечно, годятся в свидетели, поскольку их двое... Ну и дела.

Пэтси прищурилась.

— Мы заплатим вам столько же, сколько предлагал «Сонатон». После выполнения работы. Но вы на службе у «Вокс-вью» — это решено.

— Конечно.

Гэллегер тоскливо покосился на пустой бокал. Конечно, он на службе у «Вокс-вью». Но с точки зрения закона, он подписал контракт, по которому в течение пяти лет обязан работать только на «Сонатон». И всего за двенадцать тысяч долларов! Ну и ну! Сколько они предлагали? Сто тысяч на кон и... и...

Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, как стреноженная лошадь. Если «Сонатон» обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта... и заодно разрешить проблему Брока.

А Джо на что? Своими удивительными талантами робот впутал Гэллегера в неприятность. Пусть теперь распутывает. Иначе робот-зазнайка скоро будет любоваться металлическим крошечком, которое от него осталось.

— Вот именно, — пробормотал Гэллегер себе под нос. — Поговорю с Джо. Пэтси, налейте мне скоренько еще бокал и проводите в конструкторский отдел. Кочу взглянуть на чертежи.

Девушка подозрительно посмотрела на него.

— Ладно. Но только попробуйте нас предать...

— Меня самого предали. Продали с потрохами. Боюсь я этого робота. В хорошенькую историю он меня опространствовал. Правильно, мне «Коллинс». — Гэллегер пил медленно и смачно.

Потом Пэтси отвела его в конструкторский отдел. Чтение объемных чертежей упрощал сканнер — устройство, не допускающее никакой путаницы. Гэллегер долго и внимательно изучал проекты. Были там и кальки чертежей к патентам «Сонатона»; судя по

всему, «Сонатон» исследовал данную область на редкость добросовестно. Никаких лазеек. Если не открыть нового принципа...

Однако новые принципы на деревьях не растут. Да они и не помогут полностью разрешить проблему. Даже если бы «Вокс-вью» обзавелся новым увеличителем, не ущемляющим патентных прав «Магны», останутся контрабандные театры, которые отнимают львиную долю дохода. Теперь ведь главный фактор — ЭМП, эффект массового присутствия. С ним нельзя не считаться. Задача не была отвлеченной и чисто научной. В нее входили уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер спрятал полезные сведения в своем мозгу, аккуратно разделенном на полочки. Позднее он воспользуется тем, что нужно. Пока же он был в тупике. И что-то сверлило мозг, не давая покоя.

Что именно?

История с «Сонатон».

— Мне надо связаться с Тонами, — сказал он Пэтси. — Что вы посоветуете?

— Можно вызвать их по видеофону.

Гэллегер покачал головой.

— Психологический проигрыш. Им легко будет прервать разговор.

— Если это срочно, можно их найти в каком-нибудь ночном клубе. Постараюсь уточнить.

Пэтси торопливо вышла, а из-за экрана появилась Силвер О'Киф.

— Я не щепетильна, — объявила она. — Всегда подглядываю в замочную скважину. Нет-нет да услышу что-нибудь занятное. Если хотите увидеть Тонов, то они сейчас в клубе «Кастл». И я решила поймаю вас на слове — помните, насчет коктейля?

Гэллегер ответил:

— Отлично. Садитесь в такси. Я только скажу Пэтси, что мы уходим.

— Ей это не придется по вкусу, — заметила Силвер. — Встречаемся у входа в ресторан через десять минут. Заодно побрейтесь.

Пэтси Брок в кабинете не было, но Гэллегер оставил ей записку. Затем он посетил салон обелужив-

вания, где покрыл лицо невидимым кремом для бритья, выждал две минуты и вытерся особо обработанным полотенцем. Щетина исчезла вместе с кремом. Принявший чуть более благообразный вид Гэллегер встретился в условленном месте с Силвер и подозвал воздушное такси. Через десять минут оба сидели, откинувшись на подушки, дымили сигаретами и настороженно поглядывали друг на друга.

— Итак? — нарушил молчание Гэллегер.

— Джимми Тон пытался назначить мне свидание на сегодняшний вечер. Поэтому я случайно знаю, где его искать.

— Ну и что?

— Сегодня вечером я только и делала, что задавала вопросы. Как правило, посторонних в административные корпуса «Вокс-вью» не пускают. Я повсюду спрашивала: «Кто такой Гэллегер?».

— Что же вы узнали?

— Достаточно, чтобы домыслить остальное. Вас нанял Брок, верно? А зачем, я сама сообразила.

— Что отсюда следует?

— Я, как кошка, всегда падаю на все четыре лапы, — сказала Силвер, пожимая плечами. Это у нее очень хорошо получалось. — «Вокс-вью» летит в трубу. «Сонатон» приставил ему нож к горлу. Если только...

— Если только я чего-нибудь не придумаю.

— Именно. Я должна знать, по какую сторону забора стоит падать. Может быть, подскажите? Кто победит?

— Вот как, вы всегда ставите на победителя? Разве у тебя нет идеалов, женщина? Неужто тебе не дорога истина? Ты когда-нибудь слышала об этике и порядочности?

Силвер просияла.

— А ты?

— Я-то слышал. Обычно я слишком пьян, чтобы вдумываться в эти понятия. Вся беда в том, что подсознание у меня совершенно аморальное и, когда оно берет во мне верх, остается один закон — логика.

Силвер швырнула сигарету в Ист-Ривер.

— Хоть намекни, какая сторона забора вернее?

— Восторжествует правда, — правоучительно от-

ветил Гэллегер. — Она неизменно торжествует. Однако правда — величина переменная, и, значит, мы вернулись к тому, с чего начали. Так и быть, детка. Отвечу на твой вопрос. Если не хочешь прогадать, оставайся на моей стороне.

— А ты на чьей стороне?

— Кто знает? — вздохнул Гэллегер. — Сознанием я на стороне Брока. Но, возможно, у моего подсознания окажутся иные взгляды. Поживем — увидим.

У Силвер был недовольный вид, но она ничего не сказала. Такси спикировало на крышу «Кастла» и мягко опустилось. Сам клуб помещался под крышей в исполинском зале, по форме напоминающем опрокинутую половинку тыквы. Столики были установлены на прозрачных площадках, которые можно было передвигать вверх по оси на любую высоту. Маленькие служебные лифты развозили официантов, доставляющих напитки. Такая архитектура зала не была обусловлена особыми причинами, но радовала новизной, и лишь самые горькие пьяницы сваливались из-под столиков вниз. Последнее время администрация натягивала под площадками предохранительную сетку.

Тоны — отец и сын — сидели под самой крышей, выпивали с двумя красотками. Силвер отбуксировала Гэллегера к служебному лифту, и изобретатель зажмурился, взлетая к небесам. Все выпитое им бурно возмутилось. Он накренился вперед, уцепился за лысую голову Элии Тона и плюхнулся на стул рядом с магнатом. Рука его нащупала бокал Джимми Тона, и он залпом проглотил содержимое.

— Какого дьявола! — только и выговорил Джимми.

— Это Гэллегер, — объявил Элия. — И Силвер. Приятный сюрприз. Присоединяйтесь к нам.

— Только на один вечер, — кокетливо улыбнулась Силвер.

Гэллегер, приободренный чужим бокалом, взгляделся в мужчин. Джимми Тон был здоровенный, загорелый, красивый детина с выдвинутым подбородком и оскорбительной улыбкой. Отец представлял собой помесь Нерона с крокодилом.

— Мы тут празднуем, — сказал Джимми. — Как

это ты передумала, Силвер? А говорила, что будешь ~~ночью~~ работать.

— Гэллегер захотел с вами повидаться. Зачем — не знаю.

Холодные глаза Элии стали совсем ледяными.

— Так зачем же?

— Говорят, мы с вами подписали какой-то контракт, — ответил Гэллегер.

— Точно. Вот фотокопия. Что дальше?

— Минутку. — Гэллегер пробежал глазами документ. Подпись была явно его собственная. Черт бы побрал робота!

— Это подлог, — сказал он наконец.

Джимми громко засмеялся.

— Все понял. Попытка взять нас на пушку. Жаль мне вас, приятель, но вы никуда не денетесь. Подписали в присутствии свидетелей.

— Что же, — тоскливо проговорил Гэллегер. — Полагаю, вы не поверите, если я буду утверждать, что мою подпись подделал робот...

— Ха! — вставил Джимми.

— ...который гипнозом внушил вам, будто вы видите меня.

Элия погладил себя по лысой блестящей макушке.

— Откровенно говоря, не поверим. Роботы на это не способны.

— Мой способен.

— Так докажите. Докажите это на суде. Если вам удастся, тогда, конечно... — Элия хмыкнул. — Тогда, возможно, вы и выиграете дело.

Гэллегер сощурился.

— Об этом я не подумал. Но я о другом. Говорят, вы предлагали мне сто тысяч долларов сразу, не считая еженедельной ставки.

— Конечно, предлагали, разиня, — ухмыльнулся Джимми. — Но вы сказали, что с вас и двенадцати тысяч довольно. Вы их и получили. Однако утештесь. Мы будем выплачивать вам премию за каждое изобретение, полезное «Сонатону».

Гэллегер встал.

— Эти рожи неприятны даже моему беспринципному подсознанию, — сообщил он Силвер. — Пошли отсюда.

— Я, пожалуй, еще побуду здесь.
— Помните о заборе, — таинственно предостерег он. — Впрочем, воля ваша. Я побегу.

Элия сказал:

— Не забывайте, Гэллегер, вы работаете у нас. Если до нас дойдет слух, что вы оказали Броку хоть малейшую любезность, то вы и вздохнуть не успеете, как получите повестку из суда.

— Да ну?

Тоны не удостоили его ответом. Гэллегер невесело вошел в лифт и спустился к выходу.

А теперь что? Джо.

Спустя четверть часа Гэллегер входил в свою лабораторию. Там были зажжены все лампы: в близлежащих кварталах собаки исходили лаем — перед зеркалом беззвучно распевал Джо.

— Я решил пройтись по тебе кувалдой, — сказал Гэллегер. — Молился ли ты на ночь, о незаконно-рожденный набор шестеренок? Да поможет мне Бог, я иду на диверсию.

— Ну и ладно, ну и бей, — заскрипел Джо. — Увидишь, что я тебя не боюсь. Ты просто завидуешь моей красоте.

— Красоте!

— Тебе не дано познать ее до конца — у тебя только шесть чувств.

— Пять!

— Шесть. А у меня много больше. Естественно, мое великолепие полностью открывается только мне. Но ты видишь и слышишь достаточно, чтобы хоть частично осознать мою красоту.

— Ты скрипишь, как несмазанная телега, — огрызнулся Гэллегер.

— У тебя плохой слух. А мои уши сверхчувствительны. Богатый диапазон моего голоса для тебя пропадает. А теперь — чтоб было тихо. Меня утомляют разговоры. Я люблюсь своими зубчатками.

— Предавайся иллюзиям, пока можно. Погоди, дай только мне найти кувалду.

— Ну и ладно, бей. Мне-то что?

Гэллегер устало прилег на тахту и уставился на прозрачную спину робота.

— Ну и заварил же ты кашу. Зачем подписывал контракт с «Сонатомом»?

— Я же тебе объяснял. Чтобы меня больше не беспокоил Кенникотт.

— Ах ты, самовлюбленная, тупоголовая... эх! Так вот, из-за тебя я влип в хорошенькую историю. Тоны вправе требовать, чтобы я соблюдал букву контракта, если не будет доказано, что не я его подписывал. Ладно. Теперь ты мне поможешь. Пойдешь со мной в суд и включишь свой гипнотизм или что там у тебя такое. Докажешь судье, что умеешь представляться мною и что дело было именно так.

— И не подумаю, — отрезал робот. — С какой стати?

— Ты ведь втянул меня в этот контракт! — взвизгнул Гэллегер. — Теперь сам и вытягивай!

— Почему?

— «Почему»? Потому что... э-э... да этого требует простая порядочность!

— Человеческая мерка к роботам неприменима, — возразил Джо. — Какое мне дело до семантики? Не буду терять время, которое могу провести, созерцая свою красоту. Встану перед зеркалом на веки вечные...

— Черта лысого! — рассвирепел Гэллегер. — Да я тебя на атомы раскрошу.

— Пожалуйста. Меня это не трогает.

— Не трогает?

— Ох, уж этот мне инстинкт самосохранения, — произнес робот, явно глумясь. — Хотя вам он, скорее всего, необходим. Существа, наделенные столь неслыханным уродством, истребили бы друг друга из чистой жалости, если бы не страховка — инстинкт, благодаря которому они живы до сих пор.

— А что, если я отниму у тебя зеркало? — спросил Гэллегер без особой надежды в голосе.

Вместо ответа Джо выдвинул глаза на кронштейнах.

— Да нужно ли мне зеркало? Кроме того, я умею пространствовать себя локторально.

— Не надо подробностей. Я хочу пожить еще немножко в здравом уме. Слушай ты, зануда. Робот должен что-то делать. Что-нибудь полезное.

— Я и делаю. Красота — это главное.

Гэллегер крепко зажмурил глаза, чтобы получше сосредоточиться.

— Вот слушай. Предположим, я изобрету для Брока увеличенный экран нового типа. Его ведь конструируют Тоны. Мне нужно развязать себе руки, иначе я не могу работать...

— Смотри! — вскрикнул Джо в экстазе. — Вернутся! Какая прелесть! — Он загляделся на свои жужжащие внутренности. Гэллегер побледнел в сильной ярости.

— Будь ты проклят! — пробормотал он. — Уж я найду способ прищемить тебе хвост. Пойду спать. — Он встал и злорадно погасил свет.

— Неважно, — сказал робот. — Я вижу и в темноте.

За Гэллегером хлопнула дверь. В наступившей тишине Джо беззвучно напевал самому себе.

В кухне Гэллегера целую стену занимал холодильник. Он был наполнен в основном жидкостями, требующими охлаждения, в том числе импортным консервированным пивом, с которого неизменно начинались запои Гэллегера. Наутро невыспавшийся и безутешный Гэллегер отыскивал томатный сок, брезгливо глотнул и поспешно залил его виски. Поскольку головокружительный запой продолжался вот уже неделю, пиво теперь было противопоказано — Гэллегер всегда накапливал эффект, действуя по нарастающей. Пищевой автомат выбросил на стол герметически запечатанный пакет с завтраком, и Гэллегер стал угрюмо тыкать вилкой в полусырой бифштекс.

— Ну-с?

По мнению Гэллегера, единственным выходом был суд. В психологии робота он разбирался слабо. Однако таланты Джо, безусловно, ошеломят любого судью. Выступления роботов в качестве свидетелей законом не предусмотрены... но все же, если представить Джо как машину, способную гипнотизировать, суд может признать контракт с «Сонатомом» недействительным и аннулировать его.

Чтобы взяться за дело не мешкая, Гэллегер воспользовался видеофоном. Хэррисон Брок все еще сохранял некоторое политическое влияние и вес, так

что предварительное слушание дела удалось назначить на тот же день. Однако, что из этого получится, знали только Бог да робот.

Несколько часов прошли в напряженных, но бесплодных раздумьях. Гэллегер не представлял себе, как заставить робота повиноваться. Если бы хоть вспомнить, для какой цели создан Джо... но Гэллегер забыл. А все-таки... В полдень он вошел в лабораторию.

— Вот что, дурень, — сказал он, — поедешь со мной в суд. Сейчас же.

— Не поеду.

— Ладно. — Гэллегер открыл дверь и впустил двух дюжих парней в белых халатах и с носилками. — Грузите его, ребята.

В глубине души он слегка побаивался. Могущество Джо совершенно не изучено, его возможности — величина неизвестная. Однако робот был не очень-то крупный, и, как он ни отбивался, ни вопил, ни скрипел, его легко уложили на носилки и облачили в смирительную рубашку.

— Прекратите! Вы не имеете права! Пустите меня, понятно? Пустите!

— На улицу, — распорядился Гэллегер.

Джо храбро сопротивлялся, но его вынесли на улицу и погрузили в воздушную карету. Там он сразу утихомирился и бессмысленно уставился перед собой. Гэллегер сел на скамейку рядом с поверженным роботом. Карета взмыла в воздух.

— Ну, что?

— Делай, что хочешь, — ответил Джо. — Ты меня очень расстроил, иначе я бы вас всех загипнотизировал. Еще не поздно, знаешь ли. Могу заставить вас всех бегать по кругу и лаять по-собачьи.

Гэллегер поежился.

— Не советую.

— Да я и не собираюсь. Это ниже моего достоинства. Буду просто лежать и любоваться собой. Я ведь говорил, что могу обойтись без зеркала? Свою красоту я умею пространствить и без него.

— Послушай, — сказал Гэллегер. — Ты едешь в суд, в зал суда. Там будет тьма народу. Все тобой залобуются. Их восхищение усилится, если ты пока-

жешь им, как гипнотизируешь. Как ты загипнотизировал Тонов, помнишь?

— Какое мне дело до того, сколько людей мною восхищаются? — возразил Джо. — Если люди меня увидят, тем лучше для них. Значит, им повезло. А теперь помолчи. Если хочешь, можешь смотреть на мои зубчатки.

Гэллегер смотрел на зубчатки робота, и в глазах его тлела ненависть. Ярость не улеглась в нем и тогда, когда карета прибыла к зданию суда. Служители внесли Джо — под руководством Гэллегера — бережно положили на стол и после непродолжительного судебного совещания сочли «вещественным доказательством N 1».

Зал суда был полон. Присутствовали и главные действующие лица: у Элии и Джимми Тонов вид был неприятно самоуверенный, а у Пэтси Брок и ее отца — встревоженный. Силвер О'Киф, как всегда осторожная, уселась ровнехонько посередине между представителями «Сонатона» и «Вокс-вью». Председательствующий, судья Хэнсен, отличался педантизмом; но, насколько знал Гэллегер, был человеком честным. А это уже немало.

Хэнсен перевел взгляд на Гэллегера.

— Не будем злоупотреблять формальностями. Я ознакомился с краткой пояснительной запиской, которую вы мне направили. В основе дела лежит вопрос, заключили ли вы некий контракт с корпорацией «Сонатон телевижн эмьюзмент». Правильно?

— Правильно, ваша честь.

— По данному делу вы отказались от услуг адвоката. Правильно?

— Совершенно верно, ваша честь.

— В таком случае, дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. Не будучи обжалованным, оно вступит в законную силу в десятидневный срок.

Позднее эта новая форма упрощенного судебного разбирательства стала очень популярной: она всем и каждому сберегала время, не говоря уж о нервах. Кроме того, после недавних скандальных историй ад-

вокаты приобрели дурную славу. К ним стали относиться с предубеждением.

Судья Хэнсен опросил Тонов, затем вызвал на свидетельскую скамью Хэррисона Брока. Магнат, казалось, волновался, но отвечал без запинки.

— Восемь дней назад вы заключили с заявителем соглашение?

— Да. Мистер Гэллегер подрядился выполнить для меня работу...

— Контракт был заключен письменно?

— Нет. Словесно.

Хэнсен задумчиво посмотрел на Гэллегера.

— Заявитель был в то время пьян? С ним это, по моему, часто случается.

Брок запнулся.

— Испытаний на алкогольные пары я не проводил. Не могу утверждать с уверенностью.

— Поглощал ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

— Не знаю, были ли напитки спиртными...

— Если их потреблял мистер Гэллегер, значит, были. Что и требовалось доказать. Я когда-то приглашал этого джентльмена в качестве эксперта... Значит, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером соглашение, не существует. Ответчик же — «Сонатон» — представил письменный контракт. Подпись Гэллегера признана подлинной.

Хэнсен знаком отпустил Брока со свидетельской скамьи.

— Теперь вы, мистер Гэллегер. Подойдите, пожалуйста. Спорный контракт был подписан вчера, приблизительно в восемь часов вечера. Вы категорически отрицаете свою причастность. Утверждаете, будто вещественное доказательство номер один, прибегнув к гипнозу, притворилось вами и успешно подделало вашу подпись. Я консультировался с экспертами, и все они единодушно считают, что роботы на такие чудеса не способны.

— Мой робот — нового типа.

— Очень хорошо. Пусть ваш робот загипнотизирует меня так, чтобы я поверил, будто он — это вы или кто-нибудь третий. Пусть предстанет передо мной в любом облике, по своему выбору.

Гэллегер сказал: «Попытаюсь» — и покинул свидетельское место. Он подошел к столу, где лежал робот в смиренной рубашке, и мысленно прочел молитву.

— Джо!

— Да?

— Ты слышал?

— Да.

— Загипнотизируешь судью Хэнсена?

— Уйди, — ответил Джо. — Я занят — люблюсь собой.

Гэллегер покрылся испариной.

— Послушай. Я ведь немного прошу. Все, что от тебя требуется...

Джо закатил глаза и томно сказал:

— Мне тебя не слышно. Я пространствлю.

Через десять минут судья Хэнсен напомнил:

— Итак, мистер Гэллегер...

— Ваша честь! Мне нужно время. Я уверен, что заставлю этого пустоголового Нарцисса подтвердить мою правоту, дайте только срок.

— Здесь идет справедливый и беспристрастный суд, — заметил судья. — В любое время, как только вам удастся доказать, что вещественное доказательство номер один умеет гипнотизировать, я возобновлю слушание дела. А пока что контракт остается в силе. Вы работаете на «Сонатон», а не на «Вокс-вью». Судебное заседание объявляю закрытым.

Он удалился. С противоположного конца зала Тони бросали на противников ехидные взгляды. Потом они тоже ушли в сопровождении Силвер О'Киф, которая наконец-то смекнула, кого выгоднее держать. Гэллегер посмотрел на Пэтси Брок и беспомощно пожал плечами.

— Что делать, — сказал он.

Девушка криво усмехнулась.

— Вы старались. Не знаю, усердно ли, но... Ладно. Кто знает, может быть, все равно вы бы ничего не придумали.

Шатаясь, подошел Брок, на ходу утирая пот со лба...

— Я погиб. Сегодня в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. С ума сойти.

— Хочешь, я выйду замуж за Тона? — сардонически осведомилась Пэтси.

— Нет, черт возьми! Разве что ты обещаешь отравить его сразу же после венчания. Эти гады со мной не справятся. Что-нибудь придумаю.

— Если Гэллегер не может, то ты и подавно, — возразила девушка. — Ну, так что теперь?

— Вернусь-ка я в лабораторию, — сказал ученый. — *In vino veritas**. Все началось, когда я был пьян, и, возможно, если я как следует напьюсь опять, все выяснится. Если нет, продайте мой труп не торгуясь.

— Ладно, — согласилась Пэтси и увела отца. Гэллегер вздохнул, распорядился об отправке Джо в той же карете и погрузился в безнадежное теоретизирование.

Часом позже Гэллегер валялся на тахте в лаборатории, с увлечением манипулировал механическим баром и бросал свирепые взгляды на робота, который скрипуче распевал перед зеркалом. Запой грозил стать основательным. Гэллегер не был уверен, под силу ли такая пьянка простому смертному, но решил держаться, пока не найдет ответа или не свалится без чувств.

Подсознание знало ответ. Прежде всего, на кой черт он сделал Джо? Уж наверняка не для того, чтобы потакать нарциссскому комплексу! Где-то в алкогольных дебрях скрывалась другая причина, здравая и логичная.

Фактор x . Если знать этот фактор, можно найти управу на Джо. Тогда бы робот стал послушен; x — это главный выключатель. В настоящее время робот, если можно так выразиться, не объезжен и потому своенравен. Если поручить ему дело, для которого он предназначен, может наступить психологическое равновесие; x — катализатор, x низведет Джо до уровня вменяемости.

Отлично. Гэллегер хлебнул крепчайшего рому. Ух!

Суета сует; всяческая суета. Как найти фактор x ? Дедукцией? Индукцией? Осмосом? Купанием в шампанском?.. Гэллегер пытался собраться с мыслями, но

* Истина в вине (лат.).

те стремительно разбегались. Что же было в тот вечер, неделю назад?

Он пил пиво. Брок пришел, Брок ушел. Гэллегер стал делать работа... Ага. Опьянение от пива отличается от опьянения, вызванного более крепкими напитками. Может быть, он пьет не то, что нужно? Вполне вероятно. Гэллегер встал, принял тиамин, чтобы протрезветь, извлек из кухонного холодильника несколько десятков жестянок с импортным пивом и сложил их столбиками в подоконном холодильнике возле тахты. Он воткнул в одну банку консервный нож, и пиво брызнуло в потолок.

Фактор x . Робот-то знает, чему равен x . Но Джо ни за что не скажет. Вон он стоит, нелепо прозрачный, разглядывает вертящиеся колесики в своем чреве.

— Джо!

— Не мешай. Я погружен в размышления о прекрасном.

— Ты не прекрасен.

— Нет, прекрасен. Разве тебя не восхищает мой тарзил?

— А что это такое?

— Ах, я и забыл, — с сожалением ответил Джо. — Твои чувства его не воспринимают, не так ли? Если на то пошло, я построил тарзил сам, уже после того, как ты меня сделал. Он необычайно красив.

— Угу.

Пустых банок из-под пива скапливалось все больше. В мире осталась только одна фирма — какая-то европейская, — которая по-прежнему продавала пиво в жестянках, а не в вездесущих пластиколбах. Гэллегер предпочитал жестянки: они придают пиву особый вкус. Но вернемся к Джо. Джо знает, для чего создан. Или нет? Сам Гэллегер не знает, но его подсознание...

Стоп! А как насчет подсознания у Джо?

Есть ли у робота подсознание? Ведь если у него есть мозг...

Гэллегер грустно раздумывал о том, что нельзя подействовать на Джо «наркотиком правды». Черт! Как растормозить подсознание робота?

Гипнозом.

Но Джо невозможно загипнотизировать. Он слишком ловок.

Разве что...

Самогипноз?

Гэллегер поспешно долил себя пивом. К нему возвращалась ясность мышления. Предвидит ли Джо будущее? Нет. Его удивительные предчувствия основаны на неумолимой логике и на законах вероятности. Более того, у Джо есть ахиллесова пята — самовлюбленность.

Возможно, — не наверняка, но возможно — выход есть.

Гэллегер сказал:

— Мне ты вовсе не кажешься красавцем, Джо.

— Какое мне дело до тебя. Я действительно красив, и я это вижу. С меня достаточно.

— М-да. Возможно, у меня меньше чувств. Я недооцениваю твоих возможностей. Но все же теперь я вижу тебя в новом свете. Я пьян. Просыпается мое подсознание. Я сужу о тебе и сознанием, и подсознанием. Понятно?

— Тебе повезло, — одобрил робот.

Гэллегер закрыл глаза.

— Ты видишь себя полнее, чем я тебя вижу. Но все-таки не полностью, верно?

— Почему? Я вижу себя таким, каков я на самом деле.

— С полным пониманием и всесторонней оценкой?

— Ну да, — насторожился Джо. — Конечно. А разве нет?

— Сознательно и подсознательно? У твоего подсознания, знаешь ли, могут оказаться другие чувства. Или те же, но более развитые? Я знаю, что, когда я пьян или под гипнозом, или когда подсознание как-нибудь еще берет во мне верх, мое восприятие мира количественно и качественно отличается от обычного.

— Вот как. — Робот задумчиво поглядел в зеркало. — Вот как.

— Жаль, что тебе не дано напиться.

Голос Джо заскрипел сильнее, чем когда-либо.

— Подсознание... Никогда не оценивал своей красоты с этой точки зрения. Возможно, я что-то теряю.

— Что толку об этом думать, — сказал Гэллегер, — ведь ты же не можешь растормозить подсознание.

— Могу, — заявил робот. — Я могу сам себя за-гипнотизировать.

Гэллегер боялсядохнуть.

— Да? А подействует ли гипноз?

— Конечно. Займусь-ка этим сейчас же. Мне могут открыться неслыханные достоинства, о которых я раньше и не подозревал. К вящей славе... Ну, поехали.

Джо выпятил глаза на шарнирах, установил их один против другого и углубился в самосозерцание. Надолго воцарилась тишина.

Но вот Гэллегер окликнул:

— Джо!

Молчание.

— Джо!

Опять молчание. Где-то залаяли собаки.

— Говори так, чтобы я мог тебя слышать.

— Есть, — откликнулся робот; голос его скрипел, как обычно, но доносился словно из другого мира.

— Ты под гипнозом?

— Да.

— Ты красив?

— Красив, как мне и не мечталось.

Гэллегер не стал спорить.

— Властвует ли в тебе подсознание?

— Да.

— Зачем я тебя создал?

Никакого ответа. Гэллегер облизал пересохшие губы и сделал еще одну попытку.

— Джо! Ты должен ответить. В тебе преобладает подсознание, — помнишь, ты ведь сам сказал. Так вот, зачем я тебя создал?

Никакого ответа.

— Припомни. Вернись к тому часу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?

— Ты пил пиво, — тихо заговорил Джо. — Плохо работал консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты.

— Что?

Робот подошел к нему, взял банку с пивом и вскрыл с неимоверной ловкостью. Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом.

— Вот что получается, когда играешь с наукой в жмурки, — вполголоса подытожил Гэллегер. — Сделать сложнейшего в мире робота только для того, чтобы... — Он не договорил.

Джо вздрогнул и очнулся.

— Что случилось? — спросил он.

Гэллегер сверкнул на него глазами.

— Открой вон ту банку! — приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился.

— Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство.

— Ты прав, как никогда. Я обнаружил катализатор — главный выключатель. Попался ты, дурень, как миленький, будешь теперь делать ту работу, для какой годен.

— Ну что ж, — стоически ответил робот, — по крайней мере буду любоваться своей красотой в свободное время, когда вам не понадобятся мои услуги.

Гэллегер проворчал:

— Слушай, ты, консервный нож — переросток! Предположим, я отведу тебя в суд и велю загнипозитизировать судью Хэнсена. Тебе ведь придется так и сделать, правда?

— Да. Я потерял свободу воли. Я ведь запрограммирован на выполнение единственной команды — на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банки, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всем.

— Угу, — буркнул Гэллегер. — Слава Богу. Иначе я бы через неделю свихнулся. Теперь по крайней мере избавлюсь от контракта с «Сонатом». Останется только решить проблему Брока.

— Но вы ведь уже решили, — вставил Джо.

— Чего?

— Когда сделали меня. Перед тем вы беседовали с Бромом, вот и вложили в меня решение его проблемы. Наверное, подсознательно.

Гэллегер потянулся за пивом.

— Ну-ка, выкладывай. Каков же ответ?

— Инфразвук, — доложил Джо. — Вы наделили меня способностью издавать инфразвуковой сигнал определенного тона, а Брок в ходе своих телепередач должен транслировать его через неравные промежутки времени...

Инфразвуки не слышны. Но они ощущаются. Сначала чувствуешь легкое, необъяснимое беспокойство, потом оно нарастает и переходит в панический страх. Это длится недолго. Но в сочетании с ЭМП — эффектом массового присутствия — дает превосходные результаты.

Те, у кого телевизор «Вокс-вью» стоял дома, почти ничего не заметили. Все дело было в акустике. Визжали коты; траурно выли собаки. Семьи же, сидя в гостиных у телевизоров, считали, что все идет как полагается. Ничего удивительного — усиление было ничтожным.

Другое дело — контрабандный театр, где на нелегальных телевизорах «Вокс-вью» стояли увеличители «Магна»...

Сначала появлялось легкое, необъяснимое беспокойство. Оно нарастало. Люди устремлялись к дверям. Публика чего-то пугалась, но не знала, чего именно. Знала только, что пора уносить ноги.

Когда во время очередной телепередачи «Вокс-вью» впервые воспользовался инфразвуковым свистком, по всей стране началось паническое бегство из контрабандных театров. О причине никто не подозревал, кроме Гэллегера, Брока с дочерью и двух-трех техников, посвященных в тайну.

Через час инфразвуковой сигнал повторился. Поднялась вторая волна паники, люди опять бежали из залов.

Через несколько недель ничем нельзя было заманить зрителя в контрабандный театр. Куда спокойнее смотреть телевизор у себя дома! Резко повысился спрос на телевизоры производства «Вокс-вью».

Контрабандные театры перестали посещать. У эксперимента оказался и другой, неожиданный результат: немного погодя все перестали посещать и легальные театры «Сонатона». Закрепился условный рефлекс.

Публика не знала, отчего, сидя в контрабандных

театрах, все поддаются панике. Слепой, нерассуждающий страх люди объясняли всевозможными причинами, в частности, большими скоплениями народа и боязнью замкнутого пространства. В один прекрасный вечер некая Джейн Уилсон, особа ничем не примечательная, сидела в контрабандном театре. Когда был подан инфразвуковой сигнал, она бежала вместе со всеми.

На другой вечер Джейн отправилась в великолепный «Сонатон-Бижу». В середине драматического спектакля она поглядела по сторонам, увидела, что ее окружает бесчисленная толпа, перевела полные ужаса глаза на потолок и вообразила, будто он сейчас рухнет. Джейн захотела немедленно, во что бы то ни стало выйти!

Ее пронзительный крик вызвал небывалую панику. В зале присутствовали и другие зрители, которым довелось послушать инфразвук. Во время паники никто не пострадал: в соответствии с законом о противопожарной безопасности двери театра были достаточно широки. Никто не пострадал, но всем вдруг стало ясно, что у публики создан новый рефлекс — избегать толп в сочетании со зрелищами. Простейшая психологическая ассоциация...

Четыре месяца спустя контрабандные театры исчезли, а супертеатры «Сонатона» закрылись из-за низкой посещаемости. Отец и сын Тоны не радовались. Зато радовались все, кто был связан с «Воксбью».

Кроме Гэллегера. Он получил от Брока головокружительный чек и тут же по телефону заказал в Европе неимоверное количество пива в жестянках. И вот он хандрил на тахте в лаборатории и прополаскивал горло виски с содовой. Джо, как всегда, разглядывал в зеркале крутящиеся колесики.

— Джо, — позвал Гэллегер.

— Да? Чем могу служить?

— Да ничем. В том-то и беда. — Гэллегер выудил из кармана и перечитал скомканную телеграмму. Пивоваренная промышленность Европы решила сменить тактику. Отныне, говорилось в телеграмме, пиво будет выпускаться в стандартных пластиколбах в

соответствии со спросом и обычаем. Конец жестянкам.

В эти дни, в этот век ничего не упаковывают в жестянки. Даже пиво.

Какая же польза от робота, предназначенного и запрограммированного для открывания жестянок?

Гэллегер со вздохом смешал с содовой еще одну порцию виски — на этот раз побольше. Джо гордо позировал перед зеркалом.

Внезапно он выпятил глаза, устремил их один в другой и быстро растормозил свое подсознание при помощи самогипноза. Таким образом Джо мог лучше оценить собственные достоинства.

Гэллегер снова вздохнул. В окрестных кварталах лаяли собаки. Ну, да ладно.

Он выпил еще и повеселел. «Скоро, — подумал он, — запою «Фрэнки и Джонни». А что, если они с Джо составят дуэт — один баритон, одно неслышное ультразвуковое или инфразвуковое сопровождение? Будет полная гармония».

Через десять минут Гэллегер уже пел дуэт со своим консервным ножом.

МАСКИРОВКА

К дому № 16 по Нобхилл-Род Толмен подошел весь в поту. Он чуть ли не насильно заставил себя коснуться пластинки электрического сигнализатора. Послышалось тихое жужжание (это фотоэлементы проверяли отпечатки пальцев), затем дверь открылась, и Толмен вошел в полутемный коридор. Он покосился назад — там, за холмами, пульсировал бледный нимб огней космопорта.

Толмен спустился пандусом; в уютно обставленной комнате, вертя в руках высокий бокал-хайбол, развалился в кресле седой толстяк. Напряженным голосом Толмен сказал:

— Привет, Браун. Все в порядке?

Вислые щеки Брауна растянулись в усмешке.

— Конечно, — ответил он. — А почему бы и нет? Полиция ведь за вами не гонится, правда?

Толмен уселся и стал готовить себе коктейль. Его худое выразительное лицо было мрачно.

— Нервам не прикажешь. Да и космос на меня действует. Всю дорогу, пока добирался с Венеры, ждал, что ко мне вот-вот подойдут и скажут: «Следуйте за мной».

— Но никто не подошел.

— Я не знал, кого здесь застану.

— Полиции и в голову не могло прийти, что мы подадимся на Землю, — заметил Браун и бесформенной лапой взъерошил свою седую гриву. — Это вы хорошо придумали.

— Ну, да. Психолог-консультант.

— ...для преступников. Хотите выйти из игры?

— Нет, — откровенно сказал Толмен. — Прибыль уж очень соблазнительна. Большого размаха затея.

Браун ухмыльнулся.

— Это точно. Раньше никто не догадывался организовать преступление так, как мы. До нас ни одно дело гроша ломаного не стоило.

— Ну и где мы теперь? В бегах.

— Ферн нашел верное место, где можно отсидеться.

— Где?

— В Поясе Астероидов. Но нам не обойтись без одной штуки.

— Какой?

— Атомной энергостанции.

Толмен, видно, испугался. Но было ясно, что Браун не шутит. Помолчав, Толмен хмуро поставил бокал на стол.

— Это, я бы сказал, невысказано. Слишком она велика.

— Ну, да, — согласился Браун, — но как раз такую, как нам нужно, отправляют на Каллисто.

— Налет? Нас так мало...

— Корабль поведет трансплант.

Толмен склонил голову набок.

— Так. Это не по моей части...

— Там, конечно, будет какое-то подобие команды. Но мы ее обезвредим... и займем ее место. Тогда останется пустяк: отключить транспланта и перевести корабль на ручное управление. Это именно по вашей части. Технической стороной займутся Ферн и Каннингхэм, но сначала надо установить, насколько опасен трансплант.

— Я не инженер.

Браун не обратил внимания на эту реплику и продолжал:

— Трансплант, ответственный за рейс на Каллисто, в жизни был Бартом Квентином. Вы его знали, не так ли?

Толмен, вздрогнув, кивнул.

— Да. Давным-давно. До того, как...

— В глазах полиции вы чисты. Повидайтесь с Квентином. Выжмите из него все, что можно. Выясните... Каннингхэм вам скажет, что именно надо выяснить. А после возьмемся за дело. Надеюсь.

— Не знаю. Я не...

Браун сдвинул брови.

— Нам во что бы то ни стало нужно где-то от-

сидеться. Сейчас это вопрос жизни и смерти. Иначе мы с тем же успехом можем зайти в ближайший полицейский участок и подставить руки под наручники. Мы все делаем по-умному, но теперь — надо прятаться. В темпе!

— Что ж... все ясно. А вы знаете, что такое трансплант?

— Освобожденный мозг. Который может пользоваться искусственными орудиями и приборами.

— Формально — да. Но вы когда-нибудь видели, как трансплант работает на экскаваторе? Или на венерианской драге? Там феноменально сложное управление, обычно с ним возятся человек десять.

— Вы считаете, что трансплант — сверхчеловек?

— Нет, — медленно произнес Толмен, — этого я не говорю. Но я бы охотнее схлестнулся с десятком людей, чем с одним трансплантом.

— Так вот, — сказал Браун, — езжайте в Квебек и повидайтесь с Квентином. Он сейчас там, это я установил. Сначала поговорите с Каннингхэмом. Мы разработаем самый подробный план. Нас интересуют возможности Квентина и его уязвимые места. И надежен ли он телепатическими способностями. Вы старый друг Квентина да к тому же психолог, значит, задача вам по плечу.

— Пожалуй.

— Энергостанция нам необходима. Надо спрятаться, и поскорее!

Толмен подозревал, что Браун все это задумал с самого начала. Хитрый толстяк, у него хватило ума сообразить, что обыкновенные преступники в век могучей техники и узкой специализации обречены. Полиция призывает на помощь науку. Связь быстра, даже между планетами, и превосходно налажена. Всевозможные приборы... Единственная надежда на успех — это совершить преступление молниеносно и мгновенно исчезнуть.

Но преступление надо тщательно подготовить. Чтобы противостоять общественному организму (а этим-то и занимается каждый уголовник), разумнее всего создать такой же организм. Дубинка ничего не стоит против ружья. По этой же причине обречен на провал бандит с крепкими кулаками. Следы, что он

оставит, будут исследованы; химия, психология и криминалистика помогут его задержать; его заставят сознаться. Заставят, не прибегая к допросу третьей степени. Поэтому...

Поэтому Каннингхэм — инженер, специалист по электронике. Ферн — астрофизик. Сам Толмен — психолог. Рослый блондин Далквист — охотник по призванию и профессии, с оружием управляет лихо. Коттон — математик... а сам Браун — координатор. Целых три месяца объединение успешно орудовало на Венере. Потом, как и следовало ожидать, кольцо сомкнулось, и шайка просочилась назад, на Землю, готовая перейти к следующей ступени плана, продуманного на много ходов вперед. Что это за ступень, Толмен не знал до последней минуты. Но охотно признавал ее логическую неизбежность.

Если надо, в пустынных просторах Пояса Астероидов можно прятаться вечно, а когда представится удобный случай — нагрянуть туда, где не ждут, и сорвать верный куш. Чувствуя себя в безопасности, они могут сколотить подпольную организацию преступников, раскинуть сеть осведомителей по всем планетам... да, такой путь неизбежен. Но все равно, Толмену страшно было тягаться с Бартом Квентином. Ведь этот человек уже... собственно... не человек.

По пути в Квебек его не покидала тревога. Толмен, хотя и считал себя космополитом, не мог не предвидеть натянутости, смущения, которые он невольно выкажет при встрече с Квентином. Притворяться, что не было той... аварии, — это уж слишком. А все же... Он припомнил, что семь лет назад Квентин отличался завидным телосложением и мускулами атлета, гордился своим искусством танцевать. Что касается Линды, Толмену оставалось только гадать, где она теперь. Ведь не может быть, что она по-прежнему жена Барта Квентина, если уж так случилось. Или может?

Самолет пошел на снижение; внизу показался ту-склый серебристый стержень собора Святого Лаврентия. Пилотировал робот, повинаясь узкому лучу. Лишь при сильнейшем шторме управление самолетом переходит к людям. В космосе все иначе. К тому же

надо выполнять и другие операции, невообразимо сложные, с ними справляется только человеческий разум. И не всякий, а разум особого типа.

Разум, как у Квентина.

Толмен потер узкий подбородок и слабо улыбнулся, пытаясь понять, что его так беспокоит. Но вот и разгадка. Обладает ли Квент в своем новом перевоплощении более чем пятью чувствами? Или реакциями, недоступными обычному человеку? Если да, Толмену определенно несдобровать.

Он покосился на соседа по креслам, Дэна Саммерса из «Вайоминг энджинирз», который помогал ему связаться с Квентином. Саммерс, молодой, светловолосый, чуть припорошенный веснушками, беззаботно улыбнулся.

— Волнуетесь?

— Может и так, — ответил Толмен. — Я все думаю, сильно ли он изменился.

— У разных людей это по-разному.

Самолет, послушный лучу, скользил под закатным солнцем в сторону аэропорта. На горизонте неровно вырисовывались освещенные шпили Квебека.

— Значит, они все же меняются?

— Полагаю, они не могут не измениться психически. Вы ведь психолог, мистер Толмен. Что бы вы испытывали, если бы...

— Но получают они хоть что-нибудь взамен?

Саммерс рассмеялся.

— Это очень мягко сказано. Взамен... Хотя бы бессмертие!

— По-вашему, это благо? — спросил Толмен.

— Да. Он останется в расцвете сил — один Бог ведает, сколько еще лет. Ему не грозит старость. Яды, вырабатываемые при усталости, автоматически удаляются иррадиацией. Мозговые клетки не восстанавливаются, конечно, не то, что, например, мускулы; но мозг Квентина невозможно повредить: он заключен в надежный футляр. Не приходится бояться атеросклероза: мы применяем раствор плазмы, и на стенках сосудов кальций не оседает. Физическое состояние мозга автоматически контролируется. Квент может заболеть разве что душевно.

— Боязнь пространства... Нет. Вы говорили, что

у него глаза-линзы. Они сообщают ему чувство растояния.

— Если вы заметите хоть какую-то перемену, — сказал Саммерс, — не считая совершенно нормального умственного роста за семь лет, — это меня интересует. У меня... в общем, мое детство прошло среди трансплантов. Я не замечаю, что у них механические, взаимозаменяемые тела — точно так же ни один врач не думает о своем друге, как о клубке нервов и сосудов. Главное — это способность мыслить, а она осталась прежней.

Толмен задумчиво проговорил:

— Да вы и есть врач для трансплантов. Неспециалист реагирует иначе. Особенно если он привык видеть вокруг человеческие лица.

— Я вообще не сознаю, что лиц нет.

— А Квент?

Саммерс помедлил.

— Да нет, — сказал он наконец, — Квент, я уверен, тоже не сознает. Он полностью приспособился. Транспланту на перестройку нужен примерно год. Потом все идет как по маслу.

— На Венере я издали видел работающих трансплантов. Но вообще-то на других планетах их не так уж много.

— Не хватает квалифицированных специалистов. Чтобы обучиться трансплантации, человек тратит буквально полжизни. Прежде чем начинать учебу, надо быть знающим инженером-электроником. — Саммерс засмеялся. — Хорошо еще, что большую часть расходов несут страховые компании.

Толмен удивился.

— Это как же?

— Берут на себя такое обязательство. Бессмертие стало профессиональным риском. Исследования в области ядерной физики — работа опасная, дружище!

Выйдя из самолета, они окунулись в прохладный ночной воздух. По пути к ожидающему их автомобилю Толмен сказал:

— Мы с Квентином росли вместе. Но в аварию он попал спустя два года после того, как я покинул Землю, и с тех пор я его не видел.

— В облике транспланта? Понятно. Знаете, название никуда не годится. Его выдумал какой-то заумный болван; опытные пропагандисты предложили бы что-нибудь получше. К сожалению, это название так и прилипло. В конце концов, мы надеемся привить любовь к трансплантам. Но не сразу. Мы еще только начинаем. Пока что их двести тридцать — удачных.

— Бывают неудачи?

— Теперь — нет. Вначале... Это сложно. От трепанации черепа до сообщения энергии и перестройки рефлексов — это самая изматывающая, головоломнейшая, труднейшая техническая задача, какую когда-либо разрешал человеческий мозг. Надо примирить коллоидную структуру с электронной схемой... но результат того стоит.

— Технически. А как насчет духовной жизни?

— Что ж... Про эту сторону вам расскажет Квентин. А технически вы себе и наполовину всего не представляете. Никому не удавалось создать коллоидной структуры, подобной мозгу... до нас. И природа такой структуры не просто механическая. Это просто чудо... синтез разумной живой ткани с хрупкими, выскоковувательными приборами.

— Однако этому шедевру свойственна ограниченность и машины... и мозга.

— Увидите. Нам сюда. Мы обедаем у Квентина...

— Обедаем?

— Ну да. — Во взгляде Саммерса промелькнули зазорные искорки. — Нет, он не ест стальную стружку. Вообще-то...

Встреча с Линдой оказалась для Толмена потрясением. Он никак не ожидал ее увидеть. Да еще при таких обстоятельствах. А она почти не изменилась — та же сердечная, дружелюбная женщина, какую он помнил, чуть постарше, но по-прежнему очень красивая и изящная. Линда всегда была обаятельной. Тоненькая и высокая, голова увенчана причудливой короной русых волос, в карих глазах нет напряженности, которой мог бы ожидать Толмен.

Он сжал руки Линды.

— Ничего не говори, — сказал он. — Сам знаю, сколько воды утекло.

— Не будем считать годы, Вэн. — Она улыбнулась, глядя на него снизу вверх. — Мы начнем с того, на чем тогда остановились. Выпьем, а?

— Я бы не отказался, — вставил Саммерс, — но мне надо явиться к начальству. Я только посмотрю на Квента. Где он?

— У себя. — Линда кивнула на дверь и снова вернулась к Толмену. — Значит, ты с самой Венеры? С тебя весь загар сошел. Расскажи, как оно там.

— Неплохо. — Он отнял у нее шейкер и стал тщательно сбивать мартини. Ему было не по себе. Линда приподняла бровь.

— Да-да, мы с Бартом все еще женаты. Ты удивлен?

— Немножко.

— Это все равно Барт, — сказала она спокойно. — Пусть выглядит он иначе, все равно это человек, за которого я выходила замуж. Так что не смущайся, Вэн.

Он разлил мартини по бокалам. Не глядя на нее, сказал:

— Если ты довольна...

— Я знаю, о чем ты думаешь. Я все равно что замужем за машиной. Сначала... да я давно преодолела это ощущение. Оба мы преодолели, хоть и не сразу. Была принужденность; ты наверняка почувствуешь ее, когда увидишь Барта. Но на самом деле это неважно. Он... все тот же Барт.

Она подвинула третий бокал Толмену, и тот посмотрел на нее с изумлением.

— Неужели...

Она кивнула.

Обедали вдвоем. Толмен не сводил глаз с цилиндра высотой и диаметром шестьдесят сантиметров (цилиндр возлежал против него на столе) и старался уловить проблеск разума в двойных линзах. Линда невольно представлялась ему жрицей чужеземного идола и от этой мысли становилось тревожно. Линда как раз накладывала в металлический ящичек ох-

лажденные, залитые соусом креветки и по сигналу усилителя вынимала ложечкой скорлупу.

Толмен ожидал услышать глухой, невыразительный голос, но система «Соновокс» придавала голосу Квентина звучность и приятный тембр.

— Креветки вполне съедобны, Вэн. Зря люди по привычке выплевывают их, едва пососав. Я тоже воспринимаю их вкус... только вот слюны у меня нет.

— Ты... воспринимаешь вкус...

Квентин усмехнулся.

— Послушай-ка, Вэн. Не прикидывайся, будто ты считаешь это в порядке вещей. Придется тебе привыкать.

— Я-то привыкала долго, — подхватила Линда. — Но прошло немного времени, и я поймала себя на мысли: да ведь это как раз в духе вечных чудачеств Барта! Помнишь, в Чикаго ты явился на совещание дирекции в рыцарских доспехах?

— И отстоял-таки свою точку зрения, — сказал Квентин. — Я уж забыл, о чем шла речь, но... мы говорили о вкусе. Я ощущаю вкус креветок, Вэн. Правда, кое-какие нюансы пропадают. Тончайшие. Но я различаю нечто большее, чем сладко — кисло, солоно — горько. Машины научились различать вкус много лет назад.

— Но ведь им не приходится переваривать пищу...

— И страдать гастритом. Теряя на утонченных удовольствиях гурмана, я наверстываю на том, что не ведаю желудочно-кишечных болезней.

— У тебя и отрыжка прошла, — заметила Линда. — Слава Богу.

— И могу разговаривать с набитым ртом, — продолжал Квентин. — Но я вовсе не тот супермозг в машинном теле, какой тебе подсознательно рисуется, приятель. Я не изрыгаю смертоносных лучей.

Толмен неловко усмехнулся.

— Разве мне такое рисуется?

— Пари держу. Но... — Тембр голоса изменился. — Я не сверхсущество. В душе я человек человеком, и не думай, что я не тоскую порой о былых денечках. Бывало, лежишь на пляже и впитываешь солнце всей кожей — вот таких мелочей не хватает. Танцуешь под музыку...

— Дорогой, — сказала Линда.

Тон его голоса стал прежним.

— Ну, да. Вот такие банальные мелочи и придают жизни прелесть. Но теперь у меня есть суррогаты — параллельные факторы. Реакции, которые совершенно невозможно описать, потому что... скажем... электронные импульсы вместо привычных нервных. У меня есть органы чувств, но только благодаря механическим устройствам. Когда импульсы поступают ко мне в мозг, они автоматически преобразуются в знакомые символы. Или... — Он заколебался. — Пожалуй, на первый раз достаточно.

Линда вложила в питательную камеру кусочек балыка.

— Иллюзия величия, а?

— Иллюзия изменения... только это не иллюзия, детка. Понимаешь, Вэн, когда я превратился в транспланта, у меня не было эталонов для сравнения, кроме ранее известных. А они годились лишь для человеческого тела. Позднее, принимая импульс от землечерпалки, я чувствовал себя так, словно выжимаю акселератор в автомобиле. Теперь старые символы меркнут. У меня теперь ощущения... более непосредственные, и уже не надо преобразовывать импульсы в привычные образы.

— Так должно получаться быстрее.

— И получается. Если я принимаю сигнал «пи», мне уже не надо вспоминать, чему равно это «пи». И не надо решать уравнения. Я сразу чувствую, что они значат.

— Синтез с машиной?

— И все же я не робот. Все это не влияет на личность, на сущность Барта Квентина. — Наступило недолгое молчание, и Толмен заметил, что Линда бросила на цилиндр пронизательный взгляд. Квентин продолжал прежним тоном: — Я страшно люблю решать задачи. Всегда любил. А теперь решение не остается на бумаге. Я сам осуществляю всю задачу, от постановки вопроса до претворения в жизнь. Я сам додумываюсь до практического применения и... Вэн, я сам себе машина!

— Машина? — откликнулся Толмен.

— Ты не замечал, когда вел автомобиль или уп-

правлял самолетом, как ты сливаешься с машиной? Она становится частью тебя самого. А я захожу еще дальше. И это приятно. Представь себе, что ты можешь до предела напрячь свои телепатические способности и воплотиться в своего пациента, когдаставишь ему диагноз. Это ведь экстаз.

Толмен смотрел, как Линда наливает сотерн в другую камеру.

— Ты теперь никогда не наливаешься допьяна? — спросил он.

Линда расхохоталась.

— Вином — нет... но Барт иногда пьянеет, да еще как!

— Каким образом?

— Угадай, — подзадорил Квентин не без самодовольства.

— Спирт растворяется в крови и достигает мозга — эквивалент внутривенного вливания, да?

— Скорее я ввел бы в кровь яд кобры, — отрезал трансплант. — Мой обмен веществ слишком утончен, слишком совершенен, чтобы нарушать его посторонними соединениями. Нет, я прибегаю к электрическим стимуляторам: от индуцированного высокочастотного тока, становлюсь пьян, как сапожник.

Толмен вытаращил глаза.

— И это тебе заменяет?..

— Да. Табак и спиртное — раздражители, Вэн. Мысли — тоже, если на то пошло! Когда я испытываю физическую потребность захмелеть, я пользуюсь особым устройством — оно стимулирует раздражение — и извлекаю из него большее опьянение, чем ты из квартиры мескаля.

— Он цитирует Гаусмана, — сказала Линда. — И подражает голосам животных. Барт так владеет голосом — просто чудо. — Она встала. — Вы уж извините, у меня есть кое-какие дела на кухне. Автоматика автоматикой, но ведь должен же кто-то нажимать на кнопки.

— Помочь тебе? — вызвался Толмен.

— Спасибо, не надо. Посиди с Бартом. Пристегнуть тебе руки, дорогой?

— Не стоит, — отказался Квентин. — Вэн мне

подольет. Поторапливайся, Линда: Саммерс говорит, что мне скоро пора возвращаться на работу.

— Корабль готов?

— Почти.

— Никак не привыкну к тому, что ты управляешь космолетом в одиночку. Особенно таким, как этот.

— Возможно, сметан он на живую нитку, но на Каллисто попадет.

— Что ж... будет хоть какая-то команда?

— Будет, — подтвердил Квентин, — но она не нужна. Это страховые компании потребовали, чтобы была аварийная команда. Саммерс хорошо поработал — переоборудовал корабль за шесть недель.

— С такими-то материалами — сплошь жевательная резинка да скрепки для бумаг, — заметила Линда. — Надеюсь, он не развалится.

Она вышла под тихий смех Квентина. Помолчали. Толмен остро, как никогда, ощутил, что его товарищ, мягко говоря, изменился. Дело в том, что он чувствовал на себе пристальный взгляд Квентина, а ведь... Квентина-то не было.

— Коньяку, Вэн, — попросил голос. — Плесни мне в этот ящичек.

Толмен было повиновался, но Квентин его остановил:

— Не из бутылки. Прошли те времена, когда у меня во рту ром смешивался с водичкой. Через ингалятор. Вот он. Давай. Выпей сам и скажи, какое у тебя впечатление.

— О чем?..

— Разве не понимаешь?

Толмен подошел к окну и стал смотреть на отражения огней, переливающихся на соборе Св. Лаврентия.

— Семь лет, Квент. Трудно привыкнуть к тебе в таком... виде.

— Я ничего не утратил.

— Даже Линду, — сказал Толмен. — Тебе повезло.

— Она не бросила меня, — ровным голосом ответил Квентин. — Пять лет назад меня искалечило в аварии. Я занимался экспериментальной ядерной физикой и приходилось идти на известный риск. Взрывом меня искромсало, разнесло в клочья. Не ду-

май, что мы с Линдой не предусмотрели этого заранее. Мы знали о профессиональном риске.

— И все равно...

— Мы рассчитывали, что брак не расстроится, даже если... Но потом я чуть не настоял на разводе. Это она меня убедила, что все будет как нельзя лучше. И оказалась права.

Толмен кивнул.

— Воистину.

— Это меня... поддерживало долгое время, — мягко сказал Квентин. — Ты ведь знаешь, как я относился к Линде. Мы с ней всегда были идеальным уравнением. Пусть даже коэффициенты изменились, мы приспособились заново.

Внезапный смех Квентина заставил психолога нервно обернуться.

— Я не чудовище, Вэн. Выкинь из головы эту мысль!

— Да я этого и не думал, — возразил Толмен. — Ты...

— Кто?

Молчание. Квентин фыркнул.

— За пять лет я научился разбираться в том, как люди на меня реагируют. Дай мне еще коньяку. Мне по-прежнему кажется, будто я ощущаю небом его вкус. Странно, до чего стойко держатся старые ассоциации.

Толмен налил коньяку в ингалятор.

— Значит, по-твоему, ты изменился только физически?

— А ты меня считаешь обнаженным мозгом в металлическом цилиндре? Совсем не тот парень, что нынствовал с тобой на Третьей авеню? Да, я изменился, конечно. Но это нормальная перемена. Это всего лишь шаг вперед после вождения автомобиля. Будь я таким сверхмеханизмом, как ты подсознательно думаешь, я стал бы совершеннейшим вырождением и решал бы все время космические уравнения. — Квентин ввернул крепкое словцо. — А если бы я этим занимался, то спятил бы. Потому что я не сверхчеловек. Я простой парень, хороший физик, и мне пришлось прилаживаться к новому телу. У него, конечно, есть неудобства.

— Например?

— Органы чувств. Вернее, их отсутствие. Я помогал разрабатывать уйму компенсирующей аппаратуры. Теперь я читаю эскапистские романы, пьянею от электричества, пробую все на вкус, хоть и не могу есть. Я смотрю телевизор. Стараюсь получать все чисто человеческие удовольствия, какие только можно. Они дают мне душевное равновесие, а я в нем очень нуждаюсь.

— Естественно. И получается?

— Сам посуди. У меня есть глаза — они тонко различают цветовую гамму. Есть съемные руки, их можно совершенствовать как угодно, вплоть до работы с микроминиатюрными приборами. Я умею рисовать — кстати, под псевдонимом я уже довольно широко известен как карикатурист. Это для меня отдушина. Настоящая работа по-прежнему физика. И она по-прежнему мне подходит. Знакомо тебе наслаждение, которое испытываешь, после того как разобрался в задаче — геометрической, электронной, психологической, любой? Теперь я решаю неизмеримо более сложные проблемы, требующие не только трезвого расчета, но и мгновенной реакции. Например, вождение космолета. Выпьем еще коньяку. В теплой комнате он хорошо испаряется.

— Ты все тот же Барт Квентин, — сказал Толмен. — Но мне в это больше верится, когда я закрываю глаза. Вождение космолета...

— Я не утратил ничего человеческого, — настаивал Квентин. — В сути своей мои эмоции не изменились. Мне... не так уж приятно, что ты смотришь на меня с неподдельным ужасом, но я могу понять твоё состояние. Мы ведь давно дружим, Вэн. Не исключено, что ты забудешь об этом раньше, чем я.

Толмен вдруг покрылся испариной. Но теперь он, несмотря на слова Квентина, убедился, что хоть частично узнал то, за чем пришел. У транспланта нет сверхъестественных способностей — он не телепат.

Разумеется, остались еще невыясненные вопросы.

Он подлил коньяку и улыбнулся поблескивающему цилиндру. Слышно было, как в кухне тихонько напевает Линда.

Космолет остался безымянным по двум причинам. Во-первых, ему предстоял один-единственный рейс — на Каллисто; вторая причина была не столь проста. По существу, это был не корабль с грузом, а груз с кораблем.

Атомная энергостанция — не генератор, который можно демонтировать и втиснуть в грузовой отсек. Она чудовищно велика, мощна, громоздка и тяжела. Чтобы изготовить атомную установку, нужны два года, а потом ее пускают в действие непременно на Земле, на гигантском заводе технического контроля, занимающем территорию семи графств в штате Пенсильвания. В вашингтонской палате мер и весов в стеклянном футляре с терморегулятором хранится полоска металла; это стандартный метр. Точно так же в Пенсильвании с бесчисленными предосторожностями хранится единственный в солнечной системе эталонный расщепитель атомов. К горючему предъявлялось только одно требование — его лучше всего просеивать в грохотах с сеткой в один меш. Размер был выбран произвольно и лишь для удобства тех, кто составлял стандарты на горючее. В остальном же атомные энергостанции поглощали все, что угодно.

Немногие баловались с атомной энергией — это свирепая стихия. Экспериментаторы работали по шаткой системе осторожных проб и ошибок. Но даже при таких условиях лишь трансплантация — гарантия бессмертия — не давала профессиональному неврозу перерасти в психоз.

Предназначенная для Каллисто атомная энергостанция была слишком велика даже для самого крупного из торговых космолетов, но ее непременно надо было доставить на Каллисто. Поэтому инженеры и техники соорудили корабль вокруг энергостанции. Не то чтобы буквально сметанный на живую нитку, он, безусловно, соответствовал далеко не всем стандартам. Его конструкция во многом резко отклонялась от нормы. Специфические требования удовлетворялись искусно, подчас остроумно, по мере того как возникали. Поскольку все управление кораблем предполагалось сосредоточить в руках транспланта Квентина, об удобствах малочисленного аварийного экипажа почти не заботились. Экипаж не должен

был слоняться по всему кораблю, если только не случится где-нибудь поломки, а поломки практически исключались. Корабль был единым живым существом. Почти, но не совсем.

У транспланта были приставки — инструменты — решительно во всех секциях сооружения. Они предназначались для выполнения текущих работ на корабле. Искусственных органов чувств не было — только слуховые и зрительные. Квентин временно превратился в суперуправление космолетом. Саммерс принес на борт мозг-цилиндр, поместил его где-то (он один знал, где именно), подключил и этим закончилось сотворение космолета.

В 24.00 энергостанция отправилась на Каллисто.

Когда была пройдена примерно треть пути к орбите Марса, в необъятный салон, способный привести в ужас любого инженера, вошли шестеро в скафандрах.

Из настенного динамика раздался голос Квентина:

— Что ты здесь делаешь, Вэн?

— Порядок, — сказал Браун. — Приступаем. Работать надо по-быстрому. Каннингхэм, найдите-ка штеккер. Далквист, держи пистолет наготове.

— А мне что искать? — спросил рослый блондин.

Браун посмотрел на Толмена.

— Вы уверены, что он неподвижен?

— Уверен, — ответил Толмен, у которого бегали глаза. Он чувствовал себя голым под пристальным взглядом Квентина, и это ему не нравилось.

Изможденный, морщинистый, хмурый Каннингхэм заметил:

— Здесь подвижен только привод. Я был убежден в этом еще до того, как Толмен перепроверил. Если трансплант подключен в расчете на одно задание, то он располагает только инструментами, необходимыми именно для этого задания.

— Ладно, не будем терять время на болтовню. Разомкни цепь.

Каннингхэм широко раскрыл глаза под смотровым стеклом шлема.

— Минутку. Тут ведь оборудование не стандарт-

ное. Оно экспериментальное... Мне надо разобраться... ага!

Толмен украдкой пытался отыскать линзы трансплантовых глаз, но ему это не удавалось. Откуда-то из-за лабиринта труб, соленоидов, проводов, аккумуляторных пластин и всевозможных деталей на него, он знал, смотрит Квентин. Несомненно, из нескольких точек сразу — зрение у него наверняка обзорное, глаза продуманно размещены по всему салону.

А салон — центральный салон управления — был огромен. Выкрашенный в мутновато-желтый цвет, подавляющий пустотой, он напоминал причудливый, какой-то сверхъестественный собор; его громада подавляла мужчин, превращала их в карликов. Модуляторы необычайных размеров, лишённые изоляции, жужжали и искрили; жутковатым пламенем вспыхивали вакуумные лампы. Вдоль стен над головами людей, на высоте шести метров, проходила металлическая площадка, огороженная металлическими поручнями — случайное проявление заботы о технике безопасности. На площадку вели две лесенки у двух противоположных стен каюты. Сверху свисал звездный глобус, а в хлорированном воздухе глухо отдавалась пульсация чудовищной мощности.

Динамик спросил:

— Это что, пиратский налет?

— Называйте, как хотите, — небрежно ответил Браун. — И успокойтесь. Вам не причинят вреда. Возможно, мы даже отправим вас на Землю, когда изобретем безопасный способ.

Каннингхэм изучал люситовую сетку, стараясь ни к чему не прикасаться.

Квентин сказал:

— Этот груз не стоит таких усилий. Я ведь не радий везу.

— Мне нужна энергостанция, — лаконично возразил Браун.

— Как вы попали на борт?

Браун поднял было руку, чтобы отереть пот с лица, но, скорчив гримасу, воздержался.

— Что-нибудь нашел, Кэннингхэм?

— Не торопите меня. Я всего лишь инженер по

электронике. Схемы тут запутанные. Ферн, подсобика.

Беспокойство Толмена росло. Он понял, что Квентин после первого удивленного возгласа игнорирует его. Какой-то безотчетный импульс побудил его закинуть голову и окликнуть Квентина.

— Да, — отозвался Квентин. — Так что? Ты, значит, в этой шайке?

— Да.

— И ты изучал меня в Квебеке. Хотел удостовериться, что я не опасен.

Толмен постарался ответить бесстрастным голосом:

— Нам надо было знать наверняка.

— Понятно. Как вы попали на борт? Радар автоматически отклоняет корабль от приближающейся массы. Вы не могли подобраться на другом корабле.

— Мы и не подбирались. Просто устранили аварийный экипаж и надели его скафандры.

— Устранили?

Толмен перевел взгляд на Брауна.

— А что нам оставалось? В такой крупной игре нельзя довольствоваться полумерами. Позднее эти люди стали бы живой угрозой нашим планам. Ни одна душа не должна ничего знать, кроме нас. И тебя. — Толмен опять взглянул на Брауна. — Я считаю, Квентин, что тебе лучше войти в долю.

Динамик пренебрег угрозой, скрытой в совете.

— Зачем вам энергостанция?

— Мы подыскиали себе астероид, — начал объяснять Толмен, запрокинув голову и шаря взглядом по загроможденной полости корабля; перед глазами все плыло от ядовитых испарений. Он ожидал, что Браун оборвет его на полуслове, но толстяк промолчал. Толмен обнаружил, что очень трудно убеждать собеседника, который находится неизвестно где. — Одна беда — он лишен атмосферы. Энергостанция позволит нам создавать воздух. Найти нас в Поясе Астероидов можно будет только чудом.

— А что потом? Пиратство?

Толмен ничего не ответил. Динамик проговорил в раздумье:

— Вообще-то, пожалуй, дело верное. Во всяком

случае, на первых порах. Можно будет как следует пожить. Никто не ждет чего-нибудь подобного. Да, не исключено, что вам это сойдет с рук.

— Ну, — сказал Толмен, — если ты с нами согласен, то какой отсюда вывод?

— Не тот, что ты думаешь. Вашим пособником я не стану. Не столько из соображений морали, сколько из чувства самосохранения. Для вас я бесполезен. Транспланты нужны только высокоразвитой цивилизации. Я буду лишним грузом.

— Если я дам слово...

— Здесь решаешь не ты, — возразил Квентин.

Толмен инстинктивно бросил вопросительный взгляд на Брауна. Из настенного динамика послышался странный звук, похожий на сдавленный смех.

— Пусть так, — пожал плечами Толмен. — Естественно, никто не требует, чтобы ты сразу переметнулся на нашу сторону. Поразмысли хорошенько. Помни, что ты уже не прежний Барт Квентин — у тебя есть кое-какие механические недочеты. Времени у нас не так уж много, но мы можем подождать — скажем, десять минут, покуда Каннингхэм осматривает твоё хозяйство. А там... что ж, мы ведь не в камушки играем, Квент. — Он поджал губы. — Если ты станешь на нашу сторону и поведешь корабль по нашим указаниям, мы сохраним тебе жизнь. Только решайся немедленно. Каннингхэм хочет выследить тебя и отключить от управления. После чего...

— Почему ты так уверен, что меня можно выследить? — хладнокровно спросил Квент. — Как только я высажу вас там, куда вы стремитесь, моя жизнь не будет стоить и цента. Я вам не нужен. Вы не могли бы обеспечить мне должного ухода, даже если бы захотели. Нет, меня просто отправили бы вслед за теми, кого вы уже устранили. Я предъявляю вам встречный ультиматум.

— Ты... что такое?

— Ведите себя тихо и ничего не трогайте, а я высажу вас в необитаемой зоне Каллисто и позволю скрыться, — сказал Квентин. — В противном случае — надейтесь на Бога.

Браун впервые показал, что прислушивается к этому голосу. Он обернулся к Толмену.

— Блефует?

Толмен медленно склонил голову.

— Наверное. Он безвреден.

— Блефует, — поддержал Каннингхэм, не отрываясь от своего занятия.

— Нет, — спокойно возразил динамик. — Я не блефую. Кстати, поосторожнее с платой. Это часть атомного привода. Заденете не тот контакт — и все мы превратимся в плазму.

Каннингхэм отпрянул от змеевидной путаницы проводов, переплетенных в бакелите. Смуглолицый Ферн, который стоял поодаль, обернулся — взглянуть, что происходит.

— Полегче, — сказал он. — Надо твердо знать, что делаешь.

— Заткнись, — буркнул Каннингхэм. — Я-то знаю. Может быть, именно этого трансплант и боится. Я буду всячески избегать контактов нуклеоники, но... — Он помедлил, присмотрелся к паутине проводов. — Нет. Этот не нуклеонный... по-моему. Во всяком случае, не управляющий. Допустим, я разомкну этот контакт...

Его рука, защищенная перчаткой, потянулась к рубильнику.

Динамик произнес:

— Каннингхэм, лучше не надо.

Каннингхэм занес руку над рубильником. Динамик вздохнул.

— Что ж, будьте первым. Есть!

Смотровое стекло шлема больно стукнуло Толмена по носу. Огромный салон словно встал на дыбы, и Толмен, не удержавшись на ногах, кубарем покатился по полу. Он видел, как вокруг кувыркаются и падают гротескные фигуры в скафандрах. Браун потерял равновесие и тяжело рухнул на пол.

При резком ускорении корабля Каннингхэма швырнуло на провода. Он повис, как муха в паутине, его конечности, голова, все тело подергивались в непроизвольных судорогах. Темп этой дьявольской пляски постепенно нарастал.

— Снимите его оттуда! — взвыл Далквист.

— Пойдите! — вскричал Ферн. — Я отключу ток... — Но он не знал, как это делается. Толмен, у которого пересохло в горле, не отрываясь смотрел, как вытягивается, изгибается, дрожит в агонии тело Каннингхэма. Вдруг явственно послышался хруст костей.

Теперь Каннингхэма сводили лишь редкие судороги, голова его поникла и оказалась под необычным углом к телу.

— Снимите его, — распорядился Браун, но Ферн покачал головой.

— Каннингхэм мертв. А эта схема опасна.

— То есть, как мертв?

Под щеточкой усов губы Ферна раздвинулись в мрачной усмешке.

— В эпилептическом припадке недолго свернуть себе шею.

— Пожалуй, — согласился потрясенный Далквист. — У него действительно шея сломана. Глядите, как повернута голова.

— Если через тебя пропустить переменный ток в двадцать герц, ты тоже будешь корчиться в судорогах, — одернул его Ферн.

— Нельзя же оставлять его так!

— Можно, — хмуро сказал Браун. — Держитесь-ка вы все подальше от стен. — Он злобно взглянул на Толмена. — А вы почему не..

— Все ясно. Но Каннингхэму следовало быть умнее и не прикасаться к голым проводам.

— Немного же здесь изолированных проводов, — проворчал толстяк. — А вы еще говорили, будто трансплант безвреден.

— Я говорил, что он неподвижен. И не телепат. — Толмен поймал себя на том, что как бы оправдывается.

Ферн заметил:

— Перед ускорением или торможением корабля дается звуковой сигнал. А на этот раз сигнала не было. Наверное, его отключил сам трансплант, чтоб застигнуть нас врасплох.

Они вглядывались в жужжащую, просторную, желтую пустоту. Толмена охватила боязнь замкнутого пространства. Стены, казалось, готовы были рух-

нуть — сомкнуться над ним, словно он стоял на разжатой ладони титана.

— Можно разбить ему глаза, — предложил Браун.

— Сначала нужно их найти, — Ферн ткнул пальцем в сторону лабиринта всевозможных устройств.

— Всего и дела-то — отключить транспланта. Разомкнуть соединение. Тогда он будет все равно что покойник.

— К сожалению, — возразил Ферн, — среди нас единственным специалистом по электронике был Каннингхэм. Я всего только астрофизик!

— Неважно. Мы выдернем одну-единственную вилку — и трансплант потеряет сознание. Это-то в наших силах!

Страсти разгорались. Утихомирил всех Коттон — маленький человечек с подслеповатыми голубыми глазками.

— Нас должна выручить математика. Геометрия. Надо разыскать транспланта и... — Он поднял глаза вверх и оцепенел. — Мы уклонились от курса! — говорил он наконец. — Видите индикатор?

Высоко вверху Толмен видел исполинский звездный глобус. На его черной поверхности ясно можно было различить пятнышко красного цвета.

Смутное лицо Ферна искривилось в усмешке.

— Все ясно. Трансплант ищет защиты. Ближайшая планета, откуда можно ждать помощи — это Земля. Но у нас еще много времени. Я не такой специалист, как Каннингхэм, но и не безнадежный кретин. — Он не смотрел на ритмично подрагивающее тело. — Вовсе не обязательно проверять тут все соединения.

— Вот и ладно, займитесь, — буркнул Браун.

Ферн, неуклюжий из-за скафандра, подошел к квадратному отверстию в полу и взгляделся в металлическую решетку, еле видную на глубине двадцати пяти метров.

— Точно. Сюда подается горючее. Незачем исследовать все соединения до последнего. Горючее насыпается вон из той трубы, что идет по верху. Теперь смотрите. Все, что связано с атомной энергией, явно помечено красным. Видите?

Все видели. То тут, то там на щитах и пласти-

нах — загадочные красные метки. Еще были знаки синие, зеленые, черные и белые.

— Будем исходить из этого допущения, — закончил Ферн. — По крайней мере до поры до времени. Красное — это атомная энергия. Синее... зеленое... так.

Толмен неожиданно сказал:

— Что-то я нигде не вижу ничего похожего на футляр с мозгом Квентина.

— Неужели ты ожидал его увидеть? — саркастически спросил астрофизик. — Он вставлен в какую-нибудь нишу с амортизационной прокладкой. Мозг выдерживает большую перегрузку, чем тело, но семь g — максимум во всех случаях. Это нам, между прочим, на руку. Корабль не рассчитан на высокие скорости. Трансплант бы их не выдержал, а мы и по-давно.

— Семь g , — в раздумье повторил Браун.

— При которых трансплант тоже лишился бы чувств. А ему надо быть в сознании, чтобы провести корабль сквозь земную атмосферу. Времени у нас уйма.

— Сейчас мы движемся довольно медленно, — заметил Далквист.

Ферн бросил цепкий взгляд на звездный глобус.

— Похоже на то. Пустите-ка, я займусь.

Он опоясался канатом и привязал конец к одной из центральных колонн.

— Чтоб не было несчастных случаев.

— Не так уж трудно найти нужную цепь, — сказал Браун.

— Как правило, не трудно. Но тут ведь все понамешано — атомное управление, радар, кухонный водопровод. А ярлыки эти служили только для удобства изготовителей. Ведь корабль строили не по чертежам. Он сделан смаху. Я-то найду транспланта, но для этого нужно время. Так что придержите язык и дайте мне спокойно поработать.

Браун насупился, но ничего не ответил. Лысый череп Коттона покрылся испариной. Далквист рукой обхватил металлическую колонну и стал ждать, что будет дальше. Толмен опять взглянул на галерею, что

тянулась вдоль стен. На звездном глобусе заплясал диск красного света.

— Квент, — позвал Толмен.

— Да, Вэн. — Голос Квентина был далек и спокоен. Браун, будто невзначай взялся рукой за блястер, висающий у него за поясом.

— Отчего ты не сдаешься?

— А вы?

— Тебе нас не одолеть. С Каннингхэмом ты справился по счастливой случайности. Теперь мы настроже — ты не причинишь нам вреда. Найти тебя — вопрос только времени. А тогда не жди пощады, Квент. Ты можешь избавить нас от лишних усилий: сообщи, где находишься. Мы согласны отплатить услугой за услугу. Если отыщем тебя без твоей помощи, тебе уже не придется ставить условия. Ну, как?

— Нет, — ответил Квентин просто.

Несколько минут все молчали. Толмен наблюдал за Ферном, а тот, чрезвычайно осторожно разматывая бухту каната, исследовал паутину, где повисло тело Каннингхэма.

— Разгадка вовсе не там, — сказал Квентин. — Я неплохо замаскирован.

— Но беспомощен, — тотчас нашелся Толмен.

— Вы тоже. Спроси хоть у Ферна. Стоит ему перепутать контакты — и звездолет превратится в плазму. Так что ваши дела не лучше. Я ложусь на новый курс, возвращаюсь на Землю. Если вы сейчас не сдадитесь...

Вмешался Браун:

— Старинные законы действуют и поныне. За пиратство полагается смертная казнь.

— Пиратства не было вот уже много веков. Если дойдет до суда, приговор могут и заменить.

— Тюрьмой? Изменением условных рефлексов? — уточнил Толмен. — Лучше смерть.

— Мы гасим скорость! — воскликнул Далквист, покрепче ухватившись за колонну.

Поглядев на Брауна, Толмен уже не сомневался, что толстяк понял и оценил его тактику. Там, где техника бессильна, всеильна психология. В конце концов, мозг у Квентина человеческий.

Прежде всего усыпить бдительность противника.

— Квент!

Но Квентин не отвечал. Браун, поморщась, обернулся посмотреть, как идут дела у Ферна. Физик сосредоточенно изучал схему соединений, делал пометки в блокноте, укрепленном на левом локте скафандра, и по смуглому лицу его струился пот.

Вскоре Толмен ощутил легкую дурноту. Он покачал головой, осознав, что корабль почти совсем погасил скорость и крепче ухватился за ближайшую колонну. Ферн чертыхнулся. Ему было трудно удерживать равновесие — наступила невесомость. Пятеро в скафандрах держались, кто за что мог. Ферн злобно фыркнул:

— Допустим, мы в тупике, но транспланту от этого не легче. Я не могу работать в невесомости, но и он не попадет на Землю без ускорения.

— Я послал сигнал бедствия, — сообщил динамик.

Ферн рассмеялся.

— Это-то мы с Каннингхэмом угадали, да и вы сами проговорились Толмену. Имея на борту противометеоритный радар, вы не нуждаетесь в аппаратуре связи и у вас ее нет.

Он окинул взглядом блок, от которого только что отошел.

— Впрочем, возможно, я был слишком близок к правильному решению, а? Не потому ли...

— Вы даже не начали приближаться, — оборвал его Квентин.

— Все равно... — Ферн оттолкнулся от колонны, высвободил очередную порцию каната. Он намотал петлю на левое запястье и, повиснув в воздухе, возобновил изучение схемы.

Руки Брауна не удержались на скользкой поверхности колонны, и он взмыл, как воздушный шар, слишком сильно надутый. Толмен, оттолкнувшись, метнулся к площадке с поручнями. Рука в тяжелой перчатке поймала металлический брус. Толмен раскачался, подобно воздушному гимнасту, вспрыгнул на площадку и посмотрел вниз (хотя понятия «вверх» и «вниз» исчезли), на салон управления.

— По-моему, вам лучше сдать, — сказал Квентин.

Браун медленно плыл к Ферну.

— Никогда, — заявил он, и в тот же миг с силой парового молота на звездолет обрушилась четырехкратная перегрузка. Это не был рывок вперед. Направление было другим, заранее заданным. Ферн уцелел, отделившись лишь вывихом кисти: петля спасла его от гибельного падения на голые провода.

Толмена швырнуло на пол площадки. Ему было видно, как внизу остальные тяжело валяются на твердые плиты. Один лишь Браун упал на пол. В момент резкого ускорения он парил над отверстием, куда подается горячее.

Толмен увидел, как скрылось из виду массивное тело. Раздался душераздирающий крик.

Далквист, Ферн и Коттон с усилием поднялись на ноги. Они осторожно подошли к отверстию и заглянули вниз.

— Он не... — начал было Толмен.

Коттон отвернулся. Далквист не двинулся с места. «Будто зачарованный», — подумал Толмен, но потом заметил, как у того вздрагивают плечи. Ферн посмотрел вверх, на площадку.

— Прошел через грохот, — сказал он. — Металлическая сетка с ячейками один меш.

— Пробил сетку?

— Нет, — неторопливо ответил Ферн. — Не пробил. Прошел насквозь.

Четырехкратная сила тяжести и падение с двадцатипятиметровой высоты в сумме дают что-то чудовищное. Толмен закрыл глаза и окликнул:

— Квент!

— Сдаетесь?

— Никогда в жизни! — буркнул Ферн. — Не так уж мы друг от друга зависим. Обойдемся и без Брауна.

Толмен уселся на площадке, держась за поручень и свесив ноги в пустоту. Он всматривался в звездный глобус, который висел слева от него, метрах в двенадцати. Красное пятнышко — индикатор положения звездолета — не двигалось.

— По-моему, ты теперь не человек, Квент.

— Оттого, что не хватаюсь за бластер? У меня

другое оружие. Я не питаю иллюзий, Вэн. Я отстаиваю свою жизнь.

— Мы еще можем сговориться.

— Я ведь предсказывал, что ты раньше меня забудешь о нашей дружбе, — ответил Квентин. — Ты не мог не знать, что ваш налет кончится моей гибелью. Но тебе это было безразлично.

— Я не ожидал, что ты...

— Ясно, — сказал динамик. — Интересно, ты бы с такой же готовностью осуществлял ваш план, если бы я не утратил человеческого облика? А насчет дружбы... не будем брезговать психологическими методами, Вэн. Мое металлическое тело ты считаешь врагом, барьером между тобой и настоящим Бартом Квентином. Подсознательно, может быть, ты ненавидишь его и потому стремишься уничтожить. Несмотря на то, что вместе с ним истребишь и меня. Не знаю — возможно, ты оправдываешь себя рационалистическим рассуждением, будто тем самым избавишь меня от причины, которая воздвигла между нами барьер. И забываешь, что в главном-то я не изменился.

— Мы с тобой когда-то играли в шахматы, — сказал Толмен, — но пешек и фигур не ломали.

— Пока что я под шахом, — возразил Квентин. — Защищаться могу только конями. А у тебя еще целы слоны и ладьи. Можешь уверенно двигаться к цели. Сдаешься?

— Нет! — бросил Толмен. Глаза его были прикованы к красному пятнышку света. Он уловил легчайший трепет и отчаянно схватился за металлический поручень. Когда корабль рванулся, Толмен повис в воздухе. Одну руку отбросило с поручня, но другая удержалась. Звездный глобус яростно раскачивался. Толмен перекинул ногу через поручень, вернулся на узенькую площадку и глянул вниз.

Ферна по-прежнему удерживал канат. Далквист и Коттон заскользили по полу и с грохотом врезались в колонну. Кто-то вскрикнул.

Обливаясь потом, Толмен осторожно спустился. Но, когда он подошел к Коттону, тот был уже мертв. О том, как он умер, рассказали трещины в смотровом стекле шлема и искаженные посиневшие черты лица.

— На меня налетел, — выдавил из себя Далквист. — Разбил стекло о гребень моего шлема.

Хлорная атмосфера корабля прикончила Коттона если не безболезненно, то быстро. Далквист, Ферн и Толмен переглянулись.

Светловолосый великан сказал:

— Трех не стало. Не нравится мне это. Очень не нравится.

Ферн оскалил зубы.

— Значит, мы все еще недооцениваем противника. Привяжитесь к колоннам. Не двигайтесь без страховки. Не подходите к опасным предметам.

— Мы все еще приближаемся к Земле, — напомнил Толмен.

— Ну да, — кивнул Ферн. — Можно открыть люк и шагнуть в пространство. А дальше что? Мы рассчитывали, что будем пользоваться кораблем. Теперь ничего другого не остается.

— Если мы сладимся... — начал Далквист.

— Казнь, — без обиняков сказал Ферн. — У нас еще есть время. Я разобрался в некоторых соединениях. Многие отпадают.

— Все еще надеешься на удачу?

— Пожалуй, но только все время держитесь за что-нибудь устойчивое. Я найду ответ, прежде чем мы войдем в атмосферу.

— Мозг испускает характерные колебания, — предложил Толмен. — Может быть, направленным искателем...

— Это хорошо посреди пустыни Мохаве. Но не здесь. На корабле полным полно излучений и токов. Как их различить без специальной аппаратуры?

— Мы ведь кое-что взяли с собой. Да и здесь ее хватает.

— Здесь она с сюрпризами. Я ведь стараюсь не нарушать status quo. Жаль, что Каннингхэм так бесславно погиб.

— Квентин не дурак, — сказал Толмен. — Первым убрал электроника, вторым — Брауна. Слона и ферзя. Потом на тебя покушался.

— А я тогда кто же?

— Ладья. Он и с тобой расправится при случае. — Толмен нахмурился, стараясь вспомнить

что-то важное. И вдруг вспомнил. Он склонился над блокнотом на рукаве у Ферн, телом прикрывая запись от фотоэлементов, которые могли оказаться в любой точке стен или потолка. Он написал «Пьянеет от токов высокой частоты. Сделаешь?»

Ферн смял листок и, неловко действуя рукой в перчатке, медленно разорвал на клочки. Он подмигнул Толмену и неуловимо кивнул.

— Что ж, постараюсь, — сказал он, разматывая канат, чтобы подойти к сумке с инструментами, которую принес на борт вдвоем с Каннингхэмом.

Очутившись одни, Далквист и Толмен привязались к колоннам и стали ждать. Больше ничего не оставалось. Толмен как-то упоминал при Ферне и Каннингхэме о высокочастотном опьянении, но они не сочли эту информацию ценной. А ведь в ней, возможно, ключ к ответу — надо подкрепить технику прикладной психологией.

Тем временем Толмен тосковал по сигарете. В неуклюжем скафандре он мог принять только таблетку соли и выпить несколько глотков теплой воды, и то благодаря специальному механизму. Сердце его стучало, от тупой боли ломило в висках. В скафандре было неудобно, никогда еще Толмену не приходилось испытывать такого — как будто заточили его душу.

Через приемник он вслушивался в гудящее безмолвие, нарушаемое лишь шорохом резиновой обшивки сапог, когда передвигался Ферн. Хаос корабельного оборудования заставил Толмена зажмуриться; безжалостное освещение, не рассчитанное на глаза человека, вызывало нервную боль в глазницах. «Где-то на корабле, — подумал он, — скорее всего в салоне, спрятан Квентин. Он замаскирован. Но как?»

Принцип украденного письма? Навряд ли. У Квентина не было оснований ждать налета. Лишь по чистой случайности транспланту выбрали такое превосходное укрытие. По случайности, а также из-за лихорадочной спешки строителей, создавших звездолет разового назначения, удобный, как логарифмическая линейка, — ни более, ни менее.

«Вот если заставить Квентина обнаружить себя...» — подумал Толмен.

Но каким образом? Через наведённое раздражение мозга — опьянение?

Воззвать к основным схемам? Но человеческий мозг не способен на них воздействовать. У этой породы только и есть общего с человеком, что инстинкт самосохранения. Толмен жалел, что не похитил Линду. Тогда бы у него был козырь.

Будь у Квентина человеческое тело, загадка решалась бы просто. И не обязательно пыткой. Толмена привела бы к цели произвольная мускульная реакция — старинное оружие профессиональных фокусников. К сожалению, целью был Квентин — бестелесный мозг в герметизированном, изолированном металлическом цилиндре, где вместо позвоночника — провод.

Если бы Ферну удалось наладить высокочастотный генератор, колебания так или иначе ослабили бы оборону Барта Квентина. Пока же трансплант остается крайне опасным противником. И отлично замаскированным.

Ну, не то чтобы идеально. Вовсе нет. Толмен внезапно оживился: ведь Квентин не просто отсиживается, пренебрегая пиратами, и возвращается кратчайшим путем на Землю. Он повернул назад, а не продолжил полет на Каллисто, и это доказывает, что Квентину нужна подмога. А тем временем, убивая, он отвлекает незваных гостей.

Значит, Квентина явно можно найти.

Лишь бы хватило времени.

Каннингхэму это было по плечу. И даже Ферн — угроза транспланту. Это значит, что Квентин... боится.

Толмен прерывисто вздохнул.

— Квент, — сказал он, — есть предложение. Ты слушаешь?

— Да, — ответил далекий, до ужаса знакомый голос.

— Есть вариант, устраивающий нас всех. Ты хочешь остаться в живых. Мы хотим получить корабль. Верно?

— Правильно.

— Предположим, мы сбрасываем тебя на парашюте, когда входим в земную атмосферу. Потом принимаем управление и снова уходим в космос. Тогда...

— А Брут весьма достойный человек, — закончил Квентин. — Но только он, конечно, никогда таким не был. Я никому из вас больше не доверяю, Вэн. Психопаты и преступники слишком аморальны. Они не останутся ни перед чем, считая, будто цель оправдывает средства. Ты психолог с неустойчивой психикой, Вэн, и именно поэтому я не верю ни единому твоему слову.

— Надолго вперед загадываешь. Помни, если мы вовремя отыщем нужную схему, переговоров не будет.

— Если отыщете.

— До Земли далеко. Теперь мы остерегаемся. Больше ты никого не убьешь. Мы попросту будем спокойно работать, пока не найдем тебя. Ну, как?

Помолчав, Квентин сказал:

— Я уж лучше загадаю вперед. Технические категории знакомы мне лучше человеческих. Завися от своей области знаний, я в большей безопасности, чем если бы попытался заняться психологией. Я разбираюсь в коэффициентах и косинусах, но не в коллоидной начинке твоего черепа.

Голова Толмена поникла, с носа на смотровое стекло шлема покатылся пот. Волной нахлынула внезапная боязнь замкнутого пространства — боязнь тесного скафандра, более просторной темницы салона и самого корабля.

— Ты скован в своих действиях, Квент, — сказал он чересчур громко. — Выбор оружия у тебя небогатый. Ты не можешь изменить здесь атмосферного давления, иначе давно сплющил бы нас в лепешку!

— А заодно и драгоценное оборудование. Кстати, ваши скафандры выдерживают, практически, любое давление.

— Король у тебя все еще под шахом.

— Как и у тебя, — хладнокровно ответил Квентин.

Ферн посмотрел на Толмена долгим взглядом, в котором читались одобрение и тень торжества. Под неуклюжими перчатками, орудующими хрупкими инструментами, возникал генератор. К счастью, надо было переремонтировать готовое оборудование, а не создать его заново — иначе времени не хватило бы.

— Наслаждайся жизнью, — сказал Квентин. — Я выжимаю все ускорение, которое мы стерпим.

— Не ощущаю перегрузок, — заметил Толмен.

— Все, которое мы стерпим, а не которое я способен развить. Давай же, развлекайся. Победить ты не можешь.

— Неужели?

— Сам посуди. Пока вы привязаны к месту, вам ничто не угрожает. А если начнете двигаться по кораблю, я вас уничтожу.

— Значит, чтобы захватить тебя, надо двигаться?

Квентин рассмеялся.

— Этого я не говорил. Я хорошо замаскирован. Сейчас же выключите!

Эхо от крика перекатывалось под сводчатым потолком, сотрясая янтарный воздух. Толмен нервно дернулся. Он перехватил взгляд Ферн и увидел, что астрофизик усмехается.

— Подействовало, — сказал Ферн.

Наступило долгое молчание. Внезапно корабль тряхнуло. Но генератор был надежно закреплен, да и людей страховали канаты.

— Выключите, — вторично потребовал Квентин. Голос его звучал не вполне уверенно.

— Где ты? — спросил Толмен.

Никакого ответа.

— Мы можем и подождать, Квент.

— Ну и ждите! Я... меня не отвлекает страх за свою шкуру. Вот одно из многих преимуществ транспланта.

— Сильный раздражитель, — пробормотал Ферн. — Быстро его разобрало.

— Полно, Квент, — убедительно сказал Толмен. — У тебя ведь не исчез инстинкт самосохранения. Вряд ли тебе сейчас очень приятно.

— Даже... слишком приятно, — с запинкой ответил Квентин. — Но ничего не выйдет. Меня всегда было трудно подпойть.

— Это не выпивка, — возразил Ферн. Он коснулся диска регулятора.

Трансплант рассмеялся; Толмен с удовольствием отметил про себя, что его речь стала невнятной.

— Уверяю тебя, ничего не выйдет. Я для вас слишком... хитер.

— Да ну?

— Да! Вы тоже не дураки, никоим образом. Ферн, может быть и знающий инженер, но недостаточно знающий. Помнишь, Вэн, в Квебеке ты спросил, какие во мне... изменения? Я сказал, что никаких. Теперь я убеждаюсь, что ошибся.

— То есть?

— Меньше отвлекаюсь. — Квентин был слишком разговорчив — симптом опьянения. — В телесной оболочке мозг не может полностью сосредоточиться. Он постоянно ощущает тело. А тело — механизм несовершенный. Слишком специализированный, чтобы иметь высокий КПД. Дыхание, кровообращение — все это мешает. Отвлекают даже вдохи и выдохи. Так вот, сейчас мое тело — корабль, но это механизм идеальный. У него КПД предельно высокий. Соответственно, лучше работает мой мозг.

— Сверхчеловеческий.

— Сверхдейственный. Обычно шахматную партию выигрывает более сложно организованный мозг, потому что он предвидит все мыслимые гамбиты. Так и я предвижу все, что ты можешь сделать. А у тебя серьезный гандикап.

— Отчего же?

— Ты человек.

Самомнение, подумал Толмен. Не здесь ли его ахиллесова пята? Сладость успеха, очевидно, сделала свое психологическое дело, а электронный хмель усыпил центры торможения. Логично. После пяти лет однообразной работы, как она ни необычна, внезапно изменившаяся ситуация (переход от действия к бездействию, превращение из машины в главного героя) могла послужить катализатором. Самомнение. И сумеречное мышление.

Ведь Квентин не сверхмозг. Отнюдь нет. Чем выше коэффициент умственного развития, тем меньше нуждаешься в самооправдании, прямом или косвенном. И как ни странно, Толмен разом избавился от неотступных угрызений совести. Настоящего Барта Квентина никто не мог обвинить в параноидном мышлении.

Значит...

Произношение Квентина оставалось четким, он не глотал слов. Но ведь звуки он издает не губами, не языком, без помощи неба. А вот контроль громкости заметно ухудшился, и голос транспланта то понижался до шепота, то срывался на крик.

Толмен усмехнулся. На душе у него стало легче.

— Мы люди, — сказал он, — но мы-то пока трезвы.

— Чепуха. Посмотри на индикатор. Мы приближаемся к Земле.

— Хватит дурака валять, Квентин, — устало проговорил Толмен. — Ты блефуешь, и мы оба это понимаем. Не можешь ведь ты до бесконечности терпеть высокочастотный раздражитель. Не трать время, сдавайся.

— Сам сдавайся, — сказал Квентин. — Я вижу все, что делает каждый из вас. Да и корабль — ловушка на ловушке. Мне остается только наблюдать отсюда, сверху, пока вы не очутитесь возле какой-нибудь ловушки. Я свою партию продумал на много ходов вперед, все гамбиты кончатся матом одному из вас. У вас нет никакой надежды. У вас нет никакой надежды.

Отсюда, сверху, подумал Толмен. Откуда сверху? Он вспомнил реплику Коттона, что найти транспланта поможет геометрия. Конечно. Геометрия и психология. Разделить корабль на две части, потом на четыре и так далее...

Теперь уж не обязательно. *Сверху* — решающее слово. Толмен ухватился за него с пылом, никак не отразившемся на его лице. *Сверху* — значит, зона поисков сужается вдвое. Нижние участки корабля можно исключить. Теперь надо разделить пополам верхнюю секцию — линия пройдет, допустим, через звездный глобус.

Глаза транспланта — фотоэлементы — расположены, конечно, повсюду, но Толмен решил исходить из того, что Квентин считает себя находящимся в каком-то одном пункте, а не разбросанным по всему кораблю. Местонахождение человека в его понимании соответствует местонахождению головы.

Итак, Квентину видно красное пятно на звездном глобусе, но это не значит, что он находится в стене,

к которой обращено это полушарие глобуса. Надо спровоцировать транспланта, пусть укажет свои координаты относительно тех или иных предметов на корабле. Это будет трудно: ведь в таких случаях координаты определяются на глазок; зрение — важнейшее звено, связующее человека с его окружением. А у Квентина зрение почти всемогущее. Он видит все.

Но можно же его как-то локализовать?

Помогла бы словесная ассоциация. Но для этого нужно содействие. Квентин не настолько пьян!

Можно узнать, что именно видит Квентин, но этим все равно ничего не определишь: его мозгу не обязательно соседствовать с одним из глаз. У транспланта есть неуловимое, внутреннее ощущение пространства — сознание, что он, слепой, глухой, немой, если бы не разбросанные повсюду дистанционные датчики, находится в определенном месте. А как вытянуть из Квентина то, что нужно: ведь на прямые вопросы он не ответит?

Не удастся, подумал Толмен с безнадежным чувством подавленного гнева. Гнев разрастался. Он бросил Толмена в пот, вызвал тупую, щемящую ненависть к Квентину. Во всем виноват Квентин — в том, что Толмен стал узником ненавистного скафандра и огромного смертоносного корабля. Машина виновата...

И вдруг он придумал выход.

Все, конечно, зависит от того, насколько пьян Квентин. Толмен бросил вопросительный взгляд на Ферна, а тот в ответ повернул диск и кивнул.

— Будьте вы прокляты, — шепотом произнес Квентин.

— Чепуха, — сказал Толмен. — Ты сам дал понять, что у тебя исчез инстинкт самосохранения.

— Я... не...

— Это правда, не так ли?

— Нет, — громко ответил Квентин.

— Ты забываешь, Квент, что я психолог. Мне давно следовало всесторонне охватить твою проблему. Она ведь была открытой книгой еще до того, как я тебя увидел, только читай. Стоило мне увидеть Линду.

— Помолчи о Линде!

На какой-то миг Толмену явилось тошнотворное

видение пьяного, измученного мозга, скрытого где-то в стене, — сюрреалистический кошмар.

— Ясно, — сказал он. — Ты и сам не хочешь о ней думать.

— Помолчи.

— Ты и о себе не хочешь думать, так ведь?

— Чего ты добиваешься, Вэн? Хочешь меня разозлить?

— Нет, — сказал Толмен, — просто я сыт по горло, надоела мне вся эта история, с души воротит. Притворяешься, будто ты Барт Квентин, будто ты человек, будто с тобой можно договориться на равных.

— Мы не договоримся...

— Я не о том, и ты сам это знаешь. Я только сейчас понял, кто ты такой.

Слова повисли в мутном воздухе. Толмену казалось, будто он слышит тяжелое дыхание Квентина, хоть он и понимал, что это иллюзия.

— Прошу тебя, Вэн, помолчи, — сказал Квентин.

— А кто это просит?

— Я.

— А кто ты такой?

Корабль резко остановился. Толмен чуть было не потерял равновесия. Его спас канат, обмотанный вокруг колонны. Он засмеялся.

— Я бы над тобой сжалился, Квент, если бы ты был ты. Но это не так.

— Меня на эту удочку не поймаешь.

— Пусть это удочка, но это правда. Ты и сам над этим задумывался. Голову даю на отсечение.

— Над чем задумывался?

— Ты больше не человек, — мягко сказал Толмен. — Ты вещь. Машина. Устройство. Кусок серого губчатого мяса в ящике. Неужели ты думал, что я способен к тебе привыкнуть... теперь? Что я могу отождествить тебя с прежним Квентом? У тебя ведь лица нет!

Из динамика донеслись звуки. Металлические. Потом...

— Замолчи, — сказал Квентин почти жалобно. — Я знаю, чего ты добиваешься.

— Ты не хочешь смотреть правде в глаза. Только ведь придется рано или поздно, убьешь ты нас или

нет. Это... происшествие... случайность. А мысли в твоём мозгу будут все расти и расти. Ты будешь все больше и больше изменяться. Ты уже сильно изменился.

— Ты с ума сошел, — сказал Квентин. — Я ведь не... чудовище.

— Надеешься, да? Рассуждай логически. До сих пор ты не решался, так ведь? — Толмен поднял руку в защитной перчатке, и стал загибать пальцы, отсчитывая пункты обвинения. — Ты судорожно хватаешься за то, что от тебя ускользает, — за человечность, твой удел по праву рождения. Ты дорожишь символами в надежде, что они заменят реальность. Отчего ты притворяешься, будто ешь? Отчего настаиваешь, чтобы коньяк тебе наливали в бокал? Знаешь ведь, что с тем же успехом его можно выдавить в тебя из масленки.

— Нет! Нет! Эстетическая...

— Вздор. Ты смотришь телевизор. Читаешь. Притворяешься до такой степени человеком, что даже стал карикатуристом. Это все притворство, отчаянное, безнадежное цепляние за то, чего у тебя уже нет. Откуда у тебя потребность в пьянстве? Ты не уравновешен психически, оттого что притворяешься человеком, а на самом деле уже не человек.

— Я... да я еще лучше...

— Возможно... если бы ты родился машиной. Но ты был человеком. Имел человеческий облик. У тебя были глаза, волосы, губы. Линда не может этого не помнить, Квент. Ты должен был настоять на разводе. Понимаешь, если бы тебя только искалечило взрывом, она бы о тебе заботилась. Ты бы в ней нуждался. А так — ты независимая, самостоятельная единица. Линда тщательно притворяется. Надо отдать ей должное. Она старается не представлять тебя сверхмощным вертолетом. Механизмом. Шариком сырой клетчатки. Тяжело же ей приходится. Она тебя помнит таким, каким ты был.

— Она меня любит.

— Жалее, — беспощадно поправил Толмен.

В жужжащем безмолвии красный индикатор полз по глобусу. Ферн украдкой облизал губы. Далквист, сощурился, спокойно наблюдал за происходящим.

— Да-да, — сказал Толмен, — смотри правде в лицо. И взгляни в будущее. Есть и компенсация. Для тебя будет удовольствием пользоваться всеми своими механизмами. Постепенно ты даже забудешь, что когда-то был человеком. И ты станешь счастливее. Потому что этого не удержишь, Квент. Это отходит. Еще какое-то время можешь притворяться, но в конце концов это утратит значение. Научись довольствоваться тем, что ты только машина. Увидишь красоту в машинах, а не в Линде. Возможно, это уже случилось. Возможно, Линда понимает, что это случилось. Знаешь, пока еще ты не обязан быть честным с собой. Ты ведь бессмертен. Но мне такого бессмертия даром не нужно.

— Вэн...

— Я-то по-прежнему Вэн. А вот ты — машина. Не стесняйся, убей нас, если хочешь и если можешь. Потом возвращайся на Землю и, когда увидишь Линду, посмотри ей в лицо. Посмотри на нее, когда она не будет знать, что ты ее видишь. Тебе ведь это легко. Вставь фотоэлемент в лампу или еще куда-нибудь.

— Вэн!.. Вэн!

Толмен уронил руки вдоль тела.

— Ладно. Где ты?

Молчание ширилось, а в желтом просторе жужжанием трепетал невысказанный вопрос. Вопрос, тревожащий каждого транспланта. Вопрос о цене.

Какой ценой?

Предельное одиночество, мучительное сознание того, что старые узы рвутся одна за другой, что вместо живой, теплой души человека остается уродливый супермозг?

Да, он задумался — этот трансплант, бывший Барт Квентин. Он задумался, пока гордые, мощные машины, составляющие его тело, готовились мгновенно и энергично ожить.

Изменяюсь ли я? Остался ли прежним Бартом Квентином? Или они — люди — считают меня... Как в действительности относится ко мне Линда? Неужто я... Неужто я... неодушевленный предмет?

— Поднимись на балкон, — сказал Квентин. Его голос звучал удивительно вяло и мертво.

Толмен подал быстрый знак. Ферн и Далквист оживились. Они полезли вверх по лестницам, находящимся у противоположных стен салона, но оба предусмотрительно прикрепили свои канаты к перекладинам.

— Где это? — вкрадчиво спросил Толмен.

— В южной стене... Ориентируйся по звездному глобусу. Ко мне подойдешь... — Голос умолк.

— Да?

Молчание.

— Ему нехорошо? — окликнул сверху Ферн.

— Квент!

— Да... Примерно в центре площадки. Я скажу, когда подойдешь.

— Осторожно, — предостерег Далквиста Ферн. Он обмотал свой канат вокруг поручня площадки и стал бочком подвигаться вперед, глазами обшаривая стены.

Одну руку Толмен высвободил, чтобы протереть снаружи запотевшее смотровое стекло. Пот градом лился по его лицу, по всему телу. Призрачный желтый свет, от которого мороз шел по коже, жужжащее безмолвие машин, которые должны были бы оглушительно реветь, — от всего этого невыносимо напряглись нервы.

— Здесь? — крикнул Ферн.

— Где это, Квент? — спросил Толмен. — Где ты?

— Вэн, — сказал Квент с мучительным, неотвязным страданием в голосе. — Ты ведь не всерьез это говорил. Не может так быть. Это же... Я должен знать! Я думаю о Линде!

Толмен содрогнулся. Он облизал пересохшие губы.

— Ты машина, Квент, — сказал он непреклонно. — Устройство. Сам ведь знаешь, я никогда не попытался бы убить тебя, если бы ты все еще был Бартом Квентином.

И тут Квентин рассмеялся резким, устрашающим смехом.

— Получай, Ферн! — прогремел он, и отголоски загудели, загрохотали под сводчатым потолком. Ферн вцепился в поручень площадки.

Это была роковая ошибка. Канат, привязывающий его к поручню, оказался западней, так как Ферн не сразу увидел опасность и не успел отвязаться.

Корабль рвануло.

Все было прекрасно рассчитано. Ферна отбросило к стене, но канат его удержал. В тот же миг огромный звездный глобус маятником закачался по исполинской дуге на своей подвеске. При ударе канат Ферна мгновенно лопнул.

От вибрации загудели стены.

Толмен прижался к колонне, не сводя глаз с глобуса. А глобус все качался да качался, и амплитуда его колебания уменьшалась по мере того, как вступало в свои права трение. С глобуса брызгала и капала жидкость.

Толмен увидел, как над поручнем показался шлем Далквиста. Тот пронзительно закричал:

— Ферн!

Ответа не было.

— Ферн! Толмен!

— Здесь, — сказал Толмен.

— А где... — Далквист обернулся, пристально посмотрел на стену и вскрикнул.

Из его рта полилась бессвязная непристойная брань. Он выдернул из-за пояса бластер и прицелился вниз, в хитросплетения аппаратуры.

— Далквист! — воскликнул Толмен. — Не смейте!

Далквист не расслышал.

— Я разнесу корабль в щепки! — бушевал он. — Я...

Толмен выхватил свой бластер, воспользовался колонной как упором и прострелил Далквисту голову. Он следил за тем, как тело повисло над поручнем, опрокинулось и рухнуло на плиты пола. Потом упал ничком и замер, жалко поскуливая.

— Вэн, — позвал Квентин.

Толмен не отвечал.

— Вэн!

— Чего?

— Отключи генератор.

Толмен поднялся, шатаясь подошел к генератору,

и оборвал проводку. Он не стал утруждать себя поисками более простого способа.

Прошло много времени, и корабль приземлился. Затихла жужжащая вибрация. Огромный полутемный салон управления казался теперь на удивление пустым.

— Я открыл люк, — сказал Квентин. — До Денвера пять-десять миль на север. В четырех милях отсюда шоссе, по нему доберешься.

Толмен стоял, озираясь. У него был опустошенный взгляд.

— Ты нас перехитрил, — пробормотал он. — С самого начала ты с нами играл, как кот с мышами. А я-то, психолог...

— Нет, — прервал Квентин, — ты почти преуспел.

— Что...

— Но ведь ты не считаешь меня машиной. Ты удачно притворялся, да семантика выручила. Я пришел в себя, как только понял, что ты сказал.

— А что я сказал?

— Что ты никогда не попытался бы убить меня, если бы я был прежним Бартом Квентином.

Толмен медленно снимал скафандр. Ядовитую атмосферу уже сменил чистый, свежий воздух. Он изумленно покачал головой.

— Не понимаю.

Смех Квентина звенел, заполняя салон теплым трепетом человечности.

— Машину можно остановить или сломать, Вэн, — сказал он. — Но ее никак нельзя убить.

Толмен ничего не ответил. Он высвободился из громоздкого скафандра и нерешительно направился к дверному проему. Тут он оглянулся.

— Открыто, — сказал Квентин.

— Ты меня отпускаешь?

— Говорил же я еще в Квебеке, что ты раньше меня забудешь о нашей дружбе. Советую поторопиться, Вэн, пока есть время. Из Денвера, наверное, уже выслали вертолеты.

Толмен окинул вопросительным взглядом обширный салон. Где-то, безупречно замаскированный сре-

ди всемогущих машин, в укромном уголке покоится металлический цилиндр, Барт Квентин...

В горле у него пересохло. Толмен глотнул, открыл рот и снова закрыл.

Потом круто повернулся и ушел. Постепенно его шаги затихли вдали.

Один, в безмолвии корабля, Барт Квентин ждал инженеров, которые вновь подготовят его тело к рейсу на Каллисто.

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА

На рассвете погожего майского дня по дорожке к старому особняку поднимались трое. Оливер Вильсон стоял в пижаме у окна верхнего этажа и глядел на них со смешанным, противоречивым чувством, в котором была изрядная доля возмущения. Он не хотел их видеть.

Иностранцы. Вот, собственно, и все, что он знал о них. Они носили странную фамилию Санциско, а на бланке арендного договора нацарапали каракулями свои имена: Омерайе, Клеф и Клайа. Глядя на них сверху, он не мог сказать, кто из них каким именем подписался. Когда ему вернули бланк, он даже не знал, какого они пола. Он вообще предпочел бы большую национальную определенность.

У Оливера чуть зашло сердце, пока он смотрел, как эти трое идут вверх по дорожке за шофером такси. Он рассчитывал, что непрошеные жильцы окажутся не такими самоуверенными и ему без особого труда удастся их выставить. Его расчеты не очень-то оправдывались.

Первым шел мужчина, высокий и смуглый. Его осанка и даже манера носить костюм выдавали ту особую надменную самонадеянность, что дается твердой верой в правильность любого своего шага на жизненном пути. За ним шли две женщины. Они смеялись, у них были нежные мелодичные голоса и лица, наделенные особенной экзотической красотой. Однако, когда Оливер разглядел их, его первой мыслью было: здесь пахнет миллионами!

Каждая линия их одежды дышала совершенством, но не в этом была суть. Бывает такое богатство, когда уже и деньги перестают иметь значение. Оли-

веру, хотя и нечасто, все же доводилось встречать в людях нечто похожее на эту уверенность — уверенность в том, что земной шар у них под ногами вращается исключительно по их прихоти.

Но в данном случае он чувствовал легкое замешательство: пока эти трое приближались к дому, ему показалось, что роскошная одежда, которую они носили с таким изяществом, была для них непривычной. В их движениях сквозила легкая небрежность, как будто они в шутку нарядились в маскарадные костюмы. Туфли на тонких «шпильках» заставляли женщин чуть-чуть семенить, они вытягивали руки, чтобы рассмотреть покрой рукава, и поеживались под одеждой, словно платья им были в новинку, словно они привыкли к чему-то совсем другому.

Одежда сидела на них с поразительной и необычной, даже на взгляд Оливера, элегантностью. Разве только кинозвезда, которая позволяет себе останавливать съемку и само время, чтобы расправить смятую складку и всегда выглядеть совершенством, могла быть такой элегантной — да и то на экране. Но поражала не только безупречная манера держаться и носить одежду так, что любая складочка повторяла каждое их движение и возвращалась на свое место. Невольно создавалось впечатление, что и сама их одежда сделана не из обычного материала или выкроена по какому-то невиданному образцу и сшита настоящим гением портновского дела: швов нигде не было видно.

Они казались возбужденными, переговаривались высокими, чистыми, очень нежными голосами, разглядывая прозрачную синеву неба, окрашенного розовым светом восхода, и деревья на лужайке перед домом. Разглядывали только-только успевшие распуститься листья, которые все еще клейко загибались по краям и просвечивали нежной золотистой зеленью.

Счастливые, оживленные, они о чем-то спросили своего спутника. Он ответил, и его голос так естественно слился с голосами женщин, что, казалось, они не разговаривают, а поют. Голоса отличались тем же

почти невероятным изяществом, что и одежда. Оливеру Вильсону и не снилось, что человек способен так владеть своим голосом.

Шофер нес багаж — нечто красивого блеклого цвета, из материала, напоминающего кожу. Приглядевшись, можно было увидеть, что это не один предмет, а два или даже три. Для удобства их скомпоновали в идеально уравновешенный блок и так точно пригнали друг к другу, что линии стыков были едва заметны. Материал был потертым, словно от частого употребления. И, хотя багажа было много, ноша не казалась водителю тяжелой. Оливер заметил, что тот время от времени недоверчиво косится на багаж и взвешивает его на руке.

У одной из женщин были очень черные волосы, молочно-белая кожа, дымчато-голубые глаза и веки, опущенные под тяжестью ресниц. Но взгляд Оливера был прикован к другой. Ее волосы были светло-золотого оттенка, а лицо нежное, как бархат. Теплый янтарный загар был темнее цвета волос.

В ту минуту, как они вступили на крыльцо, блондинка подняла голову и посмотрела наверх — прямо в лицо Оливеру. Он увидел, что глаза у нее ярко-синие и чуть-чуть насмешливые. Она как будто знала, что он торчит у окна. И еще он прочитал в них откровенный восторг.

Чувствуя легкое головокружение, Оливер поспешил к себе в комнату, чтобы одеться.

— Мы приехали сюда отдыхать, — сказал мужчина, принимая от Оливера ключи. — И хотим, чтобы нам не мешали, как я подчеркивал в переписке с вами. Вы наняли для нас горничную и повара, не так ли? В таком случае, мы надеемся, что вы освободите дом от своих личных вещей и...

— Пойдите, — прервал его Оливер, поеживаясь. — Тут возникли кое-какие осложнения. Я... — Он замаялся, не зная, как лучше сообщить им об этом. С каждой минутой эти люди казались все более и более странными. Даже их речь — и та была странной. Они слишком тщательно выговаривали слова и произносили их

подчеркнуто раздельно. Английским языком они владели, как своим родным, но разговаривали на нем так, как поют певцы-профессионалы, в совершенстве овладевшие голосом и интонациями.

В голосе мужчины был холод, как будто между ним и Оливером лежала бездна, такая глубокая, что исключала всякую возможность общения.

— Что если мне подыскать для вас в городе что-нибудь более подходящее? Тут рядом, через улицу...

— О нет! — с легким ужасом произнесла брюнетка, и все трое рассмеялись. То был холодный, далекий смех, не предназначавшийся для Оливера.

Мужчина сказал:

— Мы тщательно выбирали, пока не остановились на этом доме, мистер Вильсон. Ничто другое нас не интересует.

— Не понимаю почему, — с отчаянием ответил Оливер. — Ведь это даже не современное здание. У меня есть еще два дома с куда большими удобствами. Да что там, перейдите через дорогу — из дома на той стороне открывается прекрасный вид на город. А здесь — здесь вообще ничего нет. Другие здания загораживают вид, и к тому же...

— Мистер Вильсон, мы сняли комнаты именно здесь, — сказал мужчина решительно. — Мы собираемся жить в этом доме. Поэтому потрудитесь, пожалуйста, поскорее освободить помещение.

— Нет, — ответил Оливер, и вид у него был упрямый. — В арендном договоре ничего об этом не сказано. Раз уж вы уплатили, то можете здесь жить до следующего месяца, но выставить меня у вас нет прав. Я остаюсь.

Мужчина собрался было возразить Оливеру, но, смерив его холодным взглядом, так ничего и не сказал. От этого безразличия Оливеру стало как-то неуютно. Последовало минутное молчание. Затем мужчина произнес:

— Прекрасно. В таком случае будьте любезны держаться от нас подальше.

Было немного странно, что он совсем не заинтересовался, отчего Оливер проявляет строптивость. А

Оливер слишком мало знал его, чтобы пускаться в объяснения. Не мог же он, в самом деле сказать: «После того как я подписал договор, мне предложили за дом тройную цену, если я продам его до конца мая». Не мог бы сказать и по-другому: «Мне нужны деньги, и я постараюсь досаждать вам своей персоной, пока вам не надоест и вы не решите съехать». В конце концов, почему бы им и не съехать?! Увидев их, он сразу понял, что они привыкли к неизмеримо лучшим условиям, чем мог похвастать его старый, измочаленный временем дом.

Нет, просто загадочно, почему этот дом вдруг приобрел такую ценность. И уж вовсе нелепо, что две группы каких-то таинственных иностранцев лезут вон из кожи, чтобы заполучить его на май.

Оливер молча повел квартирантов наверх и показал им три большие спальни, расположенные по фасаду. Присутствие блондинки он ощущал всем своим существом, знал, что она все время наблюдает за ним с плохо скрытым интересом и, пожалуй, с симпатией. Но в этом интересе проскальзывал какой-то особенный оттенок, которого он никак не мог уловить. Что-то знакомое, но не дающееся в руки. Он подумал, что с ней славно было бы поговорить с глазу на глаз, — хотя бы для того, чтобы поймать, наконец, этот оттенок и дать ему имя.

Затем он спустился вниз и позвонил невесте.

Голосок Сью в трубке повизгивал от возбуждения:

— Оливер, в такую рань?! Господи, ведь еще и шести нет. Ты сказал им, как я просила? Они переедут?

— Нет, еще не успел. Да и вряд ли они переедут. В конце концов, Сью, ты же знаешь, что я взял у них деньги.

— Оливер, они должны съехать! Ты обязан что-нибудь сделать!

— Я стараюсь, Сью. Но мне все это не нравится.

— Ну, знаешь, не могут они, что ли, остановиться в другом месте! А деньги за дом будут нам позарез нужны. Нет, Оливер, ты просто обязан что-нибудь придумать.

В зеркале над телефоном он поймал свой озабо-

ченный взгляд и сердито посмотрел на собственное отражение. Его волосы цвета соломы торчали в разные стороны, а приятное, смуглое от загара лицо заросло блестящей щетиной. Обидно, что блондинка впервые увидела его таким растрепой. Но тут решительный голос Сью пробудил задремавшую было совесть, и он сказал в трубку:

— Постараюсь, милая, постараюсь. Но деньги-то у них я все-таки взял.

И правда, они заплатили огромную сумму, куда больше того, что стоила аренда даже в этот год высоких цен и высоких доходов. Страна как раз вступила в одно из тех легендарных десятилетий, о которых потом говорили как о «веселых сороковых» или «золотых пятидесятых», — славное времечко национального подъема. Сплошное удовольствие жить в такое время, пока ему не приходит конец.

— Хорошо, — устало пообещал Оливер. — Сделаю все, что смогу.

Но день проходил за днем, и он понимал, что нарушает свое обещание. Тому было несколько причин. Сью, а не Оливер, придумала превратить его в пугало для жильцов. Прояви он чуть больше настойчивости, весь проект был бы похоронен еще в зародыше. Конечно, здравый смысл был на стороне Сью, однако...

Начать с того, что жильцы буквально околдовали его. Во всем, что они говорили и делали, был любопытный душок извращенности: как будто обычную человеческую жизнь поместили перед зеркалом и оно показало странные отклонения от нормы. Их мышление, решил Оливер, имеет совсем иную основу.казалось, их втайне забавляли самые заурядные вещи, в которых не было решительно ничего забавного; они на все смотрели сверху вниз и держались с холодным отчуждением, что, впрочем, не мешало им смеяться — неизвестно над чем и, по мнению Оливера, куда чаще чем следует.

Время от времени он сталкивался с ними, когда они выходили из дому или возвращались с прогулок. Они были с ним холодно вежливы, и, как он подо-

зревал, вовсе не потому, что их раздражало его присутствие, а, напротив, потому что он был им в высшей степени безразличен.

Большую часть времени они посвящали прогулкам. Май в этом году стоял великолепный, они самозабвенно им наслаждались, уверенные, что погода не переменится и ни дождь, ни заморозки не испортят ласковых, золотых, напоенных солнцем и душистым ароматом деньков. Их уверенность была такой твердой, что у Оливера становилось беспокойно на душе.

Дома они ели один раз в день — обедали около восьми. И никогда нельзя было сказать заранее, как они отнесутся к тем или иным блюдам. Одни встречались смехом, другие вызывали легкое отвращение. К салату, например, никто не притрагивался, а рыба, непонятно почему, вызывала за столом всеобщее замешательство.

К каждому обеду они тщательно переодевались. Мужчина (его звали Омерайе) был очень красив в своей обеденной паре, но выглядел чуть-чуть слишком надутым. Оливер два раза слышал, как женщины подсмеивались над тем, что ему приходится носить черное. Непонятно отчего, на Оливера вдруг нашло видение: он представил мужчину одетым в такую же яркую и изысканную одежду, что была на женщинах, — и все как будто встало на место. Даже темную пару он носил с какой-то особой праздничностью, но наряд из золотой парчи, казалось, подошел бы ему больше.

Когда время завтрака или ленча заставало их дома, они ели у себя в комнатах. Они, должно быть, захватили с собой пропасть всякой снеди из той таинственной страны, откуда приехали. Но где эта страна? Попытки догадаться лишь распяляли любопытство Оливера. Порой из-за закрытых дверей в гостиную просачивались восхитительные запахи. Оливер не знал, что это такое, но почти всегда пахло чем-то очень приятным. Правда, несколько раз запах бывал неожиданно противным, чуть ли не тошнотворным. Только настоящие знатоки, размышлял

Оливер, способны оценить душок. А его жильцы на-
верняка были знатоками.

И что им за охота жить в этой громоздкой ветхой
развалине — даже во сне Оливер не переставал ду-
мать об этом. Почему они отказались переехать? Не-
сколько раз ему удалось заглянуть к ним краешком
глаза и то, что он увидел, поразило его. Комнат ста-
ло почти не узнать, хотя он не мог точно назвать все
перемены — рассмотреть толком не было времени. Но
то представление о роскоши, что возникло с первого
взгляда, подтвердилось: богатые драпировки (должно
быть, тоже привезли с собой), какие-то украшения,
картины по стенам и волны экзотического аромата,
струящегося через полуоткрытые двери.

Женщины проплывали мимо него сквозь коричне-
вый полумрак коридоров в одеждах таких роскош-
ных, таких ослепительно ярких и до жути красивых,
что казались видениями из другого мира. Осанка,
рожденная верой в раболепие вселенной, придавала
их облику олимпийское равнодушие. Однако, когда
Оливер встречал взгляд той, с золотыми волосами и
нежной кожей, тронутой загаром, ему чудилось, буд-
то в синих глазах мелькает интерес. Она улыбалась
ему в полумраке и проходила мимо, унося с собой
волну благоуханий, — яркая, прекрасная, глазам
больно, — но тепло от ее улыбки оставалось.

Он чувствовал, что она переступит через это рав-
нодушие между ними. Он был уверен в этом с самого
начала. Придет срок, и она отыщет способ остаться
с ним наедине. От этой мысли его бросало то в жар,
то в холод, но тут он был бессилен: приходилось
только ждать, пока она сама пожелает его увидеть.

На третий день он и Сью закусывали в ресторан-
чике в самом центре города. Окна ресторанчика вы-
ходили на деловые кварталы, громоздящиеся далеко
внизу на другом берегу реки. У Сью были блестящие
каштановые волосы, карие глаза и подбородок чуть
более решительный, чем это допустимо по канонам
красоты. Уже в детстве Сью хорошо знала, что она
хочет и как заполучить желаемое, и сейчас Оливеру

казалось, что в жизни она еще ничего так не хотела, как продать его дом.

— Такие огромные деньги за этот древний мавзолей! — говорила она, кровожадно вонзая зубы в булочку. — Другого такого случая не представится, а цены нынче так взлетели, что без денег нечего и думать заводить свое хозяйство. Неужели, Оливер, ты ничего-ничего не можешь сделать!

— Я стараюсь! — заверил Оливер, поеживаясь.

— А та, чокнутая, которая хочет купить дом, давала о себе знать?

Оливер покачал головой.

— Ее агент опять мне вчера звонил. Ничего нового. Интересно, кто она такая.

— Этого, пожалуй, не знает даже агент. Не нравится мне, Оливер, вся эта мистика. И эти Санциско, — кстати, что они сегодня делали?

Оливер рассмеялся.

— Утром целый час названивали в кинотеатры по всему городу. Узнавали, где что идет из третьеразрядных фильмов. У них там целый список, и из каждого они хотят посмотреть по кусочку.

— По кусочку? Но зачем?

— Не знаю. Может быть... нет, не знаю. Налить еще кофе?

Но все горе было в том, что он догадывался. Однако эти догадки казались слишком дикими, чтобы он рискнул рассказать о них Сью: не видевшая Санциско в глаза и незнакомая со всеми их странностями, она бы наверняка решила, что Оливер сходит с ума. А он из их разговоров понял, что речь идет об актере, который появлялся в эпизодах в каждом из фильмов и чья игра вызывала у них едва ли не священный трепет. Они называли его Голкондой, но имя было явно ненастоящим, и Оливер не мог догадаться, кто этот безвестный статист, которым они так восторгались. Возможно, Голкондой звали персонаж, чью роль однажды сыграл — и, судя по замечаниям Санциско, сыграл блестяще — этот актер. Так или иначе, само имя ничего не говорило Оливеру.

— Чудные они, — продолжал он, задумчиво по-

менивая ложечкой кофе. — Вчера Омерайе — так зовут мужчину — вернулся с книжкой стихов, вышедшей лет пять назад. Так они носились с ней, как с первоизданием Шекспира. Я об авторе и слыхом не слыхал, но в их стране, как она там у них называется, он, должно быть, считается кумиром или вроде того.

— А ты все еще не узнал, откуда они? Может, они хоть намекнули?

— Они не из разговорчивых, — не без иронии напомнил ей Оливер.

— Знаю, но все-таки... Впрочем, не так уж это и важно. Ну а чем они еще занимаются?

— Утром, я уже говорил, собирались заняться Голкондой с его великим искусством, а днем, по-моему, отправятся вверх по реке на поклон к какой-то святыне. Я о ней и представления не имею, хотя она где-то совсем рядом — они хотели вернуться к обеду. Родина какого-то великого человека, должно быть; они еще обещали, если удастся, привезти оттуда сувениры. Спору нет, они похожи на заправских туристов, но все-таки за всем этим что-то кроется. А то получается сплошная бессмыслица.

— Уж если говорить о бессмыслице, так вся история с твоим домом давно в нее превратилась. Сплю и вижу...

Она продолжала говорить с обидой в голосе, но Оливер вдруг перестал ее слушать, потому что увидел на улице за стеклами знакомую фигуру. С царственной грацией, выступая на каблучках-шпильках, женщина прошла мимо. Он не видел лица, но ему ли не знать этой осанки, этого божественного силуэта и грации движений!

«Прости, я на минутку», — пробормотал он, и не успела Сю возразить, как он уже был на ногах. В следующее мгновение он очутился у дверей и одним махом выскочил на улицу. Женщина не успела пройти и нескольких метров. Он уже было начал заготовленную фразу, но тут же осекся и застыл на месте, широко раскрыв глаза.

Это была не его гостья-блондинка. Эту женщину

Оливер никогда не встречал — прелестное, царственное создание. Он безмолвно провожал ее взглядом, пока она не исчезла в толпе. Та же осанка, та же уверенность в себе, та же знакомая ему отчужденность, словно изысканный наряд был не просто платьем, а данью экзотике. Все другие женщины на улице казались рядом с ней неповоротливыми неряхами. Походкой королевы пройдя сквозь толпу, она растворилась в ней.

«Эта женщина из их страны», — подумал Оливер. Он никак не мог прийти в себя. Значит, кто-то другой поблизости тоже пустил таинственных постояльцев на этот погожий май. Значит, кто-то другой тоже ломает сейчас голову над загадкой гостей из безымянной страны.

К Сью он вернулся молчаливый.

Дверь спальни была гостеприимно распахнута в коричневый полумрак верхнего коридора. Чем ближе Оливер подходил, тем медленнее становились его шаги и чаще билось сердце. То была комната блондинки, и он решил, что дверь открыта не случайно. Он уже знал, что ее зовут Клеф.

Дверь тихонько скрипнула, и нежный голос произнес, лениво растягивая слова:

— Не желаете ли войти?

Комнату и в самом деле было не узнать. Большую кровать придвинули вплотную к стене и застелили покрывалом, оно свешивалось до самого пола, походило на какой-то мягкий мех, только блеклого синезеленого цвета, и так блестело, словно каждый волосок кончался невидимым кристалликом. На кровати валялись три раскрытые книжки и странного вида журнал: буквы в нем слабо светились, а иллюстрации на первый взгляд казались объемными. Рядом лежала маленькая фарфоровая трубка, инкрустированная цветами из того же фарфора, из ее чашечки вилась тонкая струйка дыма.

Над кроватью висела большая картина в квадратной раме. Морская синева на картине была совсем как настоящая; Оливеру сначала даже показалось,

что по воде пробегает рябь. Ему пришлось приглядеться повнимательнее, чтобы убедиться в своей ошибке. С потолка на стеклянном шнуре свешивался хрустальный шар. Он медленно вращался, и свет из окон отражался на его поверхности изогнутыми прямоугольниками.

У среднего окна стоял незнакомый предмет, напоминающий шезлонг, что-то вроде надувного кресла. За неимением другого объяснения оставалось предположить, что в дом он попал вместе с багажом. Он был накрыт, вернее, скрыт под покрывалом из очень дорогой на вид ткани с блестящим металлическим тиснением.

Клеф неторопливо пересекла комнату и с довольным вздохом опустилась в шезлонг. Ложке послушно повторило все изгибы ее тела. Сидеть в таком кресле, должно быть, одно удовольствие, подумалось ему. Клеф немного повозилась, располагаясь поудобнее и улыбнулась Оливеру.

— Ну, входите же. Сядьте вон там, где можно смотреть в окно. Я в восторге от вашей чудесной весны. Знаете, а ведь такого мая в цивилизованные времена еще не было.

Все это она произнесла вполне серьезно, глядя Оливеру прямо в глаза. В ее голосе звучали хозяйские нотки, как будто этот май устроили специально по ее заказу.

Сделав несколько шагов, Оливер в изумлении остановился и посмотрел себе под ноги. У него было такое ощущение, словно он ступает по облаку. И как это он раньше не заметил, что весь пол затянут ослепительно белым без единого пятнышка ковром, пружинящим при каждом шаге. Тут только он увидел, что на ногах у Клеф ничего не было, вернее, почти ничего. Она носила что-то вроде котурнов, сплетенных из прозрачной паутины, плотно облегающей ступню. Босые подошвы ног были розовые, будто намаженные, а ногти отливали ртутным блеском, как осколки зеркала. Он почти и не удивился, когда, приблизившись, обнаружил, что это и в самом деле крохотные зеркальца — благодаря особому лаку.

— Садитесь же, — повторила Клеф, рукой показав ему на стул у окна. На ней была одежда из белой ткани, похожей на тонкий нежный пух, — достаточно свободная и в то же время идеально отзывающаяся на любое ее движение. И в самом ее облике было сегодня что-то необычное. Те платья, в которых она выходила на прогулку, подчеркивали прямую линию плеч и стройность фигуры, которую так ценят женщины. Но здесь, в домашнем наряде, она выглядела... не так, как обычно. Ее шея обрела лебединый изгиб, а фигура — мягкую округлость и плавность линий, и это делало ее незнакомой и вдвойне желанной.

— Не хотите ли чаю? — спросила Клеф с очаровательной улыбкой.

Рядом с ней на низеньком столике стояли поднос и несколько маленьких чашечек с крышками; изящные сосуды просвечивали изнутри, как розовый кварц, свет шел густой и мягкий, словно процеженный сквозь несколько слоев какого-то полупрозрачного вещества. Взяв одну из чашек (блюдечек на столе не было), она подала ее Оливеру.

На ощупь стенки сосуда казались хрупкими и тонкими, как листок бумаги. О содержимом он мог только догадываться: крышечка не снималась и, очевидно, представляла собой одно целое с чашкой. Лишь у ободка было одно отверстие в форме полумесяца. Над отверстием поднимался пар.

Клеф поднесла к губам свою чашку, улыбнувшись Оливеру поверх ободка. Она была прекрасна. Светло-золотые волосы были уложены в сияющие волны, а лоб украшала настоящая корона из локонов. Они казались нарисованными, и только легкий ветерок из окна порой трогал шелковые пряди.

Оливер попробовал чай. Напиток отличался изысканным букетом, был очень горяч, и во рту еще долго оставался после него запах цветов. Он, несомненно, был предназначен для женщин. Но, сделав еще глоток, Оливер с удивлением обнаружил, что напиток ему очень нравится. Он пил, и ему казалось, цветочный запах усиливается и обволакивает мозг клубами дыма. После третьего глотка в ушах появилось сла-

бое жужжание. Пчелы снуют в цветах, подумалось ему, как сквозь туман, — и он сделал еще глоток.

Клеф с улыбкой наблюдала за ним.

— Те двое вернутся только к обеду, — сообщила она довольным тоном. — Я решила, что мы можем славно провести время и лучше узнать друг друга.

Оливер пришел в ужас, когда услышал вопрос, заданный его собственным голосом:

— Отчего вы так говорите?

Он вовсе не собирался спрашивать ее об этом. Что-то, очевидно, развязало ему язык.

Клеф улыбнулась еще обаятельнее. Она коснулась губами края чашки и как-то снисходительно произнесла:

— Что вы имеете в виду под вашим «так»?

Он неопределенно махнул рукой и с некоторым удивлением отметил, что у него на руке вроде бы выросли один или два лишних пальца.

— Не знаю. Ну, скажем, слишком точно и тщательно выговариваете слова. Почему, например, вы никогда не скажете «не знаю», а обязательно «я не знаю»?

— У нас в стране всех учат говорить точно, — объяснила Клеф. — Нас приучают двигаться, одеваться и думать с такой же точностью, с детства отучают от любых проявлений несобранности. В вашей стране, разумеется... — Она была вежлива. — У вас это не приобрело характера фетиша. Что касается нас, то у нас есть время для совершенствования. Мы это любим.

Голос её делался все нежнее и нежнее, и сейчас его почти невозможно было отличить от тонкого букета напитка и нежного запаха цветов, заполонившего разум Оливера.

— Откуда вы приехали? — спросил он, снова поднося чашку ко рту и слегка недоумевая: напиток, казалось, нисколько не убывало.

Теперь-то уж улыбка Клеф была определенно снисходительной. Но это его не задело. Сейчас его не смогло бы задеть ничто на свете. Комната плыла перед ним в восхитительном розовом мареве, душистом, как сами цветы.

— Лучше не будем говорить об этом, мистер Вильсон.

— Но... — Оливер не закончил фразы. В конце концов это и вправду не его дело. — Вы здесь на отдыхе? — неопределенно спросил он.

— Может быть, это лучше назвать паломничеством.

— Паломничеством?! — Оливер так заинтересовался, что на какую-то минуту его сознание прояснилось. — А... куда?

— Мне не следовало этого говорить, мистер Вильсон. Пожалуйста, забудьте об этом. Вам нравится чай?

— Очень.

— Вы, очевидно, уже догадались, что это не простой чай, а эйфориак?

Оливер не понял.

— Эйфориак?

Клеф рассмеялась и грациозным жестом пояснила ему, о чем идёт речь.

— Неужели вы еще не почувствовали его действие? Этого не может быть!

— Я чувствую себя, — ответил Оливер, — как после четырех порций виски.

Клеф подавила дрожь отвращения.

— Мы добиваемся эйфории* не таким мучительным способом. И не знаем тех последствий, которые вызывал обычно ваш варварский алкоголь. — Она прикусила губу. — Простите. Я, должно быть, сама злоупотребила напитком, иначе я не позволила бы себе таких высказываний. Пожалуйста, извините меня. Давайте послушаем музыку.

Клеф откинулась в шезлонге и потянулась к стене. Рукав соскользнул с округлой руки, обнажив запястье, и Оливер вздрогнул, увидев еле заметный длинный розовый шрам. Его светские манеры окончательно растворились в парах душистого напитка; затаив дыхание, он подался вперед, чтобы рассмотреть получше.

* Эйфория — состояние беспричинной радости и возбуждения. — *Прим. перев.*

Быстрым движением Клеф вернула рукав на место. Она покраснела сквозь нежный загар и отвела взгляд, точно ей вдруг стало чего-то стыдно.

Он бестактно спросил:

— Что это? Откуда?

Она все еще прятала глаза. Много позже он узнал, в чем дело, и понял, что у нее были все основания стыдиться. Но сейчас он просто не слушал ее лепет.

— Это так... ничего... прививка... Нам всем... впрочем, это неважно. Послушаем лучше музыку.

На этот раз она потянулась другой рукой, ни к чему не прикасаясь, но, когда рука оказалась в нескольких сантиметрах от стены, в воздухе возник еле слышный звук. То был шум воды, шорохи волн на бесконечном отлогом пляже. Клеф устремила взгляд на картину с изображением моря, и Оливер последовал ее примеру.

Картина жила, волны двигались. Больше того, перемещалась сама точка наблюдения. Морской пейзаж медленно менялся, бег волн приближал зрителя к берегу. Оливер не отрывал глаз от картины, за гипнотизированный мерным движением, и все происходящее казалось ему в эту минуту вполне естественным.

Волны росли, разбивались и ажурной пеной с шипением набегали на песок. Затем в звуках моря обозначилось легкое дыхание музыки, и сквозь синеву волн начали проступать очертания мужского лица. Человек улыбался тепло, как добрый знакомый. В руках он держал какой-то удивительный и очень древний музыкальный инструмент в форме лютни, весь в темных и светлых полосах, как арбуз, и с длинным загнутым грифом, лежащим у него на плече. Человек пел, и его песня слегка удивила Оливера. Она была очень знакомой и в то же время ни на что не похожей. С трудом одолев непривычные ритмы, он, наконец, нащупал мелодию — песенка «Понарошку» из спектакля «Плавучий театр». Но как она отличалась от самой себя — не меньше чем спектакль

«Плавучий театр» от какого-нибудь своего тезки, разводящего пары на Миссисипи*.

— Что это он с ней вытворяет? — спросил Оливер после нескольких минут напряженного внимания. — В жизни не слышал ничего похожего!

Клеф рассмеялась и снова потянулась к стене.

— Мы называем это горлированием, — загадочно ответила она. — Впрочем, неважно. А как вам понравится вот это?

Певец-комик был в гриме клоуна, его лицо казалось рамкой для чудовищно подведенных глаз. Он стоял на фоне темного занавеса у большой стеклянной колонны и в быстром темпе пел веселую песенку, скороговоркой импровизируя что-то между куплетами. В то же время ногтями левой руки он отбивал какой-то замысловатый ритм на стекле колонны, вокруг которой описывал круги все время, пока пел. Ритм то сливался с музыкой, то убегал куда-то в сторону, сплетая собственный рисунок, но затем вновь настигал музыку и сливался с ней.

Уразуметь, что к чему, было трудно. В самой песне было еще меньше смысла, чем в импровизированном монологе о каком-то пропавшем шлепанце. Монолог пестрел намеками, которые сместили Клеф, но ничего не говорили Оливеру. Стил ь исполнения отличался не очень приятной суховатой утонченностью, хотя Клеф, судя по всему, находила в нем свою прелесть. Оливер с интересом отметил, что в манере певца пусть по-другому, но сквозит вся та же свойственная Санциско крайняя и безмятежная самоуверенность. Национальная черта, подумал он. Последовало еще несколько номеров. Некоторые явно представляли собой фрагменты, выданные из чего-то целого. Один такой отрывок был ему знаком. Он узнал эту неповторимую, волнующую мелодию еще до того, как появилось изображение: люди, марширующие сквозь море, над ними в клубах дыма вьется огромное знамя, а на переднем плане несколько человек скан-

* По Миссисипи плавают старые пассажирские колесные пароходы, превращенные в своеобразные «плавучие театры», на каждом — своя труппа.

дируют в такт гигантскому шагу: «Вперед, вперед, лилейные знамена!»

Звук дребезжал, изображение плыло, и краски составляли желать лучшего, но столько жизни было в этой сцене, что она захватила Оливера. Он смотрел во все глаза и вспоминал старый фильм давно прошедших лет. Деннис Кинг и толпа оборванцев, они поют «Песню бродяг» из... как же называлась картина? «Король бродяг»?

— Седая древность, — извинилась Клеф. — Но мне она нравится.

Дымок опьяняющего напитка вился между картиной и Оливером. Музыка ширилась и опадала, она была повсюду — и в комнате, и в душистых парах, и в его собственном возбужденном сознании. Все казалось ему вполне реальным. Он открыл, как нужно пить чай. Его действие, как у веселящего газа, не зависело от количества. Человек достигал высшей точки возбуждения, и за нее уже нельзя было перешагнуть. Поэтому лучше всего подождать, пока действие напитка чуть-чуть ослабеет, и только после этого выпить снова.

В остальном по действию чай напоминал алкоголь: через некоторое время предметы расплывались в блаженном тумане, сквозь который все представлялось волшебным сном. Оливер уже ни о чем не спрашивал. После он и сам не мог отличить сна от яви.

Так, например, получилось с живой куклой. Он запомнил ее во всех подробностях: маленькая, стройная женщина с длинным носом, темными глазами и острым подбородком едва доходила ему до колена. Она изящно кружилась по белому ковру, ее лицо было таким же подвижным, как и тело; она танцевала легко, и всякий раз, когда ножкой касалась пола, звук отдавался звоном колокольчика. Это был какой-то сложный танец; кукла не дышала, но, танцуя, нела в такт и забавляла зрителей потешными ужимками. Конечно, она была точной копией живого человека и в совершенстве передразнивала его голос и манеру двигаться. После Оливер решил, что она ему привиделась.

Всего остального он уж и не мог припомнить. То

есть он знал, что Клеф рассказывала ему что-то очень любопытное, и тогда он понимал ее, но о чем шла речь, хоть убей, не помнил. Еще в памяти всплывали блестящие карамельки на прозрачном блюде; некоторые были восхитительны, две или три такие горькие, что даже на другой день при одном воспоминании о них начинало сводить челюсти. А от одной (Клеф с упоением набросилась на вторую такую же) его чуть не вырвало.

Что касается самой Клеф, то он едва с ума не сошел, пытаясь вспомнить, что, собственно, произошло между ними. Ему казалось, будто он припоминает нежное прикосновение ее рукавов, когда она обнимала его за шею, и ее смех, и душистый аромат чая от ее дыхания на своем лице. Но дальше в памяти был черный провал.

Впрочем, перед тем как окончательно забыться, он на минутку очнулся и, помнится, увидел двух других Санциско, которые стояли и глядели на него сверху вниз: мужчина — сердито, а голубоглазая женщина — насмешливо-иронически.

За тридевять земель от него мужчина сказал: «Клеф, вы же знаете, что это вопиющее нарушение всех правил». Возникнув как тонкое гудение, его голос вдруг улетел куда-то высоко-высоко, за пределы слышимости. Оливеру казалось, что он помнит и брюнетку — с ее смехом, таким же далеким и тоненьким, жужжащим голосом, похожим на гудение пчелы.

— Клеф, Клеф, глупышка, неужели вас нельзя и на минуту оставить одну?

Голос Клеф произнес нечто совсем непонятное:

— Но какое значение это может иметь здесь?

Мужчина ответил, все так же гудя издалека:

— Очень большое значение, если учесть, что перед выездом вы обязались не вмешиваться. Вы же дали подписку о соблюдении правил...

Голос Клеф приблизился и стал более внятным:

— Но вся разница в том, что здесь... здесь это не имеет значения. И вы оба прекрасно это знаете. Не имеет и не может иметь!

Оливер почувствовал, как пуховый рукав ее платья задел его по щеке, но ничего не увидел, кроме

дымных клубов мрака, которые, то опадая, то нарастая, лениво проплывали перед глазами. Далекие голоса продолжали мелодично пререкаться друг с другом, потом умолкли и больше он ничего не слышал.

Он очнулся на следующее утро в своей постели. Вместе с Оливером проснулось и воспоминание о Клеф: о ее милом лице, что склонилось над ним с выражением шемящей жалости, о душистых золотых прядях, упавших на тронутые загаром щеки, о страдании, которое он читал в ее глазах. Скорее всего, это ему приснилось. Ведь не было ровным счетом никаких причин смотреть на него с такой жалостью.

Днем позвонила Сью.

— Оливер! Приехали те самые, что хотят купить дом! Чокнутая со своим муженьком. Привести их к тебе?

У Оливера голова с утра была забита смутными и какими-то бестолковыми воспоминаниями о вчерашнем. Вытесняя все остальное, перед ним снова и снова возникало лицо Клеф.

— Что? — переспросил он. — Я... Ах, да. Ну что ж, приводи, если хочешь. Я лично не жду от этого никакого проку.

— Оливер, что с тобой? Мы же договорились, что нам нужны деньги, разве нет? Не понимаю, как ты можешь, не пошевелив пальцем, упускать такую выгодную сделку! Мы могли бы сразу пожениться и купить домик. Ты ведь знаешь, нам больше никогда не дадут столько денег за эту грудку старья. Да просясь же ты наконец!

Оливер попытался.

— Знаю, Сью, я все знаю. Но...

— Оливер, ты обязан что-то придумать!

Это был приказ. Он знал, что она права. Клеф — это Клеф, но от сделки ни в коем случае не следовало отказываться, если была хоть какая-то надежда выпроводить жильцов. Интересно все-таки знать, почему этот дом приобрел вдруг такую ценность, да еще в глазах стольких людей. И какое отношение имеет ко всему этому последняя неделя мая?

Вспыхнувшее любопытство пересилило даже владевшую им апатию. Последняя неделя мая... Весь вопрос о продаже дома упирается в то, кому в нем жить

в это время. Значит, это очень важно. Но почему? Почему?

— А что такое может случиться за эту неделю? — обратился он к трубке с риторическим вопросом. — Почему бы им не потерпеть, пока комнаты освободятся? Я уступлю им одну-две тысячи, если только...

— Как бы не так, Оливер Вильсон! На эти деньги можно купить целую холодильную установку. Разбейся в лепешку, но очисти дом к началу будущей недели, это мое последнее слово! Слышишь?

— Спи спокойно, крошка, — ответил Оливер деловым тоном. — Я всего лишь простой смертный, но я попробую.

— Так мы сейчас приедем, — сказала Сью, — пока этих Санциско нет дома. А ты, Оливер, пораскинь мозгами и что-нибудь придумай. — Она помолчала и задумчиво добавила: — Они... очень уж они чудные.

— Чудные?

— Сам увидишь.

Немолодая женщина и молодой человек, почти юноша, — вот кого Сью привела с собой. Оливер сразу понял, чем они поразили Сью. Но его почему-то несколько не удивило, что оба носили одежду с той элегантностью и самоуверенностью, которую он успел изучить. И точно так же осматривались кругом с несколько снисходительным видом, явно наслаждаясь прекрасным солнечным днем. Они еще не успели заговорить, а Оливер уже знал, какими мелодичными окажутся их голоса и как тщательно будут они выговаривать каждое слово.

Да, тут не могло быть двух мнений. Таинственные соотечественники Клеф начали прибывать сюда потоком. Зачем? Чтобы провести здесь последнюю неделю мая? Он недоумевал. Пока нельзя было догадаться. Пока. Но одно можно было сказать с уверенностью: все они приезжают из той неизвестной страны, где каждый владеет своим голосом лучше любого певца и одевается, как актер, который готов остановить само время, чтобы расправить смятую складку.

Пожилая дама сразу взяла инициативу в свои ру-

ки. Они встретились на шатких некрашенных ступеньках парадного, и Сью даже не успела их познакомиться.

— Молодой человек, я — госпожа Холлайя, а это — мой муж. — В ее голосе звучала суховатая резкость, что, вероятно, было вызвано возрастом. Лицо казалось затянутым в корсет: каким-то невидимым способом, о котором Оливер и понятия не имел, обвисшую плоть удалось загнать в некое подобие твердой формы. Грим был наложен так искусно, словно его и не было, но Оливер мог бы побиться об заклад, что она значительно старше, чем выглядит. Нужно было очень долго, целую жизнь командовать, чтобы в этом резком, глубоком и звучном голосе накопилось столько власти.

Молодой человек помалкивал. Он был удивительно красив красотой того типа, на который не влияют ни страна, ни уровень культуры. На нем был отлично сшитый костюм, в руке — предмет из красной кожи, формой и размерами напоминающий книгу.

Тем временем госпожа Холлайя продолжала:

— Я понимаю ваши трудности в вопросе о доме. Вы хотели бы мне его продать, но юридически связаны контрактом с Омерайе и его друзьями. Я не ошиблась?

Оливер утвердительно кивнул.

— Но...

— Позвольте мне договорить. Если до конца недели Омерайе удастся заставить выехать, вы примете мое предложение. Так? Отлично. Хара! — Она кивнула молодому человеку, который весь превратился во внимание, сказал: «Да, Холлайя» — и с легким поклоном опустил затянутую в перчатку руку в карман пиджака.

С видом императрицы госпожа Холлайя простерла длань и приняла маленький предмет, услужливо поднесенный ей на ладонь.

— Вот, — сказала она, — вещица, которая может нам помочь. Дорогая моя, — она протянула предмет Сью, — если вам удастся спрятать это где-нибудь в доме, то, полагаю, нежелательные жильцы не станут слишком долго надоедать вам.

Сью с любопытством взяла «вещицу». Это была

маленькая серебряная коробочка, не больше дюйма в диаметре, с насечкой по верху и совершенно гладкими стенками, так что, судя по всему, открыть ее было нельзя.

— Погодите, — неловко вмешался Оливер, — а что это такое?

— Смею вас уверить, это никому не причинит вреда.

— Тогда зачем...

Госпожа Холлайа одним властным жестом приказала ему замолчать, а Сью — делать, что требуется:

— Ну же, дорогая моя! Поспешите, а то вернется Омерайе. Уверяю вас, это совсем неопасно.

Но Оливер решительно воспротивился.

— Госпожа Холлайа, я должен знать, что вы задумали. Я...

— Оливер, прошу тебя! — Сью зажала серебряную коробочку в кулаке. — Ты только не волнуйся. Уверяю тебя, госпожа Холлайа знает, что делает. Разве ты не хочешь, чтобы они съехали?

— Конечно, хочу. Но не хочу, чтобы дом взлетел на воздух, или...

Госпожа Холлайа снисходительно засмеялась своим грудным смехом:

— Что вы, мистер Вильсон, мы действуем куда тоньше. К тому же, не забывайте, этот дом нужен нам самим. Так поторопитесь, дорогая моя!

Сью кивнула и быстро скользнула в дом мимо Оливера. Он оказался в меньшинстве, и ему поневоле пришлось уступить. Пока они ждали, молодой человек по имени Хара любовался видом, рассеянно постукивая ногой о ступеньку. День был погожий, как и весь этот месяц, — прозрачно-золотой, полный мягкой прохлады, которая медлила уходить словно для того, чтобы люди еще острее прочувствовали разницу между весной и наступающим летом. Он поглядывал по сторонам с самодовольством человека, который по достоинству оценил возведенные специально для него декорации. Он даже взглянул на небо, когда в вышине послышалось далекое гудение моторов, и проводил глазами трансконтинентальный лайнер, едва заметный в золотистом солнечном мареве.

— Занятно, — пробормотал он с удовлетворением.

Вернулась Сю и, взяв Оливера под руку, возбужденно сжала его локоть.

— Готово, — сказала она. — Сколько теперь ждать, госпожа Холлайя?

— Это, дорогая моя, зависит от обстоятельств. Но не очень долго. А сейчас, мистер Вильсон, мне бы хотелось сказать кое-что вам лично. Вы ведь здесь живете, не так ли? Если вы дорожите собственным покоем, последуйте моему совету и...

Откуда-то из глубины дома донеслось хлопанье двери и переливы мелодии, которую выводил без слов высокий чистый голос. Затем слышались шаги на лестнице и единственная строчка какой-то песни: «Как сладко нам вдвоем...»

Хара вздрогнул, едва не выронив красный кожаный футляр.

— Клеф, — прошептал он. — А может быть, и Клайя. Я знаю, они обе только что возвратились из Кентербери. Но я думал...

— Ш-ш-ш! — лицо госпожи Холлайи изменило выражение и теперь на нем нельзя было прочесть ничего, кроме властности, лишь в трепете ноздрей угадывалось торжество. Она вся подобралась и повернулась к дверям своим внушительным фасадом.

На Клеф было мягкое пуховое платье, которое Оливер уже видел, только на этот раз не белого, а чистого светло-голубого цвета, который придавал ее загару абрикосовый оттенок. Она улыбнулась.

— Да ведь это Холлайя! — произнесла она с самими мелодичными модуляциями, на какие была способна. — Мне показалось, что я слышу знакомые голоса. Я рада вас видеть. Никто не знал, что вы собираетесь отправиться в... — Она прикусила губу, украдкой бросила взгляд на Оливера. — И Хара с вами, — продолжала она. — Какая приятная неожиданность.

— А вы-то когда успели вернуться? — решительно спросила Сю.

Клеф одарила ее улыбкой.

— Вы, должно быть, и есть та самая крошка мисс Джонсон. Дело в том, что я вообще никуда не ходи-

ла. Мне надоело осматривать достопримечательности, и я спала у себя в комнате.

Сью не то вздохнула, не то недоверчиво фыркнула. Они с Клеф обменялись молниеносными взглядами, но это мгновение длилось, казалось, целую вечность. За короткую паузу, не более секунды, они без слов все сказали друг другу.

В улыбке Клеф, адресованной Сью, Оливер прочитал ту же спокойную уверенность, которая, как он видел, была свойственна всем этим странным людям. Он заметил, как Сью мигом дала ей оценку от головы до кончиков туфель, а сама выпрямила плечи, подняла голову и провела ладонями по плоским бедрам, расправляя складки своего летнего платья. Она посмотрела на Клеф сверху вниз, надменно, подчеркнуто. С вызовом. Ничего не понимая, он перевел взгляд на Клеф.

Линия ее плеч образовывала мягкий наклон, а платье, стянутое поясом на узкой талии, ниспадало глубокими складками, подчеркивая округлость форм. У Сью была модная фигурка, — но Сью уступила первой.

Клеф продолжала улыбаться. Ни слова не было сказано, но они внезапно поменялись ролями. Эта переоценка ценностей была вызвана одной лишь безграничной самоуверенностью Клеф, ее спокойной, властной улыбкой. Вдруг стало очевидно, что мода не стоит на месте. Странная и, казалось бы, давно устаревшая плавность линий, свойственная Клеф, неожиданно превратилась в эталон. Рядом с ней Сью выглядела смешным угловатым существом неопределенного пола.

Оливер не мог понять, как это произошло. Просто в какую-то долю секунды власть перешла из рук в руки. Красота почти целиком зависит от моды: что прекрасно сегодня, было бы нелепым поколения за два до этого и покажется нелепым через сто лет. Да что там нелепым, хуже — старомодным, а потому немного комичным.

Именно так и выглядела теперь Сью. Для того чтобы все присутствующие убедились в этом, Клеф понадобилось лишь чуть-чуть больше самоуверенности, чем обычно. Как-то сразу и бесспорно, Клеф ока-

залась красавицей в полном соответствии с модой, а гибкая и худенькая Сью, ее прямые плечи стали, напротив, до смешного старомодными, каким-то анахронизмом во плоти. Сью было не место здесь. Среди этих странно совершенных людей она выглядела просто нелепо.

Провал был полным. Пережить его Сью помогли только гордость да, пожалуй, еще замешательство. Скорее всего до нее так и не дошло, в чем дело. Она наградила Клеф взглядом, полным жгучей ненависти, а затем подозрительно уставилась на Оливера.

Припоминая впоследствии эту сцену, Оливер решил, что именно тогда перед ним впервые отчетливо забрезжила истина. Но в то время он не успел обдумать все до конца, потому что после короткой вспышки враждебности трое из ниоткуда заговорили все разом, как будто, спохватившись, попытались что-то скрыть от чужих глаз.

— Такая чудесная погода... — начала Клеф.

— Вам так повезло с домом... — произнесла госпожа Холлайа, но Хара перекрыл их голоса:

— Клеф, это вам от Сенбе. Его последняя работа, — сказал он, поднимая над головой красный кожаный футляр.

Клеф нетерпеливо потянулась за ним, и пуховые рукава скользнули вниз. Оливер успел заметить тот самый таинственный шрам, и ему показалось, что у Хары под манжетом тоже мелькнул едва заметный след, когда он опустил руку.

— Сенбе! — радостно воскликнула Клеф. — Как замечательно! Из какой эпохи?

— Ноябрь 1664 года, — ответил Хара. — Разумеется, Лондон, хотя в одной теме, по-моему, возникает ноябрь 1347-го. Финал еще не написан, как вы можете догадаться. — Он бросил беспокойный взгляд в сторону Сью и Оливера. — Прекрасное произведение, — быстро продолжал он. — Чудо! Но, разумеется, для тех, кто понимает в этом толк.

Госпожа Холлайа с деликатным отвращением пожала плечами.

— Уж этот мне Сенбе! — изрекла она. — Очаровательно, не спорю, — он великий человек. Но — такой авангардист!

— Чтобы оценить Сенбе, нужно быть знатоком, — слегка подколола ее Клеф. — Это все признают.

— Ну, конечно, мы все перед ним преклоняемся, — уступила Холлайа. — Но признаюсь, дорогая, этот человек порой внушает мне ужас. Не собирается ли он к нам присоединиться?

— Надеюсь, — ответила Клеф. — Поскольку его... хм... работа еще не закончена, то наверняка присоединится. Вы же знаете его вкусы.

Холлайа и Хара одновременно рассмеялись.

— В таком случае, я знаю, когда его можно будет найти, — заметила Холлайа. Она взглянула на Оливера — он внимательно слушал — и на умолкшую, но все еще очень сердитую Сью. Затем, взяв бразды правления в свои руки, она вернула разговор к той теме, которая ее интересовала.

— Вам так повезло с этим домом, Клеф, дорогая моя, — многозначительно объявила она. — Я видела его в объемном изображении — позднее, — и он все еще оставался великолепным. Подумать только, какое удачное совпадение. Не желали бы вы аннулировать ваш договор; разумеется, за соответствующее вознаграждение? Скажем, за местечко на коронации...

— Нас ничем не купить, Холлайа, — весело оборвала ее Клеф, прижимая к груди красный футляр. Холлайа смерила ее холодным взглядом.

— Вы можете и передумать, дорогая моя, — сказала она. — Еще есть время. Тогда свяжитесь со мной через мистера Вильсона, тем более, что он сам здесь присутствует. Мы сняли комнаты выше по улице, в «Монтгомери Хаус». Конечно, они не чета вашим, но тоже неплохи. Для нас, во всяком случае, сойдут.

Оливер не поверил собственным ушам. «Монтгомери хаус» считался самым роскошным отелем в городе. По сравнению с его древней развалюхой это был настоящий дворец. Нет, понять этих людей решительно невозможно. Все у них наоборот.

Госпожа Холлайа величественно поплыла к ступенькам.

— Я была счастлива повидаться с вами, дорогая, — бросила она через плечо (у нее были от-

лично набитые искусственные плечи). — Всего хорошего. Передайте привет Омерайе и Клайе. Мистер Вильсон! — Она кивком указала мне на дорожку. — Могу я вам сказать два слова?

Оливер проводил ее до шоссе. На полпути госпожа Холлайа остановилась и тронула его за руку.

— Я хочу дать вам совет, — тихо прошептала она. — Вы говорили, что ночуете в этом доме? Так рекомендую вам перебраться в другое место, молодой человек. И сделайте это сегодня же вечером.

Оливер занимался довольно-таки бессистемными поисками тайника, куда Сю упрятала коробочку, когда сверху, через лестничный пролет, до него донесли первые звуки. Клеф закрыла дверь в свою комнату, но дом был очень старый; ему показалось даже, будто он видит, как странные звуки просачиваются сквозь ветхое дерево и пятном расплываются по потолку.

Это была музыка — в известном смысле. И в то же время нечто неизмеримо большее, чем музыка. Звук ее внушал ужас. Она рассказывала о страшном бедствии. В ней было все — от истерики до смертной тоски, от дикой, неразумной радости до обдуманного смирения.

Бедствие было единственным в своем роде. Музыка не стремилась объять все скорби рода человеческого, но крупным планом выделила одну; эта тема разливалась до бесконечности. Основные созвучия Оливер распознал довольно быстро. Именно в них было существо музыки; нет, не музыки, а того грандиозного, страшного, что впилось в мозг Оливера с первыми услышанными звуками.

Но только он поднял голову, чтобы прислушаться, как музыка утратила всякий смысл, превратилась в беспорядочный набор звуков. Попытка понять ее безнадежно размыла в сознании все контуры музыкального рисунка, он больше не смог вернуть того первого мгновения интуитивного восприятия.

Едва ли понимая, что делает, он, как во сне, поднялся наверх, рывком отворил дверь в комнату Клеф и заглянул внутрь...

То, что он увидел, впоследствии припоминалось

ему в очертаниях таких же смутных и размытых, как представления, рожденные музыкой в его сознании. Комната наполовину исчезла в тумане, а туман был не чем иным, как трехмерным экраном. Изображения на экране... Для них не нашлось слов. Он не был даже уверен, что это зрительные изображения. Туман клубился от движений и звуков, но не они приковывали внимание Оливера. Он видел целое.

Перед ним было произведение искусства. Оливер не знал, как оно называется. Оно превосходило, вернее, сочетало в себе все известные ему формы искусства, и из этого сочетания возникали новые формы, настолько утонченные, что разум Оливера отказывался их принимать. В основе своей то была попытка великого мастера претворить важнейшие стороны огромного жизненного опыта человечества в нечто такое, что воспринималось бы мгновенно и всеми чувствами сразу.

Видения на экране сменялись, но это были не картины, а лишь намеки на них; точно найденные образы будоражили ум и одним искусным прикосновением будили в памяти длинную вереницу ассоциаций. Очевидно, на каждого зрителя это производило разное впечатление: ведь правда целого заключалась в том, что каждый видел и понимал его по-своему. Не нашлось бы и двух человек, для которых эта симфоническая панорама могла бы прозвучать одинаково, но перед взором каждого разворачивался, в сущности, один и тот же ужасный сюжет.

Беспощадный в своем искусстве гений обращался ко всем чувствам. Краски, образы, движущиеся тени сменялись на экране; намекая на что-то важное, они извлекали из глубин памяти горчайшие воспоминания. Но ни одно зрительное изображение не смогло бы так разбередить душу, как запахи, струившиеся с экрана. Порой будто холодная рука прикасалась к коже — и по телу пробежал озноб. Во рту то появлялась оскомина, то текли слюнки от сладости.

Это было чудовищно. Симфония безжалостно обнажала потаенные уголки сознания, бредила давно зарубцевавшиеся раны, извлекала на свет секреты и тайны, замурованные глубоко в подвалах памяти. Она принуждала человека вновь и вновь постигать

ее ужасный смысл, хотя разум грозил сломиться под непосильным бременем.

И в то же время, несмотря на живую реальность всего этого, Оливер не мог понять, о каком бедствии идет речь. Что это было настоящее, необозримое и чудовищное бедствие — он не сомневался. И оно когда-то произошло на самом деле — это тоже было совершенно очевидно. В тумане на миг возникали лица, искаженные горем, недугом, смертью, — лица реальных людей, которые были когда-то живыми, а теперь предстали перед ним в смертельной агонии. Он видел мужчин и женщин в богатых одеждах; они крупным планом появлялись на фоне тысяч и тысяч мятущихся, одетых в лохмотья бедняков, что громадными толпами проносились по экрану и исчезали в мгновение ока. Он видел, как смерть равно настигала тех и других.

Он видел прекрасных женщин, они смеялись, встряхивая кудрями, но смех превращался в истерический вопль, а вопль — в музыку. Он видел мужское лицо. Оно появлялось снова и снова — удлиненное, смуглое, мрачное, в глубоких морщинах; исполненное печали лицо могущественного человека, умудренного в земных делах; лицо благородное и — беспомощное. Некоторое время оно повторялось как главная тема, и каждый раз все большая мука и беспомощность искажали его.

Музыка оборвалась в нарастании хроматической гаммы. Туман пропал, и комната вернулась на место. Какое-то мгновение на всем вокруг Оливеру еще виделся отпечаток смуглого, искаженного болью лица — так яркая картина долго стоит перед глазами, когда опустишь веки. Оливер знал это лицо. Он видел его раньше, не так уж часто, но имя человека обязательно должно было быть ему знакомо.

— Оливер, Оливер... — Нежный голос Клеф донесся откуда-то издалека. Оливер стоял ослабевший, привалившись спиной к косяку, и смотрел ей в глаза. Она казалась опустошенной, как и он сам. Жуткая симфония все еще держала их в своей власти. Но даже в смутную эту минуту Оливер понял, что музыка доставила Клеф огромное наслаждение.

Он чувствовал себя совсем больным. Человеческие

страдания, которым его только что заставили сопереживать, вызвали тошноту и дрожь, и от этого все кружилось у него перед глазами. Но Клеф — ее лицо выражало одно восхищение. Для нее симфония была прекрасной и только прекрасной.

Непонятно почему Оливер вдруг вспомнил о вызывающих тошноту карамельках, которые так нравились Клеф и об отвратительном запахе странных кушаний, что просачивался иногда в коридор из ее комнаты.

О чем это говорила она тогда на крыльце? О знаках, вот о чем. Только настоящий знаток способен оценить такого... такого авангардиста, как некто по имени Сенбе.

Опьяняющий аромат поднялся тонкой струйкой к его лицу. Он почувствовал в руке что-то прохладное и гладкое на ощупь.

— Оливер, умоляю вас, простите меня, — в тихом голосе Клеф звучало раскаяние. — Вот, выпейте, и вам сразу станет лучше. Ну, пейте же, я прошу вас!

И только когда язык ощутил знакомую сладость горячего душистого чая, до него дошло, что он исполнил ее просьбу. Пары напитка окутали разум, напряжение спало, и через минуту мир снова обрел свою надежность. Комната приняла обычный вид, а Клеф...

Ее глаза сияли. В них было сочувствие к нему, Оливеру, но сама она была переполнена радостным возбуждением от только что пережитого.

— Пойдемте, вам нужно сесть, — мягко сказала она, потянув его за руку. — Простите — мне не следовало ее проигрывать, пока вы в доме. Нет, у меня даже нет оправданий. Я совсем забыла, какое впечатление она может произвести на человека, незнакомого с музыкой Сенбе. Мне так не терпелось узнать, как он воплотил... воплотил свою новую тему. Умоляю вас, Оливер, простите меня!

— Что это было? — Его голос прозвучал тверже, чем он рассчитывал: чай давал себя знать. Он сделал еще глоток, радуясь аромату, который не только возбуждал, но и приносил утешение.

— Ком... комбинированная интерпретация... ах, Оливер, вы же знаете, что мне нельзя отвечать на вопросы!

— Но...

— Никаких «но». Потягивайте чай и забудьте о том, что видели. Думайте о другом. Сейчас мы с вами слушаем музыку — не такую, конечно, а что-нибудь веселое...

Все было, как в прошлый раз. Она потянулась к стене, и Оливер увидел, что синяя вода на заключенной в раму картине пошла рябью и стала выпцветать. Сквозь нее пробились иные образы — так постепенно проступают очертания предмета, всплывающего из глубины моря.

Он различил подмостки, занавешенные черным, а на них — человека в узкой темной тунике и чулках, который мерил сцену нетерпеливыми шагами, двигаясь как-то боком. На темном фоне лицо и руки казались поразительно бледными. Он был хром и горбат и произносил знакомые слова. Оливеру однажды посчастливилось увидеть Джона Бэрримора в роли горбуна Ричарда, и то, что на эту трудную роль посягнул какой-то другой актер, показалось ему несколько оскорбительным. Этого актера он не знал. Человек играл с завораживающей вкрадчивостью, совершенно по-новому трактуя образ короля из рода Плантагенетов. Такая трактовка, пожалуй, и не снилась Шекспиру.

— Нет, — сказала Клеф, — не то. Хватит мрачности!

И она снова протянула руку. Безымянный новоявленный Ричард исчез с экрана, уступив место другим голосам и картинам. Они мелькали и сливались друг с другом, пока, наконец, изображение не стало устойчивым: на большой сцене танцовщицы в пастельно-синих балетных пачках легко и непринужденно выполняли фигуры какого-то сложного танца. И музыка была такая же легкая и непринужденная. Чистая, струящаяся мелодия наполнила комнату.

Оливер поставил чашку на стол. Теперь он чувствовал себя куда увереннее; напиток, видимо, сделал свое дело. Оливер не хотел, чтобы его рассудок опять затуманился. Он собирался кое-что выяснить и выяснить сейчас же. Немедленно. Он обдумывал, как бы приступить к этому.

Клеф наблюдала за ним.

— Эта женщина, Холлайа, — сказала она неожиданно. — Она хочет купить у вас дом?

Оливер кивнул.

— Она предлагает много денег. Для Сью это будет форменным ударом, если...

Он запнулся. В конце концов, возможно, обойдется и без удара. Он вспомнил маленькую серебряную корбочку с загадочным предназначением и подумал, не рассказать ли о ней Клеф. Но напиток не успел еще обезоружить мозг — он помнил о своих обязанностях перед Сью и промолчал.

Клеф покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза теплым взглядом. А может быть, и сочувственным?

— Поверьте мне, — сказала она, — в конечном счете все это покажется не таким уж важным. Обещаю вам, Оливер.

Оливер с удивлением воззрился на нее.

— Не могли бы вы объяснить, почему?

Клеф рассмеялась, скорее печально, чем весело, и Оливер вдруг осознал, что в ее голосе не было больше снисходительности. Она перестала смотреть на него как на забавный курьез. Ее поведение как-то незаметно утратило ту холодную отчужденность, с какой обращались с ним Омерае и Клайа. Вряд ли она притворялась: изменения были слишком тонкими и неуловимыми, чтобы разыграть их сознательно. Они наступали самопроизвольно либо не наступали совсем. По причинам, в которые Оливер не желал вдаваться, ему вдруг стало очень важно, чтобы Клеф не снисходила до общения с ним, чтобы она испытывала к нему те же чувства, что он к ней. Он не хотел размышлять над этим.

Оливер посмотрел на прозрачно-розовую чашку, на струйку пара, которая поднималась над отверстием в форме полумесяца. Может быть, подумал он, на этот раз чай послужит его целям. Этот напиток развязывает языки, а ему нужно было многое узнать. Догадка, осенившая его на крыльце, когда Сью и Клеф сошлись в безмолвной схватке, казалась сейчас не столь уж невероятной. Ведь есть же какое-то объяснение всему этому.

Клеф сама предоставила ему удобный случай.

— Мне сегодня нельзя пить много чая, — сказала она, улыбаясь ему из-за розовой чашки. — От него мне захочется спать, а у нас вечером прогулка с друзьями.

— Еще друзья? — спросил Оливер. — И все ваши соотечественники?

Клеф кивнула.

— Очень близкие друзья. Мы ждали их всю неделю.

— Скажите мне, — напрямик начал Оливер, — что это за страна, откуда вы приехали? Ведь вы не здешние. Ваша культура слишком не похожа на нашу, даже именная...

Он замолчал, увидев, что Клеф отрицательно качает головой.

— Я сама хотела бы рассказать вам об этом, но мне запрещают правила. Даже то, что я сижу здесь и разговариваю с вами, уже нарушение правил.

— Каких правил?

Клеф беспомощно махнула рукой.

— Не нужно меня спрашивать, Оливер. — Она нежно улыбнулась ему, откинувшись на спинку шезлонга, который услужливо приспособился к ее новой позе. — Нам лучше не говорить о таких вещах. Забудьте об этом, слушайте музыку и, если можете, развлекайтесь в свое удовольствие... — Она прикрыла веки и запрокинула голову на подушки, мурлыча про себя какую-то мелодию. Не открывая глаз, она напела ту самую строчку, что он слышал утром: «Как сладко нам вдвоем...»

Яркое воспоминание вдруг озарило память Оливера. Он никогда не слышал странной, тягучей мелодии, но слова песни как будто узнал. Он вспомнил, что сказал муж госпожи Холлайи, услышав эту строчку, и весь подался вперед. На прямой вопрос она, конечно, не станет отвечать, но если попробовать...

— А что, в Кентерберии, было так же тепло? — спросил он и затаил дыхание. Клеф промурлыкала другую строчку песни и покачала головой, по-прежнему не поднимая век:

— Там была осень. Но такая чудесная, ясная.

Знаете, у них даже одежда... Все пели эту новую песенку, и она запала мне в голову.

Она пропела еще одну строчку, но Оливер не разобрал почти ни слова. Язык был английский и в то же время какой-то совсем непонятный.

Он встал.

— Пойдите, — сказал он. — Мне нужно кое-что выяснить. Я сейчас вернусь.

Она открыла глаза и улыбнулась ему туманной улыбкой, не переставая напевать. Он спустился на первый этаж — быстро, но не бегом, потому что лестница чуть-чуть качалась под ногами, хотя в голове уже прояснилось, — и прошел в библиотеку. Книга была старой и потрепанной, в ней еще сохранились карандашные пометки университетских лет. Он довольно смутно помнил, где искать нужный отрывок, начал быстро листать страницы и по чистой случайности почти сразу на него наткнулся. Он опять поднялся наверх, чувствуя какую-то странную пустоту в желудке: теперь он был почти уверен.

— Клеф, — сказал он твердо, — я знаю эту песню. Я знаю, в каком году она была новинкой.

Она медленно подняла веки, ее взгляд был затуманен напитком. Вряд ли его слова дошли до ее сознания. Целую минуту она смотрела на него остановившимся взглядом, затем вытянула перед собой руку в голубом пуховом рукаве, распрямила смуглые от загара пальцы и потянулась к Оливеру, засмеявшись низким грудным смехом.

— Как сладко нам вдвоем, — сказала она.

Он медленно пересек комнату и взял ее за руку, ощутив теплоежатие пальцев. Она заставила его опуститься на колени у шезлонга, тихо засмеялась, закрыла глаза и приблизила лицо к его губам.

Их поцелуй был горячим и долгим. Он ощутил аромат чая в ее дыхании, ему передалось ее опьянение. Но он вздрогнул, когда кольцо ее рук вдруг распалось, и почувствовал на щеке учащенное дыхание. По лицу ее покатились слезы, она всхлипнула.

Он отстранился и с удивлением посмотрел на нее. Она всхлипнула еще раз, перевела дыхание и тяжело вздохнула.

— Ах, Оливер, Оливер... — Затем покачала голо-

вой и высвободилась, отвернувшись, чтобы спрятать лицо. — Я... мне очень жаль, — сказала она прерывающимся голосом. — Пожалуйста, простите меня. Это не имеет значения... я знаю, что не имеет... и все-таки.

— Что случилось? Что не имеет значения?

— Ничего... Ничего... Пожалуйста, забудьте об этом. Ровным счетом ничего.

Она взяла со стола носовой платок, высморкалась и лучезарно улыбнулась ему сквозь слезы.

Внезапно им овладел гнев. Хватит с него всех этих уловок и таинственных недомолвок! Он грубо сказал:

— Вы что, и в самом деле считаете меня таким дурачком? Теперь я знаю вполне достаточно, чтобы...

— Оливер, прошу вас! — Она поднесла ему свою чашку, над которой вился душистый дымок. — Прошу вас, не надо больше вопросов. Эйфория — вот что вам нужно, Оливер. Эйфория, а не ответы.

— Какой был год, когда вы слышали в Кентербери эту песенку? — потребовал он, отстраняя чашку.

Слезы блестели у нее на ресницах. Она прищурилась:

— Ну... а сами вы как думаете?

— Я знаю, — мрачно ответил Оливер. — Я знаю, в каком году все пели эту песенку. Я знаю, что вы только что побывали в Кентербери, муж Холлайи проболтался об этом. Сейчас у нас май, но в Кентербери была осень и вы только что там побывали, поэтому и песенка, что вы там слышали, все еще у вас в голове. Эту песенку пел Чосер, продавец индulgенций где-то в конце четырнадцатого века. Вы встречали Чосера, Клеф? Какой была Англия в то далекое время?

С минуту Клеф молча смотрела ему прямо в глаза. Затем плечи ее опустились, и вся она как-то покорно сникла под своим одеянием.

— Какая же я дурочка, — спокойно сказала она. — Должно быть, меня легко было поймать. Вы и вправду верите тому, что сказали?

Оливер кивнул.

Она продолжала тихим голосом:

— Немногие способны поверить в это. Таково одно из правил, которыми мы руководствуемся, когда путешествуем. Нам не грозит серьезное разоблачение — ведь до того как Путешествие Во Времени было открыто, люди в него просто не верили.

Ощущение пустоты под ложечкой резко усилилось. На какой-то миг время показалось Оливеру бездонным колодцем, а Вселенная потеряла устойчивость. Он почувствовал тошноту, почувствовал себя нагим и беспомощным. В ушах звенело, комната плыла перед глазами.

Ведь он сомневался — по крайней мере до этой минуты. Он ждал от нее какого-нибудь разумного объяснения, способного привести его дикие догадки и подозрения в некую стройную систему, которую можно было бы принять на веру. Но только не это!

Клеф осушила глаза светло-синим платочком и робко улыбнулась.

— Я понимаю, — сказала она. — Примириться с этим, должно быть, страшно трудно. Все ваши представления оказываются вывернутыми наизнанку... Мы, разумеется, привыкли к этому с детства. Но для вас... Вот, выпейте, Оливер! Эйфориак даст вам облегчение.

Он взял чашку — ободок все еще хранил бледные следы ее помады — и начал пить. Напиток волнами поднимался к голове, вызывая сладкое головокружение, — мозг словно слегка перемещался в черепной коробке, — изменяя его взгляд на вещи, а заодно и понятие о ценностях.

Ему становилось лучше. Пустота начала понемногу наполняться, ненадолго вернулась уверенность в себе, на душе потеплело, и он уже не был больше пешинкой в водовороте неустойчивого времени.

— На самом деле все очень просто, — говорила Клеф. — Мы... путешествуем. Наше время не так уж страшно удалено от вашего. Нет. Насколько — этого я не имею права говорить. Но мы еще помним ваши песни и ваших поэтов, и кое-кого из великих актеров вашего времени. У нас очень много досуга, а занимаемся мы тем, что развиваем искусство удовольствий.

Сейчас мы путешествуем — путешествуем по временам года. Выбираем лучшие. По данным наших

специалистов, та осень в Кентерберии была самой великопешной осенью всех времен. Вместе с паломниками мы совершили поездку к их святыне. Изумительно, хотя справиться с их одеждой было трудновато.

А этот май — он уже на исходе — самый прекрасный из всех, какие отмечены в анналах времени. Идеальный май замечательного года. Вы, Оливер, даже не представляете себе, в какое славное, радостное время вы живете. Это чувствуется в самой атмосфере ваших городов — повсюду удивительное ощущение всеобщего счастья и благополучия, и все идет как по маслу. Такой прекрасный май встречался и в другие годы, но каждый раз его омрачала война или голод, или что-нибудь еще. — Она замялась, поморщилась и быстро продолжала:

— Через несколько дней мы должны собраться на коронации в Риме. Если не ошибаюсь, это будет в 800 году от Рождества Христова. Мы...

— Но почему, — перебил ее Оливер, — вы так держитесь за этот дом? И почему другие стараются его у вас оттягать?

Клеф пристально посмотрела на него. Он увидел, что на глазах у нее опять выступают слезы, собираясь в маленькие блестящие полумесяцы у нижних век. На милом, тронутom загаром лице появилось упрямое выражение. Она покачала головой.

— Об этом вы не должны меня спрашивать. — Она подала ему дымящуюся чашку. — Вот, выпейте и забудьте о том, что я рассказала. Больше вы от меня ничего не услышите. Нет, нет и нет.

Проснувшись, он некоторое время не мог понять, где находится. Он не помнил, как попрощался с Клеф и вернулся к себе. Но сейчас ему было не до этого. Его разбудило чувство всепоглощающего ужаса.

Оно наполняло темноту. Волны страха и боли сотрясали мозг. Оливер лежал неподвижно, боясь пошевелиться. Какой-то древний инстинкт приказывал ему затаиться, пока он не выяснит, откуда угрожает опасность.

Приступы слепой паники снова и снова обрушивались на него с равномерностью прибоя, голова рас-

калывалась от их неистовой силы, и сама темнота вибрировала им в такт.

В дверь постучали, и раздался низкий голос Омерайе:

— Вильсон! Вильсон! Вы не спите?

После двух неудачных попыток Оливеру удалось выдавить:

— Не-ет, а что?

Брякнула дверная ручка, замаячил смутный силуэт Омерайе. Он нащупал выключатель, и комната вынырнула из мрака.

Лицо Омерайе было искажено, он сжимал голову рукой; очевидно, боль набрасывалась на него с теми же интервалами, что и на Оливера.

Прежде чем Омерайе успел что-нибудь произнести, Оливер вспомнил. Холлайя предупреждала его: «Рекомендую вам перебраться в другое место, молодой человек. И сделайте это сегодня же вечером». Он иступленно спрашивал себя, что именно грозит им в этом темном доме, который сотрясали спазмы слепого ужаса.

Сердитым голосом Омерайе ответил на его невысказанный вопрос:

— Кто-то установил в доме субсонорный излучатель, слышите, Вильсон! Клеф считает, что вы знаете где.

— С-субсонорный?..

— Есть такое устройство, — нетерпеливо пояснил Омерайе. — Скорее всего небольшая металлическая коробка, которая..

— А-а, — протянул Оливер таким тоном, который выдал его с головой.

— Где она? — потребовал Омерайе. — Быстро! Нужно поскорее с ней разделаться.

— Не знаю, — ответил Оливер, с трудом заставив себя не стучать зубами. — В-вы хотите сказать, что все, все это наделала одна маленькая коробочка?

— Конечно. Теперь подскажите, где ее искать, не то все мы здесь сойдем с ума от страха.

Весь дрожа, Оливер выбрался из постели и неверной рукой нащупал халат.

— Я д-думаю, она спрятала ее где-то внизу. Она отлучалась с-совсем ненадолго.

Несколькими короткими вопросами Омерайе все из него вытянул. Когда Оливер кончил, тот заскрипел зубами в бессильной ярости.

— Эта идиотка Холлайя...

— Омерайе! — донесся из коридора жалобный голос Клеф. — Омерайе, пожалуйста, скорее! Я больше не выдержу! Ох! Омерайе, умоляю вас!

Оливер вскочил на ноги. От резкого движения непонятная боль с удвоенной силой захлестнула его сознание; он покачнулся и вцепился в столбик кровати.

— Сами ищите ее, — услышал он свой дрожащий голос. — Я не могу и шагу ступить.

Нервы Омерайе начинали сдавать под страшным гнетом. Он схватил Оливера за плечи и принялся трясти, приговаривая сквозь зубы:

— Вы впутали нас в эту историю — так будьте добры помочь нам из нее выпутаться, иначе...

— Это устройство придумали в вашем мире, а не в нашем! — в бешенстве бросил ему Оливер.

И вдруг он почувствовал, что в комнате стало тихо и холодно. Даже боль и бессмысленная паника отпустили на минуту. Прозрачные холодные зрачки мгновенно впились в него с таким выражением, что Оливеру почудилось, будто в глазах Омерайе застыл лед.

— Что вам известно о нашем... мире? — требовательно спросил он.

Оливер не ответил, да в этом и не было необходимости: его лицо говорило само за себя. Он был неспособен притворяться под этой пыткой ночным ужасом, который все еще оставался для него загадкой.

Омерайе ощерил свои белые зубы. Он произнес три непонятных слова, шагнул к двери и отрывисто бросил:

— Клеф!

Оливер различил в коридоре женщин, которые жались друг к другу, — их била дрожь. Клайя, в длинном светящемся платье зеленого цвета, ценой огромного напряжения держала себя в руках, а Клеф даже и не пыталась совладать с собой. Ее пуховый наряд отливал сейчас мягким золотом, тело вздраги-

вало, и по лицу струились слезы, которых она уже не могла унять.

— Клеф, — спросил Омерайе голосом, не предвещавшим ничего хорошего, — вы вчера снова злоупотребляли эйфориаком?

Клеф испуганно покосилась на Оливера и виновато кивнула.

— Вы слишком много болтали. — В одной фразе прозвучал целый обвинительный акт. — Вам, Клеф, известны правила. Если об этом случае будет доложено властям, вам запретят путешествовать.

Ее красивое лицо неожиданно скривилось в упрямую гримасу.

— Я знаю, что поступила плохо. Я жалею об этом. Но вам не удастся запретить мне, если Сенбе будет против.

Клайа всплеснула руками в бессильном гневе. Омерайе пожал плечами.

— В данном случае, очевидно, большой беды не произошло, — сказал он, как-то загадочно посмотрев на Оливера. — Но ведь могло получиться и хуже. В следующий раз так оно и будет. Придется поговорить с Сенбе.

— Прежде всего нужно отыскать субсонорный излучатель, — напомнила Клайа, не переставая дрожать. — Если Клеф боится оставаться в доме, ей лучше пойти погулять. Признаюсь, сейчас общество Клеф меня только раздражает.

— Мы могли бы отказаться от дома! — истукленно закричала Клеф. — Пусть Холлайа забирает его себе! Чтобы искать, нужно время, а вы столько не выдержите...

— Отказаться от дома? — переспросила Клайа. — Да вы с ума сошли! Отменить все разосланные приглашения?!

— В этом не будет нужды, — сказал Омерайе. — Мы найдем излучатель, если все примемся за поиски. Вы в состоянии помочь? — он вопросительно посмотрел на Оливера.

Усилием воли Оливер заставил себя преодолеть бессмысленный, панический ужас, который волнами распространялся по комнате.

— Да, — ответил он. — Но как же я? Что вы сделаете со мной?

— Разве не ясно? — сказал Омерайе. — Заставим сидеть дома до нашего отъезда. Как вы понимаете, поступить иначе мы просто не можем. В данном случае, однако, у нас нет и оснований идти на более радикальные меры. Документы, что мы подписали перед путешествием, требуют от нас сохранения тайны, не больше.

— Постойте... — Оливер попытался нащупать какой-то просчет в рассуждениях Омерайе. Но это было бесполезно. Он не мог собраться с мыслями. Мозг захлебывался в безумном ужасе, который был везде, даже в воздухе.

— Ладно, — сказал он. — Давайте искать.

Коробочку нашли только под утро. Она была спрятана в диванной подушке, куда ее заткнули через разошедшийся шов. Не говоря ни слова, Омерайе взял ее и понес к себе. Минут через пять напряжение исчезло и благодатный покой снизошел на дом.

— Они не останутся на этом, — сказал Омерайе, задержав Оливера у двери его спальни. — Нам следует быть настороже. Что касается вас, моя обязанность — позаботиться, чтобы вы до пятницы не выходили из дому. Если Холлайя попробует еще что-нибудь выкинуть, то советую немедленно поставить меня в известность. Это в ваших собственных интересах. Должен признаться, я не совсем ясно представляю себе, как заставить вас сидеть дома. Я мог бы сделать это крайне неприятным для вас способом, но мне хотелось бы ограничиться честным словом.

Оливер колебался. После того, как спало напряжение, он почувствовал себя опустошенным, сознание притупилось, и он никак не мог уразуметь, что ответить.

Выждав с минуту, Омерайе добавил:

— Здесь есть и наша вина — нам следовало специально обусловить в договоре, что дом поступает в наше полное распоряжение. Поскольку вы жили вместе с нами, то вам, конечно, было трудно удержаться от подозрений. Что если в виде компенсации за обещание, я частично возмещу вам разницу между арендой и продажной стоимостью дома?

Оливер взвесил предложение. Пожалуй, это немножко успокоит Сью. Да и речь идет всего о двух днях. И вообще, допустим, он удерет — какая от этого польза? Что бы он ни сказал в городе, его прямым ходом отправят в психиатрическую лечебницу.

— Ладно, — устало согласился он. — Обещаю.

Наступила пятница, а Холлайа все еще не напоминала о себе. В полдень позвонила Сью. Оливер узнал трескучий звук ее голоса, хотя разговаривала с ней Клеф. Судя по звуку, Сью была в истерике: выгодная сделка безнадежно уплывала из ее цепких пальчиков.

Клеф попыталась ее успокоить.

— Мне жаль, — повторяла она каждый раз, когда Сью на минутку переставала трещать. — Мне действительно очень жаль. Поверьте мне, вы еще поймете, что это неважно... Я знаю... Мне очень жаль...

Наконец она положила трубку.

— Девушка говорит, что Холлайа уступила, — сообщила она остальным.

— Никогда не поверю, — решительно сказала Клайа.

Омерайе пожал плечами.

— У нее почти не осталось времени. Если она намерена действовать, то попытается уже сегодня вечером. Надо быть начеку.

— Нет, только не сегодня! — В голосе Клеф прозвучал ужас. — Даже Холлайа не пойдет на это.

— Дорогая моя, по-своему Холлайа так же неразборчива в средствах, как и вы, — с улыбкой заметил Омерайе.

— Но... неужели она станет нам пакостить только за то, что не может сама жить в этом доме?

— А вы думаете, нет? — спросила Клайа.

Оливеру надоело прислушиваться. Пытаться понять их разговоры — дело безнадежное. Но он знал, что, какая бы тайна ни крылась за всем этим, сегодня вечером она, наконец, выплывет наружу. Он твердо решил дожидаться заветного часа.

Два дня весь дом и трое новых жильцов пребывали в состоянии нарастающего возбуждения. Даже прислуга нервничала, утратив обычную невозмутим-

мость. Оливер прекратил расспросы — от них не было никакой пользы, они только вызывали замешательство у жильцов — и выжидал.

Стулья из всех комнат перенесли в три парадные спальни. Остальную мебель передвинули, чтобы освободить больше места. На подносах приготовили несколько дюжин накрытых чашечек. Среди прочих Оливер заметил сервиз из розового кварца, принадлежащий Клеф. Над узкими отверстиями не поднималось дымка, хотя чашки были полны. Оливер взял одну в руки и почувствовал, как тяжелая жидкость вяло переливается внутри, словно ртуть.

Все говорило о том, что ждут гостей. Однако в девять сели обедать, как обычно, а гостей все не было. Затем встали из-за стола, и прислуга разошлась по домам. Санциско пошли к себе переодеться, и напряжение, казалось, еще возросло.

После обеда Оливер вышел на крыльцо, тщетно ломая голову над вопросом: чего это ждут — так нетерпеливо, что весь дом словно застыл в ожидании? На горизонте в легком тумане качался месяц, но звезды, от которых все майские ночи в этом году были ослепительно прозрачными, сегодня что-то потускнели. На западе собирались тучи; похоже, что безупречная погода, которая держалась целый месяц, собиралась наконец испортиться.

Дверь за спиной Оливера приоткрылась и захлопнулась. Еще не успев обернуться, он уловил аромат, присутствующий Клеф, и слабый запах ее любимого напитка. Она подошла, встала рядом, и он почувствовал, как ее рука проскользнула в его ладонь. В темноте она подняла к нему лицо.

— Оливер, — произнесла она очень тихо, — пообещайте мне одну вещь. Обещайте не выходить сегодня из дому.

— Я уже обещал, — ответил он с ноткой раздражения в голосе.

— Я знаю. Но сегодня — сегодня у меня есть особая причина просить вас посидеть дома.

На мгновение она опустила голову ему на плечо, и он, сам того не желая, невольно смягчился. С того памятного вечера, когда она все ему рассказала, они ни разу не оставались вдвоем. Он думал, что так и

не удастся побыть с ней наедине, разве только урывками, на несколько минут. Но он понимал, что никогда не забудет двух странных вечеров, проведенных с ней. Теперь он знал и другое — она слабовольна и вдобавок легкомысленна. Но она оставалась все той же Клеф, которую он держал в объятиях. И это, пожалуй, навсегда врезалось ему в память.

— Вас могут... ранить, если вы сегодня отправитесь в город, — продолжала она приглушенным голосом. — Я знаю, что в конечном счете это не имеет значения, но... Помните, Оливер, вы обещали.

Прежде чем с его языка успел сорваться бесполезный вопрос, она исчезла и дверь закрылась за ней.

Гости начали собираться за несколько минут до полуночи. С верхней площадки Оливеру было видно, как они входят по двое и по трое, и он поразился, сколько пришельцев из будущего стеклось сюда за последнюю неделю. Теперь он абсолютно отчетливо понял, чем они отличаются от людей его времени. В первую очередь, бросалось в глаза совершенство их внешнего облика — изящество одежд и причесок, изысканные манеры и идеальная постановка голоса. Но так как все они вели праздную жизнь и на свой лад гнались за острыми ощущениями, то ухо улавливало в их голосах неприятные визгливые нотки, особенно когда они говорили все разом. Внешний лоск не мог скрыть капризной раздражительности и привычки потакать собственным прихотям. А сегодня над всем этим еще царил возбуждение.

К часу ночи все собрались в парадных комнатах. После двенадцати чашки, по всей видимости, сами собой задымились, и по комнатам расплылся едва уловимый тонкий аромат, который смешивался с запахом чая и, попадая в легкие, вызывал что-то вроде слабого опьянения.

От этого запаха Оливеру стало легко и захотелось спать. Он твердо решил дожждаться, пока не уйдет последний гость, но, видимо, незаметно задремал у себя в комнате у окна, с нераскрытой книжкой на коленях.

Вот почему, когда это произошло, он несколько минут не мог понять, спит он или бодрствует.

Страшный, невероятной силы удар был сильнее, чем грохот. Оливер в полусне почувствовал, как весь дом заходил под ним, почувствовал (именно почувствовал, а не услышал), как бревна, словно переломанные кости, со скрежетом трутся друг о друга. Когда он страхнул с себя остатки сна, оказалось, что он лежит на полу среди осколков оконного стекла.

Он не знал, сколько времени так провалился. То ли весь мир был еще оглушен чудовищным грохотом, то ли у него заложило уши, но только вокруг стояла абсолютная тишина.

Первые звуки просочились к нему в коридоре, на полпути к парадным комнатам. Сперва это было нечто глухое и неопишемое, и сквозь него резко пробивались бесчисленные отдаленные вопли. Барабанные перепонки ломило от чудовищного удара звуковой волны, такой сильной, что слух не воспринимал ее. Но глухота понемногу отпускала, и, не успев еще ничего увидеть, он услышал первые голоса пораженного бедствием города.

Дверь в комнату Клеф поддалась с трудом. Дом немного осел от... взрыва? — и дверную раму перекосило. Справившись, наконец, с дверью, он застыл на пороге, бестолково моргая: в комнате было темно — лампы потушены, но со всех сторон доносился напряженный шепот.

Перед широкими окнами, выходившими в город, полукругом стояли стулья — так, чтобы всем было видно. В воздухе колыхался дурман опьянения. Снаружи в окна проникало достаточно света, и Оливер заметил, что несколько зрителей все еще зажимают уши. Впрочем, все сидели, подавшись вперед, с видом живейшего любопытства.

Как во сне город с невыносимой ясностью проступал перед ним сквозь марево за окнами. Он прекрасно знал, что здания напротив загораживают вид, — и в то же время собственными глазами видел весь город, который расстилался бескрайней панорамой от окон до самого горизонта. Посередине, там, где должны были стоять дома, не было ничего.

На горизонте вздымалась сплошная стена пламе-

ни, окрашивая облака в малиновый цвет. Небо отбрасывало это огненное сияние обратно на город, и оно высвечивало бесконечные кварталы расплюснутых домов — кое-где языки пламени уже лизали стены, — а дальше начиналась бесформенная груда того, что несколько минут назад тоже было домами, а теперь превратилось в ничто.

Город заговорил. Рев пламени заглушал все остальные звуки, но сквозь него, как рокот дальнего прибоя, прорывались голоса, отрывистые крики сплетались в повторяющийся узор. Вопли сирен прошивали все звуки волнистой нитью, связывая их в чудовищную симфонию, отмеченную своеобразной, жуткой, нечеловеческой красотой.

Оливер отказывался верить: в его оглушенном сознании на миг всплыло воспоминание о той, другой симфонии, что Клеф проиграла однажды в доме, о другой катастрофе, воплотившейся в музыку, движения, формы.

Он хрипло позвал:

— Клеф...

Живая картина распалась. Все головы повернулись к Оливеру, и он заметил, как чужестранцы внимательно его разглядывают. Некоторые — таких было мало — казались смущенными и избегали его взгляда, но большинство, напротив, пытались поймать выражение его глаз с жадным, жестоким любопытством толпы на месте уличной катастрофы. Все эти люди — до одного — сошлись здесь заранее, чтобы полюбоваться на грандиозное бедствие, будто его подготовили специально к их приезду.

Клеф встала, пошатываясь, и едва не упала, наступив на подол своего бархатного вечернего платья. Она поставила чашку и нетвердой походкой направилась к двери.

— Оливер... Оливер... — повторяла она нежно и неуверенно.

Оливер понял: она была все равно, что пьяна. Катастрофа до такой степени взвинтила ее, что она вряд ли отдавала себе отчет в своих действиях.

Оливер услышал, как его голос, ставший каким-то тонким и совершенно чужим, произнес:

— Что... Что это было, Клеф? Что случилось? Что...

Но слово «случилось» так не соответствовало чудовищной панораме за окнами, что он с трудом удержался от истерического смеха и невысказанный вопрос повис в воздухе. Он смолк, пытаясь унять бившую его дрожь.

Стараясь удержать равновесие, Клеф нагнулась и взяла дымящуюся чашку. Она подошла к нему, покачиваясь, и протянула напиток — свою панацею от всех зол.

— Выпейте, Оливер. Здесь мы все в безопасности, в полной безопасности.

Она прижала чашку к его губам, и он машинально сделал несколько глотков. Душистые пары сразу же обволокли сознание, за что он был им благодарен.

— Это был метеор, — говорила Клеф. — Маленький такой метеоритик, честное слово. Здесь мы в полной безопасности, и с домом все в порядке.

Из глубины подсознания всплыл вопрос, и Оливер услышал свое бессвязное бормотание:

— Сюю... Сюю... Она...

Он не мог выговорить остального.

Клеф снова подсунула ему чашку.

— Я полагаю, она может ничего не бояться — пока. Пожалуйста, Оливер, забудьте обо всем и пейте!

— Но ведь вы же знали! — Эта мысль дошла наконец до его оглушенного сознания. — Вы могли предупредить или...

— Разве в наших силах изменять прошлое? — спросила Клеф. — Мы знали, но смогли бы мы остановить метеор? Или предупредить жителей? Отправляясь в путешествие, мы даем клятву никогда и ни во что не вмешиваться...

Голоса в комнате незаметно стали громче и теперь перекрывали шум, нараставший снаружи. Треск пламени, вопли и грохот разрушения сливались над городом в сплошной рев. Комнату заливало зловещим светом, по стенам и на потолке плясали красные отблески и багровые тени.

Внизу хлопнула дверь и кто-то засмеялся визгливым, хриплым, злым смехом. У кого-то в комнате перехватило дыхание, потом раздались крики испуга, целый хор криков. Оливер попытался сосредоточиться на

окнах и на жуткой картине, которая расстилалась за ними — и обнаружил, что это ему не удастся.

Некоторое время он еще напряженно шурился и только потом понял, что зрение изменило не ему одному. Тихонько всхлипывая, Клеф прижалась к нему. Оливер машинально обнял ее и почувствовал облегчение оттого, что рядом было теплое, живое человеческое тело. Оно было настоящим, к нему хотя бы можно было прикоснуться — все остальное больше походило на дурной сон. Ее аромат, смешанный с одуряющим запахом чая, ударил ему в голову, и на короткое мгновение, пока он сжимал ее в объятиях (он понимал, что в последний раз), он совершенно забыл о том, что даже внешний вид комнаты как-то уродливо изменился.

Он ослеп, но не совсем. Слепота набегала чередой, быстрыми, расходящимися волнами мрака: в промежутках глаза успевали выхватить отдельные лица в неверном, мерцающем свете, идущем из окон, — недоверчивые, напряженные.

Волны набегали все чаще. Теперь зрение возвращалось только на миг и этот миг становился все короче, а промежутки мрака — длиннее.

Снизу опять донесся смех. Оливеру показалось, что он узнал голос. Он открыл рот, чтобы сказать об этом, но где-то рядом хлопнула дверь, и, прежде чем он обрел дар речи, Омерайе уже кричал в пролет лестницы.

— Холлайя? — Его голос поднялся над ревом го-рода. — Холлайя, это вы?

Она снова рассмеялась, в ее смехе было торжество.

— Я предупреждала вас! — раздался ее хриплый, резкий голос. — А теперь спускайтесь к нам на улицу, если хотите увидеть, что будет дальше.

— Холлайя! — с отчаянием выкрикнул Омерайе. — Прекратите это, иначе...

Ее смех прозвучал издевкой.

— Что вы будете делать, Омерайе? На этот раз я спрятала его получше. Спускайтесь на улицу, если хотите досмотреть до конца.

В доме воцарилось угрюмое молчание. Оливер ощущал на щеке учащенное дыхание Клеф, чувствовал

под руками мягкие движения ее тела. Усилием воли он попытался остановить это мгновение, продлить его до бесконечности. Все произошло так быстро, сознание удерживало лишь то, что можно было тронуть и взять в руки. Он обнимал Клеф легко и свободно, хотя ему хотелось сжать ее в отчаянном порыве: он знал, что больше им не придется обнимать друг друга.

От безостановочного чередования тьмы и света ломило глаза. Издалека, снизу, докатывался рев охваченного пожаром города, пронизанный долгими, низкими, петляющими гудками сирен, которые сшивали какофонию звуков.

Затем с первого этажа сквозь непроглядную тьму донесся еще один голос — мужской, очень низкий и звучный:

— Что здесь творится? А вы что тут делаете? Холлай, вы ли это?

Оливер почувствовал, как Клеф окаменела в его объятиях. Она перевела дыхание, но не успела ничего сказать, потому что человек уже поднимался по лестнице тяжелыми шагами. Его твердая, уверенная поступь сотрясала старый дом.

Клеф вырвалась из рук Оливера. Она радостно закричала: «Сенбе! Сенбе!» — и бросилась навстречу вошедшему сквозь волны тьмы и света, которые захлестнули пошатнувшееся здание.

Оливер немного потоптался на месте, пока не нагнулся на стул. Он опустил на него и поднес к губам чашку, с которой не расставался все это время. В лицо пахло теплым и влажным паром, но различить отверстие было почти невозможно.

Он вцепился в чашку обеими руками и начал пить.

Когда он открыл глаза, в комнате было совсем темно. И тихо, если не считать тонкого металлического жужжания на таких высоких тонах, что оно почти не касалось слуха. Оливер пытался освободиться от чудовищного наваждения. Он решительно выбросил его из головы и сел, чувствуя, как чужая кровать скрипит и покачивается под тяжестью его тела.

Это была комната Клеф. Нет, уже не Клеф. Исчезли сияющие драпировки, белый эластичный ковер, картины — ничего не осталось. Комната выглядела, как прежде — за одним исключением.

В дальнем углу стоял стол — кусок какого-то полупрозрачного материала, который излучал мягкий свет. Перед ним на низком табурете сидел человек, он наклонился вперед, и льющийся свет четко обрисовывал его могучие плечи. На голове у него были наушники, он делал быстрые и как будто бессистемные пометки в блокноте, что лежал у него на коленях, и чуть-чуть раскачивался, словно в такт слышной ему одному музыке.

Шторы были спущены, но из-за них доносился глухой отдаленный рев, который запомнился Оливеру из кошмарного сна. Он провел рукой по лицу и понял, что у него жар и комната плывет перед глазами. Голова болела, во всем теле ощущалась противная слабость.

Услышав скрип кровати, человек у стола обернулся и опустил наушники, которые охватывали его шею наподобие воротничка. У него было властное, чувственное лицо и коротко подстриженная черная бородка. Оливер видел его впервые, но сразу узнал эту отчужденность — ощущение непреодолимой пропасти времени, которая разделяла их.

Человек заговорил, в голосе его была безразличная доброта.

— Вы злоупотребили эйфориакom, Вильсон, — сказал он равнодушно-сочувственным тоном. — Вы долго спали.

— Сколько времени? — спросил Оливер, с трудом разжав слипшиеся губы.

Человек не ответил. Оливер потряс головой, чтобы собраться с мыслями.

— Клеф, помнится, говорила, что никакого похмелья... — начал он, но тут ему в голову пришла новая мысль, и он перебил самого себя. — Где Клеф?

Он смущенно покосился на дверь.

— Сейчас они, вероятно, уже в Риме, на коронации Карла Великого в соборе Святого Петра, на Рождество, около тысячи лет назад.

С этой новостью было не так-то легко освоиться.

Его больной разум отказывался от нее. Оливеру почему-то вообще трудно было думать. Не спуская глаз с человека, он мучительным усилием заставил себя додумать до конца.

— Значит, они отправились дальше. Но вы-то остались? Зачем? Вы... вы Сенбе? Я слышал вашу... Клеф называла ее симфонией.

— Вы слышали только часть. Она пока не закончена. Мне требовалось еще вот это. — Сенбе кивком показал на шторм, за которыми стоял приглушенный рев.

— Вам требовался метеор? — Истина с трудом пробивалась сквозь притупленное сознание, пока не наткнулась на какой-то участок мозга, еще не затронутый болью и способный к умозаключениям. — Метеор? Но...

Сенбе поднял руку, и этот жест, полный безотчетной властности, казалось, снова уложил Оливера на подушку. Сенбе терпеливо продолжал:

— Самое страшное уже позади, хотя бы на время. Если можете, постарайтесь забыть об этом. После катастрофы прошло уже несколько дней. Я же сказал вам, что вы долго спали. Я дал вам отдохнуть. Я знал, что дом не пострадает — по крайней мере, от огня.

— Значит, случится что-то еще? — пробормотал Оливер.

Уверенности в том, что ему так уж нужен ответ, у него не было. Сколько времени его мучило любопытство, но сейчас, когда он узнал почти все, какая-то часть его существа решительно отказывалась выслушивать остальное. Может быть, эта слабость, это лихорадочное головокружение пройдут вместе с действием напитка...

Голос Сенбе звучал ровно, успокаивающе, как будто он тоже хотел отвлечь Оливера от тяжелых мыслей. Проще всего было лежать так спокойно и слушать.

— Я — композитор, — говорил Сенбе. — Переложение некоторых форм бедствий на язык моего искусства — вот что меня занимает. Поэтому я и остался. Все прочие — дилетанты. Они приехали наслаждаться погодой и зрелищем. Последствия ка-

тастрофы — к чему они им? Но я — другое дело. Я считаю себя знатоком. И на мой взгляд, эти последствия не лишены известного интереса. Больше того, они мне нужны. Мне необходимо лично проследить их — на это у меня есть свои основания.

На мгновение его острый взгляд задержался на Оливере с тем безразлично-изучающим выражением, какое свойственно врачам. Он рассеянно потянулся за пером и блокнотом, и на внутренней стороне крепкого смуглого запястья Оливер увидел знакомую отметину.

— У Клеф был такой же шрам, — услышал он собственный шепот. — И у других — тоже.

Сенбе кивнул.

— Прививка. В данных обстоятельствах это было необходимо. Мы не хотим, чтобы эпидемия распространилась на наше время.

— Эпидемия?

Сенбе пожал плечами.

— Название вам ничего не скажет.

— Но раз вы можете предупреждать ее...

Оливер с усилием приподнялся на руках. У него промелькнула догадка, и он уцепился за нее изо всех сил. Напряжение как будто помогло мысли пробиться сквозь все возрастающее помрачение разума. С невероятным трудом он продолжал:

— Кажется, я начинаю понимать. Пойдите! Я пытался разобраться что к чему. Вы можете изменять историю? Конечно, можете. Я знаю, что можете! Клеф говорила, что она дала обещание не вмешиваться. Вам всем пришлось обещать то же самое. Значит, вы и в самом деле могли бы изменить свое собственное прошлое? — наше время?

Сенбе отложил блокнот в сторону. Он смотрел на Оливера из-под тяжелых бровей — задумчиво, мрачно, пристально.

— Да, — сказал он. — Да, прошлое можно изменить, но это нелегко. И будущее, соответственно, тоже изменится. Линии вероятности переключаются в новое сочетание — только это безумно сложно и никому еще не позволяли сделать это. Пространственно-временной поток всегда стремится вернуться в исходное русло. — Он пожал плечами. — Теоретическая

наука. Мы не меняем истории, Вильсон. Если мы изменим свое прошлое, то и наше настоящее тоже изменится. А мир, каков он в наше время, нас вполне устраивает. Конечно, и у нас бывают недовольные, но им не разрешены путешествия во времени.

Оливер повысил голос, чтобы его не заглушил шум за окнами:

— Но у вас есть власть над временем! Если бы вы только захотели, вы смогли бы изменить историю — уничтожить всю боль, страдания, трагедии...

— Все это давным-давно ушло в прошлое, — сказал Сенбе.

— Но не сейчас! Не это!

Некоторое время Сенбе загадочно смотрел на Оливера. Затем произнес:

— И это тоже.

И вдруг Оливер понял, с какого огромного расстояния наблюдал за ним Сенбе: расстояние это измеряется только временем. Сенбе был композитором, гением, он неизбежно должен был отличаться обостренной впечатлительностью, но его душа принадлежала той, далекой эпохе. Город, умирающий за окнами, весь мир сейчас и здесь были для него не совсем настоящими. В его глазах им не хватало реальности из-за коренного расхождения во времени. Мир Оливера был всего лишь одной из плит в фундаменте пьедестала, на котором возвышалась цивилизация туманного, неведомого, ужасного будущего.

Да, теперь оно казалось Оливеру ужасным. Даже Клеф... да что там Клеф — все они были заражены мелочностью, тем особым даром, который позволил Холлайе самозабвенно пускаться на подленькие, мелкие уловки, чтобы захватить удобное местечко в «партере», в то время как метеор неуклонно приближался к Земле. Все они были «дилетантами» — и Клеф, и Омерайе, и остальные. Они путешествовали во времени, но только как сторонние наблюдатели. Неужели они устали от нормальной человеческой жизни, пресытились ею?

Пресытились... однако не так, чтобы желать перемен. В их время мир превратился в воплощенное совершенство, созданное для того, чтобы служить их

потребностям. Они не смели трогать прошлое — они боялись подпортить себе настоящее.

Его передернуло от отвращения. Во рту появился вкус тошнотворной кислоты: ему вспомнились губы Клеф. Она умела завлечь человека — ему ли не знать об этом? Но похмелье...

Раса будущего, в них было что-то... Тогда он начал было смутно догадываться, но близость Клеф усыпила чувство опасности, притупила подозрения. Использовать путешествие во времени для того, чтобы забыться в развлечениях, — это отдавало святотатством. Раса, наделенная таким могуществом...

Клеф бросила его, бросила ради варварской роскоши коронации в Риме тысячелетней давности. Кем он был для нее? Живым человеком с теплой кровью? Нет. Безусловно, нет. Раса Клеф была расой зрителей.

Но сейчас он читал в глазах Сенбе нечто большее, чем случайный интерес. В них было жадное внимание и ожидание, они замороженно блестели. Сенбе снова надел наушники. Ну, конечно, он — это другое дело. Он был знатоком. Лучшее время года кончилось. Пришло похмелье — и вместе с ним пришел Сенбе.

Он наблюдал и ждал. Перед ним мягко мерцала полупрозрачная поверхность стола, пальцы застыли над блокнотом. Знаток высшего класса, он готовился смаковать редчайшее блюдо, оценить которое мог только истинный гурман.

Тонкие, приглушенные ритмы — звуки, похожие на музыку, — снова пробились сквозь далекий треск пламени. Оливер слушал и вспоминал. Он улавливал рисунок симфонии, какой запомнил ее, — звуки, мгновенная смена лиц, вереницы умирающих...

Он лежал на кровати, закрыв глаза, а комната кружилась, проваливалась куда-то во тьму под раскаленными веками. Боль завладела всем его существом, она превратилась в его второе «я», могучее, настоящее «я» и по-хозяйски располагалась на отвоеванных позициях.

И зачем, тупо подумал он, Клеф понадобилось его обманывать. Она говорила, что напиток не оставляет последствий. Не оставляет... Откуда же тогда это му-

чительное наваждение, такое сильное, что оно вытеснило его из самого себя?

Нет. Клеф не обманывала. Напиток был ни при чем. Он понял это, но телом и умом уже овладело безразличие. Он тихо лежал, отдавая себя во власть болезни — тяжкого похмелья, вызванного чем-то куда более могущественным, чем самый крепкий напиток. Болезни, для которой пока не было даже названия.

Новая симфония Сенбе имела огромный успех. Первое исполнение транслировалось из «Антарес-холла», и публика устроила овацию. Главным солистом, разумеется, была сама История; прелюдией — метеор, возвестивший начало великой чумы в XIV веке, финалом — кризис, который Сенбе удалось застать на пороге новейшего времени. Но никто, кроме Сенбе, не смог передать это с такой тонкостью — и могучей силой.

Критики отмечали гениальность в выборе лейтмотива для монтажа чувств, движений и звуков. Этим лейтмотивом было лицо короля из династии Стюартов. Но были и другие лица. Они появлялись и исчезали в рамках грандиозной композиции, подготавливая приближение чудовищной развязки. Одно лицо на миг приковало жадное внимание зрителей. Оно заполнило весь экран — лицо человека, ясное до мельчайших подробностей, до мельчайшей черточки. Критики единодушно признали, что Сенбе еще никогда не удавалось так удачно «схватить» агонию чувства. В этих глазах было все.

После того как Сенбе ушел, он долго лежал неподвижно. Мысль лихорадочно работала.

Нужно, чтобы люди как-то узнали. Если бы я узнал раньше, может, еще успели бы что-нибудь сделать. Мы бы заставили их рассказать, как изменить эти линии вероятности. Успели бы эвакуировать город.

Если бы мне удалось предупредить...

Пусть даже и не нынешнее поколение, а другие. Они путешествуют по всем временам. Если их где-нибудь и когда-нибудь удастся опознать, схватить и заставить изменить неизбежное...

Нелегко было подняться с постели. Комната качивалась, не переставая. Но он справился. Он на-

шел карандаш и бумагу и, отстранив дергающиеся тени, написал все, что мог. Вполне достаточно, чтобы предупредить. Вполне достаточно, чтобы спасти.

Он положил листки на стол, на видном месте, прижал их, чтобы не сдуло, и только после этого дотащился до кровати. Со всех сторон на него навалилась тьма.

Дом взорвали через шесть дней — одна из тщетных попыток помешать неумолимому наступлению Синей Смерти.

А КАК ЖЕ ЕЩЕ?

Когда приземлилось летающее блюдце, Мигель и Фернандес стреляли друг в друга через поляну, не проявляя особой меткости. Они потратили несколько зарядов на странный летательный аппарат. Пилот вылез и направился по склону к Мигелю, который под ненадежным прикрытием кактуса, проклиная все на свете, старался поскорее перезарядить ружье. Он никогда не был хорошим стрелком, а приближение незнакомца совсем его доконало. Не выдержав, он в последний момент отбросил ружье, схватил мачете и выскочил из-за кактуса.

— Умри же, — сказал он и замахнулся. Сталь блеснула в ярких лучах мексиканского солнца. Нож отскочил от шеи незнакомца и взлетел высоко в воздух, а руку Мигеля как будто пронзило электрическим током. По-осиному свистнула пуля, посланная с другого конца поляны. Он ничком упал на землю и откатился за большой камень. Тоненько пискнула вторая пуля, и на левом плече незнакомца вспыхнул голубой огонек.

— *Estoy perdido**, — пробормотал Мигель. Он уже считал себя погибшим. Прижавшись всем телом к земле, он поднял голову и зарычал на врага.

Но незнакомец не проявлял никакой враждебности. Больше того, он даже не был вооружен. Мигель зорким глазом осматривал его. Странно он одет. На голове — шапка из блестящих голубых перышек. Под ней — лицо аскета, суровое, неумолимое. Он худ и высок — футов, наверное, семь. Но никакого оружия не видно. Это придало Мигелю храбрости. Ин-

* Я пропал. — *Здесь и далее исп.*

интересно, куда упало мачете? Впрочем, ружье валялось поблизости.

Незнакомец подошел к Мигелю.

— Вставай, — сказал он, — давай поговорим.

Он прекрасно говорил по-испански, только голос его раздавался как будто у Мигеля в голове.

— Я не встану, — заявил Мигель. — А то Фернандес меня убьет. Стрелок-то он никудышный, но я не такой дурак, чтобы рисковать. И потом, это нечестно. Сколько он вам заплатил?

Незнакомец строго посмотрел на Мигеля.

— Вы знаете, откуда я? — спросил он.

— А мне наплевать, откуда вы, — проворчал Мигель, стирая пот со лба. Он покосился на соседнюю скалу, за которой у него был спрятан бурдюк с вином. — Не иначе как из los Estados Unidos* со всякими вашими летательными машинами. Уж будьте спокойны, достанется вам от правительства.

— Разве мексиканское правительство поощряет убийство?

— А наш спор никого не касается. Главное — решить, кто хозяин воды. Вот и приходится защищаться. Этот *sabón*** с той стороны все старается прикончить меня. Он и вас нанял для этого. Бог накажет вас обоих. — Тут его осенило. — А сколько вы возьмете за то, чтобы убить Фернандеса? — осведомился он. — Я могу дать три песо и козленка.

— Всякие распри должны быть прекращены, — сказал незнакомец. — Понятно?

— Тогда пойдите, скажите об этом Фернандесу, — сказал Мигель. — Втолкните ему, что права на воду еще мои. И пусть убирается подобру-поздорову.

Он устал глядеть на высокого незнакомца. Но стоило ему слегка повернуть затекшую шею, как в тот же миг пуля прорезала неподвижный раскаленный воздух и смачно шлепнулась в кактус.

Незнакомец пригладил перышки на голове.

* Соединенных Штатов.

** Грубое ругательство.

— Сначала я кончу разговор с вами, — сказал он. — Слушайте меня внимательно, Мигель.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — удивился Мигель, перекаtywаясь с живота на спину и осторожно усаживаясь за камнем. — Значит, я угадал: Фернандес вас нанял, чтобы меня убить.

— Я знаю, как вас зовут, потому что умею читать ваши мысли. Хотя они у вас весьма путанные.

— Собачий сын, — выругался Мигель.

У незнакомца слегка раздулись ноздри, но он оставил выпад без внимания.

— Я прибыл из другого мира, — сказал он, — меня зовут... — Мигелю показалось, что он сказал что-то вроде Кетзалкотл.

— Кетзалкотл? — иронически переспросил Мигель. — Ну, еще бы. А меня зовут Святой Петр, у которого ключи от неба.

Тонкое бледное лицо Кетзалкотла слегка покраснело, но он сдержался и продолжал спокойно:

— Послушайте, Мигель. Поглядите на мои губы. Они не двигаются. Мои слова раздаются у вас в голове под действием телепатии, вы сами переводите их на понятный вам язык. Мое имя оказалось слишком трудным для вас. Вы перевели его как Кетзалкотл, но меня зовут совсем по-другому.

— De veras*? — сказал Мигель. — Имя не ваше, и явились вы не с того света. Norteamericanos** никогда нельзя верить — клянитесь какими хотите святыми.

Кетзалкотл опять покраснел.

— Я пришел сюда для того, чтобы приказывать, — сказал он, — а не для того, чтобы препираться со всякими... Как вы думаете, Мигель, почему вы не смогли убить меня вашим мачете? Почему пули не причиняют мне вреда?

— А почему ваш летательный аппарат летает? — нашелся Мигель. Он достал кисет и стал скручивать сигарету. Потом выглянул из-за камня. — Фернандес

* Неужто?

** Североамериканцам.

может подкрасться ко мне незаметно. Лучше я возьму ружье.

— Оставьте его, — сказал Кетзалкотл. — Фернандес вас не тронет.

Мигель зло рассмеялся.

— И вы его не трогайте, — твердо добавил Кетзалкотл.

— Ага, значит, я вроде как подставляю другую щеку, а он сразу влепит мне пулю в лоб. Вот если он поднимет руки вверх да пойдет ко мне через поляну, я поверю, что он хочет покончить дело миром. Да и то близко его не подпущу, потому что за спиной у него может оказаться нож, сеньор Кетзалкотл.

Кетзалкотл снова пригладил перышки и нахмурился.

— Вы оба должны прекратить эту распрю, — сказал он. — Нам поручено следить за порядком во Вселенной и устанавливать мир на тех планетах, которые мы посещаем.

— Так я и думал, — с удовлетворением произнес Мигель. — Вы из los Estados Unidos. А что же вы в своей-то собственной стране не навели порядок? Я видел в las películas a los señores* Хэмфри Богарта и Эдварда Робинсона. Подумайте, в самом Новом Йорке гангстеры ведут перестрелку на небоскребах. А вы куда смотрите? Отплясываете в это время с la señora Бетти Гребль. Знаем мы вас! Сначала установите мир, а потом нашу нефть и драгоценные металлы захватите.

Кетзалкотл сердито отшвырнул камешек блестящим металлическим носком своего ботинка.

— Поймите же. — Он поглядел на незажженную сигарету, торчащую во рту у Мигеля. И вдруг поднял руку — раскаленный луч от кольца на его пальце воспламенил кончик сигареты. Мигель отпрянул, пораженный. Потом он сделал затяжку и кивнул. Раскаленный луч исчез.

— Muchas gracias, señor**, — сказал Мигель.

* В фильмах из жизни знати.

** Большое спасибо, сеньор.

Кетзалкотл усмехнулся бесцветными губами.

— Мигель, — сказал он, — как, по-вашему, может *porteamericano* сделать такое?

— *Quién sabe!* *

— Никто из живущих на Земле не может этого сделать, и вы это прекрасно знаете.

Мигель пожал плечами.

— Видите вон тот кактус? — спросил Кетзалкотл. — Я могу уничтожить его в одну секунду.

— Я вам верю, сеньор.

— Могу, если хотите знать, уничтожить всю вашу планету.

— Ну да, я слышал про атомную бомбу, — вежливо ответил Мигель. — Но чего же вы тогда беспокоитесь? Весь спор-то из-за какого-то несчастного колодца...

Мимо просвистела пуля.

Кетзалкотл сердито потер кольцо на своем пальце.

— Всякая борьба должна теперь прекратиться, — сказал он угрожающе. — А если она не прекратится, мы уничтожим Землю. Ничто не препятствует людям жить в мире и согласии.

— Есть одно препятствие, *señor*.

— Какое?

— Фернандес.

— Я уничтожу вас обоих, если вы не перестанете враждовать.

— *El señor* — великий миротворец, — почтительно заметил Мигель. — Я-то бы всей душой, только как мне тогда в живых остаться?

— Фернандес тоже прекратит борьбу.

Мигель снял свое видевшее виды сомбреро, нацепил на палку и осторожно приподнял ее над камнем. Раздался треск. Мигель подхватил сомбреро на лету.

— Ладно, — сказал он. — Раз сеньор настаивает, я стрелять не стану, но из-за камня не выйду. Рад бы вас послушаться, но ведь вы от меня требуете сами не знаете чего. Все равно что вы велели бы мне летать по воздуху, как ваша машина.

* Кто знает!

Кетзалкотл нахмурился еще больше. Наконец он сказал:

— Мигель, расскажите мне, с чего началась ваша вражда.

— Фернандес хотел убить меня и поработить мою семью.

— Зачем ему это было нужно?

— Потому что он плохой, — сказал Мигель.

— Откуда вы знаете, что он плохой?

— Потому, — логично заметил Мигель, — что он хотел убить меня и поработить мою семью.

Наступило молчание. Подскочил сорокопуд и клюнул блестящее дуло ружья Мигеля. Мигель вздохнул.

— У меня тут припрятан бурдючок вина... — начал он, но Кетзалкотл перебил его:

— Вы что-то говорили о праве пользования водой.

— Ну да, — сказал Мигель. — У нас бедная страна, señор... Вода здесь на вес золота. Засуха была, на две семьи воды не хватает. Колодец мой. Фернандес хочет убить меня и поработить мою семью.

— Разве в этой стране нет судов?

— Для нашего брата? — Мигель вежливо улыбнулся.

— А у Фернандеса есть семья? — спросил Кетзалкотл.

— Да, бедняги, — сказал Мигель. — Когда они плохо работают, он избивает их до полусмерти.

— А вы своих бьете?

— Только если они этого заслуживают. — Мигель был слегка сбит с толку. — Жена у меня очень толстая и ленивая. А старший сын Чико любит дерзить... Мой долг — колотить их для их же блага. И мой долг — защищать наши права на воду, раз злодей Фернандес решил убить меня и...

— Мы только зря теряем время, — нетерпеливо перебил его Кетзалкотл. — Дайте-ка мне подумать.

Он снова потерял кольцо и огляделся вокруг. Сорокопуд нашел добычу повкуснее ружейного дула. Он удалялся с ящерицей в клюве.

Солнце ярко светило в безоблачном небе. В воздухе стоял сухой запах мескита. Безукоризненная фор-

ма и ослепительный блеск летающего блюда были неуместны в зеленой долине.

— Подождите здесь, — произнес наконец Кетзалкотл. — Я пойду поговорю с Фернандесом. Когда я позову, приходите к моему летательному аппарату. Мы с Фернандесом будем ждать вас там.

— Как скажете, señor, — согласился Мигель, глядя в сторону.

— И не трогайте ружье, — добавил Кетзалкотл строго.

— Конечно, нет, señor, — сказал Мигель. Он подождал, пока высокий незнакомец ушел. Тогда он осторожно пополз по иссушенной земле к своему ружью. Поискав, нашел и мачете. Только после этого Мигель припал к бурдюку — ему очень хотелось пить, но пьяницей он не был, вовсе нет. Он зарядил ружье, прислонился к скале и в ожидании прикладывался время от времени к бурдюку.

Тем временем незнакомец, не обращая внимания на пули, со вспышками отскакивающие от его стального панциря, приближался к укрытию Фернандеса. Звуки выстрелов прекратились. Прошло довольно много времени, но вот высокая фигура появилась снова и поманила к себе Мигеля.

— *La voy, señor**, — ответил Мигель. Он положил ружье на скалу и осторожно выглянул, готовый тотчас же спрятаться при малейшем признаке опасности. Но все было спокойно.

Фернандес появился рядом с незнакомцем. Мигель молниеносно нагнулся и схватил ружье, чтобы выстрелить с лета.

В воздухе что-то зашипело. Ружье обожгло Мигелю руки. Он вскрикнул и уронил его, и в тот же миг в мозгу у него произошло полное затмение.

«Я умираю с честью», — подумал он и потерял сознание.

...Когда он очнулся, он стоял в тени большого летающего блюда. Кетзалкотл отвел руку от неподвижного лица Мигеля. Солнце сверкало на его кольце. Мигель ошалело pokrutil головой.

* Иду, сеньор.

— Я жив? — спросил он.

Но Кетзалкотл не ответил. Он повернулся к Фернандесу, который стоял позади него, и провел рукой перед его застывшим лицом. Свет от кольца Кетзалкотла блеснул в остановившихся глазах Фернандеса. Фернандес помотал головой и что-то пробормотал. Мигель искал глазами ружье и мачете, но они исчезли. Он сунул руку под рубашку, но любимого ножа там тоже не оказалось.

Он встретился глазами с Фернандесом.

— Погибли мы, дон Фернандес, — сказал он. — Этот сеñор Кетзалкотл нас обоих убьет. Мне, между прочим, жаль, что мы больше не увидимся, — ведь ты попадешь в ад, а я в рай.

— Ошибаешься, — ответил Фернандес, тщетно пытаюсь найти свой нож. — Не видать тебе неба. А этого *porteamericano* зовут вовсе не Кетзалкотл, для своих поганных целей он назвался Кортесом.

— Да ты и самому черту соврешь — недорого возьмешь, — съязвил Мигель.

— Прекратите, вы, оба, — резко сказал Кетзалкотл-Кортес. — Вы уже видели, на что я способен. А теперь послушайте. Мы взяли на себя заботу о том, чтобы во всей Солнечной системе царил мир. Мы — передовая планета. Мы достигли многого, что вам и не снилось. Мы разрешили проблемы, на которые вы не находите ответа и теперь наш долг — заботиться о всеобщем благосостоянии и благополучии. Если хотите остаться в живых, вы должны немедленно и навсегда прекратить распри и жить в мире, как братья. Вы меня поняли?

— Я всегда этого хотел, — возмущенно ответил Фернандес, — но этот мерзавец собрался меня убить.

— Больше никто никого не будет убивать, — сказал Кетзалкотл. — Вы будете жить, как братья, или умрете.

Мигель и Фернандес поглядели друг на друга, потом на Кетзалкотла.

— Сеñор — великий миротворец, — пробормотал Мигель. — Я же говорил. Ясное дело, ничего нет лучше, чем жить в мире. Но для нас, сеñор, все это не

так-то просто. Жить в мире — это здорово! Только научите нас, как.

— Просто прекратите драку, — нетерпеливо сказал Кетзалкотл.

— Вам легко говорить, — заметил Фернандес. — Но жить в Соноре — нелегкая штука. Наверное, там, откуда вы явились...

— Ясное дело, — вмешался Мигель, — в los Estados Unidos все богатые.

— ...а у нас сложнее. Может, в вашей стране, señor, змеи не едят мышей, а птицы — змей. У вас, наверное, есть пища и вода для всех и человеку не надо драться, чтобы семья его выжила. У нас-то все не так просто.

Мигель кивнул.

— Мы тоже когда-нибудь станем братьями. И жить стараемся по Божьим заветам, хоть это и нелегко, и тоже хотим быть хорошими. Только...

— Нельзя решать жизненные вопросы силой, — непререкаемо заявил Кетзалкотл. — Насилие — это зло. Помириться немедленно.

— А то вы нас уничтожите, — сказал Мигель. Он опять пожал плечами и взглянул на Фернандеса. — Ладно, señor. Доказательства у вас веские, против них уже не поспоришь. Al fin*, я согласен. Так что же нам делать?

Кетзалкотл повернулся к Фернандесу.

— Я тоже, сеньор, — со вздохом сказал тот. — Вы, конечно, правы. Пусть будет мир.

— Пожмите друг другу руки. — Кетзалкотл просял. — Поклянитесь в вечной дружбе.

Мигель протянул руку. Фернандес крепко пожал ее. Они переглянулись с улыбкой.

— Видите, — сказал Кетзалкотл одобрительно. — Это совсем не трудно. Теперь вы друзья. Оставайтесь друзьями.

Он повернулся и пошел к своему летающему блюду. В гладком корпусе плавно открылась дверь. Кетзалкотл обернулся.

— Помните, я буду наблюдать за вами.

* Здесь: покончим на этом.

— Еще бы, — откликнулся Фернандес. — Adiós, señor*.

— Vaya con Dios**, — добавил Мигель.

Дверь закрылась за Кетзалкотлом, как будто ее и не было; летающее блюдо плавно поднялось в воздух и мгновенно спустя исчезло, блеснув как молния.

— Так я и думал, — сказал Мигель, — полетел в направлении los Estados Unidos.

Фернандес пожал плечами.

— Ведь был момент, когда я думал, что он скажет что-нибудь толковое. Он прямо напичкан всякой мудростью — это уж точно. Да, нелегкая штука жизнь.

— О, ему-то легко, — сказал Мигель. — Он не живет в Соноре. А мы живем. Моей семье еще повезло, у нас есть колодец. А тем, у кого нет, приходится тяжело.

— Жалкий колодец, — сказал Фернандес. — Но, как он ни плох, он мой.

Разговаривая, он скручивал сигареты. Одну отдал Мигелю, другую закурил сам. Молча покурили и молча разошлись.

Мигель вернулся на холм к своему бурдюку. Он отпил большой глоток, крякнул от удовольствия и огляделся вокруг. Его нож, мачете и ружье были разбросаны по земле неподалеку. Он подобрал их и проверил, заряжено ли ружье.

Потом осторожно выглянул из своего укрытия. Пуля врезалась в камень у самого его лица. Он тоже выстрелил.

После этого наступило молчание. Мигель отпил еще глоток вина. Взгляд его упал на сорокопута: из клюва птицы торчал хвостик ящерицы. Возможно, тот самый сорокопут доедал ту же ящерицу.

Мигель тихонько окликнул его:

— Señor Птица! Нехорошо уничтожать ящериц. Очень нехорошо.

Сорокопут поглядел на него бисерным глазом и запрыгал прочь. Мигель поднял ружье.

* Прощайте, сеньор

** С Богом.

— Перестаньте есть ящериц, señor Птица, или я убью вас.

Сорокопут бежал через линию прицела.

— Неужели вам непонятно? — ласково спросил Мигель. — Это же так просто.

Сорокопут остановился. Хвост ящерицы окончательно скрылся в его клюве.

— Вот то-то и оно, — сказал Мигель. — Как бы мне узнать, может ли сорокопут не есть ящериц и остаться в живых? Если узнаю — сообщу вам, amigo*. А пока идите с миром.

Он повернулся и снова направил ружье на ту сторону поляны.

* Друг.

ГЕНРИ КАТТНЕР — ОБОРОТЕНЬ ОТ ФАНТАСТИКИ

Если Вы, уважаемый читатель, дочитали до этого места, то, Вы, по-видимому ознакомились с творчеством (точнее, малой его частью) одного из самых известных, самых читаемых и самых загадочных американских фантастов, причисляемого к классикам научной фантастики.

Высказанные выше утверждения будут более подробно разобраны далее, но на термине «загадочный» хотелось бы остановиться сразу. «Загадочность» Генри Каттнера выражается прежде всего в том, что трудно установить, что он писал и чего он не писал. Во-первых, из-за многочисленности использованных им псевдонимов, многое из того, что подписано Г.Каттнер написано вовсе не одним Каттнером, а иногда и «почти» не Каттнером. Один пример. Рассказ «Лучшее время года», включенный во многие сборники рассказов Каттнера, был подписан одним из его псевдонимов, включен также в вышедший в 1975 году сборник «Лучшее из К. Мур», составленный при ее личном участии, а уж она-то, наверно, знала, что ее, и что не ее...

Начнем с биографии писателя. Генри Каттнер родился в 1914 году в Лос-Анжелесе. Он рано потерял отца, но мать, переехав в Сан-Франциско, сумела все же дать Генри образование, а также его двум братьям. Вообще сведения о юношеских годах Каттнера очень скудны. Будучи веселым, общительным и темпераментным человеком, он не любил рассказывать о начальном периоде своей жизни. Известно, что среди его предков были немцы, англичане, ирландцы и поляки. Возможно, нелюбовь к воспоминаниям о юноше-

стве связана с тем, что ему пришлось прервать свое образование в 1929 году из-за «великой депрессии» в США, и начать работать в литературном агентстве. Там он познакомился со знаменитым фантастом Г.Лавкрафтом. Под влиянием Лавкрафта Каттнер начал писать фантастические рассказы в жанре «ужасов», первый из которых «Кладбищенские крысы» был опубликован в журнале «Странные истории» в марте 1936 года. По совету же Лавкрафта Каттнер вступил, не подозревая, что это женщина, в переписку с «писателем» К.Мур, публиковавшемся в том же журнале с 1933 года. Дело в том, что в те годы фантастика считалась «мужским делом» и К.Мур намеренно не расшифровывала своих инициалов. Каттнер адресовал свои письма «мистеру К.Муру», но дело вскоре выяснилось, они познакомились и примерно с 1937 года стали работать вместе, а 7 июня 1940 года оформили свой брак в Нью-Йорке, куда, к этому времени переселились. Надо сказать, что многие выражали сомнение в истинности истории их знакомства. Вопрос решил простейшим образом известный французский исследователь фантастики Жорж Садуль — он написал самой К.Мур. Она подтвердила истинность события.

Так или иначе, но с 1937 года и, особенно, с 1940 года, разделять творчество Каттнера и Мур стало чрезвычайно сложно. Он сам писал: «Почти невозможно теперь сказать кто из нас писал какую часть каждого отдельного произведения». По-видимому включение рассказа «Лучшее время года» К.Мур в «свой» сборник объясняется тем, что здесь ее перу принадлежит большая часть. Так или иначе, большинство произведений Каттнера и Мур — результат их совместной работы, и литературные критики и историки фантастики часто рассматривают их как «единого» писателя Каттнер/Мур (как братьев Гонкур или Ильфа и Петрова).

Сотрудничество Каттнера и Мур продолжалось до самой кончины Каттнера от сердечного приступа 4 февраля 1958 года.

Внезапная смерть Каттнера оказала ошеломляющее действие. Его друг Айзек Азимов, увидев некролог в «Нью-Йорк Таймс» сначала решил, что это какая-то ошибка. Что касается К.Мур, то после смерти мужа

она совершенно оставила научную фантастику, занялась преподаванием и работала сценаристом на телевидении. Из этого не следует, однако, делать вывод о ее роли в совместной работе, поскольку ее ранние «до-Каттнеровские» произведения, в том числе знаменитый рассказ «Шамбио» свидетельствуют о ее собственном незаурядном таланте. К.Мур скончалась в 1985 году.

Возвращаясь к совместной жизни Каттнера и Мур следует еще упомянуть, что ощутив недостаток своего образования, супруги поступили в Южно-Калифорнийский Университет и окончили его, Каттнер в 1954 году, Мур в 1957 году.

Переходя к рассмотрению творчества Каттнера, сразу нужно сказать об ограниченной возможности, предоставляемой кратким очерком. За подписью Каттнера и его псевдонимами опубликовано более 20 книг и сотни новелл и коротких рассказов. При этом только после начала работы с Мур, они использовали, по собственному свидетельству Каттнера, 17 псевдонимов. Перечислять их не имеет смысла — наиболее известные Льюис Педжетт — взят в честь Льюиса Кэррола, которого Каттнер очень ценил; Лоуренс О'Доннелл, Кейт Хэммонд — указаны только те, под которыми выходили отдельные книги. Большое количество псевдонимов было необходимо еще и потому, что Каттнер нередко публиковал несколько рассказов в одном и том же номере журнала, и редакторы считали неудобным показывать, что большая часть страниц заполнена одним и тем же автором. Многочисленность псевдонимов сыграла с Каттнером дурную шутку — ему приходилось конкурировать у читателей с самим собой. Обилие псевдонимов Каттнера настолько путало читателей и критиков, что когда в 1945 году начал печататься молодой начинающий писатель Джек Вэнс, многие сочли, что это опять тот же Каттнер под новым псевдонимом.

Рассказ «Когда Земля была живой» в журнале «Потрясающе удивительные истории» в октябре 1937 года был первой «чисто» научно-фантастической публикацией Каттнера. Рассказ имел успех, он перепечатывался, а потом был включен в антологию. После этого первого опыта Каттнер начал «выпускать» один за другим научно-фантастические рассказы, но

как он сам заметил, «они имели отдаленную связь с какими-либо научными фактами».

В это же время в 1937 году в журнале «Странные истории» появилась первая написанная совместно с К.Мур чисто фантастическая вещь «Поход за солнечным камнем», обозначавшая начало их более чем двадцатилетнего сотрудничества.

Каттнер сотрудничал не только с К.Мур. Начав в 1938 году серию «Голливуд на луне» о приключениях режиссера Тони Квада, первый рассказ которой под тем же названием появился в том же журнале «Потрясающе удивительные истории» в апреле 1938 года, он подключил к двум рассказам серии (всего их семь) Артура К.Барнса, используя его героев из серии о Джери Карлайль — «межпланетарной охотнице», руководительнице зооэкспедиции, отлавливающей экзотических зверей, обитающих на других планетах для земных зоопарков.

Каттнер продолжал работать и в других «разделах» фантастической литературы — в традициях «меча и волшебства» весьма популярных после выхода за несколько лет до этого серии романов Р.Говарда о Конане. Каттнер избрал местом действия Атлантиду и в серии рассказов об Элаке, опубликованных в «Странных историях» с 1938 по 1941 год, показал себя мастером и этого жанра.

Он вернулся к сотрудничеству с Артуром Барнсом и стал разрабатывать тему путешествий во времени. Под псевдонимом «Кельвин Кент» они опубликовали в «Потрясающе удивительных историях» серию рассказов о Петере Манксе, переносившемся в древний Рим, в древнюю Грецию, в древнюю Аравию, где он попадал во всяческие «передраги».

В журнале «Эстоундинг», редактором которого был Дж.Кэмпбелл, за период с 1942 по 1947 год Каттнер опубликовал более трех десятков произведений, в том числе рассказы «Порочный круг» 1942, «Шок» 1943, «Временной Сейф» 1943 — первый по времени действия из пяти рассказов об изобретателе Галлахаре, серия рассказов о «Лысых», впоследствии объединенных в 1953 году и многократно переиздававшимся, «Когда сломался лук» 1944, с совершенно необычной трактовкой «парадокса времени», соединенной с описанием эмоций родителей «сверх-гения».

Перечисление всех этих, получивших широкую известность рассказов заняло бы слишком много места. Отметим еще только рассказ «Столкновение в ночи», 1943 о переселении человечества на Венеру после атомной войны, уничтожившей жизнь на Земле. Из этого рассказа вышел роман «Ярость», опубликованный также в журнале «Эстоундинг».

Особо нужно отметить рассказ «И хрюкотали зелюки», февраль 1943, считающийся многими читателями и критиками самым лучшим произведением Каттнера и Мур. Заглавие рассказа — строка из стихотворения Льюиса Кэррола «Бармаглот». Рассказ «И хрюкотали зелюки» был в 1947 году включен в десять лучших научно-фантастических рассказов за всю предшествовавшую историю этого вида литературы, разделив 6-7 место с Хайнлайновскими «Детьми Мафусаила». В дальнейшем, более чем через 20 лет в 1970 году на съезде Американской ассоциации научных фантастов этот же рассказ был снова включен в список лучших научно-фантастических произведений. Он разделил 7-10 место (опять вместе с Хайнлайном, но теперь уже рассказом «Дороги должны катиться»), причем нужно отметить, что из 10 рассказов, занявших первые места только два — «Приход ночи» Азимова и «Марсианская Одиссея» Вайнбаума — написаны раньше рассказов Каттнера. Выбранные таким образом произведения вошли в первый том антологии «Зал славы научной фантастики».

После 1945 года Каттнер частично переключился на сочинение коротких романов, публиковавшихся в журнале «Потрясающие истории», всего было написано 10 романов. В эту серию, в частности, входит и роман «Мир тьмы», появившийся в «летнем» номере 1946 года.

В то же время была написана еще одна весьма популярная и часто упоминаемая серия о Хогбенах — семьи мутантов, живущих более или менее среди людей. Эта фатастико-юмористическая серия состоит из четырех рассказов — более известны первые два «Профессор накрылся» (1947) и «Котел с неприятностями» (1948). Последний из этих рассказов по некоторым данным написан одной Мур. После 1950 года в связи с началом учебы в Университете Каттнер и Мур публиковали меньше. Уже после кончины Кат-

тнера была издана их последняя книга «Последняя цитадель Земли» (1964).

Переходя к общей оценке творчества Каттнера, можно сказать, что он оказал большое влияние на фантастическую литературу. Его учеником в определенной мере признает себя, в частности, Рей Бредбери. Бредбери написал предисловие к сборнику «Лучшее из Генри Каттнера» (1957).

Читатели всегда любили Каттнера в его многочисленных ипостасях, и он пользовался большой популярностью.

Каттнер умер, когда практически еще не существовало литературных премий в области фантастики — они появились только к концу его жизни, когда он почти не писал, и, потому ни одной премии он не получил. Однако, еще в 1966 году он, в опросе, проведенном журналом «Аналог» (бывший «Эстоундинг») занял место в списке лучших фантастов. Даже такой строгий критик, как Ф.Раттенсгейнер в своей «Книге о научной фантастике» (1957), изданной в Нью-Йорке, писал «Генри Каттнер — один из самых многогранных авторов 40-х годов...» И, действительно, в «Энциклопедии научной фантастики» Николса рассказы Каттнера упоминаются в статьях на 29 тем, тут и параллельные миры, и путешествия во времени, и экономика будущего, и «летающие блюдца», и многое другое. Не считая еще того, что Каттнер писал и детективные романы, не говоря уже о сказочно-фантастических рассказах и «рассказах ужасов».

Генри Каттнера можно смело поставить в одном ряду с такими «звездами» научной фантастики, как Хайнлайн, Азимов, Кларк, или Ван-Вогт, писавших примерно в одно время с ним. Он прожил всего 43 года, писал только 20 лет (а фактически еще меньше, учитывая последние годы, занятые учебой), количество и качество им написанного удивляет. Этот интереснейший писатель несомненно заслуживает особого внимания.

В. Кан

СОДЕРЖАНИЕ

Мир тьмы (роман) Пер. М. Гилинского	7
Ярость (роман) Пер. А. Нового	117
Рассказы:	
Жилищный вопрос. Пер. Т. Ивановой	335
Авессалом. Пер. Н. Евдокимовой	354
Профессор накрылся. Пер. Н. Евдокимовой	372
День не в счет. Пер. Н. Евдокимовой	389
Котел с неприятностями. Пер. Н. Евдокимовой	405
Механическое эго. Пер. И. Гуровой	423
Железный стандарт. Пер. С. Васильевой	479
Двурукая машина. Пер. А. Тимофеева	504
Шок. Пер. А. Тетеревниковой	536
Работа по способностям. Пер. Э. Березиной	558
Робот-зазнайка. Пер. Н. Евдокимовой	576
Маскировка. Пер. Н. Евдокимовой	619
Лучшее время года. Пер. В. Скороденко	661
А как же еще? Пер. Т. Ивановой	718
В. Кан. Генри Каттнер — оборотень от фантастики . .	729

Литературно – художественное издание

Генри Каттнер

ЯРОСТЬ

Зав. редакцией *Александр Кононов*

Отв. редактор *Г. Белов*

Редакторы: *Н. Сытников, О. Жакова, А. Александров*

Оформление *Павел Борозенец*

Макет *Сергей Арефьев*

Верстка *Антонина Помазова*

Корректор *Нина Богачева*

Техническое обеспечение *Сергей Недоводин*

Контрактное обеспечение *Максим Крютченко*

Директор издательства *Николай Буций*

Художественный редактор *Вадим Пожидаев*

Главный редактор *Вадим Назаров*

Сдано в набор 10.02.92. Подписано к печати 19.03.92.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура школьная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 38,64. Тираж 100 000 экз.

Изд. № 32. Заказ 1737.

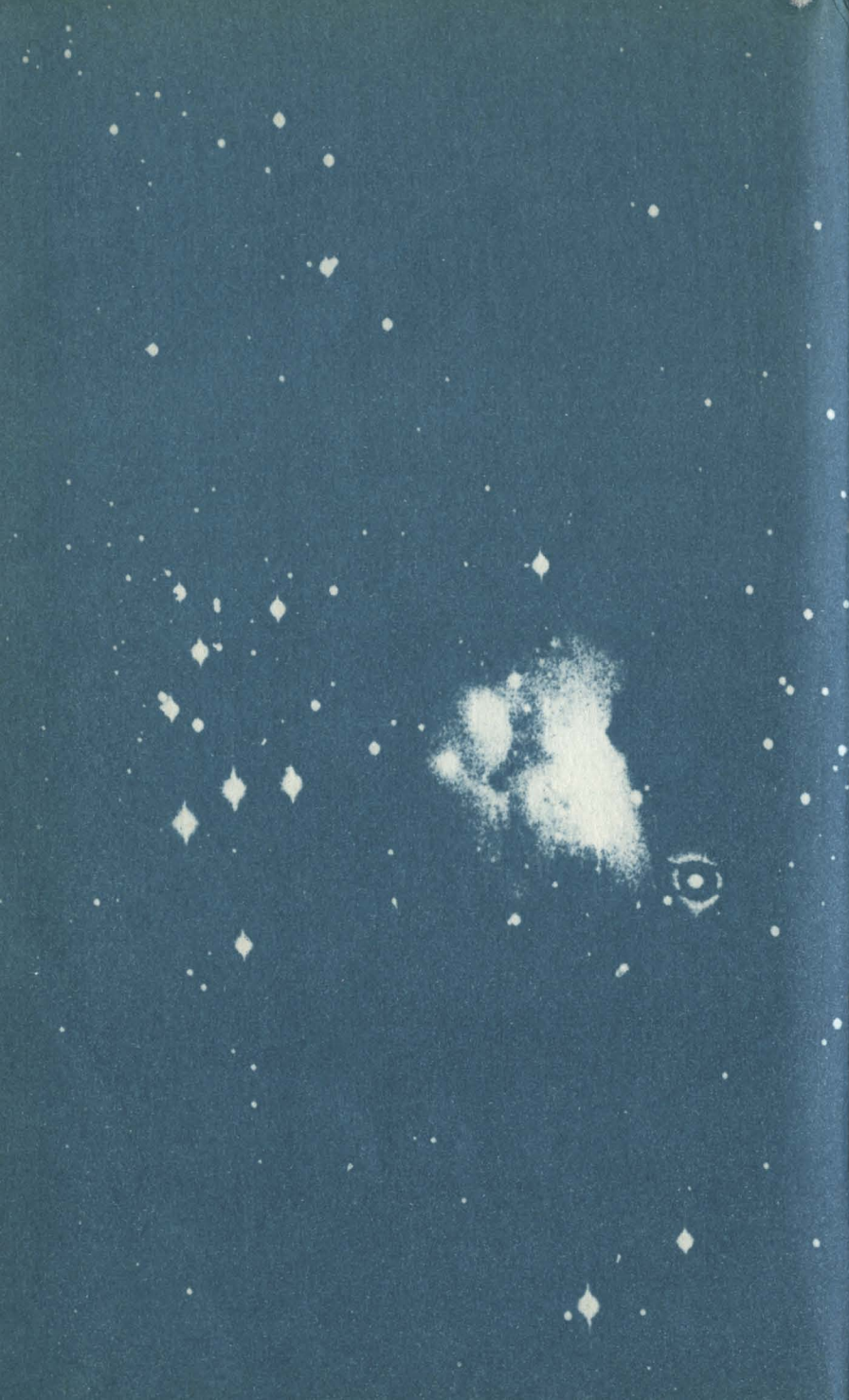
Информационно – издательский комплекс «Северо – Запад»

Издательство «Северо – Запад», 191187, Санкт – Петербург,

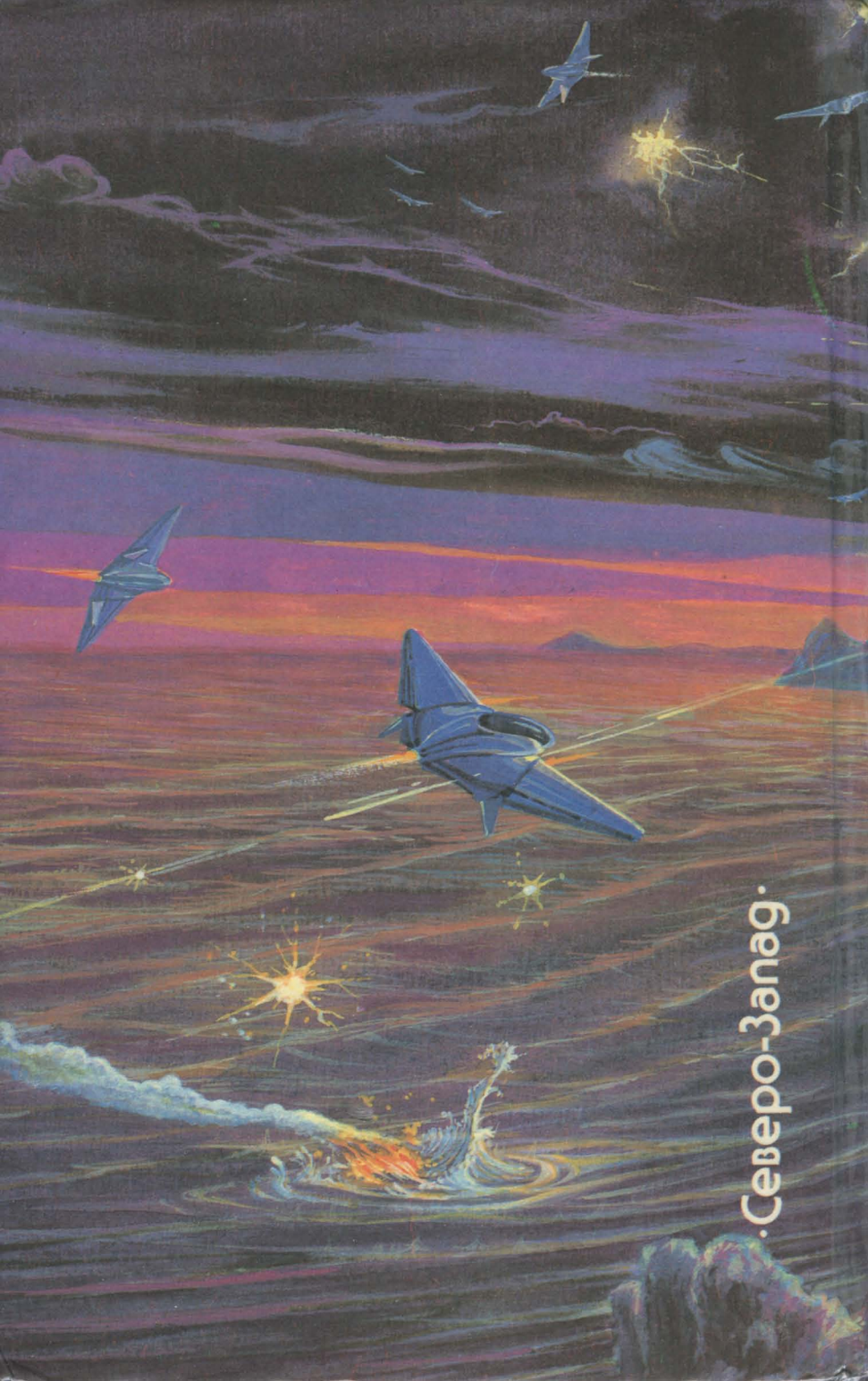
ул. Шпалерная, д. 18.

«Печатный Двор», 197110, Санкт-Петербург, П-110,

Чкаловский пр., 15.

•Севро-Занг•